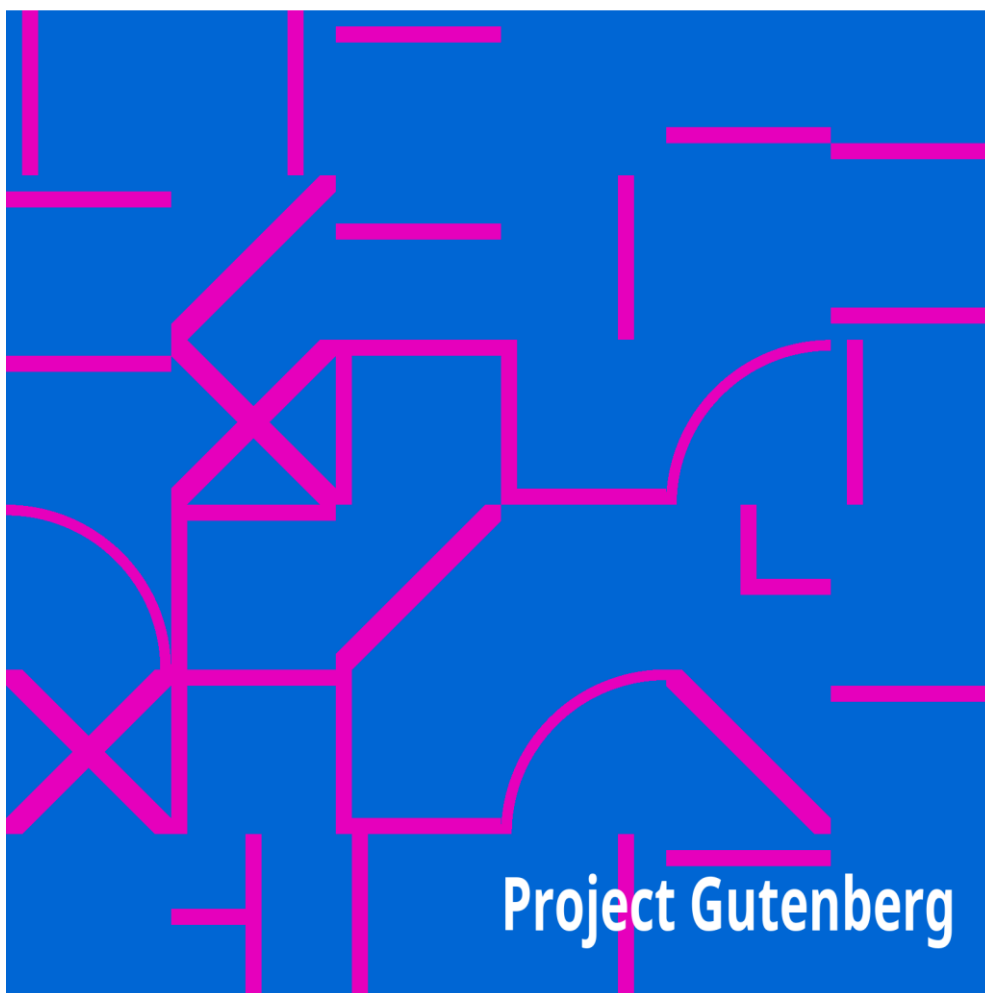

Французская революция - Том 3

Ипполит Тэн

The French Revolution - Volume 3

Hippolyte Taine

Электронная книга проекта "Проект Гутенберг" "Французская революция - том 3".

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Французская революция - Том 3

Автор: Ипполит Тэн

Аннотация: Свенд Ром

Переводчик: Джон Дюран

Дата выхода: 22 июня 2008 [eBook #2580]

Последнее обновление: 10 января 2013 г.

Язык: Английский

Кредиты: Продюсеры: Свенд Ром и Дэвид Видгер

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK THE FRENCH REVOLUTION - VOLUME 3 ***

ИСТОКИ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ, ТОМ 4 ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ, ТОМ 3.

Ипполит А. Тэн

Примечание переводчика: Нумерация томов, книг, глав и разделов соответствует нумерации во французском языке.

и разделов соответствует французскому, а не американскому изданию.

Примечания транскриптора инициализированы SR.

Свенд Ром, апрель 2000 г.

Примечание HTML-продюсера: Нумерация сносок была изменена на в качестве префикса к оригинальному номеру сноски добавлены номера книги и

номера глав. Добавлено оглавление с активными ссылками.

Дэвид Уиджер, июнь 2008 г.

Обратите внимание, что все ссылки на предыдущие тома "Origines of Contemporary France" относятся к американскому изданию. Поскольку в издании Гутенберга нет фиксированной нумерации страниц, так как в издании Гутенберга нет фиксированных номеров страниц, эти номера страниц являются лишь приблизительными. (SR).

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.

КНИГА ПЕРВАЯ. СОЗДАНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

ГЛАВА I. ПРАВИТЕЛЬСТВО ЯКОБИНА

- I. Деспотическое вероучение и инстинкты якобинцев.
- II. Якобинская диссимуляция.
- III. Первичные собрания
- IV. Делегаты достигают Парижа
- V. Праздник 10 августа
- VI. Гора.
- VII. Масштабы и манифест департаментского восстания
- VIII. Причины террора.
- IX. Разрушение мятежных городов
- X. Уничтожение партии жирондистов
- XI. Учреждения революционного правительства

КНИГА ВТОРАЯ. ПРОГРАММА ЯКОБИНЦЕВ.

ГЛАВА I. ПАРТИЯ ЯКОБИНЦЕВ

- I. Доктрина.
- II. Коммунистическое государство.
- III. Цель государства - возрождение человека.
- IV. Два искажения естественного человека.
- V. Равенство и неравенство.
- VI. Условия, необходимые для становления гражданина.
- VII. Социалистические проекты.
- VIII. Индоктринация ума и интеллекта.

ГЛАВА II. РЕАКЦИОННАЯ КОНЦЕПЦИЯ ГОСУДАРСТВА.

- I. Реакционная концепция государства.
- II. Измененные умы.
- III. Происхождение и природа современного государства.
- IV. Государство подвергается искушению вторжения.
- V. Прямой общий интерес.
- VI. Косвенный общий интерес.
- VII. Изготовление социальных инструментов.
- VIII. Сравнение деспотий.

КНИГА ТРЕТЬЯ. ЛЮДИ У ВЛАСТИ.

ГЛАВА I. ПСИХОЛОГИЯ ВОЖДЕЙ ЯКОБИНЦЕВ.

- I. Марат.
- II. Дантон.
- III. Робеспьер.

ГЛАВА II. ПРАВИТЕЛИ СТРАНЫ.

- I. Конвент.
- II. Его участие в преступлении.
- III. Комитет общественной безопасности.
- IV. Государственные деятели.
- V. Официальные якобинские органы.
- VI. Комиссары революции.
- VII. Жестокие инстинкты.
- IX. Порок.

ГЛАВА III. ПРАВИТЕЛИ. (продолжение).

- I. Администрация центрального правительства.
- II. Подчиненные якобинцы.
- III. Революционный комитет.
- IV. Провинциальная администрация.
- V. Якобинцы, отправленные в провинции.
- VI. Качество сформированных таким образом кадров.
- VII. Вооруженные силы.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ. УПРАВЛЕНЦЫ.

ГЛАВА I. УГНЕТЕННЫЕ.

- I. Революционное разрушение.
- II. Значение знати в обществе.
- III. Три класса нотаблей.
- IV. Духовенство.
- V. Буржуазия.
- VI. Демиурги.
- VII. Принцип социалистического равенства.
- VIII. Строгость по отношению к высшим классам.
- IX. Якобинский гражданин-робот.
- X. Губернаторы и управляемые.

ГЛАВА II. ПРОДОВОЛЬСТВИЕ И ПРОВИЗИЯ.

- I. Экономическая сложность продовольственной цепочки.
- II. Условия в 1793 году. Урок рыночной экономики.
- III. Приватизация.
- IV. Голод.
- V. Революционные средства.
- VI. Расслабление.
- VII. Несчастье в Париже.

КНИГА ПЯТАЯ. КОНЕЦ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

ГЛАВА I. КОНВЕНТ.

- I. Конвенция.
- II. Переизбрание двух третей.
- III. Директория регицидов.
- IV. Общественное мнение.
- VI. Справочник.

- VII. Принуждение к чистому якобинству.
 - VIII. Пропаганда и иностранные завоевания.
 - IX. Национальное отвращение.
 - X. Контраст между гражданской и военной Францией.
-

ПРЕДИСЛОВИЕ.

"В Египте, - пишет Климент [Александрийский](#)¹¹⁰¹, - святилища храмов затенены занавесами из золотой ткани. Но когда вы углубляетесь внутрь в поисках статуи, жрец с серьезным видом, выйдя вам навстречу и распевая гимн на египетском языке, слегка приподнимает завесу, чтобы показать вам бога. И что же вы видите? Крокодила, или какую-нибудь местную змею, или другое опасное животное - египетский бог представляет собой зверя, распластанного на пурпурном ковре".

Нам не нужно посещать Египет или уходить далеко в историю, чтобы встретить поклонение крокодилам, так как это можно легко обнаружить во Франции в конце прошлого века. К сожалению, сто лет - слишком большой промежуток времени, слишком далекий, чтобы вообразить прошлое. В настоящее время, стоя на месте и глядя на горизонт позади себя, мы видим лишь формы, которые приукрашивает атмосфера, мерцающие контуры, которые каждый зритель может интерпретировать по-своему; ни одной четкой, одушевленной фигуры, лишь масса движущихся точек, образующихся и растворяющихся среди живописной архитектуры. Мне захотелось поближе рассмотреть эти неясные точки, и, соответственно, я перенесся в последнюю половину восемнадцатого века. Я прожил с ними уже двенадцать лет и, подобно Клименту Александрийскому, исследовал сначала храм, а затем бога. Беглого взгляда на них недостаточно; необходимо было также понять теологию, на которой основан этот культ. Эта теология, объясняемая, как и большинство других, весьма утонченной теологией, состоит из догм, называемых принципами 1789 года; они были провозглашены именно в этот день, будучи ранее сформулированы Жан-Жаком Руссо:

- * Хорошо известный суверенитет народа.
- * Права человека.
- * Общественный договор.

После их принятия практические результаты проявились сами собой. За три года эти догмы установили крокодила на пурпурном ковре внутри святилища за золотой завесой. Он был выбран для этого места благодаря энергии своих челюстей и вместительности желудка; он

стал богом благодаря своим качествам разрушительной скотины и пожирателя людей. Понимая это, обряды, посвящающие его, и пышность, окружающая его, не должны вызывать у нас дальнейшего беспокойства. Мы можем наблюдать за ним, как за любым обычным животным, и изучать его различные позы, когда он поджидает свою добычу, набрасывается на нее, разрывает ее на куски, глотает и переваривает. Я изучал детали его строения, игру его органов, его привычки, его образ жизни, его инстинкты, его способности и его аппетиты - образцов было множество. Я обработал тысячи из них и препарировал сотни всех видов и разновидностей, всегда сохраняя самые ценные и характерные экземпляры, но из-за нехватки места был вынужден расстаться со многими из них, поскольку мои коллекции были слишком велики. Те, что я смог привезти с собой, вы найдете здесь, и, среди прочего, около двадцати особей различных размеров, которые - трудная задача - я сохранил живыми с большими усилиями. Во всяком случае, они целы и совершенны, особенно три самых крупных. Они кажутся мне действительно замечательными в своем роде и теми, в которых вполне могло бы воплотиться божество того времени. - Подлинные и довольно хорошо сохранившиеся поваренные книги сообщают нам о стоимости культа: Мы можем примерно подсчитать, сколько священные крокодилы потребляли за десять лет; мы знаем их ежедневный рацион, их любимые блюда. Естественно, бог выбирал самые жирные жертвы, но его прожорливость была столь велика, что он также прикручивал, причем вслепую, худых, причем в гораздо большем количестве, чем самых жирных. Более того, в силу своих инстинктов и неизменного влияния ситуации он съедал равных себе раз или два в год, за исключением тех случаев, когда им удавалось съесть его самого. - Этот культ, безусловно, поучителен, по крайней мере для историков и людей чистой науки. Если еще остались верующие в него, я не ставлю перед собой задачу обратить их в свою веру; нельзя спорить с приверженцем в вопросах веры. Поэтому этот том, как и все предыдущие, написан исключительно для любителей нравственной зоологии, для естествоиспытателей, ищущих истину, тексты и доказательства - только для них, а не для публики, которая уже определилась и имеет собственное мнение о Революции. Это мнение начало формироваться между 1825 и 1830 годами, после того как ушли или уехали очевидцы. Когда они исчезли, легко было убедить доверчивую публику, что крокодилы были филантропами, что многие из них обладали гением, что они почти не ели других, кроме виновных, и что если они иногда съедали слишком много, то это было бессознательно и вопреки себе, или благодаря преданности и самопожертвованию ради общего блага.

Н. А. Тэн, Ментон-Сен-Бернар, июль 1884 года.

КНИГА ПЕРВАЯ. СОЗДАНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

ГЛАВА I. ПРАВИТЕЛЬСТВО ЯКОБИНА

I. Деспотическое вероисповедание и инстинкты якобинцев.

Слабость прежних правительств... Энергия нового правительства...

Энергия нового правительства.- Деспотическое вероисповедание и инстинкты якобинцев. якобинцев.

Пока что слабость законного правительства чрезвычайно велика. В течение четырех лет, независимо от его вида, ему постоянно и повсеместно не повиновались. За четыре года оно так и не осмелилось добиться повиновения. Правители страны, набранные из числа культурных и утонченных слоев населения, принесли с собой во власть предрассудки и чувства эпохи. Под влиянием господствующих догм они подчинялись воле толпы и, слишком веря в права человека, слишком мало доверяли власти магистрата. Кроме того, в силу своей гуманности они ненавидели кровопролитие и, не желая подавлять, позволяли подавлять себя. Таким образом, с 1 мая 1789 года по 2 июня 1793 года они управляли или издавали законы, избегая бесчисленных восстаний, почти все из которых оставались безнаказанными; в то время как их конституция, нездоровый продукт теории и страха, сделала не больше, чем превратила стихийную анархию в анархию законную. Умышленно и через недоверие к власти они подорвали принцип командования, низвели короля до положения декоративной марионетки и почти уничтожили центральную власть: от вершины до низа иерархии начальник потерял власть над нижестоящим, министр - над департаментами, департаменты - над округами, а округа - над коммунами. Во всех отраслях службы начальник, избранный на месте и своими подчиненными, стал зависеть от них. Отныне каждая должность, на которую возложена власть, оказывается изолированной, демонтированной и подвергается нападению, а в довершение всего Декларация прав, провозгласившая "юрисдикцию избирателей над их клерками" ¹¹⁰², пригласила нападающих к штурму. Под влиянием этого возникает фракция, которая в конце концов превращается в организованную группу; под ее шумом, угрозами и пиками, в Париже и в провинциях, на избирательных участках и в парламенте, большинство умолкает, а меньшинство голосует, принимает решения и управляет; Законодательное собрание очищено, король свергнут, а Конвент изуродован. Из всех гарнизонов центральной цитадели, будь то роялисты, конституционалисты или жирондисты, ни один не смог защитить себя, переделать исполнительный инструмент, достать шпагу и применить ее на улицах: при первом же нападении, часто по первому вызову, все сдались, и теперь цитадель, как и все остальные общественные крепости, находится в руках якобинцев.

На этот раз ее оккупанты принадлежат к другому сословию. Помимо огромной массы доброжелательных людей, любящих спокойную жизнь, Революция отсеяла и отделила от остальных всех, кто фанатичен, жесток или извращен настолько, что потерял уважение к другим; они составляют новый гарнизон - сектанты, ослепленные своим вероисповеданием, грубияны (*assommeurs*), закаленные своим призванием, и те, кто извлекает все возможное из своих должностей. Никто из этого класса не щепетил в отношении человеческой жизни или собственности; как мы видели, они сформировали теорию под себя и свели народный суверенитет к своему суверенитету. Содружество, по мнению якобинца, принадлежит ему; для него содружество включает в себя все частные владения, тела, поместья, души и совести; все принадлежит ему; тот факт, что он якобинец, делает его законным царем и папой. Его мало волнуют воли реально живущих французов; его мандат не проистекает из голосования; он нисходит к нему с небес, дарованный ему Истиной, Разумом, Добродетелью. Поскольку только он один просвещен и единственный патриот, только он достоин командовать, а сопротивление, согласно его властной гордыне, преступно. Если большинство протестует, значит, оно неразумно или развращено; в любом случае оно заслуживает того, чтобы его приструнили. И на самом деле якобинец только это и делает, причем сразу же; мятежи, узурпации, грабежи, убийства, нападения на отдельных лиц, на судей и прокуроров, на собрания, нарушения закона, нападения на государство, на общины - нет такого безобразия, которое не было бы совершено им. Он всегда инстинктивно действовал как государь; он был им как частное лицо и клубист; он не перестанет им быть и теперь, когда обладает законной властью, и тем более, что если он колеблется, то знает, что проиграл; чтобы спасти себя от эшафота, ему не остается иного убежища, кроме диктатуры. Такой человек, в отличие от своих предшественников, не позволит себя выдать; напротив, он будет требовать повиновения любой ценой. Он без колебаний восстановит центральную власть; он вернет на место оторванные местные колеса; он починит старую принудительную передачу; он приведет ее в движение, чтобы она работала грубее и произвольнее, чем когда-либо, с большим презрением к частным правам и общественным свободам, чем Людовик XIV или Наполеон.

II. Якобинская диссимуляция.

Контраст между его словами и его действиями.- Как он как он маскирует свою смену фронта.- Конституция июня, 1793 г. - ее обещания свободы.

Тем временем ему приходится согласовывать свои предстоящие действия с недавними заявлениями, что, на первый взгляд, кажется трудной задачей: ведь в своих речах он уже осудил действия, о которых размышляет. Вчера он преувеличивал права управляемых, вплоть до подавления прав правительства; завтра ему предстоит преувеличить права людей, находящихся у власти, вплоть до подавления прав управляемых. Народ, как он выражается, - единственный суверен, и он собирается обращаться с народом как с рабом; правительство, как он выражается, - камердинер, и он собирается наделить правительство прерогативами

султана. Он только что осудил малейшее проявление государственной власти как преступление; теперь он собирается наказывать как преступление малейшее сопротивление государственной власти. Чем оправдать такой шаг и под каким предлогом он может отречься от принципов, которыми он оправдывал свой захват власти? Он старается не отречься от них; это довело бы и без того мятежные провинции до крайности; напротив, он провозглашает их с новой силой, благодаря чему невежественная толпа, видя постоянно подносимую ей одну и ту же флягу, воображает, что ей всегда подают один и тот же напиток, и таким образом вынуждена пить тиранию под ярлыком свободы. Все, что шарлатан может сделать со своими ярлыками, вывесками, криками и ложью в течение следующих шести месяцев, будет сделано для маскировки нового нострума; тем хуже для публики, если позже она обнаружит, что напиток горький; рано или поздно она должна проглотить его, добровольно или по принуждению, потому что в промежутке готовятся инструменты, чтобы насильно влить его в общественное [горло](#)¹¹⁰³.

Для начала спешно фабрикуется Конституция, столь долгожданная и столь часто [обещанная](#)¹¹⁰⁴ : декларации прав в тридцати пяти статьях, конституционный законопроект в ста двадцати четырех статьях, политические принципы и институты всех видов, избирательные, законодательные, исполнительные, административные, судебные, финансовые и [военные](#)¹¹⁰⁵ ; за три недели все составляется и принимается в двух экземплярах. Эро Сешель, докладчик по законопроекту, пишет 7 июня, чтобы "ему немедленно доставили законы Миноса, в которых он срочно нуждается"; очень срочно, поскольку он должен представить Конституцию на той неделе.¹¹⁰⁶ Это обстоятельство в достаточной мере характеризует и рабочих, и работу. Все это лишь показуха и притворство. Некоторые из рабочих - проницательные политики, единственная цель которых - снабдить публику словами вместо реальности; другие - обычные писаки, пишущие абстракции, или даже невежды, не способные отличить слова от реальности, воображают, что они создают законы, нанизывая друг на друга множество фраз. "Пусть заговорщики антинародных систем, - говорит репортер, - мучительно разрабатывают свои проекты! Французам.... достаточно обратиться к своему сердцу, чтобы прочесть там Республику!"¹¹⁰⁷ Составленная в соответствии с "Contrat-Social", наполненная греческими и латинскими реминисценциями, она представляет собой краткое изложение "в лаконичном стиле" руководства по актуальным афоризмам, бывшим тогда в моде, математических формул и предписаний Руссо, "аксиом истины и следствий, вытекающих из этих аксиом", словом, прямолинейной конституции, которую может изречь любой школьник по выходе из колледжа. Подобно рекламному проспекту, вывешенному на двери нового магазина, она обещает покупателям все мыслимые и немыслимые вещи, красивые и желанные. Хотите иметь права и свободы? Здесь вы найдете их все. Никогда еще так ясно не было сказано, что правительство - это слуга, создание и инструмент управляемых; оно учреждено исключительно для того, чтобы "гарантировать им их естественные, неотчуждаемые права".¹¹⁰⁸ Никогда еще мандат не был так строго ограничен: "Право на выражение своих мыслей и мнений, как через прессу, так и любым другим способом; право на мирные собрания, свободное отправление культа, не могут быть запрещены". Никогда еще граждане не были так тщательно защищены от посягательств и превышения государственной власти: "Закон должен защищать общественные и частные свободы от притеснений со стороны тех, кто управляет... Преступления, совершенные народными уполномоченными и агентами, никогда не должны оставаться безнаказанными. Пусть свободные люди немедленно предадут смерти каждого, кто узурпирует суверенитет. ...Всякое действие против человека вне случаев и форм, установленных законом, есть произвол и тирания; тот, кто подвергается насилию при исполнении этого действия, имеет право отразить его силой... Когда правительство

нарушает права народа, восстание является для народа и для каждой его части самым священным из прав и самой необходимой из обязанностей".

К гражданским правам щедрый законодатель добавил политические права и умножил все меры предосторожности для сохранения зависимости правителей от народа. - Во-первых, правители назначаются народом и путем прямого или почти прямого выбора: в первичных собраниях народ избирает депутатов, городских чиновников, мировых судей и выборщиков второй степени; последние, в свою очередь, избирают во вторичных собраниях администраторов районов и департаментов, гражданских арбитров, судей по уголовным делам, апелляционных судей и восемьдесят кандидатов, из числа которых законодательный орган должен выбрать свой исполнительный совет. - Во-вторых, все полномочия любого рода никогда не предоставляются, кроме как на очень ограниченный срок: один год для депутатов, для выборщиков второй степени, для гражданских арбитров и для судей всех видов и классов. Что касается муниципалитетов, а также администраций департаментов и округов, то их срок продлевается ежегодно наполовину. Каждое первое мая источник власти течет заново, народ в своих первичных собраниях, спонтанно формирующихся, проявляющих или изменяющих по своему желанию свой штат служащих. - В-третьих, даже будучи установленным и действующим, народ может, если пожелает, стать своим сотрудником: предусмотрены средства для "совещания" со своими депутатами. Последние могут принимать законы по случайным вопросам, по вопросам незначительной важности, по обычным делам года; но по вопросам общего, значительного и постоянного интереса они должны только предлагать законы, в то время как, особенно в отношении объявления войны, решение должен принимать только народ. Народ обладает правом отлагательного вето и, наконец, правом окончательного вето, которым он может воспользоваться по своему усмотрению. Для этого он может собраться на внеочередную сессию; для ее созыва достаточно одной пятой части граждан, обладающих правом голоса. После созыва голосование проводится путем голосования "за" или "против" по акту, предложенному законодательным органом. Если по истечении сорока дней десятая часть первичных ассамблей в половине департаментов проголосует "нет", накладывается отлагательное вето. В этом случае должны быть созваны все первичные ассамблеи Республики, и если большинство все равно примет отрицательное решение, то это будет окончательное вето. Те же формальности регулируют пересмотр установленной конституции. План "монтаньяров" во всем этом является дальнейшим прогрессом по сравнению с планом жирондистов; никогда не было столь незначительной части, отведенной правителям, и столь обширной части, отведенной управляемым. Якобинцы исповедуют уважение к народной инициативе, которое равносильно презрению.¹¹⁰⁹ По их мнению, суверенный народ должен быть суверенным *de facto*, постоянно и без перерывов, иметь право вмешиваться во все серьезные дела и не только обладать правом, но и способностью навязывать свою волю мандатам.¹¹⁰⁹ Тем сильнее причина отнести к нему учреждения, которые сейчас готовятся для него. Поэтому после окончания парада Конвент созывает первичные собрания и представляет им на ратификацию разработанный конституционный законопроект.

III. Первичные ассамблеи

Первичные собрания.- Доля отсутствующих.- Единогласие избирателей.- Их мотивы для принятия Конституции.
-Давление, оказываемое на избирателей.-Выбор делегатов.

Ратификация, несомненно, будет одобрена. Все было сделано заранее, чтобы обеспечить ее, а также для того, чтобы обеспечить ее по мере необходимости, по-видимому, спонтанно и почти единогласно.- Первичные собрания, действительно, далеко не полностью посещаются; только половина, или четверть, или треть избирателей в городах вносят свои голоса, а в сельских округах - только четверть, и даже меньше.¹¹¹⁰ Отбитые опытом предыдущих созывов, избиратели слишком хорошо знают природу этих собраний; как правит ими якобинская фракция, как она управляет избирательной комедией, с помощью какого насилия и угроз она заставляет всех инакомыслящих голосовать либо как фигуранты, либо как клакёры. От четырех до пяти миллионов избирателей предпочитают держаться в стороне и оставаться дома, как обычно. Тем не менее организация большинства собраний все же происходит, их насчитывается около шести-семи тысяч. Это объясняется тем, что в каждом кантоне есть своя небольшая группа якобинцев. За ними следуют простодушные люди, которые все еще верят официальным декларациям; в их глазах конституция, гарантирующая частные права и устанавливающая общественные свободы, должна быть принята, какие бы руки ни подавали ее им. И тем более охотно, что узурпаторы предлагают сложить с себя полномочия; по сути, Конвент только что торжественно объявил, что после принятия конституции народ будет вновь созван для избрания "нового национального собрания... нового представительного органа, облеченного более поздним и более непосредственным доверием"¹¹¹¹, что позволит избирателям, если они будут настроены так, вернуть честных депутатов и исключить тех, кто сейчас правит. После этого даже мятежные департаменты, масса жирондистов, после долгих колебаний, наконец, смиряются и голосуют за него.¹¹¹² Это происходит в Лионе и в департаменте Кальвадос только 30 июля. Ряд конституционалистов или нейтралов сделали то же самое, одни из страха перед гражданской войной и духа примирения, другие из страха перед преследованиями и обвинением в [роялизме](#)¹¹¹³; еще одна концепция: благодаря покорности им, возможно, удастся лишить "Гору" всякого предлога для насилия.

В этом они сильно обманывают себя, и с самого начала они могут еще раз убедиться в якобинском толковании избирательной свободы. Сначала все зарегистрированные,¹¹¹⁴ и особенно "подозреваемые", вынуждены голосовать, и голосовать "за"; в противном случае, пишет якобинский журнал,¹¹¹⁵ "они сами укажут истинное мнение, которое следует иметь об их позиции, и больше не будут иметь оснований жаловаться на подозрения, которые окажутся столь обоснованными". Они приходят, соответственно, "очень смиренные и очень покаянные". Тем не менее они встречают отпор, к ним обращаются с холодным плечом; их отводят в угол комнаты или к дверям и открыто оскорбляют. Принятые таким образом, они, очевидно, будут молчать и не рискнут возражать. В Маконе "несколько аристократов бормотали про себя, но ни один не осмелился сказать "нет""¹¹¹⁶. Это было бы, действительно, крайне неосмотрительно. В Монбризоне "шесть человек, отказавшихся голосовать", были осуждены в протоколе кантона, а депутат Конвента потребовал "суровых мер" против них. В Ножан-сюр-Сен три администратора, виновные в том же преступлении, должны быть смещены с должностей.¹¹¹⁷ Через несколько месяцев преступление становится смертным, и людей гильотинируют "за то, что они проголосовали против Конституции 1793 года".¹¹¹⁸ Почти все недоброжелатели предвидели эту опасность;

поэтому почти во всех первичных собраниях принятие было единодушным или почти единодушным. [1119](#) В Руане насчитывается двадцать шесть голосов против; в Кане, центре жирондистской оппозиции, - четырнадцать; в Реймсе - всего два; в Труа, Безансоне, Лиможе и Париже - вообще ни одного; в пятнадцати департаментах число отрицательных голосов колеблется от пяти до одного; в Варе нет ни одного; это кажущееся единство весьма поучительно. Коммуна Сен-Донау, единственная во Франции, в отдаленном округе Котес-дю-Норд, осмеливается требовать восстановления духовенства и сына Капета в качестве короля. Все остальные голосуют, как по команде дубинки; они поняли тайну плебисцита, что требуется не честное голосование, а якобинская демонстрация. [1120](#) Операция, предпринятая местной партией, фактически осуществлена. Она бьет в набат у избирательной урны; она прибывает в полном составе; она одна говорит авторитетно; она воодушевляет офицеров; она выдвигает все резолюции и составляет отчет о заседаниях, а представители, командированные из Парижа, добавляют к весу местной власти вес центральной власти. В собрании Макона "они обращаются к народу по каждой статье; за этой речью следуют бурные аплодисменты и удвоенные крики "Да здравствует Республика! Да здравствует Конституция! Да здравствует французский народ!" Остерегайтесь, вы, слабонервные, кто не присоединится к хору! Их заставляют голосовать "громким, разборчивым голосом". Они должны кричать в унисон, подписать величественную речь, в которой лидеры выражают свою благодарность Конвенту и выражают свою поддержку видным патриотам, делегированным первичной ассамблеей для передачи ее отчета в Париж [1121](#).

IV. Делегаты прибывают в Париж

Делегаты достигают Парижа. Меры предосторожности, принятые против них.
-Ограничения и соблазны.

Первый акт комедии окончен, теперь начинается второй. Фракция созвала делегатов первичных собраний в Париж с определенной целью. Как и первичные собрания, они должны служить ее орудиями управления; они должны стать опорой диктатуры, и теперь задача состоит в том, чтобы ограничить их только этой задачей - правда, нет уверенности, что все поддадутся. Ведь среди восьми тысяч комиссаров одни, назначенные непримиримыми собраниями, принесут отказ вместо [присоединения](#) [1122](#) ; другим, более многочисленным, поручено представить возражения и указать на [упущения](#) [1123](#) ; совершенно точно, что посланцы жирондистских департаментов будут настаивать на освобождении или возвращении исключенных ими представителей. И наконец, многие делегаты, добросовестно принявшие Конституцию, желают, чтобы она была применена как можно скорее, и чтобы Конвент выполнил свое обещание отречься от престола, чтобы дать дорогу новой Ассамблее. Поскольку важно сразу же подавить все эти смутные желания независимости или тенденции к оппозиции, декрет Конвента "уполномочивает Комитет общей безопасности отдавать приказы об аресте "подозрительных" комиссаров"; особенно следует позаботиться о тех, кто, "наделенный особой миссией, будет проводить собрания,

чтобы привлечь на свою сторону коллег,....и вовлекать их в действия, противоречащие их мандату". [1124](#) Прежде всего, до того, как они будут допущены в Париж, их якобинство должно быть проверено, как тюк на таможне, специальными агентами Исполнительного совета, и особенно Станисласом Майяром, знаменитым сентябрьским судьей, и его шестьюдесятью восьмью бородатыми грубиянами, получавшими жалованье по пять франков в день. "На всех дорогах, в радиусе пятнадцати или двадцати лье от столицы" делегатов обыскивают, открывают их сундуки и читают письма. У шлагбаумов в Париже они находят "инспекторов", приставленных Коммуной под предлогом защиты от проституток и мошенников. Там их забирают и ведут в мэрию, где они получают талоны на ночлег, а пикет жандармов сопровождает их в отведенные им [жилища](#)[1125](#). -Они держат их в загонах, как овец, каждый в своем пронумерованном стойле; нет опасений, что диссиденты попытаются сбежать и объединиться в группы: одному из них, пришедшему в Конвент и попросившему отдельного зала для себя и своих сторонников, нахамили самым возмутительным образом; его объявили интриганом и обвинили в желании защищать предателя Кастриса; отобрали его имя и полномочия и пригрозили ему [расследованием](#)[1126](#). Несчастный оратор слышит упоминание об аббатстве и, очевидно, считает, что ему повезло избежать ночевки там в эту ночь. После этого он наверняка больше не потребует привилегии выступать, а его коллеги будут молчать; и все это тем более вероятно, что

- * потому что революционный трибунал проводит постоянные заседания у них на глазах,

- * потому что гильотина установлена и действует на "Площади революции"; * потому что недавний акт Коммуны

- * потому что недавний акт Коммуны предписывает полиции "самое активное наблюдение" и "постоянное патрулирование" вооруженными силами;

- * потому что с первого по четвертое августа шлагбаумы закрыты;

- * потому что 2 августа в результате налета на три театра пятьсот молодых людей оказываются в тюрьме,[1127](#)

так что недовольные вскоре обнаруживают, если таковые имеются, что сейчас не время и не место для протестов.

Что касается других, уже якобинцев, то фракция берет на себя обязанность сделать их еще более таковыми: затерянные в безбрежности Парижа, все эти провинциалы нуждаются в моральных и физических проводниках; она соглашается проявить по отношению к ним "гостеприимство во всем его богатстве, сладчайшую из республиканских добродетелей" [1128](#). Таким образом, девяносто шесть санюлотов, выбранных из числа секций, ждут их в мэрии, чтобы служить их корреспондентами, возможно, гарантами, и, конечно, лоцманами

- * выдавать им билеты на ночлег,

- * сопровождать и устанавливать их,

- * внушать им, как это делалось с федератами в июле 1792 года,

- * предотвратить их попадание в дурную компанию,

- * вводить их во все волнующие собрания,

- * следить за тем, чтобы их пылкий патриотизм быстро поднялся до соответствующей температуры парижского якобинства.[1129](#)

Театры не должны оскорблять их глаза и уши пьесами, "противными духу Революции".¹¹³⁰ Издан приказ о представлении три раза в неделю "республиканских трагедий, таких как "Брут", "Вильгельм Телль", "Кайус Гракх" и других драм, подходящих для поддержания принципов равенства и свободы". Раз в неделю театры должны быть свободны, когда александрины Шенье изрекаются на сцене в назидание делегатам, толпящимся в ложах за счет государства. На следующее утро их группами ведут на трибуны Конвента¹¹³¹, где разыгрывается та же классическая, простая, декламационная, кровавая трагедия, только не притворная, а настоящая, и тирады произносятся не в стихах, а в прозе. Окруженные платными крикунами, как жертвы на очистительных праздниках древних римлян, наши провинциалы аплодируют, ликуют и возбуждаются, как и накануне вечером по сигналу, поданному клакёрами и завсегдатаями. На другой день прокурор-синдикалист Люлье зовет их на "Эвеше", чтобы "побрататься с властями Парижского департамента"¹¹³²; секция "Братства" приглашает их на свои ежедневные собрания; якобинский клуб предоставляет им свой обширный зал утром и допускает их на свои заседания вечером. - Таким образом, монополизированные и удерживаемые, как в водолазном колоколе, они дышат в Париже не чем иным, как якобинской атмосферой; от одного якобинского притона к другому, по мере того как их ведут в этой накаленной атмосфере, их пульс бьется все быстрее. Многие из них, которые по прибытии были "простыми, тихими людьми"¹¹³³, но оказались не в своей тарелке, подверглись заразе без всякого противоядия, быстро подхватили революционную лихорадку. Как и во время американского возрождения, под постоянным давлением проповедей и пения, криков и нервных спазмов, слабонервным и даже равнодушным приходится ждать недолго, прежде чем бред приводит их в гармонию с обращенными.

V. Праздник 10 августа

Они исповедуют якобинскую веру. Их участие в Праздник 10 августа. Их энтузиазм.

7 августа все становится на свои места. 7 августа несколько делегатов, возглавляемые департаментом и муниципалитетом, подходят к зданию Конвента и исповедуют якобинскую веру. "Скоро, - восклицают они, - на берегах Сены начнутся поиски этого мерзкого болота, которое должно поглотить нас". Если роялисты и интриганы умрут от злобы, мы будем жить и умрем "монтаньярами".¹¹³⁴ Аплодисменты и объятия.¹¹³⁴ После этого они отправляются в Якобинский клуб, где один из них предлагает заранее подготовленное обращение: цель его - оправдать 31 мая и 2 июня, "открыть глаза" провинциальной Франции, объявить "войну федералистам".¹¹³⁵ "Долой позорных клеветников, оклеветавших Париж! Мы питаем одни чувства, наши души слились в одно целое... Мы образуем здесь одну огромную, страшную гору, которая вот-вот извергнет свой огонь на роялистов и сторонников тирании". Аплодисменты и одобрительные возгласы - Робеспьер заявляет, что они здесь для того, чтобы спасти страну.¹¹³⁶ На следующий день, 8 августа, это обращение было представлено

Конвенту, и Робеспьер принял резолюцию, предписывающую разослать его в армии, иностранным державам и всем Коммунам. Еще аплодисменты, еще объятия, еще приветствия... 9 августа 1137 года по приказу Конвента делегаты собираются в саду Тюильри, где, разделившись на столько групп, сколько департаментов, изучают программу, составленную Давидом, чтобы ознакомиться с ролями, которые им предстоит играть на празднике следующего дня.

Какой странный фестиваль и как хорошо он выражает дух того времени! Это своего рода опера, разыгрываемая на улицах общественными властями, с триумфальными колесницами, алтарями, кадилницами, ковчегом завета, погребальными урнами, классическими знаменами и прочими атрибутами! Его божества состоят из гипсовых статуй, изображающих Природу, Свободу, Народ и Геркулеса, и все они являются олицетворенными абстракциями, подобно тем, что красуются на потолке театра. Во всем этом нет ни спонтанности, ни искренности; актеры, чья совесть говорит им, что они всего лишь актеры, воздают почести символам, которые, как они знают, не что иное, как символы, а механическое шествие 1138, призывы, апострофы, позы, жесты регулируются заранее, как балетмейстером. Любому правдолюбцу все это должно показаться фарсом, разыгрываемым марионетками, - но фестиваль колоссален, хорошо рассчитан на то, чтобы стимулировать воображение и возбуждать гордость через физическое возбуждение 1139. На этой грандиозной сцене делегаты опьянены своей ролью, ибо, очевидно, их роль - главная; они представляют двадцать шесть миллионов французов, и единственная цель этой церемонии - прославить национальную волю, носителями которой они являются. - На площади Бастилии 1140, где гигантское изображение природы изливает из двух своих грудей "возрождающую воду", президент Эро, после возлияний и приветствия новой богине, передает чашу восьмидесяти семи старейшинам (les doyens) восьмидесяти семи департаментов, каждый из которых "вызывается звуком барабана и трубы", чтобы выйти вперед и выпить в свою очередь, в то время как пушки издают громовые раскаты, как для монарха. После того как восемьдесят семь человек передали чашу по кругу, артиллерия грохочет. Процессия движется дальше, и делегаты снова занимают почетное место. Старейшины, держа в одной руке оливковую ветвь, в другой - щуку с лентой, на конце которой написано название их департамента, "связанные друг с другом небольшой трехцветной лентой", окружают Конвенцию, как бы давая понять, что нация содержит и проводит своего законного представителя. За ними шествуют остальные восемь тысяч делегатов, также держащие в руках оливковые ветви и образующие второе отдельное тело, самое большое из всех, на котором сосредоточены все взгляды. Ибо вслед за ними "уже нет никакого различия между лицами и должностными лицами", все смешались в одну кучу, маршируют вразнобой, исполнительный совет, городские чиновники, судьи, разбросанные бессистемно и в силу равенства теряющиеся в толпе. На каждой станции, благодаря своим знакам отличия, делегаты составляют наиболее заметный элемент. Достигнув последней, Марсового поля, они вместе с Конвентом поднимаются по ступеням, ведущим к алтарю страны; на самой высокой платформе стоит старший из всех, рядом с ним - президент Конвента, тоже стоящий; таким образом, поставленные друг над другом, семь тысяч, огибающие семьсот пятьдесят, образуют "настоящую Священную гору". Теперь президент на самом высоком помосте поворачивается к восьмидесяти семи старейшинам; он передает им ковчег с Конституционным актом и списком голосовавших за него; те, в свою очередь, выходят вперед и вручают ему свои пики, которые он собирает в одну связку как эмблему национального единства и неделимости. При этом крики раздаются со всех концов огромной площади; залпы артиллерии следуют снова и снова; "можно сказать, что небо и земля ответили друг другу" в честь "величайшей эпохи человечества"... Конечно, делегаты вне себя; их нервы, напряженные до предела, вибрируют слишком сильно; тысячелетие раскрывается перед их глазами. Многие из них на площади

Бастилии уже обращались к Вселенной; другие, "охваченные пророческим духом", обещают Конституции вечность. Они чувствуют себя "возрожденными заново, вместе с человеческим родом"; они считают себя существами нового мира. История завершается в них; будущее в их руках; они считают себя богами на земле. - В этом критическом состоянии их разум, подобно паре неуравновешенных весов, поддается малейшему прикосновению; под давлением производителей энтузиазма внезапная реакция уносит их. Они считают Конституцию панацеей и собираются отправить ее, как опасное лекарство, в этот сундук, который они называют ковчегом. Они только что провозгласили свободу народа и собираются увековечить диктатуру Конвента.

VI. Гора.

Маневры "Горы" - Якобинский клуб накануне
11 августа. - Заседание Конвента 11 августа.
Делегаты иницируют террор.
освящение якобинской диктатуры.

Разумеется, эта вольтерьянка должна выглядеть спонтанной, а рука титулованных правителей оставаться невидимой: Конвенту, как обычно бывает с узурпаторами, предстоит симулировать сдержанность и бескорыстие. - После этого, на следующее утро, 11 августа, открывая сессию, он просто заявляет, что "его миссия выполнена": [1141](#) по предложению Лакруа, единомышленника Дантона, принимает закон о том, что новая перепись населения и избирателей должна быть проведена с возможно меньшей задержкой, чтобы сразу же созвать первичные собрания; с радостью приветствует делегатов, которые приносят ему конституционный ковчег; все собрание встает перед этим священным сосудом и позволяет делегатам увещевать его и наставлять относительно его обязанностей. [1142](#) Но вечером, в Якобинском клубе, Робеспьер, после долгих и туманных рассуждений об общественных опасностях, заговорах и предателях, вдруг произносит решающие слова:

"Самое важное из моих размышлений вот-вот должно было ускользнуть от [меня](#) [1143](#)... Предложение, сделанное сегодня утром, лишь облегчит замену очищенных членов Конвента посланцами Питта и Кобурга".

Страшные слова в устах человека с принципами! Их сразу же понимают лидеры, великие и малые, а также отборные пятнадцать сотен якобинцев, заполнивших тогда зал. "Нет! Нет!" - кричит весь клуб. Делегаты увлекаются:

"Я требую, - восклицает один из них, - чтобы роспуск Конвента был отложен до конца войны".

Наконец, драгоценное предложение, столь долго желанное и ожидаемое, сделано: клевета жирондистов теперь падает на землю; доказано, что Конвенту не хочется увековечивать себя и что у него нет никаких амбиций; если он остается у власти, то только потому, что его удерживают; делегаты народа заставляют его остаться.

И что еще лучше, они собираются наметить его курс действий.^{1144 1144} На следующий день, 12 августа, с рвением новообращенных, они распространяются по залу в таком количестве, что Ассамблея, не в силах более продолжать свои обсуждения, толпится слева и уступает все пространство справа, чтобы они могли занять и "очистить" его. Весь горячий материал в их умах, накопленный за последние две недели, разгорается и взрывается; они неистовее самых ультра-якобинцев; они повторяют за барной стойкой экстравагантности Розы Лакомб и самых низких клубов; они даже выходят за рамки программы, составленной "Горой". "Время обсуждений прошло, - восклицает их представитель, - мы должны [действовать](#)¹¹⁴⁵... Пусть народ восстанет массой... он один может уничтожить своих врагов... Мы требуем, чтобы все "подозреваемые" были арестованы; чтобы они были отправлены к границам, а за ними последовала ужасная масса санкюлотов. Там, в первых рядах, они должны будут сражаться за свободу, которую они попирали последние четыре года, или быть уничтоженными на пушках тиранов..... Женщины, дети, старики и немощные будут держаться в качестве заложников женщинами и детьми санкюлотов". Дантон пользуется случаем. Со свойственной ему ясностью он находит выражение, которое описывает ситуацию:

"Депутаты первичных собраний, - говорит он, - только что начали практиковать среди нас инициативу террора".

Более того, он сводит абсурдные представления фанатиков к практическим мерам: "Массовая мобилизация - да, но с соблюдением порядка", сразу же призвав в армию первый класс призывников, всех мужчин от восемнадцати до двадцати пяти лет; арест всех "подозреваемых" - да, но не для того, чтобы вести их против врага; "в наших армиях они будут скорее опасны, чем полезны; давайте закроем их; они будут нашими заложниками". - Он также предлагает занятие для делегатов, которые только мешают в Париже и могут быть полезны в провинции. Давайте сделаем из них "разного рода представителей, которым поручено оживать граждан... Пусть они, вместе со всеми добропорядочными гражданами и официальными властями, займутся инвентаризацией зерна и оружия, составлением заявок на людей, а Комитет общественной безопасности пусть руководит этим возвышенным движением..... Все поклянутся, что, вернувшись в свои дома, они дадут этот импульс своим согражданам". Всеобщие аплодисменты; делегаты в один голос восклицают: "Мы клянемся!" Все вскакивают на ноги; люди на трибунах машут шляпами и тоже приносят клятву. Замысел удался; подобие народной воли утвердило штат чиновников, политику, принципы и само название Террор. Что касается инструментов для проведения операции, то все они уже готовы к действию. Делегаты, чьих требований и вмешательства "Гора" все еще боится, отправлены обратно в свои ведомственные норы, где они будут служить агентами и [миссионерами](#)¹¹⁴⁶. О введении Конституции в действие больше ничего не говорится; это была просто приманка, приманка, придуманная для ловли рыбы в мутной воде: рыбалка закончилась, Конституция теперь помещена на видном месте в зале, в небольшом памятнике, для которого Давид сделал проект.¹¹⁴⁷ Теперь, говорит Дантон, "Конвент возвысится до чувства собственного достоинства, ибо теперь он наделен всей полнотой власти нации". Другими словами, артистизм завершает начатое насилием. В результате бесчинств, совершенных в мае и июне, Конвент утратил свою легитимность; благодаря маневрам в июле и августе он восстановил ее видимость. Монтаньяры по-прежнему держат своего раба за плетень, но они восстановили его престиж, чтобы использовать его в своих интересах.

VII. Масштабы и манифест департаментского восстания

Эффект этого маневра.- Масштабы и манифест
ведомственного восстания.- Его фундаментальная слабость.-
инертная и недоверчивая масса населения.
небольшое число жирондистов, их слабые приверженцы, группы
беглых депутатов и мятежных администраторов.
не формируют центрального правительства. -Оставляют военную власть
в руках конвента.-Фатальный прогресс их
уступок.-Отказ от департаментов одного за другим.
-Возвращение ущемленных полномочий.-Влияние
административных привычек.- Неудачи и иллюзии
умеренных.- Противоположный характер якобинцев.

Одним и тем же ударом, одной и той же игрой они почти обезоружили своих противников.¹¹⁴⁸ Узнав о событиях 31 мая и 2 июня, республиканцы этого поколения, воспитанные философами, искренне верили в права человека, подняли громкий крик негодования. Шестьдесят девять администраций департаментов выразили [протест](#)¹¹⁴⁹, и почти во всех городах запада, юга, востока и центра Франции, в Кане, Аленсоне, Эврё, Ренне, Бресте, Лорьяне, Нанте и Лиможе, в Бордо, Тулузе, Монпелье, Ниме и Марселе, в Гренобле, Лионе, Клермоне, Лонс-ле-Сонье, Безансоне, Маконе и [Дижоне](#)¹¹⁵⁰, граждане, собравшиеся в своих кварталах, провоцировали или поддерживали действия своих администраторов, подбадривая их. Правители и граждане заявили, что, поскольку Конвент не был свободным, его декреты после 31 мая больше не имеют силы закона; что войска департаментов должны идти на Париж, чтобы освободить этот город от угнетателей, и что их заместители должны быть вызваны и собраны в Бурже. Во многих местах слова превращались в действия. Еще до конца мая Марсель и Лион взяли в руки оружие и утомили своих местных якобинцев. После 2 июня Нормандия, Бретань, Гард, Юра, Тулуза и Бордо также подняли войска. В Марселе, Бордо и Кане арестованные или находящиеся под охраной представители миссии были оставлены в качестве заложников.¹¹⁵¹ В Нанте национальная гвардия и народные магистраты, которые за неделю до этого так храбро отразили большую вандейскую армию, осмелились на большее: они ограничили полномочия Конвента и осудили любое вмешательство: по их мнению, отправка представителей в миссию была "узурпацией, посягательством на национальный суверенитет"; представители были избраны

"для принятия, а не для исполнения законов, для подготовки конституции и регулирования всех государственных полномочий, а не для их смешения и осуществления всех сразу; для защиты и сохранения промежуточных полномочий, делегированных народом, а не для посягательства на них и их уничтожения"¹¹⁵².

С еще большей смелостью Монпелье предписывал всем представителям повсюду собираться в штаб-квартирах соответствующих департаментов и ожидать вердикта национального жюри. Короче говоря, в соответствии с демократическим кредо, "на

развалинах Конвента", изуродованных и деградировавших, не было видно ничего, кроме прослойки "адвокатов". "Народные рабочие" призваны "вернуться к повиновению и выполнить упреки, адресованные им их законным хозяином" [1153](#); нация отменила жалование своим столичным клеркам, лишила их мандата, которым они злоупотребляли, и объявила их узурпаторами, если они будут упорствовать в том, чтобы не уступить свой заемный суверенитет "ее неотъемлемому суверенитету". "Гора" отвечает на этот глубокий удар таким же ударом; она также отдает дань принципам и опирается на народную волю. Путем внезапного изготовления ультрадемократической конституции, путем созыва первичных собраний и ратификации ее народом в этих собраниях, путем созыва делегатов в Париж, путем согласия этих обращенных, очарованных или скованных делегатов, она оправдывает и оправдывает себя, и таким образом лишает жирондистов жалоб, которым они придавали значение, аксиом, которые они выставляли на своих штандартах, и популярности, которую, как они думали, они [приобрели](#) [1154](#).-Отныне почва, на которой стояли их противники, проседает под их ногами; материалы, собранные ими, распадаются в их руках; их лига распадается, не успев завершиться, и неизлечимая слабость партии проявляется при свете дня.

Во-первых, в департаментах, как и в [Париже](#) [1155](#), у партии нет корней. За последние три года все здравомыслящие и упорядоченные люди, занятые своими делами, не имеющие ни вкуса, ни интереса к политике, девять десятых избирателей, воздерживаются от голосования, и в этой огромной массе жирондисты не имеют приверженцев. Как они сами [признают](#) [1156](#), этот класс остается привязанным к институтам 1791 года, которые они свергли; если он и питает к ним какое-то уважение, то только как к "чрезвычайно честным безумцам". Опять же, это уважение смешивается с отвращением: оно упрекает их в жестоких декретах, которые они приняли в согласии с "Горой"; в преследованиях, конфискациях, всех видах несправедливости и жестокости; оно всегда видит на их руках кровь короля; они также являются цареубийцами, антикатоликами, антихристианами, разрушителями и [нивелировщиками](#) [1157](#).-Несомненно, они менее склонны к этому, чем "Гора"; поэтому, когда вспыхивает восстание в провинциях, многие фельяны и даже роялисты следуют за ними на собрания секций и присоединяются к их протестам. Но большинство не идет дальше и вскоре возвращается к привычной инертности. Оно не в ладах со своими [лидерами](#) [1158](#), его скрытые предпочтения противоречат их заявленной программе; оно не вполне доверяет им; оно испытывает к ним лишь половинчатую привязанность; его недавние симпатии омертвлены старой враждой: повсюду вместо твердости проявляется лишь каприз. Все это не дает никаких гарантий твердой верности и практической приверженности. Жирондистские депутаты, рассеянные по провинциям, рассчитывали на то, что каждый департамент по их призыву восстанет и образует республиканскую Вандею против "Горы": нигде они не нашли ничего, кроме легкого одобрения и умозрительных надежд.

Остается поддержать их элита республиканской партии, ученые и любители литературы, честные и искренние мыслители, которые, под влиянием современных догм, приняли философский катехизис буквально и серьезно. Избранные судьи или управляющие департаментами, округами и городами, командиры и офицеры Национальной гвардии, председатели и секретари секций, они занимают большинство мест, отведенных местной властью, и поэтому их почти единодушный протест поначалу кажется голосом Франции. На самом же деле это лишь отчаянный крик группы штабных офицеров без армии. Избранные под знакомым нам избирательным давлением, они обладают чинами, должностями и титулами, но не авторитетом и влиянием; их поддерживают только те, кого они действительно представляют, то есть те, кто их избрал, - десятая часть населения, составляющая сектантское меньшинство. Опять же, в этом меньшинстве очень много тех,

кто не проявляет теплоты; у большинства людей расстояние между убеждением и действием велико; этот промежуток заполняется приобретенными привычками, ленью, страхом и эгоизмом. Вера в абстракции "Социального договора" не имеет большого значения; никто не готов отдать себя во имя абстрактной цели. Неуверенность одолевает с самого начала; дорога, по которой приходится идти, оказывается опасной и неясной, и человек колеблется и откладывает; он чувствует себя домашним телом и боится ввязаться в дело слишком глубоко и зайти слишком далеко. Потратив дыхание на слова, человек менее охотно отдает свои деньги; другой может открыть свой кошелек, но он может быть не расположен отдать себя, что в равной степени относится как к жирондистам, так и к фельянам.

"В [Марселе1159](#) , в Бордо, - говорит один из депутатов, - почти во всех главных городах собственник, медлительный, равнодушный и робкий, не мог решиться покинуть дом ни на минуту; именно наемникам он вверял свое дело и свое оружие".

Только в федератах Майенны, Иль-и-Вилена и особенно Финистера "молодые люди были хорошо воспитаны и хорошо осведомлены о деле, которое они собирались поддерживать". В Нормандии Центральный комитет, не имея возможности сделать лучше, вынужден набирать своих солдат, и особенно артиллеристов, из отряда каработов, бывших якобинцев, кучки грубиянов, готовых на все, мародеров и беглецов при первом же пушечном выстреле. В Кане Вимпфен, приказав восьми батальонам Национальной гвардии собраться во дворе, требует добровольцев и находит, что их вышло только семнадцать; на следующий день официальная просьба приводит только сто тридцать бойцов; другие города, кроме Вира, который предоставил около двадцати человек, отказываются от своего контингента. Короче говоря, походная армия не может быть сформирована, а если и идет, то останавливается на первой же станции, Эврё - не доходя до Вернона, Марсель - у стен Авиньона.

С другой стороны, в силу своей искренности и логики, те, кто восстал, имеют сомнения и сами определяют границы своего восстания. Беглые депутаты во главе с ними считали бы себя виновными в узурпации, если бы они, подобно "Горе" в Париже, образовали в Кане суверенное [собрание1160](#): по их мнению, их право и обязанность сводятся к даче показаний относительно 31 мая и 1 июня, к увещеванию народа и красноречию. По закону они не имеют права брать на себя исполнительную власть; командовать в департаментах должны местные магистраты, элусы (выборные) секций, а еще лучше - департаментские комитеты. Размещенные в официальных помещениях, они должны лишь печатать официальные заявления, писать письма и, ведя себя подобающим образом, ждать, пока суверенный народ, их работодатель, не восстановит их в должности. Он был оскорблен в их лице; он должен отомстить за это оскорбление; поскольку он одобряет свои мандаты, он обязан восстановить их в должности; будучи хозяином дома, он обязан иметь в нем свой порядок.¹¹⁶¹ Что касается комитетов департаментов, то верно, что в пылу первого волнения они подумывали о создании нового Конвента в [Бурже1161](#) , либо путем сбора запасных депутатов, либо путем созыва национальной комиссии из ста семидесяти членов. Но для осуществления этого плана не хватает времени и средств; он остается висеть в воздухе, как тщетная угроза; в конце двух недель он исчезает в дыму; департаментам удается объединиться лишь в разрозненные группы; они отказываются от создания центрального правительства и, таким образом, одним этим фактом обрекают себя на поражение, одно за другим, в деталях, и каждое у себя дома. -Хуже того, благодаря совести и патриотизму они сами готовят свое поражение: они воздерживаются от призыва армий и от освобождения границ; они не оспаривают право Конвента обеспечивать национальную оборону по своему усмотрению. Лион разрешает проезд колонн с пушечными ядрами, которые впоследствии будут использованы для канонады его [защитников1162](#). Власти Пюи-де-Дом оказывают

помощь, отправляя в Вандею батальон, который они организовали против "Горы". Бордо должен сдать Шато-Тромпетт, его военное снаряжение и припасы представителям миссии; и без единого слова, с образцовой покорностью, оба бордоских батальона, охраняющие Блайе, подвергаются вытеснению двумя якобинскими батальонами. [1163](#) Понимая восстание таким образом, поражение заранее предрешиено.

Таким образом, повстанцы осознают свою ложную позицию; у них возникает смутное чувство, что, признавая военную власть Конвента, они признают его власть в полном объеме; незаметно они скользят по этому склону, от уступки к уступке, пока не достигают полной покорности. С 16 июня в [Лионе1164](#) "люди начинают чувствовать, что не следует порывать с Конвентом". Пять недель спустя власти Лиона "торжественно признают, что Конвент является единственным центральным пунктом сплочения всех французских граждан и республиканцев", и декретируют, что "все исходящие от него акты, касающиеся общих интересов республики, подлежат исполнению". [1165](#) Вследствие этого в Лионе и других департаментах администрации созывают первичные собрания в соответствии с предписаниями Конвента; следовательно, первичные собрания принимают предложенную им конституцию; следовательно, делегаты первичных собраний отправляются в Париж в соответствии с его распоряжениями... Отныне дело жирондистов проиграно; выстрелы нескольких пушек в Верноне и Авиньоне рассеивают две колонны солдат, отправившихся в поход. В каждом департаменте якобинцы, ободренные представителями миссии, поднимают голову; везде местный клуб призывает местные власти к [покорности1166](#), везде местные власти сообщают о принятых ими актах, оправдываются и просят прощения. Пропорционально отказу одного департамента остальные, чувствуя себя покинутыми, еще более склонны к отказу. 9 июля сорок девять департаментов перечисляются как отказавшиеся от присоединения. Некоторые из них заявляют, что чешуя спала с их глаз, что они одобряют акты от 31 мая и 2 июня и таким образом обеспечивают свою безопасность, демонстрируя свое рвение. Администрация Кальвадоса уведомляет бретонских фельетонов, что, "приняв Конституцию, она не может более терпеть их присутствия в Кане"; она отправляет их домой и тайно заключает мир с "Горой"; и только через три дня сообщает об этом депутатам, которые являются ее гостями, вывесив на их дверях декрет, объявляющий их вне закона.

Переодетые солдатами, они отправляются вместе с бретонскими фельдъегерями; по дороге они выясняют истинные настроения этого народа, который, по их мнению, наделен правами и способен проявлять политическую инициативу. [1167](#) Мнимые граждане и республиканцы, с которыми им приходится иметь дело, - это, в общем, бывшие подданные Людовика XVI и будущие подданные Наполеона I, то есть администраторы и люди, дисциплинированные привычкой и инстинктивно подчиняющиеся, нуждающиеся в правительстве так же, как овцы нуждаются в пастухе и сторожевой собаке, принимающие или подчиняющиеся пастуху и собаке, если они выглядят и ведут себя соответственно, даже если пастух - мясник, а собака - волк. Избегать изоляции, как можно скорее присоединиться к самому многочисленному стаду, всегда формировать массы и тела и таким образом следовать импульсу, идущему сверху, и собирать вместе разрозненные особи - таков инстинкт стада.

В батальоне федератов начинают с того, что, поскольку конституция теперь принята и конвент признан, ему больше не позволено защищать депутатов, которых он объявил вне закона: "это было бы созданием фракции". После этого депутаты выходят из батальона и, собравшись в небольшой отряд, идут отдельно. Поскольку их девятнадцать человек, они решительны и хорошо вооружены, власти рыночных городов, через которые они проходят, не оказывают им силового сопротивления; это означало бы предложить сражение, а это

превосходит рвение чиновника; кроме того, население относится к ним либо равнодушно, либо сочувственно. Тем не менее, предпринимаются попытки остановить их, иногда окружить и заставить врасплох; ведь против них выписывается ордер на арест, передаваемый по иерархическому каналу, и каждый местный магистрат считает своим долгом исполнить жандармский долг. В этой административной сети, с сетью которой они сталкиваются повсюду, запрещенным депутатам не остается ничего другого, как прятаться в пещерах или бежать по морю. Достигнув Бордо, они находят других овец, готовящихся к бойне. Мэр Сайге проповедует примирение и терпение: он отказывает в помощи четырем-пяти тысячам молодых людей, трем тысячам гренадеров Национальной гвардии и двум-трем сотням добровольцев, которые объединились в клуб против клуба якобинцев. Он уговаривает их распуститься; он посылает в Париж депутацию, чтобы умолять Конвент забыть "минутную ошибку" и помиловать своих "заблудших братьев". "Они льстили себя, - говорит один из депутатов, [очевидец1168](#), - что быстрое подчинение утишит негодование тиранов и что они будут или сделают вид, что будут достаточно великодушны, чтобы пощадить город, который отличился больше, чем любой другой во время Революции". До последнего они будут питать те же иллюзии и проявлять ту же покорность. Когда Талльен с восемнадцатью сотнями крестьян и разбойников входит в Бордо, двенадцать тысяч национальных гвардейцев, экипированных, вооруженных и одетых в форму, встречают его в коронах с дубовыми листьями; они молча слушают "его поразительные и возмутительные речи"; они позволяют ему сорвать с них короны, кокарды и погоны; батальоны позволяют распустить себя на месте; Вернувшись в свои покои, они с опущенными глазами слушают прокламацию, которая "приказывает всем жителям без исключения принести свое оружие в течение тридцати шести часов, под страхом смерти, на плац замка Тромпетт; до истечения этого времени сдано тридцать тысяч ружей, шпаг, пистолетов и даже перочинных ножей".

Здесь, как и в Париже, 20 июня, 10 августа, 2 сентября, 3 мая и 2 июня, как и в каждый критический момент революции в Париже и провинциях, привычки подчинения и дружелюбия, наложенные на народ предусмотрительной монархией и освященной временем цивилизацией, притупили в человеке предвидение опасности, агрессивный инстинкт, независимость и умение полагаться только на себя, готовность помогать друг другу и спасать себя. Неизбежно, когда анархия возвращает нацию к естественному состоянию, прирученные животные будут съедены дикарями, - их выпускают на свободу, и они тут же проявляют свою истинную природу.

VIII. Причины террора.

Последнее местное сопротивление. - Политическая ортодоксия восставших городов. - Они выдвигают одно условие. - Причины государства для его выполнения. - Аргументы партии против.

Если бы люди "Горы" были государственными деятелями или даже здравомыслящими людьми, они проявили бы гуманность, если не ради гуманности, то хотя бы из расчета; ведь в этой Франции, столь мало республиканской, все республиканские силы не слишком велики для основания республики, а жирондисты, благодаря своим принципам, своей культуре, своему социальному положению и своей численности, составляют элиту и силу, цветок и сок партии. - Предсмертный крик "Горы" в адрес повстанцев [Лозера1169](#) и Вандеи можно понять: они подняли белый флаг короля; они приняли руководителей и инструкции из Кобленца и

Лондона. Но ни Бордо, ни Марсель, ни Лион не являются роялистами или в союзе с иностранцами.

"Мы, мятежники!" - пишут [лионцы1170](#) , - "Почему мы видим не что иное, как развевающийся трехцветный флаг; белая кокарда, символ восстания, никогда не была поднята в наших стенах. Мы, роялисты! Со всех сторон раздаются крики "Да здравствует республика!", и все мы, спонтанно (на заседании 2 июля), поклялись обрушиться на того, кто предложит короля..... Ваши представители говорят вам, что мы - антиреволюционеры, мы, принявшие Конституцию. Они говорят вам, что мы защищаем эмигрантов, в то время как мы предложили выдать всех тех, кого вы укажете. Они говорят вам, что наши улицы заполнены непримиримыми священниками, в то время как мы даже не открыли двери тюрьмы Пьер-ан-Сиз для тридцати двух священников, заключенных туда старым муниципалитетом, без предъявления обвинения, без каких-либо обвинений против них, только потому, что они были священниками".

Таким образом, в Лионе притворные аристократы оказались не только республиканцами, но и демократами и радикалами, верными установленному режиму и покорными худшим из революционных законов, а в Бордо, Марселе и даже Тулоне царило то же самое положение вещей.[1171](#) Более того, они смирились с бесчинствами 31 мая и 2 июня;[1172](#) они перестали оспаривать узурпации Парижа; они больше не настаивали на возвращении отстраненных депутатов. 2 августа в Бордо и 30 июля в Лионе Чрезвычайный комитет общественной безопасности подал в отставку; больше не существовало никакого конкурирующего собрания, противостоящего Конвенту. После 24 [июля1173](#) Лион торжественно признал верховную и центральную власть, не оставив за собой ничего, кроме своих муниципальных прав. А еще лучше, в качестве яркого свидетельства политической ортодоксальности, Генеральный совет департамента назначил на 10 августа гражданский праздник, аналогичный парижскому. Лионцы, уже заблокированные, не допускали никаких враждебных проявлений; 7 августа они вышли из своих передовых позиций, чтобы брататься с первым корпусом войск, посланных против них.[1174](#) Они уступили все, кроме одного пункта, который они не могли уступить без разрушения, а именно, гарантии, что они не будут отданы беззащитными на произвол местных тиранов, на разорение, проскрипции и месть якобинского сброда. В общем, в Марселе и Бордо, особенно в Лионе и Тулоне, секции восстали только из-за этого; действуя быстро и спонтанно, люди отбросили нож, который несколько грубиянов приставили к их горлу; они не хотели и не хотели быть "сентябрьскими", это было их единственной заботой. Если их не отдадут связанными по рукам и ногам мясникам, они откроют свои ворота. На этих минимальных условиях "Гора" могла завершить гражданскую войну еще до конца июля. Ей оставалось только последовать примеру Робера Линде, который в Эврё, где жил Бузо, в Кане, где жила Шарлотта Корде, и в центральном месте беглых жирондистов, установил постоянное повиновение благодаря проявленной им умеренности и сдержанным обещаниям.[1175](#) Меры, умиротворившие наиболее скомпрометированную провинцию, вернули бы и остальные, и благодаря такой политике Париж, не нанеся ни одного удара, получил бы три крупнейших города Франции - столицу Юго-Запада, столицу Юга и столицу Центра.

Напротив, если бы Париж продолжал навязывать им господство своих местных якобинцев, существовал риск того, что они будут брошены в руки врага. Вместо того чтобы вернуться в руки бандитов, которые выкупили и разорили их, Тулон, измученный голодом, собирался принять в своих стенах англичан и сдать им большой арсенал Юга. Не менее голодный Бордо мог склониться к тому, чтобы потребовать помощи от другого английского флота; несколько маршей привели бы пьемонтскую армию в Лион; тогда Франция была бы рассечена надвое, а

план возбуждения Юга против Севера был предложен союзникам наиболее дальновидным из их [советников1176](#). Если бы этот план был осуществлен, вероятно, страна была бы потеряна. В любом случае, было опасно доводить повстанцев до отчаяния: ведь между безудержной диктатурой их победоносных убийц и мушкетом осаждающей армии не могло быть никаких колебаний для людей с любыми чувствами; лучше было быть избитым на валах, чем позволить связать себя для гильотины; доведенные до стойки под эшафотом, их единственным ресурсом было полагаться на себя до последнего.-Таким образом, по своей неразумности "Гора" обрекла себя на ряд осад и блокад, продолжавшихся несколько [месяцев1177](#) , на то, что Вар и Савойя остались без защиты, на истощение арсеналов, на использование против [французов1178](#) войск и боеприпасов, необходимых для борьбы с иностранцами, И все это в тот момент, когда иностранцы брали [Валансьен1179](#) и Майянс, когда тридцать тысяч роялистов организовывались в Лозере, когда большая вендская армия осаждала Нант, когда каждая новая вспышка боевых действий грозила соединить пылающую границу с пожаром в католических странах. [1180](#)-При умелом направлении струи холодной воды "Гора" могла погасить пожары, разожженные ею в великих республиканских городах; в противном случае оставалось только позволить им разрастаться, рискуя поглотить всю страну, не надеясь, что они, наконец, угаснут под массой развалин, и не имея иной цели, кроме как властвовать над пленными и мертвыми.

Но именно такова цель якобинца; его не устраивает меньшее, чем абсолютное подчинение; он должен править любой ценой, как ему заблагорассудится, честными или нечестными методами, неважно, на каких развалинах. Деспот по инстинкту и установке, его догма посвятила его в короли; он король по естественному и божественному праву, во имя вечной истины, такой же, как Филипп II, возведенный на престол его религиозной системой и благословенный его Святой Канцелярией. Поэтому он не может отказаться ни от одного пункта или титула своей власти, не жертвуя принципами, и не может обращаться с мятежниками, если они не сдадутся по своему усмотрению; просто за то, что они восстали против законной власти, они предатели и злодеи. А кто больший негодяй, как не ренегаты, которые после трех лет терпеливых усилий, когда секта наконец достигла своей цели, выступают против ее прихода к [власти1181](#). В Ниме, Тулузе, Бордо, Тулоне и Лионе они не только помешали или задержали удар, который нанес Париж, но и усмирили агрессоров, закрыли клуб, разоружили фанатиков и посадили в тюрьму ведущих маратистов; И что еще хуже, в Лионе и Тулоне пять или шесть убийц, или организаторов резни, Шалье и Риар, Жассо, Сильвестр и Лемайль, предстали перед судом, были осуждены и казнены после процесса, в котором все формы были строго соблюдены.-Это неоспоримое преступление; ибо в этом процессе участвует "Гора"; принципы Сильвестра и Шалье - это ее принципы; то, что совершено в Париже, они пытались совершить в провинции; если они виновны, то виновна и она; она не может терпеть их наказание, не соглашаясь на свое собственное наказание. Соответственно,

* она должна провозгласить их героями и мучениками,

* она должна канонизировать их память, [1182](#)

* оно должно отомстить за их мучения,

* оно должно возобновить и завершить их нападения,

* должно вернуть их сообщников на их места,

* он должен сделать их всемогущими,

* он должен заставить каждый восставший город принять власть своего сброда и негодяев.

Неважно, что якобинцы в меньшинстве, что в Бордо на их стороне лишь четыре из двадцати восьми секций, в Марселе - пять из тридцати двух, что в Лионе они могут насчитать лишь пятнадцать сотен преданных приверженцев. [1183](#) Суфражи не подсчитываются, а взвешиваются, ибо законность основывается не на численности, а на патриотизме, ибо суверенный народ состоит исключительно из некулотов. Тем хуже для городов, где антиреволюционное большинство так велико; они только опаснее; под республиканскими демонстрациями скрывается враждебность старых партий и "подозрительных" классов, умеренных, фельянов и роялистов, купцов, людей юридической профессии, собственников и мускадинов. [1184](#) Эти города - гнезда рептилий и должны быть уничтожены.

IX. Уничтожение мятежных городов

Бордо, Марсель, Лион, Тулон.

Следовательно, послушны они или непослушны, они должны быть уничтожены. Предателями страны объявляются не только члены департаментских комитетов, но в Бордо - все, кто "помогал или пособничал Комитету общественной безопасности", в Лионе - все администраторы; "в Лионе - всех администраторов, чиновников, военных и гражданских, которые "созывали или терпели конгресс Роны и Луары", и, кроме того, "каждого, чей сын, клерк, слуга или даже поденщик мог носить оружие или оказывать сопротивление", то есть всю Национальную гвардию, взявшую в руки оружие, и почти все население, которое давало деньги или голосовало в секциях. [1185](#) В соответствии с этим декретом все они становятся "вне закона", то есть подлежат гильотинированию только по установлению их личности, а их имущество конфискуется. Поэтому в Бордо, где не было сделано ни одного выстрела, мэра Сайге, главного автора представления, сразу же ведут на эшафот без всякого суда и [следствия](#) [1186](#), а восемьсот восемьдесят один человек сменяют его при торжественном молчании потрясенного [населения](#) [1187](#). За одну ночь арестованы двести видных купцов; более пятнадцатисот человек заключены в тюрьму; выкуплены все зажиточные, даже те, против кого не может быть выдвинуто никаких политических обвинений; девять миллионов штрафов наложены на "богатых эгоистов". Один из них, [1188](#) обвиненный в "равнодушии и умеренности", платит двадцать тысяч франков, "чтобы не быть запряженным в машину Революции"; другой, "осужденный за то, что проявил презрение к своей секции и к бедным, давая тридцать ливров в месяц", облагается налогом в миллион двести тысяч ливров, а новые власти, продажный мэр и двенадцать бездельников, составляющих Революционный комитет, торгуют жизнями и имуществом. [1189](#) В Марселе, говорит Дантон, [1190](#) цель - "дать важный урок торговой аристократии"; мы должны "показать себя столь же страшными для торговцев, как для дворян и священников"; поэтому двенадцать тысяч из них подвергаются конфискации, а их имущество продается. [1191](#) С первого дня гильотина работает как можно

быстрее; тем не менее, она работает недостаточно быстро для представителя Фрерона, который находит средства, чтобы заставить ее работать быстрее.

"Военная комиссия, которую мы создали вместо революционного трибунала, - пишет он, - действует на заговорщиков с ужасающей быстротой. Они падают как град под мечом закона. Четырнадцать уже поплатились головой за свое позорное предательство. Завтра будут гильотинированы еще шестнадцать - все начальники легиона, нотариусы, секционисты, члены народного трибунала; завтра же три купца будут танцевать карманьолу, и это те, за кем мы охотимся" [1192](#).

Люди и вещи - все должно погибнуть; он хочет разрушить город и предлагает засыпать гавань. С большим трудом сдерживаясь, Фрерон довольствуется уничтожением "мест обитания" аристократии, двух церквей, концертного зала, домов вокруг него и двадцати трех зданий, в которых проводили свои собрания повстанческие секции.

В Лионе, чтобы увеличить добычу, представители постарались ободрить фабрикантов и купцов туманными обещаниями; те открыли свои лавки и достали из тайников ценные товары, книги и бумаги. Не теряя времени на изъятие награбленного, составляется "список всего имущества, принадлежащего богачам и антиреволюционерам", которое "конфискуется в пользу патриотов города"; кроме того, вводится налог в шесть миллионов, подлежащий уплате через восемь дней теми, кого конфискация еще могла пощадить; [1193](#) провозглашается, согласно принципу, что излишки каждого человека по праву принадлежат *sans-culottes*, и все, что могло быть удержано сверх необходимого, является грабежом отдельного человека в ущерб нации. [1194](#) В соответствии с этим правилом проводится всеобщая облава, затянувшаяся на десять месяцев, в результате которой судьба города с населением в сто двадцать тысяч душ оказывается в руках его негодяев. Тридцать два революционных комитета, "члены которых толсты, как воры, выбирают тысячи преданных им охранников". [1195](#) В конфискованных домах и складах они накладывают печати без описи; выгоняют женщин и детей, "чтобы не было свидетелей"; хранят ключи; входят и крадут, когда им вздумается, или устраиваются на пиру с проститутками. - При этом гильотина продолжает работать, а людей обстреливают и сбивают виноградными пулями. Революционный комитет официально заявляет о тысяче шестистах восьмидесяти двух убийствах, совершенных за пять [месяцев](#) [1196](#), в то время как единомышленник Робеспьера в частном порядке заявляет, что их было шесть [тысяч](#) [1197](#).

Кузнецы приговорены к смерти за то, что обули лионскую кавалерию, пожарные - за то, что тушили пожары, разжигаемые республиканскими бомбардами, вдовы - за то, что платили военный налог во время осады, базарные женщины - за то, что "проявили неуважение к патриотам". Это организованная "Септембрисада", ставшая законной и долговременной; ее авторы настолько хорошо осведомлены об этом, что используют само слово в своей публичной переписке. [1198](#) В Тулоне все еще хуже, людей режут кучами, почти бессистемно. Несмотря на то, что наиболее скомпрометированные жители, в количестве четырех тысяч, укрываются на борту английских судов, весь город, говорят представители, виновен. Четыреста рабочих военно-морской верфи выходят навстречу Фрерону, тот напоминает им, что они продолжали работать во время оккупации города англичанами, и приказывает предать их смерти на месте. Раздается приказ всем "добропорядочным гражданам под страхом смерти собраться на Марсовом поле". Их собралось три тысячи; Фрерон, верхом на лошади, окруженный пушками и войсками, прибывает с сотней маратистов, бывших сообщников Лемайля, Сильвестра и других известных убийц, которые составляют тело местных помощников и советников; он велит им выбирать из толпы по своему усмотрению, в зависимости от обиды, фантазии или каприза; всех, кого назовут, выстраивают вдоль стены и

расстреливают. На следующее утро и в последующие дни операция повторяется: Фрерон пишет 16 числа в Нивозе, что "восемьсот тулонцев уже расстреляны". ... "Залп из мушкетов", - пишет он в другом письме, и после этого залп за залпом, пока "все предатели не исчезли". Затем, в течение трех месяцев после этого, гильотина отправляет восемнадцать сотен человек; одиннадцать молодых женщин должны вместе подняться на эшафот в честь республиканского праздника; девяносточетырехлетнюю старуху несут к ней в кресле. Население, первоначально насчитывавшее двадцать восемь тысяч человек, сокращается всего до шести-семи тысяч.

Всего этого недостаточно; два города, осмелившиеся держать осаду, должны исчезнуть с французской земли. Конвент постановляет, что "город Лион должен быть разрушен: каждый дом, занимаемый богатым человеком, должен быть снесен; должны остаться только жилища бедняков, со зданиями, специально предназначенными для промышленности, и памятниками, посвященными гуманности и народному образованию". 1199 То же самое в Тулоне: "Дома в городе должны быть снесены; сохраняются только те здания, которые необходимы для армии и флота, для складов и боеприпасов". 11100 В связи с этим в Вар и соседние департаменты направляется запрос на двенадцать тысяч каменщиков, чтобы сравнять Тулон с землей. 1199 В Лионе четырнадцать тысяч рабочих сносят замок Пьер-Энсиз, а также великолепные дома на площади Белькур, на набережной Сен-Клер, на улице Рюс-Клер, улицы Фландр и Бурнеф и многие другие; стоимость всего этого составляет четыреста тысяч ливров в десятилетие; за шесть месяцев Республика тратит пятнадцать миллионов на уничтожение имущества стоимостью в три или четыреста миллионов, все принадлежащие Республике. 11101 Со времен монголов V-XIII веков не было такого огромного и неразумного расточительства, такого неистовства по отношению к самым выгодным плодам промышленности и человеческой цивилизации. 11101 Конечно, можно понять, как монголы-кочевники хотели превратить землю в одну огромную степь. Но разрушать город, арсенал и гавань которого поддерживаются им, уничтожать лидеров промышленных интересов и их жилища в городе, где сохранились его рабочие и фабрики, поддерживать фонтан и останавливать поток, вытекающий из него, или поток без фонтана - это настолько абсурдно, что эта идея могла прийти в голову только якобинцу. Его воображение настолько разгулялось, а предвидение стало настолько ограниченным, что он уже не замечает противоречий; свирепая глупость варвара и неподвижная идея инквизиции встречаются на одной почве; земля недостаточно велика для всех, кроме него самого и ортодоксов его вида. Используя абсурдные, раздутые и зловещие термины, он издает указ об истреблении еретиков: не только их памятники, жилища и люди должны быть уничтожены, но и всякий след их должен быть истреблен, а их имена потеряны для человеческой памяти 11102.

"Название Тулона должно быть упразднено; эта коммуна отныне будет носить название Порт-ла-Монтань"; "название Лиона должно быть вычеркнуто из списка городов, принадлежащих Республике; оставшееся собрание домов отныне будет носить название Виль-Аффранки. На руинах Лиона должна быть воздвигнута колонна с надписью: "Лион воевал со Свободой! Лиона больше нет!".

Х. Уничтожение партии жирондистов

Уничтожение партии жирондистов.

Депутаты от "правых".- Заключение в тюрьму 73.- Казнь

21.- Казнь, самоубийство или бегство остальных.

Во всем этом нет намерения пощадить в Париже вождей восстания или партии, депутатов или министров; напротив, цель - завершить подчинение Конвента, заглушить ропот "правых", навязать молчание Дюко, Бойе-Фонфреду, Вернье и Куэю, которые еще говорят и протестуют.¹¹¹⁰³ Поэтому декреты об аресте или смерти, еженедельно спускаемые с вершины "Горы", обрушиваются на большинство, как пушки, выпущенные в толпу.

Обвинительные декреты следуют один за другим: 15 июня - против Дюшателя, 17-го - против Барбару, 23-го - против Бриссо, 8 июля - против Деверите и Кондорсе, 14-го - против Лауза-Деперре и Фоше, 30-го - против Дюпра-мл, Вале и Майнвиля, 2 августа - Руйера, Брюнеля и Карра; Карра, Лауз-Деперре и Фоше, присутствовавшие на заседании, схвачены на месте, что является обычным физическим предупреждением: ни одно средство не является более эффективным для усмирения буйных.-18 июля принимаются декреты, обвиняющие Кустара, 28 июля - Генсонне, Ла Соссюра, Верньо, Моллево, Гардьена, Гранженева, Фоше, Буало, Валазе, Кюсси, Мейяна; каждый из них знает, что трибунал, перед которым он должен предстать, - это зал ожидания гильотины.-12 июля выносятся приговоры Бирото, 28 июля - Бузо, Барбару, Горсас, Ланжюньи, Саллес, Луве, Бергоинг, Петион, Гваде, Шассе, Шамбон, Лидон, Валади, Дефермон, Кервелеген, Ларивьер, Рабо-Сен-Этьен и Лесаж; Объявленные преступниками и предателями, они должны быть отправлены на эшафот без суда и следствия, как только их удастся схватить.-Наконец, 3 октября, в самом Собрании с помощью большой сети сметают со скамей всех депутатов, которые еще способны на независимость: первым делом закрывают двери зала, что делает Амар, репортер Комитета общей безопасности¹¹¹⁰⁴; затем, после декламационной и клеветнической речи, которая длится два часа, он зачитывает имена в двух списках проскрипций: сорок пять депутатов, более или менее видных среди жирондистов, должны быть немедленно вызваны в революционный трибунал; семьдесят три других, подписавших тайные протесты против 31 мая и 2 июня, должны быть посажены в тюрьму. Никаких споров! Большинство не осмеливается даже высказать свое мнение. Некоторые из осужденных пытаются оправдаться, но их не слушают; никто, кроме монтаньяров, не имеет слова, и они только и делают, что пополняют списки, каждый по личной неприязни; Левассер предлагает посадить Виже, а Дюруа добавляет имя Ришона. После того как названы их имена, все несчастные, оказавшиеся в списке, тихонько выходят вперед и "сбиваются в кучу у стены дома, как агнцы, предназначенные на заклание", и здесь они разделяются на два стада; с одной стороны - семьдесят три человека, с другой - десять или двенадцать, которые вместе с жирондистами, уже содержащимися под замком, должны составить сакраментальное и народное число - двадцать два предателя, наказание которых - требование якобинского воображения¹¹¹⁰⁵; слева - партия для тюрьмы, справа - партия для гильотины.

Для тех, кто может поддаться искушению подражать им или защищать их, это достаточный урок.¹¹¹⁰⁵ Под освистывание, шипение и оскорбления, раздающиеся с улиц, семьдесят три человека¹¹¹⁰⁶ направляются в комнату для заключенных в ратуше. Здесь, уже переполненной, они проводят ночь, стоя на скамьях и едва дыша. На следующий день их загоняют в тюрьму для убийц и грабителей "la Force", расположенную на шестом этаже под крышей; в этом узком чердаке их кровати касаются друг друга, а двое депутатов вынуждены спать на полу из-за нехватки места. Под световыми люками, служащими окнами, и у

подножия лестницы находятся два свинарника; в конце квартиры - уборные, а в одном углу - ночная ванна, которая довершает отравление атмосферы, и без того уже испорченной этой тесной человеческой массой. Постели состоят из мешков с соломой, кишящих паразитами; они вынуждены терпеть [дисциплину11107](#), паек и беспорядок каторжников. Им повезло, что они избежали наказания: Амар, воспользовавшись их молчаливым поведением, обвиняет их в заговоре; другие монтаньяры тоже хотят предать их революционному трибуналу: в любом случае, решено, что Комитет общей безопасности изучит их записи и сохранит за собой право определять новых виновных среди них. Таким образом, в течение десяти месяцев они остаются под ножом, ежедневно ожидая, что присоединятся к двадцати двум на площади Революции. Что касается последних, то цель состоит не в том, чтобы судить их, а в том, чтобы убить, и видимость суда - это просто судебное убийство; обвинительный акт против них состоит из клубных сплетен; они обвиняются в том, что желали реставрации монархии, состояли в переписке с Питтом и [Кобургом11108](#); в том, что возбудили Вандею к восстанию. Им приписывают предательство Дюмуреэза, убийство Лепеллетье и убийство Марата; притворные свидетели, выбранные из числа их личных врагов, приходят и повторяют, как заведенные, одну и ту же плохо придуманную басню: ничего, кроме туманных обвинений и явной лжи, ни одного определенного факта, ни одного убедительного документа; отсутствие доказательств таково, что процесс должен быть прекращен как можно скорее. "Вы, храбрые представители суда, - пишет Эбер, - не теряйте времени даром. К чему столько церемоний, чтобы сократить дни несчастных, которых народ уже осудил?" Особое внимание уделяется тому, чтобы не дать им возможности высказаться. Красноречие Верньо и логика Гваде могут в последний момент переломить ситуацию. Поэтому оперативный декрет разрешает трибуналу прекратить разбирательство, как только присяжные станут достаточно просвещенными, что и происходит после седьмого заседания суда, запись о смерти внезапно приветствует обвиняемых, которым не дают возможности защищаться. Один из них, Валазе, закалывает себя в открытом суде, и на следующий день национальный рубильщик отрубает оставшиеся двадцать голов за тридцать восемь минут. - Еще более оперативны процессы против обвиняемых, которые избегают суда. Горсас, схваченный в Париже 8 октября, был гильотинирован в тот же день. Бирото, схваченный в Бордо 24 октября, поднимается на эшафот через двадцать четыре часа. Остальные, выслеженные, как волки, бродящие в маскировке от одного укрытия к другому, и большинство из них арестованные по очереди, имеют лишь выбор из нескольких видов смерти. Камбон убит, защищаясь. Лидон, защищаясь, вышибает себе мозги, Кондорсе принимает яд в караульном помещении Бур-ла-Рен. Роланд убивает себя шпагой на шоссе. Клавьер закалывает себя в тюрьме. Ребекки находят утонувшим в гавани Марселя, а Петиона и Бузона наполовину съедают волки на болоте в Сент-Эмильоне. Валади казнен в Перигё, Дешезо - в Рошфоре, Гранженев, Гуаде, Салль и Барбару - в Бордо, Кустар, Кюсси, Рабу-Сент-Этьен, Бернар, Мазуйер и Лебрэн - в Париже. Даже те, кто ушел в отставку в январе 1793 года, Керсен и Манюэль, искупают своей жизнью преступление, связанное с переходом на сторону "правых", и, конечно, мадам Ролан, которую принимают за лидера партии, одной из первых подвергается гильотинированию. [11109](#) Из ста восьмидесяти жирондистов, возглавлявших Конвент, сто сорок погибли или находятся в тюрьме, или бежали под страхом смертной казни. После такого сокращения и такого примера оставшиеся депутаты не могут быть иными, кроме как [покорными11110](#); ни в центральных, ни в местных органах власти "Гора" не встретит сопротивления; ее деспотизм практически установлен, и остается только провозгласить это в юридической форме.

XI. Институты революционного правительства

Институты революционного правительства.

принцип, объекты, процедуры, инструменты и структура.

Комитет общественной безопасности.-Подчинение конвента

и министерству.-Использование Комитета общей безопасности

и Революционного трибунала.-Административная

централизация.-Представители в миссиях, национальные агенты

-Представители в командировках, национальные агенты и революционные комитеты.-

Закон Лежа-Меджести.

-Восстановление и усиление институтов старой

монархии.

После 2 августа, по предложению Базире, Конвент постановляет, что "Франция находится в состоянии революции до тех пор, пока не будет признана ее независимость." Это [означает11111](#), что период лицемерных фраз закончился, что Конституция была всего лишь вывеской для ярмарки и что шарлатаны, которые ею пользовались, больше в ней не нуждаются, что она должна быть убрана в магазин вместе с другими рекламными материалами, что индивидуальные, местные и парламентские свободы упразднены, что правительство произвольно и абсолютно, что ни одно учреждение, закон, догма или прецедент не дают ему никакой гарантии против прав народа, что собственность и жизнь полностью отданы на его милость, что больше нет никаких прав человека.-Шесть недель спустя, когда благодаря протесту сорока пяти и аресту семидесяти трех человек повиновение Конвенту было обеспечено, все это смело и официально объявляется на трибуне. "В нынешних условиях Республики, - говорит Сен-Жюст, - Конституция не может быть проведена в жизнь, поскольку это позволило бы совершать посягательства на свободу, так как для их пресечения не хватало бы насильственных мер". Мы больше не должны управлять "в соответствии с максимами естественного мира и справедливости; эти максимы действительны только среди друзей свободы", но они неприменимы между патриотами и злонамеренными людьми. Последние находятся "вне нашего суверенитета", они незаконны, исключены из общественного договора, являются мятежными рабами, подлежат наказанию или тюремному заключению, а среди злонамеренных должны быть ["равнодушные11112"](#). "Вы должны наказывать того, кто пассивен в Республике и ничего для нее не делает", ибо его пассивность является изменой и причисляет его к другим врагам общества. Теперь между народом и его врагами нет ничего общего, кроме меча; сталь должна управлять теми, кто не может быть управляем "по справедливости"; монархическое и нейтральное большинство должно быть подавлено (comprimé);

"Республика будет основана только тогда, когда sans-culottes ["11113](#), единственные представители нации, единственные граждане, "будут править по праву завоевания" ["11114](#).

Смысл этих слов более чем ясен. Режим, план которого излагает Сен-Жюст, - это режим, с помощью которого любая олигархия захватчиков устанавливает и удерживает свою власть над покоренным народом. Благодаря этому режиму в Греции десять тысяч спартанцев после

дорийского нашествия овладели тремястами тысячами гелотов и периаков; благодаря этому режиму в Англии шестьдесят тысяч норманнов после битвы при Гастингсе овладели двумя миллионами саксов; Благодаря этому режиму в Ирландии, после битвы при Бойне, двести тысяч английских протестантов овладели миллионом ирландцев-католиков; благодаря этому режиму триста тысяч якобинцев во Франции овладеют семью или восемью миллионами жирондистов, фельянов, роялистов или индифферентных.

Эта система правления очень проста и заключается в том, чтобы держать подвластное население в состоянии крайней беспомощности и крайнего террора. Для этого его [разоружают11115](#) ; держат под надзором; запрещают все совместные действия; его взоры всегда должны быть устремлены на поднятый топор и на всегда открытые двери тюрьмы; его разоряют и уничтожают.- За последние шесть месяцев были приняты и применены все эти меры: разоружение "подозреваемых", налоги на богатых, максимальные меры против торговцев, поборы с землевладельцев, массовые аресты, быстрое исполнение приговоров, произвольные смертные приговоры и публичные, многократные пытки. В течение последних шести месяцев создаются и приводятся в действие всевозможные исполнительные органы: Комитет общественной безопасности, Комитет общей безопасности, амбулаторные проконсулы со всей полнотой власти, местные комитеты, уполномоченные по своему усмотрению облагать налогами и заключать в тюрьмы, революционная армия, революционный трибунал. Но из-за отсутствия внутренней гармонии и центрального импульса машина работает лишь наполовину, власть недостаточна, а ее действие недостаточно масштабно и универсально.

"Вы слишком отдалены от заговоров, направленных против вас, - говорит [Сен-Жюст11116](#) , - необходимо, чтобы меч закона повсюду был быстро поднят и чтобы ваша рука повсюду была наготове для задержания преступлений". Министры признаются, что, кроме своих первых и вторых подчиненных, они не находят ничего, кроме инертности и безразличия "[11117](#)"; "Такая же апатия наблюдается у всех правительственных агентов, - добавляет Бийо-Варенн, - второстепенные органы, которые являются сильной стороной революции, служат только для того, чтобы препятствовать ей". Декреты, передаваемые по административным каналам, поступают медленно и небрежно. "Вам не хватает той со-активной силы, которая является принципом бытия, действия, исполнения..... Каждое хорошее правительство должно обладать центром воли и связанными с ним рычагами.... Каждая деятельность правительства должна исходить исключительно из центрального источника".

"В обычных правительствах, - говорит, наконец, [Кутон11118](#) , - право избирать принадлежит народу; вы не можете отнять его у него. В чрезвычайных правительствах все побуждения должны исходить из центра; именно из конвенции должны исходить выборы..... Вы нанесете вред народу, доверив ему избрание должностных лиц, потому что подвергнете его опасности избрать людей, которые предадут его".

-В результате конституционные максимы 1789 года уступают место радикально противоположным максимам; вместо того чтобы подчинить правительство народу, народ становится подчиненным правительству. Иерархия древнего режима восстанавливается на революционных условиях, и отныне все полномочия, гораздо более грозные, чем при древнем режиме, перестают делегироваться из глубины на вершину и отныне будут делегироваться с вершины вниз.

На вершине комитет из двенадцати членов, подобный прежнему королевскому совету, осуществляет коллективную королевскую власть; номинально власть распределяется между двенадцатью, на практике же она сосредоточена в нескольких руках. Несколько членов

занимают лишь подчиненное положение, и среди них Барер, который, официальный секретарь и рупор, всегда готов произнести речь или подготовить редакционную статью; другие, с особыми функциями, Жан Бон Ст. Андре, Линде, и прежде всего Приер де ла Кот-д'Ор и Карно, ограничиваются каждый своим департаментом, флотом, войной, снабжением, с пустыми подписями, за которые они дают взамен свои подписи политическим лидерам; последние, называемые "государственными деятелями", Робеспьер, Кутон, Сен-Жюст, Колло д'Эрбуа, Бийо-Варенн, являются настоящими правителями, осуществляющими общее руководство. Правда, их мандат приходится продлевать ежемесячно; но это уже несомненно, ибо при нынешнем состоянии Конвента его голосование, требуемое заранее, становится почти пустой формальностью. Более покорный, чем парламент Людовика XIV, Конвент без обсуждения принимает декреты, которые Комитет общественной безопасности представляет ему в готовом виде. Это не более чем канцелярия, да и то с трудом, поскольку он отказался от права назначать свои собственные комитеты - эта функция возложена на Комитет общественной безопасности; он голосует в целом за все списки имен, которые присылает [Комитет11119](#). Естественно, в него не вписывают никого, кроме существ последних и верных; таким образом, вся законодательная и парламентская власть принадлежит ему. -Что касается исполнительной и административной власти, то министры стали простыми канцеляристами Комитета общественной безопасности; "они приходят каждый день в определенные часы для получения его распоряжений и актов [111120](#); они представляют ему "список с объяснениями всех агентов", посланных в департаменты и за границу; они сообщают ему все мельчайшие подробности; Они - его писцы, просто его марионетки, настолько ничтожные, что в конце концов лишаются своего звания, и для "Комиссии внешних сношений" берут бывшего школьного учителя, неумелого клубиста, завсегдатая баров и столпа бильярдной, едва ли способного прочесть документы, которые ему приносят на подпись в кафе, где он проводит свои дни. [11121](#)-Таким образом, вторая власть в государстве превращается Комитетом в отряд прислужников, а первая - в аудиторию клкеров.

Чтобы заставить их выполнять свои обязанности, у него есть две руки: одна, правая, которая захватывает людей за воротник, - это Комитет общей безопасности, состоящий из двенадцати крайних монтаньяров, таких как Панис, Вадье, Ле Бас, Жеффруа, Давид, Амар, Ла Викомтери, Лебон и Рюль, все выдвинутые, то есть назначенные им, являющиеся его единомышленниками и подчиненными. Они - лейтенанты полиции, и раз в неделю они приходят и принимают участие в его работе, как раньше Сартины и Ленуары помогали генеральному контролеру. Человек, которого этот тайный комитет считает "подозреваемым", внезапно схвачен, неважно кем, будь то представитель, министр или генерал, и на следующее утро оказывается за решеткой в одном из десяти новых Бастилий; там другая рука хватает его за горло; это революционный трибунал, исключительный суд, подобный чрезвычайным комиссиям древнего режима, только гораздо более страшный. Комитет общественной безопасности, опираясь на свою полицейскую банду, сам выбирает шестнадцать судей и шестьдесят [присяжных11122](#) из числа самых подневольных, самых яростных или самых жестоких фанатиков:[11123](#) Фукье-Тинвиль, Герман, Дюма, Пайан, Коффиналь, Флерио-Леско, и, ниже по шкале, священники-отступники, дворяне-отступники, разочарованные художники, увлеченные мастерские, подмастерья, едва способные написать свое имя, сапожники, столяры, плотники, портные, цирюльники, бывшие лакеи, идиоты вроде Ганни, глухие вроде Леруа-Дикс-Аоута; Их имена и профессии говорят обо всем, что необходимо сказать: эти люди - лицензированные и оплачиваемые убийцы. Самим присяжным выдается по восемнадцать франков в день, чтобы они могли более спокойно заниматься своим делом. Это дело состоит в том, чтобы осуждать без доказательств, без всяких ходатайств и почти без всяких экспертиз, в спешке, партиями, кого бы Комитет

общественной безопасности ни прислал к ним, даже самых закоренелых монтаньяров: Дантон, устроивший трибунал, скоро это обнаружит. Именно благодаря этим двум правительственным учреждениям Комитет общественной безопасности держит каждую голову под тесаком, и каждая голова, чтобы не быть срубленной, [склоняется11124](#), как в провинции, так и в Париже.

Это произошло, когда существующая местная иерархия была заменена новыми органами власти, в результате чего всемогущая воля Комитета стала проявляться повсюду. Прямо или косвенно, "все правительственные меры или меры общественной безопасности, все, что касается людей, общей и внутренней полиции, все учрежденные органы и все государственные служащие находятся под его контролем". [11125](#) Можно представить, как тяготил их риск быть гильотинированными.

Чтобы заранее подавить всякую тенденцию к административной инерции, он отнял у слишком могущественных, слишком уважаемых департаментских правительств, "слишком склонных к федерализму", их департаментское господство и их "политическое влияние" [11126](#). Он свел их к взиманию налогов и надзору за дорогами и каналами; он вычистил их через своих агентов; он вычистил даже правительства муниципалитетов и округов. Чтобы заранее подавить всякую возможность народной оппозиции, он сократил заседания секций до двух в неделю; он назначает в эти секции, примерно за сорок су в день, большинство санкюлотов; он приказывает приостановить "до дальнейших указаний" все муниципальные [выборы11127](#).

Наконец, чтобы иметь полный контроль на месте, он назначает своих людей, во-первых, комиссаров и представителей в миссиях, своего рода временный корпус директоров, направляемых в каждый департамент с неограниченными [полномочиями11128](#); затем - национальных агентов, своего рода постоянный орган субделегатов, через которых в каждом округе и муниципалитете он заменяет [прокуроров-синдиков11129](#). К этой армии функционеров добавляется в каждом городе, бурге или большой деревне революционный комитет, которому платят по три франка в день на члена, поручают применение его декретов и требуют от него отчетов. Никогда прежде не было такой обширной и тесно сплетенной сети, созданной сверху, чтобы охватить и держать в плену двадцать шесть миллионов человек. Такова реальная конституция, которую якобинцы подменяют конституцией, подготовленной ими для показухи. Из арсенала разрушенной ими монархии они взяли самые деспотические институты - централизацию, королевский совет, лейтенантов полиции, специальные трибуналы, интендантов и субделегатов; они выкопали старинное римское право *lèse-majesty*, отреставрировали старые клинки, которые цивилизация затупила, нацелили их в каждую глотку и теперь наугад орудуют ими против свобод, собственности и жизни. Его называют "революционным правительством"; согласно официальным заявлениям, оно должно существовать до тех пор, пока не будет обеспечен мир; в сознании истинных якобинцев оно должно существовать до тех пор, пока все французы не будут возрождены в соответствии с формулой.

1101 ([возвращение](#))

[Тит Флавиус Клеменс, (греческий писатель, родившийся в Афинах около 150 г. и умерший в Каппадосе в 250 г.) Жил в Александрии. (CP)].

1102 (возвращение)

["Слова Марата".]

1103 (обратно)

[После завершения работы над Конституцией, сказал Лежандр в клубе якобинцев, мы заставим федералистов танцевать.]

1104 (обратно)

[Archives Nationales, F.I.C.. 56, (Циркуляр Гойера, министра юстиции, к французскому народу, 6 июля 1793 г.). "Некоторые лица склонны извращать события 31 мая и 2 июня путем чудовищных преувеличений и грубейших небылиц и препятствовать тому, чтобы были видны представленные в них счастливые результаты. Они твердо намерены не видеть ничего, кроме нарушения свободы народных представителей в шаге, который был специально разработан для того, чтобы ускорить принятие Конституционного акта, на котором основана всеобщая свобода. Какое значение имеет, кто является автором представленной вам Конституции? Не все ли равно, исходит ли она с горы среди молний и раскатов грома, как Скрижали Закона, данные Евреям, или же, подобно законам, данным первым римлянам, вдохновлена в спокойном убежище божества, ревнующего к своему религиозному окружению? Достоянна ли эта конституция свободного народа? Это единственный вопрос, который должны исследовать граждане, носящие ливрею ни одной из партий!"]

1105 (возвращение)

[Buchez et Roux, XXVIII., 177. (доклад Эро Сешель, 10 июня 1793 г.). Там же, XXXI, 400. (Текст конституции, представленный на обсуждение 11 июня и принятый 24 июня)].

1106 (возвращение)

[De Sybel, II., 331. (Согласно факсимиле, опубликованному в "Квартальном обозрении"). "Эро говорит, что ему и четырем его коллегам приказано представить проект конституции к понедельнику"].

1107 (возврат)

["Доклад Эро-Сешеля" (Buchez et Roux, XXVIII. 178.)].

1108 (возврат)

[Buchez et Roux, XXXI, 400. (Статьи Декларации прав, 1, 7, 9, 11, 27, 31, 35)]

1109 (возврат)

[Buchez et Roux, XXVIII, 178. Доклад Эро-Сешеля. "У каждого из нас было одно и то же желание - достичь наибольшего демократического результата. Мы постоянно думали о суверенитете народа и достоинстве человека... Тайное чувство говорит нам, что наша работа, возможно, самая популярная из когда-либо существовавших"].

1110 (возврат)

["Archives Nationales", B. II, 23. (Таблица голосов комиссии, назначенной для сбора протоколов принятия конституции, 20 августа 1793 г.) - Число первичных собраний, приславших свои протоколы, 6 589 (516 кантонов еще не прислали свои). -Количество избирателей, принявших участие в голосовании, 1 795 908; "за" - 1 784 377, "против" - 11 531. -Количество первичных собраний, проголосовавших "за" единогласно, а не по фамилиям, 297. -В Париже 40 990 избирателей, в Труа 2 491, в Лиможе 2 137. -См. подробности и мотивы воздержания, Sauzay IV. pp. 157-161. Albert Babeau, II, pp. 83 и 84. Moniteur, XVII., 375 (речь представителя Десвара)].

1111 (возвращение)

[Там же, Moniteur, XVII., 20. (доклад Баррера о созыве первичных собраний 17 июня 1793 г.). Там же, 102 (отчет Камбона, 11 июля). "Прошло уже две недели с тех пор, как вы потребовали Конституцию. Очень хорошо, вот она..... Уважение к личности и собственности в ней обеспечено в достаточной мере. Да, более определенно, чем в любой другой конституции. Предусмотрен ли в ней собственный пересмотр? Да, потому что через шесть недель мы сможем созвать первичные собрания и выразить свое желание провести реформу, которая может оказаться необходимой. Будет ли уважаться народное желание? Да, тогда народ примет окончательные законы"].

1112 (возвращение)

[Guillon de Montléon, I., 282, 309.- Buchez et Roux, XXVIII, 356, 357 (Journal de Lyon № 223 и 224.) "Принятие Конституции не было ни полным, ни очень искренним; люди ставили себе в заслугу, что приняли порочное и отрывочное произведение". Meillan, "Mémoires", 120. (В июле он уезжает из Кана в Кимпер). "Хотя нас заверили, что мы должны проезжать только через маратистские города, мы имели удовольствие убедиться, что почти все жители относятся к Марату с ужасом. Они действительно приняли конституцию, предложенную Комитетом общественной безопасности, но только для того, чтобы покончить с этим делом, и на условиях, которые говорили бы о них хорошо; ибо повсюду требовали возобновления Конвента и наказания за нападения на него". Это и аналогичные ему пожелания содержатся в протоколах многих первичных собраний (Archives Nationales, B. II., 23), например, в протоколах тринадцати кантонов Эна. Кроме того, выдвигается требование реинтеграции Двадцати двух, упразднения революционного трибунала, подавления абсолютных проконсульств, организации ведомственной охраны для обеспечения будущего Конвента, роспуска революционной армии и т. д.].

1113 (возвращение)

["Moniteur", XVII., 20. Доклад Барера: "Конституционный акт проведет черту между республиканцами и роялистами"].

1114 (возврат)

[Archives Nationales, F.I.C., 54. (Циркуляр министра Гойера, 6 июля 1793 г.) "Именно сегодня,

созванные к алтарю страны, те, кто желает республики, будут известны поименно, а те, кто ее не желает, будут одинаково известны, говорят ли они или молчат"]].

1115 (возвращение)

[Sauzay, IV., 160, 161. (Статья Видетты.) Следовательно, "все неконституционно настроенные дворяне и священники считали своим долгом идти на собрания и с радостью принять конституцию, которая гарантировала всем свободу и собственность"]].

1116 (возвращение)

["Journal des Débats de la Société des Jacobins", No. For 27 июля 1793 г. (переписка, No. 122)].

1117 (возврат)

["Moniteur", XVII., 156, 163].

1118 (возврат)

[Sauzay, IV., 158: "Мотивы судебных решений таким образом излагались самими судьями"]].

1119 (возврат)

[Moniteur, XVII., 40, 48, 72, 140, 175, 194, 263. (Ср. речи Шометта, 14 июля, и доклад Госсона, 9 августа).-Archives Nationales, B. II., 23. Отрицательных голосов в Ардеше 5, в Ауде 5, Мозеле 5, Соне-и-Луаре 5, Кот-д'Ор 4, Крезе 4, Верхнем Рейне 4, Жерсе 4, Верхней Гаронне 3, Обе 2, Буш-дю-Рон 2, Кантале 2, Бассес-Альпах 1, Верхней Марне 1, Верхней Вьенне 1, Варе 0, Сене 0.- Любопытны детали и обстоятельства голосования. В департаменте Об, в Труа, вторая секция, по согласованию с третьей, исключила из голосования "подозреваемых". В Париже секция "Французские сады", президент Фуркруа, объявляет 1 714 избирателей, из которых 1 678 граждан и 36 горожан. В секции "Монблан" секретарь расписывается следующим образом: Trone segretaire general de la semblé].

1120 (обратно)

[Moniteur, XVII., 375. (Заседание конвента, 11 августа 1793 г.). Шабо: "Я требую закона, обязывающего каждого, кто не явился на первичное собрание, указать уважительную причину своего отсутствия; также, чтобы любой человек, не поддержавший Конституцию, был объявлен не имеющим права на все конституционные права". Там же, 50. (Собрание Коммуны, 4 июля). Леонард Бурдон требует от имени своей секции, Гравилье, составить реестр, в который будут вноситься те, кто принимает Конституцию, "чтобы были известны те, кто не голосует за нее" - Souzay, IV. 159. Месье Буайон из Бельербе арестован "за то, что присутствовал на первичном собрании кантона Воклюз и, когда ему предложили принять конституционный акт, ушел, не проголосовав"]].

1121 (возвращение)

[Moniteur, XVII., 11. (Инструкции о способе принятия Конституции).-Sauzay IV., 158.-Moniteur,

XVII., 302. (Речь Гарата, 2 августа.) "Я отправил комиссаров, чтобы провести Конституционный акт через первичные собрания" - Дюран-Майян. 150. "Посланники департаментов были взяты из тогдашней сан-кулоттерии, поскольку они правили в Конвенте"]].

1122 (возвращение)

[Sauzay, IV., 158.]

1123 (возврат)

[Moniteur, XVII., 363. (Доклад Госсюэна Конвенту, 9 августа). "Существуют первичные собрания, которые расширили свои дискуссии за пределы принятия Конституции. Это принятие почти единогласно, все остальные предметы составляют предмет петиций, которые должны быть переданы компетентным комитетам" - Там же, 333. (Речь Делакура). "Антиреволюционные делегаты, посланные заговорщиками, которых мы имели в Конвенте, должны быть наказаны". (6 августа.)].

1124 (возвращение)

["Moniteur", там же, 333. Речь и ходатайства Базире, 8 августа -XIX, 116. Доклад Вуланда, 2 января 1794 года. Жалованье Майяра и его приверженцев составило двадцать две тысячи ливров.-XVIII., 324. (Заседание 5 августа. Речи Госсена, Тибо и Лакруа.)-Там же, 90. (Заседание 8 августа III года.) Речь Бурдона де л'Уаза: "Мы были вынуждены выбирать людей из числа посланников, чтобы найти тех, кто склонен к жестким мерам"]].

1125 (возвращение)

["Moniteur", XVII., 330. Декрет Коммуны от 6 августа].

1126 (обратно)

[Moniteur, XVII., 332. (Сессия Конвента, 6 августа.)-См. "Дневник" Болье от 6 августа. Болье упоминает несколько депутаций и ходатайств того же порядка, а также сообщает о тревоге "Горы" ["Durand-Maillane", "Mémoires", 151]. "Среди посланников департаментов были здравомыслящие люди, которые, не одобряя всех шагов, предпринятых их собратьями, высказывали и демонстрировали совершенно противоположные настроения. Они подвергались преследованиям и были заключены в тюрьму" - "Archives des Affaires étrangères", vol. 1411. (Отчет агентов от 10 и 11 августа.) Комиссары департамента... показались нам в наилучшем расположении духа. Однако среди них есть интриганы; мы следим за некоторыми из них и стараемся, общаясь с ними, не дать им соблазниться или увлечься вероломными предложениями некоторых негодяев, друзей федерализма, среди них..... Несколько патриотически настроенных комиссаров уже осудили нескольких своих собратьев, обвиненных в любви к королевской власти и федерализму"]].

1127 (возврат)

[Buche et Roux, XXVIII., 408.]

1128 ([обратно](#))

[Moniteur., XVII., 330. (Закон, принятый Коммуной 6 августа)].

1129 ([возврат](#))

[Archives des Affaires étrangères, vol. 1411. (Доклады агентов, 10 и 11 августа). "Граждане сегодня с нетерпением ждут, кто посадит комиссара за свой стол: кто будет лучше с ним обращаться. ...Комиссары первичных собраний приходят и братаются с ними в Якобинском клубе. Они перенимают их максимы и увлекаются энергией добрых и истинных республиканских санкюлотов в клубах"].

1130 ([обратно](#))

["Moniteur", XVII., 307, 308. (Доклад Кутона Конвенту, 2 августа.) "Вы ранили бы, вы возмутили бы этих республиканцев, если бы позволили исполнять перед ними бесконечное множество пьес, наполненных оскорбительными намеками на свободу"].

1131 ([возвращение](#))

[Там же, 124. (Заседание от 5 августа)].

1132 ([возврат](#))

[Там же, 314; (Письмо Люлье, 4 августа.)- 322, Заседание Коммуны, 4 августа; 332, (Заседание Конвента, 6 августа.)- Buchez et Roux, XXVIII., 409. (Заседание Якобинского клуба, 5 августа)].

1133 ([возвращение](#))

[Buchez et Roux, 411 (Статья в Journal de la Montagne.)].

1134 ([возврат](#))

[Moniteur, XVII., 348.]

1135 ([возврат](#))

["Le Fédération" была в 1790 году "Ассоциацией национальных гвардейцев". (SR)].

1136 ([возврат](#))

[Buchez et Roux, XVIII., 415 и последующие страницы].

1137 ([возврат](#))

[Там же, 352.- Ср. Болье, "Дневник", 9 августа].

1138 (возврат)

[О механическом характере празднеств Революции читайте программу "Гражданского праздника в честь доблести и нравственности", устроенного Фуше в Невере, в 1-й день 1-й декады 2-го месяца II года. (De Martel, "Etude sur Fouché", 202); также программа "Праздника в честь доблести и нравственности" в Ссо, организованного патриотом Паллуа, президиум 20, год II. (Dauban, Paris en 1794, p.187)].

1139 (возвращение)

["Она обошлась в один миллион двести тысяч франков, помимо расходов на проезд восьми тысяч делегатов"].

1140 (обратно)

[Buchez et Roux, XXVIII., 439, и последующие страницы. Словесные шествия на национальном празднике 10 августа.- Дюбан "Демагогия в 1791 году". (Отрывок из республиканского ритуала)].

1141 (возврат)

["Moniteur", XVII., 366. (Заседание 11 августа. Речь Лакруа и декрет в соответствии с ней)].

1142 (возврат)

[Там же, 374. "Помните, что вы несете ответственность перед народом и вселенной за этот священный ковчег. Помните, что ваш долг - скорее умереть, чем совершить святотатственное рукоприкладство....."].

1143 (возврат)

[Buchez et Roux, XXVIII., 358. Из контекста речи ясно, что Робеспьер и якобинцы желали сохранить Конвент, поскольку предвидели выборы жирондистов].

1144 (возвращение)

["Moniteur", XVII., 382. (Заседание 12 августа. Речь Лакруа)].

1145 (возврат)

[Там же, 387.- Ср. Там же, 410, заседание 16 августа. Делегаты возвращаются туда, чтобы настоять на массовом сборе, поскольку сбор первого класса не кажется им достаточным. (сбор означает мобилизацию всех мужчин) - Buchez et Roux, XXVIII., 464. Делегат Ройер, куратор Шалон-сюр-Саон, требует, чтобы аристократы, "скованные в шестерки", были поставлены в первую шеренгу в бою, "чтобы избежать риска *sauve qui peut*"].

1146 (возвращение)

[Декреты от 14 и 16 августа.]

1147 (обратно)

[Moniteur, XVII., 375.]

1148 (возврат)

[Riouffe, "Mémoires", 19: "Целое поколение, настоящие ученики Жан-Жака, Вольтера и Дидро, могло быть уничтожено и было уничтожено в значительной степени под предлогом федерализма"].

1149 (возвращение)

["Moniteur", XVII., 102. (Речь Камбона, 11 июля 1793 г.). Archives Nationales, AF. II., 46. (Речь генерала Вимпфена в "Обществе друзей свободы и равенства", заседание в Шербуре, 25 июня 1793 г.). "Шестьдесят четыре департамента уже отменили полномочия, предоставленные их представителям". Meillan, "Mémoires", 72: "В архивах Бордо когда-то хранились акты, принятые семьюдесятью двумя департаментами, и все они придерживались мер, почти таких же, как те, что указаны в наших документах"].

1150 (возврат)

[Buchez et Roux, XVIII., 148.- Meillan, 70, 71.- Guillon de Montléon, I., 300 (о Лионе) и I., 280 (о Бордо). Archives Nationales, AF II., 46. (Дебаты нантской секции 5 июля).- Письмо Мерлена и Жиле, представителей миссии, Лорьян, 12 июня. Недовольство бесчинствами 31 мая и 2 июня было настолько явным, что представители миссии Мерлин, Жиле, Савестр и Каганьяк напечатали 14 июня резолюцию, уполномочивающую одного из членов их органа обратиться к Конвенту и протестовать "от их имени" против проявленной им слабости и против узурпаций Парижской коммуны.-Sauzay, IV., 260. В Безансоне, на общем собрании всех административных, судебных и муниципальных органов департамента, к которым присоединились комиссары секции, протест был выражен "единогласно" 15 июня].

1151 (возврат)

[Archives Nationales, Ibid. (Письмо Ромма и Приера, Кан, 10 июня, в комитет общественной безопасности). Повстанцы настолько очевидно правы, что Ромм и Приер одобряют свой собственный арест. "Граждане, наши коллеги, этот арест может иметь огромное значение, послужить делу свободы, сохранить единство республики и возродить доверие, если, как мы поспешили потребовать от вас, вы подтвердите его декретом, объявляющим нас заложниками..... Мы заметили, что среди жителей Кана есть любовь к свободе, а также справедливость и покорность"].

1152 (возвращение)

[Archives Nationales, AF. II., 46. (Напечатано 5 июля). Результат обсуждений нантских секций. Акт подписан тремя административными органами Нанта, окружными правителями

Клиссона, Ансери и Машекуля, бежавшими в Нант, а также обоими депутатами округов Паимбоф и Шатобриан, всего восемьдесят шесть подписей].

1153 (возврат)

[Archives Nationales, *ibid.*, (письмо генерала Вимпффена "Обществу сторонников равноправия и свободы", заседавшему в Шербуре 25 июня 1793 г.).-Mortimer-Ternaux, VIII, 126.- О мнении департаментов см. Paul Thibaud ("Etudes sur l'histoire de Grenoble et du Department de l'Isère").- Louis Guibert ("Le Parti Girondin dans le Haute Vienne").- Jarrin, ("Bourg et Bellay pendant la Révolution")].

1154 (возвращение)

[Albert Babeau, II., 83. (Памфлет куратора Клерэ). "Каждое первичное собрание, принимающее Конституцию, наносит фракциям удар по голове дубиной Геркулеса"].

1155 (возвращение)

[Ср. "Революция", т. II. Гл. XI].

1156 (обратно)

[Buzot.-Archives Nationales, AF. II., 157. Доклады Бодо и Изабо Конвенту. 19 авг. В отеле де Виль в Бордо они восхваляют 21 января: "Тогда раздался рев, столь же страшный, сколь и всеобщий. Один из городских чиновников холодно ответил нам: Что бы вы хотели? Чтобы противостоять анархии, мы были вынуждены присоединиться к аристократам, и они правят". Другой с иронией говорит Изабо: "Мы этого не ожидали - они наши трибуны"].

1157 (возвращение)

[Jarrin, "Bourg et Belley pendant la Révolution" ("Annales de la Societé d'Emulation de l'Ain", 1878, Nos. For January, February and March, p. 16)].

1158 (возвращение)

[Louvet, 103, 108.- Guillon de Montléon, I., 305 и последующие страницы.- Buchez et Roux, XXVIII., 151. (Отчет делегатов округа Анделис). "Один из членов заметил, что будет очень трудно собрать вооруженную силу в тысячу человек", - ответил администратор (комиссар Кальвадоса): "На нашей стороне будут все аристократы". Главные военные лидеры в Кане и Лионе, Вимпфен, Преси, Пюизайе, являются фельянами и образуют лишь временный союз с жирондистами, как их правильно называть, отсюда постоянные споры и взаимное недоверие. Бирото и Шапе покидают Лион, потому что не находят дух этого места достаточно республиканским].

1159 (возвращение)

[Louvet, 124, 129.-Buchez et Roux, XXVII, 360. (Извещение генерала Вимпффена), 7 июля.- Пюизе, "Mémoires" и "L'Insurrection Normande." и Вотье и Манселя].

1160 (возвращение)

[Mortimer-Ternaux, VIII., 471. Письмо Барбару, Кан, 18 июня -Ibid., 133. Письмо мадам Ролан к Бузо, 7 июля. "Вы не тот, кто должен маршировать во главе батальонов (департаментских). Это выглядело бы как удовлетворение личной мести"].

1161 (возврат)

[Buchez et Roux, XXVIII., 153. (Размышления уполномоченных властей Марселя, 7 июня)].

1162 (возврат)

[Guillon de Montléon, II., 40. Контраст между двумя партиями хорошо виден в следующей выдержке из письма жителя Лиона солдатам Келлермана. "Они говорят вам, что мы хотим разрушить единство республики, в то время как сами оставляют границы врагу, чтобы прийти сюда и перерезать глотки своим собратьям"].

1163 (возвращение)

[Guillon de Montléon, I., 288.- Marcelin Boudet, "Les Conventionnels d'Auvergne", p. 181.-Louvet, 193.-Moniteur, XVII., 101. (Речь Камбона, 11 июля). "Мы предпочли подвергнуть эти средства (сто пять миллионов, предназначенные для армии) опасности быть перехваченными, чем задерживать эту депешу. Первое, о чем должен был позаботиться Комитет общественной безопасности, - это спасти республику и сделать администрацию полностью ответственной за нее. Они прекрасно понимали это и, соответственно, разрешили оборот этих средств... Они были вынуждены, благодаря мудрому управлению Комитета, внести свой вклад в безопасность республики"].

1164 (возврат)

[Archives Nationales, Letter of Robert Lindet, June 16, AF. II., 43. Переписка Линдета, очень интересная, хорошо показывает настроения лионцев и политику "Горы". "Как бы ни был взволнован Лион, в нем царит порядок; никто не хочет ни короля, ни тирана; все говорят на одном языке: слова республика, союз у всех на устах". (Восемь писем.) Он всегда дает один и тот же совет Комитету общественной безопасности: "Опубликуйте конституцию, опубликуйте мотивы арестных законопроектов", которые необходимы для того, чтобы привлечь всех к участию в Конвенте (15 июня)].

1165 (возврат)

["Гийон де Монлеон", I., 309 (24 июля)].

1166 (возврат)

[Sauzay, IV., 268.- Paul Thibaud, 50.- Marcelin Boudet, 185.-Archives Nationales AF. II., 46. Выписка из реестров Совета департамента Луара-Инферьер, 14 июля. Департамент заявляет,

что его декрет от 5 июля не был "разрывом с Конвентом, открытым восстанием против законов государства, идеей, весьма далекой от настроений и намерений присутствующих граждан". Теперь "план Конституции предложен для принятия сувереном". Это счастливое обстоятельство должно объединить людей, и, с возрожденной надеждой, давайте немедленно воспользуемся средствами спасения, которые нам представлены" -Moniteur, XVII, 102. (Речь Камбона, 11 июля.)).

1167 (возвращение)

[Louvet, 119, 128, 150, 193.- Meillan, 130, 141. (О нравах и настроениях провинциалов и населения в целом читатель найдет множество достоверных подробностей в рассказах беглецов, рассеявшихся во всех направлениях, и особенно в рассказах Луве, Мейяна, Дюлора и Воблана). Ср. "Mémoires de Hua" и "Un Séjour en France in 1792 and 1795."- Малле-дю-Пан уже излагает эту диспозицию до 1789 года (MS. Journal). "Июнь, 1785: Французы живут просто в толпе; они должны держаться все вместе. На набережных они теснятся и толкают друг друга в одном переулке; то же самое, когда есть больше места". "Август 1787 года (после первых беспорядков): Я заметил в целом больше любопытства, чем возбуждения в толпе..... В этот момент можно судить о национальном характере; много бравады и глупости; ни разума, ни правил, ни методов; бунтуют толпами, и нет ни одной души, которая не дрогнула бы в присутствии капрала"].

1168 (возвращение)

[Meillan, 143.-Mortimer-Ternaux, VIII., 203. (Заседание 10 августа).-Mallet-du-Pan, "Mémoires", II., 9].

1169 (возвращение)

[Ernest Daudet, "His. des Conspirations royalistes dans le midi." (Книги II. и III.)]

1170 (возврат)

[Guillon de Montléon, I., 313. (Обращение лионца к солдатам-патриотам под командованием Келлермана)].

1171 (возврат)

[Mortimer-Ternaux, VIII., 222.- Восстание в Тулоне, жирондистское в начале, датируется 1 июля.- Письмо новых администраторов Тулона в Конвент. "Мы желаем республики, единой и неделимой; у нас нет никаких признаков мятежа... Представители Баррас и Фрерон позорно лгут, изображая нас как антиреволюционеров, находящихся в хороших отношениях с англичанами и вандейскими семьями". Тулонские администраторы продолжают снабжать итальянскую армию припасами. 19 июля английское судно, посланное для переговоров, вынуждено было спустить белый флаг и поднять трехцветный. Вступление англичан в Тулон состоялось не ранее 29 августа].

1172 (возвращение)

[Гийон де Монлеон, II., 67. (Письмо лионцев представителям народа, 20 сентября): "Жители Лиона постоянно соблюдали законы, и если, как в некоторых департаментах, в Роне-и-Луаре на мгновение ошиблись в событиях 31 мая, они поспешили, как только поверили, что Конвент не притеснен, признать и исполнить его декреты. Каждый день, теперь, когда они доходят до него, они публикуются и соблюдаются в его стенах"].

1173 (возвращение)

["Moniteur", XVII., 269. (Заседание от 28 июля). (Письмо администраторов департамента Рона-и-Луара Конвенту, Лион, 24 июля). "Мы представляем Конвенту наше индивидуальное раскаяние и заявление; соблюдая закон, мы имеем право на его защиту. Мы просим суд принять решение по нашему заявлению и отменить акты, которые касаются нас, или сделать исключение в нашу пользу... Мы всегда исповедовали себя истинными республиканцами"].

1174 (возвращение)

[Guillon de Montl  on, I., 309, 311, 315, 335.-Mortimer-Ternaux, VIII., 197].

1175 (возвращение)

[Mortimer-Ternaux, VIII., 141.].

1176 (возврат)

[Mallet du Pan, I., 379 и последующие страницы; I., 408; II., 10].

1177 (возвращение)

[Вступление республиканских войск в Лион 9 октября, в Тулон 19 декабря - Бордо покорился 2 августа. Возмущенный декретом от 6-го числа, запрещавшим всех пособников мятежа, город изгоняет 19-го числа представителей Бодо и Изабо. Он вновь подчиняется 19 сентября. Но возмущение горожан столь велико, что Талльен и его трое коллег не осмеливаются войти в город раньше 16 октября. (Mortimer-Ternaux, VIII., 197 и последующие страницы.)].

1178 (возвращение)

[Семьдесят тысяч человек требовалось для сокращения Лиона (Guillon de Montl  on, II., 226) и шестьдесят тысяч человек для сокращения Тулона].

1179 (возвращение)

[Archives des Affaires   trang  res, vol. CCCXXIX. (Письмо Шепи, политического агента, Гренобль, 26 июля 1793 г.). "Я говорю это без колебаний: я скорее сокращу Лион, чем спасу Валансьенн"].

1180 (возврат)

[Ibid., vol. CCCXXIX. (Письмо Шепи, Гренобль, 24 августа 1793 г.): "Пьемонтцы - хозяева Клуза. К ним присоединилось большое количество альпинистов. В Анси женщины срубили столб свободы и сожгли архивы клуба и коммуны. В Шамбери люди хотели сделать то же самое, но они заставили больных в больницах взять оружие и таким образом сдержали их"].

1181 (возвращение)

[Moniteur, XVIII, 474. (Отчет Бийо-Варенна, 18 октября 1793 г.). "Объединенные усилия всех держав Европы не скомпрометировали свободу и страну так сильно, как федералистские фракции; убийца, которого следует больше всего бояться, - это тот, кто живет в доме"].

1182 (возвращение)

[Конвент намеренно восстанавливает поджигателей и убийц. (Moniteur, XVIII., 483. Заседание Бремера 28, год II.) XVII., 176. (Сессия от 19 июля 1793 года). Реабилитация Бордые и Журдена, повешенных в августе 1789 года. Отмена процесса, начатого против авторов резни в Мелуне (сентябрь 1792 г.), и освобождение обвиняемых - см. Альбер Бабо, (I., 277.) Реабилитация с выплатой компенсации их родственникам в Мессидоре, II год - "Archives des Affaires étrangères", vol. 331. (Письмо Шепи, Гренобль, 8 фримера, II год). "Уголовный суд и присяжные департамента только что поднялись на высоту положения; они оправдали поджигателей замка"].

1183 (возвращение)

["Мортимер-Терно", VIII., 593. (Депутация из двадцати четырех секций, направленная из Бордо в Конвент, 30 августа).-Buche et Roux, XXVIII., 494. (Отчет представителей миссии в Буш-дю-Рон, 2 сентября).-Ibid., XXX., 386. (Письмо Рузена, коменданта революционной армии в Лионе. "Население составляет сто двадцать тысяч душ..... Среди них нет и тысячи пятисот патриотов, даже тысячи пятисот человек, которых можно было бы пощадить" -Guillon de Montléon, I., 355, 374. (Подписи двадцати тысяч лионцев всех сословий, 17 августа)].

1184 (возвращение)

[Guillon de Montléon, I., 394. (Письмо Дюбуа-Крансе к лионцам, 19 августа)].

1185 (возвращение)

[Mortimer-Ternaux, VIII., 198. (Указ от 6 августа).-Buche et Roux, XXVIII. 297, (Указ от 12 июля.)-Guillon de Montléon, I., 342. Вызов Дюбуа-Крансе, 8 августа)].

1186 (возвращение)

[Meillan, 142.).- "Archives des Affaires Etrangères", vol. CCCXXXII. (Письмо Дегранжа, Бордо, 8 брюмера, год II.): "Казнь мэра Сайге, которого народ очень любил за его благодеяния, вызвала большую скорбь, но не было слышно ни одного виновного ропота"].

1187 (возврат)

[Archives Nationales, AF. II., 46. (Письмо Жюльена в Комитет общественной безопасности Мессидора 11, год II). "Некоторое время назад на заседаниях военной комиссии царила торжественная тишина - ответ народа на смертные приговоры заговорщикам; та же тишина сопровождала их до эшафота; казалось, вся коммуна втайне рыдала над их судьбой"].

1188 (возврат)

[Berryat Saint-Prix, "La Justice Révolutionnaire", pp. 277-299.-Archives Nationales, AF. II., 46. (Реестры Комитета по надзору, Бордо). Число заключенных между 21 и 28 прериалами варьируется от 1504 до 1529. Число гильотинированных - 882. (Мемуары Сенара)].

1189 (возвращение)

[Archives Nationales, AF. II., 46. Письмо Жюльена, мессидор 12, год II. "Здесь много крадут; мэру, который сейчас находится в тюрьме, сообщают о значительных убытках. Бывший Комитет по надзору попал под серьезное подозрение; многие люди, объявленные вне закона, спаслись только благодаря тому, что заплатили: это факт... Среди тех, кто таким образом купил себе жизнь, есть и такие, кто не заслуживал смерти и кому, тем не менее, угрожала смерть" -Buche et Roux, XXXII., 428. (Выдержки из мемуаров Сенара). "Председателем военной комиссии был человек по имени Лакомб, уже изгнанный из города из-за вынесенного ему приговора за грабеж. Среди других лиц, нанятых Таллиеном, было много камердинеров, банкротов и точильщиков"].

1190 (возвращение)

[Buche et Roux, XXVIII., 493. (Речь Дантона, 31 августа, и декрет, принятый в соответствии с ней Конвентом)].

1191 (возврат)

[Mallet-Dupan, II., 17. "Тысячи торговцев в Марселе и Бордо, здесь - уважаемых Гради, там - Тартеронов, были убиты, а их товары проданы. Я видел только тридцать второй список марсельских эмигрантов, чье имущество было конфисковано..... Их двенадцать тысяч, и списки еще не закончены". (1 февраля 1794 года.)-Анна Платтер.2Нарратив о трехлетнем проживании во Франции с 1802 по 1805 год". "В этот период улицы Марселя были почти как в пустынном городе. Можно было пройти из одного конца города в другой, не встретив ни одного человека, которого можно было бы назвать жителем. Большие террористы, из которых едва ли один был марсельцем, солдаты и грубияны, как они себя называли, были почти единственными встречными. Последние, в количестве пятидесяти-шестидесяти человек, в куртках с кожаными ремнями, набрасывались на всех, кто им не нравился, и особенно на тех, кто был в чистой рубашке и белом кафтане. Многие люди на "Курсе" были таким образом выпороты до смерти. Ни одна женщина не выходила на улицу без корзины, а каждый мужчина носил куртку, без которой его принимали за аристократа". (II., 94.)]

1192 (возвращение)

["Mémoires de Fréron". (Коллекция Баррьера и Бервиля). Письма Фрерона к Моисею Бейлю,

23 брюмера, 5 и 11 плювиозы, 16 ноября, II, опубликованные Моисеем Бейлем, а также подробности, предоставленные Юаром, стр. 350-365.-Archives Nationales, AF. II., 144. (Ордер представителей Фрерона, Барраса, Салисетти и Ришара, 17 ноября II года)].

1193 (возвращение)

[Mallet-Dupan, II., 17.-Guillon de Montléon, II., 259.]

1194 (возвращение)

[Ibid., II., 281. (Декрет Конвента от 12 октября); II. 312. (Приказы Кутона и его коллег, 25 октября); II., 366-372 (Инструкции временной комиссии, 26 брюмера)].

1195 (возвращение)

[Там же, III., 153-156. Письмо Лапорта Кутону, 13 апреля 1794 г.].

1196 (обратно)

[Современная французская энциклопедия "QUID" под ред. Lafont, 1996, на странице 755 говорится, что, по данным Луи Мари Прюдомма, в Лионе было 31 000 жертв. (SR.)]

1197 (возврат)

[Ibid. II. 135-137. (Резолюции Революционной комиссии, Жерминаль 17.) и Письма Кадильо к Робеспьеру, Флореаль, год II). III., 63].

1198 (возвращение)

[Guillon de Montléon, II., 399. (Письмо Перротена, члена временной комиссии, в революционный комитет Мулена). "Работу новой комиссии можно рассматривать как организацию Септембрисада; процесс будет тот же, но узаконенный принятым актом"].

1199 (возвращение)

["Buche et Roux", XXIX., 192. (Декрет от 12 октября)].

11100 (возврат)

[Ibid., XXX., 457. (Декрет от 23 ноября)].

11101 (возврат)

["Mémoires de Fréron". (Письмо Фрерона, Nivose 6).-Guillon de Montléon, II., 391].

11102 (возврат)

[Декреты от 12 октября и 24 декабря.-Archives Nationales, AF. II., 44. Представители миссии хотели сделать то же самое с Марселем. (Приказы Фрерона, Барраса, Салисетти и Рикара, Нивозе 17, год II.) "Название Марселя, которое до сих пор носит этот преступный город, должно быть изменено. Национальному конвенту будет предложено дать ему другое название. Пока же он останется безымянным и будет известен таким образом". По сути, в нескольких последующих документах Марсель именуется безымянной коммуной].

11103 (возврат)

[Buchez et Roux, XXVIII., 204. (Заседание 24 июня: "Справа раздаются резкие выражения несогласия". Лежандр: "Я требую, чтобы первый бунтарь, первый человек там (указывая на партию "правых"), который прервет оратора, был отправлен в аббатство". Коши, действительно, был отправлен в аббатство за то, что аплодировал речи федералистов.- См. об этих трех месяцах - Мортимер-Терно, т. VIII].

11104 (возвращение)

["Buchez et Roux", XXIX., 175.-Dauban: "La Démagogie à Paris en 1793", 436 (рассказ Дюлора, очевидца)].

11105 (возврат)

[В действительности перед революционным трибуналом предстали только двадцать два человека].

11106 (возврат)

[Dauban, XXVI., p. 440. (Рассказ Бланки, одного из семидесяти трех)].

11107 (обратно)

[Buchez et Roux. XXIX., 178, 179. Оселен: "Я требую обвинительного декрета против всех них". Амар: "Очевидно, отрицательное поведение меньшинства Конвента со 2 июня было новым заговором, придуманным Барбару". Робеспьер: "Если среди тех, кого вы арестовали, есть другие преступники, Комитет общей безопасности представит вам их номенклатуру, и вы всегда будете иметь право нанести удар"].

11108 (возврат)

[Там же, XXIX, 432, 437, 447.- Доклад Амара. (этот доклад послужил обвинительным актом против них, "трусливых сателлитов королевского деспотизма, гнусных агентов иностранных тиранов") - Валлон, II., 407, 409. (Письмо Фулье-Тинвиля в конвент). "После специальных прений не потребует ли каждый из обвиняемых общего обвинения? Соответственно, судебный процесс будет длиться бесконечно. Кроме того, можно спросить, зачем нужны свидетели? Конвенция, вся Франция, обвиняет тех, кто находится под судом. Доказательства их преступлений очевидны; все убеждены в их виновности..... Именно Конвенту надлежит устранить все формальности, мешающие работе трибунала" -Moniteur, XVII, (заседание от 28

октября), 291. Декрет, спровоцированный петицией якобинцев, принят по предложению Оселена, усугубленному Робеспьером].

11109 (возврат)

[Louvê, "Mémoires", 321. (Список жирондистов, которые погибли или были запрещены. Двадцать четыре беглеца остались в живых.)]

11110 (обратно)

["Мортимер-Терно", VIII, 395, 416, 435. Ужас и отвращение большинства видны по малому числу избирателей. Их воздержание от голосования тем значительнее, что оно связано с избранием диктаторов. Члены Комитета общественной безопасности, избранные 16 июля, получают от ста до ста девяноста двух голосов. Члены Комитета безопасности получают от двадцати двух до ста тринадцати голосов. Члены того же комитета, обновленного 11 сентября, получают от пятидесяти двух до ста восьми голосов. Судьи революционного трибунала, сформированного 3 августа, получают от сорока семи до шестидесяти пяти голосов.- Мейян, 85. (По вопросу об учреждении революционного правительства, по предложению Базире, 28 августа). "Шестьдесят или восемьдесят депутатов приняли этот декрет... ему предшествовал другой, принятый с перевесом в тридцать голосов против десяти... В течение двух месяцев сессия, наиболее посещаемая, содержит всего сто депутатов. Монтаньяры переполнили департаменты, чтобы обмануть или запугать народ. Остальные, обескураженные, держатся в стороне от собраний или не принимают никакого участия в заседаниях"]].

11111 (возвращение)

[Смысл и мотивы этой декларации четко обозначены в речи Базире. "Со времени принятия Конституции, - говорит он, - фельянство подняло голову; возникла борьба между энергичными и умеренными патриотами. В конце Учредительного собрания фельяны овладели словами "закон", "порядок", "общественность", "мир", "безопасность", чтобы сковать рвение друзей свободы; те же маневры практикуются и сегодня. Вы должны сокрушить оружие в руках ваших врагов, которое они используют против вас" - Дюран-Майян, 154. "Простое исполнение конституционных законов, - говорит Базире, - созданных для мирных времен, было бы бессильно перед заговорами, которые вас окружают" -Meillan, 108].

11112 (возвращение)

["Moniteur", XVIII, 106. (Доклад Сен-Жюста об организации революционного правительства 10 октября и соответствующий декрет). Там же, 473. (Доклад Бийо-Варенна о режиме временного и революционного правительства, 18 ноября, и соответствующий декрет) - Там же, 479 (заседание 22 ноября 1793 г. - речь Эбрара, представителя депутации из Канталя). "В нашем департаменте создан центральный комитет наблюдения, революционная армия. Аристократы, подозреваемые, сомневающиеся, умеренные, эгоисты, все господа, не отличая тех, кто ничего не сделал для революции, от тех, кто действовал против нее, ожидают в отставке скрытых мер, которых требуют интересы Республики. Я сказал, не

отличая равнодушных от подозреваемых, ибо мы придерживаемся этих слов Солона: "Кто не с нами, тот против нас"].

11113 (возвращение)

[Брюки, которые в дореволюционной Франции носила аристократия, назывались кюлотами, они заканчивались чуть ниже колена, где начинались длинные хлопковые или шелковые чулки. Менее обеспеченные слои населения носили длинные брюки без носков и стали известны как Sans-culottes, что стало, как упоминается в т. II, прозвищем революционного пролетариата. (SR.)]

11114 (возврат)

["Moniteur", (Речь Дантона, 26 марта 1794 г.) "Создавая революционные комитеты, мы стремились установить своего рода диктатуру граждан, наиболее преданных свободе, над теми, кто сам себя подозревал"].

11115 (возврат)

[Малле-Дюпан, II., 8. (февраль 1794 г.). "В данный момент весь народ разоружен. Ни в городе, ни в деревне нельзя найти ни одного ружья. Если что и свидетельствует о сверхъестественной силе, которой обладают лидеры Конвента, так это то, что в один миг, благодаря одному волевому акту, никто не оказывает сопротивления и не жалуется на него, народ от Перпиньяна до Лилля лишается всех средств защиты от угнетения, причем с легкостью, еще более беспрецедентной, чем та, что сопутствовала всеобщему вооружению нации в 1789 году" - "Резиденция во Франции", II., 409. "Национальная гвардия как регулярное учреждение была в значительной степени подавлена после лета 1793 года, а те, кто ее составлял, были постепенно разоружены. Гвардейцы продолжали нести службу, но граждане, исполнявшие ее, были, за редким исключением, вооружены пиками, и они опять-таки не были им полностью доверены; каждый человек, покидая свой пост, сдавал оружие более пунктуально, чем если бы он был обязан это сделать в результате капитуляции перед победоносным врагом"].

11116 (обратно)

["Moniteur", XVIII., 106. (Отчет Сен-Жюста от 10 октября)].

11117 (возврат)

[Ibid., 473. (Донесение Бийо-Варенна, 13 ноября)].

11118 (возврат)

[Там же, XVIII, 591. (Речь Кутона, 4 декабря). Там же, Barère: "Избирательные собрания - это монархические институты, они связаны с роялизмом, их следует особенно избегать в революционное время"].

11119 (возврат)

[Мортимер-Терно, VIII., 40. (Декрет, принятый по предложению Дантона, заседание 13 сентября). Мотив, на который ссылается Дантон, заключается в том, что "в комитетах все еще встречаются члены, чьи мнения, по крайней мере, приближаются к федерализму". Поэтому комитеты очищаются, особенно Комитет общей безопасности. Шесть его членов исключаются (14 сентября), а список, присланный Комитетом общественной безопасности, проходит без обсуждения].

11120 (возврат)

["Moniteur", XVIII., 592 (заседание 4 декабря, речь Робеспьера)].

11121 (обратно)

[Miot de Melito, "Mémoires", I., 47.]

11122 (обратно)

[Buche et Roux, XXVIII., 153. Мортимер-Терно, VIII., 443. (Декрет от 28 сентября).- Валлон, "Histoire du Tribunal Révolutionnaire de Paris", IV., 112].

11123 (возвращение)

[Buche et Roux, XXXIV., 300. (Суд над Фукье-Тинвилем и его сообщниками). Обвинительный акт: "Один из них публично хвастался тем, что всегда голосовал за смерть. Другие утверждают, что им достаточно было увидеть людей, чтобы вынести свой приговор; только физический осмотр определял, что они голосуют за смерть. Еще один заявил, что, когда не совершается никакого преступления, необходимо его представить. Еще один - обычный наркоман и никогда не сидел на суде, кроме как в состоянии алкогольного опьянения. Другие приходили на скамью подсудимых только для того, чтобы произвести залп". И т. д. (Подтверждение.) - "Заметьте, кроме того, что судьи и присяжные обязаны убивать под страхом смертной казни (Ibid., 30)". Фукье-Тинвиль утверждает, что 22-го числа Прериала он сделал тот же шаг (подал в отставку) вместе с Шатле, Броше и Лерри, когда они встретили Робеспьера, возвращавшегося в Национальный конвент рука об руку с Барером. Фукье добавляет, что с ними обращались как с аристократами и антиреволюционерами и угрожали смертью, если они откажутся остаться на своих постах". Аналогичные заявления Пижо, Ганна, Жирара, Дюплея, Фуко, Ноллина и Мадре. "Селье добавляет, что трибун, выступив против закона 22 прериала, угрожал Дюма арестом. Если бы мы подали в отставку, говорит он, Дюма бы нас гильотинировал"].

11124 (возвращение)

["Moniteur", XXIV., 12. (Заседание Вентоса 29, год III., речь Байлеля). "Ужас покорил все умы, подавил все эмоции; это была сила правительства, и притом такого правительства, что многочисленные обитатели огромной территории, казалось, утратили качества, отличающие человека от домашнего животного. Казалось, у них даже не было жизни, кроме той, которую им давало правительство. Человеческой личности больше не существовало; каждый

индивид был просто машиной, уходящей, приходящей, думающей или не думающей в зависимости от того, что ему внушала или стимулировала тирания"]].

11125 (возвращение)

[Декрет Фримера 14, год II., 4 декабря 1793 г.].

11126 (обратно)

["Moniteur", XVII., 473, 474, 478. (Речь Бийо-Варенна). "Дамоклов меч должен быть отныне занесен над всей поверхностью". Это выражение Бийо выражает дух каждого нового учреждения].

11127 (обратно)

[Moniteur, XVIII., 275. (Заседание 26 октября 1793 г., речь Барера.) "Это самый революционный шаг, который вы можете предпринять". (Аплодисменты.)]

11128 (обратно)

[Там же, 520. (Доклад Барера и соответствующий декрет). "Представители, отправленные в командировку, обязаны строго соблюдать акты Комитета общественной безопасности. Генералы и другие представители исполнительной власти ни под каким предлогом не подчинятся никакому специальному приказу, чтобы отказаться от выполнения указанных актов" - Moniteur, XVIII., 291. (Отчет Барера, 29 октября 1793 г.) На данный момент в миссии находятся сто сорок представителей].

11129 (возврат)

[Archives Nationales, AF. II., 22. (Документы Комитета общественной безопасности. Заметка о результатах деятельности революционного правительства без даты и подписи). "Закон Фримера 14 создал два центра влияния, из которых распространялось действие, в смысле Комитета, и которые влияли на власть. Этими двумя центрами революционного правления вне Комитета были представители народа в миссиях и национальные агенты, контролирующие районные комитеты. Одно только слово "революционное правительство" оказывало неисчислимое магическое влияние" - Маллет-Дюпан, "Mémoires", II., p. 2, и последующие страницы].

КНИГА ВТОРАЯ. ПРОГРАММА ЯКОБИНЦЕВ.

ГЛАВА I. ПАРТИЯ ЯКОБИНЦЕВ

I. Доктрина.

Программа партии якобинцев. Абстрактный принцип и спонтанное развитие теории.

Нет ничего более опасного, чем общая идея в узких и пустых умах: поскольку они пусты, она не находит там знаний, которые могли бы ей помешать; поскольку они узки, она не сразу занимает в них место. Отныне они уже не принадлежат себе, а овладевают ею; она действует в них и через них, человек, в подлинном смысле этого слова, становится одержимым. Нечто, не являющееся им самим, чудовищный паразит, чужеродное и несоразмерное зачатие, живет в нем, развиваясь и порождая те злые цели, которыми оно было беременным. Он не предвидел, что они у него появятся; он не знал, что содержит его догма, какие ядовитые и убийственные последствия должны из нее вытекать. Они вытекают из нее фатально, каждый в свою очередь и под давлением обстоятельств, сначала анархические, а теперь деспотические последствия. Получив власть, якобинец приносит с собой свою идею; будь то во главе правительства или в оппозиции к нему, эта идея приносит плоды, и всемогущая догма проецирует на новую область бесчисленные звенья своей бесконечной цепи.

II. Коммунистическое государство.

Якобинская концепция общества.-Социальный договор.-Полное полная капитуляция индивида перед обществом.
принадлежит государству.-Конфискации и секвестры.
-Преемственность и реквизиция, реквизиция и реквизиция продуктов и товаров.-Индивидуумы принадлежат государству.-Призыв лиц на военную службу.-Призыв лиц на
Гражданская служба.-Государство филантроп, просветитель,

богослов, моралист, цензор и руководитель идей и интимных чувств.

Давайте проследим это внутреннее развитие и вернемся вместе с якобинцами к первым принципам, к первоначальному договору, к первой организации общества. Существует только одно справедливое и разумное общество, основанное на "общественном договоре", и

"Пункты этого договора, полностью понятые, сводятся к одному - полной передаче каждого человека со всеми его правами обществу,.... каждый отдает себя абсолютно, как он есть на самом деле, он и все его силы, частью которых является его собственность" [2101](#).

Не должно быть никаких исключений или оговорок. Ничто из того, чем он раньше был или обладал, теперь не принадлежит ему по праву собственности; отныне то, чем он является или обладает, переходит к нему только через делегирование. Его собственность и его личность теперь составляют часть содружества. Если он и владеет ими, то лишь на правах вторичного владения; если он и получает от них какую-либо выгоду, то лишь в виде уступки. Он является их хранителем, попечителем и администратором, и не более того. [2102](#) Другими словами, в отношении этих объектов он просто управляющий, то есть такой же функционер, как и другие, с шатким назначением, которое всегда может быть отозвано государством, назначившим его.

"Как природа дает каждому человеку абсолютную власть над членами своего тела, так и общественный договор дает социальному телу абсолютную власть над всеми его членами".

Государство, как всемогущий суверен и всеобщий собственник, осуществляет по своему усмотрению свои безграничные права над людьми и вещами; поэтому мы, его представители, берем в свои руки все вещи и людей; как они принадлежат ему, так и они принадлежат нам.

Мы конфисковали имущество духовенства на сумму около четырех миллиардов ливров; мы конфискуем имущество эмигрантов на сумму три миллиарда [ливров2103](#) ; мы конфискуем имущество гильотинированных и депортированных: все это составляет несколько сотен миллионов; позже будет произведен подсчет, поскольку список остается открытым и ежедневно пополняется. Мы конфискуем имущество "подозреваемых", что дает нам право пользоваться им: здесь еще многие сотни миллионов; после войны и изгнания "подозреваемых" мы конфискуем имущество вместе с доходами: здесь опять миллиарды [капитала2104](#). Тем временем мы забираем имущество больниц и других благотворительных учреждений - около восьмисот миллионов ливров; мы забираем имущество фабрик, пожертвований, учебных заведений, литературных и научных ассоциаций - еще много миллионов. [2105](#) Мы забираем обратно владения, арендованные или сданные государством за последние три века и более, что опять дает около пары миллиардов. [2106](#) Мы забираем имущество коммун до суммы их долгов. Мы уже получили в наследство древние владения короны, а также более поздние владения гражданского списка. Таким образом, в наши руки попадает более трех [пятых2107](#) земли, и эти три пятых - самые лучшие; они включают в себя почти все большие и прекрасные здания, замки, аббатства, особняки, дома суперинтендантов и почти весь королевский, епископский, сеньориальный и буржуазный запас богатой и изящной мебели; все пластины, библиотеки, картины и предметы искусства, накопленные веками. -Отметим также конфискацию специй и всех других изделий из золота и серебра; только за ноябрь и декабрь 1793 года эта операция принесла в нашу казну три или четыре сотни [миллионов2108](#) , не ассигнатов, а звонкой монеты. Короче говоря, какова бы ни

была форма установленного капитала, мы забираем все, что можем ухватить, возможно, более трех четвертей его. Остается часть, которая не является основным капиталом, то, что исчезает в процессе использования, а именно все, что потребляется, все плоды земли, все виды провизии, все продукты человеческого искусства и труда, которые способствуют поддержанию существования. Благодаря "праву преимущественной покупки" и праву "реквизиции" "Республика становится временным собственником всего, что торговля, производство и сельское хозяйство произвели и добавили к почве Франции": "Все продукты и товары принадлежат нам еще до того, как они стали собственностью их владельца. Мы выносим из его дома все, что нам подходит; мы платим ему за это ничего не стоящими бумажками; часто мы вообще не платим ему. Для большего удобства мы захватываем предметы прямо и везде, где их находим: зерно в амбаре фермера, сено в сарае жнеца, скот в загоне, вино в чанах, шкуры у мясника, кожу на кожевенных заводах, мыло, тало, сахар, бренди, ткани, белье и прочее в магазинах, складах и хранилищах. Мы останавливаем автомобили и лошадей на улице. Мы входим в помещения почтовых или каретных подрядчиков и опустошаем их конюшни. Мы уносим кухонную утварь, чтобы получить медь; мы выгоняем людей из их комнат, чтобы получить их кровати; мы лишаем их пальто и рубашек; за один день мы заставляем десять тысяч человек в одном городе ходить босиком²¹⁰⁹.

"Когда этого требуют общественные нужды, - говорит представитель Изоре, - все принадлежит народу и ничего - отдельным лицам".

В силу того же права мы распоряжаемся людьми так же, как и вещами. Мы объявляем массовый сбор и, что еще более странно, осуществляем его, по крайней мере во многих частях страны, и держим его месяцами: в Вандее, в северных и восточных департаментах это все мужское трудоспособное население до пятидесяти лет, которое мы гоним стадами против врага²¹¹⁰. После этого мы записываем в армию целое поколение, всех молодых людей от восемнадцати до двадцати пяти лет, почти миллион человек:²¹¹¹ кто не явится, того сажают в кандалы на десять лет; он считается дезертиром; его имущество конфискуется, и его семья тоже подвергается наказанию; позже его причисляют к эмигрантам и приговаривают к смерти, а его отца, мать и предков, рассматриваемых как "подозреваемых", сажают в тюрьму и забирают их имущество. - Чтобы одеть, обусть и снабдить наших рекрутов, мы должны иметь рабочих; мы вызываем в штаб всех оружейников, кузнецов и слесарей, всех портных и сапожников района, "мастеров, подмастерьев и мальчиков"²¹¹²; тех, кто не придет, мы сажаем в тюрьму; остальных мы размещаем в отрядах в общественных зданиях и даем им задания; им запрещено что-либо поставлять частным лицам. Отныне французские сапожники должны работать только на нас, и каждый должен поставлять нам, под страхом наказания, столько-то пар обуви в десятилетие.²¹¹³ Но гражданская служба не менее важна, чем военная, и кормить народ так же необходимо, как и защищать его. Поэтому мы призываем "всех, кто имеет отношение к обработке, перевозке или продаже провизии и предметов первой необходимости"²¹¹⁴, особенно горючих и пищевых продуктов: дровосеков, возчиков, плотогонов, мельников, жнецов, молотильщиков, виноделов, грузчиков, полеводов, "деревенских людей" всех видов и степеней. Их руки принадлежат нам: мы заставляем их трудиться и работать под страхом штрафа и тюремного заключения. Бездельников не должно быть, особенно в пору урожая: мы выводим на поля все население коммуны или кантона, включая "ленивых обою пола"²¹¹⁵; вольно или невольно, но они должны убирать урожай под нашими глазами, объединяясь как на чужих полях, так и на своих собственных, и складывать снопы без разбора в общественную житницу.

Но в труде все сплетено воедино, от первоначального начинания до конечного результата, от сырья до готовой продукции, от великого производителя до самого мелкого ремесленника; ухватившись за первое звено цепи, мы ухватимся за последнее. Реквизит здесь снова отвечает цели: мы применяем его ко всем занятиям; каждый обязан продолжать свое дело; производитель - производить, торговец - торговать, даже в ущерб себе, потому что, если он работает в убыток, общество получает прибыль, а каждый добропорядочный гражданин должен предпочитать общественную прибыль своей собственной.²¹¹⁶ В сущности, пусть его должность будет какой угодно, он - работник общины; поэтому община может не только предписывать ему работу, но и выбирать ее; ей не нужно советоваться с ним по этому поводу, ибо он не имеет права отказаться. Поэтому мы назначаем или содержим людей вопреки им самим, в магистратуре, в армии и во всех других сферах деятельности. Напрасно они оправдываются или пытаются уйти с дороги; они должны оставаться или становиться генералами, судьями, мэрами, национальными агентами, членами городских советов, комиссарами общественного благосостояния или [администрации](#)²¹¹⁷, даже против своей воли. Жаль их, если обязанность дорогостоящая или опасная, если у них нет времени на досуг, если они не чувствуют себя пригодными для этого, если звание или служба кажутся им ведущими в тюрьму или на гильотину; когда они заявляют, что это принудительный труд, мы отвечаем, что они обязаны работать на государство - таково отныне положение всех французов, а также всех французских женщин. Мы заставляем матерей брать своих дочерей на собрания народных клубов. Мы обязываем женщин участвовать в парадах и шествиях на республиканских праздниках; мы вторгаемся в семью и отбираем самых красивых, чтобы они были задрапированы, как античные богини, и публично проезжали на колеснице; мы иногда даже назначаем тех из богатых, кто должен жениться на [патриотках](#)²¹¹⁸: нет причин, по которым брак, который является самой важной из всех услуг, не должен быть востребован, как и другие. - Соответственно, мы входим в семьи, мы носим ребенка, мы подвергаем его гражданскому образованию. Мы - школьные учителя, филантропы, богословы и моралисты. Мы силой навязываем нашу религию и наш ритуал, нашу мораль и наши общественные обычаи. Мы властвуем над частной жизнью и совестью; мы диктуем идеи, мы проверяем и наказываем тайные наклонности, мы облагаем налогом, сажаем в тюрьму и гильотинируем не только злонамеренных, но и "равнодушных, умеренных и эгоистов".²¹¹⁹ Помимо видимых действий, мы диктуем человеку его идеи и самые глубокие чувства; мы предписываем ему его привязанности и убеждения и, в соответствии с заранее разработанным типом, переделываем его интеллект, его совесть и его чувствительность.

III. Цель государства - возрождение человека.

Цель государства - возрождение человека.

стороны этого дела. - Восстановление естественного человека.

-Формирование социального человека. -Величие этого начинания.

-Для его осуществления применение силы - это право и обязанность.

В этом действии нет ничего произвольного, ибо идеальная модель прослеживается заранее. Если государство всемогуще, то только для того, чтобы "возродить человечество", и теория, которая наделяет его правами, в то же время определяет его цель. В чем же состоит это возрождение человека? Возьмем домашнее животное, например собаку или лошадь. Тощие, избитые, привязанные или прикованные, тысячи их напряжены и измождены по сравнению с теми немногими, кто греется в праздности, умирая от сытой жизни; и у всех их, будь то жирные или тощие, душа испорчена больше, чем тело. Суеверное уважение заставляет их трусить под своей ношей или дрожать перед своим хозяином. Подневольные, ленивые, обжоры, немощные, неспособные противостоять невзгодам, если они приобрели жалкие навыки рабства, они также заразились его потребностями, слабостями и пороками. Корка нелепых привычек и порочных наклонностей, своего рода искусственное и дополнительное существо, покрыла их первоначальную природу; с другой стороны, лучшая сторона их первоначальной природы не имела возможности развиваться из-за отсутствия применения. Отделенные друг от друга, эти две части их природы не приобрели чувства общности; они не знают, подобно своим собратьям в прериях, как помогать друг другу и подчинять частные интересы интересам стада. Каждый пробивает себе дорогу, никто не заботится о других, все - эгоисты; социальные интересы потерпели крах. Таков человек в наши дни, изуродованный раб, которого необходимо восстановить. Наша задача, соответственно, двойка: мы должны разрушить и мы должны построить; мы должны сначала освободить естественного человека, чтобы затем построить социального человека.

Это грандиозное предприятие, и мы осознаем его масштабность.

"Необходимо, - говорит Бийо-Варенн,[2120](#) - чтобы люди, которым мы хотим вернуть свободу, были в какой-то мере созданы заново, поскольку старые предрассудки должны быть уничтожены, старые привычки изменены, развращенные привязанности улучшены, излишние потребности ограничены, а закоренелые пороки искоренены".

Но задача возвышенна, ведь цель - "исполнить желания природы,[2121](#) осуществить судьбы человечества и выполнить обещания философии". - "Наша цель, - говорит Робеспьер,[2122](#) - заменить мораль эгоизмом, честность - честью, принципы - обычаем, обязанности - этикетом, империю разума - тиранией моды, презрение к пороку - равнодушием к несчастью, гордость - высокомерием, благородный ум - тщеславием, любовь к славе - любовью к наживе, хороших людей - высшим обществом, заслуги - интригами, гений - интеллектуальным блеском, прелесть довольства - скукой сладострастных удовольствий, величие человека - высокородностью великих, великодушный, могущественный и счастливый народ - любезным, легкомысленным и жалким, то есть все добродетели и чудеса республики вместо пороков и нелепостей монархии."

Мы сделаем это, все это, чего бы нам это ни стоило. Нас мало заботит нынешнее поколение: мы работаем для грядущих поколений.

"Человек, вынужденный изолировать себя от общества, устремляется в будущее и прижимает к сердцу потомство, невинное в существующих пороках "[2123](#).

Он жертвует ради этой работы своей и чужими жизнями.

"В тот день, когда я буду убежден, - пишет Сен-Жюст, - что невозможно сделать французский народ добрым, энергичным, нежным и неумолимым в борьбе с тиранией и несправедливостью, я закололся".

- "То, что я сделал на Юге, я сделаю на Севере", - говорит Бодо; "Я превращу их в патриотов; либо они, либо я должны умереть".

"Мы превратим Францию в кладбище", - говорит Каррьер, - "чем не возродим ее по-своему".

Напрасно протестуют невежественные или порочные люди; они протестуют потому, что они невежественны или порочны. Напрасно человек отстаивает свои личные права; у него их нет: по общественному договору, который обязателен и единственно действителен, он отдал все свое существо; не сделав никаких оговорок, "ему нечего требовать". Несомненно, некоторые будут ворчать, потому что с ними остается старая морщина и искусственные привычки все еще прикрывают первоначальный инстинкт. Отвяжите мельничную лошадь, и она все равно пойдет по той же колее; дайте волю конной собаке, и она все равно поднимется на задние лапы; если мы хотим вернуть их к естественной походке, мы должны обращаться с ними грубо. Точно так же, чтобы вернуть человека в его нормальное положение, вы должны обращаться с ним грубо. Но в этом отношении у нас нет никаких угрызений [совести2124](#), ибо мы не принижаем его, а возвышаем; как говорит Руссо, "мы заставляем его быть свободным"; мы даруем ему величайшее благо, которое может получить человек; мы возвращаем его к природе и к справедливости. По этой причине, теперь, когда он предупрежден, если он упорствует в своем сопротивлении, он преступник и заслуживает всяческих [наказаний2125](#), ибо он объявляет себя мятежником и клятвопреступником, враждебным человечеству и предателем общественного договора.

IV. Два искажения естественного человека.

Два искажения естественного человека: - Позитивная религия.

-Запрет ортодоксального культа. -Меры против неприсягнувших священников.-Меры против верных ортодоксов.-Разрушение конституционного культа.-Давление на присяжных священников.

-Закрытие церквей и подавление обрядов.-Продолжение эти гонения вплоть до консульства.

Давайте (по примеру якобинца Тейна) начнем с того, что представим себе естественного человека; конечно, нам, современным, трудно его узнать; Он мало похож на то искусственное существо, которое (в 1789 году) стоит на его месте, на существо, которое деформировала древняя система принуждения и мошенничества, запряженное в наследственную упряжь из рабства и суеверий, ослепленное своей религией и сдерживаемое престижем, эксплуатируемое своим правительством и укрощаемое ударами, всегда с недоуздком, всегда на работе не по правилам и против природы, в каком бы стойле он ни находился, высоком или низком, как бы ни была полна или пуста его колыбель, то на рутинной работе, как ослепленная лошадь, вращающая мельничное колесо, то на параде, как дрессированная собака, которая, украшенная флагами, демонстрирует свои выходы перед публикой.[2126](#) Но представьте, что все это убрано с дороги, флаги и оркестры, оковы и отсеки в социальном хлеву, и вы увидите, как появляется новый человек, первозданный

человек, неповрежденный и здоровый душой, телом и разумом.-В этом состоянии он свободен от предрассудков, он не запутался в сетях лжи, он не еврей, не протестант и не католик; если он попытается представить себе вселенную в целом и принцип событий, он не даст себя обмануть притворным откровением; он будет слушать только свой собственный разум; время от времени он может стать атеистом, но, в общем, он успокоится и станет деистом.-В таком положении вещей он не скован иерархией; он не знатный и не простолюдин, не землевладелец и не арендатор, не низший и не высший. Независимо от других, все равны, и, если все согласятся создать ассоциацию, их здравый смысл установит, что ее первая статья должна обеспечивать поддержание этого изначального равенства.²¹²⁷ Таков человек, каким его создала природа, каким его создала история и каким его должна заново создать Революция. Нельзя слишком энергично биться о две оболочки, которые крепко держат его: одна - позитивная религия, сужающая и извращающая его интеллект, другая - социальное неравенство, извращающее и ослабляющее его [волю](#)²¹²⁸ ; ибо при каждой усилении ослабляется какая-то лента, и, по мере того как каждая лента поддается, парализованные конечности восстанавливают свое действие.

Давайте проследим, (говорят якобинцы), ход этой освободительной операции. Всегда робкое и враждующее с церковной организацией, Учредительное собрание могло принимать лишь полумеры; оно рубило кору, не решаясь вонзить топор в твердый ствол. Его работа свелась к конфискации имущества духовенства, роспуску религиозных орденов и ограничению власти папы; его целью было создание новой церкви и превращение священников в присяжных чиновников государства, и это все. Как будто католицизм, даже административный, перестанет быть католицизмом! Как будто вредное дерево, однажды отмеченное государственной печатью, перестанет быть вредным! Вместо уничтоженной старой лаборатории фальшивок рядом с ней официально создается другая, так что теперь их две, а не одна. С официальным знаком или без него она действует в каждой коммуне Франции и, как и раньше, безнаказанно распространяет свои препараты среди населения. Это как раз то, чего мы (якобинцы) не можем терпеть.²¹²⁹ Мы, конечно, должны поддерживать видимость и, если говорить на словах, мы вновь провозгласим свободу вероисповедания. Но на деле и на практике мы разрушим лабораторию и предотвратим продажу наркотика; во Франции больше не будет католического богослужения, ни крещения, ни исповеди, ни брака, ни крайнего отлучения, ни мессы; никто не будет читать проповеди или слушать проповеди; никто не будет совершать или принимать таинства, кроме как в тайне и с перспективой тюрьмы или эшафота.²¹²⁹ Имея в виду эту цель, мы делаем одно за другим. Нет никакой проблемы в том, что Церковь утверждает, что она православная: Ее члены, отказавшиеся принести присягу, находятся вне закона; человек исключает себя из ассоциации, когда отказывается от договора; они потеряли квалификацию граждан и стали обычными иностранцами под надзором полиции; и, поскольку они распространяют вокруг себя недовольство и неповиновение, они не только иностранцы, но и подстрекатели, замаскированные враги, авторы тайного и широко распространенного Венде; нам нет необходимости преследовать их как шарлатанов, достаточно уничтожить их как бунтовщиков. В связи с этим мы уже изгнали из Франции всех неприсягнувших церковников, около сорока тысяч священников, и депортируем тех, кто не пересек границу в отведенный срок: Мы разрешаем оставаться на французской земле только шестидесятилетним и немощным, и то в качестве пленников и в уединении; они подвергаются смертной казни, если по собственной воле не явятся в тюрьмы своего города; изгнанные, вернувшиеся на родину, подвергаются смертной казни, и смертной казни подвергаются те, кто укрывает священников.²¹³⁰ Следовательно, если нет православного духовенства, то не может быть и православного богослужения; самая опасная из двух мануфактур суеверия закрыта. Чтобы продажа этой ядовитой пищи была более надежно пресечена, мы наказываем тех, кто

просит ее, так же, как и тех, кто ее дает, и преследуем не только пастырей, но и фанатиков паствы; если они не являются авторами церковного мятежа, то являются его пособниками и соучастниками. Теперь, благодаря расколу среди них, мы уже знаем, кто они, и в каждой общине составлен список. Мы причисляем к фанатикам всех, кто отвергает служение присяжных священников, буржуа, называющих его интервентом, всех монахинь, которые не исповедуются ему, всех крестьян, которые держатся подальше от его мессы, всех старух, которые не целуют его патен, и всех родственников младенца, которые не хотят, чтобы он его крестил. Все эти люди и те, кто с ними общается, будь то союзники, близкие родственники, друзья, гости или посетители, любого сословия, будь то мужчины или женщины, в душе являются смутьянами и, следовательно, "подозреваемыми". Лишим их избирательных прав, лишим пенсий, обложим особым налогом, заточим в жилище, посадим в тюрьму тысячами, гильотинируем сотнями; остальные постепенно обескуражатся и откажутся от неосуществимого [культа2131](#).-Останутся "теплые", овечья толпа, которая держится за свои обряды: Учредительное собрание схватит их везде, где найдет, и, поскольку они одинаковы как в уполномоченной, так и в раскольничьей церкви, вместо того чтобы искать их у священника, который не подчиняется, оно будет искать их у того, кто подчиняется. Но она будет действовать без рвения, без уверенности, часто даже с недоверием, сомневаясь, не сомнительного ли качества эти обряды, совершаемые тем, кто отлучен от церкви. Такая церковь не прочна, и нам достаточно дать ей толчок, чтобы она рухнула. Мы сделаем все возможное, чтобы дискредитировать конституционных священников: мы запретим им носить церковную одежду и заставим их по закону давать брачное благословение своим братьям-отступникам; мы применим террор и тюремное заключение, чтобы принудить их к браку; мы не дадим им передышки, пока они не вернутся к гражданской жизни, некоторые признают себя самозванцами, многие сдадут свои священнические полномочия, а большинство оставят свои [места2132](#). Лишившись лидеров в результате этого добровольного или вынужденного дезертирства, католическая паства позволит легко увести себя из лона, а чтобы устранить всякий соблазн вернуться, мы разрушим ограду. В тех коммунах, где мы будем хозяевами, мы заставим местных якобинцев потребовать отмены богослужения, а в других коммунах мы избавимся от этого авторитетно, через наших представителей-миссионеров. Мы закроем церкви, снесем шпили, переплавим колокола, отправим все священные сосуды на монетный двор, разобьем изображения святых, оскверним реликвии, запретим религиозные погребения, введем гражданские похороны, предпишем отдых во время [декады2133](#) и труд по воскресеньям. Никаких исключений. Поскольку все позитивные религии несут в себе заблуждение, мы объявим их всех вне закона: мы потребуем от протестантских священнослужителей публичного отречения; мы не позволим евреям совершать их обряды; мы устроим "авто-да-фе", все книги и символы веры Моисея."[2134](#) Но из всех этих разнообразных жонглерских машин худшей является католическая, самая враждебная природе из-за безбрачия ее священства, самая противная разуму из-за абсурдности ее догм, самая противная демократии, поскольку ее полномочия делегируются сверху вниз, самая защищенная от гражданской власти, поскольку ее глава находится за пределами [Франции235](#). Соответственно, мы должны быть самыми яростными против него; даже после [Термидора2136](#) мы будем продолжать постоянные преследования, большие и малые; вплоть до консульства, мы будем высылать и расстреливать священников, мы возродим против фанатиков законы времен правления Террора, мы будем препятствовать их передвижению, мы истощим их терпение; мы будем держать их в тревоге днем и беспокойстве ночью; мы не дадим им ни минуты [покоя2137](#). Мы ограничим население только десятилетним культом; мы изменим рыночные дни, так что ни один верующий не сможет купить рыбу в постный день.[2138](#) **нас** У нет ничего более важного, чем эта война против католицизма; ни один пункт нашей программы не будет выполняться с большей решимостью

и настойчивостью. Речь идет об истине. Мы - ее хранители, ее защитники, ее служители, и никогда еще служители истины не применяли силу с такими мельчайшими подробностями и таким эффектом для искоренения заблуждений.

V. Равенство и неравенство.

Социальное неравенство. - Заблуждение аристократической расы.

-Меры против короля и дворян.-Заблуждение аристократии богатства.-Меры против землевладельцев, капиталистов и людей с доходами.-Разрушение крупных состояний.-Меры, предпринятые для того, чтобы помешать крупным состояниям воссозданию крупных состояний.

Рядом с суеверием есть еще один монстр, которого необходимо уничтожить, и здесь Учредительное собрание также начало штурм. Но и оно, по недостатку мужества или логики, остановилось после двух или трех слабых ударов:

- * запрет геральдических знаков отличия, дворянских титулов и территориальных названий;
- * отмена, без возмещения, всех пошлин, принадлежащих сеньору по праву его прежнего владения людьми;
- * отмена разрешения на покупку других феодальных прав по согласованной цене,
- * ограничение королевской власти. Этого было мало. Когда речь идет об узурпаторах и тиранах, с ними нужно поступать по-другому; ведь их привилегии сами по себе являются оскорблением прав человека. Следовательно,
- * мы (якобинцы) свергли короля и отрубили ему голову;[2139](#)
- * мы уничтожили, без всякого возмещения, весь феодальный долг, состоящий из прав, которыми обладали сеньоры в силу того, что они были владельцами недвижимости, а не просто арендодателями;
- * мы бросили их лица и имущество на произвол судьбы и на произвол местных жакеров;
- * мы вынудили их эмигрировать;
- * мы сажаем их в тюрьму, если они остаются дома;
- * мы гильотинируем их, если они возвращаются.

(Как и аристократы) Воспитанные в привычке к превосходству и убежденные в том, что они отличаются от других людей, предрассудки их расы неискоренимы; они неспособны к общению с равными себе в обществе; мы не можем слишком тщательно подавить их или, по крайней мере, крепко прижать к земле.[2140](#) Кроме того, они виновны уже в самом факте

своего существования; ведь они взяли на себя руководство и командование, не имея на это никакого права, и, нарушая все права, они злоупотребляли человечеством; наслаждаясь своим положением, они просто обязаны за него заплатить. Привилегированные наоборот, они должны быть обработаны так же, как бродяги были обработаны при их правлении,

- * останавливались полицией и отправлялись со своими семьями в глубь страны,
- * толпиться в тюрьмах,
- * казнить в массовом порядке или, по крайней мере,
- * изгоняли из Парижа, морских портов и укрепленных городов, сажали на каторгу,
- * принуждены ежедневно являться в муниципалитет,
- * лишили политических прав,
- * исключены из общественных должностей, "народных клубов, комитетов по надзору и из собраний коммун и секций" [2141](#).

Даже это - снисхождение; заклеив их позором, мы должны приравнять их к галерным рабам и заставить их работать на общественных [дорогах](#) [2142](#).

"Справедливость приговаривает врагов народа и сторонников тирании к вечному рабству" [2143](#).

Но этого недостаточно, потому что, кроме сословной аристократии, существуют и другие аристократии, которые Учредительное собрание оставило [нетронутыми](#) [2144](#), особенно аристократия богатства. Из всех суверенитетов суверенитет богатого над бедным - самый обременительный. В сущности, он не только, презирая равенство, потребляет больше своей доли общих продуктов труда, ничего не производя сам, но, опять-таки презирая свободу, может устанавливать заработную плату по своему усмотрению, и, презирая гуманность, всегда устанавливает ее на самом низком уровне. Между собой и нуждающимися он никогда не заключает иных, кроме самых несправедливых договоров. Владея землей, капиталом и предметами первой необходимости, он ставит условия, на которые другие, лишенные средств, вынуждены соглашаться под угрозой голодной смерти; он спекулирует по своему усмотрению на желаниях, которые нельзя отложить, и извлекает максимальную выгоду из своей монополии, поддерживая бедняков в их нищенском положении. Вот почему, пишет святой Юст: [2145](#)

"Пышность - это позор; на каждую тысячу ливров подобных расходов можно позаботиться о меньшем количестве родных или приемных детей".

"Самый богатый француз, - говорит Робеспьер, - не должен иметь сейчас более трех тысяч ливров ренты".

Никакая собственность не может быть законной сверх того, что строго необходимо; мы имеем право отбирать лишнее, где бы мы его ни нашли. Не только сегодня, потому что сейчас мы нуждаемся в нем для государства и для бедных, но и во все времена, потому что излишек во все времена дает его владельцу преимущество в контрактах, контроль над заработной платой, произвольную власть над средствами существования, короче говоря, превосходство состояния хуже, чем превосходство ранга. Следовательно, наша рука направлена не только против дворян, но и против богатых и зажиточных [буржуа](#) [2146](#), крупных землевладельцев и капиталистов; мы собираемся разрушить их хитрый феодализм сверху

донизу2147. Прежде всего, и только благодаря действию новых учреждений, мы не позволим ни одному капиталисту присваивать, как он привык делать, лучшую часть плодов чужого труда; шершни больше не будут из года в год поглощать мед пчел. Чтобы добиться этого, нам нужно только позволить цессионариям (бумажным деньгам) и их принудительному курсу (обмена) все уладить. Благодаря обесцениванию бумажных денег праздный землевладелец или капиталист видит, как его доходы тают в его руках; его выручка состоит лишь из номинальных ценностей. 1 января его арендатор платит ему действительно за половину срока вместо полного; 1 марта его фермер рассчитывается с ним мешком зерна.2148 Эффект такой же, как если бы мы заключили новые контракты и снизили на половину, три четверти или даже больше ставку процента по займам, аренде домов и фермерских земель. - В то время как доход землевладельца испаряется, его капитал тает, и мы делаем все возможное, чтобы помочь этому. Если он имеет претензии на старинные корпорации или гражданские и религиозные учреждения любого рода, будь то провинциальные правительства, конгрегации, ассоциации, эндаументы или больницы, мы лишаем его особой гарантии; мы превращаем его титулы в государственную ренту, мы объединяем его частное состояние с государственным, хочет он того или нет, мы втягиваем его во всеобщее банкротство, к которому мы ведем всех кредиторов Республики.2149 Кроме того, чтобы разорить его, у нас есть более прямые и быстрые средства. Если он эмигрант, а их сотни тысяч, мы конфискуем его имущество. Если он был гильотинирован или депортирован, а таких десятки тысяч, мы конфискуем его имущество. Если он "признан врагом революции"2150 и "все богатые молятся за контрреволюцию"2151, мы конфискуем его имущество, пользуясь узупруктом до объявления мира, а после окончания войны это имущество достанется нам. Узупрукт или собственность, государство в любом случае наследует; в крайнем случае мы можем оказать временную помощь семье, которая даже не имеет права на содержание.

Невозможно искоренить состояние более основательно. Что касается тех, которые не удастся искоренить сразу, то мы избавляемся от них по частям, и против них мы используем два направления:

С одной стороны, мы декретируем принцип прогрессивного налогообложения и на этой основе устанавливаем принудительный кредит:2152 в доходах мы различаем основное и избыточное; мы устанавливаем, в зависимости от того, больше или меньше избыток, мы берем четверть, треть или половину, а при превышении девяти тысяч франков - все; сверх своего небольшого алиментарного запаса самая богатая семья будет оставлять себе только четыре тысячи пятьсот франков дохода.

С другой стороны, мы глубоко урезаем капитал революционными налогами; наши комитеты и провинциальные проконсулы взимают с того или иного банкира, торговца, буржуа или вдовы триста, пятьсот, до миллиона двухсот тысяч франков2153 по своему усмотрению, с уплатой в течение недели; тем хуже для облагаемого, если у него нет денег под рукой и он не может их занять; мы объявляем их "подозреваемыми", сажаем в тюрьму, конфискуем их имущество, и государство пользуется им вместо них.

В любом случае, даже когда сумма выплачена, мы заставляем его или ее отдать в наши руки свою серебряную и золотую монету, иногда с цессиями в качестве залога, а часто и без ничего; отныне деньги должны обращаться, и драгоценные металлы востребованы2154; каждый должен отдать то, чем он владеет. И пусть никто не смеет скрывать свои клады; все сокровища, будь то серебряные пластины, бриллианты, слитки, золото или серебро, чеканные или нечеканные, "обнаруженные или могущие быть обнаруженными, зарытые в землю или спрятанные в подвалах, внутри стен или в чердаках, под полами, тротуарами или очагами, в дымоходах и других тайниках"2155, становятся собственностью Республики, с

премией в двадцать процентов. Кроме того, мы потребуем постельное белье, кровати, одежду, провизию, вина и прочее, а также специи и драгоценные металлы, и можно представить себе состояние особняка, особенно после того, как мы в нем поселимся; оно такое же, как если бы дом сгорел; все движимое имущество и вся недвижимость погибли - теперь, когда и то и другое уничтожено, им нельзя позволить снова накапливаться. Для этого,

1. мы отменяем, в соответствии с правилами, свободу завещания²¹⁵⁶
2. предписываем равное и обязательное разделение всех наследств²¹⁵⁷
3. включаем в него бастардов наравне с законными детьми;
4. мы допускаем представительство à l'infini²¹⁵⁸, "чтобы умножить наследников и разделить наследство"²¹⁵⁹.
5. мы уменьшаем отчуждаемую часть до одной десятой по прямой линии и одной шестой по боковой линии;
6. запрещаем дарение лицам, чей доход превышает тысячу центнеров зерна;
7. мы вводим усыновление, "восхитительный институт" и по сути республиканский, "поскольку он приводит к разделу крупной собственности без кризиса".

Уже в Законодательном собрании один из депутатов заявил, что "равенство прав может быть сохранено только при условии постоянной тенденции к единообразию состояния"²¹⁶⁰.

Мы предусмотрели это на сегодняшний день и предусмотрим в будущем. Ни одна из огромных опухолей, высасывавших сок из человеческого растения, не останется; мы отсекали их несколькими меткими ударами, а постоянно движущаяся машина, постоянно воздвигаемая нами, срежет их последние усики, если они снова захотят прорасти.

VI. Условия, необходимые для того, чтобы стать гражданином.

Условия, необходимые для того, чтобы стать гражданином. - Планы по подавлению бедности. Меры в пользу бедных.

Вернув человека к его естественному состоянию, мы подготовились к появлению социального человека. Теперь задача состоит в том, чтобы сформировать гражданина, а это возможно только через выравнивание условий. В хорошо устроенном обществе не будет "ни богатых, ни бедных"²¹⁶¹: мы уже уничтожили богатство, которое развращает; теперь нам остается подавить бедность, которая деградирует. Под тиранией материальных вещей, которая столь же деспотична, как и тирания людей, человек опускается ниже самого себя. Из бедняка, обреченного быть камердинером, наемником или нищим, вынужденного думать только о себе и о хлебе насущном, тщетно просить работу или, вкалывая, когда ее получает, по двенадцать часов в день заниматься монотонным трудом, жить как бремя и умереть в

богадельне, никогда не получится гражданин.[2162](#) Он должен иметь свой хлеб, свой кров и все, что необходимо для жизни; он не должен перетруждаться, не должен испытывать беспокойства или стеснения;

"он должен жить независимо, уважать себя, иметь опрятную жену и здоровых и крепких детей "[2163](#).

Община должна гарантировать ему комфорт, безопасность, уверенность в том, что он не будет голодать, если станет немощным, а если умрет, то не оставит семью в нужде.

"Недостаточно, - говорит Барер,[2164](#) - пустить кровь богатым, спустить колоссальные состояния; рабство нищеты должно быть изгнано из почвы Республики. Больше никаких нищих, никаких милостынь, никаких богаделен".

"Бедные и несчастные, - говорит Сен-Жюст, - это сила земли; они имеют право говорить как хозяева с правительствами, которые пренебрегают ими;[2165](#) они имеют право на национальное милосердие..... В строящейся демократии необходимо приложить все усилия, чтобы избавить людей от необходимости бороться за минимум, необходимый для выживания; с помощью труда, если он пригоден для работы, с помощью образования, если он ребенок, или с помощью общественной помощи, если он инвалид или в преклонном возрасте "[2166](#).

И никогда еще момент не был столь благоприятным. "Богатая собственностью Республика теперь рассчитывает использовать многие миллионы, которые богачи потратили бы на контрреволюцию, для улучшения условий жизни своих менее удачливых граждан... Те, кто хотел убить свободу, сделали ее еще богаче. Имущество заговорщиков существует для блага несчастных. "[2167](#) - Пусть бедные берут с чистой совестью: это не благотворительность, а "возмещение ущерба", которое мы им обеспечиваем; мы спасаем их гордость, обеспечивая им комфорт, и мы облегчаем их, не унижая их.

"Мы оставляем благотворительность и благодеяния монархиям; этот наглый и постылый способ оказания помощи подходит только для рабов и господ; мы заменяем его системой национальных работ, в огромном масштабе, на всей территории Республики "[2168](#).

С другой стороны, в каждой коммуне мы составляем ведомость "состояния граждан, не имеющих собственности", и "национального имущества, которым не распорядились"; мы делим это имущество на небольшие партии; мы распределяем его "в форме национальных продаж" среди бедняков, способных работать. Мы даем "в форме аренды" по акру каждому главе семьи, у которого меньше акра собственной земли. "Таким образом, мы привязываем всех граждан к стране, а также к собственности. Мы возвращаем праздные и крепкие руки на землю, а потерянные или ослабленные семьи - в мастерские в городах" - Что касается старых и немощных фермеров или ремесленников, а также бедных матерей, жен и вдов ремесленников и фермеров, мы ведем в каждом департаменте "большую книгу национального благосостояния"; мы записываем в нее на каждую тысячу жителей четырех фермеров, двух механиков, пять женщин, либо матерей, либо вдов; каждый записанный человек должен получать от государства пенсию, такую же, как искалеченный солдат; инвалиды труда так же уважаемы, как инвалиды войны.-Помимо тех, кто получает помощь по причине бедности, мы облегчаем и возвышаем весь класс бедняков, не только тринадцать сотен тысяч нищих, которых насчитывается во [Франции2169](#) , но и всех тех, кто, не имея под рукой почти никаких средств, живет изо дня в день на то, что может заработать. Мы приняли [закон2170](#) , по которому государственная казна, посредством налога на крупные состояния, должна "предоставлять каждой коммуне или округу средства, необходимые для приведения

цены на хлеб в соответствии с уровнем заработной платы". Наши представители в провинциях возлагают на богатей обязанность "содержать, кормить и одевать всех немощных, престарелых и неимущих граждан и сирот своих кантонов".²¹⁷¹ Благодаря декрету о монополизации и установлению "максимума" мы делаем доступными для бедняков все предметы первой необходимости. Мы платим им по сорок су в день за участие в районных собраниях и по три франка в день за работу в комитетах по надзору. Мы набираем из них нашу революционную армию;²¹⁷² мы выбираем из них бесчисленных хранителей секвестров: таким образом, сотни тысяч бескупонных поступают на различные государственные службы. - Наконец, бедняки выведены из состояния нищеты: теперь каждый будет иметь свой участок земли, свое жалованье или пенсию;

"В хорошо устроенной республике никто не лишен собственности" ²¹⁷³.

Отныне разница в благосостоянии между отдельными людьми будет невелика; от максимума до минимума - лишь степень, а в каждом жилище будет примерно один и тот же вид домашнего хозяйства, простого, незатейливого, как у мелкого сельского собственника, зажиточного фермера или фабричного мастера; как у Руссо в Монморанси, или у савойского викария, или у плотника Дюплея, у которого останавливается Робеспьер.²¹⁷⁴ Больше не будет домашнего рабства: "между работодателем и работником будут существовать только узы помощи и благодарности".²¹⁷⁵ Тот, кто работает на другого гражданина, принадлежит к его семье и сидит за его столом.²¹⁷⁶ Превращая низшие социальные слои в средний класс, мы восстанавливаем человеческое достоинство, и из пролетария, камердинера и рабочего мы начинаем освобождать гражданина.

VII. Социалистические проекты.

Подавление эгоизма. - Меры против фермеров, фабрикантов и купцов. - Социалистические проекты.
- Репрессии федерализма. - Меры против местного, профессионального и семейного духа.

Два главных препятствия мешают развитию цивилизованности, и первое из них - эгоизм. В то время как гражданин предпочитает общество себе, эгоист предпочитает себя обществу. Он заботится только о своих интересах, не обращая внимания на общественные нужды; он не видит высших прав, которые имеют приоритет над его производным правом; он полагает, что его собственность принадлежит ему без ограничений и условий; он забывает, что, если ему разрешено пользоваться ею, он не должен использовать ее во вред другим.²¹⁷⁷ Так поступают даже представители среднего или низшего класса, обладающие товарами, необходимыми для выживания. Чем больше спрос на эти товары, тем выше они поднимают цены; вскоре они продают их по непомерно высоким ценам, а еще хуже - прекращают продажу и хранят свои товары или продукты, рассчитывая продать их дороже. Таким образом, они спекулируют на чужих нуждах, усиливают всеобщее бедствие и становятся врагами общества. Почти все земледельцы, промышленники и торговцы современности,

мелкие и крупные, являются врагами общества - фермеры, фермеры-арендаторы, садоводы, земледельцы всех мастей, а также бригадиры, лавочники, особенно виноторговцы, пекари и мясники.

"Все купцы по сути своей антиреволюционеры и готовы продать свою страну, чтобы получить несколько грошей" [2178](#).

Мы не потерпим этого узаконенного разбоя. Поскольку "сельское хозяйство ничего не сделало для свободы и стремится лишь к собственной выгоде" [2179](#), мы поставим его под наблюдение и, если потребуется, под контроль. Поскольку "торговля превратилась в разновидность скупого тирана", поскольку "она стала самопарализованной" и, "в силу своего антиреволюционного презрения, пренебрегла производством, обработкой и экспедицией различных материалов", мы пресечем "расчеты ее варварской арифметики и очистим ее от аристократического и развращающего брожения, которое ее угнетает". Мы объявляем монополию "преступлением с большой буквы" [2180](#); мы называем монополистом того, кто "изымает из обращения продукты и товары первой необходимости" и "хранит их, не выставляя ежедневно и публично на продажу". Смертная казнь тому, кто в течение восьми дней не сделает заявления или сделает ложное заявление. Смертной казнью карается торговец, который не вывешивает содержимое своего склада или не держит открытой лавку. Смертная казнь тому, кто хранит у себя больше хлеба, чем ему нужно для пропитания. [2181](#) Смертная казнь земледельцу, который не вывозит еженедельно свое зерно на рынок. Смертная казнь для торговца, который не вывешивает содержимое своего склада или не держит открытой лавку. Что касается цен, то мы авторитетно вмешиваемся между покупателем и продавцом; мы устанавливаем максимальную цену на все предметы, которые, вблизи или на расстоянии, служат для того, чтобы кормить, согревать и одевать человека; мы заключим в тюрьму того, кто предложит или потребует больше. Оплачивает ли торговец или производитель расходы по этой ставке, не имеет значения; если после установления максимума он закрывает фабрику или бросает дело, мы объявляем его "подозреваемым"; мы приковываем его к его преследованию, мы обязываем его проиграть от него. - Так подрезают когти хищные звери, маленькие и большие! Но когти отрастают снова, и, вместо того чтобы их подрезать, лучше их выдернуть. Некоторые из нас уже додумались до этого; право преимущественной покупки должно применяться к каждой статье; "в каждом департаменте может быть учреждено национальное хранилище, куда фермеры, землевладельцы и производители будут обязаны сдавать по фиксированной цене, с оплатой вперед, излишки своего потребления каждого вида товаров. Государство распределяло бы эти товары между оптовыми торговцами, оставляя себе прибыль в размере шести процентов. Прибыль оптового торговца была бы установлена на уровне восьми процентов, а розничного - двенадцати процентов". [2182](#) Таким образом, фермеры, производители и купцы стали бы государственными служащими, назначаемыми с премией или скидкой; не имея возможности получить большую прибыль, они не испытывали бы соблазна получить слишком большую; они перестали бы быть жадными и вскоре перестали бы быть эгоистами. [2183](#) - Поскольку, в сущности, эгоизм является основным пороком, а индивидуальная собственность - пищей, питающей его, почему бы не подавить индивидуальную собственность вообще? Наши крайние логики, во главе которых стоит Бабеф, доходят до этого, и Сен-Жюст, кажется, придерживается такого же мнения. [2184](#) Нас не касается введение аграрного закона; нация может оставить землю за собой и разделить между людьми не землю, а ее аренду. Результат этого принципа позволяет нам увидеть порядок вещей, при котором государство, единственный собственник недвижимости, единственный капиталист, единственный производитель, единственный торговец, имея всех французов на службе и на жалованье, будет поручать каждому его работу в соответствии с

его способностями и распределять каждому его рацион в соответствии с его потребностями.²¹⁸⁵ Эти различные неосуществленные планы все еще плывут в туманной дали, но их общая цель ясно различима.

"Все, что стремится сосредоточить человеческие страсти на низменном, индивидуальном "я", должно быть отвергнуто или подавлено "²¹⁸⁶.

Мы должны уничтожить особые интересы, лишить индивида мотивов и средств для самоизоляции, подавить озабоченность и амбиции, благодаря которым человек делает себя центром в ущерб реальному центру, короче говоря, оторвать его от самого себя, чтобы целиком прикрепить его к государству.

Вот почему, не обращая внимания на узкий эгоизм, посредством которого человек предпочитает себя обществу, мы стремимся к расширенному эгоизму, посредством которого человек предпочитает общество группе, частью которой он является. Ни под каким предлогом он не должен отделять себя от целого, ни за какие деньги ему не должно быть позволено создать для себя малую родину внутри большой, ибо, питая привязанность к малой, он расстраивает цели большой. Нет ничего хуже политического, гражданского, религиозного и внутреннего федерализма; мы боремся с ним во всех его формах.²¹⁸⁷ В этом отношении Учредительное собрание проложило нам путь, поскольку оно разрушило все основные исторические или материальные группы, с помощью которых люди выделились из массы и образовали отдельную группу, провинции, духовенство, дворянство, парламенты, религиозные ордена и торговые союзы. Мы завершаем его работу, мы разрушаем церкви, мы подавляем литературные или научные ассоциации, образовательные или благотворительные общества, вплоть до финансовых компаний.²¹⁸⁸ Мы запрещаем любой ведомственный или коммерческий "местный дух": мы находим

"одиозным и противным всем принципам, чтобы среди муниципалитетов одни были богатыми, а другие бедными, чтобы у одних были огромные вотчины, а у других - одни долги "²¹⁸⁹.

Мы считаем эти владения собственностью нации и записываем долги на ее счет. Мы забираем зерно у богатых коммун и департаментов, чтобы накормить бедные коммуны и департаменты. Мы строим мосты, дороги и каналы каждого округа за счет государства; "мы централизуем труд французского народа в широкой, пышной манере".²¹⁹⁰ Мы не хотим больше никаких местных интересов, воспоминаний, диалектов, идиом и патриотизмов. Между людьми должна существовать только одна связь - та, что прикрепляет их к общественному организму. Мы разрываем все остальные; мы не терпим никаких особых объединений; мы делаем все возможное, чтобы разрушить самое прочное из всех - семью. Поэтому мы придаем браку статус обычного договора: мы делаем его свободным и шатким, максимально напоминающим свободный и преходящий союз полов; он должен быть расторгнут по желанию обеих сторон и даже одной из сторон, после месяца формальностей и испытания. Если супруги прожили раздельно шесть месяцев, развод может быть дан без всякого испытания или отсрочки; разведенные могут вступить в новый брак. С другой стороны, мы подавляем супружескую власть: поскольку супруги равны, каждый из них имеет равные права на общее имущество и имущество друг друга; мы лишаем мужа возможности управлять им и делаем его "общим" для обеих сторон. Мы отменяем "отцовскую власть".

"Природе свойственно обманывать себя, добиваясь осуществления своих прав путем принуждения... Единственные права, которые есть у родителей, - это права защиты и бдительности "²¹⁹¹.

Отец больше не может контролировать воспитание своих детей; за это берется государство. Отец больше не хозяин своей собственности; та часть, которой он может распорядиться по дарственной или завещанию, ничтожна; мы предписываем равный и принудительный раздел имущества.²¹⁹¹ Наконец, мы проповедуем усыновление, мы уничтожаем бастардизм, мы наделяем детей, рожденных по свободной любви или по деспотической воле, теми же правами, что и законных детей. Короче говоря, мы разрываем этот священный круг, эту исключительную группу, эту аристократическую организацию, которая под именем семьи была создана из гордости и эгоизма.²¹⁹² Отныне привязанность и послушание больше не будут растрачиваться; жалкие опоры, к которым они цеплялись, как лианы плюща, - касты, церкви, корпорации, провинции, коммуны или семьи - будут разрушены и выкорчеваны; на выровненной таким образом почве останется стоять только государство, и только оно предлагает какую-либо точку опоры; все эти лианы вот-вот сомкнутся в ствол вокруг великой центральной колонны.

VIII. Индоктринация ума и интеллекта.

Внушение разума и интеллекта. - Гражданская религия.

-Национальное образование. -Эгалитарные моральные нормы.

-Облигаторный цивилизм.-Переработка и сведение человеческой природы к якобинскому типу.

Не дадим человеку сбиться с пути, поведем его вперед, направим умы и души, а для этого вовлечем его в наши доктрины. Ему нужны общие идеи и вытекающий из них повседневный опыт; ему нужна какая-то теория, объясняющая происхождение и природу вещей, теория, которая определит его место и роль в мире, которая научит его обязанностям, которая будет регулировать его жизнь, которая определит дни, когда он должен работать, и дни, когда он должен отдыхать, которая запечатлеет себя в его сознании через памятные даты, праздники и церемонии, через катехизис и календарь. До сих пор Религия была властью, которой поручено это служение, интерпретируемое и обслуживаемое Церковью; теперь это должен быть Разум, интерпретируемый и обслуживаемый государством".-В связи с этим многие из нас, ученики энциклопедистов, считают Разум божеством и воздают ему почести, но очевидно, что они олицетворяют абстракцию; их импровизированная богиня - просто аллегорический фантом; никто из них не видит в ней разумной причины мира; в глубине души они отрицают эту Верховную Причину, и их притворная религия - всего лишь шоу или притворство.-Мы отвергаем атеизм не только потому, что он ложен, но, опять же, и в особенности потому, что он распадается и нездоров.²¹⁹³ Нам нужна действенная, утешительная и укрепляющая религия, и эта религия - естественная религия, которая является социальной, а также истинной. "Без этого,²¹⁹⁴ как говорил Руссо, невозможно быть хорошим гражданином. Существование божества, будущая жизнь, священность общественного договора и законов" - все это догмы; "никто не может быть принужден верить

в них, но тот, кто осмелится сказать, что он не верит в них, ставит себя против французского народа, человеческого рода и природы". Поэтому мы постановляем, что "французский народ признает Верховное существо и бессмертие души". Теперь важно поселить эту полностью философскую веру во всех сердцах. Мы вводим ее в гражданский порядок вещей, мы забираем календарь из рук церкви, мы очищаем его от христианских образов; мы делаем так, чтобы новая эра началась с приходом Республики; Мы делим год по метрической системе, называем месяцы в соответствии с изменчивостью времен года, "заменяем во всех направлениях реалии разума на видения невежества, истины природы на сакральный престиж" [2195](#), декаду на неделю, декады на воскресенья, светские праздники на церковные. [2196](#) В каждой декаде с торжественной и подобающей случаю помпой мы внушаем народному сознанию одну из высших истин нашего вероучения; мы прославляем, в порядке их дат, природу, истину, справедливость, свободу, равенство, народ, невзгоды, человечество, республику, потомство, славу, патриотизм, героизм и другие добродетели. Кроме того, мы отмечаем знаменательные дни Революции, взятие Бастилии, падение трона, наказание тирана, изгнание жирондистов. У нас тоже есть свои годовщины, свои реликвии, мощи Шалье и [Марата](#) [2197](#), свои процессии, свои службы, свой [ритуал](#) [2198](#) и огромная система видимых зрелищ, с помощью которых догмы становятся явными и пропагандируются. Но наша, вместо того чтобы уводить людей на воображаемые небеса, возвращает их к живому наследию, и через наши церемонии, так же как и через наше вероучение, мы будем проповедовать общественный дух (civism).

Важно проповедовать это взрослым, но еще важнее учить этому детей: ведь дети легче поддаются лепке, чем взрослые. Мы полностью овладеваем этими все еще гибкими умами, и через национальное образование "мы овладеваем грядущими поколениями". [2199](#) Нет ничего более важного и ничего более законного.

"Страна, - говорит Робеспьер, - имеет право воспитывать своих собственных детей; она не может доверить это доверие ни семейной гордости, ни предрассудкам отдельных людей, вечной подпитке аристократий и внутреннего федерализма, который сужает душу, держа ее в изоляции". Мы намерены иметь "образование, общее и равное для всего французского народа", и "мы накладываем на него печать великого характера, аналогичного природе нашего правительства и возвышенным доктринам нашей Республики". Цель состоит уже не в том, чтобы воспитывать господ (messieurs), а в том, чтобы воспитывать граждан" [21100](#).

Мы [обязываем](#) [21101](#) учителей, мужчин и женщин, представлять свидетельства о гражданственности, то есть о якобинстве. Мы закрываем школу, если в ней преподаются "наставления или максимы, противоречащие революционной морали", то есть христианской морали. Дети будут учиться читать по Декларации прав и по Конституции 1793 года. Для их использования будут подготовлены республиканские пособия и катехизисы. [21102](#) "Их нужно учить добродетельным чертам, которые больше всего делают честь свободным людям, и особенно чертам, характерным для Французской революции, лучше всего рассчитанным на то, чтобы возвысить душу и сделать ее достойной равенства и свободы". В их присутствии должны восхваляться или оправдываться 14 июля, 10 августа, 2 сентября, 21 января и 31 мая. Их нужно водить на собрания муниципалитетов, в судебные [инстанции](#) [21103](#) и особенно в народные клубы; из этих чистых источников они почерпнут знания о своих правах, обязанностях, законах, республиканской морали", и, войдя в общество, они окажутся проникнутыми всеми хорошими правилами. Помимо политических взглядов, мы формируем их обычные привычки. Мы применяем в широком масштабе план воспитания, разработанный Жан-Жаком (Руссо). [21104](#) Нам не нужны больше литературные ханжи; в армии "денди" ломается в первой же кампании; [21105](#) нам нужны юноши, способные

переносить лишения и усталость, закаленные, как Эмиль, "тяжелым трудом" и физическими упражнениями.21104 Мы пока только набросали этот отдел воспитания, но согласие между различными планами показывает значение и смысл нашего принципа. "Дети вообще, без исключения, говорит Ле Пелетье де Сен-Фаржо,21106 мальчики от пяти до двенадцати, девочки от пяти до одиннадцати лет, должны воспитываться совместно за счет Республики; все, по священному закону равенства, должны получать одинаковую одежду, одинаковое питание, одинаковое воспитание, одинаковое внимание "в пансионах, распределенных по кантонам и содержащих каждый от четырех до шестисот учеников.

"Воспитанники будут вынуждены ежедневно и ежеминутно подчиняться одним и тем же жестким правилам... Их кровати должны быть жесткими, пища здоровой, но простой, одежда удобной, но грубой". Слуги не допускаются; дети должны помогать себе сами и, кроме того, присматривать за старыми и немощными, проживающими с ними или рядом. "Среди повседневных обязанностей главным будет ручной труд, все остальное - посторонние дела". Девочки должны научиться прясть, шить и стирать одежду; мальчики будут обрабатывать дороги, быть пастухами, пахарями и рабочими руками; у тех и других будут задания либо в школьных мастерских, либо на полях и фабриках по соседству; они будут наниматься к окрестным производителям и к землепашцам. Сен-Жюст более конкретен и строг.21107 "Дети мужского пола в возрасте от пяти до шестнадцати лет должны быть воспитаны для своей страны. Они должны быть одеты в общую одежду в любое время года, иметь циновки для постели и спать по восемь часов. Они должны есть только общую пищу: фрукты, овощи, молоко, хлеб и воду. Они не должны есть мясо до шестнадцати лет. Их образование, с десяти до шестнадцати лет, должно быть военным и сельскохозяйственным. Они будут формироваться в роты по шестьдесят человек; шесть рот составляют батальон; дети одного округа образуют легион; они будут ежегодно собираться в окружном городе, разбивать там лагерь и заниматься пехотной тактикой на специально отведенных для этого аренах; они также будут изучать маневры кавалерии и все другие виды военного обучения. Во время сбора урожая они должны быть распределены среди сборщиков урожая". После шестнадцати лет "они поступают в ремесленное училище" к какому-нибудь фермеру, ремесленнику, купцу или фабриканту, который становится их титулярным "инструктором" и с которым они обязаны оставаться до двадцати одного года, "под страхом лишения на всю жизнь прав гражданина "21108... Все дети будут одеваться одинаково до шестнадцати лет; с двадцати одного до двадцати пяти лет они будут одеваться как солдаты, если они не состоят в магистратуре". "Мы уже показываем действие этой теории на одном ярком примере; мы основали "Марсову школу "21109 ; мы выбираем в каждом округе шесть мальчиков от шестнадцати до семнадцати с половиной лет "из числа детей некрестьян"; мы вызываем их в Париж, "чтобы они получили там, посредством революционного воспитания, все, что относится к знаниям и привычкам республиканского солдата. Их учат братству, дисциплине, бережливости, хорошим привычкам, любви к родине и презрению к королям". Три или четыре тысячи молодых людей поселяются в Саблонах, "в палисаде, который охраняется шеволежерами и часовыми". "21110 Мы размещаем их в палатках; кормим отрубным хлебом, прогорклой свининой, водой и уксусом; обучаем их обращению с оружием; выводим на марш по национальным праздникам и воодушевляем патриотическими речами... Предположим, что все французы получили образование в такой школе; привычки, приобретенные ими в юности, сохраняются во взрослой жизни, и в каждом взрослом мы найдем трезвость, энергию и патриотизм спартамца или римлянина.

Уже сейчас, под давлением наших декретов, цивилизованность влияет на обычаи, и со всех сторон наблюдаются явные признаки возрождения общества. "Французский народ, - говорит Робеспьер, - кажется, опередил все остальное человечество на две тысячи лет;

можно было бы склониться к тому, чтобы рассматривать его, живя среди него, как другой вид. В остальной Европе пахарь, ремесленник - это животное, созданное для удовольствий знати; во Франции дворяне пытаются превратиться в пахарей и ремесленников, но не добиваются этой чести".²¹¹¹¹ Жизнь во всех направлениях постепенно приобретает демократические формы Богатым заключенным запрещено покупать деликатесы или приобретать особые удобства; они едят вместе с бедными заключенными один и тот же паек в общей [столовой](#)²¹¹¹². Пекарям приказано печь хлеб только одного сорта, коричневый, называемый хлебом равенства, и, чтобы получить свою порцию, каждый должен встать в один ряд с остальной толпой. В [праздники](#)²¹¹¹³ каждый выносит свою еду на улицу и ест как одна семья со своим соседом; в декады все должны петь и танцевать вместе, pell-mell, в храме Верховного существа. Постановления Конвента и распоряжения представителей навязывают женщинам республиканскую кокарду; общественное мнение и пример навязывают мужчинам костюм и внешний вид sans-culottes, мы видим даже щеголей с усами, длинными волосами, в красной шапочке, жилете и тяжелых деревянных башмаках.²¹¹¹⁴ Никто не называет человека месье или мадам; единственные титулы, которые допускаются, - citoyen и citoyenne, а "ты" и "вы" - общее правило. Грубая фамильярность заменяет монархическую вежливость; все приветствуют друг друга как равные и товарищи.²¹¹¹⁵ Теперь существует только один тон, один стиль, один язык; революционные формы составляют ткань речи, а также письменного дискурса; мысль теперь, кажется, состоит исключительно из наших идей и фраз.²¹¹¹⁶ Все имена трансформируются, названия месяцев и дней, мест и памятников, крестильные имена и названия семей: Сен-Дени стал Франсиадом; Петр Гаспар превратился в Анаксагора, а Антуан-Луи - в Брута; депутат Лерой называет себя Лалоем, а юрист Лерой - Августом Десятым... Формируя таким образом внешнее, мы достигаем внутреннего, а через внешнюю цивилизованность готовим внутреннюю. И то, и другое обязательно, но последнее в гораздо большей степени, чем первое; ибо это основополагающий принцип,²¹¹¹⁷ "стимул, поддерживающий и побуждающий демократическое и народное правительство". Невозможно применить общественный договор, если каждый не будет неукоснительно соблюдать первый пункт его, а именно: полное предание себя обществу; каждый должен полностью, не только фактически, но и сердцем, отдать себя общественному благу, а общественное благо - это возрождение человека, как мы его определили. Настоящий гражданин - это тот, кто идет вместе с нами. У него, как и у нас, абстрактные истины философии управляют сознанием и руководят волей. Он начинает с наших статей веры и следует им до конца; он одобряет наши действия, он произносит наш символ веры, он соблюдает нашу дисциплину, он верующий и практикующий якобинец, ортодоксальный якобинец, незапятнанный, без единого пятнышка ереси или раскола. Он никогда не отклоняется ни влево в сторону преувеличения, ни вправо в сторону терпимости; без спешки и промедления он идет по узкому, крутому и прямому пути, который мы для него наметили; это путь разума, ибо, поскольку есть только одна причина, есть только один путь. Никто не должен уклоняться от этой линии; по обе стороны от нее - бездны. Давайте следовать нашим проводникам, людям принципов, чистым, особенно Кутону, Сен-Жюсту и Робеспьеру; они - образцы, отлитые в истинной форме, и именно в эту уникальную и жесткую форму должны быть отлиты все французы.

2101 (возвращение)

[Этот и следующий текст взяты из "Социального договора" Руссо. Ср. "Древний режим", кн. III, гл. IV.]

2102 (возвращение)

[Эту идею, столь распространенную и скороспелую, Мирабо высказал на заседании 10 августа 1789 года. (Buche et Roux, II., 257.) "Я знаю только три способа поддерживать свое существование в обществе, и это - быть либо нищим, либо грабителем, либо наемником. Собственник сам является лишь первым из наемников. То, что мы обычно называем его собственностью, есть не что иное, как плата, которую общество назначает ему за распределение между другими того, что ему поручено распределять через свои расходы и через то, что он потребляет; собственники - это агенты, распорядители общественного тела"].

2103 (возвращение)

[Доклад Ролана, 6 января 1793 г., и Камбона, 1 февраля 1793 г.].

2104 (обратно)

[Buche et Roux, XXXI., 311. Доклад Сен-Жюста, Вентос 8, год II., и декрет в соответствии с ним].

2105 (возврат)

[Декрет от 13 брюмера II года - Доклад Камбона, 1 февраля 1793 года. Камбон оценивает имущество только Мальтийского ордена и коллегий в четыреста миллионов ливров].

2106 (возврат)

["Moniteur", XVIII., 419 и 486. Доклады Камбона, 22 брюмера и 1 фримера II года. "Начнем с того, что завладеем арендованными владениями, невзирая на предыдущие законы"].

2107 (возвращение)

[Ср. "Древний режим", с. 14].

2108 (возврат)

[Mallet-Dupan, "Mémoires", II., 19. Moniteur, XVIII., 565. (Доклад Камбона, 11 фримера II года.) По просьбе тулузского народного клуба департамент Верхняя Гаронна приказал всем владельцам золотых и серебряных изделий принести их в казначейства своих округов для обмена на ассигнаты. Благодаря этому приказу в казну Тулузы поступило около одного миллиона пятисот тысяч или одного миллиона шестисот тысяч ливров золотом и серебром. То же самое в Монтобана и других местах. "Некоторые из наших коллег даже издали указ о смертной казни того, кто не принесет свое золото и серебро в установленный срок"].

2109 (возврат)

[Archives Nationales, AF. II., 106. (Приказ представителя Бошама, остров Журдан, Плювиоза 2, год II.) "Все синие и зеленые плащи в департаментах Верхняя Гаронна, а также Ланды, Жер и других, реквизируются с сегодняшнего дня. Каждый гражданин, имеющий синий или зеленый плащ, обязан заявить об этом в депо муниципалитета или другого населенного пункта, где он может случайно оказаться". В противном случае он считается "подозреваемым", и с ним обращаются как с таковым.-Ibid., AF.II., 92 (Приказ, изданный Тайллефером, Брюмера 3, год II., в Вильфранш-л'Авейрон).-De Martel, "Etude sur Fouché", 368. (Заказ Фуше, Колло д'Эрбуа и Делапорта: Лион, 21 брюмера, год II.)-Moniteur, XVIII, 384. (Заседание 19 брюмера. Письмо Барраса и Фрерона, датированное Марселем.)-Moniteur XVIII., 513 (Приказы Лебона и Сен-Жюста, в Страсбурге, 24 и 25 брюмера, год II.) Письмо Изоре министру Бушотту, 4 ноября 1793 года. (Legros, "La Revolution telle qu'elle est.") Принцип этих мер был изложен Робеспьером в его речи о собственности (24 апреля 1793 г.) и в его декларации прав, единодушно принятой Якобинским клубом (Buche et Roux, XXVI., 93 и 130)].

2110 (возврат)

[Rousset, "Les Volontaires", p. 234 и 254].

2111 (возврат)

[Доклад Камбона, Плювиоза 3, год III, стр.3. "Пятая часть активного населения занята в общей обороне."- Декрет от 12 мая и 23 августа 1793 г. - Декрет от 22 ноября 1793 г. - Приказ Директории от 18 октября 1798 г.].

2112 (возвращение)

[Moniteur, XIX., 631. Декрет от 14 сентября II года. Archives Nationales, D.SI., 10. (Приказы представителей Делакура, Луше и Лежандра; Понт-Одемер, Фример 14, год II.)-Moniteur, XVIII, 622.-(Декрет Фримера 18, год II.)].

2113 (возвращение)

[Ленин, должно быть, читал текст Тейна во время своего долгого пребывания в Париже. Он и Сталин, во всяком случае, старались, чтобы СССР функционировал в соответствии с таким централизованным планированием. (SR.)]

2114 (возврат)

[Декрет от 15-18 Флореаля, год II. Декрет от 29 сентября 1793 г. (в котором перечислены сорок предметов первой необходимости; статья 9 предписывает трехдневное тюремное заключение рабочим и фабрикантам, которые "без законной причины откажутся выполнять свою обычную работу"; декреты от 16 и 20 сентября 1793 г. и от 11 сентября, статьи 16, 19, 20 и 21).

2115 (возврат)

[Archives Nationales, AF. II., III. Приказ представителя Ферри; Бурж, 23 мессидора, год II.-Ibid., AF. II., 106. Орден представителя Дартигойта, Аух, Прериаль 18, год II].

2116 (возвращение)

[Декрет от 11 брюмера, год II., статья 7].

2117 (возвращение)

[Gouvion Saint Cyr, "Mémoires sur les campagnes de 1792 à la paix de Campo-Formio", I., 91-109: "Продвижение, которого все боялись в это время...". Там же, с. 229. "Люди, обладавшие какими-либо средствами, упорно избегали любого продвижения по службе". Archives Nationales, DS. I, 5. (Миссия представителя Альбера в Об и Марне, и особенно приказ, изданный Альбером, Шалон, Жерминаль 7, год III, с многочисленными петициями судей и городских чиновников, требующих их удаления). Письмо художника Госсе (опубликовано в Le Temps, 31 мая 1872 года), очень любопытное, показывающее испытания, выпавшие на долю людей частной жизни во время революции: "Мой отец был назначен комиссаром по благотворительности и квартирмейстером войск; во времена Террора было бы неосмотрительно отказываться от любой должности" -Archives Nationales, F7, 3485. Дело Жирара Туссена, нотариуса в Париже, который "пал под мечом закона, 9 термидора, год II". Этот Жирар, который был очень либерален в начале революции, был президентом своей секции в 1789 году, но после 10 августа он замолчал. Комитет секции "Друзей Отечества", "учитывая, что гражданин Жирар появился только в то время, когда суд и Лафайет одержали верх над санкюлотами", что "с тех пор как равенство было установлено революцией, он лишил своих сограждан знаний, что в условиях революции преступно, единодушно признает указанного гражданина "подозреваемым" и приказывает "отправить его в Люксембург"].

2118 (возвращение)

[Ludovic Sciout, "Histoire de la Constitution civile du clergé", IV., 131, 135. (Приказы, изданные Дартигойтом и де Пине). "Recueil de pieces authentiques serrant à l'histoire de la révolution à Strasbourg." Vol. I. p. 230. (Речь Шнайдера в Барре по поводу женитьбы на патриотке Функе.) Шнайдер, судя по всему, еще лучше справился со своей задачей. (Ibid., 317).]

2119 (возврат)

[Buchez et Roux, XXIX., 160. (Донесение Сен-Жюста от 20 октября 1793 г.) "Вы должны наказывать не только предателей, но даже равнодушных; вы должны наказывать всех в Республике, кто пассивен и ничего для нее не делает"].

2120 (возвращение)

[Buchez et Roux, XXXII., 338. Доклад Конвента о теории демократического правления, составленный Бийо-Варенном (20 апреля 1794 г.)].

2121 (возврат)

[Buchez et Roux, XXXI., 270. Доклад Робеспьера о принципах, которыми должен руководствоваться Национальный конвент при внутреннем управлении Республикой, 5 февраля 1794 г. - См. "Древний режим", 227-230, идеи Руссо, которые Робеспьер просто переработал].

2122 (возвращение)

[Там же, 270.- Претензия на реформирование чувств людей присутствует во всех программах. Там же, 305. (Доклад Сен-Жюста, 26 февраля 1794 г.) "Наша цель - создать порядок вещей, устанавливающий всеобщую склонность к добру, и немедленно отправить фракции на эшафот". Там же, 337. (Отчет Сен-Жюста, 13 марта 1794 г. - Там же, 337. (Доклад Сен-Жюста, 13 марта 1794 г.) "Мы видим только один способ остановить зло, а именно: превратить революцию в гражданскую власть и вести войну со всеми видами извращений, которые намеренно создаются среди нас для сохранения республики"]].

2123 (возвращение)

[Там же, XXXV, 276. (Учреждения, написанные Сен-Жюстом.-Там же, 287.)-Moniteur, XVIII, 343. Заседание Якобинского клуба, 13 брюмера II года, речь Бодо].

2124 (возвращение)

["Buchez et Roux", XXIX, 142. (Речь Жана Бон Сент-Андре в Конвенте, 25 сентября 1793 г.) "Нам говорят, что мы осуществляем произвольную власть, нас обвиняют в деспотизме. Мы, деспоты!... Ах, несомненно, если деспотизм должен обеспечить торжество свободы, то такой деспотизм - это политическое перерождение". (Аплодисменты.)-Ibid, XXXI., 276. (Доклад Робеспьера, Плювиоза 17, год II.) "Говорят, что террор - это стимул деспотического правления. Так похож ли ваш террор на деспотизм? Да, как меч, мелькающий в руках героев свободы, похож на тот, которым вооружены сателлиты тирании..... Правительство Революции - это деспотизм свободы против тирании"]].

2125 (возврат)

[Там же, XXXII, 353. Декрет от апреля 1791 года. "Конвент заявляет, что, опираясь на добродетели французского народа, он обеспечит торжество демократической революции и не проявит жалости в наказании ее врагов"]].

2126 (возврат)

[В следующем изображении старинного режима напыщенность и легковерие того времени выливаются в самые экстравагантные преувеличения (Buchez et Roux, XXXI., 300, Доклад Сен-Жюста, 26 февраля 1794 г.): "В 1788 году Людовик XVI. приказал принести в жертву восемь тысяч человек обоих полов и всех возрастов на улице Месле и на Пон-Нёф. Эти сцены были повторены судом на Марсовом поле; суд устроил виселицы в тюрьмах, а жертвами стали тела утопленников, найденные в Сене. В тюрьмах содержалось четыреста тысяч заключенных; за год было повешено пятнадцать тысяч контрабандистов, а три тысячи человек были сломаны на колесе; в Париже было больше заключенных, чем сейчас... Посмотрите на Европу. В

Европе заперты четыре миллиона людей, чьи вопли никогда не слышны" - Там же, XXIV, 132. (Речь Робеспьера, 10 мая 1793 года). "До сих пор искусство управления состояло лишь в искусстве лишать и подчинять массы ради выгоды немногих, а законодательство - в способе свести эти безобразия к системе"].

2127 (возвращение)

[Buche et Roux, XXXII., 353. (Доклад Робеспьера Конвенту, 7 мая 1794 г.) "Природа говорит нам, что человек рожден для свободы, в то время как опыт человечества на протяжении веков показывает, что он раб. Его права записаны в его сердце, а история фиксирует его унижение"].

2128 (возвращение)

[Там же, 372. "Священники для морали - то же, что шарлатаны для медицинской практики. Как отличается Бог природы от Бога священников! Я не знаю ничего, что было бы так похоже на атеизм, как созданные ими религии". Уже в Учредительном собрании Робеспьер хотел запретить отцу одаривать ребенка. "Вы ничего не сделали для свободы, если ваши законы не направлены на уменьшение мягкими и эффективными средствами неравенства состояний". (Hamel, I., 403.)].

2129 (возвращение)

[Декрет Фримера 18, год II.- Обратите внимание на ограничения: "Конвент в вышеупомянутом постановлении не имеет в виду отступление от какого-либо закона или меры предосторожности для общественной безопасности против непримиримых или буйных священников, или против тех, кто может попытаться злоупотребить предлогом религии, чтобы скомпрометировать дело свободы. Это также не означает неодобрения того, что было сделано до сих пор в силу постановлений представителей народа, и не дает никому предложения для расшатывания патриотизма и ослабления энергии общественного духа"].

2130 (возвращение)

[Декреты от 27 мая и 26 августа 1792 г., 18 марта, 21 апреля и 20 октября 1793 г., 11 апреля и 11 мая 1794 г. - Добавьте (Moniteur, XIX., 697) декрет о конфискации имущества церковников, "которые добровольно ушли или о которых было сообщено, которые отправлены в отставку по старости или доносу, или которые предпочли перевозку отставке" - Там же, XVIII., 492, (заседание Фримера 2). Речь Форестера. "Что касается священства, то его продолжение стало позором и даже преступлением" - Archives Nationales, AF. II., 36. (Приказ Лекинио, представителя жителей Шарант-Инферьер, Вандеи и Дев-Севра, Сен, Нивозе 1, год II). "Чтобы свобода вероисповедания существовала в полном объеме, запрещается всем, кого это может касаться, проповедовать или писать в пользу какой бы то ни было формы вероисповедания или религиозного мнения". И особенно "категорически запрещается любому бывшему священнослужителю, принадлежащему к какой бы то ни было религиозной секте, проповедовать, писать или учить морали под страхом того, что он будет рассматриваться как подозреваемый и, как таковой, немедленно подвергнут аресту.... Каждый человек, который берется проповедовать какие бы то ни было религиозные заповеди, уже этим фактом становится виновным перед народом. Он нарушает... социальное

равенство, которое не позволяет человеку публично возвышать свои идеальные притязания над притязаниями своего ближнего"]].

2131 (возвращение)

[Ludovic Sciout, "Histoire de la Constitution Civile du clergé", vols. III. и IV., passim.-Jules Sauzay, "Histoire de la persécution révolutionnaire dans le Doubs," vols. III., IV., V. и VI., особенно список, приведенный в конце работы, депортированных, гильотинированных, отправленных в глубь страны и заключенных в тюрьмы].

2132 (возврат)

[Ордер дня Конвента от 17 сентября 1792 г.; циркуляр Исполнительного совета от 22 января 1793 г.; декреты Конвента от 19 июля, 12 августа, 17 сентября, 15 ноября 1793 г. - Moniteur, октябрь и ноябрь 1793 г., passim. (23 ноября, приказ Парижской коммуны о закрытии церквей.)- Что касается террора, которому подвергались конституционные священники, я просто привожу следующие выдержки (Archives Nationales, F7,31167): "Гражданин Понтар, епископ департамента Дордонь, проживающий в доме гражданина Бурбона, No. 66 по Сент-Оноре, получив информацию о том, что в газете "Le Republican" была опубликована статья о том, что в указанном доме состоялось собрание священников, заявляет, что ему об этом ничего не известно; что все офицеры, отвечающие за эти квартиры, поддерживают Революцию; что, если бы у него был повод заподозрить подобное обстоятельство, он бы немедленно выехал, и что если в таком сообщении можно обнаружить какой-либо мотив, то это его предполагаемый брак с племянницей гражданина Каминада, прекрасного патриота и капитана 9-й роты участка Елисейских полей, брак, который положит конец фанатизму в его департаменте, если только это не будет сделано путем посвящения священника в сан без культа, что он сделал вчера в часовне, еще один акт в согласии с Революцией. Нелишне будет добавить, что к нему обращался один из его куре, находящийся сейчас в Париже, и что он пришел просить его о втором браке. Имя этого куратора - Греффье Соваж; он все еще в Париже и готовится к свадьбе в то же время, что и он сам. Помимо этих мотивов, которые могли послужить поводом для некоторых разговоров, гражданин Понтар не видит никаких оснований для подозрений. Кроме того, такой глубокий патриот, как он, не желает ничего лучшего, чем знать правду, чтобы без колебаний идти по революционному пути. Он со вздохом заявляет, что обещает поддерживать Революцию во всех случаях, как своими писаниями, так и своим поведением. Он представляет два номера своего журнала, которые были напечатаны в Париже в поддержку принципов, которых он придерживается. В Париже, 7 сентября 1793 года, год II. Республики, единой и неделимой. Ф. Понтар, епископ Республики в департаменте Дордонь" - Dauban La Demagogie en 1793, p. 557. Арест представителя Осселина, письмо его брата, куратора Сент-Обена, в комитет секции Муция Скуаволы, 20 брюмера II года: "Подобно Бруту и Муцию Скуаволе, я попираю чувства, которыми я боготворил своего брата! О, истина, божество республиканцев, ты знаешь неподкупность моих намерений!" (и так далее на протяжении пятидесяти трех строк). "Таковы мои чувства, с братским приветом, Осселин, служитель культа в Сент-Обене" - P.S. "Как раз в тот момент, когда я собирался ответить на зов природы, я узнал эту печальную новость". (Он продолжает эту напыщенную речь до тех пор, пока у него не отказывают слова, и наконец, перепуганный до смерти, с измученным мозгом, он дает этот постскриптум, чтобы показать, что он не был соучастником)].

2133 (возврат)

[Термин, обозначающий замену десяти вместо семи дней в качестве деления времени в календаре и насильственно введенный в употребление во время революции].

2134 (возврат)

["Recueil de pieces authentiques servant à l'histoire de la revolution à Strasbourg", II., 299. (Окружной заказ.)]

2135 (обратно)

[Позже, когда Ленин и Сталин воскресили якобинство, они помещали штаб-квартиру любого подрывного движения за пределами страны, где оно действовало. (СР.)]

2136 (возврат)

[Термидор относится к очень важному дню и событию во время Французской революции: день падения Робеспьера: Термидор 9, год II, (27 июля 1794), Падение Робеспьера, вступившее в силу 10 числа, было подготовлено его противниками, Таллиеном, Баррасом, Фуше и т.д., в основном потому, что они боялись за свою жизнь. Робеспьер и 21 его сторонник были казнены вечером 10 термидора II года. (СР.)].

2137 (возвращение)

[Ludovic Sciout, IV., 426. (Инструкции, направленные Директорией национальным комиссиям, Фример, год II.) - Там же, гл. X. - XVIII].

2138 (возвращение)

[Там же, IV, 688. Приказ Директории, Жерминаль, 14, VI год: "Муниципальные власти будут назначать в каждом десятилетии особые дни для рыночных дней в своих округах и ни в коем случае не позволят отменить их постановление на том основании, что указанные рыночные дни выпадут на праздник. Они будут особенно стараться пресечь всякую связь между продажей рыбы и днями поста, установленными по старому календарю. Каждый человек, выставяющий на продажу продукты или товары на рынках в дни, отличные от установленных муниципальными властями, будет преследоваться в полицейском суде за создание препятствий на проезжей части". Термидорианцы остаются такими же антикатоликами, как и их предшественники; только они отказываются от открытого преследования и полагаются на медленное давление. (Moniteur, XIII., 523. Речь Буасси д'Англаса, Ventôse 3, год II.) "Следите за тем, чему вы не можете помешать; регулируйте то, что вы не можете запретить..... Пройдет немного времени, и эти абсурдные догмы, порождения страха и заблуждений, чье влияние на человеческий разум было столь неуклонно разрушительным, будут известны только для того, чтобы их презирали..... Пройдет немного времени, и религия Сократа, Марка Аврелия и Цицерона станет религией всего мира"]].

2139 (возврат)

["Moniteur", XVI., 646. (Суд над королем.) Речь Робеспьера: "Право наказать тирана и свергнуть его - это одно и то же."- Речь Сен-Жюста: "Королевская власть - это вечное преступление, против которого каждый человек имеет право взяться за оружие... Царствовать невинно - невозможно!"]].

2140 (возвращение)

[Эпиграф из дневника Марата: "Утешайте страдания, пособляйте Фортуне превосходной"]].

2141 (обратно)

[Buchez et Roux, XXXII., 323. (Доклад Сен-Жюста, Жерминаль 21, год II., и декрет Жерминаля 26-29, ст. ст. 4, 13, 15.)-Там же, 315].

2142 (возвращение)

[Буше и Ру, (Доклад Сен-Жюста, 10 октября 1793 г.) "Это было бы единственное благо, которое они могли бы сделать своей стране..... Это было бы не более чем справедливо, если бы народ в свою очередь воцарился над своими угнетателями, а его гордость была бы омыта потом их бровей"]].

2143 (возвращение)

[Там же, XXXI, 309 (Отчет Сен-Жюста, Вентос 8, год II.)].

2144 (возврат)

[Там же, XXVI. 435. (Речь Робеспьера о конституции, 10 мая 1793 г.) "Что представляли собой наши обычаи и притворные законы, кроме кодекса наглости и подлости, где презрение к людям подчинялось своего рода тарифу и градуировалось в соответствии с правилами, столь же странными, сколь и многочисленными? Презирать и быть презируемым, унижаться, чтобы властвовать, рабами и тиранами по очереди, то преклоняя колени перед господином, то попирая народ ногами - таково было стремление каждого из нас, пока мы были людьми родовитыми или образованными, будь то простолюдины или модники, юристы или финансисты, мелочники или носители шпаг." -Archives Nationales, F7, 31167. (Отчет обсерватории в Шомоне, Nivôse 10, год II.) - "Чучело Буля, помещенное в колледже Лисла, было опущено до статуй святых, последние были вынуты из своих ниш. Теперь не существует никаких различий. Святые и авторы принадлежат к одному классу"]].

2145 (возвращение)

[Buchez et Roux., 296. ("Институты" Сен-Жюста.)-Meillan, "Mémoires", p. 17.-Anne Plumptre, "A narrative of three years' residence in France, from 1802 to 1805," II., 96. В Марселе: "Двумя великими преступлениями, вменяемыми в вину тем, кто обрекал их на гибель, здесь, как и везде, были богатство и аристократизм... Террористы постановили, что ни один человек не может иметь более двухсот ливров в год и что ни один доход не должен превышать этой суммы"]].

2146 (возврат)

[Archives Nationales, F7, 4437. (Обращение народного клуба Кессона (Гард), мессидор 7, год II). "Буржуазия, купцы, крупные землевладельцы имеют все притязания бывших дворян. Закон не дает никаких средств, чтобы открыть глаза простому народу на этих новых тиранов. Клуб желает, чтобы революционный трибунал был уполномочен осудить этот гордый класс людей на быстрое частичное заключение. Тогда народ увидит, что они совершили проступок, и снимет с них то уважение, в котором они находятся". Заметка, написанная рукой Кутона: "Предоставлено решению народных комиссий"].

2147 (возвращение)

[Гувернер Моррис в письме от 4 января 1796 г. говорит, что французские капиталисты были разорены финансово ассигнациями, а физически - гильотиной.- Buchez et Roux, XXX., 26. (Заметки, написанные Робеспьером в июне 1793 г.) "Внутренняя опасность исходит от буржуа... Кто наши враги? Порочные и богатые"].

2148 (возврат)

[Рассказ М. Сильвестра де Саси (23 мая 1873 г.): Его отец владел фермой, приносившей четыре тысячи франков в год; фермер предложил ему четыре тысячи франков в ассигнациях или свинью; М. де Саси взял свинью].

2149 (возврат)

[Buchez et Roux, XXXI., 441. (Доклад Камбона об учреждении большого ливра государственного долга, 15 августа 1793 г.)].

2150 (возврат)

[Там же, XXXI, 311. Доклад Сен-Жюста от 26 февраля 1794 г. и декрет в соответствии с ним, принятый единогласно. См., в частности, статью 2.-Moniteur, 12 Ventôse, год II. (заседание Якобинского клуба, речь Колло д'Эрбуа). "Конвент объявил, что заключенные должны доказать, что они были патриотами с 1 мая 1789 года. Когда патриоты и враги Революции будут полностью известны, имущество первых будет неприкосновенным и священным, а имущество вторых будет конфисковано в пользу республики"].

2151 (возвращение)

[Buchez et Roux, XXVI., 455 (Заседание Якобинского клуба, 10 мая 1793 г., речь Робеспьера.) - Там же, (Доклад Сен-Жюста, 26 февраля 1794 г.) "Тот, кто показал себя врагом своей страны, не может быть одним из ее собственников. Только тот имеет родовые права, кто помог ее освободить"].

2152 (возвращение)

[Buche et Roux, XXXI., 93 и 130. (Речь Робеспьера о собственности и декларация прав, принятая якобинским клубом). Декрет от 3 сентября 1793 г. (статьи 13 и 14)].

2153 (возврат)

["Moniteur", XXII., 719. (Доклад Камбона, 6 февраля III года.) "В Бордо Раба приговорили к выплате штрафа в размере 1 200 000 франков, Пешотта - 500 000 франков, Мартина-Мартена - 300 000 франков" - См. Rodolphe Reuss, "Séligmann Alexandre ou les Tribulations d'un israélite de Strasbourg."].

2154 (возвращение)

[Там же, XVIII., 486. (Донесение Камбона, фримарх 1, год II.) "Эгоисты, которым некоторое время назад было трудно заплатить за национальные владения, приобретенные ими у Республики, даже в виде ассигнаций, теперь приносят нам свое золото... Сборщики податей, закопавшие свое золото, пришли и предложили выплатить то, что они должны нации, в золотых и серебряных слитках. Им было отказано, и Собрание постановило конфисковать эти предметы"]].

2155 (возвращение)

[Декрет от 23 брюмера II года. О налогах и конфискациях в провинциях см. M. de Martel, "Etude sur Fouché et Pièces authentiques servant à l'histoire de la révolution à Strasbourg." И далее о деталях этой операции в Труа.- Meillan, 90: "В Бордо купцы были обложены большими налогами, но не из-за их инквизиторства, а из-за их богатства"]].

2156 (возвращение)

[Декрет от 7-11 марта 1793 г.].

2157 (возврат)

["Moniteur", XVIII., 274, декреты от 4 брюмера, и там же, 305, декрет от 9 брюмера II года, устанавливающий равный раздел наследства с обратной силой от 14 июля 1789 года. Исключение составляют прелюбодейные бастарды. Докладчик законопроекта, Камбасерес, сожалеет об этом прискорбном исключении].

2158 (возврат)

[Права наследования разрешены потомкам умершего человека, который никогда не пользовался этими правами, но мог бы ими пользоваться, если бы был жив, когда они перешли к нему] - Тр.

2159 (возврат)

[Fenet, "Travaux du Code civil." (Доклад Камбасереса о Гражданском кодексе, 9 августа 1793 г.). Представитель комитета, подготовившего законопроект, оправдывается тем, что не

лишил отца всей распорядительной доли. "Комитет полагал, что такое положение серьезно нарушило бы наши обычаи, не принеся при этом никакой пользы обществу или моральных преимуществ. Кроме того, мы уверили себя в том, что раздел имущества должен происходить всегда". Что касается пожертвований: "Разрешение делать пожертвования богатым противоречит всем представлениям о благодеянии. Природа не желает делать такие подарки до тех пор, пока наши глаза будут смотреть на беды и несчастья". Эти влиятельные соображения побудили нас установить точку, своего рода максимум, который запрещает дарения со стороны тех, кто достиг этой точки"].

2160 (возврат)

["Moniteur", XII., 730, (22 июня 1792 г.), речь Ламарка. - Но этот принцип встречается повсюду. "Равенство, действительно, (является) конечной целью социального искусства". (Condorcet, "Tableau des progrès de l'esprit humain", II., 59.- "Мы хотели, - пишет Бодо, - применить к политике равенство, которое Евангелие дарует христианам". (Quinet, "Revolution Française", II., 407.)].

2161 (возврат)

[Buchez et Roux, XXXV, 296 (Слова Сен-Жюста.)-Moniteur, XVIII, 505 (Декрет Парижской коммуны, фримарш 3, год II). "Богатство и бедность должны одинаково исчезнуть при режиме равенства"].

2162 (возвращение)

[Ib. XXXV, 296 ("Учреждения" Сен-Жюста). "Человек не создан ни для ремесел, ни для работных домов, ни для богаделен; все это ужасно" - Ibid., XXXI, 312. (Отчет Сен-Жюста, Ventôse 8, год II.) "Пусть вся Европа увидит, что вы не допустите ни одного несчастного человека на территории Франции!... Счастье - это новая идея в Европе"].

2163 (возвращение)

[Ib. XXXV, 296 ("Учреждения" Сен-Жюста)].

2164 (обратно)

[Moniteur, XX, 444 (доклад Барера, Флореаль 22, год II). "Великодушие несовместимо с народным правлением"].

2165 (возврат)

[Ib., XIX, 568 (доклад Сен-Жюста, Вентоз 8, год II)].

2166 (возврат)

[Ib., XX, 448 (доклад Барера, Флореаль 22)].

2167 (возвращение)

[Там же, XIX, 568. (Доклад Сен-Жюста, Ventôse 8, и декрет Ventôse 13.) "Комитет общественной безопасности доложит о средствах возмещения ущерба несчастным, имеющим имущество, принадлежащее врагам революции"]].

2168 (возврат)

[Там же, XIX, 484. (Доклад Барера, Ventôse 21, год II.) - Там же, XX., 445. (Доклад Барера, Флореаль 22, год II.)- Декреты о государственной помощи, 28 июня 1793 года, 25 июля 1793 года, Фример 2 и Флореаль 22, год II.)- Этот принцип, кроме того, был закреплён в Конституции 1793 года. "Общественная помощь - это священная обязанность; общество должно обеспечивать средства к существованию несчастным гражданам, предоставляя им работу или обеспечивая средствами существования тех, кто не в состоянии работать" - Archives Nationales, AF. II., 39. Характер этой меры очень чётко выражен в следующем циркуляре Комитета общественной безопасности своим представителям, командированным в департаменты, Ventôse, год II. "Для того чтобы смирить аристократию, необходимо было принять меры. Национальный конвент нанес этот удар. Добродетельная нищета должна была вернуть собственность, на которую посягнул криминал. Национальный конвент провозгласил свои права. Общий список всех заключённых должен быть направлен в Комитет общей безопасности, которому поручено решить их судьбу. Комитет общественной безопасности получит заявление о неимущих в каждой коммуне, чтобы определить, что им причитается. Обе эти процедуры требуют максимальной оперативности и должны проходить одновременно. Необходимо, чтобы террор и правосудие обрушились на всех сразу. Революция - дело рук народа, и настало время, чтобы он получил от нее пользу"]].

2169 (возвращение)

["Moniteur", XX., 449. (Доклад Барера, "Floréal" 22, год II.)].

2170 (обратно)

[Декрет от 2-5 апреля 1793 г.].

2171 (возврат)

[Moniteur, XVIII., 505. (Приказы Фуше и Колле д'Эрбуа, датированные в Лионе и переданные в Парижскую коммуну, 3 февраля II года) - De Martel, "Etude sur Fouché", 132. Приказ Фуше о его миссии в Ньевре, 19 сентября 1793 года. "В каждом окружном городе должен быть учреждён Комитет благотворительности, уполномоченный взимать с богатых налог, пропорциональный числу неимущих"]].

2172 (возврат)

[Указ от 2-5 апреля 1793 года. "В каждой большой коммуне должна быть организована стража из граждан, отобранных из наименее обеспеченных слоев населения. Эти граждане должны быть вооружены и оплачиваться за счёт Республики"]].

2173 (возврат)

["Moniteur", XX., 449. (Доклад Барера, "Floréal" 22, год II.)].

2174 (возврат)

[Там же, XIX, 689. (Доклад Сен-Жюста, Ventôse 23, год II.) "Мы говорили о счастье. Мы предлагаем вам не счастье Персеполиса. Это счастье Спарты или Афин в их лучшие дни, счастье добродетели, комфорта и умеренности, счастье, которое проистекает из наслаждения необходимым без излишеств, роскоши хижины и поля, удобренного собственными руками. Повозка, соломенная крыша, укрывающая от морозов, семья, защищенная от разбойничьей наглости, - вот счастье!"].

2175 (обратно)

["Buche et Roux", XXXI., 402. (Конституция 1793 г.)].

2176 (обратно)

[Там же, XXXV, 310. ("Институции" Сен-Жюста)].

2177 (возврат)

[Там же, XXVI, 93 и 131. (Речь Робеспьера о собственности, 24 апреля 1793 г., и декларация прав, принятая Якобинским клубом.)-Mallet-Dupan, "Mémoires", I., 401. (Выступление депутации из Гарда) "Материальное богатство не в большей степени является особой собственностью какого-либо одного члена общества, чем цветной металл, штампованный в качестве средства обращения"].

2178 (возвращение)

["Moniteur", VIII., 452. (Речь Эбера в Якобинском клубе, 26 брюмера II года.) "Un Séjour en France de 1792 à 1795", p.218. (Амьен, 4 октября 1794 г.) "Ожидая сегодня утром у дверей магазина, я подслушал, как нищий торговался за кусок тыквы. Не сумев договориться о цене с женщиной, которая держала лавку, он заявил, что она "испорчена аристократией". "Не могу доказать этого!" - ответила она. Но, заговорив, она побледнела и добавила: "Ваша цивилизованность не подлежит сомнению, но возьмите свою тыкву". "Ах, - ответил нищий, - какой хороший республиканец!"].

2179 (обратно)

[Там же, XVIII, 320. (Заседание 11 брюмера II года. Доклад Барера.) - Meillan, 17. Уже до 31 мая: "Трибуна разразилась обвинениями против монополии, каждый человек был монополистом, который не жил на поденную плату или на милостыню"].

2180 (возврат)

[Декреты от 26 июля 1793 г., 11 и 29 сентября; 11 брюмера и 6 вантоза II года].

2181 (обратно)

[*"Moniteur"*, XVIII., 359. "Брюмера 16, год II. Приговор о смерти Пьера Гурдые, тридцати шести лет, биржевого маклера, проживающего в Париже, на улице Бельфон, осужденного за то, что он монополизировал и спрятал в своем доме большое количество хлеба, чтобы создать дефицит хлеба посреди изобилия." Он страдал гастритом и не мог есть ничего, кроме панады с тостами, а пекарь, который ее поставлял, давал ему по тридцать кусков за раз (*Wallon*, II., 155)].

2182 (возвращение)

[*"Журнал дебатов Якобинского клуба"*, № 532, 20 брюмера, год II. (План гражданина Дюпре, представленный в Конвенте депутацией клуба Арсиса.)-*Dauban*, *"Paris en 1794"*, p. 483 (проект, подобный первому, представленный Комитету общественной безопасности клубом якобинцев Монтеро, Термидор, год II)].

2183 (возврат)

[Эти предложения должны долгое время преследовать западную цивилизацию. (SR.)]

2184 (обратно)

[*Buchez et Roux*, XXXV., 272. (*"Институты"* Сен-Жюста.)].

2185 (вернуться)

[Эти идеи были сильны еще до того, как Тэн написал эти слова в 1882 году. Оксфордский словарь цитат приводит заявление, сделанное 47 анархистами на суде после их восстания в Лионе в 1870 году: "Мы хотим, одним словом, равенства - равенства на деле, как следствия, или, скорее, как первоосновы свободы. От каждого по его способностям, каждому по его потребностям; вот чего мы искренне и энергично желаем"]].

2186 (возвращение)

[*Buchez et Roux*, XXXI, 273, (Доклад Робеспьера, Плювиоз 17, год II. (7 февраля 1794 г.)).

2187 (возвращение)

[*Moniteur*, XIX (доклад Барера, Ventôse 21, год II). "Вы должны выявлять и бороться с федерализмом во всех ваших учреждениях, как с вашим естественным врагом.... Большое центральное учреждение для всех работ Республики является эффективным средством против федерализма."-*Buchez et Roux*, XXXI, 351, et XXXII, 316 (доклады Сен-Жюста, Ventôse 23 et Germinal 26, год II). "Безнравственность - это федерализм в гражданском государстве... Гражданский федерализм, изолируя все части государства, иссушил изобилие"]].

2188 (возвращение)

[Декрет Жерминаля 26-29, год II. "Финансовые компании подавляются и остаются в силе. Всем банкирам, комиссионерам и другим лицам запрещается создавать какие-либо учреждения этого порядка под любым предлогом и под любым наименованием"].

2189 (возврат)

["Memoires de Carnot", I., 278 (доклад Карно). "Это не семейная жизнь. Если есть местные привилегии, то скоро появятся индивидуальные привилегии, и местная аристократия повлечет за собой аристократию жителей"].

2190 (возврат)

[Moniteur, XIX, 683 (доклад Барера, Ventôse 21, год II).- Этот доклад следует прочитать полностью, чтобы понять коммунистический и централизаторский дух якобинцев. (Несомненно, Ленин в годы своего пребывания в Париже прочитал сноску Тейна и попросил в национальной библиотеке копию этого доклада. СР.)]

2191 (возврат)

[Fenet, "Travaux du Code civil", 105 (Доклады Камбасереса от 9 августа 1793 г. и 9 сентября 1794 г.). Декреты от 20 сентября 1793 г. и Флореаль 4, год II (О разводе). См. "Институции" Сен-Жюста (Buche et Roux, XXXV, 302). "Мужчина и женщина, которые любят друг друга, вступают в брак; если у них нет детей, они могут хранить свои отношения в тайне"].

2192 (возврат)

[Эта статья якобинской программы, как и другие, имеет свой практический результат: "В Париже за двадцать семь месяцев после обнародования закона от сентября 1792 года суды дали пять тысяч девятьсот девяносто четыре развода, а в VI году число разводов превысило число браков". (Glasson, le Mariage civil et le Divorce, 51.) - "Число подкидышей, которое в 1790 году во Франции не превышало двадцати трех тысяч, в настоящее время (год X.) превышает шестьдесят три тысячи". "Statistique de la Sarthe", автор Auvray, префект, год X.) - В Лот-и-Гаронне (Statistique, автор Peyre, префект, год X), насчитано более пятнадцатисот подкидышей: "Это необычайное число увеличилось во время революции благодаря слишком легкому поступлению подкидышей в приюты, благодаря временному пребыванию солдат в их домах, благодаря нарушению всех моральных и религиозных принципов." - "Не редко можно встретить детей тринадцати и четырнадцати лет, которые говорят и ведут себя так, что раньше опозорили бы молодого человека двадцати лет." (Мозель, "Анализ" Ферьера) - "Дети рабочих праздны и непокорны; некоторые потворствуют самым постыдным действиям против своих родителей; другие пробавляются воровством и употребляют грубые выражения". (Meurthe, Statistique, by Marquis, préfet.)-См. Anne Plumptre (A Narrative of three years' residence in France from 1802 to 1805, I. 436). "Вы не поверите, мадам, - сказал ей садовник в Ниме, - во время революции мы не смели ругать наших детей за их проступки. Те, кто называл себя патриотами, считали, что исправление детей противоречит основополагающим принципам свободы. Это делало их настолько непокорными, что очень часто, когда родитель осмеливался отругать своего ребенка, тот говорил ему, чтобы он

занимался своими делами, добавляя: "Мы свободны и равны, Республика - наш единственный отец и мать; если ты не доволен, то доволен я. Иди туда, где тебе больше нравится". Дети по-прежнему дерзки. Понадобится много лет, чтобы вернуть им благоразумие"].

2193 (возвращение)

[Buchez et Roux, XXXII., 364 (Доклад Робеспьера, Флореаль 8, год II.)].

2194 (возврат)

[Buchez et Roux, XXXII., 385-(Обращение якобинской депутации к Конвенту, Флореаль 27, год II.)-В Байе девушка, представлявшая Свободу, имела на груди или спине следующую надпись: "Не делайте из меня орудие разврата". (Гюстав Флобер, семейные сувениры.)].

2195 (возврат)

[Buchez et Roux, XXXI., 415. (Доклад Фабра д'Эглантина, 6 октября 1793 г.) - (Grégoire, "Memoires", I., 341.) "Новый календарь был изобретен Роммом для того, чтобы избавиться от воскресенья. Такова была его цель; он признался мне в этом"].

2196 (обратно)

[Там же, XXXII, 274. (Доклад Робеспьера, Floréal 18, год II.) "Национальные праздники составляют существенную часть общественного воспитания..... Система национальных праздников - самое мощное средство возрождения"].

2197 (возврат)

[Там же, XXXVIII, 335. Сердце Марата, помещенное на столе в клубе Кордельеров, было предметом религиозного почитания. "В некоторых школах учеников обязывали совершать крестное знамение при именах Марата, Лазовского и т. д."] (Grégoire, "Mémoires", I., 341.)

2198 (возврат)

[Граф де Мартель, "Этюд о Фуше", 137. Праздник в Невере, посвященный установлению бюста Брута.- Там же, 222, гражданский праздник в Невере в честь доблести и нравственности.- Дюбан, "Париж в 1794 году". Программа праздника верховного существа в Ссо].

2199 (возврат)

[Выражение Рабо Сент-Этьенна.]

21100 (обратно)

[Ibid., XXXII, 373 (доклад Робеспьера, Флореаль 15, год II.) - Дантон высказал точно такое же

мнение, подкрепленное теми же аргументами, на заседании Фримера 22, год II. (Moniteur, XVIII, 654.) "Дети прежде принадлежат Республике, чем своим родителям. Кто даст мне гарантию, что эти дети, вдохновленные родительским эгоизмом, не станут опасными для Республики? Какое нам дело до идей отдельного человека наряду с национальными идеями?... Кто из нас не знает опасности этой постоянной изоляции? Именно в национальных школах ребенок должен всасывать республиканское молоко! Республика едина и неделима. Государственное образование должно быть также связано с этим центром единства"]].

21101 (возврат)

[Декрет от 30 вандемьера и 7 брюмера II года - см. Sauzay, VI., 252, о применении этого декрета в провинциях].

21102 (возвращение)

[Albert Duruy, 2L "Instruction publique et la Revolution, 2 164, to 172" (выдержки из различных республиканских орфографических книг и катехизисов).- Декрет от 29 фримера II года, раздел I., ст. I, 83; раздел II, ст. 2; раздел III, ст. 6 и 9].

21103 (возврат)

["Moniteur", XVIII., 653. (Заседание 22 фримера, речь Букира, репортер)].

21104 (возврат)

[Moniteur, XVIII., 351-359. (Собрание 15 брюмера II года, доклад Шенье.) "Вы издали законы - создайте привычки..... Вы можете применить к общественному воспитанию нации тот же курс, которому следует Руссо в "Эмиле". "]

21105 (возврат)

[Слова Букье, репортера. (Заседание Фримера 22, год II.)].

21106 (обратно)

[Buchez et Roux, XXIV, 57 (План Ле Пелетье де Сен-Фаржо, прочитанный Робеспьером в Конвенте 13 июля 1793 г.) - Там же, 35. (Проект декрета той же руки)].

21107 (возврат)

[Там же, XXX, 229. ("Институции" Сен-Жюста.)].

21108 (возврат)

[Buchez et Roux, XXXI., 261. (Заседание в Нивозе 17.) Комитет, представляющий окончательный проект декретов о народном образовании, принимает следующую статью:

"Все мальчики, которые по окончании начальных школ обучения не посвятят себя земледелию, будут обязаны изучить какую-либо науку, искусство или занятие, полезное для общества. В противном случае, по достижении двадцати лет, они будут лишены прав гражданства на десять лет, и такое же наказание будет наложено на их отца, мать, опекуна или попечителя"]].

21109 (возврат)

[Декрет от 13 прериала, год II].

21110 (обратно)

[Langlois, "Souvenirs de l'Ecole de Mars"].

21111 (возврат)

[Buchez et Roux, XXXII., 355. (Доклад Робеспьера, Флореаль 18, год II.)].

21112 (возврат)

[Moniteur, XVIII., 326. (Заседание Коммуны, 11 брюмера II года) Комиссар объявляет, что в Фонтенбло и других местах "он установил систему равенства в тюрьмах и местах заключения, где богатые и бедные принимают одинаковую пищу" - Там же, 210. (Собрание якобинцев, Вандемьер 29, год II. Речь Лапланса о его миссии в Герс). "Священники имели все удобства в своих уединенных убежищах; санкюлоты в тюрьмах спали на соломе. Первые снабдили меня матрасами для вторых" -Ibid., XVIII, 445. (Заседание конвента, 26 брюмера II года) "Конвент постановляет, что пища лиц, содержащихся в местах заключения, должна быть простой и одинаковой для всех, причем богатые платят за бедных"]].

21113 (возврат)

[Archives Nationales. (AF. II, 37, приказ Лекинио, Сент, Нивозе 1, год II.) "Граждане, как правило, во всех коммунах, должны отмечать день десятилетия братским пиром, который, поданный без роскоши и показухи... ..сделает человека, сгорбившегося от усталости, нечувствительным к своему бедственному положению; наполнит душу бедных и несчастных чувством социального равенства и поднимет человека до полного ощущения его достоинства; подавит в богатом человеке малейшее чувство гордости и погасит в государственном чиновнике все зародыши надменности и аристократизма"]].

21114 (возврат)

[Archives Nationales, AF. II., ii., 48 (Акт Флореаля 25 года II.) "Комитет общественной безопасности просит Давида, представителя народа, представить свои взгляды и планы относительно изменения нынешнего национального костюма, чтобы сделать его соответствующим республиканским привычкам и характеру Революции" - Там же, (Акт Прериала 5 года II.) для гравировки и раскраски двадцати тысяч оттисков для дизайна гражданской униформы и шести тысяч оттисков для трех дизайнов военной, судебной и законодательной униформы].

21115 (возвращение)

[Аналогичное изменение, как ни странно и как будто вызванное какой-то скрытой силой, произошло в Дании в семидесятые годы. (SR.)]

21116 (возврат)

[Сейчас это происходит во всей западной "демократической" сфере, в газетах, школах и на телевидении. (SR.)]

21117 (обратно)

[Там же, XXXI., 271. (Доклад Робеспьера, Плювиоза 1, год II.) "Этот возвышенный принцип предполагает предпочтение общественных интересов перед всеми частными; из этого следует, что любовь к отечеству вновь предполагает, или порождает, все добродетели". "Поскольку сутью республики или демократии является равенство, из этого следует, что любовь к отечеству обязательно включает в себя любовь к равенству". "Душа республики - добродетель, равенство" - Лавалетт, "Мемуары", I., 254. (Рассказ мадам Лавалетт). Ее заставляли посещать общественные празднества и каждый месяц патриотические шествия. "Со мной грубо обращались мои подруги, низкие женщины квартала; дочь эмигранта, маркиза или заключенной в тюрьму матери не должна иметь чести находиться в их обществе; все было неправильно, что ее не сделали ученицей..... Гортензия де Богарне была отдана в ученицы к швее своей матери, а Евгения - к плотнику в Фобур-Сен-Жермен". Преобладающий догматизм оказывает необыкновенное воздействие на простодушных людей. (Archives Nationales, AF. II., 135. Прощение Урсулы Рислер, служанки гражданина Эстрейха и арестованной вместе с ним, адресованное Гарнери, агенту Комитета общественной безопасности. Она умоляет гражданина Гарнерина заинтересовать ее в получении свободы. Она посвятит свою жизнь молитвам за него перед Высшим существом, поскольку он выкупит ее жизнь. Кроме того, он должен предоставить ей средства для того, чтобы она смогла найти себе будущего мужа, истинного республиканца, от которого она беременна и который не позволит ей даже думать о фанатичных шалостях].

ГЛАВА II. РЕАКЦИОННАЯ КОНЦЕПЦИЯ ГОСУДАРСТВА.

I. Реакционная концепция государства.

Реакционная концепция государства.- Аналогия между этой идеей государства и античной идеей.- Разница между античным и современным обществом.-Изменившиеся обстоятельства.

Якобинская теория сводится к следующим пунктам:

- * Умозрительное создание ограниченного типа человека.
- * Попытка приспособить живого человека к этому типу.
- * Вмешательство государственной власти в каждую отрасль общественной деятельности.
- * Ограничения, налагаемые на труд, торговлю и собственность, на семью и образование, на культ, привычки, обычаи и чувства.
- * Жертвование индивида в пользу общества.
- * Всемогущество государства.

Ни одна теория не может быть более реакционной, поскольку она возвращает современного человека к тому типу общества, который он восемнадцать веков назад уже пережил и оставил позади.

В историческую эпоху, предшествующую нашей, и особенно в старых греческих или латинских городах, в Риме или Спарте, которые якобинцы берут за [образец2201](#) , человеческое общество формировалось по образцу армии или монастыря. В монастыре, как и в армии, преобладает одна идея, всепоглощающая и уникальная:

- * Цель монаха - угодить Богу любой жертвой.
- * Солдат идет на любые жертвы ради победы.

Соответственно, каждый из них отказывается от всех других желаний и полностью отдается себе: монах - своим правилам, солдат - своему учению. Так и в античном мире две заботы имели первостепенное значение. Во-первых, у города были свои боги, которые были его основателями и покровителями: поэтому он был обязан поклоняться им самым благоговейным и особым образом; в противном случае они покидали его. Пренебрежение любым незначительным обрядом могло оскорбить их и разрушить город. Во-вторых, велись непрерывные войны, а военные трофеи были жестокими; при взятии города каждый житель мог ожидать, что его убьют или покалечат, продадут с аукциона, а его детей и жен продадут тому, кто больше заплатит.[2202](#) Короче говоря, античный город с его акрополем храмов и укрепленной цитаделью, окруженный непримиримыми и угрожающими врагами, напоминает нам учреждение рыцарей Святого Иоанна на их скалах на Родосе или Мальте, религиозное и военное братство, расположившееся лагерем вокруг церкви.[2202](#) О свободе в таких условиях не может быть и речи: общественные убеждения слишком властны, общественная опасность слишком велика. Оказавшись под таким давлением, индивид отдает себя в руки общества, которое полностью овладевает им, поскольку для поддержания своего существования ему нужен весь человек. Отныне никто не может развиваться отдельно и самостоятельно; никто не может действовать или мыслить иначе, чем в рамках установленных границ. Тип человека четко и ясно обозначен, если не логически, то хотя бы традиционно; каждая жизнь, а также каждая часть каждой жизни должны соответствовать

этому типу; в противном случае под угрозой оказывается общественная безопасность: любое отклонение в гимнастическом воспитании ослабляет армию; прохождение мимо изображений богов и пренебрежение обычным возлиянием навлекает на город небесную месть. Поэтому, чтобы предотвратить все отклонения, государство, абсолютный хозяин, осуществляет неограниченную юрисдикцию; никакой свободы не остается человеку, ни одна часть его самого, ни его имущество, ни его дети, ни его личность, ни его мнения, ни его совесть.²²⁰³ Если в дни голосования он разделяет суверенитет, то во все остальное время года он подчиняется даже своим частным чувствам. В Риме, чтобы служить этим целям, было два цензора. Один из афинских архонтов был инквизитором веры. Сократ был предан смерти за то, что не верил в богов, в которых верил город.²²⁰⁴ В действительности, не только в Греции и Риме, но и в Египте, в Китае, в Индии, в Персии, в Иудее, в Мексике, в Перу, на первых этапах цивилизации,²²⁰⁵ принцип человеческих сообществ все еще остается принципом стадных животных: индивид принадлежит к своему сообществу так же, как пчела к своему улью, а муравей к своему муравейнику; он просто орган в организме. При самых разных структурах и в самых разных областях применения господствует только авторитарный социализм.

В современном обществе все наоборот; то, что раньше было правилом, теперь стало исключением; античная система сохранилась только во временных объединениях, как в армии, или в специальных ассоциациях, как в монастыре. Постепенно индивид освобождается, век за веком расширяет свои владения, и две цепи, которые когда-то крепко привязывали его к обществу, разрываются или ослабевают.

Прежде всего, государственная власть перестала быть ополчением, защищающим культ. С самого начала, через институт христианства, гражданское общество и религиозное общество стали двумя разными империями, и сам Христос разделил эти две юрисдикции;

"Отдавайте кесарю то, что принадлежит кесарю, а Богу то, что принадлежит Богу".

Кроме того, с развитием протестантизма великая Церковь раскололась на множество сект, которые, не имея возможности уничтожить друг друга, были вынуждены жить вместе, а государство, даже отдавая предпочтение одной из них, считало необходимым терпеть остальных. Наконец, благодаря развитию протестантизма, философии и науки умозрительные верования умножились. Сегодня существует почти столько же верований, сколько мыслящих людей, а поскольку мыслящих людей с каждым днем становится все больше, то и мнений становится все больше. Если государство попытается навязать обществу какую-либо из них, это вызовет противодействие со стороны бесконечного множества других; поэтому мудрость управления заключается, во-первых, в сохранении нейтралитета, а во-вторых, в признании того, что оно не имеет права вмешиваться.

Во-вторых, война стала менее частой и менее разрушительной, потому что у людей не так много мотивов для ее ведения и не так много побуждений доводить ее до крайности. Раньше война была главным источником богатства; благодаря победам человек приобретал рабов, подданных и данников; он обращал их в лучшую сторону; он не спеша наслаждался их подневольным трудом. В наши дни ничего подобного не наблюдается; люди больше не думают о том, чтобы обеспечить себя человеческим скотом; они обнаружили, что из всех животных эти - самые хлопотные, самые малопродуктивные и самые опасные. Комфорт и безопасность гораздо легче достигаются свободным трудом и машинами; великая цель не в завоевании, а в производстве и обмене. С каждым днем человек, все охотнее продвигаясь по гражданской карьерной лестнице, все меньше склонен мириться с любыми препятствиями, мешающими его целям; если он и соглашается быть солдатом, то не для того, чтобы стать

захватчиком, а чтобы обеспечить защиту от вторжения. Между тем война стала более научной и, благодаря усложнению ее механизма, более дорогостоящей; государство уже не может призвать и зачислить в армию на всю жизнь каждого трудоспособного мужчину, не разоряя себя, и не ставит слишком много препятствий на пути свободной промышленности, которая, благодаря налогообложению, обеспечивает его расходы; каким бы близоруким ни было государство, оно руководствуется гражданскими интересами даже в своих военных интересах - таким образом, из двух сетей, которыми оно окутало всю человеческую деятельность, одна разорвана, а другая ослабила свои сети. Больше нет причин делать общество всемогущим; индивидууму не нужно полностью отчуждаться от себя; он может, не испытывая неудобств, оставить за собой часть себя, и, если теперь его попросят подписать общественный договор, вы можете быть уверены, что он сделает эту оговорку.

II. Измененные умы.

Измененные умы.- Совесть и ее христианское происхождение.- Честь и его феодальное происхождение.- Современный человек отказывается полностью отдать себя.-Его мотивы.-Дополнительные мотивы в современной демократии.-Характер избирательного
Характер выборного процесса и качество представителя.

Изменились не только внешние обстоятельства, но и сами человеческие установки. В сознании современного человека сформировалось чувство, противное античному пакту: "Несомненно, в крайних случаях и под давлением жестокой необходимости я могу на мгновение подписать чистый чек. Но никогда, если я понимаю, что делаю, я не подпишу добросовестно полный и окончательный отказ от самого себя: это было бы против совести и против чести, а эти два свойства не подлежат отчуждению. Моя честь и моя совесть не выйдут из-под моего контроля; я их единственный хранитель и хранительница; я не доверила бы их даже своему отцу". Оба эти термина появились недавно и выражают две концепции, неизвестные древним,²²⁰⁶ обе они имеют глубокое значение и бесконечный охват. С их помощью, подобно почке, отделенной от стебля и пустившей корни, человек отделился от примитивного тела, клана, семьи, касты или города, в которых он жил, не различаясь и теряясь в толпе; он перестал быть органом и придатком; он стал личностью.- Первое из этих понятий христианского происхождения, второе - феодального; оба, следуя друг за другом и соединяясь, измеряют огромное расстояние, отделяющее античную душу от современной.²²⁰⁷

В одиночестве, в присутствии Бога, христианин чувствовал, как тают, подобно воску, все узы, связывающие его с его группой; это потому, что он находится перед Великим Судьей, и потому, что этот непогрешимый Судья видит все души такими, какие они есть, не сумбурно и массово, но ясно, каждую в отдельности. Перед Его трибуналом никто не отвечает за другого; каждый отвечает только за себя; человек отвечает только за свои поступки. Но эти поступки имеют бесконечное значение, ибо душа, искупленная кровью Бога, имеет

неизмеримую ценность; поэтому, в зависимости от того, извлекла она или не извлекла пользу из Божественной жертвы, награда или наказание будут бесконечными; на последнем суде перед ней откроется вечность мучений или блаженства. Все остальные интересы исчезают перед видением такой необъятности. Отныне праведность становится самой серьезной из всех целей, и не в глазах человека, а в глазах Бога, и снова, день за днем, душа возобновляет в себе тот трагический допрос, в котором Судья спрашивает, а грешник отвечает. В ходе этого диалога, который длится уже восемнадцать веков и которому еще предстоит продолжаться, совесть становится все более чувствительной, и человек зарождает идею абсолютной справедливости. Принадлежит ли она всемогущему повелителю или является самосущестующей истиной, подобно математическим истинам, ни в коем случае не умаляет ни ее священности, ни, следовательно, ее авторитета. Она повелевает высшим голосом, и ее приказам нужно повиноваться, невзирая на цену: существуют строгие обязанности, к которым неукоснительно привязан каждый человек. Никакое обещание не может освободить его от этих обязанностей; если оно не выполнено, потому что он дал противоположное обещание, он не менее виновен по этой причине, и, кроме того, он виновен в том, что дал обещание; обещание себя на преступления само по себе было преступлением. Таким образом, его вина оказывается двойной, и внутренний укол ранит его дважды, а не один раз. Таким образом, чем чувствительнее совесть, тем больше она не любит уступать; она отвергает любое обещание, которое может привести к совершению проступка, и отказывается предоставить другим право навязывать угрызения совести.

В то же время возникло другое чувство, не менее ценное, но более твердое, более энергичное, более человеческое и более действенное. В своей крепости феодальный вождь во главе своего отряда не мог полагаться ни на кого, кроме себя, ибо общественной силы тогда не существовало. Он должен был защищать себя сам и, более того, чрезмерно защищать себя. Тот, кто в анархическом и военном обществе, в котором он жил, допускал малейшее посягательство или оставлял безнаказанным малейшее приближение к оскорблению, считался слабым или малодушным и сразу становился добычей; нужно было быть гордым духом, если нет, то грозила смерть. Это тоже было несложно. Единоличный владелец и почти абсолютный государь, не имеющий в своих владениях ни равных, ни равных, он был уникальным существом, превосходящим и несравнимым со всеми остальными.²²⁰⁸ На эту тему в часы мрачного одиночества он произносил длинный монолог, который длится уже девять веков.²²⁰⁹ В его собственных глазах его личность и все, что от него зависит, неприкосновенны; вместо того чтобы терпеть малейшее посягательство на свои прерогативы, он отважится на все и пожертвует всем.²²¹⁰ Чувственная гордость (*orgueil exalté*) - лучший из часовых для защиты права; ведь она стоит на страже права не только для его сохранения, но, опять же, в первую очередь, для собственного удовлетворения; воображение выдумало личность, соответствующую своему рангу, и этот характер человек навязывает себе как свою роль. Отныне он не только вызывает уважение окружающих, но и уважает себя; ему присуще чувство чести, щедрая самооценка, которая заставляет его считать себя благородным и неспособным на подлость. При оценке своих поступков он может ошибаться; мода или тщеславие могут иногда завести его слишком далеко или сбить с пути, либо на путь безрассудства, либо на путь безрассудства; его точка отсчета чести может быть направлена не в ту сторону. Но в целом, и благодаря тому, что это точка опоры, он сохранит свою вертикаль даже при абсолютной монархии, при Филиппе II в Испании, при Людовике XIV во Франции, при Фридрихе II в Пруссии. От феодального барона или придворного дворянина до современного джентльмена эта традиция сохраняется и спускается из истории в историю вплоть до самого низкого социального слоя: сегодня каждый человек духа, буржуа, крестьянин, рабочий, имеет свою точку почета, как и

дворянин. Он также, несмотря на посягательства со стороны общества, оставляет для себя свой личный уголок, своего рода моральную крепость, где он хранит свои убеждения, свои взгляды, свои привязанности, свои обязательства как сын, муж и отец; это священная сокровищница его внутренней сущности. Эта крепость принадлежит ему одному; никто, даже от имени общества, не имеет права входить в нее; отказаться от нее было бы трусостью, скорее, чем отдать ключи от нее, он умрет в [проломе](#)²²¹¹ ; когда это воинственное чувство чести становится на сторону совести, оно само становится [добродетелью](#)²²¹². -Таковы в наши дни (1870 г.) две центральные темы нашей европейской морали.²²¹³ Через первую человек признает обязанности, от которых его ничто не может освободить; через вторую он требует прав, которых его ничто не может лишить: наша цивилизация вегетировала от этих двух корней и продолжает вегетировать. Оцените глубину и протяженность исторической почвы, в которую они проникают, и вы сможете судить об их силе. Оцените высоту и неограниченный рост деревьев, которые они питают, и вы можете судить об их здоровье. Везде, где только можно, в Китае, в Римской империи, в исламе, сок высыхал и дерево становилось чахлым или падало. Именно современный человек, который не является ни китайцем, ни античным, ни мусульманином, ни негром, ни дикарем, человек, сформированный христианским воспитанием и укрывающийся в своей совести, как в святилище, человек, сформированный феодальным воспитанием и укрепившийся за своей честью, как в крепости, чье святилище и твердыню новый общественный договор предлагает ему сдать.

Итак, в этой демократии, основанной на перевесе численности, в чьи руки я должен отдать эту капитуляцию? Теоретически - сообществу, то есть толпе, в которой анонимный импульс заменяет индивидуальное суждение; в которой действие становится безличным, потому что оно коллективно; в которой никто не признает ответственности; в которой меня несет, как песчинку в вихре; в которой всевозможные безобразия заранее оправдываются государственными соображениями: практически, к множеству голосов, считанных по головам, к большинству, которое, перевозбужденное борьбой за власть, злоупотребит своей победой и обидит меньшинство, к которому я, возможно, принадлежу; к временному большинству, которое рано или поздно будет заменено другим, так что если сегодня я угнетатель, то завтра меня точно будут угнетать; еще более конкретно, к шести или семистам представителям, среди которых я призван выбрать только одного. Для избрания этого единственного обязательного представителя у меня есть только один голос из десяти тысяч; и, помогая избрать его, я являюсь лишь десятитысячным; я даже не учитываю десятитысячный голос при избрании остальных. И именно этим шести или семи сотням незнакомых мне людей я предоставляю полную власть решать за меня - обратите внимание на выражение "полная власть", что означает неограниченную власть не только над моим имуществом и жизнью, но и над моей совестью, со всеми ее полномочиями вместе взятыми; то есть полномочия, гораздо более обширные, чем те, которыми я наделяю по отдельности десять человек, которым я больше всего доверяю, - моего адвоката, который заботится о моем состоянии, учителя моих детей, врача, который заботится о моем здоровье, духовника, который руководит моей совестью, друзей, которые должны служить исполнителями моей последней воли и завещания, секундантов на дуэли, которые решают вопрос о моей жизни, о моей крови и которые охраняют мою честь. Не обращая внимания ни на прискорбный фарс, так часто разыгрываемый вокруг избирательной урны, ни на принудительные и искаженные выборы, которые придают общественным настроениям противоположное толкование, ни на официальную ложь, посредством которой в данный момент несколько фанатиков и безумцев, не представляющих никого, кроме себя, берут на себя полномочия представлять нацию,²²¹⁴ измерьте, какую степень доверия я могу иметь, даже после честных выборов, к мандатам, которые таким образом выбираются! Часто я голосовал за

проигравшего кандидата; в этом случае меня представляет другой, которого я не хотел видеть в качестве представителя. Голосуя за избранного кандидата, я делал это потому, что не знал лучшего, и потому, что его соперник казался мне еще хуже. Я видел его только один раз из четырех, да и то мимоходом, в неподходящий момент; я едва ли знал о нем больше, чем цвет его пальто, тон его голоса и манеру бить себя в грудь. Все, что я знаю о нем, - это его "платформа", расплывчатая и декламационная, редакционные статьи, сплетни в гостиной, кофейне или на улице. Его титул на мое доверие - самый слабый и поверхностный; мне нечем обосновать его честность или компетентность; у него нет диплома, и никто не может поддержать его, как частного репетитора; у него нет гарантии от общества, к которому он принадлежит, как у врача, священника или адвоката. С такими скудными рекомендациями я не решаюсь брать его на работу даже в качестве домашнего учителя. И тем более, что класс, из которого я вынужден его брать, почти всегда состоит из политиков, подозрительного класса, особенно в странах, где преобладает всеобщее избирательное право. Этот класс набирается не среди самых независимых, самых способных и самых честных, а среди пустых, интриганов, рьяных шарлатанов, которые из-за недостатка настойчивости, потерпев неудачу в частной карьере, в ситуациях, где за человеком слишком пристально наблюдают и слишком хорошо взвешивают, выбрали роли, в которых недостаток скрупулезности и благоразумия является силой, а не слабостью; для их неотесанности и наглости двери государственной карьеры широко открыты. - Только та августейшая особа, в руки которой, согласно теории, я должен отдать свою волю, свою волю полностью; конечно, если бы самоотречение было необходимо, я бы меньше рисковал, отдавая себя королю или аристократии, даже наследственной; ведь тогда мои представители были бы, по крайней мере, рекомендованы их очевидным рангом и вероятной компетентностью. - Демократия, по своей природе и составу, - это система, в которой человек оказывает своим представителям наименьшее доверие и почтение; следовательно, это система, в которой он должен верить им наименьшую власть. Совесть и честь повсюду предписывают человеку сохранять за собой некоторую часть своей независимости; но нигде нельзя уступать так мало. Если современная конституция должна четко определять и ограничивать сферу деятельности государства, то именно в отношении современной демократии она должна быть наиболее ограничительной.

III. Происхождение и природа современного государства.

Происхождение и природа современного государства, его функции, права и пределы.

Попробуем определить эти пределы. После бурных вторжений и завоеваний, на пике социальной дезинтеграции, среди борьбы, ежедневно происходящей между частными лицами, в каждом европейском сообществе возникла общественная сила, которая, продолжаясь в течение столетий, сохраняется до наших дней. Как она была организована, через какие ранние стадии насилия она прошла, через какие случайности и борьбу, и в чьи руки она теперь передана, временно или навсегда, каковы законы ее передачи, по

наследству или по выбору, - все это имеет второстепенное значение; главное - ее функции и способ действия. По сути, это могучий меч, извлеченный из ножен и вознесенный над окружающими его клинками меньшего размера, которыми частные лица когда-то перерезали друг другу глотки. Угрожаемые им, меньшие клинки покоятся в ножнах; они стали инертными, бесполезными и, наконец, заржавели; за редким исключением, все, кроме злоумышленников, потеряли привычку и желание пользоваться ими, так что отныне в этом умиротворенном обществе общественный меч настолько грозен, что всякое частное сопротивление исчезает в момент его вспышки. -Этот меч выкован из двух интересов: необходимо было иметь меч такого масштаба, во-первых, против подобных клинков, которыми орудовали другие общины на границе, а во-вторых, против более мелких клинков, которые дурные страсти постоянно точат внутри страны. Люди требовали защиты от внешних врагов и от внутренних хулиганов и убийц, и медленно и мучительно, после долгих поисков и переделок, соглашение между наследственными силами создало единственное оружие, способное защитить жизнь и собственность с любым успехом. Пока оно не делает больше, я обязан государству, которое держит рукоять: оно дает мне безопасность, которой без него я не мог бы наслаждаться. В обмен на эту безопасность я должен ему за свою долю средства для поддержания этого оружия в хорошем состоянии: тот, кто пользуется услугой, обязан за нее платить. Таким образом, между мной и государством существует если не прямой договор, то, по крайней мере, молчаливое понимание, подобное тому, что связывает ребенка с его родителем, верующего с его церковью, и с обеих сторон это взаимное понимание ясно и четко. Государство обязуется заботиться о моей безопасности внутри и вне его; я обязуюсь предоставить для этого средства, которые состоят из моего уважения и благодарности, моего рвения как гражданина, моих услуг как призывника, моих взносов как налогоплательщика, словом, всего того, что необходимо для содержания армии, флота, дипломатической организации, гражданских и уголовных судов, милиции и полиции, центральных и местных администраций, словом, гармоничного набора органов, пищей, субстанцией и кровью которых являются мое послушание и преданность. Эту верность и послушание, кем бы я ни был, богатым или бедным, католиком, протестантом, евреем или вольнодумцем, роялистом или республиканцем, индивидуалистом или социалистом, я обязан по чести и по совести. Это потому, что я получил эквивалент; я рад, что меня не победили, не убили и не ограбили. Я возмещаю государству ровно столько, сколько оно потратило на оборудование и персонал для сдерживания жестокого чванства, алчных appetитов, смертоносного фанатизма, всей этой воющей своры страстей и желаний, жертвой которых рано или поздно мог бы стать и я, если бы оно постоянно не держало надо мной свою бдительную защиту. Когда оно требует от меня расходов, оно отнимает не мою собственность, а свою собственную, которую оно собирает, и в этом свете оно может законно заставить меня платить - при условии, однако, что оно не требует больше, чем мои обязательства, а это происходит, когда оно выходит за рамки своих первоначальных обязательств;

1. когда она берет на себя дополнительную материальную или моральную работу, о которой я не прошу;
2. когда он считает себя сектантом, моралистом, филантропом или педагогом;
3. когда оно стремится распространять в своих пределах или за их пределами какую-либо религиозную или философскую догму, или какую-либо особую политическую или социальную систему.

Ибо тогда к первобытному договору добавляется новая статья, в отношении которой нет того единодушного и гарантированного согласия, которое существовало в отношении договора.

Мы все хотим быть защищенными от насилия и обмана; за пределами этого, да и почти по любому другому вопросу, существуют разногласия. У меня есть своя религия, свои взгляды, свои привычки, свои обычаи, свои особые взгляды на жизнь и на мироздание; вот это как раз и составляет мою личность, то, что честь и совесть запрещают мне отчуждать и что государство обещало мне защищать. Следовательно, когда оно, посредством своей дополнительной статьи, пытается регулировать их определенным образом, если этот способ не является моим способом, оно не выполняет своего первичного обязательства и, вместо того чтобы защищать меня, оно угнетает меня. Даже если бы он пользовался поддержкой большинства, даже если бы все избиратели, за вычетом одного, согласились доверить ему эту сверхзадачу, если бы нашелся только один несогласный, он был бы оскорблен, причем в двух отношениях.

Прежде всего, и в любом случае, государство, чтобы выполнить свои новые задачи, требует от него дополнительных субсидий и услуг; ведь каждая дополнительная работа влечет за собой дополнительные расходы; бюджет перегружается, когда государство берет на себя обеспечение работой рабочих или занятием художников, содержание какого-либо промышленного или торгового предприятия, раздачу милостыни и обеспечение образования. К денежным расходам добавляются расходы на человеческие жизни, если оно вступает в войну щедрости или пропаганды. Так вот, на все эти неодобряемые расходы меньшинство вносит свой вклад, как и большинство, которое их одобряет; тем хуже для призывника и налогоплательщика, если они принадлежат к группе недовольных. Нравится нам это или нет, но сборщик засовывает руку в карман налогоплательщика, а сержант кладет руку на воротник призывника.

Во-вторых, во многих обстоятельствах государство не только несправедливо берет больше, чем ему причитается, но и использует деньги, которые оно у меня вымогает, для того чтобы применить против меня новые несправедливые ограничения. Так обстоит дело,

- * когда оно навязывает мне свою теологию или философию;
- * когда предписывает мне культ или запрещает его;
- * когда оно берется регулировать мои пути и привычки,
- * когда оно берется ограничивать мой труд или расходы,
- * когда оно берется руководить воспитанием моих детей,
- * когда оно берет на себя право устанавливать цены на мои товары или размер моей зарплаты.

Ибо затем, чтобы обеспечить выполнение своих приказов и запретов, он вводит легкие или серьезные наказания для непокорных, начиная от политической или гражданской недееспособности и заканчивая штрафами, тюремным заключением, изгнанием и гильотиной. Другими словами, деньги, которые я ему не должен и которые он у меня отнимает, оплачивают преследования, которым он меня подвергает; я вынужден платить из своего кошелька жалование моим инквизиторам, моим тюремщикам и моим палачам. Более вопиющего угнетения и представить себе нельзя! Давайте будем следить за посягательствами государства и не позволим ему стать чем-то большим, чем сторожевой собакой. В то время как зубы и ногти других гостей в доме теряют свою остроту, его клыки стали грозными; он стал колоссальным и только он один все еще продолжает драться. Давайте снабдим его пищей против волков, но никогда не позволяйте ему трогать мирных людей за столом. Аппетит растет от переедания; скоро он сам станет волком, причем самым

прожорливым волком в стае. Главное - держать цепь на его шее и держать его в его собственном загоне.

IV. У государства есть соблазн посягнуть на власть.

Государство поддается искушению посягнуть на власть - прецеденты и причины его притязаний.

Давайте обойдем эту обширную складку и, расширяя ее, проникнем почти во все уголки частной жизни. Каждый частный домен, физический или моральный, создает для соседей соблазн посягнуть на него и, чтобы сохранить его в неприкосновенности, требует высшего вмешательства третьей стороны. Приобретение, владение, продажа, дарение, завещание, договор между мужем и женой, отцом, матерью или ребенком, между хозяином и домашними, работодателем и работником, каждый поступок и каждая ситуация предполагают права, ограниченные смежными и противоположными правами, и именно государство устанавливает границу между ними. Не то чтобы оно создавало эту границу; но, чтобы это было признано, оно проводит линию и, следовательно, принимает гражданские законы, которые оно применяет через свои суды и жандармов таким образом, чтобы обеспечить каждому человеку то, что ему принадлежит. Государство, соответственно, выступает в роли регулятора и контролера не только частной собственности, но и семьи и домашней жизни; таким образом, его власть законно вводится в тот замкнутый круг, в котором закрепились индивидуальная воля, и, как это свойственно всем великим державам, после вторжения в этот круг оно стремится занять его целиком и полностью - для этого оно прибегает к новому принципу. Созданное как моральная личность, такая же, как церковь, университет, благотворительный или научный орган, разве государство не обязано, подобно любой корпоративной структуре, которая должна существовать веками, распространять свое видение далеко и близко и предпочитать частные интересы, которые являются лишь жизненными интересами, общему интересу (*l'intérêt commun*), который вечен? Разве это не высшая цель, которой должны быть подчинены все остальные, и разве этот интерес, который превышает все, должен быть принесен в жертву двум беспокойным инстинктам, часто неразумным и иногда опасным; совести, которая переполняется мистическим безумием, и чести, которая может привести к раздорам, вплоть до убийственных дуэлей? Конечно, нет, и прежде всего, когда в своих величайших делах государство, как законодатель, регулирует браки, наследства и завещания, то оно руководствуется не только уважением к воле отдельных лиц; оно не довольствуется тем, что обязывает каждого платить свои долги, включая даже те, которые являются молчаливыми, невольными и врожденными; оно принимает во внимание общественный интерес; оно рассчитывает отдаленные вероятности, будущие случайности, все результаты в отдельности и все вместе. Очевидно, что, разрешая или запрещая развод, расширяя или ограничивая то, чем человек может распоряжаться по завещанию, одобряя или запрещая замену, он, прежде всего, преследует политические,

экономические или социальные выгоды, улучшая или укрепляя союз полов, привить в семье привычки к дисциплине или чувства привязанности, возбудить в детях дух инициативы или согласия, подготовить для нации штаб прирожденных вождей или армию мелких собственников, и всегда это разрешается всеобщим согласием. Более того, и всегда с этого всеобщего согласия, он делает и другие вещи, выходящие за рамки первоначально возложенной на него задачи, и никто не находит, что он узурпирует, когда,

- * он чеканит деньги,

- * регулирует вес и меру,

- * устанавливает карантин,

- * при условии возмещения убытков экспроприирует частную собственность для общественных нужд,

- * строит маяки, гавани, дамбы, каналы, дороги,

- * оплачивает расходы на научные экспедиции,

- * основывает музеи и публичные библиотеки;

- * иногда проявляется терпимость к поддержке университетов, школ, церквей и театров, и, чтобы оправдать новые призывы из частных кошельков на эти цели, не называется никакой причины, кроме общих интересов. (Почему бы ей не взять на себя все начинания на благо всех? Почему он не должен колебаться, приказывая выполнять любую работу, полезную для общества, и воздерживаться от запрета любой вредной работы? Обратите внимание, что в человеческом обществе каждое действие или бездействие, даже самое скрытое или частное, приносит обществу либо убыток, либо пользу. Так, если я не забочусь о своем имуществе или о своем здоровье, о своем интеллекте или о своей душе, я подрываю или ослабляю в себе члена общества, который может быть богат, здоров и силен только благодаря богатству, здоровью и силе своих товарищей, так что, с этой точки зрения, все мои частные действия - это общественная польза или общественный вред. Почему же тогда, с этой точки зрения, государство должно уклоняться от того, чтобы предписывать мне одни из них и запрещать другие? Почему, чтобы лучше осуществлять это право и лучше выполнять эту обязанность, оно не должно стать всеобщим подрядчиком труда и всеобщим распределителем продуктов? Почему бы ему не стать единственным земледельцем, производителем и торговцем, единственным собственником и управляющим всей Франции? Именно потому, что это противоречило бы общему благу (l'intérêt de tous, интерес каждого)²²¹⁵. Здесь второй принцип, выступающий против индивидуальной независимости, действует в обратном направлении, и вместо того, чтобы быть противником, он становится защитником. Не освобождая государство, он надевает ему на шею еще одну цепь и тем самым укрепляет ограду, в которую современная совесть и современная честь заключили общественного стража.

V. Прямой общий интерес.

Прямой общий интерес заключается в отсутствии

Две причины в пользу свободы действий.

Характер, в целом, отдельного человека.- Современные усложнение.

В чем же, в самом деле, состоит общее благо (l'intérêt de tous, интерес каждого)? - В интересе каждого человека, а интерес каждого человека - это то, обладание чем приятно, а лишение болезненно. Весь мир напрасно стал бы оспаривать этот тезис: каждое ощущение индивидуально. Мои страдания и мои удовольствия не оспариваются так же, как моя склонность к предметам, обеспечивающим мне одно, и моя неприязнь к предметам, обеспечивающим мне другое. Поэтому нет необходимости произвольно определять конкретный интерес каждого человека; он существует как факт независимо от законодателя; остается только показать, в чем заключается этот интерес и что предпочитает каждый человек. Предпочтения зависят от расы, времени, места и обстоятельств. Среди имущества, которое всегда желанно и лишение которого всегда вызывает страх, есть одно, однако, которое, непосредственно желанное и само по себе, становится с развитием цивилизации все более и более желанным, и лишение которого становится с развитием цивилизации все более и более тягостным. Это - распоряжение собой, полное владение своим телом и имуществом, способность думать, верить и поклоняться, как хочется, объединяться с другими, действовать отдельно или вместе с другими, во всех смыслах и без помех; короче говоря, свобода. Чтобы эта свобода была как можно более широкой, во все времена это одна из главных потребностей человека, а в наши дни - самая большая. На это есть две причины, одна из которых естественная, а другая - историческая.

По своей природе человек - индивидуум, то есть маленький отдельный мир в себе, центр в замкнутом круге, обособленный организм, завершенный в себе, который страдает, когда его спонтанные склонности нарушаются вмешательством внешней силы.

Течение времени превратило его в сложный организм, на котором оставили свой отпечаток три или четыре религии, пять или шесть цивилизаций, тридцать веков богатой культуры; в котором сочетаются его приобретения, где наследуемые качества скрещиваются, где особые черты накапливаются таким образом, чтобы породить самое оригинальное и самое чувствительное из существ. По мере роста цивилизации возрастает и сложность человека: в результате его оригинальность усиливается, а чувствительность обостряется; из этого следует, что чем более цивилизованным он становится, тем сильнее его отвращение к ограничениям и единообразию.

В настоящее время (1880 г.) каждый из нас является конечным и особенным продуктом огромного развития, различные стадии которого происходят в этом порядке только один раз, растением, уникальным для своего вида, одинокой особью высшей и тончайшей сущности, которая, имея свою внутреннюю структуру и свой неотъемлемый тип, не может принести ничего другого, кроме своего собственного характерного плода. Ничто не может быть более неблагоприятным для интересов дуба, чем принуждение приносить яблоки яблони; ничто не может быть более неблагоприятным для интересов яблони, чем принуждение приносить желуди; ничто не может быть более неблагоприятным для интересов как дуба и яблони, так и других деревьев, чем быть обрезанным, сформированным и скрученным, чтобы все росло по принудительной модели, очерченной на бумаге в соответствии с жестким и ограниченным воображением землемера. Поэтому наименьшее ограничение является главным интересом

каждого; если устанавливается одно конкретное ограничительное учреждение, то это делается для того, чтобы каждый мог быть сохранен от других, более сильных ограничений, особенно тех, которые наложит иностранец и злодей. До этого момента, но не далее, его вмешательство полезно; после этого оно становится одним из тех зол, которые оно призвано предотвратить. Таким образом, если мы хотим заботиться об общем благе, единственной задачей государства является,

1. предотвращать ограничения и, следовательно, никогда не использовать их, кроме как для предотвращения худших ограничений;
2. обеспечивать уважение к каждому человеку в его собственной физической и моральной сфере; никогда не посягать на это, кроме как с этой целью, а затем немедленно отступить;
3. воздерживаться от всякого неосторожного вмешательства, и при этом, насколько это возможно, не жертвовать общественной безопасностью;
4. снизить старые взносы, требовать лишь минимальных субсидий и услуг;
5. постепенно ограничивать даже полезные действия;
6. ставить перед собой как можно меньше задач;
7. предоставить каждому максимум пространства и инициативы;
8. постепенно отказываться от монополий;
9. воздерживаться от конкуренции с частными лицами;
10. избавиться от функций, которые эти частные лица могут выполнять с равным успехом, и мы видим, что пределы, отведенные государству общественным интересом (*l'intérêt commun*), соответствуют пределам, установленным долгом и справедливостью.

VI. Косвенный общий интерес.

Косвенный общий интерес состоит в наиболее экономичном и наиболее продуктивном использовании спонтанных сил.-Различие между добровольным и принудительным трудом.
Источники спонтанного действия человека. Условия их энергии, работы и продуктов.-Мотивы для того, чтобы оставить их под личным контролем.-Расстояние частной собственности.
-Индивидуумы могут добровольно расширить его.-То, что остается становится достоянием государства.-Обязательные функции
Обязательные функции государства.- Факультативные функции государства.

Теперь давайте примем во внимание не прямые, а косвенные интересы всех. Вместо того чтобы рассматривать отдельных людей, давайте займемся их творчеством. Давайте

рассматривать человеческое общество как материальную и духовную мастерскую, совершенство которой заключается в том, чтобы сделать ее как можно более продуктивной, экономичной, как можно лучше обустроенной и управляемой. Даже с этой второстепенной и подчиненной целью сфера деятельности государства вряд ли может быть менее ограниченной: ему следует приписать очень мало новых функций; почти все остальные будут лучше выполняться независимыми лицами, естественными или добровольными ассоциациями.

Давайте рассмотрим человека, который работает ради собственного блага, фермера, фабриканта, торговца, и обратим внимание на то, насколько внимательно он относится к своему делу. Это происходит потому, что в дело вовлечены его интересы и гордость. С одной стороны, на карту поставлено его благополучие и благополучие окружающих его людей, его капитал, его репутация, его положение в обществе и продвижение по службе; с другой стороны - бедность, разорение, социальная деградация, зависимость, банкротство и богадельня. В присутствии этой альтернативы он внимательно следит за собой и становится трудолюбивым; он думает о своем деле даже во время сна или во время еды; он изучает его не издали, умозрительно, в общих чертах, а на месте, практически, в деталях, во всех связях и отношениях, постоянно просчитывая трудности и ресурсы, с такой острой проницательностью и особой информацией, что для любого другого человека попытаться решить ежедневную проблему, которую решает он, было бы невозможно, потому что никто не мог бы обладать или оценить, как он, точные элементы, из которых она состоит. -Сравните с этой уникальной преданностью и этой особой квалификацией обычную способность и вялую регулярность высокопоставленного государственного чиновника, даже если он эксперт и честен. Он уверен в своем жалованье при условии, что сносно выполняет свои обязанности, а это происходит, когда он занят в официальные часы. Пусть его бумаги будут правильными, в соответствии с правилами и обычаями, и больше от него ничего не требуется; ему не нужно напрягать свой мозг сверх этого. Если он придумывает какую-нибудь экономичную меру или какое-нибудь улучшение своей службы, то не он, а публика, анонимная и смутная безличность, получает от этого все выгоды. Более того, почему он должен об этом заботиться, ведь его проект или реформа могут оказаться в архиве. Машина слишком огромна и сложна, слишком громоздка, слишком неуклюжа, с ее ржавыми колесами, ее "старыми обычаями и приобретенными правами", чтобы обновлять и перестраивать ее, как обновляют ферму, склад или литейный цех. Соответственно, у него и в мыслях нет беспокоиться об этом вопросе; покидая свой кабинет, он выкидывает его из головы; он позволяет всему идти автоматически, как идет, дорогостоящим способом и с безразличными результатами. Даже в такой честной стране, как Франция, подсчитано, что каждое предприятие, управляемое государством, обходится на четверть дороже и приносит на четверть меньше дохода, чем если бы оно было передано в частные руки. Следовательно, если бы работа была возложена на частных лиц, чтобы за нее могло взяться государство, то при сведении счетов общество понесло бы убытки в размере [половины](#)²²¹⁶.

Это относится ко всем видам труда, будь то духовный или материальный, не только к сельскохозяйственной, промышленной и торговой продукции, но и к произведениям науки и искусства, литературы и философии, благотворительности, образования и пропаганды. И не только когда им движет эгоизм, такой как личный интерес и вульгарное тщеславие, но и когда им движут бескорыстные чувства, такие как открытие истины, создание красоты, распространение веры, распространение убеждений, религиозный энтузиазм или природное великодушие, любовь в широком или узком смысле, распространяющаяся от того, кто охватывает все человечество, до того, кто посвящает себя исключительно своим друзьям и родственникам. Эффект в обоих случаях один и тот же, потому что причина одна и

та же. Всегда, в цехе, которым руководит свободный работник, движущая сила огромна, почти бесконечна, потому что это живой источник, который течет в любое время и неиссякаем. Мать постоянно думает о своем ребенке, ученый - о своей науке, художник - о своем искусстве, изобретатель - о своих изобретениях, филантроп - о своих пожертвованиях, Фарадей - об электричестве, Стефенсон - о своем локомотиве, Пастер - о своих микробах, де Лессепс - о своем перешейке, сестры милосердия - о своих бедняках. Благодаря этой своеобразной концентрации мысли человек извлекает все возможные преимущества из человеческих способностей и окружения; он сам становится все более совершенным инструментом и, более того, создает другие: этим он ежедневно уменьшает трение мощной машины, которой управляет и главным колесом которой он является; он увеличивает ее производительность; он экономит, поддерживает, ремонтирует и улучшает ее с возможностью и успехом, которые ни у кого не вызывают сомнений; короче говоря, он производит превосходным способом. Но этот живой источник, которым обусловлено превосходство произведений, не может быть отделен от владельца и начальника, ибо он исходит из его собственных привязанностей и глубочайших чувств. Без него она бесполезна; вне его рук, в чужих руках, фонтан перестает течь и производство останавливается; если, следовательно, требуется хороший и большой урожай, он один должен управлять мельницей; он - ее постоянный владелец, тот, кто приводит ее в движение, прирожденный инженер, установленный и специально предназначенный для этой должности. Тщетно пытаться повернуть поток в другое место; просто происходит остановка естественного потока, плотина, перекрывающая полезные каналы, бессистемное изменение течения не только без пользы, но и с потерей, поток затихает в болотах или подрывает крутые берега оврага. В крайнем случае, миллионы ведер воды, насильно взятые из частных резервуаров, наполовину заполняют с большим трудом большой центральный искусственный бассейн, в котором вода, низкая и застойная, никогда не бывает достаточной по количеству или силе, чтобы привести в движение огромное общественное колесо, которое заменяет маленькие частные колеса, выполняющие работу всей страны.

Таким образом, даже если рассматривать людей только как производство, даже если рассматривать их просто как производителей того, что ценно и полезно, не имея в виду никакой другой цели, кроме как снабжать общество товарами и приносить пользу потребителям, даже если частная сфера включает в себя все предприятия, предпринимаемые частными лицами, как по отдельности, так и связанными вместе, в силу личных интересов или личного вкуса, то и этого достаточно, чтобы все управлялось лучше, чем могло бы сделать государство; именно в силу этого они перешли в их руки. Следовательно, на огромном поле труда они сами решают, за что взяться; они сами, своей властью, устанавливают свои границы. Поэтому они могут расширять свои владения в любой степени, в какой им заблагорассудится, и неограниченно сокращать владения государства. Напротив, государство не может претендовать на большее, чем то, что они оставляют; поскольку они продвигаются по их общей территории, разделенной неясными границами, оно обязано отступить и оставить землю за ними; какова бы ни была задача, оно не должно выполнять ее иначе, как в случае их неисполнения, или их длительного отсутствия, или при доказательстве того, что они отказались от нее.

Все остальное, таким образом, ложится на плечи государства; во-первых, те должности, на которые они никогда не претендуют и которые они сознательно оставляют в его руках, потому что у них нет того необходимого инструмента, который называется вооруженной силой. Эта сила обеспечивает защиту общины от чужих общин, защиту людей друг от друга, сбор солдат, взимание налогов, исполнение законов, отправление правосудия и полиции. - Следом идут дела, выполнение которых касается всех, не интересуя никого в особенности:

управление неоккупированной территорией, управление реками, побережьями, лесами и общественными дорогами, управление подвластными странами, разработка законов, чеканка денег, присвоение гражданского статуса, ведение переговоров от имени сообщества с местными и специальными корпорациями, департаментами, коммунами, банками, учреждениями, церквями и университетами. -Добавьте к этому, в зависимости от обстоятельств, различные необязательные кооперативные [услуги2217](#) , такие как субсидии, предоставляемые учреждениям большой общественной пользы, для которых не хватило бы частных пожертвований, теперь в форме уступок корпорациям, для которых требуются эквивалентные обязательства, и, опять же, в тех гигиенических мерах предосторожности, которые отдельные лица не принимают из-за безразличия; Иногда - временная помощь, поддерживающая человека или стимулирующая его, чтобы он мог когда-нибудь сам себя содержать; и в целом - незаметные и едва уловимые вмешательства на время, которые оказываются столь выгодными в будущем, например, далеко идущий кодекс и другие последовательные правила, которые, помня о свободе существующего человека, обеспечивают благосостояние грядущих поколений. Ничего сверх этого.

И опять-таки, в этой подготовке к будущему благосостоянию действует тот же принцип.

VII. Изготовление социальных инструментов.

Изготовление социальных инструментов.- Применение этого
Применение этого принципа.- Как формируются все виды полезных работников.-
Уважение к спонтанным источникам, необходимое и адекватное
условие.-Обязанность государства уважать их.-Они
иссякают, когда оно монополизирует их.- Цель патриотизма.-
Цель других либеральных настроений.- Обнищание
всех производительных способностей.- Разрушительный эффект
Якобинская система.

Среди ценных продуктов самыми ценными и важными, очевидно, являются одушевленные инструменты, а именно люди, поскольку они производят все остальное. Итак, задача состоит в том, чтобы сформировать людей, способных к физическому, умственному или моральному труду, самых энергичных, самых настойчивых, самых умелых и самых продуктивных; теперь мы уже знаем условия их формирования. Необходимо и достаточно, чтобы живительные источники, описанные выше, текли там, на месте, каждый через свой естественный выход и под контролем владельца. При этом струя становится более энергичной, поскольку приобретенный импульс усиливает первоначальный отток; производитель становится все более искусным, поскольку "практика делает совершенным". Окружающие также становятся лучшими работниками, поскольку находят поддержку в его успехах и пользуются его открытиями. Таким образом, просто потому, что государство уважает и принуждает уважать эти индивидуальные источники в частных руках, оно развивает в отдельных людях, а также в тех, кто их окружает, волю и талант производить много и хорошо, способность и желание

продолжать производить больше и лучше; другими словами, все виды энергии и способностей, каждый в своем роде и на своем месте, со всей совместимой полнотой и эффективностью. Такова задача и единственная задача государства, во-первых, по отношению к мутным и холодным источникам, исходящим из эгоизма и самодовольства, чья деятельность требует его надзора, а затем, по еще более веским причинам, по отношению к теплым и чистым источникам, чье благодеяние беспрепятственно, как в семейных привязанностях и частных дружеских отношениях; опять же, по отношению к тем более редким и высоким источникам, как любовь к красоте, стремление к истине, дух ассоциации, патриотизм и человеколюбие; и, наконец, по еще более веским причинам, по отношению к двум самым священным и спасительным из всех источников, совести, которая делает волю подчиненной долгу, и чести, которая делает волю опорой справедливости. Пусть государство предотвращает, а также воздерживается от любого вмешательства в оба этих источника; пусть это будет его целью и ничем более; его воздержание столь же необходимо, как и его бдительность. Пусть оно охраняет и то, и другое, и оно увидит, как повсюду самопроизвольно, ежечасно, каждый в своей степени, в соответствии с условиями времени и места, растут самые старательные и самые компетентные работники, земледельцы, фабриканты, торговцы, ученые, художники, изобретатели, пропагандисты, муж и жена, отец и мать, патриот, филантроп и сестра милосердия.

Напротив, если государство, подобно нашим якобинцам, стремится конфисковать все природные силы для своей выгоды, если оно стремится сделать привязанность к себе первостепенной, если оно стремится подавить все другие страсти и интересы, если оно не терпит никаких других забот, кроме тех, которые касаются общего блага, если оно пытается насильственно превратить каждого члена общества в спартанца или иезуита, то, ценой огромных усилий, оно не только уничтожит частные фонтаны и распространит опустошение на всю территорию, но и уничтожит свой собственный источник. Мы почитаем государство только за те услуги, которые оно нам оказывает, и пропорционально этим услугам и той безопасности, которую оно нам предоставляет, и той свободе, которую оно обеспечивает нам под титулом всеобщего благодетеля; когда оно намеренно ранит нас в наши самые дорогие интересы и самые нежные привязанности, когда оно заходит так далеко, что покушается на нашу честь и совесть, когда оно становится всеобщим злодеем, наша привязанность к нему со временем превращается в ненависть. Если сохранить эту систему, патриотизм, истощившись, иссякнет, и один за другим иссякнут все другие благотворные источники, пока, наконец, по всей стране не останется ничего, кроме застойных бассейнов или бурлящих потоков, населенных пассивными подданными или грабителями. Как в Римской империи в IV веке, в Италии в XVII веке, в турецких провинциях в наши дни, не остается ничего, кроме плохо управляемого стада чахлах, вялых существ, ограниченных своими повседневными потребностями и животными инстинктами, безразличных к общественному благосостоянию и собственным перспективным интересам, настолько выродившихся, что потерявших из виду свои собственные открытия, не освоивших свои собственные науки, искусства и производства, и, короче говоря, что хуже всего, низменных, лживых, развращенных душ, полностью лишенных чести и совести. Нет ничего более разрушительного, чем неограниченное вмешательство государства, даже если оно мудрое и отеческое; в Парагвае, под дисциплиной иезуитов, столь подробной в своих деталях, "физиономии индейцев напоминали физиономии животных, попавших в капкан". Они работали, ели, пили и рожали под звуки колокольчиков, под присмотром и надзором, правильно и механически, но не проявляя ни малейшей любви ни к чему, даже к собственному существованию, будучи превращены в такие автоматы; по крайней мере, можно сказать, что средства, использованные для достижения этого результата, были щадящими и что до своего превращения они были просто грубыми животными. Но те, кого

революционер-иезуит теперь берется превратить в роботов, причем жестокими методами, - это люди.

VIII. Сравнение деспотий.

Сравнение деспотий: Филипп II и Людовик XIV.

Кромвель и Фридрих Великий. - Петр Великий и

султаны. - Соотношение между задачами, которые якобинцы должны

и имеющимися в их распоряжении средствами. - Пропорция

между бременем, которое они должны нести, и силами, имеющимися в их распоряжении.

их распоряжении. - Страшность их начинания. - Физическая сила

единственная правительственная сила, которой они обладают.

Они вынуждены использовать ее. Они вынуждены злоупотреблять ею.

Характер их правительства. - Характер, требуемый от их лидеров.

Несколько раз в европейской истории деспотии, почти столь же суровые, рождались под тяжестью человеческих усилий; но никогда ни одна из них не была настолько неумелой; ведь никто никогда не пытался поднять такую тяжелую массу с помощью такого короткого рычага. Начнем с того, что каким бы авторитетным ни был деспот, его вмешательство было ограниченным: Филипп II сжигал еретиков, преследовал мавров и изгонял евреев; Людовик XIV насильно обращал протестантов; но оба применяли насилие только против несогласных, примерно пятнадцатой или двадцатой части своих подданных. Если Кромвель, став Протектором, оставался сектантом и обязательным слугой армии сектантов, он позаботился о том, чтобы не навязывать другим церквям теологию, обряды и дисциплину своей собственной церкви²²¹⁸; напротив, он подавлял фанатичные бесчинства; защищал анабаптистов так же, как и своих индпендентов. Он предоставил пресвитерианам оплачиваемых викариев, а также публичное отправление культа, проявил большую терпимость к епископам и дал им право на частное богослужение; он содержал два великих англиканских университета и позволил евреям возвести синагогу.²²¹⁸ Фредерик II. Фредерик II призывал в свою армию всех трудоспособных крестьян, которых мог прокормить; он держал каждого мужчину двадцать лет на службе, в условиях дисциплины хуже рабства, с почти полной перспективой смерти; в своей последней войне он пожертвовал примерно одной шестой частью своих подданных мужского пола²²¹⁹; но это были крепостные, и его призыв не коснулся буржуазного класса. Он засовывал руки в карманы буржуа и всех остальных людей и забирал каждую крону, которая у них была; когда его доводили до этого, он подделывал монету и переставал платить своим чиновникам; но под пристальным взглядом его глаз, всегда открытых, администрация была честной, полиция эффективной, правосудие точным, веротерпимость неограниченной, а свобода печати полной; король разрешал публикацию самых резких памфлетов против себя и их публичную продажу даже в Берлине. Немного раньше, в великой империи Востока, Петр Великий²²²⁰ с кнутом в руках бил своих медведей-москвичей и заставлял их упражняться и танцевать на европейский

манер; но это были медведи, привыкшие от отца к сыну к кнуту и цепи; более того, он стоял как православный глава их веры и оставил их мир (сельскую коммуны) нетронутым. -Наконец, на другом краю Европы, и даже за ее пределами, в VII веке халиф, в XV веке султан, Магомет или Омар, фанатичный араб или жестокий турок, только что победивший христиан мечом, сам определял границы своего абсолютизма: Если побежденные были низведены до состояния тяжело выкупленных данников и ежедневно унижаемых низших, он позволял им отправлять культ, соблюдать гражданские законы и домашние обычаи; он оставлял им их институты, монастыри и школы; он позволял им управлять делами своей общины по своему усмотрению под юрисдикцией своего патриарха или других естественных вождей. -Таким образом, каким бы ни был тиран, он не пытался полностью переделать человека и не подвергал переделке всех своих подданных. Какой бы пронзительной ни была тирания, она останавливалась в душе на определенной точке; достигнув этой точки, чувства оставались свободными. Какой бы всеобъемлющей ни была эта тирания, она затрагивала только один класс людей; остальные, не попавшие в сети, оставались свободными. Когда она ранила сразу все чувствительные струны, это касалось лишь ограниченного меньшинства, не способного защитить себя. Что касается большинства, способного защитить себя, то его основные чувства были уважены, особенно самые чувствительные, те или иные, в зависимости от обстоятельств: то совесть, привязывающая человека к религии, то amour-propre, от которого зависит честь, то привычки, заставляющие человека держаться за обычаи, наследственные устои и внешние обряды. Что касается остальных, тех, что касаются имущества, личного благополучия и положения в обществе, то здесь он действовал осторожно и умеренно. Таким образом, благоразумие правителя уменьшало сопротивление подданных, и смелое предприятие, даже озорное, не было возмутительным; оно могло быть осуществлено; не требовалось ничего, кроме силы в руках, равной сопротивлению, которое оно вызывало.

И опять же, с другой стороны, тиран обладал этой силой. За спиной принца стояли очень многочисленные и сильные руки, готовые сотрудничать с ним и противостоять любому сопротивлению. За спиной Филиппа II или Людовика XIV, готовых изгнать диссидентов или, по крайней мере, согласиться на их угнетение, стояло католическое большинство, столь же фанатичное или столь же нелиберальное, как и их король. За Филиппом II., Людовиком XIV., Фридрихом II, и Петром Великим стояла вся нация, одинаково жестокая, сплотившаяся вокруг государя благодаря его освященному титулу и неоспоримому праву, благодаря традиции и обычаю, благодаря жесткому чувству долга и смутной идее общественной безопасности. -Петр Великий считал среди своих помощников всех выдающихся и культурных людей страны; Кромвель имел свою дисциплинированную и двадцать раз побеждавшую армию; халиф или султан приводил с собой своих военных и привилегированное население... С помощью таких когорт было легко поднять тяжелую массу и даже удержать ее на фиксированной позиции. После завершения операции наступало своего рода равновесие; масса, удерживаемая в воздухе постоянным противовесом, требовала лишь небольших ежедневных усилий, чтобы не упасть.

С якобинским предприятием все обстоит как раз наоборот. Когда оно приводится в действие, теория, более требовательная, добавляет к поднятой массе дополнительный вес, и, в конце концов, получается бремя почти бесконечной тяжести. - Сначала якобинец ограничивает свои нападки на королевскую власть, на дворянство, на церковь, на парламенты, на привилегии, на церковные и феодальные владения, словом, на средневековые устои. Затем он атакует еще более древние и более прочные основы, позитивную религию, собственность и семью. Четыре года он довольствовался разрушением, а теперь хочет строить. Его цель - не просто покончить с позитивной верой и

подавить социальное неравенство, запретить явленные догмы, наследственные верования, устоявшийся культ, главенство положения и превосходство состояния, богатство, досуг, утонченность и элегантность, но, помимо всего этого, он хочет переделать гражданина. Он хочет создать новые чувства, навязать человеку естественную религию, гражданское воспитание, единые пути и привычки, якобинское поведение, спартанскую добродетель; короче говоря, в человеке не должно остаться ничего, что не было бы предписано, принуждено и ограничено. -Итак, против революции выступают не только приверженцы старого режима - священники, дворяне, парламентарии, роялисты и католики, но и каждый человек, проникнутый европейской цивилизацией, каждый член обычной семьи, любой обладатель большого или малого капитала, любой вид или степень собственника, фермера, фабриканта, купца, ремесленника или земледельца, даже большинство революционеров. Почти все революционеры рассчитывают вырваться из навязанных им ограничений и любят смиренную рубашку только тогда, когда она надета на спину другого. Влияние сопротивляющихся воле в этот момент становится неисчислимым: легче было бы поднять гору, и как раз в этот момент якобинцы лишили себя всякой моральной силы, с помощью которой политический инженер воздействует на человеческие воли.

В отличие от Филиппа II и Людовика XIV, их не поддерживает нетерпимость огромного большинства, ибо вместо пятнадцати или двадцати ортодоксов против одного еретика они насчитывают в своей церкви едва ли больше одного ортодокса против пятнадцати или двадцати еретиков.²²²¹ Их не поддерживает, как законных государей, упорная преданность всего населения, идущего по стопам своего вождя из престижа наследственного права и в силу привычки к древней верности. Напротив, их правление длится всего день, а сами они - интервенты. Установленные сначала путем государственного переворота, а затем под видом выборов, они вымогают или получают обманом голоса избирателей, с помощью которых действуют. Они настолько хорошо знакомы с мошенничеством и насилием, что в их собственной Ассамблее правящее меньшинство захватило и удерживает власть с помощью насилия и мошенничества, подавляя большинство бунтами, а департаменты - силой оружия. Чтобы придать своим жестокостям видимость правоты, они импровизируют две помпезные демонстрации: во-первых, внезапное изготовление бумажной конституции, которая плесневеет в их архивах, и, во-вторых, скандальный фарс с пустопорожним и принудительным плебисцитом. -Дюжина лидеров партии сосредоточила в своих руках неограниченную власть; но, как они сами признают, их власть производна; именно Конвент делает их своими делегатами; их шаткий титул должен ежемесячно обновляться; поворот большинства может завтра смести их и их работу; восстание народа, которого они познакомили с восстанием, может завтра смести их, их работу и их большинство. Они не военачальники, как Кромвель и Наполеон, не генералы армии, которой подчиняются без ропота, а обычные ораторы, находящиеся во власти аудитории, которая вершит над ними суд. В этой публике нет дисциплины; каждый якобинец остается независимым в силу своих принципов; если он принимает лидеров, то только с оговоркой об их ценности для него; выбирая их по своему усмотрению, он волен менять их, когда ему заблагорассудится; его доверие к ним прерывисто, его лояльность временна, и, поскольку его приверженность зависит от простого предпочтения, он всегда оставляет за собой право отбросить сегодняшнего фаворита, как он отбросил фаворита вчерашнего. В этой публике нет такого понятия, как субординация; самый низкий демагог, любой шумный подчиненный, Эбер или Жак Ру, стремящийся выйти из рядов, переигрывает действующих шарлатанов, чтобы занять их место. Даже имея полное и прочное господство над организованной группой послушных сторонников, якобинские лидеры были бы слабы из-за отсутствия надежных и компетентных инструментов; ведь у них очень мало сторонников, кроме сомнительной честности и отъявленных неспособностей. -Кромвель имел вокруг себя для осуществления пуританской

программы моральную элиту нации, армию ригористов, с узкой совестью, но гораздо более строгих к себе, чем к другим, людей, которые никогда не пили и не клялись, которые ни на минуту не предавались чувственности или праздности, которые запрещали себе всякое бездействие или действие, относительно которого у них были какие-либо угрызения совести, самые честные, самые умеренные, самые трудолюбивые и самые настойчивые из [людей2222](#), единственные, кто был способен заложить основы той практической морали, на которой Англия и Соединенные Штаты существуют и по сей день. -Вокруг Петра Великого, осуществлявшего свою европейскую программу, стояла интеллектуальная элита страны, привозные кадры людей способных, соединенные с туземцами умеренных способностей, каждый хорошо обученный житель-иностранец и коренной россиянин, единственные, кто был способен организовать школы и общественные учреждения, создать обширную центральную и регулярную систему управления, назначать чиновников в соответствии со службой и заслугами, короче говоря, воздвигнуть на снегу и грязи бесформенного варварства оранжерею цивилизации, которая, будучи пересаженной, как экзотическое дерево, растет и постепенно приживается". -Вокруг Кутона, Сен-Жюста, Бийо, Колло и Робеспьера, за исключением некоторых людей, преданных не утопизму, а стране, и которые, подобно Карно, подчиняются системе, чтобы спасти Францию, есть лишь несколько сектантов, которые осуществляют якобинскую программу. Это люди настолько недаленовидные, что не могут ясно понять ее заблуждений, или достаточно фанатичные, чтобы принять ее ужасы, множество социальных изгоев и самозванных государственных деятелей, увлеченных несоизмеримыми способностями с теми ролями, которые они играют, неокрепших умом и поверхностно образованных, совершенно некомпетентных, безграничных в амбициях, извращенных совестью, черствых или омертвевших благодаря софистике, ожесточенных высокомерием или убитых преступлением, безнаказанностью и успехом.

Таким образом, в то время как другие деспоты поднимают умеренный вес, собирая вокруг себя либо большинство, либо цвет нации, используя лучшие силы страны и удлиняя свой рычаг (деспотизма) настолько, насколько это возможно, якобинцы пытаются поднять неисчислимый вес, оттолкнуть большинство, а также цвет нации, отбросить лучшие силы страны и укоротить свой рычаг до предела. Они держатся только за короткий конец, за грубую, неуклюжую, окованную железом, скрипящую и скрежещающую конечность, то есть за физическую силу, - за средства физического воздействия, за тяжелую руку жандарма на плече подозреваемого, за засов и ключи тюремщика, повернутые на заключенного, дубинка, которой санкюлоты бьют буржуа по спине, чтобы ускорить его шаг, и, что еще лучше, пика септембризера, вонзающаяся в живот аристократа, и лезвие, падающее на шею, зажатую в тисках гильотины. -Отныне это единственный механизм, которым они располагают для управления страной, ибо они лишили себя всех других. Их механизм должен быть выставлен напоказ, ибо он работает только при условии, что его кровавый образ будет неизгладимо запечатлен в воображении каждого человека; если негритянский монарх или паша желает видеть склоненные головы, проходя мимо, его должны сопровождать палачи. Они должны злоупотреблять своим двигателем, потому что страх, утративший свое действие по привычке, нуждается в примере для поддержания жизни; негритянский монарх или паша, желающий сохранить страх, с помощью которого он правит, должен быть стимулирован каждый день; он должен убивать слишком много, чтобы быть уверенным, что убивает достаточно; он должен убивать постоянно, кучами, без разбора, бессистемно, независимо от того, за какое преступление, по малейшему подозрению, невинных вместе с виновными. Он и его погибают в тот момент, когда перестают подчиняться этому правилу. Каждый якобинец, как и каждый африканский монарх или паша, должен стремиться к тому, чтобы быть и оставаться во главе своей группы. Именно поэтому вожди партии, ее естественные и predetermined лидеры,

являются теоретиками, способными понять ее принцип, и логиками, способными вывести ее последствия. Они, однако, настолько неумелы, что не могут понять, что их предприятие превышает как их собственные, так и все другие человеческие ресурсы, но достаточно проникательны, чтобы понять, что грубая сила - их единственный инструмент, достаточно бесчеловечны, чтобы применять ее беспринципно и без промедления, и достаточно извращены, чтобы убивать наугад, чтобы распространять террор.

2201 (возвращение)

[Buchez et Roux, XXXII, 354. (Речь Робеспьера в Конвенте, Флореаль, 18, год II.) "Спарта сверкает, как вспышка молнии, среди глубочайшей тьмы"].

2202 (возвращение)

[Милос взят афинянами; Фивы после победы Александра; Коринф после захвата его римлянами. В Пелопоннесской войне платейцы, сдавшиеся по собственному желанию, преданы смерти. Никиас хладнокровно убит после поражения в Сицилии. Пленникам в Эгос-Потамосе отрубают большие пальцы].

2203 (возвращение)

[Fustel de Coulanges, "La Cité Antique", ch. XVII].

2204 (возврат)

[Платон, "Апология Сократа" - см. также в "Крито" рассуждения Сократа о том, что он не избежал наложенного на него наказания. Античная концепция государства здесь четко изложена].

2205 (возвращение)

[Ср. кодекс Ману, Зендавеста, Пятикнижие и Тхеу-Ли. В этом последнем кодексе (перевод Биота) можно найти совершенство системы, особенно в томах I., 241, 247, II., 393, III., 9, 11, 21, 52. "Каждый начальник округа в двенадцатый день первой луны собирает людей своего округа и читает им таблицу правил; он проверяет их добродетель, их поведение, их прогресс на правильном пути и в их знаниях и поощряет их; он исследует их ошибки, их промахи и предотвращает их от совершения зла..... Суперинтенданты браков следят за тем, чтобы молодые люди вступали в брак в установленном возрасте". Сведение человека к государственному автомату достаточно очевидно в учреждении должности "Смотрителя за кляпами...". На всех больших охотах, на всех сборах войск он приказывает применять кляпы. В этих случаях солдатам вставляют кляпы в рот; тогда они исполняют свои обязанности без шума и криков"].

2206 (возвращение)

[Эти два слова не имеют точных эквивалентов в греческом или латинском языках,

Conscientia, dignitas, honos обозначают разные оттенки смысла. Это различие наиболее ощутимо в сочетании двух современных терминов delicate conscience, scrupulous conscience, а также выражений stake one's honour on that or that, make it a point of honor, the laws of honor и т. д. Технические термины античной морали: прекрасное, правдивость, государево благо, указывают на идеи другого штампа и происхождения].

2207 (обратно)

[Увы, современный демократический человек XX века отказался от чести и совести, ему остается только быть правильным и следовать тысячам правил, регламентирующих его жизнь. И, конечно, быть уверенным, что он выполняет приказы, или быть уверенным, что его не поймут, когда он нарушит естественные правила дружбы, чести или совести. Совесть, с другой стороны, всегда будет таиться где-то в тени нашего разума, потому что все мы знаем, как бы мы хотели, чтобы с нами обращались другие, и будем вынуждены не преступать определенных границ на случай, если намеченная жертва окажется в состоянии отомстить. То, что я не одинок в таком понимании, я отметил в интервью с 79-летним французским писателем Мишелем Деоном в газете Le Figaro от 16 мая 1998 года, в котором г-н Деон сказал: "Повсюду мы все еще находимся в яслях. Большое движение пытается превратить нас всех в полудурков (une grande campagne de crétinisation est en route). Когда остаются только эти люди, правительствам становится легко работать. Это очень умно". (SR.)]

2208 (возврат)

[Монтень, Эссе, кн. I, гл. 42: "Понаблюдайте в провинциях, удаленных от двора, например в Бретани, за свитой, за подданными, за обязанностями, за церемониями сеньора, живущего в одиночестве, воспитанного среди своих иждивенцев, а также за полетами его воображения - нет ничего более королевского; он может раз в год обращаться к своему начальнику, как если бы он был королем Персии... Бремя суверенитета едва ли коснется французского дворянина дважды в жизни... тот, кто скрывается в своем собственном месте, избегая споров и суда, так же свободен, как герцог Венеции"]].

2209 (возвращение)

["Mémoires de Chateaubriand", vol. I. ("Les Soirées au Chateau de Cambourg")].

2210 (обратно)

[В Китае моральный принцип прямо противоположен. Китайцы, невзирая на препятствия и затруднения, всегда предписывают "сяо-син", что означает "умерить свои привязанности". (Нус, "L'Empire Chinoise", I., 204.)].

2211 (возвращение)

[В Соединенных Штатах моральный порядок вещей опирается главным образом на пуританские идеи; тем не менее там можно найти глубокие следы феодальных представлений; например, общее почтение к женщине, которое там вполне рыцарское и даже чрезмерное].

2212 (возвращение)

[Наблюдайте, с этой точки зрения, в женщине нового времени защиту женской добродетели. Чувство долга (мужское) является первой защитой скромности, но у него есть гораздо более мощный помощник в виде чувства чести, или глубокой врожденной гордости].

2213 (возвращение)

[Моральный стандарт варьируется, но в соответствии с неизменным законом, подобно математической функции. Каждое сообщество имеет свои собственные моральные элементы, организацию, историю и окружение, и обязательно свои особые условия жизнеспособности. Когда в улье выбирается и оплодотворяется королева, это условие включает в себя истребление бесполезных соперников мужского и женского пола (Дарвин). В Китае она состоит из отцовской власти, литературного образования и соблюдения ритуалов. В античном городе оно состояло из всемогущества государства, гимнастического воспитания и рабства. В каждом веке и в каждой стране эти жизненные условия выражаются более или менее наследственными паролями, которые устанавливают или запрещают тот или иной класс действий. Когда человек чувствует внутренний вызов, он сознает себя обязанным; моральный конфликт состоит в борьбе внутри себя между универсальным паролем и личным желанием. В нашем европейском обществе жизненно важным условием, а значит, и общим знаком, является самоуважение в сочетании с уважением к другим (включая женщин и детей). Этот новый в истории знак имеет исключительное преимущество перед всеми предшествующими: уважая каждого человека, каждый может развивать себя в соответствии со своей природой; соответственно, он может изобретать во всех смыслах, производить любую продукцию и быть полезным для себя и других во всех отношениях, что позволяет обществу развиваться бесконечно].

2214 (возвращение)

[Тэн, вероятно, имеет в виду колониальные войны в Китае и завоевание Мадагаскара. (SR)].

2215 (возвращение)

[Здесь Тейн рассматривает человечество как мужчин, сильных и выносливых; однако я считаю, что свобода более желанна для сильных и уверенных в себе людей, в то время как ребенок, потерянный, больной, невежественный или слабый человек ищет защиты, уверенности и руководства. Когда общество состояло из сильных независимых фермеров, охотников, воинов, кочевников или ремесленников, опирающихся на семью и клан, свобода была важной идеей. Сегодня лишь немногие, если вообще кто-либо, могут подняться над ордой и обрести проницательность, мудрость и компетентность, которые когда-то были таким обычным делом. Сегодня сильные ищут продвижения в иерархии дома отдыха государства всеобщего благосостояния. (С.Р.)].

2216 (возвращение)

[В это просто не мог поверить Ленин, когда читал это около 1906 года. Даже Тэн не видел, насколько французская правительственная организация зависела от сотрудников,

набранных из трудолюбивого, скромного и честного французского населения. Мы дожили до того, что национализация частной собственности в Египте, Аргентине, Алжире, не говоря уже об Эфиопии и Индии, оказалась катастрофической, и как 40 лет государственной собственности должны деградировать и развращать население России, Китая, Югославии, Албании и т. д. (СР)].

2217 (возврат)

[Когда подлежащая выполнению функция имеет неопределенный или смешанный характер, при решении вопроса о том, кому она должна быть поручена - государству или частным лицам, а также при определении, в случае сотрудничества, какой ее части следует поручить частным лицам, а какой - государству, может быть применено следующее правило. По общему правилу, когда отдельные лица, будь то в одиночку или вместе, имеют прямой интерес или тяготеют к выполнению особой функции, а общество не имеет в этом прямого интереса, дело принадлежит отдельным лицам, а не государству. С другой стороны, если интерес общества в какой-либо функции является прямым, а отдельных лиц - косвенным, то она должна принадлежать государству, а не отдельным лицам. В соответствии с этим правилом можно определить границы публичного и частного владения, которые, изменяясь взад и вперед, могут быть проверены в соответствии с изменениями, происходящими в интересах и предпочтениях, прямых или косвенных".]

2218 (возвращение)

[Карлайл: "Речи и письма Кромвеля", III., 418. (Обращение Кромвеля к парламенту, 17 сентября 1656 г.)].

2219 (возврат)

[Seeley, "Life and Times of Stein", II., 143.- Macaulay, "Biographical essays", Frederick the Great. 33, 35, 87, 92.]

2220 (возвращение)

[Евгений Шуйлер, "Петр Великий", т. 2.]

2221 (возврат)

[Ср. "Революция" т. II, с. 46 и 323, т. III, гл. I. Archives des Affaires Etrangères. Том 332. (Письмо Тибержа, Марсель, 14 брюмера, год II.) "Я был в Мартейгне, маленьком городке в десяти лье от Марсея, вместе с моим коллегой Фурне; я нашел (je trouvée) семнадцать патриотов в городе с тысячным населением" - Там же, (Письмо Регулуса Леклерка, Берг, 15 брюмера, год II.) В Берге, по его словам, "муниципалитет состоит из торговцев с пустыми лавками и пивоваров без пива со времен закона о максимуме". Вследствие этого царит всеобщее безделье, "только сорок человек могут составить народный клуб, проводящий заседания в качестве одолжения каждые пять дней..... Общественный дух в Берге мертв; господствует фанатизм."-Archives Nationales, F7, 7164 (Департамент Вар, отчеты за год V. "Общая идея."В Драгиньяне из семи тысяч душ сорок патриотов, эксклюзивов, презираемых или нечестных; в Видаобане девять или десять эксклюзивов, пользующихся благосклонностью

муниципалитета и живущих свободно, не зная о своих средствах; в Бриньоле частые ограбления на дорогах разбойниками, которые, как говорят, были очень патриотичны в начале Революции: люди боятся их и не смеют назвать; во Фрежюсе девять ведущих эксклюзивов, которые проводят все свое время в кафе." - Berryat-Saint-Prix, "La Justice Révolutionnaire", p. 146.- Брут Тьерри, бакалейщик, член Рев. ком. Анжера, говорит, что "в Анжере не было и шестидесяти революционеров"]].

2222 (возврат)

[Маколей. "История Англии", I., 152. "Сами роялисты признавались, что во всех областях честной промышленности отброшенные воины преуспевали больше других людей, что ни один из них не был обвинен в воровстве или грабеже, что ни один не просил милостыню, и что если пекарь, каменщик или извозчик привлекал внимание своим усердием и трезвостью, то он, по всей вероятности, был одним из старых солдат Оливера"]].

КНИГА ТРЕТЬЯ. ЛЮДИ У ВЛАСТИ.

ГЛАВА I. ПСИХОЛОГИЯ ЛИДЕРОВ ЯКОБИНЦЕВ.

I. Марат.

Марат. - Несоответствие между его способностями и притязаниями.

-Маньяк. -Амбициозный бред. -Ярость преследования.

-Постоянный кошмар. -Гомицидальное безумие.

Три человека среди якобинцев - Марат, Дантон и Робеспьер - заслужили преобладание и удерживали власть: это потому, что они, в силу уродства или искривления ума и сердца, отвечали необходимым условиям.

Из всех троих Марат - самый чудовищный; он почти сумасшедший, и в нем проявляются главные черты - неистовая экзальтация, постоянное перевозбуждение, лихорадочное беспокойство, неистощимая склонность к писанине, этот умственный автоматизм и целеустремленность, сдерживаемые и управляемые неподвижной идеей. Кроме того, он проявляет обычные физические симптомы, такие как бессонница, бледный цвет лица, вспыльчивость, неряшливость в одежде и поведении,³¹⁰¹ а в последние пять месяцев жизни - сыпь и зуд по всему телу.³¹⁰² Выходец из неблагополучной семьи, рожденный от смешанной крови и запятанный серьезными моральными переживаниями,³¹⁰³ он несет в себе особый зародыш: физически он урод, морально - притворщик, жаждущий всех выдающихся мест. Его отец, врач, с раннего детства предполагал, что он станет ученым; мать, идеалистка, готовила его к тому, чтобы он стал филантропом, а сам он всегда стремился к обеим вершинам.

"В пять лет, - говорит он, - мне было бы приятно стать школьным учителем, в пятнадцать - профессором, в восемнадцать - писателем, в двадцать - творческим гением"³¹⁰⁴, а впоследствии, до последнего, - апостолом и мучеником человечества. "С самого раннего детства я испытывал острую любовь к славе, которая меняла свой объект на разных этапах моей жизни, но не покидала меня ни на минуту". В течение тридцати лет он скитался по Европе или жил в Париже, ведя кочевую жизнь, занимая подчиненные должности, его критиковали как автора, ему не доверяли как ученому и игнорировали как философа, он был третьесортным политическим писателем, стремился к любой известности и к любой чести, постоянно выставляя себя кандидатом и так же постоянно отвергаемый, - слишком велика была диспропорция между его способностями и амбициями! Не обладая талантами,³¹⁰⁵ не имея критического чутья и посредственного ума, он был способен лишь преподавать какую-нибудь отрасль наук или заниматься каким-нибудь из искусств, либо в качестве профессора или доктора, более или менее смелого и удачливого, либо следовать, время от времени отступаясь то в одну, то в другую сторону, по четко намеченному для него пути. "Но, - говорит он, - я постоянно отказывался от любого предмета, который не обещал показать мою оригинальность и дать отличные результаты, ибо я не могу решиться на то, чтобы заниматься предметом, уже хорошо сделанным другими", - следовательно, когда он пытается оригинальничать, он просто подражает или совершает ошибки. Его трактат "Человек" - это мешанина физиологических и моральных общих мест, состоящая из плохо переваренного чтения и слов, нанизанных друг на друга **бессистемно**³¹⁰⁶, беспричинных и бессвязных предположений, в которых доктрины семнадцатого и восемнадцатого веков, соединенные вместе, заканчиваются пустой фразеологией. "Душа и тело - это отдельные субстанции, не имеющие между собой никакой существенной связи, соединенные между собой исключительно посредством нервной жидкости"; эта жидкость не желатиновая, поскольку спирт, которым она обновляется, не содержит желатина; душа, возбуждаемая этим, возбуждает и то; отсюда и место, отведенное ей "в мозгу". Его "Оптика"³¹⁰⁷ - это обратная сторона великой истины, уже открытой Ньютоном более чем за столетие до этого и подтвержденной еще более чем столетием экспериментов и расчетов. В "Теплоте" и "Электричестве" он лишь выдвигает слабые гипотезы и литературные обобщения; однажды, припертый к стенке, он вставляет иглу в смолу, чтобы сделать ее проводником, и на этом научном трюкачестве его ловит физик **Чарльз**³¹⁰⁸. Он даже не в состоянии понять великих первооткрывателей своего века, Лапласа, Монжа, Лавуазье или Фуркруа; напротив, он клеветает на них в стиле низкого мятежного подчиненного, который без тени претензий

стремится занять место законных авторитетов. В "Политике" он перенимает все нелепые идеи, выходящие из моды и основанные на естественном праве "Социального договора", которые он делает еще более абсурдными, повторяя как свои собственные аргументы, выдвигаемые этими неуклюжими социалистами, которые, физиологи, заблудившиеся в моральном мире, выводят все права из физической необходимости.

"Все права человека вытекают из физических [потребностей](#)³¹⁰⁹... Если у человека ничего нет, он имеет право на любой излишек, которым питается другой". Что я говорю? Он имеет право захватить самое необходимое, и, вместо того чтобы умереть от голода, он может перерезать другому горло и съесть его пульсирующую плоть..... Человек имеет право на самосохранение, на собственность, свободу и даже жизнь своих собратьев. Чтобы избежать угнетения, он имеет право подавлять, связывать и убивать. Он волен делать все, что ему заблагорассудится, чтобы обеспечить свое собственное счастье".

К чему это приводит, достаточно ясно. Но, каковы бы ни были последствия, что бы он ни писал и ни делал, он всегда превозносит себя и всегда в противоположном смысле, превозносясь своим энциклопедическим бессилием не меньше, чем своим социальным озорством. Если верить ему на слово, его открытия в области физики сделают его [бессмертным](#)³¹¹⁰:

"Они, по крайней мере, произведут полное преобразование в оптике..... Истинные первобытные цвета были неизвестны до меня".

Он - Ньютон, и даже лучше. До его появления "место, занимаемое электрическим флюидом в природе, рассматриваемым как универсальный агент, полностью игнорировалось. ...Я сделал его известным таким образом, чтобы не оставалось никаких сомнений на этот счет ["31113112](#). Что касается теплотворной жидкости, "этой субстанции, неизвестной до моего открытия, я освободил теорию от всех гипотез и предположений, от всех алембических аргументов; я очистил ее от ошибок, я сделал ее интуитивной; я изложил это в небольшом томе, который предаст забвению все, что до сих пор издавали научные организации по этому вопросу". ["3112](#) До появления трактата "Человек" отношения между моралью и физикой были непостижимы. "Декарт, Гельвеций, Хайлер, Лекат, Юм, Вольтер, Бонне считали это непроницаемой тайной, "энigmой". Он решил проблему, он определил местонахождение души, он определил средство, с помощью которого душа общается с телом.[3113](#) В высших науках, тех, что рассматривают природу в целом или человеческое общество, он достигает кульминации. "Я полагаю, что исчерпал все возможности человеческого интеллекта в отношении морали, философии и политической науки".[3114](#) Он не только открыл истинную теорию правления, но и стал государственным деятелем, практиком, способным предсказывать будущее и определять ход событий. В среднем два раза в неделю он делает предсказания, которые всегда оказываются верными; уже во время первых заседаний Конвента он утверждает, что сделал "триста предсказаний по ведущим пунктам Революции, и все они оправдались" ["3115](#). Перед лицом Учредителей, которые так медленно разрушают и перестраивают, он достаточно силен, чтобы в один миг снести, поставить и завершить.

"Если бы я был одним из народных [трибунов](#)³¹¹⁶ и меня поддерживали бы несколько тысяч решительных людей, я бы ответил, что за шесть недель конституция была бы доведена до совершенства, политическая машина отлажена, а нация свободна и счастлива. Менее чем через год здесь было бы процветающее, грозное правительство, которое оставалось бы таковым до тех пор, пока я жив."- При необходимости он мог бы выступить в качестве главнокомандующего армией и всегда быть победителем: дважды видя, как вендийцы ведут бой, он закончил бы войну "при первой же стычке" ["3117](#)- "Если бы я мог выдержать поход, я

бы отправился лично и осуществил свои взгляды. Во главе небольшого отряда надежных солдат мятежников можно было бы легко уничтожить до последнего человека, причем за один день. Я знаю кое-что о военном искусстве, и, не хвастаясь, могу сказать, что мне удалось добиться успеха". Если возникают какие-либо трудности, это происходит из-за того, что его советы не были приняты; он - великий политический врач: его диагноз с самого начала революции всегда верен, его прогноз непогрешим, его терапия эффективна, гуманна и целебна. Он предлагает панацею, и ему должно быть позволено ее прописывать; только, чтобы обеспечить удовлетворительное действие, он должен сам вводить дозу. Поэтому пусть в его руки будет вложен общественный ланцет, чтобы он мог выполнять гуманную операцию кровопускания". "Таково мое мнение. Я опубликовал их в своих работах. Я подписал их своим именем и не стыжусь этого..... Если вы не равны мне и не способны меня понять, тем хуже для вас".³¹¹⁸ Иными словами, в своих собственных глазах Марат опережает всех остальных и, благодаря своему превосходному гению и характеру, является настоящим спасителем.

Таковы симптомы, по которым медики сразу же распознают одного из тех частичных сумасшедших, которых можно не сажать в тюрьму, но которые тем более опасны³¹¹⁹; болезнь, как они выразились бы технически, можно назвать амбициозным бредом, хорошо известным в психушках. Две предрасположенности, одна - привычно извращенное суждение, другая - колоссальный избыток самооценки³¹²⁰, составляют ее источники, и нигде обе они не проявляются в такой степени, как у Марата. Никогда еще человек с такой разносторонней культурой не обладал таким неизлечимо извращенным интеллектом. Никогда человек после стольких неудачных спекуляций и стольких повторных злоупотреблений не зарождал и не поддерживал столь высокого мнения о себе. Каждый из этих двух источников в нем усиливает другой: благодаря своей способности не видеть вещи такими, какие они есть, он приписывает себе добродетель и гениальность; удовлетворенный тем, что обладает гением и добродетелью, он считает свои проступки заслугами, а свои прихоти - истинами. Отныне, спонтанно, его болезнь идет своим чередом и усложняется; к честолюбивому бреду приходит мания преследования. В сущности, очевидные или доказанные истины, которые он выдвигает, должны сразу же поражать публику; если же они горят медленно или не разгораются, то это происходит потому, что их вытесняют враги или завистники; очевидно, что они сговорились против него, и против него никогда не прекращались заговоры. Сначала был заговор философов: когда его трактат "Человек" был отправлен в Париж из Амстердама, "они почувствовали, что я наношу удар по их принципам, и задержали книгу на таможне".³¹²¹ Затем последовал заговор врачей: "Они с горечью оценили мои огромные доходы. Если бы потребовалось, я мог бы доказать, что они часто собирались вместе, чтобы обдумать лучший способ уничтожить мою репутацию". И, наконец, заговор академиков: "позорное преследование, которому я подвергался в течение двух лет со стороны Академии наук, после того как мне стало ясно, что мои открытия в области света разрушают все, что она делала в течение столетия, и что я совершенно равнодушен к тому, чтобы стать членом ее органа..... Можно ли поверить, что этим шарлатанам от науки удалось занизить значение моих открытий во всей Европе, возбудить против меня все общества сциентистов и закрыть против меня все газеты?"³¹²² Естественно, что человек, которого хотят преследовать, защищается, то есть нападает. Естественно, поскольку он является агрессором, ему дают отпор и отбрасывают, и, создав воображаемых врагов, он создает реальных, особенно в политике, где, руководствуясь принципами, он ежедневно проповедует мятежи и убийства. И наконец, его, конечно, преследуют, осуждают в суде Шатле, отслеживает полиция, он вынужден летать и скитаться из одного укрытия в другое, жить, как летучая мышь, "в подвале, под землей, в темной темнице"³¹²³; однажды, говорит его друг Панис, он провел "шесть недель, сидя на спине", как сумасшедший, в своей камере, лицом к лицу со своими грезами. - Не удивительно, что

при такой системе грезы становились все более интенсивными, все более мрачными и, наконец, переходили в подтвержденный кошмар; что в его искаженном мозгу предметы казались искаженными; что даже при полном дневном свете люди и вещи казались искаженными, как в увеличивающем, смещающем зеркале; что часто, когда цифры (его журнала) казались слишком кровожадными, а хроническая болезнь слишком острой, его врач пускал ему кровь, чтобы остановить эти приступы и предотвратить их [возвращение3124](#).

Но это вошло в привычку: отныне ложь растет в его мозгу, как на родной почве; насаждая иррациональное, он культивирует абсурд, даже физический и математический. "Если мы включим всех, - говорит он3125, - то патриотический налоговый взнос в размере одной четверти всех доходов даст, по крайней мере, 4860 миллионов, а возможно, и вдвое больше". На эту сумму М. Неккер может собрать пятьсот тысяч человек, которых он рассчитывает использовать для покорения Франции. - Со времени взятия Бастилии "одни только растраты муниципалитета составляют двести миллионов". Суммы, прикармливаемые Бейли, оцениваются более чем в два миллиона; то, что "Моттье" (Лафайет) взял за последние два года, не поддается исчислению. "3126 На 15 ноября 1791 года собрание эмигрантов насчитывает "не менее 120 000 бывших дворян и обученных партизан и солдат, не считая сил немецких князей, которые вот-вот присоединятся к ним."3127 Вследствие этого, как и его собрат в Бикетре (психушке), он беспрестанно бредит об ужасном и нецензурном: началось шествие ужасных и отвратительных [фантомов3128](#). По его словам, ученые, которые не предпочитают восхищаться им, - глупцы, шарлатаны и плагиаторы. Лаплас и Монж - это даже "автоматы", то есть вычислительные машины; Лавуазье, "признанный отец всех открытий, вызывающих сенсацию в мире, не имеет ни одной собственной идеи"; он крадет у других, не понимая их, и "меняет свою систему, как меняют обувь". Фуркруа, его ученик и трубач, еще тоньше. Все они негодяи: "Я мог бы привести сотню случаев нечестности парижских академиков, сотню случаев нарушения доверия"; двенадцать тысяч франков были доверены им для выяснения того, как управлять воздушными шарами, и "они поделили их между собой, растратив в Рапе, опере и борделях"3129 В мире политики, где дебаты - это сражения, все еще хуже. В издании Марата "Друг народа" противники - просто негодяи. Восхваление мужества и бескорыстия Лафайета, как нелепо Если он уехал в Америку, то потому, что был брошен "мессалиной"; он содержал там артиллерийский парк, как "пороховые обезьяны смотрят за вагонами с боеприпасами"; "это его единственные подвиги; кроме того, он вор". Байи - тоже вор, а Мабуэ - "клоун". Неккер задумал "ужасный проект уморить народ голодом и отравить его; он навеки навлек на себя презрение французов и отвращение человечества" - Что такое Учредительное собрание, как не набор "низких, необузданных, подлых, глупых парней?"Бесславные законодатели, мерзкие негодяи, чудовища, жаждущие золота и крови, вы торгуете монархом, нашими состояниями, нашими правами, нашими свободами, нашими жизнями!" - "Второй законодательный корпус не менее гнилой, чем первый." - В Конвенте Ролан, "официозный Жиль и фальшивомонетчик Паскен, является позорным главой монополистов." "Иснар - жонглер, Бузо - Тартюф, Верньо - полицейский шпион. "3130 Когда безумец видит вокруг себя, на полу, на стенах, на потолке, жаб, скорпионов, пауков, стаи ползающих, отвратительных паразитов, он думает только о том, чтобы раздавить их, и болезнь вступает в свою последнюю стадию: после честолюбивого бреда, мании преследования и оседлого кошмара наступает мания убийства.

С Маратом это случилось в самом начале Революции. Болезнь была врожденной, он был заранее привит. Он заразился ею всерьез, по принципу; никогда не было более явного случая преднамеренного безумия. С одной стороны, выводя права человека из физической необходимости, он заключил, "что общество обязано тем из своих членов, у кого нет собственности и чей труд едва хватает на их содержание, гарантированным пропитанием,

средствами, чтобы накормить, разместить и одеть себя подобающим образом, обеспечить уход в болезни и при наступлении старости, а также воспитание детей. Те, кто погряз в богатстве, должны (тогда) обеспечивать потребности тех, кому не хватает самого необходимого для жизни". В противном случае "честный гражданин, которого общество бросает в нищету и отчаяние, возвращается к естественному состоянию и праву насильственно требовать преимуществ, которые были отчуждены им лишь для получения больших. Всякая власть, противостоящая этому, является тиранической, а судья, приговаривающий человека к смерти (через это), - просто трусливым убийцей" **3131**.

Таким образом, бесчисленные бунты, которые вызывает голод, находят оправдание, и, поскольку голод постоянен, ежедневные бунты законны. С другой стороны, изложив принцип народного суверенитета, он выводит из него "священное право избирателей увольнять своих делегатов"; хватать их за горло, если они уклоняются, удерживать их на правильном пути страхом и сворачивать им шеи, если они пытаются голосовать неправильно или плохо управлять. Теперь они всегда подвержены этому искушению.

"Если и есть какая-то вечная истина, в которой важно убедить человека, так это то, что смертельным врагом народа, которого он больше всего должен бояться, является правительство." - "Любой министр, который остается на своем посту более 2 дней, как только министерство становится способным к заговору против страны, становится "подозреваемым". **3132 - будьте же счастливы** Так, несчастные в городе и деревне, рабочие без работы, уличные бродяги без топлива и крова, спящие под мостами, бродяги на дорогах, нищие, оборванные бродяги, калеки и бродяги, и схватите своих неверных представителей! - 14 июля и 5 и 6 октября "народ имел право не только казнить некоторых заговорщиков военным способом, но и обезвредить их всех, предать мечу все тело королевских сателлитов, объединившихся для нашей гибели, все стадо предателей страны, любого состояния и степени". "Никогда не ходите в Собрание, "не набивая карманы камнями и не бросая их в наглых негодяев, проповедующих монархические максимы"; "я не рекомендую вам никакой другой меры предосторожности, кроме как сказать их соседям, чтобы они остерегались" **3134** - "Мы не требуем отставки министров - мы требуем их голов. Мы требуем головы всех чиновников кабинета в Собрании, вашего мэра, вашего генерала, головы большинства штабных чиновников, большинства муниципальных советов, главных агентов исполнительной власти в королевстве". Что толку от таких полумер, как разграбление отеля де Кастрис? **3135**

"Отомстите за себя с умом! Смерть! Смерть - единственное наказание для предателей, жаждущих уничтожить вас. Только она вселяет в них ужас. Следуйте примеру ваших непримиримых врагов! Будьте всегда вооружены, чтобы они не смогли сбежать через препоны закона! Зарежьте их на месте или вышибите им мозги!" - "Двадцать четыре миллиона людей кричат в унисон: Граждане, если черные, гангренозные, архигангренозные чиновники осмелятся принять законопроект о сокращении и реорганизации армии, то вы построите восемьсот эшафотов в саду Тюильри и повесите на них каждого предателя своей страны - этого позорного Рикетти, графа де Мирабо, во главе их - и в то же время воздвигнете посреди бассейна фонтана большую кучу бревен, чтобы поджарить министров и их инструменты!" **3136** - Если бы "Друг народа" собрал вокруг себя две тысячи человек, полных решимости "спасти страну, он пошел бы и вырвал сердце у этого адского Моттье в окружении его батальонов рабов; он пошел бы и сжег монарха и его приспешников в его дворце, насадил бы депутатов на их скамьи и похоронил бы их под пылающими развалинами их логова" **3137** - О первом пушечном выстреле на границе,

"Необходимо, чтобы народ закрыл ворота городов и без колебаний расправился со всеми священниками, чиновниками и антиреволюционерами, известными подстрекателями и их сообщниками" ³¹³⁷ - "Народным магистратам следовало бы постоянно изготавливать большое количество крепких, острых, коротких, обоюдоострых ножей, чтобы вооружить каждого гражданина, известного как друг своей страны. Искусство боя с этим страшным оружием заключается в следующем: Использовать левую руку как пряжку, прикрыть ее до подмышек рукавом, простеганным каким-нибудь шерстяным материалом, набитым тряпками и волосами, и затем броситься на врага, правой рукой орудуя ножом".³¹³⁸ - **Давайте** использовать эти ножи как можно скорее, ибо "какие средства остаются нам теперь, чтобы покончить с проблемами, которые нас одолевают? Повторяю, никакого другого, кроме казней народных. "³¹³⁹ - Трон наконец-то пал, но "будьте осторожны, не поддавайтесь ложной жалости! Никакой четверти! Я советую вам уничтожить антиреволюционных членов муниципалитета, мировых судей, членов департаментов и Национального собрания".³¹⁴⁰ Вначале было достаточно нескольких жизней: "пятьсот голов должны были пасть при взятии Бастилии, и тогда все пошло бы на лад". Но из-за непредусмотрительности и робости злу позволили распространиться, и чем больше оно распространялось, тем больше должна была быть ампутация. С уверенным, острым взглядом хирурга Марат указывает ее размеры; он сделал расчет заранее. В сентябре 1792 года, выступая в Совете Коммуны, он называет сорок тысяч голов, которые должны быть преданы земле.³¹⁴¹ Шесть недель спустя, когда социальный нарыв чрезвычайно разросся, цифры раздуваются пропорционально; теперь он требует двести семьдесят тысяч **голов**³¹⁴², всегда руководствуясь соображениями гуманности, "для обеспечения общественного спокойствия", при условии, что операция будет поручена ему, как временному исполнителю правосудия. -За исключением этого последнего пункта, все остальное было предоставлено ему; жаль, что он не смог своими глазами увидеть полное выполнение своей программы, партии, осужденные революционным трибуналом, резню в Лионе и Тулоне, утопление в Нанте. -От начала и до конца он шел в ногу с Революцией, прозревая благодаря своей слепоте, благодаря своей безумной логике, благодаря совпадению своего личного недуга с общественным, благодаря раннему проявлению своего полного безумия посреди неполного или запоздалого безумия остальных, он один был тверд, неумолим, победоносен, с первого удара взобравшись на острую вершину, на которую его соперники не решались взобраться или только оступались.

II. Дантон.

Дантон - богатство его способностей - несоответствие между его состоянием и инстинктами. - Варвар. - Его работа. - Его слабость.

В Дантоне нет ничего от сумасшедшего; напротив, его интеллект не только здоров, но он обладает политическими способностями в выдающейся степени, причем настолько, что в этом отношении никто из его соратников или противников не сравнится с ним, а среди

людей Революции только Мирабо равен ему или превосходит его. Он оригинальный, спонтанный гений, а не, как большинство его современников, спорщик, гоняющий перо [теоретик314](#), то есть фанатичный педант, искусственное существо, состоящее из своих книг, мельничная лошадь с мигалками, вращающаяся по кругу без конца. Его свободному суждению не мешают абстрактные предрассудки: он не носит с собой ни общественного договора, как Руссо, ни, как Сийес, социального искусства и кабинетных принципов или [комбинаций314](#); он держался в стороне от них инстинктивно и, возможно, из-за презрения к ним; у него не было в них нужды; он не знал бы, что с ними делать. Системы - это костыли для бессильного, пока он трудоспособен; формулы служат очками для близорукого, пока у него хорошие глаза. "Он очень мало читал и размышлял", - говорит один ученый и философский [свидетель3145](#); "его знания были скудны, и он не гордился исследованиями; но он наблюдал и видел... Его природная способность, которая была очень велика и не поглощалась другими вещами, была естественно закрыта для смутных, сложных и ложных понятий и естественно открыта для каждого понятия опыта, истина которого становилась очевидной".

Следовательно, "его восприятие людей и вещей, внезапное, ясное, беспристрастное и истинное, было инстинктом с твердой, практической рассудительностью". Формировать ясное представление о расходящихся или согласных склонностях, переменчивых или искренних, действительных или возможных, различных партий и двадцати шести миллионов душ, справедливо оценивать возможные сопротивления и рассчитывать имеющиеся силы, распознавать и использовать один решающий момент, комбинировать исполнительные средства, находить людей действия, измерять произведенный эффект, предвидеть ближайшие и отдаленные случайности, ни о чем не сожалеть и принимать вещи хладнокровно, принимать преступления пропорционально их политической эффективности, уклоняться перед непреодолимыми препятствиями, даже пренебрегая существующими нормами, рассматривать предметы и людей так же, как инженер, заключающий контракт на поставку машин и рассчитывающий мощность лошадиных [сил3146](#) - вот способности, которые он доказал 10 августа и 2 сентября, во время своего фактического диктаторства с 10 августа по 21 сентября, затем в Конвенте, в первом Комитете общественной безопасности, 31 мая и 2 июня:[3147](#) мы видели его занятым работой. До последнего, несмотря на своих приверженцев, он старался уменьшить или, по крайней мере, не увеличивать сопротивление, которое приходилось преодолевать правительству. Почти до последнего, несмотря на своих противников, он старался увеличить или, по крайней мере, не уничтожить имеющиеся у правительства силы. Вопреки воплям клубов, требовавших истребления пруссаков, захвата короля Пруссии, свержения всех тронов и убийства Людовика XVI, он договорился о почти мирном уходе [Брауншвейга3148](#); он стремился отделить Пруссию от [коалиции3149](#); он хотел превратить войну пропаганды в войну [интересов315](#); он заставил Конвент принять декрет о том, что Франция ни в коем случае не будет вмешиваться в дела иностранных правительств; он обеспечил союз со Швецией; он заранее прописал основы Базельского договора и имел намерение спасти [короля3151](#). Несмотря на недоверие и нападки жирондистов, которые стремились дискредитировать его и убрать с дороги, он упорно предлагал им свою руку; он объявил им войну только потому, что они отказались заключить [мир3152](#), и предпринял усилия, чтобы спасти их, когда они были в упадке. Среди стольких болтунов и писак, чья логика сводится к словам, а ярость слепа, которые перемалывают фразы, как ручной орган, или заводятся для убийства, его интеллект, всегда емкий и гибкий, шел прямо к фактам, не уродуя и не извращая их, но принимая их, приспособляясь к ним и постигая их. С таким умом далеко пойдешь, в каком бы направлении он ни двигался; остается только выбрать свой путь. Мандрин при древнем режиме также был, подобным образом, превосходным [человеком3153](#); только он выбрал дорогу.

Между демагогом и разбойником сходство очень близкое: оба - лидеры групп, и каждому нужна возможность организовать свою группу. Дантону, чтобы организовать свою группу, нужна была Революция. "Низкого происхождения, без покровительства", без гроша в кармане, все должности были заняты, а "парижская адвокатура стоила непомерно дорого", принятый адвокатом после "борьбы", он долго бродил без работы, часто посещая кофейни, так же, как сегодня подобные люди посещают бары. В "Кафе де л'Эколь" владелец, добродушный старик "в маленьком круглом парике, сером пальто и с салфеткой на руке", ходил между столиками, приветливо улыбаясь, а его дочь сидела сзади в качестве кассира.³¹⁵⁴ Дантон болтал с ней и требовал ее руки для брака. Чтобы получить ее, ему пришлось изменить свое поведение, купить адвокатскую практику в суде Королевского совета и найти поручителей и спонсоров в своем маленьком родном городе.³¹⁵⁵ Женившись и поселившись в мрачном Пассаж дю Коммерс, он обнаруживает, что "больше обременен долгами, чем делами", привязан к сидячей профессии, требующей энергичного приложения сил, точности, умеренного тона, респектабельного стиля и безупречного поведения; вынужден содержать дом на столь малые средства, что без помощи луидоров, регулярно выдаваемых ему каждую неделю его тестем из кофейни, он не мог бы сводить концы с [концами](#)³¹⁵⁶. Его свободные и непринужденные вкусы, его попеременно порывистый и ленивый нрав, его любовь к удовольствиям и собственному поведению, его грубые, жестокие инстинкты, его экспансивность, творческий подход и активность - все это восстает против такой жизни: он плохо приспособлен к спокойной рутине нашей гражданской карьеры. Ему подходит не устойчивая дисциплина старого общества, а бурная жестокость общества, разваливающегося на части или находящегося в состоянии становления. По темпераменту и характеру он варвар, причем варвар, рожденный повелевать своими сородичами, как тот или иной вассал шестого века или барон десятого столетия. Гигант с лицом "татарина", изрытым оспой, трагически и ужасно уродливый, с маской, судорожно сведенной, как у рычащего "быка-собаки"³¹⁵⁷, с маленькими, пещерными, беспокойными глазами, скрытыми под огромными морщинами угрожающего лба, с громовым голосом,двигающийся и действующий как боец, полнокровный, кипящий страстью и энергией. Его сила в своих вспышках кажется безграничной, как сила природы, когда он говорит, то ревет как бык и его слышно через закрытые окна за пятьдесят ярдов на улице, использует неумеренные образы, предельно серьезен, трепещет от негодования, мести и патриотических чувств, способен пробудить дикарские инстинкты в самой спокойной груди и великодушные инстинкты в самых жестоких [личностях](#)³¹⁵⁸. Он может сквернословить, употребляя эмфатические [выражения](#)³¹⁵⁹, быть циничным, но не монотонным и аффектированным, как Эбер, а спонтанным и метким, полным грубых шуток, достойных Рабле, обладающим запасом веселой чувственности и добродушия, радушным и привычным в обращении, откровенным, дружелюбным в тоне. Как внешне, так и внутренне он как нельзя лучше подходит для того, чтобы завоевать доверие и симпатии галльского, парижского населения. Все его таланты способствуют "его врожденной, практической популярности" и делают из него "гранд-сеньора sans-cullotterie".³¹⁶⁰ При таких актерских талантах возникает сильное искушение разыграть ее в тот же момент, когда театр будет готов, каким бы ни был театр, даже незаконным и мутным, какими бы ни были актеры - негодьями, мерзавцами и распутными женщинами, какой бы ни была роль, неблагородной, убийственной и в конце концов роковой для того, кто берется за нее.-Чтобы устоять перед таким искушением, необходимо чувство отвращения, которое утонченная или основательная культура развивает как в чувстве, так и в уме, но которое совершенно отсутствовало у Дантона. Ничто не вызывает у него ни физического, ни морального отвращения: он обнимает [Марата](#)³¹⁶¹, общается с пьяницами, поздравляет септембристов, в черных выражениях отвечает на оскорбления проституток, обращается на равных с порицателями, ворами и

тюремщиками, - Карра, Вестерманном, Гугеном, Россиньоном и теми закоренелыми негодьями, которых он посылает в департаменты после 2 сентября.

"Эх! Что за черт! Как вы думаете, стоит ли посылать молодых мисс?" [3162](#) Мусорщики нужны для уборки мусора; нельзя задирать нос, когда они приходят за жалованьем; надо хорошо платить им, говорить с ними ободряюще и оставлять им достаточно места для локтя. Дантон охотно играет роль огня и смиряется с пороками; у него нет угрызений совести, он позволяет людям цапаться и брать. Он крадет столько же, чтобы отдать, сколько и оставить, чтобы сохранить свою роль, столько же, сколько и извлечь из нее выгоду, сводит счеты, тратя деньги двора против двора, вероятно, внутренне усмехаясь, как крестьянин в кофте, опередивший своего хорошо одетых помещиков, или как франк, которого древний историк описывает как подглядывающего за тем, чтобы прикарманить римское золото и тем самым развязать войну против Рима. -Прививка к этому плебейскому саженцу не прижилась; в нашем современном саду он остается, как в древнем лесу; его энергичный сок сохраняет свою первобытную расовость и не дает ни одного из прекрасных плодов нашей цивилизации, нравственного чувства, чести и совести. Дантон не уважает ни себя, ни других; милые, деликатные ограничения, ограничивающие человеческую личность, кажутся ему юридическими условностями и простой салонной вежливостью. Как Кловис, он попирает это, и как Кловис, равный ему по способностям, по сходным приемам и с еще худшей ордой за спиной, он бросается наперерез обществу, чтобы, шатаясь, разрушить и перестроить его к своей выгоде.

С самого начала он постиг особый характер и нормальную процедуру Революции, то есть полезную силу народной жестокости: в 1788 году он уже участвовал в мятежах. Он с самого начала осознал конечную цель и определенный результат революции, то есть диктатуру жестокого меньшинства. Сразу же после 14 июля 1789 года он организовал в своем квартале [города](#)[3163](#) маленькую независимую республику, агрессивную и доминирующую, центр фракции, убежище для бездельников и место встречи фанатиков, столпотворение, состоящее из всех доступных безумцев, всех плутов, провидцев, заплочных дел мастеров, газетных писак и ораторов, Камиль Десмулен, Фрерон, Эбер, Шометт, Клуц, Теруань, Марат, - а пока в этом более чем якобинском государстве, образце, предвосхищающем то, которое он создаст позже, он царствует, как будет царствовать впоследствии, бессменный президент округа, командир батальона, оратор клуба и изобретатель смелых начинаний. Здесь царит узурпация, нет признания законной власти; они бравируют королем, министрами, судьями, Собранием, муниципалитетом, мэром, комендантом Национальной гвардии. Природа и принцип ставят их выше закона; округ берет Марата под свою защиту, выставляет у его дверей двух часовых, чтобы защитить его от преследований, и применяет оружие против вооруженных сил, посланных с ордером на его арест.[3164](#) И еще, от имени города Парижа, "главного часового нации", они берут на себя управление Францией: Дантон является в Национальное собрание и заявляет, что граждане Парижа являются естественными представителями восьмидесяти трех департаментов, и призывает его, по их требованию, отменить принятый им акт.[3165](#) В этом выражена вся якобинская концепция: Дантон, с его острой проницательностью, воспринял все это и провозгласил в соответствующих выражениях; чтобы применить это в настоящее время в большом масштабе,[3166](#) достаточно перейти от малого театра к большому, от клуба Кордельеров к Коммуне, к министерству и Комитету общественной безопасности, и во всех этих театрах он играет одну и ту же роль с одной и той же целью и одними и теми же результатами. Деспотия, созданная путем завоевания и поддерживаемая террором, деспотия якобинского парижского сброда, - вот цель, к которой он прямо идет. Он не использует никаких других средств и, приспособивая средства к цели, а цель - к средствам, управляет важными днями и подстрекает к

решительным мерам Революции: 10 августа³¹⁶⁷, 2 сентября, 31 мая, 2 июня³¹⁶⁸; декрет о создании армии платных санкюлотов, "чтобы сдерживать аристократов своими пиками"; декрет в каждой коммуне, где зерно дорого, о налогообложении богатых, чтобы хлеб был доступен бедным³¹⁶⁹; ³¹⁶⁹ декрет о выдаче рабочим сорока су за участие в заседаниях собраний секций; ³¹⁷⁰ учреждение революционного трибунала; ³¹⁷¹ предложение о превращении Комитета общественной безопасности во временное правительство; провозглашение Террора; концентрация якобинского рвения на полезных делах; привлечение восьми тысяч делегатов первичных собраний, которые были отправлены домой в качестве вербовщиков для всеобщего вооружения; ³¹⁷² подстрекательские высказывания молодых людей на границе; мудрые резолюции об ограничении массовых сборов мужчинами от восемнадцати до двадцати пяти лет, которые положили конец скандальным песням и танцам населения в самом зале Конвента.³¹⁷³

Для того чтобы установить машину, он расчистил площадку, сплавил металл, выбил основные части, зачистил мозоли, разработал механизм, отрегулировал второстепенные колеса, привел в движение и указал, что она должна делать, и в то же время выковал броню, которая защищала ее от чужаков и внешнего насилия. Машина принадлежала ему, но почему, создав ее, он не стал ее инженером?

Потому что, если он был компетентен в ее создании, он не был компетентен в управлении ею. В кризисной ситуации он может протянуть руку помощи, заручиться поддержкой собрания или толпы, руководить на несколько недель исполнительным комитетом. Но регулярный, упорный труд ему противен; он не создан для бухгалтерии³¹⁷⁴, для бумажной и административной работы. Никогда, подобно Робеспьеру и Бийо, он не сможет одновременно выполнять официальные и полицейские обязанности, внимательно читая ежедневные отчеты, аннотируя списки морга, составляя витиеватые абстракции, хладнокровно излагая ложь и изображая терпеливого, довольного инквизитора; и уж тем более он никогда не сможет стать систематическим палачом. -С одной стороны, его глаза не затуманены серой пеленой теории: он рассматривает людей через "Contrat-Social" не как сумму арифметических единиц,³¹⁷⁵ а как они есть на самом деле, живые, страдающие, проливающие свою кровь, особенно те, кого он знает, каждый со своей особенной физиономией и поведением. Все это вызывает сострадание, если у человека есть хоть какое-то чувство, а у него оно было. У Дантона было сердце; у него была быстрая чувствительность человека из плоти и крови, возбужденная первобытными инстинктами, хорошими и плохими, инстинктами, которые культура не ослабила и не заглушила, которые позволили ему спланировать и разрешить сентябрьскую резню, но которые не позволили ему ежедневно и слепо практиковать систематическое и массовое убийство. Уже в сентябре, "скрывая свою жалость под ревом" ³¹⁷⁶, он укрыл или спас от мясников многих выдающихся людей. Когда топор вот-вот обрушится на жирондистов, он "болен горем" и отчаянием. "Я не в силах их спасти", - восклицает он, и крупные слезы текут по его щекам". С другой стороны, его глаза не закрыты повязкой неспособности или отсутствия дальновидности. Он распознал врожденный порок системы, неизбежное и приближающееся самоубийство Революции.

"Жирондисты заставили нас броситься в сан-кулоттерию, которая сожрала их, сожрет нас и сожрет сама себя. "³¹⁷⁷ - "Оставьте Робеспьера и Сен-Жюста в покое, и скоро во Франции не останется ничего, кроме Тебиады политических траппистов. "^{3178-B} конце концов он видит все еще более ясно:

"В такой день я организовал Революционный трибунал: Я прошу прощения за это у Бога и у людей... Во время революций власть остается у самых больших негодяев... Лучше быть бедным рыбаком, чем управлять людьми "³¹⁷⁹.

Но он стремился управлять ими; он сконструировал для этого новую машину, и, глухая к ее визгу, она работала в соответствии со структурой и импульсом, который он ей дал. Она возвышается перед ним, эта зловещая машина, с ее огромным колесом и железными зубьями, перемалывающими всю Францию, с их умножившимися зубьями, выдавливающими каждую отдельную жизнь, ее стальное лезвие постоянно поднимается и опускается, и, играя все быстрее и быстрее, ежедневно требует все больше и больше человеческого материала, в то время как те, кто обеспечивает это снабжение, считаются такими же бесчувственными и такими же бессмысленными, как и она сама. Этот Дантон не может, не хочет... Он уходит с дороги, отвлекается, играет в азартные игры,³¹⁸⁰ забывает; он полагает, что титулованные обезглавливатели, вероятно, согласятся не обращать на него внимания; в любом случае они не преследуют его; "они не посмеют этого сделать". "Никто не должен наложить на меня руки, я - ковчег". В худшем случае он предпочитает "быть гильотинированным, а не гильотиной" - сказав или подумав это, он уже созрел для эшафота.

III. Робеспьер.

Робеспьер.- Посредственность его способностей.- Педант.
-Отсутствие идей.-Изучение фраз.-Уязвленное самолюбие.
-Его увлечение.-Он играет жертву.-Его мрачные фантазии.-Его
Сходство с Маратом.-Разница между ним и Маратом.
-Искренний лицемер.- Праздник в честь Верховного
Праздник в честь верховного существа и закон Прериала 22.- Внешний и
Внешние и внутренние черты Робеспьера и Революции.

Даже имея твердую решимость оставаться главнокомандующим, Дантон никогда не мог быть идеальным представителем Революции. Это вооруженное, но философское ограбление; его кредо включает в себя грабеж и убийство, но только как нож в ножнах; показушные, полированные ножны предназначены для публичного показа, а не острое и кровавое лезвие. Дантон, как и Марат, позволяет лезвию быть слишком заметным. При одном только виде Марата, грязного и неряшливого, с его синюшным, похожим на лягушку лицом, с круглыми, блестящими и неподвижными глазницами, с его дерзким, маниакальным взглядом и неизменной монотонной яростью, здравый смысл восстает; никто не выбирает маньяка-убийцу в качестве ориентира. При одном только виде Дантона с его лексиконом носильщика, его голосом, похожим на тревожный звонок мятежа, его циклопическими чертами и воздухом истребителя, человечество настораживается; нельзя без отвращения отдаться в руки политического мясника. Революция требует другого толкователя, такого же пленительного, как она сама, и Робеспьер подходит для [этого](#)³¹⁸¹, с его безукоризненным одеянием, хорошо припудренными волосами, тщательно вычищенным [пальто](#)³¹⁸², строгими привычками, догматическим тоном и формальной, изученной манерой говорить. Ни один ум, при всей его посредственности и некомпетентности, так хорошо не гармонирует

с духом эпохи. Напротив, государственный деятель парит в пустом пространстве, среди абстракций, всегда опирающийся на принцип и неспособный сойти с него, чтобы взглянуть на вещи практически.

"Этот мерзавец, - восклицает Дантон, - не способен даже сварить яйцо!"

"Расплывчатые общие положения его проповедей, - пишет другой [современник3183](#), - редко завершались какой-либо конкретной мерой или юридическим положением. Он боролся со всем и ничего не предлагал; тайна его политики счастливо согласовывалась с его интеллектуальным бессилием и ничтожностью его законодательных концепций". Отгремев революционным педантизмом, он уже не знает, что сказать. Что касается финансовых вопросов и военного искусства, он ничего не знает и ничем не рискует, разве что недооценивает или клеветает на Карно и Камбона, которые знали и [рисковали3184](#). - В отношении внешней политики его речь о состоянии Европы - это усиление школьника; разоблачая планы английского министра, он достигает вершины химерической [бессмыслицы3185](#); исключите риторические пассажи, и говорит не глава правительства, а носильщик якобинского клуба. О современной Франции, как она существует на самом деле, у него нет ни одной здоровой или конкретной идеи: вместо людей он видит лишь двадцать шесть миллионов простых роботов, которые, если ими правильно руководить и организовать, будут работать вместе в мире и согласии. В принципе они [хороши3186](#) и после небольшого необходимого очищения снова станут хорошими. Соответственно, их коллективная воля - это "голос разума и общественных интересов", поэтому, собираясь вместе, они мудры. "Народное собрание делегатов должно обсуждать, если возможно, в присутствии всего народа"; Законодательный орган, по крайней мере, должен проводить свои заседания "в огромном, величественном здании, открытом для двадцати тысяч зрителей". Заметим, что в течение последних четырех лет в Учредительном собрании, в Законодательном собрании, в Конвенте, в Hotel de-Ville, в Якобинском клубе, где бы ни выступал Робеспьер, галереи не переставали кричать, вопить и выражать свое мнение. Такой позитивный, осязаемый опыт открыл бы глаза любому человеку, но глаза его закрыты из-за предрассудков или интересов; даже физическая истина не находит доступа к его разуму, потому что он не в состоянии ее понять или потому что он должен ее не допускать. Соответственно, он должен быть либо тупым, либо шарлатаном. На самом деле он и тот, и другой, ибо и то, и другое в совокупности образует педанта (cuistre), то есть пустой, раздутый ум, который, наполненный словами и воображающий, что это идеи, упивается собственным декламированием и обманывает себя, чтобы диктовать другим.

Таков его титул, его личность и роль. В этой искусственной и декламационной трагедии Революции он играет главную роль; маньяк и варвар постепенно отходят на задний план при появлении кюистра; Марат и Дантон в конце концов исчезают или исчезают сами, и сцена остается за Робеспьером, который привлекает к себе все внимание.[3187](#) Если мы хотим понять его, мы должны посмотреть на него, как он стоит посреди своего окружения. На последней стадии умирающей интеллектуальной растительности, на последней ветке восемнадцатого века, он - последний урод и засохший плод классического духа.[3188](#) Он не сохранил ничего от изношенной системы философии, кроме ее безжизненных остатков и хорошо разработанных формул, формул Руссо, Мабли и Рейналя, касающихся "народа, природы, разума, свободы, тиранов, фракций, добродетели, морали", готового словаря,[3189](#) слишком обширных выражений, смысл которых, плохо определенный мастерами, испаряется в руках ученика. Он никогда не пытается вникнуть в это; его сочинения и речи - это просто длинные строки смутных абстрактных периодов; в них нет ни одного примечательного факта, ни одной отчетливой, характерной детали, ни одного призыва к

глазу, вызывающего живой образ, ни одного личного, особого наблюдения, ни одного ясного, откровенного оригинального впечатления. О нем можно сказать, что он никогда ничего не видел своими глазами, что он не мог и не хотел видеть, что между ним и предметом встали и закрепились ложные представления;³¹⁹⁰ он соединяет их в логической последовательности, имитирует отсутствующую мысль аффектированным жаргоном, и это все. Другие якобинцы рядом с ним тоже пользуются тем же схоластическим жаргоном, но никто из них не изрекает и не распространяется так самодовольно и пространно, как он. Часами мы блуждаем за ним в смутных тенях политических спекуляций, в холодном и недоуменном тумане дидактических обобщений, тщетно пытаюсь что-то понять из его бесцветных тирад, и ничего не [понимаем](#)³¹⁹¹. Когда мы в изумлении спрашиваем себя, к чему вся эта болтовня и зачем он вообще говорит, ответ заключается в том, что он ничего не сказал и что он говорит только ради того, чтобы говорить, как сектант, проповедующий своей общине, причем ни проповедник, ни его слушатели никогда не устают, один - от вращения догматического ключа, а другой - от слушания. Тем лучше, если контейнер пуст; чем он пуще, тем легче и быстрее вращается кривошип. И еще лучше, если выбранный им пустой термин используется в противоположном смысле; звучные слова "справедливость", "гуманность" означают для него груды человеческих голов, так же как текст из Евангелия означает для великого инквизитора сожжение еретиков... В результате этого крайнего извращения кюистр портит свой собственный умственный инструмент; отныне он использует его по своему усмотрению, по велению своих страстей, полагая, что служит истине, служа им.

Итак, его первая страсть, его главная страсть - литературное тщеславие. Никогда еще вождь партии, секты или правительства, даже в критические моменты, не был таким неизлечимым, ничтожным ритором, таким формальным, таким напыщенным и таким скучным. - Накануне 9-го термидора, когда речь шла о жизни или смерти, он выходит на трибуну с готовой речью, написанной и переписанной, отшлифованной и заново отполированной,³¹⁹² перегруженной изученными украшениями и приписками для эффекта,³¹⁹³ покрытой, благодаря времени и труду, академическим лаком, блеском симметричных антитез, округлых периодов, восклицаний, опущений, апострофов и прочих ухищрений пера.³¹⁹⁴ - В самом известном и важном из его [отчетов](#)³¹⁹⁵ я насчитал восемьдесят четыре случая [олицетворений](#)³¹⁹⁶, подражавших Руссо и античности, многие из них значительно расширены, некоторые обращены к мертвым, к Бруту, к молодому Барре, другие - к отсутствующим, священникам и аристократам, к несчастным, к французским женщинам, наконец, к абстрактным субстанциям, таким как Свобода и Дружба. С непоколебимой убежденностью и глубоким удовлетворением он считает себя оратором, потому что напевает одну и ту же старую мелодию. В его изощренном красноречии нет ни одного верного тона, одни рецепты и только рецепты избитого искусства, греческие и римские общие места, Сократ и болиголов, Брут и его кинжал, классические метафоры вроде "пламя раздора" и "государственный сосуд"³¹⁹⁷, соединенные вместе, и красоты стиля, к которым стремится ученик риторики на университетской скамье;³¹⁹⁸ [иногда](#) - величественные бравурные пассажи, столь необходимые для публичных выступлений;³¹⁹⁹ [иногда](#) - нежные переливы флейты, ибо в те времена нужно было иметь нежное сердце;³¹¹⁰⁰ словом, метод Мармонтеля в "Белисарии" или Томаса в его "Элогах", заимствованный у Руссо, но низкого качества, как резкий, тонкий голос, напряженный для подражания богатому, мощному голосу. Все это - невольная пародия, тем более отталкивающая, что слово заканчивается ударом, что сентиментальный, декламаторский Триссотен выдает себя за государственного деятеля, что изумительная элегантность шкафа становится пистолетными выстрелами, направленными в живую грудь, что умело подобранный эпитет отправляет человека на гильотину - слишком велик контраст между его талантом и ролью, которую он играет. С таким талантом, таким посредственным и ложным, как его интеллект, нет занятия, для которого он

подходил бы меньше, чем для управления людьми; он был создан для другого, что в мирном обществе он мог бы делать. Подавись Революция, и Марат, вероятно, закончил бы свои дни в психушке. Дантон, возможно, стал бы законным филистером, разбойником или бандитом, а в конце концов был бы задушен или повешен. Робеспьер, напротив, мог бы продолжать то, что [начал31101](#), быть занятым, трудолюбивым адвокатом с хорошей репутацией, членом Аррасской академии, лауреатом конкурсов, автором литературных панегириков, нравоучительных эссе и филантропических памфлетов; его маленькая лампа, зажженная, как и сотни других таких же способных, в центре новой философии, горела бы умеренно, не причиняя никому вреда, и распространяла бы по провинциальному кругу тусклое, обыденное освещение, соразмерное тому небольшому количеству масла, которое вмещала его лампа.

Но Революция привела его в Учредительное собрание, и там, в течение долгого времени на этой великой сцене, его атомг ргорге, доминирующее чувство педанта, ужасно страдало. Он страдал от этого с ранней юности, и свежие раны делали его еще более чувствительным. Родился в Аррасе в 1758 году, осиротел и обеднел, стал протеже своего епископа, казначеем по милости в коллеже Луи-ле-Гран, затем клерком у Бриссо при революционной системе юридической практики, а в конце концов поселился на мрачной улице Докладчиков в качестве мелкого фокусника. Живя с сестрой, которая была не в духе, он принимает Руссо, которого однажды видел и которого горячо изучает, за своего учителя в области философии, политики и стиля. Полагая, вероятно, как и другие молодые люди его возраста и состояния, что он сможет сыграть подобную роль и таким образом выйти из своего тупика, он для эффекта публикует юридические ходатайства, претендует на призы Академии и читает доклады перед коллегами из Арраса. Его успех был умеренным: одна из его проповедей получила заметку в альманахе Артуа; Академия Меца присудила ему только вторую премию; Академия Амьена не дала ему никакой премии, а критик "Меркюр" отозвался о его стиле как о провинциальном. В Национальном собрании, затмеваемый людьми больших и спонтанных способностей, он долгое время остается в тени и не раз, благодаря упрямству или недостатку такта, выставляет себя на посмешище. Его резкое, худое, адвокатское лицо, "скучный, монотонный, грубый голос и утомительная речь", "артезианский акцент" и скованный [воздух3102](#), его постоянное выдвижение вперед, разработка общих мест, его явное стремление навязать себя культурным людям, все еще состоящим из интеллигентных слушателей, и невыносимая скука, которую он им наводил, - все это не рассчитано на то, чтобы сделать Собрание снисходительным к ошибкам чувства и [вкуса3113](#). Однажды, ссылаясь на некоторые акты "Конселя": "Необходимо, чтобы благородная и простая формула провозглашала национальные права и несла уважение к закону в сердца людей. Поэтому в обнародованных декретах после слов "Людовик, милостью Божьей" и т. д. должны следовать следующие слова:

"Люди, узрите закон, навязанный вам! Пусть этот закон будет считаться священным и неприкосновенным для всех!" На это встает гасконский депутат и с южным акцентом замечает: "Господа, такой стиль не годится - нет нужды в проповедях.[31104](#) (cantique)".

Общий смех; Робеспьер молчит, внутренне обливаясь кровью: два-три подобных казуса выматывают такого человека с ног до головы. Дело не в том, что его глупые замечания кажутся ему глупыми; ни один педант, взятый в оборот и шипящий, не признался бы, что заслуживает такого обращения; напротив, он доволен тем, что говорил так, как подобает философскому и нравственному законодателю, и тем хуже для узких умов и испорченных сердец, не способных его понять; - отброшенное назад, его уязвленное тщеславие ищет внутренней подпитки и находит ее в бесплодном единообразии своей буржуазной умеренности. Робеспьер, в отличие от Дантона, не испытывает тяги. Он трезв, его не терзают

чувства; если он и поддается им, то только не дальше, чем может помочь, и с плохой грацией. На улице Сентонж в Париже "в течение семи месяцев, - пишет его [секретарь3105](#) , - я знал только одну женщину, с которой он составлял компанию, и он не очень хорошо с ней обращался. ...очень часто он не позволял ей входить в свою комнату": когда он занят, его нельзя беспокоить. От природы он уравновешен, трудолюбив, прилежен и любит уединение, в колледже - примерный ученик, дома, в своей провинции, - внимательный адвокат, пунктуальный депутат в Собрании, везде свободен от соблазнов и не способен сбиться с пути. Таким он был всегда, есть сейчас и будет всегда; он говорит это себе, говорит другим, и на этом фундаменте, по крупицам, он строит свой характер. Его не соблазнить, как Десмулена, обедами, как Барнава, лестью, как Мирабо и Дантона, деньгами, как жирондистов, вкрадчивым очарованием старинной вежливости и избранного общества, как дантонистов, приманкой веселья и беспредельной свободы - он неподкупен. Его, как фельянов, жирондистов и дантонистов, как государственных деятелей или специалистов, не удержать и не отвлечь соображениями низшего порядка, интересами или уважением к приобретенному положению, опасностью взяться за слишком многое сразу, необходимостью не дезорганизовать службу и дать волю человеческим страстям, мотивам пользы и возможности: он - бескомпромиссный поборник права.[31106](#) "Один, или почти один, я не позволяю себя развратить; один, или почти один, я не иду на компромисс со справедливостью; этими двумя достоинствами я обладаю в высшей степени. Некоторые другие могут жить правильно, но они противятся принципам или предают их; некоторые другие исповедуют принципы, но живут неправильно. Никто другой не ведет столь чистую жизнь и не верен принципам; никто другой не соединяет столь пылкое поклонение истине с такой строгой практикой добродетели: я - единственный в своем роде" - что может быть приятнее этого немного солилоковита? С первого же дня его можно услышать в тоне обращения Робеспьера к Третьему государству в [Appace31107](#) ; в последний день он произносит его вслух в своей великой речи в [Конвенте31108](#) ; в промежутках он пробивается и сверкает во всех его сочинениях, выступлениях или докладах, в экзордиумах, скобках и перорациях, пронизывая каждое предложение, как гул [волынки31109](#) .-Во время этого наслаждения он не может слушать ничего другого, и именно здесь внешние отголоски дополняют и поддерживают своим аккомпанементом внутреннюю кантату, которую он поет во славу себя самого. К концу Учредительного собрания, в результате ухода или устранения всех способных и компетентных людей, он становится одним из самых заметных теноров на политической сцене, а в Якобинском клубе - самым популярным тенором. "Неповторимый конкурент римского Фабриция", - пишет ему марсельский клуб; "бессмертный защитник народных прав", - говорит якобинская команда в Бурже.[31110](#) Один из двух его портретов на выставке 1791 года снабжен надписью: "Неподкупный". В театре Мольера в драме того времени он изображается как человек, пускающий молнии своей логики и добродетели в Роана и Конде. По дороге, в Бапоме, патриоты этого места, национальная гвардия на дороге и власти, собрались в кучу, чтобы почтить великого человека. Город Аррас освещен по его прибытии. По окончании заседания Учредительного собрания люди на улице приветствуют его криками, увенчивают дубовыми венками, забирают лошадей из его кабины и с триумфом тащат на улицу Сент-Оноре, где он останавливается у плотника Дюплея.-Здесь, в одной из тех семей, где полубуржуазное сословие граничит с народом, чей ум неискушен, и на кого блестящие обобщения и ораторские тирады действуют безотказно, он находит своих почитателей; они упиваются его словами; Они имеют о нем такое же мнение, какое он имеет о себе; для каждого человека в доме, мужа, жены и дочери, он - великий патриот, непогрешимый мудрец; он благословляет вечером и утром; он вдыхает облака ладана; он - бог дома. Верующие, чтобы получить доступ к нему, выстраиваются в очередь во дворе.[31111](#) Один за другим их пропускают в приемную, где они собираются вокруг его

портретов, нарисованных карандашом, в обрубке, в сепии и акварели, и перед миниатюрными бюстами в красном или сером гипсе. Затем, по его сигналу, они проникают через стеклянную дверь в святилище, где он председательствует, в личный кабинет, где лучший его бюст, со стихами и девизами, заменяет его во время его отсутствия. В день, когда он произносит свою апологию перед Конвентом, "проходы выстроились вдоль галерей, где собралось семь или восемьсот [женщин](#), и не более двухсот мужчин"; и как неистово они его подбадривают! Он - священник, окруженный почитателями ["31113 31114"](#). В Якобинском клубе, когда он произносит свою "амфигорию", раздаются рыдания от волнения, "крики и топот ног, от которых чуть не рушится дом". ["31114 31114"](#) Зрителя, не проявляющего никаких эмоций, встречают ропотом и заставляют выскользнуть, как еретика, забредшего в церковь на возвышение Хозяина. Чем быстрее революционные молнии падают на головы других, тем выше и выше Робеспьер поднимается в славе и обожествлении. Письма адресованы ему как "основателю Республики, неподкупному гению, который все предвидит и всех спасает, которого нельзя ни обмануть, ни соблазнить ["31115"](#), обладающему "энергией спартамца и красноречием афинянина ["31116"](#), "который защищает Республику эгидой своего красноречия ["31117"](#), который "освещает Республику"; ["31117"](#) который "освещает вселенную своими трудами, наполняет мир своей славой и возрождает человеческий род здесь, внизу ["31118"](#); чье "имя сейчас и будет почитаться во все века, нынешние и грядущие ["31119"](#); кто является "Мессией, обещанным Вечным для всеобщей реформы". ["31120"](#) Необычайная популярность", - говорит Бийо-Варенн, ["31121"](#) популярность, которая, возникнув в Учредительном собрании, "только возросла в Законодательном собрании", а впоследствии настолько возросла, что "в Национальном конвенте он вскоре оказался единственным, кто мог приковать внимание к своей персоне.... и контролировать общественное мнение..... С этим превосходством над общественным мнением, с этим непреодолимым перевесом, когда он добрался до Комитета общественной безопасности, он уже был самым важным существом во Франции". Через три года хор из тысячи голосов, ["31122"](#) созданный и руководимый им, снова и снова повторяет в унисон его литанию, его личное кредо, гимн из трех строф, сочиненный им в свою честь, который он ежедневно произносит про себя низким, а часто и громким голосом:

"Только Робеспьер открыл лучший тип гражданина! Один только Робеспьер, скромный и без недостатков, подходит под это описание! Только Робеспьер достоин и способен возглавить Революцию!" ["31123"](#)

Охлажденное увлечение, доведенное до предела, равносильно бушующей лихорадке, и Робеспьер почти доходит до идей и бредней Марата.

Во-первых, в своих собственных глазах он, как и Марат, является гонимым человеком, и, как и Марат, он выставляет себя "мучеником", но более искусно и держась в рамках, изображая покорность и нежность невинной жертвы, которая, принося себя в жертву, возносится на небеса, завещая человечеству нетленный сувенир своих [добродетелей](#) ["3124"](#).

"Я возбуждаю против себя всеобщую гордость; ["31125"](#) я затачиваю против себя тысячу кинжалов. Я - жертва всех видов ненависти. ... Я уверен, что моя голова искупит истины, которые я произнес. Я отдал свою жизнь и приму смерть почти как благодеяние. Возможно, это воля Небес, чтобы моя кровь указала путь моей стране к счастью и свободе. С какой радостью я принимаю эту славную судьбу!" ["31126"](#)

"Вряд ли для того, чтобы жить, человек объявляет войну тиранам и, что еще опаснее, злоумышленникам..... Чем больше они стремятся положить конец моей карьере здесь,

внизу, тем больше я буду стремиться наполнить ее делами, служащими благу моих ближних "[31127](#).

"Все эти преступники возмущают меня;[31128](#) действия, которые другим могут показаться незначительными или вполне законными, для меня являются преступлениями. Как только кто-то знакомится со мной, его сразу же оклеветают. Другим прощают их удачу, а мое рвение считают преступлением. Лишите меня совести, и я стану самым жалким из людей. Я даже не пользуюсь правами гражданина. Мне даже не позволено исполнять свой долг представителя народа..... Врагам моей страны, которым мое существование кажется препятствием для их гнусных козней, я готов пожертвовать ею, лишь бы их одиозная империя выстояла..... Пусть их путь на эшафот будет путем преступления, наш же будет путем добродетели; пусть для меня приготовят болиголов, я жду его на этом освященном месте. Я, по крайней мере, завещаю своей стране пример постоянной привязанности к ней, а врагам человечества - позор моей смерти".

Естественно, и всегда, как и Марат, он видит вокруг себя только "извращенцев, заговорщиков, предателей "[31129 Естественно.](#), как и у Марата, здравый смысл у него извращен, и, как и Марат, он мыслит наугад.

"Я не обязан размышлять, - говорил он Гарату, - я всегда полагаюсь на первые впечатления".

"Для него, - говорит тот же авторитет, - лучшие основания - это подозрения "[31130](#) , а против подозрений ничто не поможет, даже самые веские доказательства. 4 сентября 1792 года, доверительно беседуя с Петионом и напрягаясь от вопросов, которые тот ему задавал, он заканчивает словами: "Очень хорошо, я думаю, что Бриссо на стороне Брюнсвика "[31131 Естественно.](#), наконец, что он, как и Марат, выдумывает самые мрачные выдумки, но они менее импровизированные, менее грубо абсурдные, более медленно проработанные и более старательно переплетенные в его расчетливом инквизиторском мозгу.

"Очевидно, - говорит он Гарату, - жирондисты участвуют в заговоре "[31132](#).

"И где же?" - спрашивает Гарат.

"Повсюду, - отвечает Робеспьер, - в Париже, во всей Франции, во всей Европе. Генсонне в Париже устраивает заговор на Фобур-Сент-Антуан, ходит среди лавочников и убеждает их, что мы, патриоты, хотим разграбить их магазины. Жиронда (департамент) уже давно замышляет отделиться от Франции, чтобы присоединиться к Англии; вожди ее депутации стоят во главе заговора и намерены осуществить его любой ценой. Генсонне не скрывает этого; он говорит всем, кто его слушает, что они не представители нации, а полномочные представители Жиронды. Бриссо строит заговоры в своем дневнике, который является просто набатом гражданской войны; мы знаем о его поездке в Англию и о том, зачем он туда поехал; мы знаем все о его близости с этим Лебренем, министром иностранных дел, лигоистом и креатурой австрийского дома. Лучший друг Бриссо - Клавьер, а Клавьер плел заговоры везде, где только мог дышать. Рабо, вероломный, как протестант и философ, которым он является, не был достаточно умен, чтобы скрыть свою переписку с придворным и предателем Монтескью; шесть месяцев назад они вместе работали над тем, чтобы открыть Савойю и Францию для пьемонтцев. Серван был назначен генералом пиренейской армии только для того, чтобы отдать ключи от Франции испанцам".

"Нет ли у вас сомнений в этом?" - спрашивает Гарат.

"Ни малейшего "[31133](#).

Такая уверенность, равная уверенности Марата, ужасна и хуже по своему воздействию, ибо список заговорщиков Робеспьера длиннее, чем у Марата. Политический и социальный список, по мысли Марата, охватывает только аристократов и богачей; богословский и моральный, по мысли Робеспьера, - всех атеистов и бесчестных людей, то есть почти всю его партию. Для этого узкого ума, склонного к абстракциям и привыкшего классифицировать людей по двум противоположным признакам, тот, кто не с ним на стороне добра, тот против него на стороне зла, а на стороне зла естественно общее понимание между фактическими людьми всех мастей и жуликами всех степеней.

"Все аристократы продажны, и каждый продажный человек - аристократ", ибо "республиканское правительство и общественная мораль - одно и то же" [31134](#).

Злодеи обоих видов не только склонны в силу инстинкта и интереса к объединению, но их объединение уже доведено до совершенства. Достаточно открыть глаза, чтобы обнаружить "во всей полноте" заговор, который они вынашивают, "страшную систему разрушения общественной морали" [31135](#). Гваде, Верньо, Генсонне, Дантон, Эбер, "все они искусственные персонажи", не имели иной цели: "Они [чувствовали](#) [31136](#), что для уничтожения свободы необходимо всеми средствами способствовать эгоизму, увяданию сердца и исчезновению идеи нравственной красоты, которая является единственным правилом для общественного разума в его суждениях о защитниках и врагах человечества" - Их наследники остаются; но пусть они будут осторожны. Безнравственность - это политическое преступление; человек вступает в заговор против государства, просто устраивая парад материализма или проповедуя снисходительность, ведя себя скандально или следуя порочным курсам, занимаясь биржевой торговлей, питаясь слишком роскошно, будучи порочным, интригуя, преувеличивая или "на заборе";, возбуждая или извращая народ, обманывая народ, находя недостатки в народе, не доверяя народу, [31137](#) короче говоря, когда человек не идет прямо по предписанному пути, отмеченному Робеспьером в соответствии с принципами: Кто споткнется или свернет в сторону, тот подлец, предатель. Теперь, не считая роялистов, фельянистов, жирондистов, эбертистов, дантонистов и прочих, уже обезглавленных или посаженных в тюрьму по заслугам, сколько предателей еще осталось в Конвенте, в комитетах, среди командированных представителей, в административных органах, не вычищенных должным образом, среди мелких тиранических прислужников и всего правящего, влиятельного класса в Париже и в провинциях? Если не считать "около двадцати политических траппистов в Конвенте", если не считать небольшой преданной группы чистых якобинцев в Париже, если не считать верных людей, рассеянных по народным клубам департаментов, сколько Фуше, Вадье, Тальенов, Бурдонов, Колло, осталось среди так называемых революционеров? Сколько среди них диссидентов, замаскированных под ортодоксов, шарлатанов, выдающих себя за патриотов, и пашей, замаскированных под санкюлотов? [31138](#) Прибавьте к этому паразитов, которых Марат стремится уничтожить; теперь уже не сотни тысяч, а миллионы, восклицают Бодо, Жанбон-Сен-Андре и Гуффруа, должны быть подсчитаны и отрублены головы виновных! И все эти головы Робеспьер, согласно своим максимам, должен отрубить. Он прекрасно понимает это; как бы ни был враждебен его интеллект к точным идеям, он, уединившись в своей камере, лицом к лицу с самим собой, видит все ясно, так же ясно, как Марат. Химера Марата, впервые расправив крылья, стремительно несла своего исступленного всадника к чертогу; химера Робеспьера, трепеща и ковыляя, достигает цели в свой черед; в свой черед она требует пищи, и ритор, профессор принципов, начинает оценивать прожорливость чудовищной скотины, на которой он сидит. Медленнее другого, этот все же более прожорлив, ибо, обладая такими же когтями и зубами, он имеет больший аппетит. По истечении трех лет Робеспьер настигает Марата на том дальнем конце линии, на той станции, где Марат

утвердился с самого начала, и теоретик теперь принимает политику, цель, средства, работу и почти лексикон маньяка:[31139](#)

вооруженная диктатура городской толпы,
систематическое возмущение подкупленного сброда,
война против буржуазии,
истребление богатых,

постановка оппозиционных писателей, администраторов и депутатов вне закона.

Оба монстра получают одну и ту же пищу, только к рациону своего чудовища Робеспьер добавляет "порочных людей" как свою особую и любимую добычу. И пусть отныне он тщетно воздерживается от действий, укрывается в своей риторике, затыкает свои целомудренные уши и возводит к небу свои лицемерные глаза, он не сможет не видеть и не слышать под своими непорочными ногами потоки крови и хруст костей в раскрытой пасти ненасытного чудовища, которое он создал и на котором он [ездит31140](#). Эти вечно открытые и голодные челюсти должны ежедневно подпитываться все большим количеством человеческой плоти; он обязан не только давать ей есть, но и добывать пищу, часто собственными руками, не считая того, что после этого он должен их вымыть, заявляя и даже веря, что ни одно пятнышко крови никогда их не пачкало. Как правило, он довольствуется тем, что ласкает и льстит животному, оправдывает его, позволяет ему жить дальше. Тем не менее, не раз, соблазнившись возможностью, он набрасывался на намеченную [жертву31141](#). Теперь он сам отправляется на поиски живой добычи; он забрасывает вокруг нее сеть своей [риторики31142](#), ловит ее, связанную, в раскрытые челюсти; он бескомпромиссно отбрасывает руки друзей, жен и матерей, протянутые руки просителей, умоляющих о [жизни31143](#); он внезапно задушивает сопротивляющихся [жертв31144](#) и, опасаясь, что они могут сбежать, вовремя душит их. Ближе к концу этого уже недостаточно; зверю нужны более грандиозные карьеры, и, соответственно, свора гончих, загонщиков, и, вольно или невольно, именно Робеспьер снаряжает, направляет и подгоняет их в Оранже, в [Париже31145](#), приказывая им опустошать тюрьмы и поскорее выполнять свою работу... В этой профессии бойни пробуждаются разрушительные инстинкты, долго подавляемые цивилизацией. Его кошачья физиономия, сначала "физиономия домашней кошки, беспокойной, но мягкой, меняется на дикую внешность дикой кошки и близкую к свирепой внешности тигра". В Учредительном собрании он говорит с хныканьем, в Конвенте - с пеной у рта".[31146](#) Монотонный гул чопорного субпрофессора сменяется личным акцентом неистовой страсти; он шипит и скрежещет зубами;[31147](#) иногда, при смене обстановки, он проливает слезы.[31148](#) Но его самые дикие вспышки вызывают меньше тревоги, чем его пораженная чувствительность. Гнойные обиды, едкая зависть и горькие интриги, накопившиеся в его груди, поражают воображение. Желчный пузырь переполнен, и выделившаяся желчь переливается на мертвецов. Он не устает казнить своих гильотинированных противников, жирондистов, Шомета, Эбера и особенно Дантона,[31149](#) вероятно, потому, что Дантон был активным проводником Революции, в которой он был просто неспособным педагогом; он выплескивает свою посмертную ненависть на этот еще теплый труп в искусных инсинуациях и явных искажениях. Таким образом, внутренне разъедаемый ядом, который он выделяет, его физический аппарат выходит из строя, как у Марата, но с другими симптомами. Когда он выступает на трибуне, "его руки хрустят от нервного сокращения"; внезапные толчки возбуждают "его плечи и шею, конвульсивно трясая его туда-сюда".[31150](#) "Его желчный цвет лица становится синюшным", его веки дрожат под очками, и как он выглядит! "Ах, - сказал один монтаньяр, - вы бы проголосовали так же, как мы, 9-го числа Термидора, если бы

увидели его зеленые глазные яблоки!" "Как физически, так и морально" он становится вторым Маратом, страдающим еще больше, потому что его бред не устойчив, и потому что его политика, будучи моральной, заставляет его истреблять в более широких масштабах.

Но это сдержанный Марат, робкого нрава, беспокойный, [31151](#) держащий свои мысли при себе, созданный для школьного учителя или адвоката, но не для того, чтобы возглавить или управлять, всегда действующий нерешительно и стремящийся быть скорее папой, чем диктатором Революции. [31152](#) Прежде всего он хочет остаться политическим Грандисоном [31153](#); до самого конца он сохраняет свою маску не только на публике, но и для себя и своей совести. Маска, действительно, прилипла к его коже; он уже не может отличить одно от другого; никогда самозванец так тщательно не скрывал намерения и поступки под софизмами и не убеждал себя, что маска - это его лицо и что, говоря ложь, он говорит правду.

Если верить ему на слово, он не имел никакого отношения к сентябрьским событиям. [31154](#) "До этих событий он перестал посещать Генеральный совет Коммуны... Он больше туда не ходил". На него не возлагались никакие обязанности, он не имел там никакого влияния; он не провоцировал арест и убийство жирондистов. [31155](#) Все, что он сделал, - это "откровенно высказался по поводу некоторых членов Комитета двадцати одного"; как "магистрат" и "один из членов муниципального собрания". Разве не должен он "свободно объясняться с авторами опасного заговора?". Кроме того, Коммуна, "отнюдь не провоцируя 2 сентября, сделала все возможное, чтобы его предотвратить". В конце концов, погиб только один невинный человек, "что, несомненно, слишком много". Граждане, оплакивайте эту жестокую ошибку; мы тоже давно ее оплакиваем! Но, поскольку всему человеческому приходит конец, пусть ваши слезы перестанут литься". Когда суверенный народ возвращает себе делегированную ему власть и осуществляет свои неотъемлемые права, нам остается только склонить голову. Более того, он справедлив, мудр и добр "во всем, что он предпринимает, все есть добродетель и истина; ничто не может быть излишеством, ошибкой или преступлением". [31156](#) Он должен вмешаться, когда его истинным представителям мешает закон: "Пусть он соберется в своих секциях и потребует ареста неверных депутатов". [31157](#) Что может быть более законным, чем такое предложение, которое Робеспьер принял только 31 мая. Он слишком щепетилен, чтобы совершить или предписать незаконное действие. Это касается Дантонов, Маратов, людей с расшатанной моралью или возбужденными мозгами, которые, если нужно, топчутся в сточных канавах и закатывают рукава рубашек; что касается его самого, то он не может сделать ничего, что могло бы якобы испортить или запятнать одежду, подобающую честному человеку и безупречному гражданину. В Комитете общественной безопасности он лишь исполняет постановления Конвента, а Конвенту всегда предоставлена свобода. Он диктатор! Он всего лишь один из семисот депутатов, и его власть, если она у него есть, - это просто законное превосходство разума и добродетели. [31158](#) Он убийца! Если он осудил заговорщиков, то именно Конвент вызывает их в революционный трибунал, [31159](#) а революционный трибунал выносит им приговор. Он террорист! Он просто стремится упростить установленные процедуры, чтобы быстрее освободить невинных, наказать виновных и провести окончательное очищение, которое должно сделать свободу и мораль порядком дня. [31160](#) Прежде чем произнести все это, он почти верит в это, а когда произносит, то верит полностью. [31161](#) Когда природа и история объединяются, чтобы создать характер, они преуспевают лучше, чем воображение человека. Ни Мольер в своем "Тартюфе", ни Шекспир в своем "Ричарде III" не осмелились вывести на сцену лицемера, считающего себя искренним, и Каина, считающего себя [Авелем](#) [31162](#). Вот он стоит на колоссальной сцене, в присутствии ста тысяч зрителей, 8 июня 1794 года, в самый славный день своей жизни, на празднике в честь Верховного Существа, который является славным триумфом его учения и официальным освящением его папства. В

Робеспьер, как и в Революции, которую он представляет, есть два характера: один - явный, парадный, внешний, другой - скрытый, распушенный, внутренний, причем последний перекрывает первый. Первый - показной, созданный из чисто мозговых размышлений, такой же искусственный, как и торжественный фарс, происходящий вокруг него. Согласно программе Давида, кавалькада сверхштатных артистов, выстроившихся перед аллегорической горой, жестикулирует и кричит по команде и под взглядом Анрио и его [жандармов31163](#), проявляя в назначенное время предписанные им эмоции. В пять часов утра

"друзья, мужья, жены, родственники и дети обнимутся..... Старик, у которого из глаз текут слезы радости, чувствует себя помолодевшим".

В два часа, на усталых дерном террасах священной горы,

"все приходят в состояние суматохи и возбуждения: матери здесь прижимают к груди младенцев, которых они сосут, и там приносят их в жертву автору природы, а юноши, охваченные боевым пылом, одновременно выхватывают мечи и вручают их своим почтенным отцам. Разделяя энтузиазм своих сыновей, отставные старики обнимают их и одаривают отцовским благословением..... Все мужчины, распределенные вокруг "Поля воссоединения", хором поют (первый) припев.... Все женщины, распределенные вокруг "Поля воссоединения", поют в унисон (второй) припев.... Все французы принимают чувства друг друга в одном великом братском объятии".

Что может быть лучше такой идиллии, управляемой железной рукой, в присутствии моральных символов и божеств из цветного картона, что может больше понравиться фальшивому моралисту, не способному отличить ложное от истинного и чья чувствительность заимствована у сентиментальных авторов! "Впервые" его сияющий лик светится от радости, а "энтузиазм" [31164](#) переписчика, как обычно, переливается в книжную фразеологию.

"Вот! - восклицает он, - что самое интересное в человечестве! Вселенная собралась здесь! О, Природа, как возвышенна, как изысканна твоя сила! Как тираны должны содрогнуться при созерцании этого праздника!"

Разве не он сам является его самым ослепительным украшением? Разве не его единогласно выбрали председателем конвента и ведущим церемоний? Разве не он является основателем нового культа, единственного чистого культа на земле, одобряемого моралью и разумом? Одетый в форму представителя, нанкиновые бриджи, синий плащ, трехцветный кушак и шляпу с плюмажем, [31165](#) держа в руке букет цветов и зерна, он шествует во главе конвента и выступает на трибуне; он поджигает завесу, скрывающую от глаз идола, изображающего "Атеизм", и внезапно, благодаря хитроумной задумке, на его месте появляется величественная статуя "Мудрости". Затем он снова и снова обращается к толпе, увещевая, апострофируя, проповедуя, вознося свою душу к Высшему Существо, и с какими ораторскими комбинациями! Какой академический размах напыщенных каденций, нанизанных вместе на его тирады! Какой хитрый баланс прилагательных и существительных! [31166](#) От этих увядших риторических цветов, расставленных, словно для раздачи призов или похоронной речи, исходит ханжеский, коллегияльный запах, которым он самодовольно дышит и который опьяняет его. В этот момент он, безусловно, должен быть серьезен; в его самовосхвалении нет ни колебаний, ни сдержанности; в своих собственных глазах он не только великий писатель и великий оратор, но и великий государственный деятель и великий гражданин, и его искусственная, философская совесть воздает ему только хвалу. За его спиной видны признаки нетерпения и антипатии: Лекуантр открыто дерзит ему;

многочисленные оскорбления и, что еще хуже, язвительные замечания достигают его ушей. По такому случаю и в таком месте! Против понтифика Истины, апостола Добродетели! Негодяи, как они смеют! Молчаливый и бледный, он подавляет свой гнев и, [31167](#) потеряв равновесие, закрыв глаза, с головой бросается на путь убийства: чего бы это ни стоило, злоумышленники должны погибнуть, и без потери времени. Чтобы ускорить дело, он должен тихо снять с них головы, и поскольку "до сих пор все дела велись конфиденциально в Комитете общественной безопасности", он, наедине с Кутоном, через два дня, не ставя в известность своих коллег, [31168](#) составляет, выносит на рассмотрение Конвента и принимает страшный акт Прериала, который ставит в его распоряжение жизнь каждого. -В своей хитрой, нелепой поспешности он потребовал слишком многого; каждый, поразмыслив, начинает опасаться за себя; он вынужден отступить, заявить, что его неправильно поняли, признать, что представители исключены, и, соответственно, убирать в ножны нож, который он уже приставил к горлу своих противников. Но он все еще держит его в руке. Он наблюдает за ними и, притворяясь, что отступает, изображает отречение, скрючившись в своем [углу31169](#), ждет, пока они дискредитируют себя, чтобы наброситься на них во второй раз. Ему не приходится долго ждать, так как истребительная машина, которую он запустил 22-го числа в Прериале, находится в их руках, и она должна работать так, как он ее задумал, а именно: быстрыми поворотами и почти бессистемно: одним слепого истребления лежит на них; он не только не возражает против этого, но, делая вид, что воздерживается от этого, подстрекает к этому. Уединившись в личном кабинете своей тайной полиции, он отдает приказы об [арестах31170](#); он посылает свою главную ищейку Германа; он сначала подписывает, а затем рассылает резолюцию, согласно которой предполагается, что среди заключенных есть заговорщики, и которая, разрешая шпионов или платных информаторов, должна обеспечить гильотину теми огромными партиями, которые в мгновение ока очищают тюрьмы. "[31171](#)- "Я не несу ответственности, - заявляет он позднее....". Отсутствие у меня сил сделать что-либо хорошее, остановить зло, заставило меня более шести недель не занимать свой пост в Комитете общественной безопасности "[31172](#). Губить своих противников убийствами, совершенными им самим, теми, которые он заставляет их совершать и которые он им вменяет, обелять себя и чернить их одним и тем же взмахом кисти - какой восторг! Если естественная совесть в какие-то моменты ропщет, то приобретенная надстроенная совесть тут же навязывает молчание, скрывая личную ненависть под публичными предложениями: ведь гильотинированные были аристократами, а кто попадает под гильотину, тот аморален. Таким образом, средства хороши, а цель лучше; при использовании средств, как и при преследовании цели, функция сакральна.

Такова живописная внешность Революции, убогая маска с отвратительным лицом под ней, под господством номинальной гуманитарной теории, прикрывающей фактическую диктатуру зла и низких страстей. В ее истинном представителе, как и в ней самой, мы видим свирепость, исходящую из филантропии, а из педанта (cuistre) - палача.

3101 ([возвращение](#))

[Харманд (де ла Мёз): "Анекдоты, связанные с революцией". "Он был одет как крутой таксист. У него был встревоженный взгляд, глаза всегда в движении; он действовал резко, быстро и отрывисто. Постоянное беспокойство вызывало судорожное сокращение мышц и черт лица, что отражалось и на его манере ходить, так что он не ходил, а прыгал"].

3102 ([возврат](#))

[Chevremont, "Jean Paul Marat"; также Alfred Bougeard, "Marat" passim. Эти два произведения с многочисленными документами являются панегириками Марату.- Буге, I., II (описание Марата Фабром д'Эглантином); II., 259 и I., 83.- "Journal de la République Française", Марат, № 93, 9 января 1793 года. "Из двадцати четырех часов я посвящаю сну только два, а на еду, туалет и домашние дела - всего один час... Я не отдыхал пятнадцать минут уже более трех лет"].

3103 ([возврат](#))

[Шевремон, I., с. I и 2. Его семья по отцовской линии была испанской, давно обосновавшейся на Сардинии. Отец, доктор Жан Мара, отказался от католицизма и переехал в Женеву, где женился на жительнице этого города; впоследствии он обосновался в кантоне Нейфшатель].

3104 ([возврат](#))

["Journal de la République Française" No.98, описание "l'Ami du peuple", сделанное им самим].

3105 ([вернуться](#))

[Прочтите его роман "Les Aventures du jeune comte Potowski", письмо 5, от Люсиль: "Я думаю только о Потовском. Мое воображение, воспламененное факелом любви, постоянно представляет мне его милый образ". Письмо Потовского после женитьбы. "Люсиль теперь дарит любви все, что позволяет скромность... наслаждаясь таким блаженством, я верю, что боги завидуют моему жребию"].

3106 ([возвращение](#))

[Предисловие, XX. "Декарт, Гельвеций, Халлер, Лелат - все они игнорировали великие принципы; человек для них - загадка, непостижимая тайна". В примечании он говорит: "Мы находим подтверждение этому в работах Юма, Вольтера, Бонне, Расина и Паскаля"].

3107 ([возврат](#))

["Mémoires Académiques sur la Lumière", pref., VII.- Он особенно выступает против "дифференциальной преломляемости неоднородных лучей", которая является "основой теории Ньютона"].

3108 ([возвращение](#))

[Chevremont, I., 74. (См. свидетельство Араго от 24 февраля 1844 г.)].

3109 ([возврат](#))

[Ibid., I., 104. (Набросок декларации прав человека и гражданина)].

3110 ([обратно](#))

[См. эпиграф к его "Mémoires sur la Lumiere". "Они будут прокладывать себе путь против ветра и прилива" - Там же, предисловие, VII. "Déconvertes de Monsieur Marat", 1780, 2nd ed., p. 140].

3111 ([обратно](#))

["Recherches physiques sur l'electricité", 1782, pp.13, 17].

3112 ([возврат](#))

["Chevreumont", I., 59.]

3113 ([возврат](#))

["De l'Homme", предисловие VII. и книга IV].

3114 ([возврат](#))

["Journal de la République Française", № 98].

3115 ([возврат](#))

["Journal de la République Française", автор Марат, № I].

3116 ([возврат](#))

["L'Ami du Peuple" № 173. (26 июля 1790 г.). Во многом виновата память тщеславных людей, склонных к неумеренному самовозвеличиванию. Я видел в психушках пациентов, которые, уверовав в свое возвышенное положение, рассказывали о своих успехах примерно в том же духе, что и Марат". (Шевремон, I., 40, 47, 54). "Сообщения о необыкновенных исцелениях, произведенных мною, приводили ко мне огромные толпы больных. Улица перед моей дверью была заставлена каретами. Люди приезжали ко мне на консультацию со всех кварталов..... Наконец появился реферат о моих экспериментах со светом, который произвел невероятную сенсацию во всей Европе; все газеты были заполнены им. В моем доме в течение шести месяцев находились двор и город..... Академия, обнаружив, что не может задушить мои открытия, попыталась создать впечатление, что они исходят из ее тела". В тот же день три академических органа по очереди пришли узнать, не представит ли он себя в качестве кандидата. "До сих пор несколько коронованных особ искали меня, и всегда из-за славы моих работ"].

3117 ([обратно](#))

["Journal de la République Française", 6 июля 1793 г.].

3118 ([обратно](#))

["Moniteur", (Сессия Конвента, 25 сентября 1792 г.). Марат, действительно, постоянно претендует на пост временного диктатора. ("L'Ami du peuple", №№ 258, 268, 466, 668 и "Appel à la nation", p.53)].

3119 ([возвращение](#))

["Moniteur", (Сессия Конвента, 25 сентября 1792 г.). Марат, действительно, постоянно претендует на пост временного диктатора. ("L'Ami du peuple", №№ 258, 268, 466, 668 и "Appel à la nation", p.53)].

3120 ([возвращение](#))

["Moniteur", (Сессия Конвента, 25 сентября 1792 г.). Марат, действительно, постоянно претендует на пост временного диктатора. ("L'Ami du peuple", №№ 258, 268, 466, 668 и "Appel à la nation", p.53)].

3121 ([возвращение](#))

[Chevremont, I., 40. (Письма Марата, 1793)].

3122 ([возврат](#))

["Journal de la Republique Française", No.98.]

3123 ([возврат](#))

[Слова Марата и Панеса. (Шевремон, I., 197, 203; также "Революция" II., 290, 2-е примечание)].

3124 ([возврат](#))

[Michelet, "Histoire de la Révolution", II., 89. (Рассказано мсье Бурдые, врачом Марата, мсье Серру, физиологу). Барбару, "Мемуары", 355, (после визита к Марату): "Вы должны видеть, как поверхностно Марат писал свои статьи. Не имея никакого представления о публичном человеке, он спрашивал первого встречного, что тот о нем думает, и записывал это, восклицая: "Я раздавлю негодяя!""].

3125 ([возвращение](#))

[Chevremont, I., 361. (Из памфлета против Неккера, написанного Маратом в июле 1790 года)].

3126 ([обратно](#))

["L'Ami du Peuple", № 552 (30 августа 1791 г.)].

3127 ([возврат](#))

["Там же", № 626. (15 декабря 1791 г.). Ср. "Революция", II., 129, о количестве вооруженных эмигрантов. На данный момент разрешенное число, как опубликовано, составляет четыре тысячи].

3128 ([возвращение](#))

[Его грязные обвинения не могут быть процитированы. См. в Buchez et Roux, IX., 419 (26 апреля 1791 г.) и X., 220 (№№ за 17, 19 и 21 июня) его заявление против Лафайета; еще раз его список с его гнусными квалификациями "негодяев и мошенников", которые агитируют за выборы, и его письма об академиках].

3129 ([возврат](#))

["Buchez et Roux", X., 407 (Sept., 1791).- Ср. там же, 473. По словам Марата, "бесполезно измерять градус меридиана; египтяне уже дали эту меру". Академики добились ассигнования в тысячу крон на расходы этого предприятия, небольшой кусок, который они по-братски разделили между собой"].

3130 ([возвращение](#))

[Chevrement, I., 238-249. "L'Ami du peuple", №№ 419, 519, 543, 608, 641. Другие столь же экстравагантные фальшивки почти все гротескны. № 630, (15 апреля 1792 г.). "Симонно, мэр д'Этампа, - позорный министерский монополист". № 627, (12 апреля 1792 г.). Делессар, министр, "принимает золото за то, чтобы против него был принят подложный декрет". No. 650, (10 мая 1792 г.). "Людовик XVI. желал войны только для того, чтобы установить свой деспотизм на нерушимом фундаменте"].

3131 ([возвращение](#))

[Шевремон, I., 106. (Проект декларации прав человека и гражданина, 1789 г.) - Там же, I., 196].

3132 ([возвращение](#))

["L'Ami du peuple", № 24 и 274.- Ср. "Placard de Marat", Sept. 18, 1792. "Национальный конвент должен всегда находиться под наблюдением народа, чтобы народ мог побить его камнями, если он пренебрежет своим долгом"].

3133 ([возврат](#))

["L'Ami du peuple", №№ 108-111 (20-23 мая 1790 г.)].

3134 ([возврат](#))

["Там же", № 258 (22 октября 1790 г.)].

3135 (возвращение)

[Там же, № 286 (20 ноября 1790 г.)].

3136 (возвращение)

[Там же, № 198 (22 августа 1790 г.)].

3137 (возврат)

[Там же, № 523 и 524 (19 и 20 июля 1791 г.)].

3138 (возвращение)

[Там же, № 626 (15 декабря 1791 г.)].

3139 (возвращение)

[Там же, № 668 (8 июля 1792 г.) - Ср. № 649 (6 мая 1792 г.). Он одобряет убийство генерала Диллона его людьми и рекомендует войскам повсеместно поступать так же].

3140 (возвращение)

[Там же, № 677 (10 августа 1792 г.). См. также последующие номера, особенно № 680 от 19 августа, где рассказывается о расправе над пленными в Аббатстве. И 21 августа: "Что касается офицеров, то они заслуживают того, чтобы их четвертовали, как Луи Капета и его манерных жаб"].

3141 (возврат)

[Buchez et Roux, XXVIII., 105. (Письмо шевалье Сен-Дизье, члена первого комитета Надзора, 10 сентября 1792 г.) -Michelet, II., 94. (В декабре 1790 г. он уже требует двадцать тысяч голов)].

3142 (возврат)

[Moniteur, Oct. 26, 1792. (Заседание Конвента, 24 октября.) "N-: Я знаю одного члена конвента, который слышал, как Марат сказал, что для обеспечения общественного спокойствия должно пасть еще двести семьдесят тысяч голов".

Вермонт: "Я заявляю, что Марат сделал это заявление в моем присутствии"].

Марат: "Что ж, я так и сказал; это мое таково мое мнение, и я его повторяю".

До последнего выступает за хирургические операции. (№ за 12 июля 1793 года, накануне смерти). Обратите внимание, что он говорит об антиреволюционерах. "Чтобы помешать им

вступить в какое-либо новое военное формирование, я предложил в то время, как необходимую благоразумную меру, отрезать им уши, или, скорее, большие пальцы". У него также были свои подражатели. (Buche et Roux, XXXII., 186, Заседание Конвента 4 апреля 1796 г.) Депутаты от популярного клуба Кетте "сожалеют, что не последовали его совету и не отрубили триста тысяч голов"]].

3143 (возвращение)

[Дантон никогда не писал и не печатал речей. "Я не писатель", - говорит он. (Garat, Memoires, 31.)].

3144 (возврат)

[Garat, "Memoires", III.: "Дантон не уделял серьезного внимания тем философам, которые в течение целого столетия обнаруживали в человеческой природе принципы социального искусства. Он не искал в своей собственной организации тех обширных и простых комбинаций, которых требует великая империя. Он обладал тем инстинктом великого, который составляет гений, и той тихой осмотрительностью, которая составляет рассудительность"]].

3145 (возвращение)

[Garat, ibid., 311, 312].

3146 (обратно)

[Глава государства может рассматриваться в том же свете, что и управляющий приютом для больных, слабоумных и немощных. При управлении своим приютом он, несомненно, не прочь посоветоваться с моралистом и физиологом; но, прежде чем следовать их указаниям, он должен помнить, что в его приюте все его обитатели, включая смотрителей и его самого, в большей или меньшей степени больны, слабоумны или немощны].

3147 (возвращение)

[De Sybel: "Histoire de l'Europe pendant la Revolution Française", (перевод Доске с немецкого) II., 303. "Теперь можно утверждать, что именно активные действия Дантона и первого комитета общественной безопасности раскололи коалицию и дали Республике силу противостоять Европе... Мы скоро увидим, напротив, что меры партии "Гора", отнюдь не ускорявшие вооружения, препятствовали им"]].

3148 (возвращение)

[Там же, I., 558, 562, 585. (Посредниками были Вестерманн и Дюмурье)].

3149 (обратно)

[2 Там же, II., 28, 290, 291, 293].

3150 ([обратно](#))

[Buchez et Roux, XXV., 445. (Заседание от 13 апреля 1793 г.)].

3151 ([обратно](#))

[Согласно заявлению графа Теодора де Ламета, старшего из четырех братьев Ламетов, полковника, а также депутата Законодательного собрания. Во время работы в Собрании он был хорошо знаком с Дантоном. После сентябрьской резни он укрылся в Швейцарии и был занесен в список эмигрантов. Примерно за месяц до смерти короля он захотел сделать последнее усилие и приехал в Париж. "Я отправился прямо в дом Дантона и, не называя своего имени, настоял на немедленной встрече с ним. Наконец, меня впустили, и я застал Дантона в ванне. "Вы здесь!" - воскликнул он. "Знаете ли вы, что мне достаточно сказать слово, и я отправлю вас на гильотину?" "Дантон, - ответил я, - вы великий преступник, но есть вещи, которые вы не можете сделать, и одна из них - донос на меня". "Вы пришли спасти короля?" "Да". Затем мы начали дружеский и доверительный разговор. "Я готов, - сказал Дантон, - попытаться спасти короля, но у меня должен быть миллион, чтобы купить необходимые голоса, и деньги должны быть на руках через восемь дней. Предупреждаю вас, что, хотя я могу спасти его жизнь, я буду голосовать за его смерть; я вполне готов спасти его голову, но не потерять свою". Месье де Ламет занялся сбором денег; он виделся с испанским послом и попросил передать дело Питту, который отказался. Дантон, как он и обещал, проголосовал за смерть короля, а затем помог или позволил вернуться месье де Ламету в Швейцарию. (Я получил этот рассказ от М. (вероятно, Паскье), который получил его из уст самого графа Теодора де Ламета)].

3152 ([возвращение](#))

[Garat. "Mémories", 317. "Двадцать раз, - сказал он мне однажды, - я предлагал им мир. Они не хотели его. Они отказывались мне верить, чтобы оставить за собой право погубить меня"].

3153 ([возвращение](#))

[Ср. "Древний режим", с. 501].

3154 ([обратно](#))

["Дантон", д-р Робинэ, *passim*. (Заметки Беона, одного из учеников Дантона; фрагмент Сент-Альбена) ["Революция", II., с. 35, сноска].

3155 ([возврат](#))

[Emile Bos, "Les Avocats du conseil du Roi", 515, 520. (См. брачный контракт Дантона и рассуждения о его состоянии. С 1787 по 1791 год он привлекался в качестве адвоката только в трех случаях)].

3156 (возврат)

[Мадам Ролан, "Мемуары" (Заявление мадам Дантон мадам Ролан)].

3157 (обратно)

[Выражения, используемые Гаратом и Родерером. Ларевильер-Лепо называет его "циклопом"].

3158 (возврат)

[Фоше называет его "Плутоном красноречия"].

3159 (обратно)

[Riouffe, "Mémoires sur les prisons". "В тюрьме каждое высказывание смешивалось с клятвами и грубыми выражениями"].

3160 (обратно)

[Термины, используемые Фабром д'Эглантином и Гаратом.- Бегно, очень хороший наблюдатель, имел точное впечатление о Дантоне ("Mémoires", I, 249-252).- М. Дюфор де Северни (рукопись воспоминаний опубликована мсье Робером де Кречечером) после казни Бабефа в 1797 году имел возможность слышать разговор палача Самсона с военным комиссаром в трактире между Вандомом и Блуа. Самсон рассказывал о последних минутах Дантона и Фабра д'Эглантина. Дантон, направляясь на эшафот, спросил, можно ли ему спеть. "Ничто не мешает", - ответил Самсон. "Хорошо. Постарайтесь запомнить стихи, которые я только что сочинил", и он спел следующие на модную мелодию:

Nous sommes menés au trépas Нас ведут на смерть.
Шайка негодяев, шайка негодяев
c'est ce qui nous désole. что заставляет нас грустить.
Mais bientôt le moment viendra Но скоро наступит время.
Où chacun d'eux y passera, when all of them shall follow
c'est ce qui nous console." это наше утешение].

3161 (возвращение)

[Buchez et Roux, XXI., 108. Речь (печатная) Петиона: "Марат обнял Дантона, а Дантон обнял его. Я подтверждаю, что это произошло в моем присутствии"].

3162 (возврат)

[Buchez et Roux, XXI., 126. ("Максимилиану Робеспьеру и его роялистам", памфлет Луве.) - Beugnot, "Mémoires", I., 250: "По прибытии в Париж в качестве депутата от моего департамента (в Законодательное собрание) Дантон разыскал меня и хотел, чтобы я присоединился к его партии. Я обедал с ним три раза, в Коммерческом суде, и всегда уходил, напуганный его планами и энергией..... Он довольствовался тем, что заметил своему другу

Куртуа и моему коллеге: "Ваш большой Бугно - всего лишь приверженец, вы ничего не можете с ним сделать""].

3163 (возвращение)

[Район Кордельеров. (Buche et Roux, IV., 27.) Заседание собрания округа Кордельеров, 11 ноября 1789 года, на котором утверждается постоянное председательство Дантона. Он всегда переизбирается, причем единогласно. Это первый признак его господства, хотя иногда, чтобы сохранить видимость диктатуры, он избирает своего главного клерка Паре, которого впоследствии сделал министром].

3164 (возвращение)

[Buche et Roux, IV., 295, 298, 401; V., 140].

3165 (возврат)

[Ibid., VIII., 28 (октябрь 1790 г.)].

3166 (возврат)

[Там же, IX., 408: X., 144, 234, 297, 417.- Лафайет "Mémoires", I., 359, 366. Сразу же после смерти Мирабо (апрель 1791 г.) планы Дантона становятся очевидными, а его инициатива - чрезвычайно важной].

3167 (возврат)

["Революция", II., 238 (примечание) и 283.- Гарат, 309: "После 20 июня в замке все устраивали беспорядки, сила которых с каждым днем возрастала. Дантон устроил 10 августа, и в замке грянул гром" - Robinet: "Le Procès des Dantonistes", 224, 229. ("Journal de la Société des amis de la Constitution", No. 214, June 5, 1792.) Дантон предлагает "закон Валерия Публиколы, принятый в Риме после изгнания Тарквинов, разрешающий каждому гражданину убивать любого человека, осужденного за высказывание мнений, противоречащих законам государства, за исключением случаев, когда есть доказательства преступления". (Там же, № 230 и 231, 13 июля 1792 г.) Дантон побуждает присутствующих федералов "поклониться, что они не покинут столицу до тех пор, пока не будет установлена свобода и пока воля департамента не станет известна о судьбе исполнительной власти". Таковы принципы и инструменты "10 августа" и "2 сентября"].

3168 (возвращение)

[Гарат, 314. "Он на мгновение присутствовал в комитете общественной безопасности. Произошли вспышки 31 мая и 2 июня; он был автором обоих этих дней"].

3169 (возврат)

[Декреты от 6 и 7 апреля 1793 г.]

3170 ([возврат](#))

[Указ от 5 сентября 1793 г.].

3171 ([возврат](#))

[Указ от 10 марта 1793 г.].

3172 ([возврат](#))

[1 и 12 августа 1793 г.].

3173 ([возврат](#))

[См. "Революция", т. III, гл. I.-Buche et Roux, XXV., 285. (Заседание 26 ноября 1793 г.)- Moniteur, XIX., 726. Дантон (16 марта 1794 г.) добивается принятия декрета, согласно которому "впредь на трибуне палаты будут заслушиваться только прозаические речи"].

3174 ([возврат](#))

[Archives Nationales, Papers of the Committee of General Security, No 134.-Letter of Delacroix to Danton, Lille, March 25, 1793, on the situation in Belgium, and the retreat of Dumouriez.... "Мое письмо так длинно, что я боюсь, что вы не дочитаете его до конца... Окажите мне услугу, забыв о вашей обычной праздности" - Письмо Шабо Дантону, Фример 12, год II. "Я знаю ваш гений, мой дорогой коллега, и, следовательно, вашу природную ленивость. Я боялся, что вы не дочитаете меня до конца, если я напишу длинное письмо. Тем не менее я полагаюсь на вашу дружбу, которая сделает исключение в мою пользу"].

3175 ([возвращение](#))

[Математика Лагранжа, сенатора при империи, спросили, как получилось, что он проголосовал за ужасные ежегодные воинские повинности. "Это не оказало никакого разумного влияния на таблицы смертности", - ответил он].

3176 ([возвращение](#))

[Garat, 305, 310, 313. "Его друзья почти боготворили его"].

3177 ([обратно](#))

[Ibid., 317.-Thibeaudeau, "Mémoires", I., 59].

3178 ([обратно](#))

[Quinet, "La Révolution", II., 304. (Согласно неопубликованным мемуарам Бодо.) Все эти высказывания друзей Дантона несут на себе отпечаток самого Дантона. Во всяком случае, они точно выражают его идеи].

3179 ([обратно](#))

[Riouffe, 67.]

3180 ([обратно](#))

[Miot de Melito, "Mémoires", I., 40, 42.-Michelet, "Histoire de la Révolution Française", VI., 34; V. 178, 184. (О второй женитьбе Дантона в июне 1793 года на шестнадцатилетней девушке. О его путешествии в Арси, март 1794 г.)-Риуф, 68. В тюрьме "он постоянно говорил о деревьях, деревне и природе"].

3181 ([возвращение](#))

[Мы можем проследить влияние его отношения к обществу в полицейских отчетах, особенно в конце 1793 и начале 1794 года. (Archives Nationales, F 7, 31167 отчет Шармона, Nivôse 6, год II.) "Робеспьер необычайно вырос в общественной оценке, особенно после его речи в Конвенте, в которой он призывает своих коллег сплотиться и подавить монстров во внутренних районах, а также в которой он призывает всех поддержать новое революционное правительство своим умом и талантами..... Я должен заявить, что везде слышал, как его имя упоминалось с восхищением. В заключение они сказали, что всем членам Конвента следовало бы принять меры, предложенные Робеспьером" - (Отчет Робена, Nivôse 8.) "Гражданина Робеспьера чествуют повсюду, во всех группах и в кафе. В кафе "Манури" говорили, что его взгляды на правительство - единственные, которые, как магнит, притягивают всех граждан к Революции. С гражданином Бийо-Варенном дело обстоит иначе". (Отчет провизора, Nivôse 9.) "В некоторых клубах и группах ходят слухи, что Робеспьер должен быть назначен диктатором..... Народ отдает должное его строгим достоинствам; замечено, что он ни разу не изменил своих взглядов с начала Революции"].

3182 ([возврат](#))

["Souvenirs d'un déporté." by P. Villiers, (секретарь Робеспьера в течение семи месяцев в 1790 году), р. 2. "Кропотливая чистота."-Buche et Roux, XXXIV., 94. Описание Робеспьера, опубликованное в газетах после его смерти: "Его одежда была изысканно чистой, а волосы всегда тщательно расчесаны"].

3183 ([возврат](#))

[D'Hericault, "La Revolution du 9 Thermidor", (в изложении Daunou).- Meillan, "Mémoires", р.4. "Его красноречие было не чем иным, как диффузной декламацией без порядка и метода, и особенно без выводов. Каждый раз, когда он говорил, мы были вынуждены спрашивать его, к чему он клонит. Он никогда не предлагал никаких средств. Он оставил задачу поиска средств другим, и особенно Дантону"].

3184 ([возврат](#))

[Buche et Roux, XXXIII., 437, 438, 440, 442. (Речь Робеспьера, Термидор 8, год II.).]

3185 (возвращение)

[Там же, XXX, 225, 226, 227, 228 (Речь, 17 ноября 1793 г.) и XXXI, 255 (Речь, 26 января 1794 г.). "Политика лондонского кабинета во многом способствовала первому движению нашей революции..... Пользуясь политическими бурями (кабинет) стремился осуществить в измученной и расчлененной Франции смену династии и посадить герцога Йоркского на трон Людовика XVI..... Питт - имбецил, что бы ни говорили о его репутации, которая была слишком сильно раздута. Человек, который, злоупотребляя влиянием, приобретенным им на острове, бессистемно расположенном в океане, желает вступить в борьбу с французским народом, не мог бы придумать столь абсурдный план где-нибудь еще, кроме как в сумасшедшем доме" [Ibid., XXX., 465].

3186 (возвращение)

[Ibid., XXVI., 433, 441, (Речь о конституции, 10 мая 1793 г.); XXXI., 275. "Доброта состоит в том, что народ предпочитает себя тому, что не является им самим; магистрат, чтобы быть добрым, должен принести себя в жертву народу.".... "Пусть сначала будет принята эта максима, что народ добр, а его делегаты неподкупны"... . XXX., 464. (Речь, 25 декабря 1793 года): "Добродетели - это удел несчастных и достояние народа"].

3187 (возвращение)

[См. passim, Hamel, "Histoire de Robespierre", 3 vols. Сложный панегирик, полный деталей. Хотя прошло уже восемьдесят лет, Робеспьер по-прежнему делает из людей дурочек, используя свои взгляды и риторические приемы. Месье Гамель дважды намекает на его сходство с Иисусом Христом. Действительно, это сходство иезуитов Паскаля с Иисусом из Евангелия].

3188 (возврат)

["Древний режим", с.262.]

3189 (обратно)

[Garat, "Mémoires", 84. Гарат, который сам является идеологом, отмечает "его вечные разговоры о правах человека, суверенитете народа и других принципах, о которых он постоянно говорил и по которым он никогда не высказывал ни одной точной или свежей идеи"].

3190 (возвращение)

[Читайте особенно его речь о конституции (10 мая 1793 г.), доклад о принципах республиканского правительства (15 декабря 1793 г.), речь о соотношении религиозных и национальных идей с республиканскими принципами (7 мая 1794 г.) и речь 8 термидора - Carnot: "Memoires", II., 512. "Во всех рассуждениях о делах он не вносил ничего, кроме туманных обобщений"].

3191 ([возвращение](#))

[В течение этого столетия все значительные якобинские лидеры, Гитлер, Муссолини, Ленин, Сталин, Кастро и др. в свою очередь следовали примеру Робеспьера и надоедали пленным слушателям своими бесконечными речами. (SR).]

3192 ([возврат](#))

[Buchez et Roux, XXXIII., 406. (Речь, произнесенная 8 термидора.) Печатная копия рукописи с исправлениями и подчистками].

3193 ([возврат](#))

[Там же, 420, 422, 427.]

3194 ([возврат](#))

[Там же, 428, 435, 436. "О день вечно благословенный! Какое зрелище представляет собой весь французский народ, собравшийся вместе и воздающий автору природы единственное достойное его почтение! Как восхитителен каждый предмет, чарующий взор и трогаящий сердце человека! О почтенная старость! О щедрый пыл юных жителей нашей страны! О невинная, чистая радость юных граждан! О изысканные слезы нежных матерей! О божественное очарование невинности и красоты! Какое величие в великом народе, счастливом в своей силе, могуществе и добродетели!"- "Нет, Шарметта, нет, смерть - не сон вечности!"- "Помни, о народ, что в республике и т. д."- "Если такие истины нужно скрывать, то принесите мне болиголов!"].

3195 ([возвращение](#))

["Речь", 7 мая 1794 года. (О моральных и религиозных идеях в связи с республиканскими принципами)]

3196 ([обратно](#))

[Олицетворения. От греч. to make persons (SR)].

3197 ([возврат](#))

[Buchez et Roux, XXXIII., 436. "Верры и Катилины нашей страны". (Речь на 8-е термидора.) - Отметим особенно речь, произнесенную 7 марта 1794 года, полную классических реминисценций].

3198 ([возврат](#))

[Там же, XXXIII, 421. "Истина имеет трогательные и страшные акценты, которые мощно звучат как в чистых сердцах, так и в виновной совести, и которые ложь может подделать не больше, чем Саломея может подделать громы небесные"-437: "Почему те, кто вчера предсказывал такие страшные бури, теперь смотрят только на самые пушистые облака? Почему те, кто

совсем недавно восклицал: "Я утверждаю, что мы ступаем по вулкану", теперь видят себя спящими на ложе из роз?"]

3199 ([обратно](#))

[Там же, XXXII, 360, 361. (Портреты энциклопедистов и эбертистов)].

31100 ([обратно](#))

[Там же, XXXIII., 408. "Здесь я должен открыть свое сердце" -XXXII., 475-478, заключительная часть].

31101 ([возвращение](#))

[Hamel: "Histoire de Robespierre", I., 34-76. Адвокат в 23 года, член клуба Розати в Аррасе в 24 года, член Аррасской академии в 25 лет. Королевское общество Меца присудило ему вторую премию за рассуждения против предрассудков, считающих родственников осужденных преступников позорниками. Его панегирик Грессе не был отмечен Амьенской академией. Он читает в Аррасской академии доклад против гражданской недееспособности незаконнорожденных детей, а затем еще один - о реформах в уголовной юриспруденции. В 1789 году он становится президентом Аррасской академии и публикует панегирик Дюпати и обращение к народу Артуа о качествах, необходимых для будущих депутатов].

31102 ([возврат](#))

[См. его панегирик Руссо в речи от 7 мая 1794 года. (Buche et Roux, XXXII., 369.-Garat, 85. "Я надеялся, что его выбор Руссо в качестве образца стиля и постоянное чтение его произведений окажут некоторое хорошее влияние на его характер"].

31103 ([возврат](#))

[Fievée, "correspondance" (вступление). Фиве, который слышал его в Якобинском клубе, сказал, что он похож на "портного старого режима". Ла Ривейер-Лепо, "Мемуары"; Бюше и Ру, XXXIV, 94; Малуэ, "Мемуары", II, 135. (Заседание 31 мая 1791 года, после произнесения речи аббата Рейналя.) "Это первый и единственный раз, когда я нашел Робеспьера ясным и даже красноречивым..... Он, как обычно, произнес вступительные фразы, в которых заключался дух его речи и которые, несмотря на его привычную рифмованность, произвели тот эффект, на который он рассчитывал"].

31104 ([возврат](#))

["Courrier de Provence", III., № 52, (7 и 8 октября 1789 г.).-Buche et Roux, VI., 372. (Заседание от 10 июля 1790 г.) Другая подобная ошибка была допущена им по случаю американской делегации. Президент выступил с ответом, который был "единодушно встречен аплодисментами". Робеспьер хотел высказаться, несмотря на возражения Собрания, нетерпеливого к его словоблудию, которое в конце концов уложило его. Под смех "мсье аббат Мори иронически требует напечатать речь мсье Робеспьера"].

31105 ([возврат](#))

[Л. Вилье, 2.]

31106 ([обратно](#))

[См. его основные речи в Учредительном собрании: против военного положения; против вето, даже условного; против квалификации серебряной марки и в пользу всеобщего избирательного права; за принятие в Национальную гвардию недействующих граждан; за брак священников; за отмену смертной казни; за предоставление политических прав цветным; за запрещение отцу отдавать предпочтение кому-либо из своих детей; за объявление "учредителей" неправомочными в Законодательном собрании и т. д. О королевской власти: "Король - не представитель, а клерк нации". Об опасности предоставления политических прав цветным: "Пусть колонии погибнут, если они будут стоять вам чести, славы, свободы!"].

31107 ([возврат](#))

[Hamel, I., 76.77, (март, 1789). "Мое сердце честное, и я стою твердо; я никогда не склонялся под игом подлости и разврата". Он перечисляет добродетели, которыми должен обладать представитель Третьего сословия (26, 83). Он уже демонстрирует свою способность к самобичеванию и склонность считать себя жертвой: "Они делают из народных защитников мучеников. Если бы они имели власть лишить меня преимуществ, которым они завидуют, могли бы они вырвать у меня мою душу и сознание тех благ, которые я хочу им дать"].

31108 ([обратно](#))

[Buchez et Roux, XXXIII. "Кто я такой, что меня так обвиняют? Раб свободы, живой мученик Республики, одновременно жертва и враг преступления!" См. эту речь полностью].

31109 ([возврат](#))

[Особенно в обращении к французскому народу (авг., 1791), которое в оправдательной форме является его апофеозом; см. Hamel, II., 212; Речь в Якобинском клубе (27 апреля 1792)].

31110 ([возвращение](#))

[Hamel, I., 517, 532, 559; II., 5].

31111 ([обратно](#))

[Laréveillère-Lepeaux, "Mémoires."-Barbaroux, "Mémoires," 358. (Оба - после визита к нему)].

31112 ([вернуться](#))

[Приверженцы Робеспьера постоянно присутствуют в якобинском клубе и в Конвенте, чтобы

послушать его речи и поаплодировать ему, и называются, по их состоянию и одежде, "толстыми буратинами"]].

31113 ([возврат](#))

[Buchez et Roux, XX., 197. (Заседание I ноября 1792 г.) - "Chronique de Paris", 9 ноября 1792 г., статья Кондорсе. С острой проницательностью человека из мира он ясно видел характер Робеспьера. "Робеспьер проповедует, Робеспьер порицает; он одушевлен, серьезен, меланхоличен, нарочито восторжен и систематичен в своих идеях и поведении. Он громит богатых и великих; он живет ни на что и не имеет никаких физических потребностей. Его единственная миссия - говорить, и это он делает почти постоянно... Его черты - это черты не религиозного реформатора, а вождя секты. Он завоевал репутацию аскета, приближающуюся к святости. Он вскакивает на скамейку и рассуждает о Боге и Провидении. Он называет себя другом бедных; он привлекает вокруг себя толпу женщин и "нищих духом", и серьезно принимает их почтение и поклонение..... Робеспьер - священник и никогда не будет никем другим". Среди почитательниц Робеспьера следует упомянуть мадам де Шалабр (Hamel, I., 525), молодую вдову (Hamel, III., 524), которая предлагает ему свою руку с доходом в сорок тысяч франков. "Вы - мое верховное божество, - пишет она ему, - и я не знаю другого на этой земле! Я считаю тебя своим ангелом-хранителем и хотела бы жить только по твоим законам"]].

31114 ([возврат](#))

[Fievée, "Correspondance", (вступление)].

31115 ([обратно](#))

[Отчет Куртуа о бумагах, найденных в жилище Робеспьера. Оправдательные документы № 20, письмо секретаря Комитета надзора Сен-Кале, Нивозе 15, год II].

31116 ([возврат](#))

[Там же, № 18. Письмо В-, бывшего инспектора "droits réservés", 5 февраля 1792 г.].

31117 ([возврат](#))

[Там же, № 8. Письмо П. Бринкура, Седан, 29 августа 1793 г.].

31118 ([возврат](#))

[Там же, № I. Письмо Бессона с обращением народного клуба Меноска, прериаль 23, год II].

31119 ([обратно](#))

[Там же, № 14. Письмо Д-, члена клуба кордельеров и бывшего мерсера, 31 января 1792 г.]

31120 ([возврат](#))

[Там же, № 12. Письмо С-, Шато Тьерри, 30 прериаля, год II].

31121 ([возврат](#))

[Hamel, III., 682. (Скопировано с рукописей Бийо-Варенна, хранящихся в Национальном архиве)].

31122 ([возврат](#))

[Moniteur, XXII, 75. (Заседание Вандемьера 18, год III. Речь Линьелота.) "Робеспьер держал под своим контролем все народные клубы"].

31123 ([обратно](#))

[Garat, 85. "Наиболее заметным чувством Робеспьера, которое он не скрывал, было то, что защитник народа никогда не мог видеть плохого" (Bailleul, цит. по Carnot's Memoirs, I. 516.) "Он считал себя привилегированным существом, предназначенным стать восстановителем и наставником народа"].

31124 ([возврат](#))

[Речь от 16 мая 1794 года и от 8 термидора II года].

31125 ([обратно](#))

[Buchez et Roux, X., 295, 296. (Заседание 22 июня 1791 года Якобинского клуба.)-Там же, 294.- Марат говорил в том же духе: "Я стал проклятием для всех хороших людей во Франции". В тот же день он пишет: "Писателей, выступающих от имени народа, будут таскать по темницам. Друг народа", чей последний вздох отдан за свою страну и чей верный голос все еще зовет вас к свободе, должен найти свою могилу в огненной печи". Последнее выражение показывает разницу в их воображении].

31126 ([возвращение](#))

[Hamel, II., 122. (Заседание Якобинского клуба, 10 февраля 1792 г.) "Получить смерть от рук тиранов недостаточно - нужно заслужить смерть. Если верно, что первые защитники свободы стали ее мучениками, они не должны страдать от смерти, не унеся с собой в могилу тиранию" - См. там же, II, 215. (Заседание 27 апреля 1792 г.)].

31127 ([возвращение](#))

[Hamel, II., 513. (Речь в Конвенте, 7 прериаля, год II.)].

31128 ([возврат](#))

[Buchez et Roux, XXXIII., 422, 445, 447, 457. (Речь в Конвенте, Термидор 8, год II.)]

31129 ([возврат](#))

[Buchez et Roux, XX., 11, 18. (Заседание Якобинского клуба, 29 октября 1792 г.) Речь о Лафайете, фельянах и жирондистах. XXXI., 360, 363. (Заседание Конвента, 7 мая 1794 г.) О Лафайете, жирондистах, дантонистах и эбертистах. -XXXIII., 427. (Речь на Термидоре 8, год II.)].

31130 ([возврат](#))

[Garat, "Mémoires", 87, 88.]

31131 ([возврат](#))

[Buchez et Roux, XXI., 107. (Речь Петиона по поводу обвинений, выдвинутых против него Робеспьером. Петион справедливо возражает, что "Брюнсвик первым отрубил бы голову Бриссо, и Бриссо не настолько глуп, чтобы сомневаться в этом").

31132 ([возврат](#))

[Garat, 94. (После смерти короля и немного раньше 10 марта 1793 г.)].

31133 ([обратно](#))

[Там же, 97. В 1789 году Робеспьер уверял Гарата, что Неккер грабит казну и что люди видели мулов, нагруженных золотом и серебром, которые он миллионами отправлял в Женеву. - Carnot, "Mémoires", I. 512. "Робеспьер, - говорят Карно и Приер, - уделял очень мало внимания государственным делам, но очень много - государственным чиновникам; он делал себя невыносимым своим постоянным недоверием к ним, никогда не видя в них никого, кроме предателей и заговорщиков"].

31134 ([возврат](#))

[Buchez et Roux, XXXIII., 417. (Речь на Термидоре 8, год II.)].

31135 ([возврат](#))

[Ibid., XXXII, 361, (Речь 7 мая 794 года) и 359. "Безнравственность - основа деспотизма, как добродетель - сущность республики"].

31136 ([возвращение](#))

[Там же, 371.]

31137 ([возврат](#))

[Buchez et Roux, XXXIII., 195. (Доклад Кутона и декрет в соответствии с ним, Прериаль 22, год II.) "Революционный трибунал организован для наказания врагов народа.... Наказание за все

преступления, подпадающие под его юрисдикцию, - смерть. Врагами народа считаются те, кто ввел в заблуждение народ или его представителей, заставив их принять меры, противоречащие интересам свободы; те, кто стремился вызвать у народа недовольство, благоприятствуя начинаниям тиранов, заговорщиков против Республики; те, кто распространял ложные сведения, чтобы разделить или возмутить народ; тех, кто стремится изменить мнение и помешать народному образованию, породить разврат и развратить общественную совесть, уменьшить энергию и чистоту революционных и республиканских принципов или остановить их прогресс тех, кто, наделенный государственными функциями, злоупотребляет ими, чтобы служить врагам Революции, злить патриотов, угнетать народ и т.д."]

31138 (возврат)

[*"Buche et Roux"*, XXXV., 290. ("Институты" Сен-Жюста) "Революция охлаждена. Принципы утратили свою силу. Не осталось ничего, кроме красных колпаков, поношенных интригами" - Доклад Куртуа, "Оправдательные пиесы" № 20. (Письмо Пейса и Ромпийона, президента и секретаря комитета надзора Сен-Кале, Робеспьеру, 15 ноября II года). "Гора здесь состоит всего из дюжины или пятнадцати человек, на которых можно положиться, как на самого себя; остальные либо обмануты, либо соблазнены, либо развращены, либо завлечены. Общественное мнение развращено золотом и интригами честных людей"]].

31139 (возврат)

[Доклад Куртуа, N. 43.- Ср. *Namel*, III., 43, 71.- (Следующий важный документ хранится в Национальном архиве, F 7, 4446, и состоит из двух записок, написанных Робеспьером в июне и июле 1793 года): "Кто наши враги? Порочные и богатые..... Как остановить гражданскую войну? Наказать предателей и заговорщиков, особенно провинившихся депутатов и администраторов.... привести ужасные примеры.... запретить вероломных писателей и антиреволюционеров..... Внутренняя опасность исходит от буржуа; чтобы победить буржуа, надо сплотить народ. Настоящее восстание должно быть продолжено..... Восстание должно постепенно продолжать распространяться... Санкюлоты должны получать зарплату и оставаться в городах. Их нужно вооружить, обучить, натренировать"]].

31140 (возврат)

[Комитет общественной безопасности и особенно Робеспьер знали и командовали утоплением Нанта, а также главными расправами, учиненными Каррье, Турро и т. д. (Де Мартель, "Этюд о Фуше", 257-265.) - Там же, ("Типы революционеров", 41-49.) - *Buche et Roux*, XXXIII., 101 (26 мая 1794 г.) Доклад Барера и декрет конвента, предписывающий "не брать английских пленных". Робеспьер впоследствии высказывается в том же смысле. Там же, 458. После взятия Ньюпорта, где они взяли пять тысяч английских пленных, французские солдаты не захотели исполнять декрет конвента, на что Робеспьер (речь 8 термидора) сказал: "Я предупреждаю вас, что ваш декрет против англичан постоянно нарушается; Англия, с которой так плохо обращались в наших речах, пощажена нашим оружием"]].

31141 (возвращение)

[О жирондистах см. "Революция", II., 216].

31142 ([обратно](#))

["Buche et Roux", XXX., 157. набросок речи о факте Фабр д'Эглантин.-Там же, 336, Речь в Якобинском клубе против Клоотца.-XXXII., конспект доклада о деле Шабо, 18.-Там же, 69, Речь о сохранении ареста Дантона].

31143 ([возврат](#))

[Там же, XXX, 378. (10 декабря 1793 г.) По поводу женщин, собравшихся в Конвенте, чтобы обеспечить свободу своим мужьям: "Должны ли республиканские женщины забывать о своих достоинствах гражданок, когда они вспоминают, что они жены?"].

31144 ([возвращение](#))

[Hamel, III., 196.-Michelet, V., 394, реферат судебных дебатов по вопросу об отстранении жирондистов: "Протокол этого декрета найден в почерке Робеспьера"]].

31145 ([возврат](#))

[De Martel, "Types revolutionnaires", 44. Инструкции, направленные в Революционный трибунал в Оранже, написаны почерком Робеспьера (Archives Nationales, F7 4439.)].

31146 ([возврат](#))

[Мерлен де Тионвиль.]

31147 ([возврат](#))

[Buche et Roux, XXXII., 71. (О Дантоне.) "Еще до конца дня мы увидим, разобьет ли конвент идола, давно сгнившего..... В каком отношении Дантон превосходит своих сограждан? Я говорю, что тот, кто сейчас колеблется, виновен..... Дебаты, только что начавшиеся, представляют опасность для страны."-Также речь полностью, против Клоотца].

31148 ([возврат](#))

[Там же, XXX, 338. "Увы, страдающие патриоты, что мы можем сделать, окруженные врагами, сражающимися в наших собственных рядах!... Будем бодрствовать, ибо падение нашей страны не за горами" и т. д. - Эти кантаты с аккомпанементом небесной арфы ужасны, если учесть обстоятельства. Например, 3 сентября 1792 года в избирательном собрании во время резни: "Месье Робеспьер поднимается на трибуну и заявляет, что он спокойно встретит сталь врагов общественного блага и унесет с собой в могилу удовлетворение от того, что послужил своей стране, уверенность в том, что Франция сохранила свою свободу" [Archives Nationales, C. II., 58-76].

31149 ([возврат](#))

[Buche et Roux, XXXII., 360, 371. (Речь от 7 мая 1794 г.) "Дантон! Самый опасный, если бы он

не был самым трусливым, из врагов своей страны..... Дантон, самый холодный, самый равнодушный, во время величайшей опасности для своей страны"]].

31150 (возврат)

["Там же, XXXIV", - ср. описание его Фиве, который видел его на трибуне в Якобинском клубе].

31151 (обратно)

[Мерлен де Тионвиль "Смутное, болезненное беспокойство, обусловленное его темпераментом, было единственным источником его активности"]].

31152 (обратно)

[Барер, "Mémoires". "Он хотел управлять Францией скорее влиятельно, чем непосредственно" - Buchez et Roux, XIV., 188. (Статья Марата.) Во время первых заседаний Законодательного собрания Марат однажды встретился с Робеспьером и объяснил ему свои планы по возбуждению народных волнений и очистительной резне. "Робеспьер выслушал меня с ужасом, побледнел и несколько мгновений молчал. Эта беседа утвердила меня в том мнении, которое я всегда имел о нем, - что в нем сочетались просвещенность мудрого сенатора с порядочностью искреннего доброго человека и рвением истинного патриота, но что ему в равной степени недоставало взглядов и смелости государственного деятеля" - Thibaudeau, "Mémoires", 58. Он был единственным членом комитета общественной безопасности, который не присоединился к миссиям департамента].

31153 (возврат)

["Грандисонец" - человек, похожий на героя романа Ричардсона, сэра Уолтера Грандисона, благосклонный, вежливый и рыцарственный. (SR)].

31154 (возврат)

[Buchez et Roux XX., 198. (Речь Робеспьера в Конвенте, 5 ноября 1792 г.)].

31155 (возврат)

[Все эти заявления Робеспьера противоречат истине. 1 сентября 1792 г. Робеспьер дважды выступает на вечернем заседании. Свидетельства двух лиц, оба согласные, указывают, кроме того, что он выступал на утреннем заседании, причем имена выступавших не называются. "Вопрос, - говорит Петион (Buchez et Roux, XXI., 103), - заключался в декрете об открытии барьеров". Этот декрет обсуждается в Коммуне на утреннем заседании 1 сентября: "Робеспьер по этому вопросу говорил самым оживленным образом, уходя в мрачные полеты воображения; он видел пропасти у своих ног и заговоры либертистов; он обозначал мнимых заговорщиков" - Луве (там же, 130) назначает ту же дату (за исключением того, что он принимает вечер за утреннее заседание) для первого обличения Робеспьером жирондистов: "Значит, никто, - говорит Робеспьер, - не осмеливается назвать предателей? Хорошо, я их осуждаю. Я обличаю их ради безопасности народа. Я обличаю либертиста Бриссо, фракцию жирондистов, злодейский комитет двадцати одного депутата Национального собрания. Я

осуждаю их за то, что они продали Францию Брунсвику и получили аванс за свою подлость" - сентябрь 2, ("Вербальные процессы Коммуны", вечернее заседание), "ММ. Бийо-Варенн и Робеспьер, развивая свои гражданские чувства,... разоблачают перед Генеральным советом заговорщиков в пользу герцога Брауншвейгского, которого влиятельная партия хочет посадить на трон Франции". - 3 сентября, в 6 часов утра, (Buche et Roux, 16, 132, письмо Луве) комиссары Коммуны являются в дом Бриссо с приказом осмотреть его бумаги; один из них говорит Бриссо, что у него есть восемь подобных приказов против депутатов Жиронды и что он должен начать с Гваде. (Письмо Бриссо с жалобой на этот визит, Moniteur, 7 сентября 1792 г.) В тот же день, 31 сентября, Робеспьер председательствует в Коммуне. (Granier de Cassagnac, "Les Girondins" II., 63.) Именно сюда приходит депутация секции Mauconseil, чтобы найти его, и "Conseil" поручает ему комиссию в Храме. 4 сентября (Buche et Roux, XXI., 106, речь Петиона) Коммуна выдает ордер на арест Ролана; Дантон приходит в мэрию вместе с Робеспьером и добивается отмены ордера; Робеспьер в конце говорит Петиону: "Я считаю, что Бриссо принадлежит к Брунсвику" - Там же, 506. "Робеспьер (до 2 сентября), возглавил Консейль"-Ibid., 107. "Робеспьер, - сказал я, - вы делаете много плохого. Ваши доносы, ваши страхи, ненависть и подозрения возбуждают народ"]].

31156 ([обратно](#))

[Garat, 86.- Ср. Hamel, I., 264. (Речь, 9 июня 1791 г.)].

31157 ([обратно](#))

["Революция", II., 338, 339. (Речь 3 августа 1792 г.)].

31158 ([возврат](#))

["Буше и Ру", XXXIII., 420. (Речь, 8 термидора.)].

31159 ([возврат](#))

[Ibid., XXXII, 71. (Речь против Дантона.) "Что вы сделали такого, чего не сделали свободно?"]].

31160 ([обратно](#))

[Там же, XXXIII., 199 и 221. (Речь о законе Прериала 22.)].

31161 ([обратно](#))

[Мирабо сказал о Робеспьере: "Что бы этот человек ни сказал, он в это верит". Робеспьер, гость Дюплея, каждый день обедал с Дюплеем, присяжным революционного трибунала и помощником гильотины, за восемнадцать франков в день. Разговоры за столом, вероятно, сводились к текущим абстракциям; но, должно быть, часто упоминались осуждения того времени, и даже если они не упоминались, они были в их памяти. Только Роберт Браунинг в наши дни мог бы представить и оживить то, что говорилось и думалось в тех вечерних беседах матери и дочерей"]].

31162 (возврат)

[Сегодня, более 100 лет спустя, где мы находимся? Возможно ли, чтобы человек мог так лгать самому себе, а значит, и другим? Роберт Райт в своей книге "Нравственное животное", описывая "Новую науку эволюционной психологии", пишет (стр. 280): "Смысл этого предложения заключается в том, что человеческий мозг в значительной степени является машиной для выигрыша споров, машиной для убеждения других в том, что его владелец прав, и, следовательно, машиной для убеждения своего владельца в том же самом. Мозг подобен хорошему адвокату: при наличии любого набора интересов, которые нужно защитить, он убеждает мир в их моральной и логической ценности, независимо от того, есть ли у них на самом деле хоть что-то из этого. Как и адвокат, он иногда больше восхищает своим мастерством, чем добродетелью". (SR)].

31163 (возвращение)

[Buchez et Roux, XXXIII., 151.-См. Dauban, "Paris en 1794", p.386 (гравюра) и 392, "Праздник супрефекта в Ссо", согласно программе, составленной патриотом Паллоем. "Всех граждан просят быть у своих окон или дверей, даже тех, кто занимает заднюю часть главных зданий" - Там же, 399. "Молодые граждане будут осыпать цветами каждую станцию, отцы будут обнимать своих детей, а матери обратят свои взоры к небу" -Moniteur, XXX, 653. "План праздника в честь Верховного Существа, составленный Давидом и утвержденный Национальным конвентом"].

31164 (возврат)

["Buchez et Roux", XXXIII, 176. (Рассказ Валате)].

31165 (возврат)

[Hamel, III., 541.]

31166 (возврат)

[Buchez et Roux, XXVIII., 178, 180.]

31167 (возврат)

[Там же, 177 (изложение Вилате.) Там же, 170, Записки Робеспьера о Бурдоне (де л'Уаз) 417. Отрывки, вычеркнутые Робеспьером в рукописи его речи на Термидоре 8.-249. Аналогичные места в его речи в том виде, в каком она была произнесена, - все эти указания позволяют нам проследить глубину его негодования].

31168 (обратно)

[Там же, 183. Мемуары Бийо-Варенна, Колло д'Эрбуа, Вадье и Барера. "На следующий день после 22 прериаля, на утреннем заседании (комитета общественной безопасности).... Теперь я вижу, - сказал Робеспьер, - что я стою один, и никто меня не поддерживает, - и,

придя в яростное возбуждение, он бросился на членов комитета, которые вступили в заговор против него. Он кричал так громко, что собрал на террасе Тюильри несколько горожан". Наконец, "он довел лицемерие до того, что проливал слезы". Другой член комитета, Приер (Carnot, "Mémoires", II., 525), рассказывает, что в месяце Флореале, после еще одного столь же долгого и бурного заседания, "Робеспьер, измученный, заболел"]].

31169 (возврат)

[Carnot, "Mémoires", II. 526. "Поскольку его бюро находилось в отдельном месте, куда никто из нас не ступал, он мог удалиться туда, не вступая в контакт ни с кем из нас, что он, собственно, и сделал. Он даже делал вид, что проходит через комнаты комитетов после окончания заседания и подписывает какие-то бумаги; но на самом деле он ничем не пренебрегал, кроме наших общих дискуссий. Он часто проводил в своем доме конференции с председателями революционных трибуналов, на которых его влияние было велико как никогда"]].

31170 (возврат)

[Dauban, "Paris en 1794", 563.-Archives Nationales, AF.II., 58. Подпись Робеспьера, выполненная его собственным почерком, стоит на многих резолюциях Комитета общественной безопасности, принятых 5 и 7 термидора, а также на резолюциях Сен-Жюста и Кутона, принятых после этого, вплоть до 3, 6 и 7 термидора. В реестре протоколов Комитета общественной безопасности Робеспьер всегда числится присутствующим на всех заседаниях с 1-го мессидора по 8-е термидора включительно].

31171 (возврат)

[Archives Nationales, F.7, 4438. Доклад Комитету общественной безопасности Германа, комиссара гражданской и полицейской администрации и судов, мессидор 3, год II. "Комитет, которому поручено общее наблюдение за тюрьмами, вынужден признать, что все негодяи, в основном связанные с заговорами либертицидов, все еще находятся в тюрьмах, образуя отдельные группы и доставляя много хлопот; они являются постоянным источником беспорядков, постоянно предпринимают попытки к бегству, представляя собой ежедневное сборище лиц, посвящающих себя исключительно проклятиям в адрес свободы и ее защитников. Было бы легко указать в каждой тюрьме тех, кто служил и должен служить различным фракциям, различным заговорам..... Возможно, необходимо сразу же очистить тюрьмы и освободить почву свободы от их грязи, отбросов человечности". Поэтому Комитет общественной безопасности "порукает комиссии выяснить в тюрьмах Парижа... кто был более причастен к различным фракциям и заговорам, которые уничтожил Национальный конвент". В конце резолюции почерком Робеспьера стоит слово "одобрено", затем подпись Робеспьера, а ниже - Бийо и Барера. Аналогичная резолюция, предусматривающая 7-е число Мессидора, подписанная теми же лицами и еще пятью другими, была отправлена в тот же день. (Месье де Мартель нашел и использовал этот убедительный документ раньше меня; большая часть его цитируется в "Типах революции"]].

ГЛАВА II. ПРАВИТЕЛИ СТРАНЫ.

Давайте проследим за деятельностью нового правительства сверху донизу, от его правящих органов и лидеров до собраний, комитетов, делегатов, администраторов и подчиненных всех видов и степеней. Как живая плоть, на которую наложили клеймо раскаленного железа, так и ситуация наложит на их брови два клейма, каждое со своей глубиной и обесцвечиванием. И напрасно они стараются скрыть свои шрамы: под коронами и титулами мы обнаруживаем клеймо раба или клеймо тирана.

I. Конвенция.

Конвенция.- "Равнина"- "Гора"- Деградация душ.-Парады, которые Конвенция обязана проводить.

В Тюильри всемогущий Конвент восседает на престоле в театре, превращенном в зал заседаний. Он проводит свои обсуждения ежедневно, в величественном стиле. Его декреты, принимаемые со слепым повиновением, приводят в ужас Францию и расстраивают всю Европу. На расстоянии его величие впечатляет, оно более величественно, чем у республиканского сената в Риме. Вблизи же эффект совершенно иной; эти неоспоримые государи - крепостные, живущие в трансе, и справедливо, ибо нигде, даже в тюрьме, нет большей скованности и меньшей безопасности, чем на их скамьях. После 2 июня 1793 года их неприкосновенный участок, великий официальный резервуар, из которого вытекает законная власть, превращается в своего рода резервуар, в который погружается революционная сеть и успешно вылавливает самую вкусную рыбу, по одиночке или по дюжине, а иногда и в огромном количестве; сначала шестьдесят семь депутатов-жирондистов, которые казнены или проскрибированы; затем семьдесят три члена "Правых", сметенные в один день и заключенные в тюрьму Ла Форс; далее - видные якобинцы:

Оселен, арестованный 19 брюмера, Базире, Шабо и Делоне, обвиненные по декрету 24 брюмера, Фабр д'Эглантин, арестованный 24 нивоза, Бернар, гильотинированный 3 плювиоза, Анахарсис Клоотс, гильотинированный 4 жерминаля, Эро де Сешель, Лакруа, Филиппо, Камиль Десмулен и Дантон, гильотинированные вместе с четырьмя другими 10-го

числа Жерминаля, Симон, гильотинированный 24-го числа Жерминаля, и Оселен, гильотинированный 8-го числа Мессидора.-Естественно, остальные принимают предупреждение и проявляют осторожность. При открытии заседания видно, как они входят в зал, выглядят беспокойными, полными недоверия ["3201](#), как животные, загнанные в загон и подозревающие ловушку.

"Каждый, - пишет очевидец, - действовал и говорил с осторожностью, боясь быть обвиненным в каком-нибудь преступлении: в сущности, ничто не имело значения: место, которое занимал человек, взгляд, жест, шорох, улыбка".

Поэтому они инстинктивно стекаются к той стороне, которая лучше всего защищена, - к левой.

"Прилив течет к вершине Горы; правая сторона была пустынна..... Многие вообще не занимали никакой стороны, а во время заседания часто меняли свои места, думая, что таким образом они смогут ускользнуть от шпиона, переодевшись в смешанную одежду и поддерживая хорошие отношения со всеми. Самые благоразумные никогда не садились; они держались подальше от скамей, у подножия трибуны, а когда дело принимало серьезный оборот, незаметно выходили из зала".

Большинство из них укрылись в своих комнатах комитетов; каждый старался, чтобы его не заметили, чтобы он был незаметен, чтобы казаться незначительным или [отсутствующим3202](#). В течение четырех месяцев после 2 июня зал Конвента наполовину или на три четверти пуст; выборы президента не собирают и двухсот пятидесяти [избирателей3203](#) ; только двести, сто, пятьдесят голосов избирают комитеты общественной безопасности и общей безопасности; около пятидесяти голосов избирают судей Революционного трибунала; менее десяти голосов избирают их [заместителей3204](#) ; ни одного голоса не подано за принятие декрета, обвиняющего депутата [Дюлора3205](#) ; "ни один член не встал ни за, ни против; голосования нет"; президент, тем не менее, объявляет акт принятым, и Марэ пускает все на самотек."Лягушки Марэ ["3206](#) - так называли их до 2 июня, когда они, среди отбросов "Центра", "порвали" с "Горой"; сейчас их по-прежнему четыреста пятьдесят, в три раза больше, чем "монтаньяров";", но они намеренно молчат; их старое имя "делает их, так сказать, мягкими; их уши звенят от вечных угроз; их сердца сжимаются от [ужаса3207](#) , а их языки, парализованные привычным молчанием, остаются как бы приклеенными к крышам их ртов. Напрасно они держатся на заднем плане, соглашаются на все, не просят для себя ничего, кроме личной безопасности, и отказываются от всего остального, от своих голосов, от своей воли и от своей совести; они чувствуют, что их жизнь висит на волоске. Самый большой немой среди них, Сийес, осужденный в Якобинском клубе, едва спасается, и то благодаря защите своего сапожника, который встает и восклицает: "Этот Съез! Я его знаю. Он не лезет в политику. Он только и делает, что читает свои книги. Я делаю ему ботинки и буду за него отвечать ["3208](#).

Разумеется, до 9-го термидора никто из них и рта не раскрывает; речи произносят только "монтаньяры", да и то при подаче контрамарки. Если Лежандр, поклонник, ученик и верный друг Дантона, и осмеливается в свое время вмешаться в декрет, отправляющий его друга на эшафот, попросив, чтобы его сначала выслушали, то лишь для того, чтобы тут же отказаться; в тот же вечер, в якобинском клубе, для большей безопасности, "он валяется в грязи ["3209](#); он заявляет, "что подчиняется приговору революционного трибунала", и клянется осудить "всякого, кто будет препятствовать исполнению декрета".["3210](#) Разве Робеспьер не преподавал ему урок, причем в своей самой педантичной манере? Что может быть прекраснее, говорит великий моралист, возвышеннее, чем Собрание, которое само себя очищает?[3211](#)-Таким

образом, сеть, уже вытащившая столько трепещущих жертв, не только остается нетронутой, но и увеличивается и устанавливается вновь, только теперь рыба ловится как слева, так и справа, и желательно на самых верхних скамьях "Горы".³²¹² А еще лучше, по закону Прериала 22, ее ячейки уменьшаются в размере, а ширина увеличивается; с таким восхитительным приспособлением пруд не мог не истощиться. Незадолго до 9 термидора Давид, который был одним из преданных сторонников Робеспьера, сам воскликнул: "Неужели двадцать из нас останутся на Горе?". Примерно в это же время Легендик, Тьюрио, Леонард Бурдон, Талльен, Бурдон де л'Уаз и другие, каждый из которых имеет шпиона по пятам в течение всего дня. Есть тридцать депутатов, которые должны быть проскрибированы, и их имена произносятся шепотом; тогда шестьдесят остаются на улице всю ночь, уверенные, что на следующее утро их схватят, прежде чем они успеют [встать](#)³²¹³.

Подвергаясь такой системе, продолжающейся столько месяцев, люди опускают руки и впадают в уныние. "Все сделали себя маленькими, чтобы попасть под народное иго.³²¹⁴ Все стали одним из низших классов..... Отказались от одежды, манер, изысканности, чистоты, удобств жизни, вежливости и учтивости" - люди носят непристойную одежду, ругаются и сквернословят; они стараются походить на монтян-сан-кулотов, "которые сквернословят и одеваются, как многие бездельники"³²¹⁵; в Армонвиле картежник, который председательствует (на собрании), носит шерстяную шапочку, и точно так же в Кюссе - гаузерист, который всегда пьян. Только Робеспьер осмеливается появиться в опрятном одеянии; среди остальных, не имеющих его влияния, среди демиургов с пузом, такой остаток старого режима может стать опасным; им лучше не привлекать внимания нецензурного шпиона, который не умеет произносить [слова](#)³²¹⁶; особенно важно на собрании быть одним из толпы и оставаться незамеченным для платных клакеров, пьяных подкаблучников и "толстопуzych" трибунов. Очень важно даже кричать в унисон с ними и участвовать в их танцах в баре. Депутаты популярных клубов в течение четырнадцати месяцев приходят в бар этого дома и произносят свои банальные или напыщенные тирады, а Конвенту приходится им аплодировать. В течение девяти [месяцев](#)³²¹⁷ уличные певцы баллад и кофейные зазывалы присутствуют в полном составе и распевают рифмы дня, а Конвенту приходится присоединяться к хору. В течение шести [недель](#)³²¹⁸ осквернители церквей приходят в зал и показывают свои танцевальные буффонады, и Конвенту приходится не только терпеть их, но и принимать в них участие... Никогда, даже в императорском Риме, при Нероне и Гелиогабале, сенат не опускался так низко.

II. Его участие в преступлениях.

- Как проводятся парады. -Ее рабство и раболепие.
- Его участие в преступлениях.

Посмотрите на один из их парадов, 20-го, 22-го или 30-го брюмера; этот маскарад часто происходит несколько раз в неделю и всегда один и тот же, почти без изменений; мужчины и женщины, несчастные, шествуют в процессии к дверям зала депутатов, все еще "пьяные от

вина, выпитого из чаш, после еды скумбрии, сваренной в патентах", и освежаются по дороге. "Вскочив на ослов, которых они одели в рясы и ведут под уздцы", они останавливаются у каждой низкой курильни, держа в руке кружку с напитком; бармен с кружкой в руке наполняет ее, и на каждой станции они отбрасывают один за другим бугорки в подражание мессе, которую они повторяют на улице на свой манер. Закончив это, они надевают копны, чашуи и далматики и, выстроившись в две длинные шеренги, проходят перед скамьями Конвента. Некоторые из них несут на руках или в корзинах канделябры, потиры, золотые и серебряные солонки, монстранты и ковчеги; другие держат в руках знамена, кресты и другие церковные трофеи. В это время "оркестры играют карманьолу и "Мальбрук"... При вступлении на помост они заводят "Ah! le bel oiseau";³²¹⁹ все маскарадные вместе сбрасывают с себя маскировку и, вздымая в воздух митры, палантины, мантии, "открывают взору защитников страны в национальной форме". Смех, крики и энтузиазм, а инструментальный грохот становится все громче! Шествие, теперь уже во всю мощь, требует карманьолу, и Конвент соглашается; даже некоторые депутаты спускаются со своих скамей и режут голубиное крыло вместе с веселящимися проститутками... Чтобы закончить, Конвент постановляет, что будет присутствовать вечером на празднике Разума, и, действительно, они идут в полном составе. За актрисой в коротких панталонах и красном колпаке, изображающем Свободу или Разум, идут депутаты, тоже в красных колпаках, кричат и поют, пока не доходят до нового храма, построенного из досок и картона на хорах Нотр-Дама. Они занимают места в первых рядах, а Богиня, давняя посетительница ужинов герцога де Субиза, вместе со "всеми прелестными дамами Оперы" демонстрирует перед ними свои оперные грации.³²²⁰ Они поют "Гимн Свободе", и, поскольку Конвентом в то утро было принято решение, что он должен петь, я полагаю, что он также присоединился.³²²¹ После этого следуют танцы; но, к сожалению, власти не могут сказать, танцевал ли Конвент или нет. В любом случае, он присутствует на танцах и тем самым освящает уникальную оргию, не рубенсовский "Кермес" под открытым небом, буйный и здоровый, а ночное бульварное веселье, "Марди-грас", состоящий из худых и умопомрачительных скапегеров. В большом нефе собора "танцоры, почти обнаженные, с голыми шеями и грудями, в чулках до пят", кривляются и топают, "завывая карманьолу". В боковых капеллах, которые "отгорожены высокими гобеленами, проститутки с пронзительными голосами" занимаются своим делом.³²²² Опуститься на эту низкую ступень так неприкрыто, общаться с барьерными сотами и шлюхами, терпеть их объятия и икоту - это достаточно плохо даже для послушных депутатов. Более половины из них заранее возненавидели его и остались дома; после этого они не испытывают желания присутствовать на конвенте.³²²³ Но "Гора посылает за ними, и офицер приводит их обратно"; необходимо, чтобы они своим присутствием и приветствиями содействовали последующим профанациям и [отступничеству](#)³²²⁴; необходимо, чтобы они одобрили и постановили то, что вызывает у них ужас, не только глупость и нелепость, но и преступление, убийство невинных людей и их друзей - все это было сделано. "Единодушно и под громкие аплодисменты" левые, объединившись с правыми, отправляют на эшафот Дантона, своего естественного вождя, великого вдохновителя и руководителя революции.³²²⁵ "Единодушно и под громкие аплодисменты" правые, объединившись с левыми, голосуют за худшие декреты революционного правительства.³²²⁶ "Единодушно", под одобрительные и восторженные возгласы, выражая горячую симпатию Колло д'Эрбуа, Кутону и Робеспьеру,³²²⁷ Конвент, путем многочисленных и спонтанных перевыборов, поддерживает убийственное правительство, которое Равнина ненавидит, потому что оно убийственно, и которое Гора ненавидит, потому что она им уничтожена. Равнина и Гора, в силу террора, большинство за большинством, в итоге соглашаются на собственное самоубийство и доводят его до конца: 22-го числа Прериала весь Конвент вытянул [шею](#)³²²⁸; 8-го числа Термидора, в течение четверти часа после речи [Робеспьера](#)³²²⁹, он снова

вытянул ее и, вероятно, сдался бы, если бы пять или шесть человек, которых Робеспьер назвал по имени, Бурдон де л'Уаз, Вадье, Камбон, Бийо и Панис, побуждаемые животным инстинктом самосохранения, не подняли руки, чтобы отразить нож. Ничто, кроме неминуемой, личной, смертельной опасности, не могло вытеснить в этих измученных существах долго не проходящий страх еще большим страхом. Позже Съез, когда его спросили, как он действовал в эти времена, ответил: "Я жил". В сущности, он и другие сводились к этому; им удалось сделать это любой ценой, и какой ценой! [3230](#) Его секретные записи, его самые частные наброски подтверждают [это3231](#)...

"В комитете 20 марта "Пайясс, полупьяный, выступает с диссертацией о том, как вести войну, допрашивает и порицает министра. Бедный министр уклоняется от ответов на его вопросы сплетнями из кафе и обзором кампаний". Вот люди, поставленные во главе правительства, чтобы спасти Республику!" - "Н...., в своей рассеянности, был похож на хитрого лиса, внутренне улыбающегося своим коварным мыслям. Ruit irrevocabile vulgus... Jusque Datum sceleri. "Вы молчите?" - "Что толку от моего бокала вина в этом потоке пылких духов?"

Все это очень хорошо, но он не просто молчал и воздерживался. Он голосовал, принимал законы и постановления вместе с единодушным Конвентом; он был коллаборационистом не только пассивно, своим присутствием, но и своим активным участием в действиях правительства, которое он избрал и возвел на престол, двенадцать раз переизбирал, каждую неделю подбадривал и ежедневно льстил, санкционируя и продолжая до конца свою работу по уничтожению и резне.

"Здесь виновны все, - сказал Каррьер в Конвенте, - вплоть до звонка президента".

Напрасно они постоянно повторяют себе, что их заставили подчиниться под страхом смерти: совесть самого чистого из них, если она у него есть, отвечает:

"Вы тоже, несмотря на себя, я признаю; меньше, чем другие, если угодно, но вы были террористом, то есть разбойником и убийцей" [3232](#).

III. Комитет общественной безопасности.

Люди, которые выполняют эту работу: Карно, Приер де-ла-Кот д'Ор, Жан Бон Сент-Андре, Робер Линде.

Когда человек становится рабом, сказал старый Гомер, боги забирают половину его души; то же самое происходит с человеком, который становится тираном. В Павильоне Флор, рядом с поработанным Конвентом и над ним, сидят двенадцать королей, которых он возвел на престол, дважды в [день3233](#), управляя им, а также [Францией3234](#). Конечно, от тех, кто занимает это место, требуются некоторые гарантии; среди них нет ни одного, кто не был бы революционером со стажем, непримиримым цареубийцей, фанатиком по сути и деспотом по принципу; но испарения всемогущества не опьянили их всех в одинаковой степени. Три или четыре из них, Робер Линде, Жан Бон Сент-Андре, Приер де ла Кот-д'Ор и Карно,

ограничивают себя полезными и второстепенными обязанностями; этого достаточно, чтобы частично сохранить их в безопасности. Как специалисты, которым поручена важная служба, они в первую очередь стремятся выполнить ее хорошо, и поэтому подчиняют этому все остальное, даже теоретические требования и крики клубов.

Главная задача Линде - накормить департаменты, в которых нет пшеницы, и города, в которых скоро не будет хлеба.

Дело Приера - следить за тем, чтобы производились бисквиты, бренди, одежда, обувь, порох и [оружие3235](#).

Жан Бон - за оснащением кораблей и обучением экипажей.

Карно - составлять планы кампаний и руководить маршем армий: отправка такого-то количества мешков зерна в течение ближайших двух недель в тот или иной город или на склад в том или ином районе; составление такого-то количества недельных пайков, которые должны быть отправлены в течение месяца в определенные места на границе; превращение такого-то количества рыбаков в артиллеристов или пехотинцев и спуск на воду такого-то количества судов за три месяца; ускорение определенных корпусов кавалерии, пехоты и артиллерии, чтобы они прибыли по такой-то и такой-то дороге на тот или иной перевал...

Это точные комбинации, очищающие мозг от догматических фраз, оттесняющие революционный жаргон на задний план и сохраняющие человека разумным и практичным; тем более что трое из них, Жан Бон, бывший капитан торгового судна, Приер и Карно, инженерные офицеры, - люди профессиональные и отправляются на фронт, чтобы на месте приложить свои плечи к рулю. Жан Бон, постоянно посещающий побережья, отправляется на борт судна флота, выходящего из Бреста, чтобы спасти большой американский конвой; Карно в Ватиньи приказывает Журдану сделать решительный шаг и, взяв в руки мушкет, марширует вместе с атакующей колонной.[3236](#) Естественно, у них нет досуга для произнесения речей в клубе якобинцев или для интриг в Конвенте: Карно живет в собственном кабинете и в зале заседаний; он не оставляет себе времени на еду с женой, обедает коркой хлеба и стаканом лимонада и работает по шестнадцать и восемнадцать часов в [сутки3237](#); Линде, более других перегруженный работой, потому что голод не терпит, сам читает все доклады и проводит над ними дни и ночи;"[3238](#) Жан Бон, в деревянных башмаках и шерстяном жилете, с куском грубого хлеба и стаканом плохого пива,[3239](#) пишет и диктует, пока силы не покидают его, и он вынужден ложиться и спать на матрасе на полу.- Естественно, когда им мешают и ломают инструменты в их руках, они недовольны; они хорошо знают цену хорошему инструменту, и для службы, как они ее понимают, хорошие инструменты необходимы, компетентные, верные работники, регулярно посещающие свои конторы, а не клуб. Когда у них есть такой подчиненный, они защищают его, часто рискуя своей жизнью, вплоть до того, что навлекают на себя вражду Робеспьера. [Камбон3240](#) , который в своем финансовом комитете также является своего рода государем, держит в казначействе пять или шесть сотен служащих, неспособных получить свидетельство о гражданском состоянии, и которых якобинцы непрерывно доносят, чтобы получить их места. Карно сохраняет и берет на службу выдающихся инженеров, д'Аркона, де Монталембера, д'Обенгейма, все они дворяне, а один из них - антиякобинец, не считая множества обвиненных офицеров, которых он оправдывает, заменяет или сохраняет.[3241](#) -Этими мужественными и гуманными поступками они утешают себя за свои угрызания совести, по крайней мере частично и на время; кроме того, они государственные деятели только потому, что случай и превосходящая сила требуют этого, больше ведомые другими, чем ведущие, террористы по случайности и необходимости, а не по системе и инстинкту. Если Приер и

Карно в согласии с десятью другими отдают приказы о массовых грабежах и убийствах, если они подписывают приказы двадцатками и сотнями, что равносильно убийствам, то это происходит потому, что они составляют часть тела. Когда весь комитет совещался, он обязан в важных постановлениях подчиняться преобладающему мнению большинства, после того как проголосовал против. Что касается второстепенных постановлений, в которых не было общего предварительного обсуждения, то единственным ответственным членом является тот, чья подпись стоит первой; последующие подписи, поставленные без прочтения документа, являются просто "формальностью, которой требует закон", просто визой, обязательно механической; при "четыре или пятистах деловых вопросах, которые необходимо решать ежедневно", невозможно поступить иначе. Прочитать все и проголосовать в каждом случае было бы "физической невозможностью" [3242](#) Наконец., при таком положении вещей "разве общая воля, по крайней мере кажущаяся общая воля, та единственная, по которой правительство может принимать решения, не является ультрареволюционной?" [3243](#) Другими словами, разве не следует слушать пять или шесть негодяев в штате, которые разглагольствуют, а не сотню честных людей, которые держат рот на замке? Этим софизмом, грубым, но чисто якобинского производства, Карно завершает обман своей чести и совести; в остальном он цел и невредим, и в гораздо большей степени, чем его коллеги, он также подвергается моральному и умственному увечью; стесненный обязанностями своей должности и иллюзиями своего вероучения, он добился внутреннего обезглавливания двух благороднейших человеческих способностей, здравого смысла, самого полезного, и морального чувства, самого возвышенного из всех.

IV. Государственные деятели.

Бийо-Варенн, Колло д'Эрбуа, Робеспьер, Кутон и
Сен-Жюст.- Условия этого правления.- Опасности, которым они
опасностям, которым они подвергаются.- Их разногласия.- Давление страха и
Теория.

Если таковы разрушения, которые совершаются в честной, твердой и здоровой личности, то каков же должен быть хаос в испорченных или слабых натурах, в которых уже преобладают дурные инстинкты! И заметьте, что они лишены защиты, обеспечиваемой преследованием какой-то конкретной и полезной цели. Они - "государственные люди", они же "революционеры" или "люди, полностью контролирующие ситуацию" [3244](#) ; на самом деле они - люди с общим представлением о вещах, они же их и направляют. Создание, организация и применение Террора полностью принадлежит им; они - конструкторы, регуляторы и инженеры [машины3245](#) , признанные главы партии, секты и правительства, особенно Бийо и Робеспьер, которые никогда не выполняют [миссий3246](#) и ни на минуту не ослабляют своей власти над центральным двигателем. Первый, активный политик, а его секундантом является Колло, призван воздействовать на официальные власти, округа, муниципалитеты, национальных агентов, революционные комитеты и представителей миссии во внутренних [районах3247](#) . Последнему, богослову, моралисту, титулярному врачу и

проповеднику, поручено управлять Конвентом и внушать якобинцам здравые принципы; за ним стоят Кутон, его лейтенант, и Сен-Жюст, его ученик и исполнитель важных дел; среди них Барер, глашатай Комитета, всего лишь инструмент, но незаменимый, удобный под рукой и всегда готовый начать бить в барабан на любую тему в честь партии, которая забивает ему мозг. За ними следует Комитет общей безопасности, Вадье, Амар, Вуланд, Гуффруа, Панис, Давид, Жаго и остальные, те, кто предпринимал, докладывал и действовал в интересах всеобщего запрета. На всех них лежал отпечаток их службы; их можно было узнать по "бледному цвету, впалым и налитым кровью глазам" [3248](#), привычке к всемогуществу, начертанной "на их бровях, и по их повадкам, каким-то неопишимо надменным и презрительным". Комитет общей безопасности напоминал одного из бывших лейтенантов полиции, а Комитет общественной безопасности - бывших государственных министров". В Конвенте "беседовать с ними считается честью, а пожать им руку - привилегией; кажется, что по их бровям можно прочесть свой долг". В дни, когда их распоряжения должны быть преобразованы в законы, "члены комитета и докладчик законопроекта заставляют людей ждать, как и главы и представители прежней суверенной власти; по пути в зал собрания их сопровождает группа придворных, которые, кажется, объявляют себя хозяевами мира". [3249](#) В действительности они царствуют - но посмотрите, на каких условиях.

"Не жалуйтесь, - сказал [Барер3250](#) композитору оперы, исполнение которой только что было приостановлено: "В нынешние времена вы не должны привлекать внимание публики. Разве не все мы стоим у подножия гильотины, все, начиная с меня?" И снова, двадцать лет спустя, в частной беседе, когда его спросили об истинной цели, тайных мотивах Комитета общественной безопасности, он ответил:

"Поскольку мы руководствовались только одним чувством, [3251](#) мой дорогой сэр, чувством самосохранения, у нас было только одно желание - сохранить существование, которое, по мнению каждого из нас, находилось под угрозой. Вы гильотинировали своего соседа, чтобы ваш сосед не гильотинировал вас" [3252](#).

То же самое чувство присутствует и в более крепких душах, хотя наряду со страхом могли быть и мотивы менее низменного порядка.

"Сколько раз, - говорит Карно, [3253](#) - мы брались за работу, которая требовала времени, с убеждением, что нам не дадут ее закончить!" - "Было [неизвестно3254](#), не окажемся ли мы в следующий раз, когда часы пробьют час, перед революционным трибуналом на пути к эшафоту, не успев, возможно, попрощаться с нашими семьями..... Мы выполняли свою ежедневную работу, чтобы не дать машине остановиться, как будто перед нами была долгая жизнь, когда было вероятно, что мы не увидим солнца следующего дня".

Невозможно рассчитывать на свою или чужую жизнь в течение двадцати четырех часов; если железная рука, держащая человека за горло, ослабит хватку, все будет кончено уже вечером.

"Бывали дни настолько трудные, что невозможно было контролировать обстоятельства; те, кто находился под прямой угрозой, полностью отдавали себя на волю случая". [3255-](#)

"Решения, за которые нас так порицают, - говорит другой, [3256](#) - обычно не обдумывались заранее за два дня или за один день; они возникали в результате кризиса момента. Мы не хотели убивать ради убийства... а хотели победить любой ценой, остаться хозяевами и обеспечить господство наших принципов" - Это правда, они подданные и деспоты. За столом Комитета, во время ночных заседаний, председательствует их государь, грозная фигура, революционная Идея, дающая им право убивать, при условии, что они будут применять его против всех, а значит, и против самих себя. Ближе к двум или трем часам ночи, измученные,

лишенные слов и идей, не зная, где убивать, справа или слева, они с тревогой обращаются к этой фигуре и пытаются прочесть ее волю в неподвижных глазах.

"Кто падет завтра?"

И всегда один и тот же ответ, неуклонно отражающийся на чертах непроходимого призрака: "контрреволюционеры", под этим именем подразумеваются все, кто действием, речью, мыслью или внутренним чувством, раздражением или небрежностью, гуманностью или умеренностью, эгоизмом или беспечностью, пассивным, нейтральным или безразличным чувством служит на пользу или во вред Революции.³²⁵⁷ Остается только добавить имена к этому ужасающе всеобъемлющему декрету. Должен ли это сделать Бийо? Сделает ли это Робеспьер? Впишет ли Бийо имя Робеспьера, или Робеспьер имя Бийо, или каждый имя другого, с теми, кого он выберет из двух комитетов? Оселен, Шабо, Базире, Жюльен де Тулуз, Лакруа, Дантон были среди них, и когда они ушли, их головы упали.³²⁵⁸ Эро-Сешель, опять-таки, был среди них, с честью сохранил свой пост благодаря недавнему одобрению Конвента,³²⁵⁹ один из титулярных двенадцати, и был на посту, когда приказ, изданный остальными одиннадцатью, внезапно передал его революционному трибуналу для исполнения... Чья очередь теперь среди этих одиннадцати? Захваченный врасплох, послушный Конвент единодушно аплодирует, после трех дней судебного фарса телега доставит его на площадь Революции; Самсон быстро свяжет его, крикуны по тридцать су в день будут хлопать в ладоши, и на следующее утро популярные политики поздравят друг друга, увидев имя великого предателя в списке [гильотинированных](#)³²⁶⁰. Для этого, чтобы тот или иной король дня перешел из национального альманаха в список морга, необходимо лишь взаимопонимание между его коллегами, и, возможно, оно уже достигнуто. Среди кого и против кого? Наверняка, когда эта мысль приходит в голову одиннадцати сидящим за столом, они с содроганием смотрят друг на друга, прикидывают шансы и перебирают в уме варианты; произносятся слова, которые не забываются. Карно часто выдвигал это обвинение против Сен-Жюста: "Вы и Робеспьер стремитесь к диктатуре".³²⁶¹ Робеспьер отвечал Карно: "Я готов к вам при первом же поражении".³²⁶² В другой раз Робеспьер в ярости воскликнул: "Комитет замышляет против меня!" и, повернувшись к Бийо, сказал: "Теперь я вас знаю!". Бийо ответил: "Я тоже тебя знаю, ты контрреволюционер!"³²⁶³ Значит, в самом комитете есть заговорщики и контрреволюционеры; что же делать, чтобы избежать этого прозвища, которое является смертным приговором? Молча, роковой призраком, возвышающийся в их среде, [Эриний](#)³²⁶⁴, через которого они правят, произносит свое прорицание, и все принимают его к сердцу:

"Все, кто не желает стать палачами, - заговорщики и контрреволюционеры".

V. Официальные якобинские органы.

Официальные якобинские органы. - Доклады Сен-Жюста и Барера.
- Качество докладов и репортеров.

Так маршируют они в течение двенадцати месяцев, подгоняемые двумя острыми нитями теории и страха, преодолевая красную лужу, которую они создали и которая с каждым днем становится все глубже и глубже, все вместе и сплоченно, никто из них не смеет отделиться от группы, и каждый забрызган кровью, брошенной ему в лицо ногами других. Когда правительство поднимается на трибуну и добивается принятия важных законов, оно сталкивается с нацией, сталкивается с Европой и занимает историческую позицию. Если оно заботится о своей чести, то выбирает докладчиков законопроектов, которые не являются недостойными, и поручает им подкрепить их доступными аргументами, как можно более тщательно обоснованными; законопроект, обсужденный и принятый в полном составе, покажет меру его возможностей, информацию, которой он располагает, и здравый смысл.

Чтобы оценить все это, прочтите законопроекты, представленные от имени Комитета; взвесьте предисловия, обратите внимание на тон, послушайте двух докладчиков, которых обычно выбирают: Сен-Жюста, который составляет акты о проскрипциях, специальных или общих, и Барера, который составляет все акты без разницы, но особенно военные объявления и декреты против иностранцев; никогда государственные деятели, обращаясь к Франции и потомству, не использовали таких неразумных аргументов и не излагали ложь с большей [наглостью](#)³²⁶⁵.

Первый, затянутый в свой накрахмаленный фрак, позирующий "как Святой Дух", более дидактичный и более абсолютный, чем сам Робеспьер, приходит и провозглашает французам с трибуны равенство, честность, бережливость, спартанские привычки и сельскую койку со всем сладострастием добродетели;³²⁶⁶ это как нельзя лучше подходит шевалье Сен-Жюсту, бывшему претенденту на место в гвардии графа д'Артуа, домашнему вору, похитителю серебряных тарелок, которые он везет в Париж, продает и тратит на проституток, заключенному в тюрьму на шесть месяцев по жалобе собственной [матери](#)³²⁶⁷ и автору развратной поэмы, которую ему удастся сделать грязной, пытаясь придать ей вычурность. -Теперь, правда, он серьезен; он больше не развратничает; он убивает - но какими аргументами и каким стилем! ³²⁶⁸ Молодой Лобардемон, как и платные доносчики и обвинители императорского Рима, меньше позорили человеческий интеллект, ибо эти создания Тиберия или Ришелье все еще использовали правдоподобные аргументы в своих рассуждениях, причем с большей или меньшей ловкостью. В рапсодии Сен-Жюста нет связи идей, нет ни последовательности, ни марша; подобно инструменту, напряженному до предела, его ум играет только фальшивые ноты в бурных приступах; логическая непрерывность, столь распространенное в то время искусство регулярно развивать тему, исчезли; он спотыкается на месте, нагромождая заумные афоризмы и догматические аксиомы. В его речи, когда речь идет о фактах, нет ничего, кроме извращения истины; в ней много самозванства, чистого вымысла, осязаемого, наглого, как шарлатан в своей [будке](#)³²⁶⁹; он даже не удосуживается замаскировать их тенью вероятности; что касается жирондистов, Дантона, Фабра д'Эглантина и других его противников, кто бы они ни были, старые или новые, ему достаточно любой веревки, на которой их можно повесить; Любая грубая, узловатая, плохо скрученная веревка, которую он может взять в руки, неважно какая, при условии, что она душит, вполне подойдет; для убежденных заговорщиков нет нужды в более тонкой; со сплетнями клуба и катехизисом инквизиции он может составить свой обвинительный акт. -Соответственно, его интеллект ничего не улавливает и ничего ему не дает; Он сентиментальный и перевозбужденный декламатор, искусственный дух, всегда на взводе, полный жеманства,³²⁷⁰ его талант сводится к редким вспышкам мрачного воображения, ученик Робеспьера, как сам Робеспьер - ученик Руссо, преувеличенный ученый неповоротливого ученого, всегда неистовый ультра, неистовый по расчету, сознательно нарушающий язык, и [идеи](#)³²⁷¹, ограничивающийся театральными и

траурными парадоксами, своего рода "великий визирь" ³²⁷², с манерами возвышенного моралиста и повадками сентиментального пастуха. ³²⁷³ Если бы речь шла о насмешливом юморе, можно было бы пожать плечами; но в нынешнем состоянии Конвента нет места ничему, кроме страха. Произнесенные властным тоном, его фразы падают на уши монотонными ударами, на склоненные головы, и после пяти или шести ударов этого свинцового молота самые стойкие оцепенело растягиваются на земле; о дискуссии не может быть и речи; Когда Сен-Жюст от имени Конвента утверждает что-либо, этому надо верить; его тезисы - это императивный приказ, а не попытка рассудка; они требуют повиновения; они не подлежат исследованию; это не доклад, который он достает из кармана пальто, а дубинка.

Другой репортер, Барер, - совсем другого сорта, он "патентованный" пропагандист, забавный гасконец, внимательный, "свободный и легкий", любящий пошутить даже в Комитете общественной безопасности ³²⁷⁴, не беспокоящийся об убийствах и до последнего говорящий о правлении Тррора как о "самой простой и невинной вещи в мире". ³²⁷⁵ Ни один человек не был так сильно скован совестью; По правде говоря, у него их несколько: та, что была два дня назад, предыдущая, нынешняя, завтрашняя, следующая, и еще другие, сколько угодно, все одинаково податливые и гибкие, на службе у сильнейшего против слабейшего, все они одинаково податливы и эластичны, находятся на службе у сильнейшего против слабейшего, готовы в любой момент закружиться от перемены ветра, но все они соединены вместе и работают на одну общую цель благодаря физическому инстинкту, единственному, который сохраняется в безнравственном, ловком и изменчивом существе, проворно передвигающемся по земле, не имея иной цели, кроме самосохранения и развлечения. ³²⁷⁶ Ранним утром, в халате, он принимает толпу просителей и, с манерами "одурманенного министра", милостиво принимает врученные ему прошения; сначала - от дам, "распределяя галантность между самыми красивыми"; он дает обещания, улыбается, а затем, вернувшись в свой кабинет, бросает бумаги в огонь: "Ну вот, - говорит он, - моя переписка закончена"... Дважды в десятилетие он ужинает в своем прекрасном доме в Клиши, вместе с тремя более чем подходящими красотками; он весел, одаривает лестью и вниманием, вполне приличествующими любезному покровителю; он вступает в их профессиональное соперничество, в их злобу против царствующей красавицы, в их ревность к другой, которая носит белокурый парик и претендует на то, чтобы "задавать моду". Он немедленно посылает за Национальным агентом и серьезно сообщает ему, что этот головной убор, позаимствованный у гильотинированных, является местом сплочения антиреволюционеров, после чего на следующий день парики осуждаются в Совете Коммуны и подавляются; "Барер разразился хохотом при упоминании об этой забаве". Юмор гробовщика и ловкость коммерческого барабанщика: он играет с Тррором - так же он играет со своими отчетами, и в этом последнем упражнении он импровизирует; он никогда не смущается; стоит только повернуть кран, и вода бежит. "Если бы у него была какая-нибудь тема для разговора, он пристал бы к Робеспьеру, Эро, Сен-Жюсту или кому-нибудь еще и вытянул бы их; затем он бросился бы на трибуну и выплеснул их идеи; "все они были поражены, услышав, что их мысли выражены так полно, как будто отражены в зеркале". Ни один человек в Комитете или в Конвенте не мог сравниться с ним в быстроте и беглости речи по той причине, что он не был обязан думать, прежде чем говорить: у него способность говорить, как независимый орган, действовала сама по себе, пустой мозг или равнодушное сердце не вносили никакого вклада в его красноречие. Естественно, что все, что исходит из его уст, выливается в готовую напыщенную речь, текущий жаргон якобинского клуба, звучные, тошнотворные просторечия, школярские метафоры и симиляры, почерпнутые из пошлятины. ³²⁷⁷ Во всей этой риторике нет ни одной идеи, ничего приобретенного, никакого реального умственного применения. Когда Бонапарт, нанимавший всех, даже Фуше, соизволил нанять Барера, из него ничего не смогли извлечь за отсутствием сути, разве что в

качестве низкопробного газетчика, обычного шпиона или агента, занятого подстрекательством уцелевших якобинцев; позднее, слушатель у замочных скважин и еженедельный сборщик общественных слухов, он не годился даже для этой гнусной службы, ибо его жалование вскоре прекратил Наполеон, который, не теряя времени, оборвал его пустословие. - Именно это словоблудие, санкционированное Комитетом общественной безопасности, составляет теперь красноречие Франции; именно этого производителя фраз на дюжину, этого будущего доносчика и тюремного шпиона империи, этого резвящегося изобретателя заговора светловолосых, правительство посылает на трибуну объявлять победы, трубить о военном героизме и провозглашать войну до смерти. 7 [прериала3278](#) Барер от имени комитета предлагает вернуться к дикарским законам: "Отныне ни один английский или ганноверский пленник не должен быть взят в плен"; декрет был поддержан Карно и единогласно принят Конвентом. Если бы он был исполнен, то в качестве репрессий, в соответствии с пропорцией пленных, на одного расстрелянного англичанина приходилось бы три повешенных француза: честь и гуманность исчезли бы из лагерей; вражда между христианами стала бы такой же смертельной, как между дикарями. К счастью, французские солдаты почувствовали благородство своей профессии; на приказ расстрелять пленных достойный сержант ответил:

"Мы не будем стрелять - отправьте их в Конвент. Если представителям нравится убивать пленных, пусть они сами это делают и едят их, дикарей, какие они есть!"

Сержант, обычный человек, не сравнится ни с Комитетом, ни с Барером; и все же Барер сделал все, что мог, написав обвинительный акт на двадцати семи страницах, полный пышных расцветок, всевозможных риторнелло, вопиющей лжи и глупой инфляции, объясняя, как "британский леопард" заплатил убийцам за убийство представителей; как лондонский кабинет вооружил маленькую Сесиль Рено, "нового Кордея", против Робеспьера; как англичанин, варвар по природе, "не может отрицать своего происхождения; как он происходит от карфагенян и фенианцев и раньше торговал шкурами диких зверей и рабами; как его торговые занятия не изменились; как Цезарь, высадившись в этой стране, раньше не находил ничего, кроме свирепого племени, сражавшегося в лесу с волками и угрожавшего сжечь любое судно, которое попытается там высадиться; и как он до сих пор остается таким." Лекция ярмарочного хирурга, который, используя напыщенные слова, рекомендует обширные ампутации, ярмарочная перспектива, настолько грубая, что не может обмануть даже бедного сержанта, - таково изложение мотивов правительством с целью приведения в исполнение декрета, который мог быть составлен краснокожими; к ужасным действиям он добавляет уничижительный язык и использует неумелых, чтобы оправдать свои злодеяния.

VI. Комиссары революции.

Представители в Миссии. - Их абсолютная власть. - Их опасность и страх. - Пригодность к работе. - Эффект этого

ситуация.

Около сотни представителей Комитета общественной безопасности отправляются в провинции "с неограниченными полномочиями" для создания, укрепления или усиления революционного правительства, и их прокламации сразу же объясняют характер этого правительства.[3279](#)- "Смелые и энергичные сан-кулоты!" - пишет депутат, покидая миссию и объявляя своего преемника,[3280](#) - "Вы, кажется, желали хорошего б... представителя, который никогда не отступал от своих принципов, т. е. обычного монтаньяра. Я исполнил ваше желание, и вы получите то же самое в лице гражданина Ингрانا. Помните, храбрые санкулоты, что с патриотом Инграном вы можете сделать все, получить все, отменить все, что пожелаете, заключить в тюрьму, предать суду, депортировать и гильотинировать всех и возродить общество. Не пытайтесь играть с ним, его все боятся, он преодолевает любое сопротивление и сразу же восстанавливает самый полный порядок!" - Представитель прибывает в центр департамента по почте и вручает свои верительные грамоты. Все власти сразу кланяются до земли. Вечером, в своей сабле и плюмаже, он выступает в народном клубе, раздувая в пламя тлеющие угли якобинства. Затем, по своим личным знакомствам, если у него есть таковые в данном месте, или по голосам Комитета общей безопасности, если он новичок, он выбирает пять или шесть самых "теплых сан-кюлотов" и, сформировав их в Революционный комитет, ставит их постоянно при себе, иногда в том же здании, в комнате рядом со своей, где, по спискам или по устным сообщениям, предоставленным ему, он работает с волей и без [остановки3281](#).

Сначала необходимо очистить все местные власти. Они должны всегда помнить, что "не может быть преувеличения в интересах народа; кто не проникся этим принципом, кто не применил его на практике, тот не может оставаться на высоком посту "[3282](#); поэтому в народном клубе, в департаменте, в округе, в муниципалитете все сомнительные люди исключаются, увольняются или заключаются в тюрьму; если несколько слабых остаются временно или по благосклонности, их ругают и очень кратко учат их долгу:

"Они будут стараться более энергичным и усердным патриотизмом искупить зло, причиненное им тем, что они не сделали всего того добра, которое могли бы сделать".

Иногда, в результате внезапной смены обстановки, весь административный персонал вышвыривается вон, чтобы на его место пришел не менее полный состав, который тем же ударом поднимается из-под земли. Считая, что "в Воклюзе все застыло и что пугающая умеренность парализует самые революционные меры", Менье в одном [приказе3283](#) назначает администраторов и секретаря департамента, национального агента, администраторов и генерального совета округа, администраторов, генерального совета и национального агента Авиньона, председателя, прокурора и регистратора уголовного суда, членов Торгового трибунала, коллектора округа, почтмейстера и начальника эскадрона жандармерии. И новые функционеры, конечно, сразу же приступят к работе, каждый в своем кабинете. Процесс подведения итогов, грубо сместивший первый набор марионеток, грубо установит второй. "Каждый гражданин, назначенный на любую из вышеупомянутых должностей, должен немедленно явиться на свою должность под страхом объявления его подозреваемым", - говорится в простом уведомлении о его назначении. Всеобщее и пассивное повиновение как правителей, так и управляемых! Больше нет выборных и независимых должностных лиц; все органы власти, утвержденные или созданные представителем, находятся в его руках; среди них нет ни одного, кто бы не существовал или не выживал исключительно благодаря его благосклонности; нет ни одного, кто бы действовал иначе, чем с его одобрения или по его приказу. Непосредственно или через них

он делает реквизиции, секвестрирует или конфискует по своему усмотрению, облагает налогами, заключает в тюрьму, перевозит или обезглавливает по своему усмотрению, и в своем окружении он - паша.

Но он паша с цепью на шее и на короткой привязи. С декабря 1793 года и после него ему предписано "подчиняться распоряжениям Комитета общественной безопасности и отчитываться перед ним каждые десять дней".³²⁸⁴ Круг его полномочий строго "ограничен"; "он считается лишенным власти в других департаментах".³²⁸⁵ Ему не разрешается стареть на своем посту. "В каждой магистратуре величие и масштаб власти компенсируются краткостью ее продолжительности. Слишком длительные миссии вскоре стали бы считаться правом рождения"³²⁸⁶, поэтому по истечении двух-трех месяцев, а часто и месяца, занимающего эту должность отзывают в Париж или отправляют в другое место, по первому требованию, в назначенный день, в быстром, абсолютном, а иногда и угрожающем тоне, не как коллегу, с которым можно пошутить, а как подчиненного, которого внезапно и произвольно отзывают или смещают, посчитав его недостаточным или "отработанным". Для большей безопасности часто член Комитета, Кутон, Колло, Сен-Жюст, или какой-нибудь близкий родственник члена Комитета, Лебас или молодой Робеспьер, лично отправляется на место, чтобы дать необходимый импульс; иногда агенты Комитета, взятые просто извне Конвента и не имеющие никакого личного положения, совсем молодые люди, Русселен, Жюльен де ла Дром, заменяют или наблюдают за представителем с полномочиями, равными его. - В то же время сверху и из центра его подталкивают и направляют: выбирают для него местных советников, руководителей его [совести](#)³²⁸⁷; дают ему строгие оценки при выборе агентов или [жилей](#)³²⁸⁸; заставляют увольнять, назначать, арестовывать, казнить; подталкивают его на путь террора и страданий. - Вокруг него крутятся платные [эмиссары](#)³²⁸⁹, а другие следят за ним безвозмездно и постоянно пишут в Комитеты общественной безопасности и общей безопасности, часто обличая его, всегда докладывая о его поведении, осуждая его меры и провоцируя меры, которые он не [принимает](#)³²⁹⁰.

Что бы он ни сделал или может сделать, он не может обратить свой взор на Париж, не видя впереди опасности, смертельной опасности, которая в Комитете, в Конвенте, в Якобинском клубе нарастает или будет нарастать против него, как буря.³²⁹⁰ Бриз, который в осажденном Валансьене проявил мужество и которого Конвент только что приветствовал и ввел в состав Комитета общественной безопасности, слышит упреки в том, что он еще жив: "Тот, кто был в Валансьене, когда его брал враг, никогда не ответит на этот вопрос - вы мертвы?"³²⁹¹ Ему ничего не остается, как объявить себя некомпетентным, отказаться от чести, ошибочно оказанной ему Конвентом, и исчезнуть. - Дюбуа-Крансе взял Лион, и в качестве платы за эту огромную услугу его вычеркивают из списка Якобинского клуба; поскольку он не сделал этого достаточно быстро, его обвиняют в предательстве; через два дня после капитуляции Комитет общественной безопасности лишает его полномочий; через три дня после капитуляции Комитет общественной безопасности арестовывает его и под конвоем отправляет в Париж.³²⁹² Если с такими людьми после таких заслуг обращаются подобным образом, что же будет с остальными? После миссии молодого Жюльена, тогдашнего карьера в Нанте, Изабо и Талльен в Бордо чувствуют, что их головы качаются на плечах; после миссии Робеспьера-младшего на востоке и юге Баррас, Фрерон и Бернар де Сент считают себя потерянными.³²⁹³ Фуше, Ровер, Жавог и многие другие скомпрометированы фракцией, эбертистами или дантонистами, членами которой они являются или являлись. Уверенные, что погибнут, если их покровители в Комитете уступят; не уверенные, что останутся живы, если их покровители сохранят свое место; не знающие, не поменяют ли их головы на другие; ограниченные самой узкой, самой строгой и самой постоянной ортодоксией; виновные и осужденные, если их сегодняшняя ортодоксия превратится в

завтрашнюю гетеродоксию. Все они угрожали: сначала ста восьмидесяти самодержцам, которые до концентрации революционного правительства в течение восьми месяцев безгранично правили в провинциях; затем, и прежде всего, пятидесяти твердолобым "монтаньярам", беспринципным фанатикам или авторитарным выскочкам, которые в данный момент топчут ногами человеческую плоть и расползаются в произволе, как кабаны в лесу, или погрязают в скандале, как свиньи в грязевой ванне.

Для них нет убежища, кроме временного, и временное убежище только в ревностном и испытанном повиновении, такого, какое Комитет требует доказать, то есть с помощью строгости. - "Комитеты так хотели, - скажет позже Мейне, поджигатель Бедуэна; - Комитеты сделали все..... Обстоятельства контролировали меня. ... Патриотические агенты убеждали меня не сдаваться..... Я не до конца выполнил самые настоятельные приказы".³²⁹⁴ Точно так же великий истребитель Нанта Каррье, когда его призвали пощадить мятежников, которые сдались по собственной воле, сказал:

"Вы хотите, чтобы меня гильотинировали? Не в моих силах спасти этих людей "³²⁹⁵.

И в другой раз:

"У меня есть приказ, я должен его выполнять; я не хочу, чтобы мне отрубили голову!".

Под страхом смерти представитель в командировке - террорист, как и его коллеги в Конвенте и Комитете общественной безопасности, но с гораздо более серьезными нарушениями нервной и нравственной системы; ведь он действует, как и они, не на бумаге, на расстоянии, против категорий абстрактных, анонимных и смутных существ; его работа - это не только усилия интеллекта, но и чувств и воображения. Если он принадлежит к региону, как Лекарпентье, Баррас, Лебон, Жавог, Кутон, Андре Дюмон и многие другие, он хорошо знаком с семьями, которые он проscribeировал; имена для него - не просто множество букв, нанизанных друг на друга, они напоминают о личных сувенирах и вызывают в памяти живые формы. В любом случае он является зрителем, ремесленником и бенефициаром собственной диктатуры; конфискованное им серебро и деньги проходят под его взглядом и через его руки; он видит, как перед ним маршируют заключенные в тюрьму "подозреваемые"; он находится в зале суда во время вынесения смертного приговора; часто гильотина, снабженная им головами, работает под его окнами; он спит в особняке эмигранта, он делает реквизиции на мебель, белье и вино, принадлежащие обезглавленному и заключенному,³²⁹⁶ ложится в их постели, пьет их вино и веселится с многочисленной компанией за их счет и вместо них. Точно так же, как главарь разбойников, который не убивает и не грабит своими руками, но в его присутствии совершаются убийства и грабежи, от которых он получает существенную выгоду, не по доверенности, а лично, через хорошо направленные удары, заказанные им. В такой степени и в такой близости к физическому действию всемогущество - это вредная атмосфера, которой не может противостоять ни одно состояние здоровья. Вернувшись в условия, отравлявшие человека в варварские времена или страны, он вновь подвергается нападению моральных недугов, от которых, как считалось ранее, он был избавлен; он ретроградирует даже до странных развращений Востока и Средневековья; забытые проказы, казалось бы, исчезнувшие, с экзотическими язвами, для которых цивилизованные страны казались закрытыми, вновь появляются в его душе со своими проблемами и опухолями.

VII. Жестокие инстинкты.

Извержение жестоких инстинктов.- Дюкенуа в Меце.- Дюмон в Амьене.- Пьяницы.- Кюссе, Бурбот, Мустье, Бурдон де л'Уаз, Дартигойт.

"Кажется, - говорит свидетель, давно знакомый с Менье, - что все, что он делал в течение этих пяти или шести лет, было просто бредовой фазой болезни, после которой он выздоровел и жил дальше как ни в чем не бывало".³²⁹⁷ А сам Менье пишет: "Я не создан для этих бурь". Это относится ко всем, но особенно к грубым натурам; подчинение сдерживало бы их, в то время как диктаторская власть заставляет проявляться инстинкты грубости и толпы.

Вспомните Дюкенуа, этакого мастифа, вечно лающего и кусающегося, а когда он наедается, то становится еще более яростным. Делегат армии Мозеля, проезжая мимо Меца³²⁹⁸, вызвал к себе Альтмайера, прокурора, хотя тот уже сел ужинать. Тот прождал три часа с половиной в предбаннике, не был допущен, вернулся и, наконец, был принят, встреченный громовым восклицанием:

"Кто вы?".

"Прокурор", - отвечает он.

"Вы похожи на епископа - вы были когда-то куратором или монахом - вы не можете быть революционером..... Я приехал в Мец с неограниченными полномочиями. Общественное мнение здесь неудовлетворительно. Я собираюсь его переломить. Я собираюсь навести здесь порядок. Я собираюсь расстреливать здесь, в Меце, как и в Нанси, по пять-шесть сотен человек каждые две недели".

То же самое в доме генерала Бессьера, коменданта города, когда он встречается там мсье Кледата, старого офицера, второго по званию, он измеряет его с головы до ног:

"Вы похожи на мускадина. Откуда ты взялся? Вы, должно быть, плохой республиканец - вы выглядите так, как будто принадлежите к древнему режиму".

"У меня седые волосы, - отвечает он, - но я не менее хороший республиканец: можете спросить генерала и весь город".

"Прочь! Идите к дьяволу, и побыстрее, а то я вас арестую!".

То же самое на улице, где он задерживает проходящего мимо человека из-за его внешности; мировой судья Жоли удостоверяется в цивилизованности этого человека, и тот "смотрит" на Жоли:

"И вы тоже, вы аристократ! Я вижу это по вашим глазам! Я никогда не ошибаюсь".

После этого, сорвав с судьи значок, он отправляет его в тюрьму. Тем временем в армейской пекарне вспыхивает пожар, который вскоре тушат; офицеры, горожане, рабочие, крестьяне и даже дети выстраиваются в очередь (для передачи воды), и Дюкенуа появляется, чтобы подтолкнуть их в свою сторону: кулаками и ногами он обрушивается на каждого встречного,

на работника комиссариата, на выздоровевшего офицера, на двух человек в очереди и многих других. Одному из них он кричит: "Ты - мускадин!". Другому:

"Я вижу по твоим глазам, что ты аристократ!".

Другому:

"Ты чертов нищий, аристократ, негодяй!"

и ударяет его в живот; четвертого он хватает за воротник и бросает на мостовую.³²⁹⁹ Кроме того, всех заключают в тюрьму. Когда пожар потушен, один неосторожный парень, стоявший в стороне и наблюдавший за происходящим, рекомендует "раздатчику ударов" вытереть лоб". "Ты не можешь видеть прямо - кто ты? Отвечай, я представитель". Другой отвечает мягко: "Представитель, ничего более приличного быть не может". Дюкенуа дает неудачливому придворному удар под нос: "Вы спорите - отправляйтесь в тюрьму", "что я и сделал сразу же", - добавляет послушный подданный.-В тот же вечер, "поскольку во время пожара никто из жителей, находящихся в хорошем положении, не предложил свои услуги по тушению огня,³²¹⁰⁰ и никто, кроме санкюлотов, не пришел туда, как из гарнизона, так и из коммуны", Дюкенуа приказывает "наложить на коммуну Мец налог в 40 000 ливров, взимаемый с состояний богатых и распределяемый среди бедных, с уплатой в течение десяти дней".³²¹⁰¹-*"Fais-moi f.... dedans tous ces b... là"*³²¹⁰², *"quatre j...f... à raccourcir"*³²¹⁰³ В Аррасе, как и в Меце, потаскун - это всегда грубиян и мясник.

Другие - либо весельчаки, либо чернокнижники. Некий Андре Дюмон, старый деревенский адвокат, ныне король Пикардии или султан, если представится случай, "изображает белого негра", иногда веселый, но в целом - грубый закоренелый циник, обращающийся с пленницами и просительницами, как в кермесе.³²¹⁰⁴ Однажды утром одна дама входит в его прихожую и ждет в окружении двадцати санкюлотов, чтобы просить об освобождении своего мужа. Дюмон появляется в утреннем платье, садится и выслушивает просительницу.

"Садитесь, гражданка".

Он усаживает ее к себе на колени, запускает руку в ее грудь и восклицает:

"Кто бы мог подумать, что бюст маркизы может так нежно относиться к одному из представителей народа!"

Санкюлоты разражаются хохотом. Он отправляет бедную женщину прочь и держит ее мужа под замком. Вечером он может написать в Конvente, что сам расследует дела и внимательно изучает аристократов. Для поддержания революционного энтузиазма на высоком уровне полезно иметь в голове каплю лишнего, и большинство из них принимают меры предосторожности в этом направлении. В Лионе³²¹⁰⁵ "представители, посланные для обеспечения народного благосостояния, Альбит и Колло", обращаются к Комитету секвестраций с просьбой доставить в их дом двести бутылок лучшего вина, какое только можно найти, и еще пятьсот бутылок бордоского красного вина первого сорта для столовых нужд.-Через три месяца за столом представителей, опустошающих Вандею, опустошается девятнадцать семьдесят четыре бутылки вина,³²¹⁰⁶ взятых из домов эмигрантов, принадлежащих городу; ибо "если человек помог сохранить коммуну, он имеет право выпить за Республику". В этом баре председательствует представитель Бурботт; к его бокалу прикасается Россиньоль, бывший ювелир, а затем сентябрьский убийца, всю жизнь развратник и разбойник, а теперь генерал-майор; рядом с Россиньодем стоят его адъютанты, Граммон, старый актер, и Хазард, бывший священник; Вместе с ними - Вашерон, добрый республиканец, который насилует женщин и стреляет в них, когда они отказываются

подчиниться³²¹⁰⁷; кроме того, несколько "блестящих" молодых дам, несомненно, привезенных из Парижа, "самые красивые из которых делят свои ночи между Россиньолем и Бурботтом", а остальные служат их подчиненным: Вся группа, мужчины и женщины, размещается в отеле де Фонтене, где они начинают со взлома печатей, чтобы конфисковать "в свою пользу мебель, драгоценности, платья, женские безделушки и даже фарфор".³²¹⁰⁸ Тем временем в Шантонни представитель Бурдон де л'Уаз пьет с генералом Тунком, становится "бешеным", когда подвыпивает, и в полночь захватывает в постели патриотически настроенных администраторов, которых он обнимал накануне вечером.³²¹⁰⁹ Почти все они, как и последний, становятся неприятными после нескольких рюмок: Каррье в Нанте, Пти-Жан в Тьере, Дюкенуа в Аррасе, Кюссе в Тионвиле, Монестье в Тарбе. В Тионвиле Кюссе пьет как "лапит" и, напившись, отдает приказы "визирю", которые исполняются.³²¹⁰⁹ В Тарбе Монестье "после обильной трапезы и сильного возбуждения" горячо выступает перед судом, лично осматривает заключенного, мсье де Ласалья, старого офицера, которого он приговорил к смерти, и подписывает приказ о его немедленной гильотинировании. Месье де Ласаль гильотинируют в тот же вечер, в полночь, при свете факела. На следующее утро Монестье говорит председателю суда: "Ну, мы вчера здорово напугали беднягу Ласалья, не правда ли?" "Какой еще известный испуг? Он казнен!" Монестье поражен - он не помнит, чтобы отдавал приказ.³²¹¹⁰ У других вино, помимо кровожадных инстинктов, пробуждает самые низменные инстинкты. В Ниме Бори, одетый в форму представителя, вместе с Курбисом, мэром, Жере, судьей и несколькими проститутками танцует фарандолу вокруг гильотины. В Аухе один из худших тиранов Юга, Дартигойт, всегда разгоряченный спиртным, "извергал все виды непристойностей" в лицо женщинам, пришедшим требовать справедливости; "он заставляет, под страхом тюремного заключения, матерей вести своих дочерей в народный клуб", чтобы они слушали его грязные проповеди; Однажды вечером в театре, вероятно, после оргии, он кричит на всех женщин между актами, обрушивает на них свой грязный лексикон и, в качестве демонстрации или практического завершения, заканчивает тем, что раздевается догола.³²¹¹¹ На этот раз появляется настоящая грубость. Все одежды, созданные за последние столетия, в которые его облачила цивилизация, последняя драпировка человечности, падают на землю. Остается лишь первобытное животное, свирепая, развратная горилла, которую предполагалось приручить, но которая продолжает существовать бесконечно долго и которую диктатура, соединенная с пьянством, возрождает в еще более уродливом обличье, чем в самые отдаленные времена.

VIII. Делирий.

Приближение безумия.- Потеря здравого смысла.- Фабр, Гастон, Гитер, в армии Восточных Пиренеев.- Бодо, Лебас, Сен-Жюст, предшественники и преемники в армии на Рейне. Яростное волнение. Лебон при Аррасе и Каррьер при Нанте.

Если для пробуждения грубого человека необходимо опьянение, то для пробуждения безумца достаточно диктатуры. Психическое равновесие большинства этих новых государей нарушено; расстояние между тем, чем человек был раньше, и тем, чем он является сейчас, слишком велико. Раньше он был мелким адвокатом, сельским врачом или школьным учителем, неизвестным автором резолюции в местном клубе, а еще вчера - одним избирателем в Конвенте из семисот пятидесяти. Посмотрите на него сейчас: арбитр в одном из департаментов, вершитель всех судеб и свобод, хозяин пяти тысяч жизней. Подобно весам, на которые бросили непропорционально большую гирю, его рассудок склоняется на

сторону гордыни. Некоторые из них считают свою компетенцию неограниченной, как и свои полномочия, и, только что вступив в армию, претендуют на право быть назначенными генерал-майорами.³²¹¹² "Объявите официально, - пишет Фабр в Комитет общественной безопасности,³²¹¹³ - что в будущем генералы будут просто лейтенантами делегатов Конвента". В ожидании требуемой декларации они претендуют на командование и в действительности осуществляют его. "Я не знаю ни генералов, ни рядовых, - говорит Гастон, бывший мировой судья, офицерам; - что касается министра, то он как бык в посудной лавке; я здесь команду и должен подчиняться". "На что годятся генералы?" - добавляет его коллега Гитер; "старухи в наших флибустьерах знают столько же, сколько и они. Планы, формальные маневры, палатки, лагеря, редуты? Все это бесполезно! Единственная война, подходящая для французов после этого, - это спешка с боковым оружием". Отказаться от должности, гильотинировать, дезорганизовать, слепо маршировать, бессистемно тратить жизни, вынуждать к поражению, иногда самим погибать - вот все, что они знают, и они потеряли бы все, если бы последствия их неспособности и высокомерия не искупались преданностью офицеров и энтузиазмом солдат.³²¹¹⁴ ³²¹¹⁴То же зрелище можно наблюдать в Шарлеруа, где своими абсурдными приказами Сен-Жюст делает все, чтобы скомпрометировать армию, и покидает это место с убеждением, что он великий человек. - Такое же зрелище происходит в Эльзасе, где Лакост, Бодо, Руамп, Субрани, Мухауд, Сен-Жюст и Лебас своей чрезмерной строгостью делают все возможное, чтобы развалить армию, а затем хвастаются этим. В штабе создается революционный трибунал, солдат призывают доносить на своих офицеров, доносчику обещают деньги и секретность, ему и обвиняемому не разрешают встречаться друг с другом, никакого расследования, никаких бумаг, даже делать исключения из приговора - простой допрос без всяких записей, обвиняемый арестовывается в восемь часов, осуждается в девять часов и расстреливается в десять часов.³²¹¹⁵

Естественно, что при такой системе никто не хочет командовать; уже до прибытия Сен-Жюста Менье согласился исполнять обязанности генерал-майора лишь временно; "каждый час дня" он требовал своего смещения; не имея возможности добиться этого, он отказывался отдавать какие-либо приказы. Чтобы найти ему преемника, представители вынуждены спуститься к капитану депо Карлену, достаточно смелому или глупому, чтобы позволить себе принять под их руководством комиссию, которая оказалась комиссией на гильотину - если таково их самомнение в военных вопросах, то каково же оно должно быть в гражданских! С этой стороны нет внешнего сдерживающего фактора, нет испанской или немецкой армии, способной сразу же взять их на мушку и извлечь выгоду из их амбициозной неспособности и злонамеренного вмешательства. Каким бы ни был социальный инструмент - судебная система, администрация, кредит, торговля, производство, сельское хозяйство - они могут безнаказанно смести и разрушить его. Они никогда не перестают делать это, и, более того, в своих депешах они ставят себе в заслугу разрушения, которые они причиняют. В этом, собственно, и состоит их миссия; в противном случае их считали бы плохими якобинцами; они скоро стали бы "подозреваемыми"; они правят только при условии, что они увлечены и разрушительны; ниспровержение здравого смысла является для них актом государственной милости, необходимостью должности, и на этой общей почве принудительного неразумия могут быть установлены все виды физического бреда.

У тех, за кем мы можем пристально следить, не только извращается рассудок, но и поражается весь нервный аппарат; начинается постоянное перевозбуждение и болезненное беспокойство. - Вспомним Жозефа Лебона, сына сержанта-оружейника, впоследствии учителя в Оратории Боне, затем куратора Нёвиль-Витасса, отвергнутого элитой своих прихожан как интервента, не пользующегося уважением, без дома и мебели и почти без

паствы.[32116](#) Через два года после этого, оказавшись государем своей провинции, он вскружил себе голову. Меньшие события могли бы заставить ее повернуться; это всего лишь двадцативосьмилетняя голова, не очень крепкая, без внутреннего балласта,[32117](#) уже потревоженная тщеславием, честолюбием, злобой и отступничеством, внезапным и полным изменением, которое ставит его в противоречие с его прошлыми воспитательными привычками и самыми заветными привязанностями: она ломается под обширностью и новизной этого величия. - В костюме представителя, в шляпе Генриха IV, с трехцветным плюмажем, развевающимся шарфом и саблей, волочащейся по земле, Лебон приказывает звонить в колокол и созывает жителей деревни в церковь, где, возвышаясь над кафедрой, на которой он прежде проповедовал в поношенной рясе, он демонстрирует свою метаморфозу.

"Кто бы мог поверить, что я вернулся сюда с неограниченными полномочиями!"[32118](#)

И что перед его фальшивым величием каждый человек будет смирен, преклонен и молчалив! Члену муниципалитета Камбрэ, который на его вопрос смотрел прямо на него и отвечал отрывисто, и который на вопрос, дважды повторенный в одних и тех же выражениях, осмелился ответить дважды в тех же выражениях, он заявляет:

"Заткнись! Ты не уважаешь меня, ты неподобающе ведешь себя с национальным представителем".

Тот немедленно отправляет его в тюрьму.[32119](#) Однажды вечером, в театре, он входит в ложу, в которой дамы, сидящие впереди, занимают свои места. В ярости он выходит, бросается на сцену и, размахивая саблей, кричит и угрожает публике, делая огромные шаги по доскам и действуя и выглядя так, как дикий зверь, что несколько дам падают в обморок:

"Посмотрите-ка, - кричит он, - на этих мускадинов, которые не соизволили пошевелиться ради представителя двадцати пяти миллионов мужчин! Все привыкли уступать дорогу принцу, они не сдвинутся с места ради меня, представителя, который больше, чем король!"[32120](#)

Слово сказано. Но этот король напуган, и он из тех, кто не думает ни о чем, кроме [заговоров32121](#) ; на улице, при свете дня, люди, проходящие мимо него, замышляют против него либо словами, либо знаками. Встретив на главной улице Арраса молодую девушку с матерью, говорящих по-фламандски, - это кажется ему "подозрительным". "Куда вы идете?" - спрашивает он. "А тебе-то что?" - отвечает ребенок, который его не знает. Девочку, мать и отца отправляют в тюрьму.[32122](#) На крепостном валу другая девочка в сопровождении матери выходит на воздух и читает книгу. "Дай мне эту книгу", - говорит представитель. Мать протягивает ему книгу; это "История Клариссы Харлоу". Молодая девушка, протягивая руку, чтобы вернуть книгу, добавляет, несомненно, с улыбкой: "Это не "подозрение"". Лебон наносит ей удар кулаком в живот, который сбивает ее с ног; обеих женщин обыскивают, и он лично ведет их в караульное помещение. Малейшее выражение лица, жест приводят его в замешательство; любое непонятное ему движение заставляет его вздрогнуть, как от удара током. Только что прибыв в Камбрей, он получает сообщение о том, что женщина, продавшая бутылку вина по заниженной цене, была освобождена после устного разбирательства. Дойдя до отеля "Отель-де-виль", он кричит: "Пусть все здесь пройдут в консисторию!". Дежурный муниципальный служащий открывает дверь, ведущую в нее. Лебон, не зная, кто это, настораживается. "Он пенится изо рта, - рассказывает муниципальный служащий, - и кричит, словно одержимый бесом. "Стой, стой, негодяй, ты убегаешь! Он выхватывает саблю и хватает меня за воротник; меня тащат и несут за собой он и его люди. Я держу его, я держу его!" - восклицает он, и действительно, он держал меня зубами, ногами и руками, как сумасшедший. Наконец, "мерзавец, чудовище, ублюдок, -

говорит он, - вы маркиз?" "Нет, - отвечаю я, - я сан-кулот". "Ах, люди, вы слышите, что он говорит, - восклицает он, - он говорит, что он sans-culotte, и именно так он приветствует донос на максима! Я удаляю его. Пусть его пинают в тюрьме!"³²¹²³ Несомненно, что король Арраса и Камбрея недалеко от бушующей лихорадки; с такими симптомами обычный человек был бы отправлен в психушку.

Не столь тщеславный, не столь любящий щеголять своей королевской властью, но более дикий и помещенный в Нанте среди больших опасностей, Каррьер, под давлением более мрачных идей, гораздо более яростен и постоянен в своем безумии. Иногда его приступы доходят до галлюцинаций. "Я видел, как он, - рассказывает очевидец, - так увлекся на трибуне, в пылу своей речи, когда пытался перекричать общественное мнение, что отрубал саблей верхушки свечей", как будто это были головы многих аристократов³²¹²⁴. В другой раз, за столом, объявив, что Франция не может прокормить свое слишком многочисленное население и что решено сократить избыток, всех дворян, магистратов, священников, купцов и т.д., он приходит в возбуждение и восклицает: "Убить, убить!", как будто он уже занят делом и отдает приказ об операции.³²¹²⁵ Даже во время поста и в обычном состоянии он едва ли более остыл. Когда администраторы департамента приходят посоветоваться с ним³²¹²⁶, они собираются у двери, чтобы посмотреть, выглядит ли он разгневанным и в состоянии ли их выслушать. Он оскорбляет не только просителей, но и подчиненных ему чиновников, которые делают ему доклады или выполняют его приказы; его нечистая натура поднимается к его устам и выливается в самые мерзкие выражения:

"Идите в ад и будьте прокляты. У меня нет времени"³²¹²⁷.

Считайте, что им повезло, если они отделались залпом непристойных ругательств, потому что он обычно достает свою саблю:

"Первому ублюдку, который упомянет о поставках, я отрублю голову"³²¹²⁸.

И председателю военной комиссии, который требует вынесения приговора, прежде чем отдать приказ о казни:

"Ты, старый негодяй, старая сволочь, ты хочешь вердиктов, не так ли! Давай! Если через пару часов не опустеет вся ручка, я прикажу расстрелять тебя и твоих коллег!"

Его жесты, его взгляд так сильно действуют на сознание, что другой, тоже "громила", умирает от шока через несколько дней.³²¹²⁹ Он не только достает свою саблю, но и применяет ее; среди просителей лодочник, которого он собирается ударить, убегает так быстро, как только может; он заманивает генерала Мулена в нишу окна и дает ему порез.³²¹³⁰ Люди "дрожат", когда обращаются к нему, и еще больше, когда противоречат ему. Посланник Комитета общественной безопасности Жюльен де ла Дром, оказавшись перед ним, позаботился о том, чтобы "встать на некотором расстоянии, в углу комнаты", мудро стараясь избежать первой пружины; еще мудрее, что он отвечает на восклицания Каррьеера единственным доступным аргументом:

"Если вы сегодня уберете меня с дороги, то через неделю вас самого гильотинируют!"³²¹³¹

Оказавшись перед бешеной собакой, нужно направить нож прямо ей в горло; другого способа спастись от ее клыков и рабства не существует. Соответственно, у Кэрриера, как и у бешеной собаки, мозгом овладевает устойчивая механическая мечтательность, настойчивые образы убийства и смерти. Он восклицает президенту Троньолли, говоря о вендийских детях:

"Гильотина, всегда гильотина!"[32132](#)

В отношении уопленников:

"Вы, судьи, должны выносить приговоры; бросайте их в воду, это гораздо проще".

Обращаясь к народному клубу Нанта, он заявляет:

"Богачи, купцы, все монополисты, все антиреволюционеры; донесите на них мне, и я положу все их головы под национальную бритву. Скажите мне, кто эти фанатики, которые закрывают свои магазины в воскресенье, и я прикажу их гильотинировать". "Когда же падут головы этих плутоватых купцов?" - "Я вижу здесь нищих в лохмотьях; вы такие же большие дураки в Ансенесе, как и в Нанте. Разве вы не знаете, что деньги, богатство этих старых купцов принадлежат вам, а не реке?" "Мои храбрые ублюдки, мои добрые санкюлоты, ваше время пришло! Обвините их! Свидетельства двух добрых санкюлотов - это все, что мне нужно, чтобы заставить головы этих старых купцов упасть!" - "Мы скорее превратим Францию в могильный двор, чем возродим ее по-своему "[32133](#)- Его ровный вой заканчивается криком страдания:

"Мы все будем гильотинированы, один за другим!"[32134](#)-

Таково психическое состояние, к которому приводит должность представителя в миссии. Под Каррьером, который находится на крайней грани, другие, менее продвинутые, также бледнеют от тоскливого видения, которое является неизбежным следствием их работы и их мандата. За каждой вырытой могилой они видят могилу, уже вырытую для них. Могильщику ничего не остается, как механически копать день за днем, а тем временем делать из своего места все, что он может; он может, по крайней мере, сделать себя бесчувственным, "хорошо проводя время".

IX. Порок.

Развитие порока.- Порок и потребность в азартных играх.-
Колло д'Эрбуа, Изабо, Талльен.- Разбойники.- Талльен,
Жавог, Ровер, Фуше.- Два источника жестокости.- Необходимость
демонстрация своей власти.- Сен-Жюст в департаменте Па-де-Кале
в департаменте Па-де-Кале и в Эльзасе.-Колот д'Эрбуа в Лионе.
Давление, оказываемое представителями на трибуналы.
-Удовольствие от смерти и страданий,
Колло д'Эрбуа, Лебон и Каррьер.

Большинство из них следуют этому курсу, некоторые инстинктивно и по слабости, а другие потому, что демонстрация, которую они устраивают, добавляет им авторитета. "Везенные в каретах с шестью лошадьми, окруженные охраной, сидящие за роскошными столами на тридцать персон, едящие под звуки музыки вместе с кортежем из актеров, куртизанок и преторианцев "[32135](#), они поражают воображение идеей своего всемогущества, и люди склоняются все ниже, потому что они устраивают грандиозное шоу.- В Труа, по прибытии молодого Русселена, пушки палят, как будто по случаю въезда принца. Все население Невера призвано почтить рождение ребенка Фуше; гражданские и военные власти

выражают ему свое почтение, а национальные гвардейцы стоят под оружием.[32136](#) В Лионе: "Внушительная демонстрация Колло д'Эрбуа похожа на демонстрацию Великого Турка. Чтобы получить аудиенцию, требуется три последовательных обращения; никто не приближается ближе чем на пятнадцать футов; двое часовых с мушкетами стоят по обе стороны от него, не сводя глаз с просителей".[32137](#) Менее грозная, но не менее внушительная пышность окружает представителей в Бордо; чтобы подойти к ним, требуется "пропуск от капитана гвардии" [32138](#) через несколько отрядов часовых. Один из них, Изабо, который после гильотинирования в значительной степени стал почти послушным, позволяет себе поклоны и, подобно герцогу де Ришелье, спустившемуся из Версаля, пытается играть роль народного властителя, со всей роскошью, которую позволяет ему положение. В театрах в его присутствии ставят балет, в котором пастухи выстраивают из цветочных гирлянд слова "Ysabeau, Liberty, Equality". Он позволяет своему портрету переходить из рук в руки и снисходительно улыбается художнику, который вписывает эти слова в нижнюю часть гравюры этого дня: "Событие, произошедшее при Изабо, представителе народа". "Когда он проходит по улице, люди снимают перед ним шляпы, приветствуют его и кричат: "Ура Изабо! Ура спасителю Бордо, нашему другу и отцу! Дети аристократов подходят и апострофируют его таким образом, даже у дверей его кареты, ибо у него есть карета, и даже несколько, с кучером, лошадьми и снаряжением бывшего дворянина, жандармы сопровождают его повсюду, даже на экскурсиях в деревню", где его новые придворные называют его "великим человеком" и приветствуют его с "азиатским великолепием". За его столом царит веселье, "превосходный белый хлеб", называемый "хлебом представителей", в то время как деревенские жители окрестностей живут на кореньях, а жители Бордо едва ли могут получить больше четырех унций заплесневелого хлеба в день. В отчетах Колло мы находим список бутылок бренди по четыре франков каждая, а также куропаток, каплунов, индеек, цыплят, щук и раков, обратите внимание также на белый хлеб, другой вид, называемый "хлебом равенства", предназначенный для простых смертных, оскорбляет этот августейший вкус. Прибавьте к этому, что Альбит и Фуше потребовали семьсот бутылок прекрасного вина в одном лоте, пятьдесят фунтов кофе в другом, сто шестьдесят эллинов муслина, три дюжины шелковых платков для галстуков, три дюжины пар перчаток и четыре дюжины пар чулок: они обеспечивают себя хорошим [запасом](#)[32139](#).-Среди стольких странствующих тиранов самым дерзким и чувственным, как мне кажется, является Талльен, септембризер в Париже и гильотинер в Бордо, но все же больше грабитель и разбойник, заботящийся в основном о своем вкусе и желудке. Сын повара великого сеньора, он, несомненно, руководствуется семейными традициями: для него правительство - это просто кладовая, где, подобно дворцовому в "Жиль Бласе", он может есть, а остальное превращать в деньги. В данный момент его главная фаворитка - Тереза Кабаррус, женщина из общества или *demi-monde*, которую он вытащил из тюрьмы; он ездит с ней по улицам в открытой карете, "с курьером сзади и курьером впереди", иногда надевая красный колпак и держа в руке [пику](#)[32140](#) , таким образом выставляя свою богиню напоказ народу. И именно это чувство делает ему наибольшую честь; ведь когда наступает кризис, неминуемая опасность, грозящая его любовнице, пробуждает его мужество против Робеспьера, и эта милая женщина, добродушная, умоляет его не об убийстве, а о [помиловании](#)[32141](#).-Другие, столь же галантные, как и он, но с меньшим вкусом, набирают рекрутов для своих удовольствий грубым способом, либо как быстроногих на крыльях, либо потому, что страх подчиняет честь женщин их капризам, либо потому, что государственные средства покрывают расходы на их гардемариинские привычки. В Блуа на подобные расходы Гимберто отвечает по своим обязательствам траттами из поступлений от революционного налога.[32142](#) Каррьер в Нанте присваивает себе дом и сад частного лица для "своего серала"; читатель может судить, будет ли возражать муж, если он пожелает стать третьим лицом в доме. В другое время, в отеле

Генриха IV, "со своими друзьями и реквизированными проститутками, он устраивает оргию"; он позволяет себе такую же поблажку на галиоте во время утопления; там же, по окончании пьяного кутежа, ему поют веселые песни, например, "la gamelle":[32143](#) ему нужны развлечения.

Некоторые, кто проницателен, думают о более существенном и заглядывают в будущее. В первую очередь это Талльен, король разбойников, но блудливый, чьи карманы, полные дыр, наполняются только для того, чтобы тут же опустошаться; Жавог, который извлекает максимальную выгоду из Монбризона; Ровер, который за восемьдесят тысяч франков в ассигнациях получил имение, причитающееся ему за пятьсот тысяч франков в монете; Фуше, который в Ньевре начинает накапливать двенадцать или четырнадцать миллионов, которые он впоследствии [получает32144](#), и многие другие, кто был разорен или обеднел до начала Революции и разбогател после ее окончания: Баррас с его владениями в Грос-Буа; Андре Дюмон с отелем де Плуи, его великолепной мебелью и имением стоимостью четыреста тысяч ливров; Мерлен де Тионвиль с его загородными домами, снаряжением, владениями в Мон-Валериане и другими владениями; Салисетти, Рубель, Русселен, Шатонеф-Рандон и другие прожорливые и развращенные члены Директории. Не говоря уже о налогах и конфискациях, которым они не придают никакого значения, они имеют в своем арсенале выкупы, которые подпольно предлагают "подозреваемые" и их семьи; что может быть удобнее? [32145](#) И тем более, что Комитет общей безопасности, даже будучи информированным, пустил все на самотек: преследовать "монтаньяров" означало бы "заставить Революцию сделать шаг назад". Нужно юморить над полезными слугами, которым приходится выполнять такую тяжелую работу, как сентябрьские убийства. На нарушения, как в случае с этими сентябрьскими людьми, нужно не обращать внимания; необходимо предоставить им некоторые привилегии и дать им [вознаграждение32146](#).

Всего этого было бы недостаточно, чтобы удержать их на работе, если бы их не привлекало еще большее притяжение... Для обычного слоя цивилизованных людей должность Септембризера сначала неприятна; но после небольшой практики, особенно с тиранической натурой, которая, прикрываясь теорией или под предлогом общественной безопасности, может насытить свои деспотические инстинкты, все отвращение проходит. Осуществление абсолютной власти доставляет острое удовольствие; каждый час хочется заявить о своем всемогуществе и доказать его каким-нибудь действием, причем самым убедительным из всех действий является какой-нибудь акт разрушения. Чем полнее, радикальнее и стремительнее разрушение, тем сильнее человек осознает свою силу. Как бы ни было велико препятствие, человек не склонен отступать или стоять на месте; он разрушает все барьеры, которые люди называют здравым смыслом, гуманностью, справедливостью, и удовлетворение от их разрушения велико. Сокрушать и покорять становится сладострастным удовольствием, которому гордыня придает еще больший вкус, обеспечивая благодарный фимиам костра, который деспот поглощает на своем собственном алтаре; в этом ежедневном жертвоприношении он одновременно идол и жрец, приносящий жертвы самому себе, чтобы осознать свою божественность. -Таков Сен-Жюст, тем более деспот, что его титул представителя в миссии подкреплён званием члена Комитета общественной безопасности: чтобы найти натуры, напряженные до такой степени, как у него, мы должны покинуть современный мир и вернуться к Калигуле или к халифу Хакему в Египте в X [веке32147](#). Он также, подобно этим двум чудовищам, но с другими формулами, считает себя Богом или наместником Бога на земле, наделенным абсолютной властью благодаря воплощенной в нем Истине, представителем таинственной, безграничной и высшей силы, известной как Народ; чтобы достойно представлять эту силу, необходимо иметь стальную душу.[32148](#) Такова душа Сен-Жюста, и только она. Все остальные чувства

лишь закаляют ее; все металлические вещества, составляющие ее, - чувственность, тщеславие, все пороки, все виды честолюбия, все неистовые вспышки и меланхолические испарения его юности - жестоко смешиваются и сплавляются в революционной форме, чтобы его душа приняла форму и жесткость окованной стали. Представьте себе этот одушевленный клинок, чувствующий и желающий в соответствии со своим нравом и строением; он бы радовался, когда его клеймят, и нуждался бы в ударе; такова потребность Сен-Жюста. Молчаливый, бесстрастный, держащий людей на расстоянии, властный, как если бы в его лице заключалась вся воля народа и величие трансцендентного разума, он, кажется, свел свои страсти к желанию разбить все на атомы и вызвать ужас. О нем можно сказать, что, подобно татарам-завоевателям, он измеряет свое самонадеянное величие тем, что он падает; никто другой не смел так широко состояния, свободы и жизни; никто другой не усиливал так ужасающе эффект своих деяний лаконичностью речи и внезапностью удара. Он приказывает в течение двадцати четырех часов арестовать и заключить под стражу всех бывших дворян, мужчин и женщин, в четырех департаментах; он приказывает страсбургской буржуазии выплатить девять миллионов за двадцать четыре часа; десять тысяч человек в Страсбурге должны сдать обувь за двадцать четыре часа; случайные и немедленные выстрелы из мушкетов по офицерам Рейнской армии - таковы [меры32149](#). Тем хуже для невиновных; нет времени разбираться, кто они; "слепой, ищущий булавку в куче пыли, забирает всю кучу." [32150 И](#), каков бы ни был приказ, даже если он не может быть выполнен, тем хуже для того, кому он отдан, для капитана, который, получив приказ представителя установить ту или иную батарею в определенное время, работает всю ночь со всеми своими силами, "с таким количеством людей, какое может вместить место". [32151](#) Батарея не готова к указанному часу, Сен-Жюст отправляет капитана на гильотину. [32151](#) Государь, отдав приказ, не может его отменить; взять свои слова обратно - значит ослабить себя; [32152](#) на службе у всемогущества гордыня ненасытна, и, чтобы успокоить ее, ни один варварский поступок не может быть слишком велик. - Такой же аппетит замечен у Колло д'Эрбуа, который, уже не выступая на сцене, играет перед городом мелодраматического тирана со всей подобающей ему показностью. Однажды утром в Лионе он приказывает революционному трибуналу арестовать, допросить и осудить молодого "подозреваемого" еще до конца дня. "Ближе к шести [часам32153](#) , когда Колло сидел за столом, наслаждаясь оргией с проститутками, буффонами и палачами, ел и пил под отборную музыку, входит один из судей Трибунала ; после обычных формальностей его подводят к представителю и сообщают, что молодой человек был арестован, осмотрен, и в отношении него были проведены самые строгие расследования; он признан безупречным, и суд решил освободить его. Колло, не глядя на судью, повышает голос и говорит ему:

"Я приказал вам наказать этого молодого человека и хочу, чтобы он убрался с дороги еще до ночи. Если пощадить невиновных, слишком много виновных сбежит. Иди".

Музыка и веселье начинаются снова, и через час юношу расстреливают." - И так в большинстве других пашалыков; если какая-нибудь голова, осужденная пашой, ускользает или падает недостаточно скоро, последний возмущается задержками и формами правосудия, а также судьями и присяжными, которых часто выбирает сам. Жавог пишет оскорбительное письмо в комиссию Фурса, которая осмелилась оправдать двух бывших дворян. Ленъело, Лекарпантье, Мишо, Монестье, Лебон увольняют, пересоставляют или заменяют комиссии Фонтенуа, Сен-Мало и Перпиньяна, а также трибуналы По, Нима и Арраса, решения которых им не понравились. [32154](#) Лебон, Бернар де Сент, Дартигойт и Фуше вновь арестовывают заключенных по одному и тому же обвинению, торжественно оправданных их собственными трибуналами. Бо, Приер де ла Марн и Лебон отправляют в тюрьму судей и присяжных, которые не всегда голосуют за смерть. [32155](#) Баррас и Фрерон

отправляют из бригады в бригаду в революционный трибунал в Париже прокурора и председателя революционного трибунала в Марселе за снисходительность к антиреволюционерам, потому что из пятисот двадцати восьми заключенных они гильотинировали только сто шестьдесят два.[32156](#) - противоречить непогрешимому представителю! Это само по себе является преступлением. Он обязан наказывать тех, кто не покоряется, вновь арестовывать отпущенных преступников и поддерживать жестокость жестокостью.

Когда в течение долгого времени кто-то употребляет крепкий и тошнотворный напиток, небо не только привыкает, но часто приобретает вкус к нему; вскоре ему хочется выпить его покрепче; наконец, он глотает его чистым, совершенно сырым, без примесей или приправ, чтобы скрыть его отвратительность - таким, по мнению некоторых, является зрелище человеческой крови; привыкнув к нему, они получают удовольствие от его лицезрения. Лекиньо, Линьело и Лебон приглашают палача отобедать с [ними32157](#) ; Монестье "со своими головорезами сам отправляется на поиски заключенных в подземельях, чтобы сопровождать их в трибунал и осыпать обвинениями, если они настроены защищаться; после вынесения приговора он в форме присутствует на их казни "[32158](#) ; Фуше с лорнетом в руках смотрит из своего окна на расправу над двумястами десятью лионцами. Колло, Лапорте и Фуше пируют большой компанией в дни казней через расстрел и при каждом выстреле встанут и шумно ликуют, размахивая шляпами.[32159](#) В Тулоне Фрерон лично отдает приказ и наблюдает за исполнением первой большой резни на Марсовом поле.[32160](#) На площади д'Аррас месье де Виельфор, уже связанный и растянутый на доске, ждет падения ножа. На балконе театра появляется Лебон, делает знак палачу остановиться, открывает газету и громким голосом зачитывает последние успехи французских армий; затем, обращаясь к приговоренному, восклицает: "Иди, негодяй, и донеси весть о наших победах до своих братьев".[32161](#) В Фурсе, где происходят расстрелы в доме господина дю Розье, на большой аллее парка, его дочь, совсем еще молодая женщина, со слезами на глазах подходит к Жавогу и просит освободить ее мужа. "О, да, моя дорогая, - отвечает Жавог, - завтра вы получите его домой". В результате на следующий день ее мужа расстреливают и хоронят на аллее.[32162](#) Очевидно, что им нравится это дело. Как и их сентябрьские предшественники, они находят удовольствие в убийствах: окружающие с удовольствием говорят о "красном театре" и "национальной бритве". Об аристократе говорят, что он "подставляет голову к национальному окну", а "он просунул голову в кошачью нору".[32163](#) У них самих есть стиль и юмор их профессии. "Завтра, в семь часов, - пишет Гюг, - пусть воздвигнут священную гильотину!"[32164](#)- [32164](#)- "Гильотина демуазель, - пишет Лекарлье, - продолжает неуклонно стареть ""Родственники и друзья эмигрантов и непримиримых священников, - пишет Лебон, - монополизируют гильотину...[32165](#) Позавчера сестра бывшего графа де Бетюна чихнула в мешок". Каррьер громко заявляет о "наслаждении, которое он получил", видя казни священников: "Я никогда в жизни так не смеялся, как над лицами, которые они делали, умирая".[32166](#) Это крайняя извращенность человеческой натуры - Домициан, который следит за чертами осужденного, чтобы увидеть эффект страдания, или, что еще лучше, дикарь, который держится за бока от смеха при виде человека, которого закалывают. А это удовольствие от созерцания смертных мук Каррьер находит в страданиях детей. Несмотря на уговоры революционного трибунала и мольбы президента Фелиппа-Тронжолли,[32167](#) он подписывает 29 числа Фримера II года приказ о гильотинировании без суда и следствия двадцати семи человек, из которых семь женщин, и среди них четыре сестры, Месдемуазель де ла Метайри, одной из которых двадцать восемь лет, другой двадцать семь, третьей двадцать шесть, а четвертой семнадцать. За два дня до этого, несмотря на уговоры того же трибунала и уговоры того же президента, он подписал приказ о гильотинировании двадцати шести ремесленников и крестьян, среди которых было два мальчика четырнадцати и два

тринадцать лет. Его отвезли "в такси на место казни, и он подробно проследил за ней. Он слышал, как один из тринадцатилетних детей, уже привязанный к доске, но слишком маленький, и у него под ножом была только макушка, спросил палача: "Мне будет очень больно?" Можно себе представить, на что обрушилось треугольное лезвие! Каррьер видел это своими глазами, и хотя палач, ужаснувшись самому себе, через несколько дней умер от содеянного, Каррьер поставил на его место другого, снова начал и продолжил работу.

3201 ([возвращение](#))

[Thibaudeau: "Mémoires", I., 47, 70.-Durand-Maillane, "Mémoires", 183.-Vatel, "Charlotte Corday et les Girondins", II., 269. Из семидесяти шести председателей конвента восемнадцать были гильотинированы, восемь депортированы, двадцать два объявлены вне закона, шесть заключены в тюрьму, трое покончили жизнь самоубийством, четверо стали сумасшедшими, всего шестьдесят один. Все, кто служил дважды, погибли насильственной смертью].

3202 ([возврат](#))

["Moniteur", XVIII., 38. (Речь Амара, репортера, 3 октября 1793 г.) "Явно негативное поведение меньшинства в конвенте, начиная со 2 июня, - это новый заговор, вынашиваемый Барбару"].

3203 ([возврат](#))

[Mortimer-Ternaux, VIII., 44. Избрание Колло д'Эрбуа президентом ста пятьюдесятью одним из двухсот сорока одного голоса, 13 июня 1793 г. - Moniteur, XVII., 366. Избрание Эро-Сешеля президентом ста шестьюдесятью пятью голосами из двухсот тридцати шести, 3 августа 1793 г.].

3204 ([возврат](#))

["Революция", т. III, гл. I.-Mortimer-Ternaux, VII., 435. (Три заместителя получают: первый - девять голосов, второй - шесть голосов, третий - пять голосов)].

3205 ([возврат](#))

[Marcelin Boudet, "Les conventionnels d' Auvergne", 206.]

3206 ([возврат](#))

["Ле Маре" или "Болото" (умеренная партия во время Французской революции). SR].

3207 ([обратно](#))

[Dussault: "Fragment pour servir a' l'histoire de la convention"].

3208 (возврат)

[Sainte-Beuve "causeries du Lundi", V., 216. (Согласно неопубликованным документам Съеса)].

3209 (возврат)

[Слова Мишле.]

3210 (обратно)

["Moniteur", XX., 95, 135. (Заседания Жерминаля II. в Конвенте и в Якобинском клубе.)]

3211 (обратно)

[Buchez et Roux, XXXII, 17. (Заседания Вентоза 26, год II. Речь Робеспьера.) "В какой стране могущественный сенат когда-либо искал в своем собственном лоне предателей общего дела и отдавал их под меч закона? Кто когда-либо представлял миру это зрелище? Вы, мои сограждане"].

3212 (обратно)

[Миот де Мелито, "Мемуары", I. 44. Дантон, сидя за столом в министерстве иностранных дел, заметил: "Революция, подобно Сатурну, поедает своих собственных детей". Что касается Камиля Десмулена, то "его меланхолия уже указывала на предчувствие своей участи; те немногие слова, которые он позволял себе, всегда сводились к вопросам и замечаниям относительно характера наказания, которому подвергнутся осужденные революционным трибуналом, и наилучшего способа подготовиться к этому событию и перенести его"].

3213 (возвращение)

[Buchez et Roux, XXXIII., 363.357. (Полицейские отчеты о депутатах, Мессидор 4 и последующие дни.)-Vilate: "Секретные перевороты революции 9 и 10 термидора", список, составленный Барером. Денонсация Лекуантра. (2-е изд. с.13.)]

3214 (возврат)

[Thibaudeau, I., 47. "Как в обычные времена человек старается возвыситься, так и в эти времена бедствий он стремится опуститься и быть забытым, или искупить свою неполноценность стремлением унизиться"].

3215 (возвращение)

[Мадам Ролан: "Mémoires", I., 23.]

3216 (обратно)

[Archives Nationales, F.7, 31167. Этот комплект документов содержит пятьсот тридцать семь

полицейских рапортов, особенно рапорты Нивоза, год II. Ниже приводится образец отчета Нивоза 25, год II. "Будучи в составе делегации на съезде, некоторые коллеги пригласили меня пообедать в старом саду Бретей, в большой комнате с прекрасным полом..... Мне предъявили счет, и я обнаружил, что, съев суп из риса, немного мяса, бутылку вина и две картофелины, я потратил, как мне сказали, восемь франков двенадцать су, потому что я небогат. "Foutre! говорю я им, - сколько же здесь платят богатые?... Надо сказать, что я видел, как в этот большой зал входили некоторые депутаты, также бывшие маркизы, графы и рыцари поньярда старинного режима... но, признаюсь, я не помню истинных имен этих бывших дворян.... ибо сам дьявол не смог бы узнать этих ублюдков, переодетых в санкюлоты"]].

3217 (возврат)

[Buche et Roux, XXVIII., 237, 308. (5 и 14 июля 1793 года.)-Moniteur, XIX., 716. Дантон добивается принятия декрета о том, "чтобы в суде не слушали ничего, кроме прозы" (Ventôse 26, год II.). Тем не менее, после его казни подобное шествие начинается снова. 12 числа Мессидора "гражданин, допущенный к адвокатури, читает сочиненное им стихотворение в честь успеха нашего оружия на Самбре". (Moniteur, XVI., 101.)].

3218 (обратно)

[Moniteur, XVIII. 369, 397, 399, 420, 455, 469, 471, 479, 488, 492, 500 и т. д.- Мерсье, "Новый Париж", II., 96.- Дюбан, "Демагогия в 1793 году", 500, 505. (Статьи Прюдомма и "Дневник" Болье)].

3219 (возврат)

["Moniteur", XVIII., 420, 399. "Ah, le bel oiseau" - песня, выбранная за ее символический и двойной смысл, один из которых был пасторальным, а другой - развратным].

3220 (возвращение)

[De Goncourt, "La Société française pendant la Révolution", 418. (Статья из "Père Duchesne").]-Dauban, ibid., 506. (Статья Прюдомма.) "Свобода, сидя на зелени, принимает почести республиканцев, мужчин и женщин... а затем.... она поворачивается и одаривает друзей благосклонным взглядом"]].

3221 (возвращение)

["Moniteur", XVIII., 399. Сессия 20 брюмера, по предложению Тьюрио: "Я предлагаю, чтобы конвент посетил храм Разума и спел гимн Свободе"; "Предложение Тьюрио постановляется"]].

3222 (возвращение)

[Mercier, ibid., 99. (Аналогичные сцены в церквях Сент-Эташ и Сент-Жерве)].

3223 (возврат)

[Durand-Maillane, "Mémoires", 182.- Gregoire, "Mémoires", II., 34. 7 ноября 1793 года, во время великой сцены отречения, Грегуар один оказал сопротивление, заявив: "Я остаюсь епископом; я требую свободы вероисповедания". "Раздались крики, чтобы заглушить мой голос, высоту которого я поднял пропорционально..... Произошла демоническая сцена, достойная Мильтона..... Я заявляю, что, произнося эту речь, я думал, что выношу смертный приговор самому себе". В течение нескольких дней к нему посылали эмиссаров, то ли депутатов, то ли бандитов, чтобы попытаться заставить его отказаться от своих слов. 11 ноября плакат, расклеенный по всему Парижу, объявил его ответственным за продолжение фанатизма. "В течение примерно двух лет я был почти единственным в Париже, кто носил церковный костюм"]].

3224 (обратно)

["Moniteur", XVIII., 480. (Сессия 30 брюмера.) N.... "Я должен огласить церемонию, которая состоялась здесь сегодня. Я предлагаю, чтобы речи и подробности этого дня были полностью опубликованы в бюллетене и разосланы во все департаменты". (Другой депутат): "И не забудьте сказать, что "Право" никогда не было так хорошо обставлено". (Смех и аплодисменты.)]

3225 (возвращение)

[Buche et Roux, XXXII., 103. (Germinal 11.)-Moniteur, XX., 124. (Жерминаль 15.) Декрет о прекращении защиты Дантона и его соратников].

3226 (возврат)

[Moniteur, XX., 226. (Жерминаль 26. Доклад Сен-Жюста и декрет о полиции.)-Ibid., XIX., 54. (Доклад Робеспьера и декрет о принципах революционного правительства, Nivôse 5.)-Ibid., XX., 567, 589. Prairial 6, (Декрет, запрещающий заключать в тюрьму любого англичанина или ганноверца), и XXI., 13. (Messidor 16.)].

3227 (возвращение)

["Moniteur", XX., 544. После выступления Л'Адмирала против Колло д'Эрбуа, последний появляется на трибуне. "Самые громкие аплодисменты приветствуют его со всех сторон дома" - Там же, XXI, 173. (Мессидор 21.) По докладу Барера, который хвалит поведение Жозефа Лебона, не критикуя ничего, кроме "несколько грубых формальностей", принимается декрет о порядке дня, который "принимается единогласно под бурные аплодисменты"]].

3228 (возвращение)

["Moniteur", XX., 698, 715, 716, 719. (Прериалы 22 и 24.) После речей Робеспьера и Кутона "Громкие и повторные аплодисменты; овации начинаются снова и продолжаются долго". Кутон, заявив, что Комитет общественной безопасности готов уйти в отставку, "со всех сторон раздались крики "Нет, нет"" -Ibid., XXI., 268. (Термидор 2.) Восхваление революционного правительства Барером и декрет о полиции, "единогласно принятый под громкие аплодисменты"]].

3229 (обратно)

["Moniteur", XXI., 329.]

3230 (обратно)

[Лафайет, "Mémoires", IV., 330. "Наконец наступило 9-е число Термидора. Это не было заслугой людей здравого смысла. Их ужас был так велик, что один уважаемый депутат, которому один из его коллег задал вопрос, без свидетелей, "как долго мы должны терпеть эту тиранию?", был расстроен до такой степени, что донес на него"].

3231 (возвращение)

[Sainte-Beuve, "Causeries du Lundi", V., 209. (Неопубликованные работы Сийеса.)-Moniteur, XVIII, 631, содержащий пример террора и стиля самых выдающихся людей, в том числе Фуркруа, знаменитого химика, затем депутата, а позже государственного советника и министра народного просвещения. В "Якобинском клубе", 18 брюмера II года, его обвиняют в том, что он недостаточно часто обращается к Конвенту, на что он отвечает: "После двадцати лет преданности врачебной практике мне удалось поддержать моего отца-санкюлота и моих сестер-санкюлотов..... Что касается обвинения одного из членов Совета в том, что я отдаю большую часть своего времени науке. ... Я посещал лицей искусств всего три раза, и то только для того, чтобы его санкюлоттизировать"].

3232 (возврат)

[Мишле, (1798-1874), "История революции", V., предисловие XXX (3-е изд.). "Когда я был молод и искал работу, меня направили в один уважаемый "Обзор", к известному филантропу, посвятившему себя образованию, народу и благосостоянию человечества. Я нашел очень маленького человека, меланхоличного, мягкого и сдержанного. Мы расположились перед камином, на который он устремил свой взгляд, не глядя на меня. Он долго говорил дидактическим, монотонным тоном. Мне стало не по себе, на душе стало тошно, и я поскорее ушла. Именно этот маленький человек, как я потом узнал, выследил жирондистов и гильотинировал их, причем сделал он это в возрасте двадцати лет" - Этого человека звали Жюльен де ла Дром. Я (Тэн) видел его однажды, когда был совсем молодым. Он хорошо известен, во-первых, по его переписке, а во-вторых, по дневнику его матери. ("Journal d'une bourgeoise pendant la Revolution", ed. Locroy.) - У нас есть набросок Давида ("La Demagogie à Paris en 1793", автор Dauban, факсимиле в начале тома), изображающий королеву Марию-Антуанетту, которую ведут на казнь. Мадам Жюльен была у окна вместе с Давидом, глядя на похоронную колонну, в то время как он делал рисунок. Мадам Жюльен пишет в своем "Журнале" 3 сентября 1792 года: "Чтобы достичь этой цели, мы должны выбрать средства. Никакой варварской гуманности! Народ пробудился, народ мстит за преступления последних трех лет". Ее сын, этакий сырой, сентиментальный пуританин, любитель кровопролития, был одним из самых активных агентов Робеспьера. Он помнил о том, что сделал, как явствует из рассказа Мишле, и опускал глаза, прекрасно понимая, что его нынешняя филантропия не может уничтожить прошлые деяния].

3233 (возврат)

[Archives Nationales, AF. II., 46. Реестр актов Комитета общественной безопасности, т. II, постановления от 3 августа 1793 г.].

3234 (возврат)

[О концентрации и накоплении бизнеса см. Archives Nationales, там же, акты от 4, 5, 6 августа 1793 г.; и AF. II., 23, акты I и 15 брюмера II года; о распределении и отправлении дел в Комитете и о часах, отведенных на них, см. акты от 6 апреля, 13 июня, 17, 18, 3 августа 1793 года и 27 брюмера II года.-После 3 августа ежедневно проводились две сессии, с 8 часов утра до 1 часа дня и с 7 до 10 часов вечера; в 10 часов Исполнительный совет встречался с Комитетом общественной безопасности, а бумаги подписывались около 2 или 3 часов ночи.- Досье AF. II., с 23 по 42, содержат отчет о деятельности Комитета, протоколы его заседаний и переписку. Изучение этих документов дает полную информацию об инициативе и ответственности Комитета. Например, (Nivôse 4, год II., письма Фрерону и Баррасу в Марсель): "Комитет одобряет энергичные меры, которые вы санкционировали в своих распоряжениях в Марселе. Привыкший, как вы, орудовать громоотводами, вы лучше всего подходите для того, чтобы по-прежнему управлять им... Как славно, граждане коллеги, иметь возможность, подобно вам, после долгих трудов и бессмертной славы, как отрадно, под таким покровительством, вернуться в лоно Национального конвента!" (AF. II., 36, Плювиоза 7, год II., письмо представителям миссии в Бордо, одобряющее распоряжения, изданные ими против купцов). "Скрытый за неясностью своих комплотов, меркантилизм не может поддержать пылкую, живительную атмосферу Свободы; сибаритская праздность дрожит перед спартанской добродетелью. "- (AF. II., 37, Плювиоза 20, письмо Приеру де ла Марну, посланному в Нант на смену Каррьеру). "Каррьер, возможно, был плохо окружен; его методы суровы, средства, которые он использует, не рассчитаны на то, чтобы завоевать уважение национальной власти; ... он устал в этом городе. Он должен покинуть его и отправиться в другое место" (AF. II., 36, Nivôse 21, письмо Фуше, Лапорту и Альбиту в Коммуну-Афранчи, подписанное Бийо-Варенном и составленное им самим). "Конвент, Нивозе I, одобрил распоряжения и другие меры, принятые вами. Мы ничего не можем добавить к его одобрению. Комитет общественной безопасности подчиняет все операции одним и тем же принципам, то есть подчиняется вашим и действует вместе с вами"].

3235 (возвращение)

[Sainte-Beuve, "Nouveaux Lundis", VIII., 105. (Неопубликованный доклад вице-адмирала Вилларе-Жуазе, 28 мая 1794 г.)].

3236 (возврат)

[Carnot, "Mémoires", I., 107.]

3237 (обратно)

[Там же, I., 450, 523, 527: "На столе Комитета мы часто ели только краюху сухого хлеба"].

3238 ([обратно](#))

[Moniteur, XXI., 362. (Речь Камбона на заседании 11 термидора II года)].

3239 ([обратно](#))

[Beugnot, "Mémoires", II., 15. (Высказано самим Жаном Боном в беседе в Майенсе в 1813 г.)].

3240 ([обратно](#))

[Гаудиа, герцог де Гет, "Mémoires", I., 16, 28. "Я лично был обязан жизнью Камбону, пока благодаря его твердости он сохранил весь департамент казначейства, постоянно атакуемый всесильным клубом якобинцев". 8 термидора Робеспьер был "очень суров к администрации казначейства, которую он обвинил в аристократическом и антиреволюционном духе..... Под этим предлогом, как было известно, оратор намеревался предложить обвинительный акт против представителя, которому было поручено наблюдение за ним, а также против шести комиссаров, и предать их суду Революционного трибунала, вердикт которого не мог быть сомнительным" -Buche et Roux, XXXIII., 431, 436, 441. Речь Робеспьера, 8 термидора, год II... ". Макиавеллиевские замыслы против мелких держателей государственных средств... Презренная финансовая система, расточительная, раздражающая, пожирающая, абсолютно независимая от вашего верховного надзора..... Антиреволюция существует в финансовом ведомстве.... Кто является его главными администраторами? Бриссотины, Фейяны, аристократы и знаменитые мошенники - Камбоны, Малларме, Рамели!"].

3241 ([возврат](#))

[Carnot, "Mémoires", I., 425].

3242 ([обратно](#))

[Moniteur, XXIV., 47, 50. (Заседание Жерминаля 2, год II.) Речи Линде и Карно с подтверждающими деталями. Линде говорит, что он подписал двадцать тысяч бумаг. (Заседание Вентоса 12, год III. Речь Барера.) "Труд Комитета был разделен между различными членами, составляющими его, но все, без различия, подписывали работы друг друга. Я сам, ничего не зная о военных делах, дал, пожалуй, в этом вопросе четыре тысячи подписей" - Там же, XXIV, 74. (Заседание Жерминаля 6, год III.) Речь Лавессера, свидетеля оживленной сцены между Карно и Робеспьером по поводу двух клерков Карно, арестованных по приказу Робеспьера. Карно добавляет: "Я сам подписал этот приказ об аресте, не зная об этом". (Заседание Вандемьера 8, год II, речь Карно об аресте генерала Юше за его жестокости в Вандее). Когда он предстал перед комитетом общественной безопасности, Робеспьер защитил его, и он был отправлен обратно в армию и получил более высокий чин; я был вынужден подписать, несмотря на мое несогласие"].

3243 ([возврат](#))

[Carnot, "Mémoires", I., 572. (Речь Карно, Жерминаль 2, год III.)].

3244 ([возврат](#))

[S nart, "M moires", 145, 153. (Подробные сведения о членах двух комитетов)].

3245 ([обратно](#))

[Доклады Бийо об организации революционного правительства, 18 ноября 1793 г., и о теории демократического правительства, 20 апреля 1794 г. - Доклады Робеспьера о политическом положении Республики, 17 ноября 1793 г.; и о принципах революционного правительства, 5 декабря 1793 г. - Информация о гении революционных законов, подписанных в основном Робеспьером и Бийо, 29 ноября 1793 г. - Доклады Робеспьера о принципах политической морали, которыми должен руководствоваться Конвент, 5 февраля 1794 г.; и о связи между религиозными и моральными идеями и республиканскими принципами, 7 мая 1794 г.].

3246 ([возврат](#))

[Бийо больше не отправляется с миссией после того, как становится одним из членов Комитета общественной безопасности. Робеспьер никогда не ездил. Барер, который служит ежедневно, также остается в Париже. Все остальные служат в миссиях, причем неоднократно и подолгу].

3247 ([обратно](#))

["Moniteur", XXIV., 60. Слова Карно, сессия Жерминаля 2, год III.-Там же, XXII., 138, слова Колло, сессия Вандемьера 12, год III. "Бийо и я разослали в департаменты триста тысяч письменных документов и составили своей рукой не менее десяти тысяч протоколов (заседаний)"].

3248 ([возврат](#))

[Dussault "Fragment pour servir   l'histoire de la Convention"].

3249 ([обратно](#))

[Thibaudeau, I., 49.]

3250 ([возврат](#))

[Arnault, "Souvenirs d'un Sexagenaire", II., 78].

3251 ([возврат](#))

["M moires d'un Bourgeois de Paris", by Veron, II., 14. (July 7, 1815.)].

3252 ([обратно](#))

[Cp. Thibaudeau, "Mémoires", I., 46. "Тогда казалось, что для того, чтобы избежать тюрьмы или эшафота, нет другого пути, как поставить на свое место других"].

3253 ([возвращение](#))

[Carnot, "Mémoires", I., 508.]

3254 ([обратно](#))

[Carnot, I., 527. (Слова Приера де ла Кот-д'Ор.)].

3255 ([обратно](#))

[Carnot, *ibid.*, 527. (Слова Приера.)].

3256 ([обратно](#))

["La Nouvelle Minerve", I., 355, (Заметки Бийо-Варенна, переписанные в Сен-Доминго и скопированные д-ром Червином). "Мы пришли к решению только после того, как были утомлены ночными заседаниями нашего комитета"].

3257 ([возврат](#))

[Декрет от 17 сентября 1793 года о "подозреваемых". Декрет Парижской Коммуны от 10 октября 1793 г., расширяющий его, чтобы включить "тех, кто, ничего не сделав против Революции, ничего не делает для нее" - См. "Бумаги, захваченные в апартаментах Робеспьера", II., 370, письмо Пайана. "Каждый человек, который не был за Революцию, был против нее, ибо он ничего не сделал для страны..... В народных комиссиях индивидуальная гуманность, умеренность, прикрывающаяся маской справедливости, преступна"].

3258 ([возврат](#))

["Мортимер-Терно", VIII., 394 и последующие страницы; 414 и последующие страницы (о сменявших друг друга членах двух комитетов)].

3259 ([обратно](#))

[Wallon, "Histoire du Tribunal Révolutionnaire", III., 129-131. Эро де Сешель, союзник Дантона и обвиненный в снисходительности, однако, только что дал гарантии и применил революционный режим в Эльзасе с суровостью, достойной Бийо. (Archives des Affaires étrangères, vol. V., 141.) "Инструкции для гражданских комиссаров от Эро, представителя народа" (Кольмар, Фримар 2, год II.) с предложениями относительно категорий лиц, которые должны быть "разысканы, арестованы и немедленно посажены в тюрьму", вероятно, охватывающие девятнадцать-двадцать процентов жителей].

3260 (обратно)

[Dauban, "Paris" en 1794, 285, и следующие страницы. (Полицейские отчеты, Жерминаль, год II.) Арест Эбера и его сообщников "Все утро ни о чем не говорили, кроме как о зверских преступлениях заговорщиков. Их считали в тысячу раз более преступными, чем Капета и его жену. Они должны быть наказаны в тысячу раз сильнее..... Народная ненависть к Эберу достигла своего апогея... . Народ не может простить Эберу того, что он их обманул..... Народное ликование было всеобщим при виде заговорщиков, ведомых на эшафот"]].

3261 (возвращение)

["Moniteur", XXIV, 53. (Заседание Жерминаля 2, год III.) Слова Приера де ла Кот-д'Ор: "Первая ссора, которая произошла в Комитете, была между Сен-Жюстом и Карно; последний сказал первому: "Я вижу, что вы и Робеспьер хотите диктатуры"" - Там же, 74. Левассер делает аналогичное заявление.-Ibid., 570. (Заседание Жерминаля 2, год III, слова Карно): "Я имел право называть Робеспьера тираном каждый раз, когда говорил с ним. То же самое я делал с Сен-Жюстом и Кутоном"]].

3262 (возвращение)

[Carnot, I., 525. (Свидетельство Приера.) Там же, 522. Сен-Жюст говорит Карно: "Вы в союзе с врагами патриотов. Вам полезно знать, что несколько строк от меня могут отправить вас на гильотину через два дня"]].

3263 (возврат)

[Buchez et Roux, XXX., 185. (Ответ Бийо, Колло, Вадье и Барера на новые обвинения, выдвинутые против них Лекуантром.)-Moniteur, XXIV, 84. (Заседание Жерминаля 7, год III.) Слова Барера: "4 термидора, в Комитете, Робеспьер говорит как человек, которому нужно отдать приказ и указать на жертвы" - "А вы, Барер, - отвечает он, - помните доклад, который вы сделали 2 термидора"]].

3264 (возвращение)

[Гераклит (ок. 540-480 гг. до н. э.) досократовский философ, веривший в космическую справедливость, где грешники будут наказаны и преследуемы эриниями, (фуриями) - подручными правосудия. (SR).]

3265 (возвращение)

[Сен-Жюст, доклад о жирондистах, 8 июля 1793 г.; о необходимости заключения в тюрьму лиц, враждебных Революции, 26 февраля 1794 г.; об эбертистах, 13 марта; об аресте Эро-Сешеля и Симона, 17 марта; об аресте Дантона и соратников, 31 марта; об общей политике, 15 апреля; ср, также его доклад об объявлении правительства революционным до объявления мира, 10 октября 1793 г., и его доклад 9 термидора, II год].

3266 (возвращение)

[Buchez et Roux, XXXI., 346. (Отчет от 13 марта 1794 г.) -XXXII., 314. (Отчет от 15 апреля.)]

3267 (возврат)

[См. "Революция", II., 313].

3268 (возврат)

[Одной фразы часто бывает достаточно, чтобы дать представление об интеллекте и характере человека. Приведенная ниже фраза Сен-Жюста обладает этим достоинством. (В связи с Людовиком XVI, который, не желая защищаться, покинул Тюильри и укрылся в Собрании 10 августа). "Он пришел среди вас; он проложил себе дорогу сюда..... Он прибег в лоно законодательного собрания; его солдаты ворвались в убежище... Он пробился, так сказать, ударами меча в недра своей страны, чтобы найти место для укрытия"].

3269 (возвращение)

[В частности, в длинном докладе о Дантоне, содержащем исторический обзор фракций, (Buche et Roux, XXXII., 76) и докладе о генеральной полиции, (Ibid., 304) с другим историческим документом того же порядка. "Бриссо и Ронсен (были) признанными роялистами... Со времен Неккера была разработана система голода..... Неккер приложил руку к Орлеанской фракции.... Для него было предложено двойное представительство (Третьего сословия)". Среди других обвинений, выдвинутых против Дантона; после фузильи на Марсовом поле в июле 1791 г. "Вы отправились проводить счастливые дни в Арси-сюр-Об, если только заговорщик против своей страны может быть счастлив..... Когда вы поняли, что падение тирана готово и неизбежно, вы вернулись в Париж 9 августа. Вы хотели лечь спать в эту зловещую ночь..... Ненависть, сказали вы, для меня невыносима, и (тем не менее) вы сказали нам: "Я не люблю Марата" и т. д.". Против Дантона, который отсутствует, имеется апостроф из девяти страниц подряд].

3270 (возврат)

[Buche et Roux, Ibid., 312. "Свобода исходит из лона бурь; ее происхождение связано с происхождением мира, выходящего из хаоса вместе с человеком, который рождается растворенным в слезах". (Аплодисменты.)-Там же, 308. Ср. его портрет, придуманный для эффекта, "революционера, который является сокровищем здравого смысла и честности"].

3271 (возвращение)

[Там же, 312. "Свобода - это не сутяжничество во дворце; это жесткость по отношению к злу"].

3272 (обратно)

[Barère, "Mémoires", I. 347. "Сен-Жюст... рассуждал как визирь"].

3273 (обратно)

[Buche et Roux, XXXII., 314. "Неужели уроки истории, примеры всех великих людей потеряны

для вселенной? Все они советуют нам вести неизвестную жизнь; скромная койка и добродетель составляют величие этого мира. Давайте искать себе пристанища на берегах ручьев, качать колыбели наших детей и воспитывать их в бескорыстии и бесстрашии". Что касается его политических или экономических способностей и общих идей, читайте его речи и "Институции" (Buche et Roux, XXVIII., 133; XXX., 305, XXXV., 369), массу химических и абстрактных разглагольствований].

3274 (обратно)

[Carnot, I., 527. (Рассказано Приером.) "Часто, когда мы торопливо ели кусок сухого хлеба за столом Комитета, Барер с шуткой вызывал улыбку на наших губах"].

3275 (обратно)

[Veron, II., 14.-Arnault, II., 74.-Cf., passim, "Mémoires de Barère", and the essay on Barère by Macaulay].

3276 (возвращение)

[Вилате, издание Барера, 184, 186, 244. "Непостоянный, откровенный, ласковый, любит общество, особенно женское, стремится к роскоши и умеет тратить деньги" - Карно, II. 511. В глазах Приера Барер был просто "хорошим парнем"].

3277 (обратно)

["Moniteur", XXI., 173. (Оправдание Жозефа Лебона и "его несколько суровых методов") "О Революции следует говорить с уважением, а о революционных мерах - с должным почтением. Свобода - это девственница, приподнять покров которой - преступление": "Дерево Свободы растет, когда его поливают кровью тиранов"].

3278 (обратно)

["Moniteur", XX., 580, 582, 583, 587.- "Campagnes de la Révolution Française dans les Pyrénées-Orientales", Fervel, II., 36 и последующие страницы.- Генерал Дюгомье, после взятия Тулузы, пощадил английского генерала О'Хара, взятого в плен вопреки приказам Конвента. и получил следующее письмо от Комитета общественной безопасности. "Комитет принимает вашу победу и ваше ранение в качестве компенсации". 24 декабря Дюгомье, чтобы не присутствовать при тулонской резне, просит вернуться в конвент и получает приказ отправиться в армию восточных Пиренеев. В 1797 году в Англии было тридцать тысяч французских пленнх].

3279 (возвращение)

["Moniteur", XVIII., 291. (Речь Барера на заседании 8-го брюмера II года.) По этому курсу в армиях и департаментах находится сто сорок депутатов. До учреждения Комитета общественной безопасности (7 апреля 1793 года) в департаментах находилось сто шестьдесят представителей, направленных туда для ускорения сбора двухсот тысяч человек. (Moniteur, XVII., 99, речь Камбона, 11 июля 1793 г.) Комитет постепенно отозвал большую

часть этих представителей, и 16 июля их осталось только шестьдесят три. (Ibid., XVII., 152, речь Госсюэна, 16 июля.) - 9 числа Нивоза комитет назначил пятьдесят восемь представителей для создания революционного правительства в определенных местах и установления границ их юрисдикции. (Archives Nationales, AF., II., 22.) Впоследствии некоторые из них были отозваны и заменены другими. Письма и распоряжения представителей в командировках хранятся в Национальном архиве по департаментам в двух сериях, одна из которых включает в себя миссии до 9 термидора, а другая - после этой даты].

3280 (возврат)

[Thibaudeau, "Histoire du Terrorisme dans le department de la Vienne", p.4. "Париж, 15 брюмера, сан-кулот Пьорри, представитель народа к сан-кулотам, составляющим народный клуб Пуатье"].

3281 (возврат)

[Archives Nationales, AF., II., 116. (Письмо Лапланша, Орлеан, 10 сентября 1793 г. - "Также procès-verbaux орлеанских секций, 7 сентября"). "Я организовал их, выбрав из народного клуба, в революционный комитет. Они работали под моим наблюдением, их бюро находилось в соседней комнате... Мне нужна была достоверная, местная информация, которую я не мог бы получить без коллаборационистов из страны..... В результате этой ночью я арестовал более шестидесяти аристократов, незнакомцев или "подозреваемых"" - "De Martel, Études sur Fouche", 84. Письмо Шометта, который сообщил Фуше о якобинцах Невера. "Окруженный роялистами, федералистами и фанатиками, представитель Фуше имел только 3-4 преследуемых патриота, чтобы посоветовать ему"].

3282 (возврат)

["Archives Nationales", AF., II., 88. Речь Русселена, Фример 9 - Там же, F.7, 4421. Речь и приказы Русселена, 25 брюмера - См. Albert Babeau, "Histoire de Troyes pendant la Revolution", vol. II. Миссии Гамье де Русселена и Бо].

3283 (возврат)

[Archives Nationales, AF., II., 145. (Ордер Менье, Авиньон, Флореаль 13, год II., и прокламация Флореаля 14.)-Там же, AF., II., 111, Гренобль. Прериаль 8, год II. Аналогичные приказы, изданные Альбитом и Лапортом, о возобновлении всех полномочий Гренобля. Аналогичный приказ Рикорда в Грасе, Плювиозе 28, и по всему Вару.-Ibid., AF., II., 36. Брюмера II года, циркуляр Комитета общественной безопасности представителям миссии в департаментах: "Прежде чем покинуть свой пост, вы должны произвести самую полную очистку официальных властей и государственных служащих"].

3284 (возврат)

[Декреты Фримера 6 и 14, год II].

3285 (обратно)

[Archives Nationales, AF., II., 22. Акты комитета общественной безопасности, Nivôse 9, год II].

3286 (возврат)

[Ibid., AF., II., 37. Письмо в Комитет по делам войны, подписанное Барером и Бийо-Варенном, Плювиоза 23, год II].

3287 (возврат)

[Там же, AF., II., 36. Письмо Комитета общественной безопасности Ле Карпантье о миссии в Орне, 19 брюмера, год II. "Административные органы Аленсона, за исключением округа, полностью поражены гангреной; все они - фельяны или заражены не менее пагубным духом..... Для выбора предметов и заключения отдельных лиц можно обратиться к санкюлотам: наиболее нервными являются Симароли и Преваль. В Монтанье следует полностью удалить администрацию, а также коллектора округа и почтмейстера;... очистить народный клуб, изгнать дворян и представителей закона, тех, кто был смещен с должности, священников, мускадинов и т.д..... Распустить две роты, гренадерскую и пехотную, которые очень мускадны и слишком любят шествия..... Переформировать штаб и офицеров Национальной гвардии. Для обеспечения более быстрого и надежного исполнения этих мер безопасности вы можете обратиться к нынешнему муниципалитету, Комитету надзора и пушкарям].

3288 (возврат)

[Там же, AF., II., 37. Рикорду, находящемуся с миссией в Марселе, Плювиоз, 7, II год, резкое и грубое замечание: он размяк, перешел жить к Сен-Мему, подозреваемому; он слишком предвзято относится к марсельцам, которые во время осады "жертвовали собой, чтобы прокормиться"; он порицает их арест и т. д. - Флореаль, 13, II год, Буре, находящемуся с миссией в Манше и в Кальвадосе. "У комитета сложилось впечатление, что вас постоянно обманывает коварный секретарь, который, сообщая вам плохие сведения, часто заставлял вас предоставлять благоприятные условия аристократии и т. д." -Вентоз 6, II год, Гимберто, с миссией вблизи армии на побережье Шербур: "Комитет с удивлением обнаружил, что военная комиссия, созданная вами, несомненно, для отсеечения голов заговорщиков, была первой, кто их отпустил. Неужели вы не знакомы с людьми, входящими в ее состав? Для чего вы их выбрали? Если вы их не знаете, то как получилось, что вы призвали их к таким обязанностям?" - Там же, и Ventôse 23, приказ Гимберто расследовать поведение его секретаря].

3289 (возвращение)

[См. особенно в "Архиве внешних сношений", тома 324-334, переписку тайных агентов, направленных во внутренние районы страны].

3290 (возврат)

["Archives Nationales", AF.,II., 37, Фромкастелю о миссии в Индр-и-Луаре, Флореаль 13, год II. "Комитет направляет вам письмо от народного клуба Шинона, требующего чистки и

организации всех органов власти этого округа. Комитет просит вас немедленно приступить к осуществлению этой важной меры"]].

3291 (возврат)

[Слова Робеспьера, заседание Конвента 24 сентября 1793 г. - О другом представителе, Мерлене де Тионвиле, который также стоял под огнем, Робеспьер писал следующее: "Мерлен де Тионвиль, знаменитый тем, что сдал Майенс, и более чем подозрительный в том, что получил награду"]].

3292 (обратно)

["Фуше", М. де Мартель, 292] (Guillon, II., 207).

3293 (возврат)

[Hamel, III., 395, и последующие страницы.- Buchez et Roux, XXX., 435. (Заседание Якобинского клуба, Нивозе 12, год II. Речь Колло д'Эрбуа). "Сегодня я уже не признаю общественного мнения; если бы я приехал в Париж тремя днями позже, меня, вероятно, обвинили бы"]].

3294 (возврат)

[Marcelin Boudet, "Les conventionnels d'Auvergne", 438. (Неопубликованные мемуары Мейне)].

3295 (возврат)

[Buchez et Roux, XXXIV., 165, 191. (Показания свидетелей на суде над Каррьером.)- Париж, II., 113, "Histoire de Joseph Lebon". "Тюрьмы, - говорит Ле Бон, - переполнены в Сен-Поле. Я был там и освободил двести человек. Но, несмотря на мои приказы, несколько человек были возвращены обратно комитетом по надзору, уполномоченным Лебасом, другом Дарте. Что я мог сделать против Дарте, которого поддерживали Сен-Жюст и Лебас? Он бы меня осудил" - Там же, 128, о некоем Лефевре, "ветеране революции", арестованном и отданном под суд революционного трибунала по приказу Лебона. "Приходилось выбирать: осудить его или самому подвергнуться осуждению и преследованиям, не спасая его" - Болье, "Эссе", V., 233. "Я боюсь и вызываю страх - таков был принцип всех революционных злодеяний"]].

3296 (обратно)

[Ludovic Sciout, "Histoire de la Constitution civile du Clergé", IV., 136. (Приказы Пине и Кавеньяка, Плювиоза 22 и Вентоза 2.)-Moniteur, XXIV., 469. (Заседание Прериала 30, год III., донос Буасмартена на представителя Лапланша в палате адвокатов). 24 брюмера II года Лапланш и генерал Сифер расположились в Сен-Ло в доме семидесятилетнего старика, месье Лемонье, находившегося тогда под арестом. "Едва они вошли в дом, как потребовали всевозможную провизию, белье, одежду, мебель, драгоценности, тарелки, автомобили и документы на право собственности - все исчезло". В то время как жители Сен-Ло жили на нескольких унциях коричневого хлеба, "лучший хлеб, лучшие вина, награбленные в доме Лемонье, были щедро отданы в кастрюлях и котелках лошадям генерала Сифера, а также

лошадям представителя Лапланша". Лемонье, отпущенный на свободу, не смог вернуться в свое опустевшее жилище, превращенное затем в склад. Он жил в трактире, лишившись всего своего имущества, оценивавшегося в шестьдесят тысяч ливров, сохранив из своих вещей только один серебряный столовый сервиз, который он взял с собой в тюрьму].

3297 (возврат)

[Марселен Буде, 446. (Записки мсье Игнаса де Баранта.) Также 440. (Неопубликованные мемуары Менье)].

3298 (возврат)

[Archives Nationales, AF., II., 59. Выписка из протоколов заседаний Народного клуба Меца и показания, данные в комитете по надзору за клубом, Флореаль 12, год II, о поведении представителя Дюкенуа, прибывшего в Мец накануне вечером в шесть часов. Тридцать два показания, среди них показания мсье Альтмайера, Жоли и Кледа. Один из свидетелей заявляет: "Что касается этих вопросов, я считал этого гражданина (Дюкенуа) подвыпившим или пьяным, или человеком не в себе" - так обычно поступали с Дюкенуа.- См. Париж, "His. de Joseph Lebon", I., 273, 370.- "Archives des Affaires étrangères", vol. 329. Письмо Гадоля от 11 сентября 1793 года. "Я видел депутата Дюкенуа мертвецки пьяным в Берге в понедельник, в 11 часов вечера" - "Un Séjour en France, 1792 - 1796", p. 136. "Его дикий от природы нрав доведен до безумия злоупотреблением крепкими напитками. Генерал де уверяет, что видел, как он схватил мэра Авеснеса, почтенного старика, за волосы, когда тот вручил ему петицию, касающуюся города, и повалил его на землю с видом каннибала." "Он и его брат торговали хмелем в розницу в Сен-Поле. Он сделал этого брата генералом"]].

3299 (возврат)

[Alexandrine des Echerolles, "Une famille noble sous la Terreur", 209. В Лионе комиссар Марин, "высокий, мощный, крепкий мужчина со стенотоническими легкими", открывает свой суд залпом "республиканских клятв... "... Толпа просителей таит. Лишь одна дама осмелилась подать прошение. "Кто вы?" Она называет свое имя. "Что! Вы имеете дерзость упоминать имя предателя в этом месте?" Убирается прочь и, подтолкнув ее, пинком выставляет за дверь].

32100 (возврат)

[Там же. Напротив, масса свидетельств доказывает, что люди всех сословий оказывали помощь, благодаря чему пожар был почти сразу же потушен].

32101 (обратно)

[Там же. Народный клуб единодушно подтверждает эти факты и посылает шесть делегатов для внесения протеста в конвент. Вплоть до 9-го термидора никаких льгот не предоставляется, а налог, введенный Дюкенуа, взимается. 5 фруктидора II года комитет общественной безопасности отменяет приказ Дюкенуа, но деньги не возвращаются].

32102 (возврат)

[Париж, I., 370. (Слова Дюкенуа Лебону)].

32103 (обратно)

[Carnot, "Mémoires", I., 414. (Письмо Дюкенуа в центральное бюро представителей в Аррасе.)
Смысл этих непереводимых ругательств достаточно ясен, я оставляю их в оригинале].

32104 (возвращение)

["Un Sejour en France", 158, 171.- Рукописный дневник Малле дю Пана (январь 1795 г.).- Ср. его письма в конвент, шутки над тюремщиками и сбирри, например.(Moniteur, XVIII., 214, брюмера I, год II.)-Lacretelle, "Dix Années d'Epreuves", 178. "Он приказал, чтобы все танцевали в его вотчине Пикардии. Они танцевали даже в тюрьме. Тот, кто не танцевал, был "подозреваемым". Он настаивал на строгом соблюдении праздников в честь Разума и на том, чтобы каждый декади все посещали храм Богини, которым был кафедральный собор (в Нуайоне). Дамы, буржуа, швеи и повара должны были составлять так называемую цепь равенства. Нас, драгун, заставили быть артистами в этом странном балете"]].

32105 (возврат)

[Де Мартель, "Фуше", 418. (Приказы Альбита и Колло, Нивозе 13, год II.)].

32106 (возврат)

[Camille Boursier, "Essai sur la Terreur en Anjou", 225. Письмо Вашерона, Фримар 15, год II). "Republiquain, совершенно необходимо, немедленно, чтобы вы прислали или принесли в дом представителей много красного вина, потребление которого велико как никогда. Люди имеют право выпить за Республику, когда они помогли сохранить коммуну, в которой живете вы и вы. Я считаю вас ответственным за мое требование". Подпись: "le republicain, Vacheron"]].

32107 (возврат)

[Там же, 210. Показания мадам Эдин, касающиеся проститутки Кеснуа, двадцати шести лет, 12 брюмера III года; и Розы, другой проститутки. Аналогичные показания Бенабена и Скотти].

32108 (возврат)

[Dauban, "La Demagogie en 1793", p.369. (Выдержки из неопубликованных мемуаров Мерсье де Роше.)-Там же, 370. "Бурдон де л'Уаз жил с Тунком в Шантонни, где они занимались тем, что опустошали бутылки с прекрасным вином. Бурдон - прекрасный патриот, человек чувствительный, но в приступах опьянения он предается неосуществимым взглядам. "Пусть эти негодяи-администраторы, - говорит он, - будут арестованы!" Затем, подойдя к окну, - он услышал, как по улице скачет беглая лошадь, - "Это еще один антиреволюционер! Пусть их всех арестуют!" - См. "Сувениры" генерала Пеллепорта, стр. 21. В Перпиньяне он присутствовал на празднике Разума. "Генерал, командовавший постом, произнес дерзкую речь, доходящую до самого отвратительного цинизма. Несколько проституток, хорошо

знакомых этому негодяю, заполнили одну из трибун; они размахивали платками и кричали "Да здравствует Разум!". Выслушав подобные речи представителей Субранга и Мишо, Пеллепорт, хотя и наполовину вылеченный (от раны), возвращается в лагерь: "Я не мог свободно дышать в городе и не думал, что я в безопасности, пока не столкнусь с врагом вместе с моими товарищами"]].

32109 (возвращение)

[Archives des Affaires étrangères, vol.332; переписка секретных агентов, октябрь 1793 года. "Гражданин Кюссе, представитель народа, не проявляет никакого достоинства в своей миссии; он пьет, как лапит, и в состоянии опьянения совершает произвол визиря". О стиле и орфографии Кюссе см. одно из его писем. (Dauban, "Paris en 1794", p 14.) - Berryat St. Prix, "La Justice Révolutionnaire", (2nd ed.) 339].

32110 (возврат)

[Там же, 371. (Согласно "Pièces et Documents", опубликованным М. Фажоном.)-Moniteur, XXIV., 453. (Сессия Флореаля 24, год III.) Обращение коммуны Сен-Жан-дю-Гар.-XXI., 528. (Сессия Фруктидора 2, год III.) Обращение Народного клуба Нима].

32111 (возврат)

[Moniteur, XXIV., 602. (Сессия Прериала 13, год III.) Доклад Дюрана Мейяна: "Этот донос слишком хорошо подкреплён документами. Съезд должен решить, будет ли он заслушивать их. Я должен заранее заявить, что он не услышит ничего более отвратительного и более достоверного" - де Мартель, "Фуше", 246. (Отчет официальных властей ла Ньевр о миссиях Колло д'Эрбуа, Лапланша, Фуше и Пуанта, 19 прериала, год III). Лапланш, бывший бенедиктинец, - самый нецензурный". В своей речи, обращенной к жителям Мулен-Энгельбера, Сен-Пьер-ле-Монтье и Невера, Лапланш просит девушек отдаться ему и оставить скромность. "Рожайте детей, - восклицает он, - они нужны Республике. Непорочность - добродетель глупцов". Bibliotheque Nationale, Lb. 41, No. 1802. (Донес шести секций Дижонской коммуны в Конвент на Леонарда Бурдона и Пиошефера Бернара де Сентеса во время их миссии в Кот-д'Ор). Подробные сведения об оргиях Бернара с муниципалитетом, о пьянстве и разврате Бурдона с деревенским сбродом; подлинные документы, подтверждающие грабежи и убийства, совершенные Бернаром. Он разграбил дом месье Мико и за четыре часа арестовал его, судил и гильотинировал; он сам присутствовал на казни, а вечером того же дня в доме покойника танцевал и пел перед его дочерью вместе со своими аколитами].

32112 (возврат)

["Сувениры" генерала Пеллепорта, стр. 8. Он со своим батальоном осматривается на Капительной площади в Тулузе представителем миссии. "Кажется, я все еще вижу этого шарлатана: Он тряс своей уродливой плюмажной головой и тащил за собой саблю, как веселый солдат, желающий казаться храбрым. От этого мне стало грустно"]].

32113 (обратно)

[Fervel, "Campagnes des Français dans les Pyrenees Orientals", I., 169. (October, 1793.) -Ibid., 201, 206.-Cf. 188. План Фабра по захвату Розы и Фигьера с восемью тысячами человек, без провианта и транспортов. "Фортуна на стороне дураков", - говорил он. Естественно, план проваливается. Коллиур потерян, а бедствия накапливаются. В качестве компенсации за это удаляется достойный генерал Дагоберт. Коменданта Делатра и начальника штаба Рамеля гильотинируют. Перед лицом невыполнимых приказов представителей комендант артиллерии кончает жизнь самоубийством. О преданности офицеров и энтузиазме войск, там же, 105, 106, 130, 131, 162].

32114 (возвращение)

[Sybel (перевод Доске, французский), II., 435; III., 132, 140. (Подробности и авторитеты см. в "Мемуарах маршала Сульта")].

32115 (возврат)

[Gouvion St. Cyr, "Mémoires sur les campagnes de 1792 à la paix de Campio-Formio", I., pp.91 - 139.-Ibid., 229. "Следствием этого было то, что люди, имевшие хоть какие-то средства, старались держаться подальше от всякого продвижения по службе" - Ср. там же, II., 131 (ноябрь 1794 года). По приказу представителей армия размещается на зиму в сараях на левом берегу Рейна, близ Майенса, - бесполезное мероприятие и просто литературный парад. "Они не слушали никаких доводов; прекрасная армия и хорошо укомплектованная артиллерия должны были погибнуть от холода и голода, без всякой цели, в помещениях, которых можно было избежать". Подробности потрясают воображение. Никогда еще воинский героизм не был так принесен в жертву глупости гражданских командиров].

32116 (возврат)

[Биографические подробности и черты характера см. в Paris, "Histoire de Joseph Lebon", I., ch. I].

32117 (обратно)

[Там же, I., 13.- Его мать стала сумасшедшей и была помещена в приют. Ее помешательство, по его словам, было вызвано "ее возмущением по поводу его присяги на верность (Республике) и его назначения на должность священника в Нувель-Витассе"].

32118 (возврат)

[Там же, I., 123. Речь Лебона в церкви Борана].

32119 (обратно)

[Там же, II., 71, 72.-См. 85. "Гражданин Шамонар, виноторговец, стоя у входа в свой погреб, видит проходящего представителя, смотрит на него и не приветствует. Лебон подходит к нему, арестовывает его, обращается с ним как с агентом Питта и Кобурга.".... "Они обыскивают его, забирают карманную книжку и ведут в Англез (тюрьму)"].

32120 (возврат)

[Там же, II., 84].

32121 (обратно)

[Moniteur, XXV., 201. (Заседание Мессидора 22, год III.) "Когда на трибуне (Конвента) объявляли о тюремных заговорах. ...мои сны были целиком о тюремных заговорах"].

32122 (возвращение)

[Там же, 211. (Объяснения, данные Лебоном Конвенту.)- Париж, II., 350, 351. (Вердикт присяжных.)]

32123 (возврат)

[Париж, II., 85.]

32124 (возврат)

[Buchez et Roux, XXXIV., 181. (Показания Моннерона, купца.)].

32125 (возврат)

[Там же, 184. (Показания Шо.)-См. 200. (Показания Моннерона и Виллемана, купцов)].

32126 (возврат)

[Там же, 204. (Показания Ламари, управляющего департаментом)].

32127 (возврат)

[Там же, 173. (Показания Эрарда, переписчика.)-168. (Показания Томаса, санитарного врача.) "На все его вопросы Карриер отвечал самыми грубыми словами"].

32128 (возврат)

[Там же, 203. (Показания Бонами, торговца.)].

32129 (возврат)

[Там же, 156. (Показания Вожуа, прокурора военной комиссии)].

32130 (возврат)

[Там же, 169. (Показания Томаса.)- Berryat Saint-Prix, pp. 34, 35...- Buchez et Roux, 118. "Он

наносил удары членам народного клуба, а также сабельные удары муниципальным служащим, которые пришли требовать припасов".... "Он выхватывает свою саблю (против лодочника) и наносит ему удары, которых тот избегает, только убегая"].

32131 (возвращение)

[Buche et Roux, XXXIV., 196. (Показания Жюльена.) "Носильщик сказал мне в запальчивости: "Это ты, проклятый нищий, осмеливаешься доносить на меня в Комитет общественной безопасности..... Поскольку в интересах общества иногда необходимо быстро избавиться от некоторых людей, я не стану отправлять вас на гильотину, я сам буду вашим палачом!"]].

32132 (возврат)

[Там же, 175. (Показания Троньолли.) 295. (Показания Жана Лавиня, лавочника; Арнандана, гражданского комиссара; также Корнере, торговца). 179. (Показания Виллемэна).- Берриа Сен-При, 34. "Носильщик, говорит жандарм Дескер, разносивший его письма, был скорее рыкающим львом, чем народным офицером". "Он выглядел одновременно шарлатаном и тигром", - говорит другой свидетель].

32133 (обратно)

[Там же, XXXIV, 204 (показания Ламари)].

32134 (возврат)

[Там же, 183. (Показания Ко.)].

32135 (возврат)

[Mallet-Dupan, "Mémoires", II., 6. (Мемориал от 1 февраля 1794 г.) Об Андре Дюмоне, "Un Séjour en France", 158, 171.- О Мерлене де Тионвиле, Michelet, VI., 97].

32136 (обратно)

[Де Мартель, "Фуше", 100.]

32137 (возврат)

[Mallet-Dupan, II., 46.]

32138 (возврат)

[Buche et Roux, XXXII., 413, 423. (Письмо Жюльена к Робеспьеру)].

32139 (возврат)

[Archives Nationales, AF., II., III. Приказ Бурботта, Тур, мессидор 5, год II, "предписывающий администрации округа предоставить ему лично, а также гражданам, прикрепленным к его комиссии, сорок бутылок красного вина и тридцать белого, которые должны быть взяты из погребов эмигрантов или лиц, приговоренных к смерти; и, кроме того, пятьдесят бутылок обычного вина, не белого и не красного." - 2-го числа Мессидора пьют эль и вновь заказывают пятьдесят бутылок красного вина, пятьдесят бутылок обычного вина и две бутылки бренди. - Де Мартель, "Fouché", 419, 420. - Moniteur, XXIV, 604. (Заседание Прериала 13, часть III.) "Дюге зачитывает список обвинений, выдвинутых против Малларме. Его обвиняют в том, что он реквизирует все, что ему было угодно, для своего стола и для других нужд, не платя ни за что, даже за почтовых лошадей и постиллионов, которые его возили." - Ibid. 602. Отчет Перэса дю Герса. "Он обвиняет Дартигойта... в том, что тот вместе со своими секретарями участвовал в аукционе мебели Даспе, который был осужден; в том, что он оставил наиболее ценные вещи себе, и впоследствии назначил их цену; в том, что он предупредил тех, кто отвечал за продажу, что того, кто будет торговаться за вещи, которые он предназначил для себя, ждет заточение" - Лапланш, бывший бенедиктинец, заявил в своей миссии в Луаре, что "те, кому не нравится революция, должны платить тем, кто ее делает"].

32140 (возврат)

[Buchez et Roux, XXXII., 426. (Отрывок из мемуаров Сенара.)-Hamel, III., 565. (Описание жилища Терезы маркизом де Паруа, просителем и очевидцем)].

32141 (возврат)

[Читатель может прочитать о Таллиене в книге, написанной Терезой Шатрль-Валлен: "Таллиен", "Злодей революции", изд. Jean Picollec, Paris 1997. (SR).]

32142 (возврат)

["Buchez et Roux", XXXIII., 12. (Выдержка из воспоминаний Сенара) "Заверенные копии этих черновиков находятся в комитете общей безопасности"].

32143 (возврат)

[Доклад Куртуа, 360. (Письма Жюльена Робеспьеру, Плювиоза 15 и 16, год II.)-Buchez et Roux, XXXIV., 199, 200, 202, 203, 211. (Показания Вильмена, Моннерона, Легроса, Робина) - Berryat Saint-Prix, 35. (Показания Фуррье и Луизы Куран, фрейлины)].

32144 (возврат)

[См. о Таллиене "Mémoires de Sénart". О Жавоге, Moniteur, XXIV., 461, Floreal 24, III. Петиция против Жавогу, с несколькими страницами подписей, особенно жителей Монбризона: "В отчете, представленном им Конвенту, он оценивает монету и ассигнаты в семьсот семьдесят четыре тысячи шестьсот девяносто шесть франков, а добыча одного человека дала ему пятьсот тысяч франков наличными" - О Фуше, Де Мартель, 252.- О Дюмоне, Малле-Дюпан, "Рукописные заметки". (Январь 1795 г.) О Ровере, Мишле, VI., 256.- Карно, II., 87. (По воспоминаниям немца Ольснера, который был в Париже при Директории:) "Тон салона

Барраса был тоном respectable игорного дома; дом Рубеля напоминал зал ожидания трактира, у которого останавливается почтовая карета"].

32145 (возврат)

["Buche et Roux", XXXII., 391 и XXXIII., 9 (Выдержки из воспоминаний Сенара)].

32146 (возврат)

[Carnot, "Mémoires", I. 416. Карно, предъявив Комитету общественной безопасности доказательства грабежей, совершенных армией Севера, Сен-Жюст пришел в ярость и воскликнул: "Только враг Республики может обвинять своих коллег в грабежах, как будто патриоты не имеют права на все!"].

32147 (возвращение)

[О Калигуле см. Суэтония и Филона; о Хакеме см. "Разоблачение религии друзов" М. де Саси].

32148 (возвращение)

[Сен-Жюст, выступая в Конвенте, говорит: "Что представляет собой республика, так это полное уничтожение всего, что ей противостоит"].

32149 (обратно)

[Приказы, изданные Сен-Жюстом и Лебасом для департаментов Па-де-Кале, Норд, Сомма и Эсна - см. "Histoire de l'Alsace", Stroebe, и "Recueil de pieces authentiques pour servir à l'histoire de la Révolution à Strasbourg", 3 vols.-Archives Nationales AF., II., 135, приказы от 10 брюмера, год II., и список ста девяноста трех человек, обложенных налогом].

32150 (возврат)

[Buche et Roux, XXXI., 32. (Ответ Сен-Жюста мэру Моне.)-De Sybel, II., 447, 448. Во время первой беседы Сен-Жюст сказал Шнайдеру: "К чему столько церемоний? Вы знаете преступления аристократов? За двадцать четыре часа, отведенные на одно расследование, вы могли бы осудить двадцать четыре"].

32151 (возврат)

["Маршевый дневник сержанта Фрикассе", с.34. (Рассказ маршала Сульта)].

32152 (обратно)

[Ср. в Библии историю Ахазуэра, который из уважения к собственному величию не может отменить приказ, изданный им против евреев, но он обращает трудность в свою пользу, позволяя им защищаться].

32153 (возвращение)

[Mallet-Dupan, II., 47.]

32154 (возврат)

[Berryat Saint-Prix, "La Justice Revolutionnaire", XVII.- Marcelin Boudet, "Les Conventionnels d'Auvergne", 269.- Moniteur, Brumaire 27, year III., отчет Calès].

32155 (возврат)

[Paris, "Histoire de Joseph Lebon", I., 371; II., 341, 344.-De Martel, "Fouché", 153.-Berryat Saint-Prix, 347, 348].

32156 (возвращение)

[Berryat Saint-Prix, 390.-Ibid., 404. (О Субрие, палаче в Марселе, письмо Лазаря Жиро, прокурора): "Я посадил его в темницу за то, что он проливал слезы на эшафоте, казня антиреволюционеров, которых мы отправили на казнь"].

32157 (возврат)

["Moniteur", XVIII., 413. (Заседание Конвента, письмо Лекиньо и Линьело, Рошфор, 17 брюмера, год II). "Мы назначили патриота Ансе гильотенером и пригласили его, обедая с нами, прийти и принять предписанные ему полномочия, а также полить их возлиянием в честь Республики" - Париж, II., 72].

32158 (обратно)

[Марселен Буде, 270. (Свидетельство Барданеша де Байонна)].

32159 (возврат)

[GuilIon, "Histoire de la ville de Lyons pendant la Revolution", II., 427, 431, 433].

32160 (возврат)

["Mémoire du Citoyen Fréron", (в коллекции Barrière,) p.357. (Свидетельство выжившего)].

32161 (возврат)

[Париж, II., 32].

32162 (возврат)

[Delandine, "Tableaux des prisons de Lyons", p.14].

32163 (возврат)

[Camille Boursier, "Essai sur la Terreur en Anjou", 164. (Письмо Бонифация, бывшего бенедиктинца, председателя Революционного комитета, представителю Ришара, 3 брюмера II года). "Мы посылаем вам упомянутого Анри Вердые, прозванного де ла Сориньер..... Пройдет немного времени, и вы увидите, что мы сделаем гильотину настоящим подарком..... Комитет умоляет вас прислать ему sacram sanctam guillotinam, а также республиканского служителя его культа... Не проходит и часа в день, чтобы к нам не приходили новые члены, которых мы хотим посвятить в ее тайны"]].

32164 (возврат)

[Thibaudeau, "Histoire du Terrorisme dans le département de la Vienne", 34, 48.-Berryat Saint-Prix, 239].

32165 (возврат)

[Archives Nationales F.7, 4435. (Письмо Лебона, Floréal 23, год II.)-Paris, I. 241].

32166 (возврат)

[Buchez et Roux, XXXIV., 184, 200. (Показания Шо, Моннерона и Вильмена)].

32167 (возврат)

[Реестр Революционного трибунала Нанта, скопированный М. Шеврие. (М. Шеврие любезно прислал мне свою рукописную копию.) - Berryat Saint-Prix, 94.-Archives Nationales, F7. 4591. (Извлечение из актов Законодательного комитета, сессия Флореаль 3, год III. Возвращение конфискованного имущества Александра Лонга его сыну). Дартигойт в Аухе сделал то же, что Каррьер в Нанте. "Из вышеупомянутой выписки, должным образом подписанной, следует, что 27-го Жерминаля II года, между восемью и девятью часами вечера, Александр Лонг, старший, был предан смерти на публичной площади коммуны Ауш палачом уголовных наказаний, без вынесения какого-либо приговора в отношении упомянутого Лонга" - Во многих местах казнь становится зрелищем для якобинцев города и праздником удовольствия. Например, в Аррасе на площади, отведенной для казней, была возведена галерея для зрителей с залом для продажи прохладительных напитков, а во время казни месье де Монгона на басовом барабане играли "Ça ira". (Париж, II., 158, и I., 159.) Некий легкомысленный представитель устраивает репетиции спектакля в собственном доме. "Лежен, чтобы насытить свое кровожадное воображение, поставил маленькую гильотину, на которой он отрубал головы всей домашней птице, употребляемой за его столом..... Часто, в середине трапезы, он приносил ее и приводил в действие для развлечения своих гостей". (Moniteur, XXIV., 607, заседание от 1 июня 1795 года, письмо из округа Безансон, а вместе с письмом - подтверждающий документ). "Эта гильотина, говорит репортер, передана на хранение в Комитет по законодательству"]].

ГЛАВА III. ПРАВИТЕЛИ. (продолжение).

I. Администрация центрального правительства.

Административный орган в Париже.- Состав группы из которой она была набрана.-Ухудшение положения этой вытеснение секционных собраний, вытеснение народных клубов.-Давление правительства.

Чтобы обеспечить этих местных государей необходимыми им подчиненными лейтенантами и агентами, мы имеем местное якобинское население, и мы видели состав рекрутов,³³⁰¹

* бедствующие и извращенные люди всех классов и степеней, особенно самых низких,

* беглецы,

* завистливые и обиженные подчиненные,

* мелкие лавочники, погрязшие в долгах,

* мигрирующие, живущие на широкую ногу рабочие,

* барыги,

* бродяги,

* люди из сточных канав,

* уличные гуляки,

- словом, все виды "антиобщественных паразитов", мужчин и женщин,³³⁰² включая несколько честных наркоманов, в которые модная теория свободно проникла; остальные, и их гораздо больше, - настоящие хищные звери, спекулирующие на установленном порядке вещей и принимающие революционную веру только потому, что она дает пищу их аппетитам.-В Париже их пять или шесть тысяч, и после Термидора их примерно столько же, те же аппетиты сплачивают их вокруг той же догмы,³³⁰³ нивелировщики и террористы, "одни потому, что бедны, другие потому, что отвыкли работать по профессии", разъяренные "негодьями, владеющими каретным домом, против богатей и скопидомов, владеющих предметами первой необходимости". Многие из них, "запятнавшие себя во время революции, готовы сделать это снова, если только богатые негодяи, монополисты и купцы

будут убиты", все они "завсегда и популярных клубов, считающие себя философами, хотя большинство из них не умеет читать", во главе которых стоят остатки самых отъявленных политических бандитов,

* знаменитый почтмейстер Друэ, который, выступая на трибуне Конвента, объявил себя "разбойником" [3304](#)

* Жавог, разбойник из Монбриона и "Нерон из Эна", * пьяница Кассе.

* пьяница Кассе, бывший шелкодел, а затем паша Тионвиля,

* Бертран, друг Шарлье, бывший мэр и палач Лиона,

* Дарте, бывший секретарь Лебона и палач в Аррасе,

* Россиньоль и девять других септембризеров аббатства и кармелитов, и, наконец, великий апостол деспотического коммунизма,

* Бабёф, который, приговоренный к двадцати годам каторги за фальсификацию государственных контрактов и столь же нуждающийся, сколь и порочный, бредет по Парижу, выпячивая свои разочарованные амбиции и пустые карманы вместе с чванливой шайкой, которая, если не стремится добраться до трона путем новой резни, [3305](#) неуклюже топчется на улицах, из-за отсутствия денег "выкупая пару сапог у сапожников" или продавая какую-нибудь табакерку из последних сил, чтобы выпить утреннюю драму. [3306](#)

В этом классе мы видим правящий сброд полностью и отчетливо. Отделенный от своих вынужденных адептов и официальных роботов, которые служат ему так же, как и любой другой власти, он выделяется чистотой и незапятнанностью любого нейтрального притока; мы узнаем здесь постоянный остаток, глубокую, осевшую слизь социальной канализации. Именно в этот омут порока и невежества революционное правительство направляет своих сотрудников и административные органы.

Нигде больше они не могут быть найдены. Ведь ежедневная задача, которая возлагается на них и которую они должны выполнять, - это грабежи и убийства; за исключением чистых фанатиков, которых немного, только грубияны и чернокнижники имеют склонность и вкус к такому делу. В Париже, как и в провинции, их ищут в клубах или народных ассоциациях, в которых они собираются. В каждом районе Парижа есть один из таких клубов, всего их сорок восемь, объединенных вокруг центрального клуба на улице Сент-Оноре, сорок восемь округов. Оноре, сорок восемь районных союзов профессиональных бунтовщиков и драчунов, бунтарей и чернокнижников социальной армии, всех мужчин и женщин, неспособных посвятить себя обычной жизни и полезному труду, [3307](#) особенно тех, кто 31 мая и 2 июня помогал Парижской коммуне и "Горе" в нарушении Конвента. Они узнают друг друга по знаку, что "каждый из них будет повешен в случае контрреволюции" [3308](#), считая "неоспоримым фактом, что, если хоть один аристократ будет пощажен, все они пойдут на эшафот" [3309](#). Они, естественно, настороже и держатся вместе: в их клике "все делается на основе доброго товарищества" [3310](#); никто не принимается, если не доказал свою квалификацию "10 августа и 31 мая". [3311](#) И, пробившись в Коммуну и в революционные комитеты вслед за победоносными вождями, они могут с помощью гражданских сертификатов, которые те произвольно выдают или отказывают, исключить не только из политической, но и из гражданской жизни всех, кто не принадлежит к их партии".

"Посмотрите, - пишет один из корреспондентов [Дантона](#) [3312](#), - какие люди легко получают эти свидетельства: Ронсины, Журданы, Майяры, Винсенты, все банкроты, содержатели

игорных заведений и головорезы. Спросите этих людей, заплатили ли они патриотический взнос, регулярно ли они платят обычные налоги, отдают ли они деньги беднякам своих участков, солдатам-добровольцам и т. д.; не несут ли они караул и не следят ли за тем, чтобы это делалось регулярно, сделали ли они лояльное заявление о принудительном займе. Вы увидите, что нет..... Коммуна выдает свидетельства гражданственности своим сателлитам и отказывает в них лучшим гражданам".

Монополия очевидна, ее не пытаются скрыть; шесть недель [спустя](#)³³¹³ она становится официальной: несколько революционных комитетов принимают решение не выдавать гражданские свидетельства гражданам, не состоящим в народном клубе". И строгое исключение продолжается, усиливаясь из месяца в месяц. Старые сертификаты отменяются и выдаются новые, к которым добавляются новые формальности: требуется большее число индоссантов и отвергаются некоторые виды гарантий; усиливается строгость в отношении требуемых бумаг и квалификации; кандидат откладывается до получения более полной информации о нем; его отвергают при малейшем подозрении:³³¹⁴ ему очень повезло, если его терпят в Республике как пассивного подданного, если он довольствуется тем, что его облагают налогами и поборами, когда им заблагорассудится, и если его не отправляют в тюрьму к "подозреваемым"; кто не принадлежит к группе, тот не принадлежит к обществу.

Среди них самих и в их популярном клубе все еще хуже, ибо

"стремление получить любую должность приводит к тому, что каждый доносит друг на друга"³³¹⁵.

Поэтому в клубе якобинцев на улице Сент-Оноре и в других клубах квартала постоянно происходят чистки, причем всегда в одном и том же смысле, пока фракция не очистится от всех честных и достойных сплава и не останется только меньшинство, которое при каждом голосовании будет иметь свой собственный путь. Один из них объявляет, что в его клубе уже избавились от восьмидесяти сомнительных членов; другой - что в его клубе собираются исключить сто человек.³³¹⁶ На Вентозе 23, в клубе "Бон-Консейль", большинство членов, прошедших проверку, отвергаются: "они настолько строги, что человек, который не может показать, что он энергично действовал в критические времена, не может входить в собрание; его отстраняют из-за пустяка". На 13-й улице, в том же клубе, "из двадцати шести испытуемых допущены только семеро; один гражданин, торговец табаком, шестидесяти восьми лет, всегда исполнявший свой долг, отвергнут за то, что назвал президента месье и выступал на трибуне с обнаженной головой; два члена после этого настаивали на том, что он - модистка, и этого достаточно, чтобы не допустить его". Оставшиеся состоят из самых неугомонных, самых болтливых, самых жаждущих должности, и таким образом саморазрушающийся клуб сводится к ядру шарлатанов и негодяев.

К этим спонтанным исключениям, через которые клуб деградирует, добавляется постоянное давление, через которое Комитет общественной безопасности запугивает и деградирует его. Чем ниже опускается революционное правительство и чем больше оно концентрирует свою власть, тем более подневольными и кровожадными становятся его агенты и служащие. Оно наносит предупредительные удары направо и налево; оно сажает в тюрьму или обезглавливает буйных среди своих собственных клиентов, второстепенных демагогов, которым не терпится стать главными демагогами, смелых, которые думают нанести новый удар на улицах, Жака Ру, Винсента, Моморо, Эбера, лидеров клуба Кордельеров и Коммуны. После них - снисходительные, склонные проявлять некоторую осмотрительность или умеренность в терроризме, Камиль Десмулен, Дантон и их приверженцы; и, наконец, многие другие, более или менее сомневающиеся, идущие на компромисс или компромиссы,

усталые или эксцентричные, от Майяра до Шомета, от Антонель до Шабо, от Вестермана до Клоотца. У каждого из запрещенных есть своя банда последователей, и вдруг вся эта банда вынуждена совершить волюнтаристский поступок; те, кто мог проявить инициативу, унижаются, а те, кто мог проявить милосердие, ожесточаются. Отныне в среде подчиненных якобинцев корни независимости, гуманности и преданности, которые трудно искоренить даже в бесчестной и жестокой натуре, искореняются до последнего волоска, а революционный персонал, уже настолько разложившийся, все больше и больше деградирует, пока не становится достойным отведенной ему должности. Доверенные лица Эбера, те, кто слушает Шометта, товарищи Вестермана, офицеры Ронсена, верные читатели Камилла, поклонники и почитатели Дантона - все они обязаны публично отречься от своего заключенного друга или вождя и одобрить декрет, отправляющий его на эшафот, аплодировать его клеветникам, ошеломить его на суде: тот или иной судья или присяжный, являющийся одним из сторонников Дантона, обязан пресечь его защиту и, зная, что он невиновен, объявить его виновным; тот, кто часто обедал с Десмуленом, должен не только гильотинировать его, но, кроме того, гильотинировать его молодую вдову. Более того, в революционных комитетах, в Коммуне, в канцеляриях Комитета общей безопасности, в бюро Центральной полиции, в штабе вооруженных сил, в революционном трибунале служба, которую они вынуждены выполнять, становится с каждым днем все более обременительной и отталкивающей. Доносить на соседей, арестовывать коллег, ходить и захватывать невинных людей, заведомо являющихся таковыми, в их постелях, отбирать в тюрьмах тридцать-сорок несчастных, которые станут ежедневной пищей гильотины, "объединять" их бессистемно, судить их и осуждать по жребию, провожать на эшафот осьмилетних женщин и шестнадцатилетних девочек, даже под нож, видеть, как падают головы и качаются тела, придумывать способы избавления от множества трупов и удаления слишком заметных пятен крови. Из каких существ состоят люди, способные принять на себя такую задачу и выполнять ее изо дня в день с перспективой делать это бесконечно? Фукие-Тинвиль сам поддается. Однажды вечером, направляясь в Комитет общественной безопасности, он "почувствовал себя плохо" на Пон-Нёфе и воскликнул: "Мне кажется, я вижу призраки мертвых, преследующих нас, особенно призраки патриотов, которых я гильотинировал!"³³¹⁷ А в другой раз: "Я бы предпочел пахать землю, чем быть прокурором. Если бы я мог, я бы ушел в отставку."³³¹⁷ Правительство, по мере того как система обостряется, вынуждено опускаться все ниже, чтобы найти подходящие инструменты; теперь оно находит их только в самых глубинах: в Жерминале - для возобновления Коммуны, во Флореале - для обновления министерств, в Прериале - для нового состава революционного трибунала, месяц за месяцем, очищая и заново создавая комитеты каждого квартала³³¹⁸ города. Напрасно Робеспьер, составляя и переписывая свои секретные списки, пытается найти людей, способных поддерживать систему; он всегда возвращается к одним и тем же именам, именам неизвестных, неграмотных, около сотни бездарей или дураков, среди которых четыре-пять деспотов или фанатиков второго сорта, таких же злобных и узколобых, как он сам. -Очистительный тигель использовался слишком часто и слишком долго; он перегрелся; то, что было разумным или почти таковым в элементах первобытной жидкости, было насильственно испарено; остальное забродило и стало кислотой; на дне сосуда не осталось ничего, кроме осадка глупости и злобы, их концентрированных и едких отбросов.

II. Подчиненные якобинцы.

Качества подчиненных лидеров - как они правят в секциях

Как они правят в собраниях секций, как они захватывают и занимают должности.

Таковы подчиненные [государи3319](#), которые в Париже в течение 14 месяцев распоряжаются по своему усмотрению состояниями, свободами и жизнями.- И сначала в собраниях секций, которые еще сохраняют видимость народного суверенитета, они правят деспотично и неоспоримо.-

"Дюжина или пятнадцать человек в красных шапочках,[3320](#) хорошо информированных или нет, претендуют на исключительное право говорить и действовать, и если какой-нибудь другой гражданин из честных побуждений предлагает меры, которые он считает правильными и которые действительно таковыми являются, на эти меры не обращается никакого внимания, а если и обращается, то только для того, чтобы показать членам, составляющим собрание, насколько они малозначительны. Соответственно, эти меры отвергаются только потому, что они не представлены одним из мужчин в красной шапочке или кем-то вроде них самих, посвященных в тайны секции".

"Иногда, - говорит один из [лидеров3321](#) , - на общем собрании секции мы находим всего десять членов клуба; но нас достаточно, чтобы запугать остальных. Если кто-либо из граждан секции вносит предложение, которое нам не нравится, мы встаем и кричим, что он интриган или подписант (прежних конституционных петиций). Таким образом мы навязываем молчание тем, кто не в ладах с клубом".

С сентября 1793 года действовать стало еще легче, потому что большинство теперь состоит из носящих бремя зверей, управляемых железной рукой.

"Когда нужно осуществить что-то, зависящее от интриг или частных [интересов3322](#) , предложение всегда исходит от одного из членов Революционного комитета секции или от одного из тех фанатичных патриотов, которые присоединяются к Комитету и действуют как его шпионы. Тотчас же невежественные люди, которым Дантон выделил сорок су на каждое собрание и которые отныне толпятся в собрании, куда раньше никогда не приходили, приветствуют предложение громкими аплодисментами, кричат и требуют голосования, и акт принимается единогласно, невзирая на противоположные мнения всех осведомленных и честных граждан. Если кто-то осмелится возразить, он рискует оказаться в тюрьме в качестве [подозреваемого3323](#) , после того как с ним поступят как с аристократом или федералистом, или, по крайней мере, ему откажут в выдаче свидетельства о гражданстве (серьезное дело), если он имеет несчастье в нем нуждаться, поскольку от этого зависит его выживание в качестве работника или пенсионера."- В квартале Мезон-Коммуна большинство служащих - масоны, "прекрасные патриоты", - говорит один из клубистов квартала:[3324](#) они всегда голосуют на нашей стороне; мы заставляем их делать то, что мы хотим". Множество поденщиков, извозчиков, извозчиков и рабочих всех сословий зарабатывают таким образом свои сорок су и даже не подозревают, что от них могут потребовать чего-то еще. Войдя в зал, когда открывается собрание, они записывают свои имена, после чего отправляются "выпить", не считая себя обязанными слушать ораторские речи; под конец они возвращаются, производят весь шум, который от них требуется, своими легкими, ногами и руками, а затем идут и "забирают свою карточку и получают свои деньги "[3325](#) - С такими

платными аплодистами они быстро берут верх над всеми противниками, или, скорее, вся оппозиция подавляется заранее. "Лучшие граждане молчат" в собраниях секций или "держатся в стороне"; это просто "игорные салоны", где "ежеминутно принимаются самые абсурдные, самые несправедливые, самые невежливые постановления".³³²⁶ Кроме того, граждан разоряют неограниченные секционные расходы, которые превышают обычное налогообложение и коммунальные расходы, и без того очень большие. Однажды какой-нибудь плотник или слесарь, член Революционного комитета, хочет построить, расширить или украсить зал, и надо с ним согласиться. Снова произносится убогая речь, полная преувеличений и политической экстравагантности, с которой приказывают напечатать три, четыре, пять и шесть тысяч оттисков. Затем, в довершение всего, по примеру Коммуны, не представляется никаких отчетов, или, если это делается для проформы, в них не должно быть никаких изъясных, под страхом подозрения и т. д." - Двенадцати лидерам, владельцам и распространителям цивилизма, остается только договориться между собой о разделе прибыли, каждому по его аппетиту; отныне корыстолюбие и тщеславие могут свободно жертвовать общим благом, прикрываясь общими интересами; пастбище огромно, и оно в распоряжении лидеров. В одном из своих приказов, отданных в тот день, Анрио говорит:³³²⁷

"Я очень рад сообщить моим братьям по оружию, что все должности находятся в распоряжении правительства. Настоящее правительство, которое является революционным, чьи намерения чисты, и которое просто желает всеобщего счастья, ... будет искать повсюду, даже на чердаках, добродетельных людей, ... бедных и настоящих санкюлотов". И в одной только столице найдется тридцать пять тысяч мест для общественной [работы](#)³³²⁸ : это богатая шахта; уже до мая 1793 года "якобинский клуб хвастался тем, что поставил девять тысяч агентов в администрации "³³²⁹ , а со 2 июня "добродетельные люди, бедные, настоящие бездельники" толпами прибывают из "своих чердаков", притонов и наемных комнат, каждый, чтобы захватить свою долю. -Они осаждают и сотнями занимают старинные кабинеты в Военном, Морском и Общественном департаментах, в Казначействе и Министерстве иностранных дел. Здесь они правят, постоянно донося на всех оставшихся, способных сотрудников, создавая вакансии, чтобы их [заполнить](#)³³³⁰. Затем появляются двадцать новых административных департаментов, которые они оставляют за собой: комиссары первой конфискации национального имущества, комиссары национального имущества, возникающего у эмигрантов и осужденных, комиссары призывных карет, комиссары по одежде, комиссары по сбору и изготовлению селитры, комиссары по монополиям, гражданские комиссары в каждой из сорока восьми секций, комиссары по пропаганде в департаментах, комиссары по провизии и многие другие. Пятнадцать сотен мест насчитывается в единственном департаменте провизии в [Париже](#)³³³¹ , и все они оплачиваются. Здесь уже есть ряд желательных должностей. -Некоторые из них предназначены для самого низкого сброда: двести, по двадцать су в день, получают "ораторы", нанятые для выражения мнений в Пале-Рояле, среди групп Тюильри, а также на трибунах Конвента и Дома-де-Виль;³³³² еще двести, по четыреста франков в год, получают официанты в кофейнях, игорных салонах и гостиницах, за наблюдение за иностранцами и клиентами; сотни мест по два, три и пять франков в день с питанием для хранителей печатей и для гарнизонов в домах "подозреваемых"; тысячи, с премиями, жалованьем и полным правом, для разбойников, которые под началом Ронсена составляют революционную армию, и для стрелков, платной гвардии и жандармов Анрио. -Однако главные посты - это те, на которых жизнь и свобода зависят от усмотрения тех, кто их занимает: ведь благодаря этой власти, более чем царской, они обладают всей остальной властью, и таковы люди, составляющие сорок восемь революционных комитетов, бюро Комитета общей безопасности и Коммуны, а также штаб-офицеры вооруженных сил. Они - главные движущие силы и активные стимулы системы Террора; все они якобинцы, прошедшие многократный

отбор, все они назначены или одобрены Центральным клубом, который претендует на монополию патриотизма и который, возведенный в ранг верховного совета партии, не выдает патентов ортодоксальности иначе как своим собственным [приспешникам](#)³³³.

Они сразу же переходят на тон и высокомерие диктатуры. "Гордыня достигла своей высшей точки:³³³⁴... Тот, кто еще вчера не имел никакой должности, был приветлив и честен, стал надменным и наглым, потому что, обманутые внешностью, его сограждане избрали его комиссаром или дали ему ту или иную работу". Отныне он ведет себя, как турецкий ага среди неверных, и, командуя, вершит дела с большой буквы.- 20-го числа Вандемьера II года, "среди ночи", комитет секции Пикес вызывает архитектора М. Беланже. Ему сообщают, что его дом требуется немедленно для строительства новой Бастилии. "Но, - говорит он, - у меня нет другого, и его занимают несколько жильцов; он украшен образцами искусства и годится только для этой цели". "Ваш дом или вы попадете в тюрьму!" Или ваш дом, или вы отправитесь в тюрьму; что касается компенсации, то у нас есть свободные места для ваших жильцов, а также для вас самих в тюрьмах Ла-Форс и Сент-Пелажи". Двенадцать часовых на посту немедленно отправляются в путь и вступают во владение помещением; владельцу дается шесть часов, чтобы выехать, и отныне ему запрещено возвращаться; бюро, в которые он обращается, тракуют его повиновение как "молчаливое согласие", и очень скоро он сам оказывается за решеткой.^{3335-Административные} инструменты, которые так остро режут, требуют величайшего ухода, и время от времени их тщательно смазывают:³³³⁶ 20 июля 1793 года каждой из сорока восьми комиссий выдается по две тысячи франков, а генералу Анрио - восемь тысяч франков "на расходы по наблюдению за антиреволюционными маневрами"; 7 августа - пятьдесят тысяч франков "для возмещения ущерба менее успешным членам сорока восьми комиссий"; триста тысяч франков - генералу Анрио "для пресечения антиреволюционных маневров"; триста тысяч франков - генералу Анрио. Анрио "для пресечения заговоров и обеспечения торжества свободы"; пятьдесят тысяч франков мэру "для раскрытия заговоров злонамеренных"; 10 сентября сорок тысяч франков мэру, президенту и прокурору департамента "для мер безопасности"; 13 сентября триста тысяч франков мэру "для предотвращения попыток злонамеренных"; 15 ноября сто тысяч франков народным клубам, "поскольку они необходимы для распространения здравых принципов". "Кроме того, помимо вознаграждений и фиксированного жалованья, существуют льготы и привилегии, связанные с должностью "³³³⁷. Анрио назначает своих товарищей в штат платных шпионов и доносчиков, и, естественно, они пользуются своим положением, чтобы набить карманы; под предлогом инквизиции они умножают визиты в дома, заставляют хозяина дома выкупаться или крадут в помещениях то, что им подходит.³³³⁸ В Коммуне и в революционных комитетах можно и нужно заниматься любым вымогательством.

"Я знаю, - говорит Кевремон, - двух граждан, которых посадили в тюрьму, не объясняя причины, а по истечении трех недель или месяца выпустили, и знаете, как? Заплатив, один из них, пятнадцать тысяч ливров, а другой - двадцать пять тысяч. Гамброн, в Ла-Форс, платит тысячу пятьсот ливров в месяц за комнату, чтобы не жить среди вшей, и, кроме того, он должен был заплатить взятку в две тысячи ливров при входе. Это случилось со многими другими, которые, опять же, не осмеливались говорить об этом, разве что шепотом "³³³⁹.

Горе тем неосмотрительным, кто, никогда не касаясь государственных дел и полагаясь на свою невинность, упускает из виду наглого маклера и не платит сразу же! Нотариус Бришар, отказавшись или слишком поздно предложив требуемые от него сто тысяч крон, должен положить голову "у красного окна".- И я не упоминаю об обычном насилии, об огромном поле, открытом для вымогательства посредством бесчисленных инвентаризаций, секвестраций и судебных решений, посредством безрассудства подрядчиков, посредством

поспешных закупок и поставок, посредством растраты двух или трех миллионов, еженедельно выделяемых правительством Коммуне для снабжения столицы, посредством реквизиций зерна, которые дают возможность пятнадцатистам бойцам революционной армии обчистить все соседние фермы, вплоть до Корбейля и Мо, и воспользоваться этим по примеру [шоферов3340](#). - С таким штатом сотрудников эти анонимные кражи не могут нас удивить. Бабёф, фальсификатор государственных контрактов, является секретарем по снабжению Коммуны; Майяр, септембризер аббатства, получает восемь тысяч франков за руководство в сорока восьми секциях девяносто шестью наблюдателями и лидерами общественного мнения; Кретьен, чья курильня служит местом встречи хулиганов, становится присяжным заседателем революционного трибунала за восемнадцать франков в день и возглавляет свою секцию с поднятой [саблей3341](#) ; де Сад, профессор преступлений, теперь является оракулом своего квартала и от имени секции пикейных зачитывает обращения к Конвенту.

III. Революционный комитет.

Министр иностранных дел, генерал-аншеф.
Парижская коммуна - Революционный комитет.

Внимательно рассмотрим некоторые из этих фигур: чем ближе они к глазу и чем выше их положение, тем больше важность обязанностей высвечивает недостойность властителя... Вот один из них, которого мы уже видели мимоходом, - Бюшо, дважды отмеченный Робеспьером под его собственной рукой как "человек честный, энергичный и способный выполнять самые важные функции" [3342](#), назначенный Комитетом общественной безопасности "комиссаром внешних сношений", то есть министром иностранных дел, и продержавшийся на этом важном посту почти полгода. Это школьный учитель из [Юры3343](#), недавно покинувший свой городок, чье "невежество, низкие привычки и тупость превосходят все, что можно себе представить... Старшие клерки не имеют с ним ничего общего; он их не видит и не спрашивает. Его никогда не застать в своем кабинете, а когда возникает необходимость попросить его подписи на каком-либо законодательном акте, единственном, к которому он сводит свои функции, они вынуждены идти и добиваться ее у него в Кафе Харди, где он обычно проводит свои дни". Следует помнить, что он завистлив и злобен, мстя за свою неспособность тем, чья компетентность заставляет его осознать свою некомпетентность; он называет их умеренными и, наконец, добивается выдачи ордера на арест четырех своих главных клерков; утром 9 термидора, злобно подглядывая, он сам сообщает эту новость одному из них, мсье Мио. К несчастью для него, после Термидора его выдают, а на его место сажают М. Мио. С дипломатической вежливостью тот обращается к своему предшественнику и "выражает ему обычные комплименты". Бюшо, нечувствительный к комплиентам, сразу же думает о существенном, и первое, о чем он просит, - это временно сохранить за ним квартиру в министерстве. Получив согласие, он выражает благодарность и

говорит мсье Мио, что назначить его было очень хорошо, но "для меня самого это очень неприятно. Я был вынужден приехать в Париж и оставить свою должность в провинции, а теперь меня оставляют на улице". После этого он с поразительной наглостью просит человека, которого он хотел гильотинировать, дать ему место министерского клерка. Месье Мио пытается объяснить ему, что для бывшего министра опуститься так низко было бы неприлично. Бушо считает такую деликатность странной и, видя смущение М. Мио, заканчивает разговор словами: "Если вы не сочтете меня подходящим для клерка, я буду довольствоваться местом слуги". Такая оценка себя показывает, насколько он ценен.

Другой, с которым мы уже встречались и который уже известен своими [деяниями3344](#), генерал в Париже всех вооруженных сил, главнокомандующий ста десятью тысячами человек, - это бывший слуга или подьячий прокурора Формей, который, уволенный своим работодателем за грабеж, запертый в Бикетре, поочередно бегун и диктор в передвижном балагане, барьерный слуга и сентябрьский убийца, очистивший 2 июня Конвент, - словом, знаменитый Анрио, а ныне просто грубиян и недоносок. В этом последнем качестве, пощаженном на суде над эбертистами, его держат как орудие, несомненно, по той причине, что он узкий, грубый и управляемый, более скомпрометированный, чем кто-либо другой, годный на любую работу, без малейшего шанса стать независимым, безработный в [армии3345](#), не имеющий престижа у настоящих солдат, генерал для уличных парадов, интермедия и ниже самого низкого из толпы; Его особняк, его ложа в Опера-Комик, его лошади, его значимость на фестивалях и смотрах, и, прежде всего, его оргии делают его совершенно довольным. -Каждый вечер, в полной форме, в сопровождении своих адъютантов, он скачет в Шуази-сюр-Сен, где, в доме льстеца по имени Фовель, вместе с некоторыми единомышленниками Робеспьера или местными демагогами, он веселится. Они опрокидывают вина герцога де Коиньи, разбивают бокалы, тарелки и бутылки, отправляются в соседние танцевальные залы и устраивают шум, ломаются в двери, разбивают скамейки и стулья - словом, веселятся от души. -На следующее утро, проспавшись и протрезвев, он диктует свои распоряжения на день, настоящие шедевры, в которых глупость, неумение и легковерие тупицы, сентиментальность пьяницы, болтовня бандита и тирады дешевого философа образуют уникальное соединение, одновременно тошнотворный и раздражающий, подобно жгучим, резким смесям дешевых баров, которые больше подходят его публике, потому что в них содержатся едкие, безвкусные ингредиенты, составляющие фальсифицированный бренди Революции. -Он рассказывает об иностранных маневрах и подробно останавливается на истинных причинах голода: "В последнее время в уборных находят много хлеба: Питты, Кобурги и другие негодяи, которые хотят поработить справедливость и разум, убить философию, должны быть призваны к ответу за это. Штаб-квартира и т. д." [3346](#) Он имеет свои теории о религиях и проповедует гражданскую скромность всем инакомыслящим: "Служителей и сектантов всех форм культа просят не проводить больше никаких религиозных церемоний вне своих храмов. Каждый добропорядочный сектант увидит целесообразность соблюдения этого предписания. Внутреннее пространство храма достаточно велико для того, чтобы воздать должное Вечному, который не требует обрядов, отталкивающих любого мыслящего человека. Мудрые согласны, что чистое сердце - это самое возвышенное почтение, которого может желать Божественность. Штаб-квартира и т. д." - Он вздыхает о всеобщей идиллии и призывает к подавлению вооруженной силы:

"Я прошу моих сограждан, которых любопытство приводит в уголовные суды, действовать в качестве собственной полиции; это задача, которую должен выполнять каждый добропорядочный гражданин, где бы он ни находился. В свободной стране правосудие должно обеспечиваться не пиками и штыками, а разумом и философией. Они должны

следить за обществом; они должны очищать его и отсеивать воров и злодеев. Каждый человек должен принести с собой свою маленькую философскую частичку и из этих маленьких частичек составить рациональное целое, которое принесет пользу и благо всем. О, да будет время, когда функционеры станут редкими, когда нечестивцы будут низвергнуты, когда закон станет единственным функционером в обществе! Штаб-квартира и т. д. "Каждое утро он читает проповеди в том же папском духе. Представьте себе сцену: штаб-квартира на дамбе Анрио, письменный стол, на котором, возможно, стоит бутылка бренди; по одну сторону стола - негодай, который, застегивая ремень или натягивая сапоги, смягчает свой хриплый голос и, нервно дергаясь, проговаривает свою гуманитарную проповедь; по другую сторону - немой, беспокойный секретарь, который, возможно, умеет писать, но не смеет существенно изменить гротескную фразеологию своего хозяина.

Коммуна, в которой работает генерал-командующий, состоит примерно из того же сплава, поскольку в муниципальном мече клинок и рукоять, выкованные вместе в якобинской мастерской, сделаны из одного и того же металла.^{3347 3347} Из восьмидесяти восьми членов Коммуны, чья квалификация и род занятий известны, пятьдесят шесть человек явно неграмотны или почти неграмотны, их образование рудиментарно или вообще отсутствует. Некоторые из них - мелкие клерки, конторщики и обычные писаки, один из них - публичный писатель; другие - мелкие лавочники, кондитеры, торговцы, чулочники, продавцы фруктов и виноторговцы; Еще одни - простые механики или даже чернорабочие, плотники, столяры, краснодеревщики, слесари, и особенно три портных, четыре парикмахера, два каменщика, два сапожника, один сапожник, один садовник, один камнерез, один асфальтоукладчик, один конторщик и один домовый. Из тридцати двух человек, получивших образование, только один пользуется известностью - Парис, профессор университета и помощник аббата Делиля. Только один, Дюметц, старый инженер, уравновешенный, умеренный и заботящийся о снабжении, кажется компетентным и полезным работником. Остальные, собранные из массы неизвестных демагогов, - шесть подмастерьев или плохих художников, шесть бизнес-агентов или бывших адвокатов, семь купцов второго или третьего разряда, один учитель, один хирург, один невенчаный женатый священник - все они под политическим руководством мэра Флерио-Леско и Пайена, национального агента, приносят в генеральный совет не административные способности, а способность к словесной аргументации, а также необходимое количество разговоров и писанины, необходимых для совещательного собрания. Любопытно наблюдать за их работой. В конце сентября 1793 года³³⁴⁸ одному из ветеранов либеральной философии и политической экономии, принадлежавшему к Французской академии и разоренному революцией, старому аббату Морелле, требуется свидетельство о гражданском состоянии, чтобы он мог получить небольшую пенсию в тысячу франков, которую Учредительное собрание назначило ему в качестве вознаграждения за его труды; Коммуна, желая получить информацию об этом, выбирает трех человек из своего состава для расследования. Морелле, естественно, предпринимает предварительные шаги. Сначала он пишет "очень скромную, очень гражданскую записку" председателю Генерального совета Любену-младшему, в прошлом подмастерью, который оставил искусство ради политики, а теперь живет со своим отцом-мясником на улице Сент-Оноре; он обращается к этому авторитету и проходит через стойло, прокладывая себе путь среди отбросов скотобойни; признанный после некоторой задержки, он находит своего судью в постели, перед которым излагает свое дело. Затем он обращается к Бернару, бывшему священнику, "сложенному как зажигательная машина и плохо выглядящему", и почтительно кланяется хозяйке дома, "довольно молодой женщине, но очень некрасивой и очень грязной". Наконец, он несет свой десяток или дюжину томов самому главному из трех экзаменаторов, Виалару, "бывшему женскому парикмахеру"; последний - почти коллега, "ибо, - говорит он, - я всегда любил техников и представил

Академии наук топ, который сам изобрел". Никто, однако, не видел просителя на улицах ни 10 августа, ни 2 сентября, ни 31 мая; как после таких доказательств вялости можно выдать ему свидетельство гражданственности? Морелле, не унывая, поджидает всесильного парикмахера у Гостиницы-де-Виль и часто обращается к нему, когда тот проходит мимо. Тот, "с большей надменностью и рассеянностью, чем самый неприступный военный министр проявил бы к пехотному лейтенанту", едва выслушав его, идет дальше; он входит и занимает свое место, и Морелле, во многом против своей воли, приходится присутствовать на десяти или двенадцати таких встречах. Что за странные собрания, на которые патриотические депутаты, волонтеры и любители приходят по очереди, чтобы декламировать и петь; где председатель, Любен, "украшенный шарфом", пять или шесть раз выкрикивает гимн Марсея, "Ca Ira" и другие песни из нескольких строф, на мелодии комической оперы, и всегда "не вовремя, демонстрируя голос, воздух и песни утонченного Леандра...". Я действительно верю, что на последнем собрании он пел в одиночестве три четверти часа в разное время, а собрание повторяло последнюю строчку куплета". "Как странно!" - восклицает простая женщина рядом с Морелле, - "как нелепо, что они проводят здесь все свое время, распевая в такой манере! Разве для этого они сюда приходят?" - И не только для этого: после окончания циркового шествия приходят обычные ораторы, особенно парикмахер, и предлагают меры для убийства "в ярости и с пламенной жестикуляцией". Это хорошие [ораторы3349](#) и люди для шоу. Остальные, которые молчат и почти не умеют писать, выступают и выполняют черновую работу. Некий Шалодон, член [Коммуны3350](#), относится к этому типу, он председатель Революционного комитета секции "Вооруженных людей" и, вероятно, отличный охотник за людьми; ведь "правительственные комитеты возложили на него обязанность следить за правым берегом Сены, и, наделенный чрезвычайными полномочиями, он управляет из своего заднего магазина половиной Парижа. Горе тем, на кого он имеет основания жаловаться, тем, кто отступил или не дал ему своего обычая! Властитель своего квартала до 10 термидора, его доносы - это смертные приговоры. Некоторые улицы, особенно Гран Шантье, он "обезлюживает". И этот истребитель Марэ - "сапожник", коллега по коже, а также по Коммуне, сапожника Симона, воспитателя и убийцы юного Дофина.

Еще ниже, чем этот восхитительный муниципальный орган, попробуем представить себе, хотя бы на одном примере, сорок восемь революционных комитетов, которые обеспечивают его руками... Среди них есть один, в котором мы знаем всех членов, где правящий класс, находящийся в полном подчинении, можно изучить на месте и в действии.[3351](#) Это подпольный, кочевой класс, который революционен только благодаря своим аппетитам; никакая теория и никакие убеждения его не вдохновляют; в течение первых трех лет революции он не обращает внимания на государственные дела и не заботится о них; если с 10 августа и особенно со 2 июня он обращает на них внимание, то только для того, чтобы добыть себе пропитание и поживиться грабежом.-Из восемнадцати членов "Bonnet Rouge", одновременно или последовательно, четырнадцать, до 10 августа и особенно со 2 июня, неизвестны в этом квартале и не принимали никакого участия в революции. Среди них выделяются три художника, геральдический, каретный и миниатюрный, очевидно, разорившиеся и бездействующие из-за революции, торговец свечами, торговец уксусом, изготовитель селитры и слесарь; из этих семи персон четверо дополнительно повысили достоинство своего звания, продавая билеты на мелкие лотереи, выступая в качестве ломбарда или содержателя салуна "[бириби](#)"[3352](#). Вместе с ними сидят две домработницы из высшего класса, извозчик, бывший жандарм, уволенный из корпуса, сапожник на углу улицы, бегун по поручениям, который когда-то был мальчиком извозчика, и еще один, который за два месяца до этого был учеником мусорщика; последний был без гроша и в лохмотьях до того, как стал членом Комитета, и с тех пор хорошо одет, обут и обставлен. И

наконец, бывший торговец лотерейными билетами, по его собственному признанию, фальшивомонетчик и тюремщик. Четверо других были уволены со своих мест за нечестность или мошенничество, трое - известные пьяницы, двое даже не французы, а главарь, человек-мозг этой отборной компании - как обычно, дрянной, отработанный адвокат, бывший нотариус Пижо, изгнанный из своего профессионального органа за банкротство. Вероятно, именно он является автором следующих рассуждений: После сентября 1793 года Комитет, свободно арестовывая кого угодно в квартале и даже за его пределами, за четыре месяца набирает "триста глав семейств", которыми заполняет старые казармы, занимаемые им на улице Севр. В этом тесном и нездоровом помещении ютится более ста двадцати заключенных, иногда по десять в одной комнате, по двое на одной кровати, и за их содержание платят триста франков в день. Поскольку шестьдесят два франка из этой платы подтверждаются, то из этой суммы (не считая других поборов и уступок, которые не являются официальными) двести тридцать восемь франков прибыли в день для этих "честных" подрядчиков. Соответственно, они живут свободно и устраивают "самые роскошные обеды" в своей палате собраний; взнос в десять-двенадцать франков за штуку для них "ничто". Но в этом роскошном квартале Сен-Жермен так много богатых и знатных мужчин и женщин, что они образуют стадо, которое нужно удобно передержать, чтобы легче было доить. Поэтому в конце марта 1794 года Комитет, чтобы расширить свои дела и наполнить загон, нанимает большой дом на углу бульвара, с двором и садом, где высшему обществу квартала предоставляются квартиры по две комнаты в каждой, по двенадцать франков в день, что дает сто пятьдесят тысяч ливров в год, а поскольку арендная плата составляет двадцать четыреста франков, Комитет получает от этой операции сто сорок семь тысяч шестьсот ливров; К этому следует добавить двадцать видов прибыли в денежном и ином выражении: налоги на потребляемые товары и на всевозможные поставки, сборы за отправку и получение корреспонденции и другие вознаграждения, такие как выкупы и гонорары. Загнанное стадо ни в чем не отказывает своим [хозяевам3353](#), и это стадо меньше других, потому что если это стадо разграблено, то оно сохраняется, поскольку его хозяева считают слишком выгодным отправлять его на бойню. За последние шесть месяцев Террора из ста шестидесяти пансионеров Комитета "Бонне Руж" только двое были выведены из заведения и переданы на гильотину. Лишь 7 и 8 числа Термидора Комитет общественной безопасности, взявшись опустошить тюрьмы, врывается в драгоценное стадо и нарушает хорошо продуманную схему, так замечательно управляемую.-Это было слишком хорошо, ибо возбудило ревность; через три месяца после Термидора комитет "Bonnet Rouge" был разоблачен и осужден; десять человек были приговорены к двадцати годам каторги, а в дополнение к ним - столб, и среди прочих - ловкий [нотариус3354](#), под насмешки и оскорбления толпы. - И все же это не худшие; их скупость смягчила их свирепость. Другие, менее ловкие в грабежах, проявляют большую жестокость в убийствах. В любом случае, как в провинции, так и в Париже, в революционных комитетах, получающих по три франка в день за каждого члена, качество тех или иных чиновников примерно одинаково. Согласно ведомостям, которые ведет Барер, во Франции насчитывается двадцать одна тысяча пятьсот таких [комитетов3355](#).

IV. Провинциальная администрация.

- Административный персонал в провинциях.- Якобинство меньше в департаментских городах, чем в Париже.
- деревне, чем в городах.-Революционные комитеты в
- Революционные комитеты в маленьких коммунах.-Муниципальные органы в
- Якобины слишком многочисленны в бургах и маленьких городках.
- Ненадежные или затруднительные агенты, входящие в состав
- Ненадежные или затруднительные агенты в административных органах больших или средних городов.
- Недостаток набранных на местах кадров.

Если бы законы от 21 марта и 5 сентября 1793 года строго соблюдались, то вместо 21 500 революционных комитетов было бы 45 000. Они состояли бы из 540 000 членов и обходились бы обществу в 591 миллион в год.³³⁵⁶ Таким образом, регулярный административный орган, и без того вдвое более многочисленный и вдвое более дорогостоящий, чем при старом режиме, превратился бы в дополнительный корпус, расходуемый "просто на наблюдение" на сто миллионов больше, чем все налогообложение страны, величина которого возбуждала народ против старого режима.³³⁵⁶ К счастью, ядовитый и чудовищный гриб смог достичь лишь половины своего предполагаемого размера; ни якобинских семян, ни плохой атмосферы, необходимой для его распространения, нигде не нашлось. "Жители провинций, - пишет [современник](#)³³⁵⁷, - не дотягивают до уровня Революции; она противопоставляет старые привычки и обычаи, сопротивление инерции новшествам, которые она не понимает". "Пахарь - достойный человек, - пишет представитель миссионеров, - но он, как правило, плохой патриот".³³⁵⁸ Действительно, с одной стороны, в департаментских городах меньше человеческого осадка, чем в большой парижской раковине, а с другой стороны, сельское население, огражденное от интеллектуальных миазмов, лучше противостоит социальным эпидемиям, чем городское население. Менее зараженные порочными авантюристами, менее плодовые на беспорядочные интеллекты, провинции с большим трудом поставляют корпус инквизиторов и террористов.

Во-первых, в тысячах коммун, насчитывающих менее пятисот жителей,³³⁵⁹ во многих других деревнях с большим населением, но [разбросанных](#)³³⁶⁰ и чисто сельскохозяйственных, особенно в тех, где говорят на патуа, не хватает подходящих субъектов для революционного комитета. Люди слишком много пользуются своими руками; ороговевшие руки не пишут каждый день; никто не желает братья за перо, особенно для того, чтобы вести реестр, который может быть сохранен и когда-нибудь окажется компрометирующим. Уже сейчас трудно набрать муниципальный совет, найти мэра, двух дополнительных муниципальных чиновников и национального агента, которых требует закон; в маленьких коммунах это единственные представители революционного правительства, и я полагаю, что в большинстве случаев их якобинский пыл умерен. Муниципальный чиновник, национальный агент или мэр, настоящий крестьянин того времени не принадлежит ни к одной партии, ни к роялистской, ни к [республиканской](#)³³⁶¹; его идеи редки, слишком преходящи и вялы, чтобы позволить ему сформировать политическое мнение. Все, что он понимает о революции, - это то, что его мучает, или то, что он видит каждый день вокруг себя, своими глазами; для него 93-й и 94-й годы были и останутся "временем плохих бумажек (денег) и большого страха", и ничего больше.³³⁶² Терпеливый в своих привычках, он подчиняется новому, как и старому режиму, неся груз, возложенный на его плечи, и опускаясь из страха перед более тяжелым. Он часто становится мэром или национальным агентом вопреки себе; он вынужден занимать

это место и с радостью сбросил бы с себя это бремя. Ибо, по нынешним временам, это обременительно; если он исполняет указы и распоряжения, то непременно наживет себе врагов; если он их не исполняет, то непременно попадет в тюрьму; лучше бы ему остаться или вернуться домой "Грос-Жаном", как он был раньше. Но выбора у него нет: назначение однажды сделано и подтверждено, он не может ни отказаться, ни уйти в отставку под страхом "подозрения"; он должен быть молотом, чтобы не стать наковальней. Будь то винодел, мельник, пахарь или каменоломщик, он действует неохотно, "подавая прошение об отставке", как только ужас уменьшается, на том основании, что "он плохо пишет", что "он ничего не знает о законе и не может его исполнять", что "он должен содержать себя своими руками", что "у него есть семья, которую он должен обеспечивать, и он обязан сам водить свою телегу" или автомобиль; короче говоря, прося, чтобы его "освободили от его обязанностей". [3363](#) - Эти невольные рекруты, очевидно, не более чем простые рабочие; если они тащат за собой революционную телегу, то делают это, как и их лошади, потому что их заставляют служить.

Над маленькими коммунарами, в больших деревнях, где есть революционный комитет, а также в некоторых бургах, лошади в упряжке часто делают вид, что тянут, и не делают этого, боясь кого-нибудь задавить. - В эту эпоху захудалая деревушка, особенно если она изолирована, находится в глухом месте и не имеет шоссе, сама по себе является маленьким миром, гораздо более уединенным, чем в наши дни, гораздо менее доступным для парижского словоблудия и внешнего давления; здесь преобладает местное мнение; соседи поддерживают друг друга; они не решаются осудить достойного человека, которого знают двадцать лет; морального воздействия честных людей достаточно, чтобы сдерживать "чернокнижников". [3364](#) Если мэр и республиканец, то только на словах, возможно, для самозащиты, для защиты своей коммуны, и потому, что надо быть вместе с другими волками. -- Более того, в других бургах и в маленьких городках фанатиков и негодяев недостаточно, чтобы заполнить все должности, и, чтобы заполнить вакансии, в новый административный корпус выдвигаются или принимаются те, кто не является хорошими якобинцами, теплые, равнодушные, робкие или нуждающиеся люди, которые принимают это место как убежище или просят его как средство к существованию. "Граждане, - пишет позднее один из новобранцев, более или менее [сдержанный3365](#), - меня силой ввели в Комитет надзора Аигнея, силой и поставили". В нем правили три или четыре сумасшедших, и если кто-то вступал с ними в дискуссию, "это всегда было угрозой.... Всегда трепет, всегда страх, - так я провел восемь месяцев, исполняя обязанности в этом жалком месте". - Наконец, в средних и крупных городах тупик, созданный коллективными увольнениями, мешанина импровизированных назначений и внезапное обновление целого ряда чиновников, вольно или невольно ввергает в администрацию множество притворных якобинцев, которые в душе жирондисты или фельяны, но которые, будучи чрезмерно многословными, получают должности по причине своих крамольных речей и впредь сидят рядом с худшими якобинцами, на худшей работе. "Члены Революционного комитета Фурса - те, кто мне это возражает, - писал один адвокат из [Клермона3366](#), - убеждены, что только те, кто уединился, почувствовали Террор. Они не знают, вероятно, что никто не чувствовал его сильнее, чем те, кто был вынужден исполнять его декреты. Вспомните, что почерк Кутона, назначавшего того или иного гражданина на должность, содержал также угрозу, а в случае отказа - объявление "подозреваемым", угрозу, сулившую в перспективе потерю свободы и арест имущества! Так был ли я вправе отказаться?" - После того как человек установлен, он должен действовать, и многие из тех, кто действует, дают понять свое отвращение, несмотря на себя: в лучшем случае их нельзя заставить делать больше, чем механическую работу.

"Перед тем как отправиться в суд, - рассказывает судья из Кембрея, - я проглотил большой стакан

спиртного, чтобы у меня хватило сил председательствовать".

Он покидает свой дом, не имея иного намерения, кроме как закончить дело и, огласив приговор, вернуться домой, замкнуться в себе, закрыть глаза и уши.

"Я должен был вынести приговор в соответствии с заявлением присяжных - что я мог сделать?" [3367](#)

Ничего, кроме как остаться слепым и глухим: "Я пил. Я старался не обращать внимания на все, даже на имена обвиняемых" [3367](#). Совершенно очевидно, что в местных официальных органах слишком много агентов, слабых, без рвения, без толчка, ненадежных или даже тайно враждебных; их нужно заменить другими, энергичными и надежными, и брать их везде, где только можно найти. [3368](#) Таким резервуаром в каждом департаменте или округе является якобинский питомник главного города; из него они направляются в бурги и коммуны для призыва. Центральный якобинский питомник Франции находится в Париже, откуда их рассылают по городам и департаментам.

V. Якобинцы, отправленные в провинции.

Импорт штата чужаков.- Парижские якобинцы отправлены в провинции.- Якобинцы из восторженных городов депортируются в умеренные.- Якобинцы из штаба одного округа распространяются по округу.-Соппротивление общественного мнения.
-Распространение и малое число действительно якобинских агентов.

Вследствие этого стаи якобинской саранчи распространяются из Парижа по провинциям, а из местных городков - по окрестностям. В этой туче губительных насекомых - фигуры разного размера: в первом ряду - командированные представители, которым предстоит принять командование в департаментах; во втором - "политические агенты", которые, получив обязанность следить за соседней границей, берут на себя дополнительную обязанность возглавлять народный клуб города, в котором они живут, или призывать его административный орган. [3369](#) Кроме того, из парижской штаб-квартиры на улице Сент-Оноре выходят избранные санкюлоты, которые, уполномоченные или делегированные Комитетом общественной безопасности, отправляются в Лион, Марсель, Бордо, Тоннерр, Рошфор и другие места, чтобы действовать в качестве миссионеров среди слишком инертного населения или формировать комитеты действия и трибуналы уничтожения, которые с трудом набираются на [месте](#) [3370](#).-Иногда, когда город имеет плохую репутацию, народный клуб более здравомыслящего города посылает туда своих делегатов, чтобы привести его в порядок; Так, четыре депутата клуба Меца без предупреждения прибывают в Бельфор, просвещают своих братьев, объединяются с ними в местный революционный

комитет и вдруг, не посоветовавшись ни с муниципалитетом, ни с какой-либо другой законной властью, составляют список "умеренных, фанатиков и эгоистов", на которых налагают чрезвычайный налог в сто тридцать шесть тысяч шестьсот семнадцать ливров;³³⁷¹ таким же образом шестьдесят делегатов от клубов Кот-д'Ор, Верхней Марны, Вогезов, Мозеля, Саон-и-Луара и Мон-Террибль, все "закаленные белым жаром Пера Дюшена", по вызову представителей отправляются в Страсбург, где под именем "пропагандистов" они должны возродить город.-В то же время в каждом департаменте якобинцы главного города рассеяны по большим дорогам, чтобы они могли осматривать свои владения и управлять своими подданными. Иногда это командированный представитель, который лично, вместе с двадцатью "волосатыми дьяволами", объезжает и демонстрирует свою разъездную диктатуру; иногда его секретарь или делегат, который вместо него и от его имени приезжает в город второго сорта и оформляет документы.³³⁷² В другой раз это "комитет расследования и пропаганды", который, "выбранный клубом и наделенный всеми полномочиями", приезжает от имени представителей, чтобы в течение месяца проработать все коммуны района.³³⁷³ И, наконец, революционный комитет главного города, который, "объявленный центральным для всего департамента"³³⁷⁴, делегирует того или иного своего члена для выхода за стены, для чистки и реорганизации подозрительных муниципалитетов.- Так якобинизм спускается и распространяется, история за историей, от парижского центра до самой маленькой и отдаленной коммуны: по всей провинциальной Франции, бесцветной или неопределенного цвета, навязанная или привезенная администрация накладывает свое красное клеймо.

Но клеймо это лишь поверхностное, ибо санкюлоты, естественно, не склонны предоставлять должности никому, кроме людей своего сорта, а в провинциях, особенно в сельских районах, такие люди - редкость. В Маконе Жавог тщетно [стараются](#)³³⁷⁵ ; в клубе он находит только "замаскированных федералистов"; народ, говорит он, "не открывает глаза, и мне кажется, что эта слепота объясняется физическим строением страны, которая очень богата". Естественно, он штурмует и увольняет; но даже в революционном комитете ему не представляют на выбор ничего, кроме сомнительных кандидатов; он не знает, как управлять, чтобы обновить местные власти. "Они играют друг другу на руку", и он заканчивает тем, что угрожает перевести общественные учреждения города в другое место, если они будут упорно предлагать ему только плохих патриотов.- В [Страсбурге](#)³³⁷⁶ Кутюрье и Денцель, находясь в командировке, сообщают, что: "из-за беспримерной коалиции всех способных граждан, упорно отказывающихся занять пост мэра, чтобы таким образом засорить колеса и подвергнуть представителей неоднократным и непристойным отказам", он вынужден назначить молодого человека, не достигшего совершеннолетия и чужака в этом департаменте.- В Марселе, пишут [агенты](#)³³⁷⁷ , "несмотря на все усилия и наше горячее желание республиканизировать марсельцев, наши труды и усталость почти все бесплодны..... Общественный дух среди владельцев собственности, механиков и путешественников повсеместно вызывает отвращение..... Число недовольных, кажется, растет день ото дня. Все коммуны в Варе и большинство коммун в этом департаменте настроены против нас.... они представляют собой расу, которую нужно уничтожить, страну, которую нужно колонизировать заново.....

"Повторяю, единственный способ осуществить Революцию в федеративных департаментах, и особенно в этом, - это депортировать все коренное население, способное носить оружие, рассеять его по армиям и поставить на их местах гарнизоны, которые, опять-таки, придется время от времени менять."- На другом краю территории, в Эльзасе, "республиканские настроения еще в колыбели; фанатизм крайний и невероятный; дух жителей в целом ни в коем случае не революционный... Ничто, кроме революционной армии и почитаемой

гильотины, не излечит их от самодовольного аристократизма. Исполнение законов зависит от отрубания голов виновным, ибо почти все сельские муниципалитеты состоят только из богатых, из дьяков бывших судебных приставов, почти всегда преданных старинному режиму". [3378- И](#) в остальной части Франции население, менее непримиримое, не более якобинское; здесь, где народ кажется "смирненным и покорным", как в Лионе и Бордо, инспекторы сообщают, что это всецело объясняется [террором3379](#) ; там, где мнение кажется восторженным, как в Рошфоре и Гренобле, они сообщают, что это "искусственный жар" [3380](#) . В Рошфоре рвение поддерживается только "присутствием пяти или шести парижских якобинцев". В Гренобле Шепи, политический агент и президент клуба, пишет, что "он измучен, измотан и истощен, пытаюсь поддержать общественный дух и сохранить его на уровне событий", но он "сознает, что, если он уйдет, все рухнет". - В Бресте, в Лилле, в Дюнкерке нет никого, кроме умеренных; если тот или иной департамент, например, Северный, поспешил принять "монтаньяровскую" конституцию, то это только предлог: "бесконечно малая часть населения ответила за остальное". [3381 В](#) Бельфоре, где "только отцов семейств насчитывается от тысячи до двенадцатисот", пишет агент, [3382](#) "один народный клуб из тридцати-сорока членов, самое большое, поддерживает и укрепляет любовь к свободе". "В Аррасе "из трех или четырех сотен членов, составляющих народный клуб", отсеяв 1793 года пощадил только "шестьдесят три, десятая часть которых отсутствует" [3383](#). В Тулузе "из примерно четырнадцати сотен членов", составляющих клуб, после отсева 1793 года осталось только три или четыре [сотни3384](#) , "по большей части просто машины", "которыми десять или дюжина интриганов руководят по своему усмотрению". "Такое же положение вещей существует и в других местах: десяток или два решительно настроенных якобинцев - двадцать два в Труа, двадцать один в Гренобле, десять в Бордо, семь в Пуатье, столько же в Дижоне - составляют активный штаб большого [города3385](#) : все они могут сидеть за одним столом. Якобинцы, стремясь увеличить свою численность, лишь рассеивают свою группу; тщательно выбирая, они лишь ограничивают свое число. Они остаются теми, кем были всегда, - маленьким феодалом разбойников, наложенным на завоеванную Францию. [3386](#) Если ужас, который они распространяют вокруг, умножает их крепостных, то ужас, который они внушают, уменьшает их прозелитов, а их меньшинство остается незначительным, потому что для их пособников они могут иметь только таких же, как они сами.

VI. Качество сформированного таким образом персонала.

Качество сформированного таким образом персонала. -Социальное положение агентов.

-Их непригодность и плохое поведение. -Администраторы в

Сена-и-Марна. -Пьянство и пиршества. -Комитеты и

Муниципалитеты в Кот-д'Ор. -Расточительство и поборы.

-Торговцы благодеяниями в Бордо. -Разрушители печатей в Лионе.

-Монополизаторы национального имущества.

-Приобретения и мошенничество. -Процесс в

-Процесс в канцелярии мэра Страсбурга. -Продажи недвижимости.

-Комиссионеры по декларациям в Тулузе.

административный персонал и клубы покупателей в Провансе.

Революционный комитет Нанта.

Но когда мы внимательно рассмотрим последний и последний набор чиновников революционного правительства, как в провинции, так и в Париже, мы не найдем среди них почти никого, кто был бы примечателен, кроме как пороком, нечестностью и проступками, или, по крайней мере, глупостью и грубостью. - Во-первых, как видно из их названия, все они должны быть, и почти все, *sans-culottes*, то есть людьми, живущими изо дня в день на свой дневной заработок, не имеющими никакого дохода с капитала, прикованными к подчиненным местам, к мелкой торговле, к ручному труду, живущими или живущими на самых низких ступенях социальной лестницы и поэтому требующими жалованья, чтобы они могли заниматься общественными делами; [3387](#) именно по этой причине декреты и приказы позволяют им получать жалованье в размере трех, пяти, шести, десяти и даже восемнадцати франков в день. - В Гренобле их представители входят в муниципальный орган и революционный комитет, вместе с двумя санитарными врачами, тремя перчаточниками, двумя фермерами, одним торговцем табаком, одним парфюмером, одним бакалейщиком, одним ремесленником, одним трактирщиком, одним столяром, одним сапожником, одним каменщиком, а официальный приказ, которым они установлены, назначает "Тейсьера, лизоблюда" национальным [агентом](#) [3388](#). - В [Труа](#) [3389](#), среди людей, наделенных властью, мы находим кондитера, ткача, подмастерье-ткача, шляпника, гувернера, плотника, танцмейстера и полицейского, а мэр, Гашез, бывший рядовым в полку Вексена, был, когда его назначили, школьным учителем в окрестностях. - В [Тулузе](#) [3390](#) президентом администрации становится человек по имени Террен, торговец паштетом; революционный комитет возглавляет Пио, подмастерье цирюльника; вдохновителем, "душой клуба", является консьерж, служащий в тюрьме. - Последнюю и самую значительную черту можно найти в Рошфоре, [3391](#) где президент народного клуба является палачом. - Если такие люди составляют избранный корпус чиновников в больших городах, то какими они должны быть в маленьких, в бургах и деревнях?" Повсюду это самые жалкие люди ["3392](#): извозчики, изготовители сабо (деревянных башмаков), мясники, камнерезы, торговцы кроличьими шкурками, поденщики, безработные ремесленники, многие без всякого занятия, или просто бродяги, уже участвовавшие в бунтах или жакериях, барские мухи, бросившие работу и предназначенные для общественной карьеры только по своим неправильным привычкам и неспособности к частной карьере. - Даже в больших городах, очевидно, дискреционная власть попала в руки почти сырых варваров; стоит только обратить внимание на старые документы, хранящиеся в архивах, на орфографию и стиль комитетов, уполномоченных выдавать или не выдавать гражданские билеты и составлять отчеты о мнениях и занятиях заключенных. "Его мнения кажутся бессодержательными (*Ces opignons paroisse insipide*) [3393](#).... Он женат и не имеет детей". (*Il est marie cent (sans) enfants*).... Ее профессия - жена Пайо-Монтабера, она живет на свои доходы, его отношения с женщиной, на которую мы не обращаем внимания; мы предполагаем, что ее мнения схожи с мнением ее мужа. ["3394](#) Почерк, к сожалению, не может быть представлен здесь, так как это почерк ребенка пяти лет. [3395](#)

"Столь же глупы, сколь и безнравственны ["3396](#), - говорит представитель Альберта о якобинцах, которых он застал на посту в Труа. Как бы ни было низко их состояние, их чувства и интеллект еще ниже, потому что по своим профессиям или занятиям они - отбросы, а не элита, и, особенно по этой причине, их выгнали после Термидора, некоторых, правда, как террористов, но большее число - как болванов, скандалистов или сумасшедших, просто злоумышленников или простых камердинеров. - В Реймсе президентом округа [является](#) [3397](#) "бывший судебный исполнитель, знакомый со шпионами режима Робеспьера, действующий в согласии с ними, но не являющийся их сообщником, не обладающий ни одним из необходимых качеств для управления". Другой администратор - тоже "бывший судебный исполнитель, без средств, в высшей степени небрежный и закоренелый пьяница". Наряду с

ними сидят "торговец лошадьми, без всяких средств, более подходящий для теневых сделок, чем для управления, к тому же пьяница, красильщик, лишенный рассудительности, открытый для всякого рода влияний, подталкиваемый фракцией якобинцев и использующий власть самым произвольным образом, скорее, возможно, по невежеству, чем по жестокости, сапожник, совершенно необразованный, знающий только, как подписать свое имя", и другие такого же характера. В "Трибунале" судья отмечен как

"верный в принципе, но которого бедность и недостаток средств довели до крайности, отступник в зависимости от обстоятельств, чтобы получить место, связанный с лидерами, чтобы сохранить место, и все же не лишенный чувствительности, который, возможно, действовал преступно только для того, чтобы сохранить жизнь себе и своей семье".

В муниципальном органе большинство составляют некомпетентные люди, некоторые из них - подмастерья-пряильщики или крутильщики ниток, другие - торговцы поддержанными вещами или лавочники, "неспособные", "без средств", с несколькими наркоманами в голове: Один, "его мозг сошел с ума, абсолютно бесполезен, анархист и якобинец"; другой, "очень опасный из-за недостатка рассудительности, якобинец, чрезмерно возбужденный"; третий, "орудие тирании, человек крови, способный на любой порок, принявший имя Муций Скуэвола, признанный развратник и не умеющий писать". Подобным образом в округе Об мы находим некоторых начальников, лихорадящих эпидемией, например, в Ногене, национального агента Делапорта, "у которого на устах всегда слова "гильотина" и "революционный трибунал" и который заявляет, что если бы он был правительством, то посадил бы в тюрьму доктора, хирурга и адвоката, который радуется, когда находит людей виновными, и говорит, что он никогда не бывает доволен, если не получает доносов весом в три фунта в день". Но, кроме этих безумцев, большинство администраторов и судей - люди, совершенно недостойные своих должностей, потому что они "неумелы", "слишком необразованны", "ни на что не годны", "слишком мало знакомы с административными формами", "слишком мало привыкли к судебным действиям", "лишены информации", "слишком заняты своими делами", "не умеют читать и писать", либо, поскольку "не обладают деликатностью", "жестоки", "агитаторы", "бездари", "не пользуются общественным уважением", более или менее бесчестны и презренны.³³⁹⁸ В качестве примера можно привести парня из Парижа, который сначала был в Труа учеником пекаря,³³⁹⁹ а затем танцмейстером; затем он появился в Клубе, делая успехи, несомненно, благодаря своей парижской болтовне, пока не занял первое место и вскоре стал членом округа. Назначенный офицером в шестой батальон Aube, он так вел себя в Вандее, что по его возвращении "братья по оружию" разорвали врученное ему знамя, "объявив его недостойным такой чести, поскольку он трусливо бежал перед врагом". Тем не менее, после короткого погружения он вернулся на поверхность и, благодаря своим гражданским товарищам, был восстановлен в своих административных функциях; во время Террора он был близок со всеми террористами, являясь одним из важных людей Труа. Мэр города, Гашез, старый солдат и бывший школьный учитель, из того же материала, что и этот ученик пекаря. Он тоже был венецианским героем, только не смог отличиться, как хотел, потому что, записавшись в армию, не попал в поход; прикарманив триста ливров, он обнаружил у себя немощи и, получив инвалидность, служил народу в гражданском качестве. "Его собственные сторонники признают, что он пьяница и совершал подлоги". Через несколько месяцев после Термидора его приговаривают к восьми годам тюремного заключения и отправляют на скамью подсудимых за это преступление. Таким образом, "почти вся коммуна против него; женщины на улицах насмеются над ним, а восемь секций собираются вместе, чтобы потребовать его отставки". Но представитель Бо сообщает, что он имеет полное право остаться, поскольку является

истинным якобинцем, восхитительным террористом и "единственным мэром без культа, которым может гордиться коммуна Труа" [33100](#).

Было бы слишком большой честью для людей этого типа полагать, что у них были убеждения или принципы; ими управляли вражда и особенно [аппетиты33101](#), для удовлетворения которых [они33102](#) максимально использовали свои должности.-В Труа "все запасы провизии и продовольствия были взяты для обеспечения стола двадцати четырех" [санкюлотов33103](#), которым Бо поручил вычистить народный клуб; до организации "этого возрождающегося ядра" революционный комитет, возглавляемый гражданским комиссаром Русселеном, занимался "обжорством" в таверне Пти-Лувр, "проводя ночи в попойках" и составляя списки [подозреваемых33104](#). В соседних провинциях Дижон, Боне, Семюр и Эгнейль-Дюк главы муниципалитета и клуба всегда встречаются в тавернах и барах. В Дижоне мы видим "десять или двенадцать Геркулесов патриотизма, проходящих по городу, каждый с чашей под мышкой" [33105](#) - это их питьевая чаша; каждый должен принести свою в трактир Монтаньяра; там они пьют обильно, часто, и между двумя бокалами вина "объявляют, кто вне закона". В Энье-ле-Дюк, маленьком городке с полудюжиной патриотов, "большинство из которых едва умеют писать, большинство из которых бедны, обременены семьями и живут без дела, никогда не покидают баров, где днем и ночью веселятся"; их глава, финансовый экс-прокурор, а ныне "консьерж, архивариус, секретарь и президент народного клуба", проводит муниципальный совет в таверне. "Если они выходят на улицу, то только для того, чтобы преследовать аристократок", а один из них заявляет, что "если бы половина Энье была убита, то другая половина была бы от этого только лучше" - ничто так не возбуждает свирепость, как выпивка. В Страсбурге шестьдесят усатых пропагандистов, проживающих в колледже, в котором они поселились, имеют повара, предоставленного им городом, и они пируют день и ночь "на отборных реквизированных продуктах", "на винах, предназначенных для защитников страны". [33106](#) Несомненно, что, выйдя после одной из таких оргий, они со шпагой в руке направляются в народный [клуб33107](#), голосуют и заставляют других голосовать за "смерть всех заключенных в семинарии в количестве семисот человек, любого возраста и обоих полов, без всякого предварительного суда". Чтобы стать хорошим головорезом, человек должен сначала [опьянеть33108](#); таков был курс, которого придерживались в Париже те, кто выполнял работу в сентябре: революционное правительство - это организованный, продолжительный и постоянный септембрисад, большинство его агентов вынуждены крепко [пить33109](#).-По тем же причинам, когда представляется возможность, а также соблазн украсть, они крадут.[3310](#) Сначала, в течение шести месяцев и вплоть до декрета о назначении им жалованья, революционные комитеты "сами получают свое жалованье" [33110](#); затем они добавляют к своему законному жалованью в три и пять франков в день все, что им заблагорассудится: ведь именно они устанавливают чрезвычайные налоги, и часто, как в Монбризоне, "не составляя никаких списков или записей о сборах". 16 февраля II года финансовый комитет сообщает, что "сбор и применение чрезвычайных налогов неизвестны правительству; что надзор за ними невозможен, поскольку Национальное казначейство не получило никаких сумм, вытекающих из этих налогов" [33111](#). Спустя два года, спустя четыре года, счета революционного налогообложения принудительных займов и притворных добровольных пожертвований по-прежнему представляют собой бездонную яму; из сорока миллиардов счетов, представленных в Национальное казначейство, только двадцать можно считать проверенными; остальные нерегулярны и бесполезны. Кроме того, во многих случаях не только ваучеры оказываются недействительными или не доходят до адресата, но и доказано, что собранные суммы полностью или частично исчезли. В Вильфранше из ста тридцати восьми тысяч франков, собранных коллектором округа, было депонировано только сорок две тысячи; в Божанси из более чем пятисот тысяч франков, собранных коллектором, было

депонировано только пятьдесят тысяч; в Ла-Реоле из не менее чем пятисот тысяч франков, собранных коллектором, было депонировано только двадцать две тысячи шестьсот пятьдесят. "Остальное, - говорит сборщик из Вильфранша, - было растрчено Комитетом по надзору". "Сборщики налогов, - пишет национальный агент в Орлеане, - после применения террора предались оргиям и теперь строят дворцы". [33112](#)- Что касается расходов, которые они требуют, то они почти всегда состоят из "компенсаций членам революционных комитетов, патриотам и для покрытия расходов на патриотические миссии", на содержание и ремонт помещений для собраний народных клубов, на военные экспедиции, и на помощь бедным, так что три или четыре сотни миллионов золотом или серебром, вымогаемых до конца 1793 года, сотни миллионов ассигнаций, вымогаемых в 1793 и 1794 годах, короче говоря, почти весь продукт чрезвычайного [налогообложения33113](#), был потреблен на месте и без остатка. Сидя за общественным пиршественным столом, они сначала угощались, и угощались обильно.

Второе богатство, столь же грандиозное. Обладая правом произвольно распоряжаться состояниями, свободами и жизнями, они могут торговать ими, и никакая торговля не может быть более выгодной, как для продавцов, так и для покупателей. Любой богатый или обеспеченный человек, иными словами, любой человек, которого могут обложить налогами, посадить в тюрьму или гильотинировать, с радостью соглашается "скомпенсировать", выкупить себя и тех, кто ему принадлежит. Если он благоразумен, он платит до налога, чтобы не быть обложенным сверх меры; он платит после налога, чтобы получить уменьшение или отсрочку; он платит, чтобы быть принятым в народный клуб. При приближении опасности он платит, чтобы получить или продлить свой сертификат гражданственности, чтобы не быть объявленным "подозреваемым", чтобы не быть осужденным как заговорщик. После доноса он платит за то, чтобы его посадили домой, а не в тюрьму, чтобы его посадили в тюрьму, а не в общую тюрьму, чтобы с ним хорошо обращались, если он туда попадет, чтобы у него было время собрать доказательства, чтобы его дело (досье) было помещено и хранилось в самом низу папки среди реестров секретаря, чтобы его не записали в следующую партию дел в революционном трибунале. Нет ни одной из этих услуг, которая не была бы ценной; поэтому выкупы предлагаются без числа, а [негодьям33114](#), которые кишат в революционных комитетах, нужно только раскрыть руки, чтобы набить карманы. Они почти ничем не рискуют, потому что их сдерживает только их собственный вид, а то и вовсе не сдерживает. В любом крупном городе достаточно двух человек, чтобы в течение двадцати четырех часов выдать ордер на арест и направить его в Комитет, будучи уверенными, что их коллеги любезно ответят им взаимностью. [33115](#) Более того, умные люди знают, как обезопасить себя заранее. Например, в Бордо, где был создан один из таких подпольных рынков, мсье Жан Давилье, один из партнеров крупного торгового дома, находится под арестом в собственном доме под охраной четырех санкюлотов; 8 брюмера его отводят в сторону и говорят, "что ему грозит опасность, если он не явится и не выполнит необходимые требования Революции в ее тайных расходах". Один из важных деятелей, Лемуаль, член революционного комитета и управляющий округом, говорил об этих требованиях и считал, что М. Давилье должен внести сумму в сто пятьдесят тысяч ливров. После этого раздается стук в дверь; входит Лемуаль, все присутствующие выбегают из комнаты, и Лемуаль произносит только эти слова: "Вы согласны?" - "Но я не могу так распорядиться имуществом моих партнеров" - "Тогда вы попадете в тюрьму". На эту угрозу бедняга уступает и отдает Лемуалю свой вексель на двадцать дней, на предъявителя, на сто пятьдесят тысяч ливров, а по истечении двух недель, настаивая на своих требованиях, получает свободу. После этого Лемуаль обдумывает ситуацию и считает разумным прикрыть свое частное вымогательство государственным. Поэтому он посылает за мсье Давилье: "Теперь необходимо, чтобы вы открыто выделили еще сто пятьдесят тысяч ливров на нужды Республики. Я познакомлю вас с

представителями, которым вы должны сделать это предложение". Если бы цыпленка ощипали официально, никто бы не подумал, что его сначала ощипали частным образом, и, кроме того, любознательные, если таковые найдутся, были бы сбиты со следа путаницей, возникшей из-за двух одинаковых сумм. Месье Давилье просит разрешения проконсультироваться со своими партнерами, но, поскольку они не в тюрьме, они отказываются. Лемуаль, со своей стороны, жаждет получить деньги за свой вексель, а бедный Давилье, "пораженный ужасом ночных арестов" и видя, что Лемуаль всегда находится на вершине лестницы, решает заплатить; сначала он дает ему тридцать тысяч ливров, а затем - плату, в общей сложности сорок одну тысячу ливров, когда, будучи на исходе своих сил, он просит и умоляет вернуть ему его вексель. На это Лемуаль, считая курицу полностью обделенной, успокаивается и в присутствии своего должника срывает "полную подпись на векселе", а вместе с ней и свои расписки о частичной оплате по нему. Но сам вексель он бережно хранит, ибо, изуродованный таким образом, он покажет в случае необходимости, что он ничего не получил и что из патриотизма он, несомненно, хотел заставить купца внести деньги, но, признав его несостоятельным, гуманно отменил письменное обязательство.[33116](#) **Таковы** меры предосторожности, принимаемые в этом деле. Другие, менее проникательные, грабят более открыто, среди них мэр, семь членов военной комиссии, прозванной "семью смертными грехами", и особенно их председатель Лакомб, который, обещая освобождение, вытягивает из восьми или девяти пленников триста пятьдесят девять тысяч шестьсот [ливров33117](#). "Благодаря таким схемам, - пишет жесткий [якобинец33118](#), - многие из тех, кто был объявлен вне закона, вернулись в Бордо, заплатив; из числа тех, кто таким образом выкупил свою жизнь, некоторые не заслуживали ее потери, но, тем не менее, им угрожали казнью, если они не согласятся на все. Но материальные доказательства этого трудно получить. Теперь эти люди молчат, боясь через открытое разоблачение разделить наказание торговцев справедливостью и не желая подвергать (заново) опасности сохраненную ими жизнь". Короче говоря, ощипанный голубь немой, чтобы не привлекать внимания, а также чтобы избежать ножа; и тем более, что те, кто его ощипывает, держат нож и могут, если он закричит, отправить его с большей быстротой. Даже если он не поднимает шума, его иногда отправляют так, чтобы заранее заглушить возможный крик, что и произошло с герцогом дю Шатле и другими. Есть только один способ [самосохранения33119](#) - "рассчитываться с такими хозяевами в рассрочку, платить им ежемесячно, как мокрым сиделкам, в масштабах, пропорциональных активности гильотины". В любом случае пиратам не мешают, ибо торговля жизнями и свободами не оставляет следов и безнаказанно продолжается два года, от одного конца Франции до другого, согласно молчаливому соглашению между продавцами и покупателями.

Есть и третья выгода, не менее крупная, но совершаемая под более открытым солнцем и потому еще более заманчивая. - Когда "подозреваемый заключен в тюрьму, все, что он приносит с собой, все, что он оставляет дома, становится награбленным; ибо при неполноте, спешке и нерегулярности [бумаг33120](#), при отсутствии наблюдения и известного попустительства, большие и малые стервятники могли свободно использовать свои клювы и когти. - В Тулузе, как и в Париже и других местах, комиссары забирают у заключенных все ценные вещи и, соответственно, во многих случаях все золото, серебро, ассигнаты и драгоценности, которые, конфискованные для казны, на полпути оказываются в руках тех, кто производит [конфискацию33121](#). В Пуатье семь негодяев, составляющих правящую олигархию, признаются после Термидора, что они украли вещи арестованных.[33122](#) В Оранже "горожанка Риот", жена прокурора, и "горожанки Фернекс и Раго", жены двух судей, лично приходят в регистрационную палату, чтобы сделать выборку из трофеев обвиняемых, взяв для своего гардероба серебряные пряжки для обуви, кружева и тонкое белье.[33123](#) - Но все, что обвиняемые, заключенные и беглецы могут взять с собой, составляет лишь малую

толику по сравнению с тем, что они оставляют дома, то есть под секвестром. В таком положении находятся все религиозные или сеньориальные замки и особняки Франции вместе с их мебелью, а также большинство прекрасных буржуазных особняков, вместе с большим количеством мелких резиденций, хорошо обставленных и снабженных за счет провинциальной экономии; кроме того, почти все склады и магазины, принадлежащие крупным фабрикантам и ведущим торговым домам; все это составляет колоссальную, невиданную прежде добычу, состоящую из предметов, которыми нравится владеть, собранных в огромные партии, которые сотнями тысяч распределены по территории в двадцать шесть тысяч квадратных миль. У этой собственности нет владельцев, кроме нации, неопределенной, невидимой личности; между добычей и расхитителями нет никакой преграды, кроме множества печатей, то есть множества полосок бумаги, скрепленных двумя плохо наложенными и нечеткими печатями. Не забывайте также, что хранителями трофеев являются санкюлоты, завоевавшие их; что они бедны; что такое изобилие полезных или драгоценных предметов заставляет их еще больше ощущать скудость своих жилищ; что их жены хотели бы обзавестись мебелью; кроме того, разве не говорилось им с самого начала Революции, что "сорок тысяч особняков, дворцов и замков, две трети имущества Франции, будут наградой за их доблесть?"[33124](#) В этот самый момент разве представитель миссии не разрешает их жадность? Разве Альбит и Колло д'Эрбуа в Лионе, Фуше в Невере, Жавог в Монбризоне не провозглашают, что владения антиреволюционеров и избыток богатств составляют "достояние санкюлотов"?[33125](#) Разве они не читают в прокламациях [Монестье33126](#), что крестьяне "перед уходом из дома могут осмотреть и измерить огромные владения своих сеньоров, выбрать, например, по возвращении, что они хотят добавить к своему хозяйству... ..присовокупив к этому кусочек поля или кроличьего уголья, принадлежавшего бывшему графу или маркизу?". Почему бы не взять часть его мебели, какую-нибудь кровать или вешалку для одежды... Неудивительно, что после этого грубые и жадные руки срывают бумажку, защищающую конфискованную мебель и конфискованные товары! Когда после Термидора хозяин возвращается под свой кров, он, как правило, попадает в пустой дом; в том или ином жилище в [Морване33127](#) вынос мебели настолько полный, что перевернутое мусорное ведро служит столом и стульями, когда семья садится за свой первый ужин.

В городах растраты зачастую совершаются более нагло, чем в деревне. В Валансьене якобинские вожди муниципалитета известны под именем "взломщиков печатей и патриотических грабителей"[33128](#). В Лионе маратисты, называющие себя "друзьями Шалье", по собственному признанию якобинцев, являются "разбойниками, ворами и негодяями".[33129](#) Они составляют, в количестве трех или четырехсот человек, тридцать два революционных комитета; сто пятьдесят лидеров, "все они администраторы", образуют народный клуб; в этом городе с населением в сто двадцать тысяч душ их насчитывается, как они сами заявляют, три тысячи, и они твердо рассчитывают "разделить между собой богатство Лиона". Этот огромный пирог принадлежит им; они не допускают, чтобы чужаки, парижане, имели хоть [кусочек33130](#), и намерены съесть его весь, по своему усмотрению, без контроля, до последней крошки. Что касается их методов работы, то они заключаются в том, чтобы "продавать правосудие, торговать доносами, держать под секвестром не менее четырех тысяч семей", повсеместно накладывать печати на дома и склады, не вызывать заинтересованных лиц, которые могли бы следить за их действиями, изгонять женщин, детей и слуг, которые могли бы свидетельствовать об их грабежах, не составлять описей, назначать себе "опекунов за пять франков в день", себя или своих благодетельных компаньонов, и "вообще расточать, в союзе с управляющими". Задержать их или подавить невозможно даже представителям. Возьмите их в [руки33131](#), и вы должны закрыть глаза, иначе они все будут

кричать о притеснении патриотов; они делают это систематически, чтобы никого не преследовать.

Мы приняли постановление, запрещающее каким бы то ни было властям снимать печати без нашего согласия, и, несмотря на запрет, они ворвались на склад, находящийся под секвестром,.... взломали замки и разграбили, у нас на глазах, тот самый дом, который мы занимаем. И кто же эти разрушители? Два комиссара Комитета, которые опустошили склад без нашего ордера и даже не имея на то полномочий от Комитета". "Это разграбление в надлежащей форме, день за днем; оно началось 10 октября 1793 года, продолжалось после, без перерыва, и мы только что видели, что 28 флореаля II года, то есть 26 апреля 1794 года, после ста двадцати трех дней, оно все еще продолжается.

Последняя безумная схватка, самая масштабная из всех. Несмотря на ухищрения своих агентов, Республика, наворовав огромное количество, и хотя грабила в свою очередь, все же смогла удержать многое; во-первых, предметы мебели, которые было нелегко изъять, большие партии товаров, а также огромные остатки дворцов, замков и церквей; затем, и прежде всего, недвижимое имущество, приспособления и здания. Чтобы покрыть свои расходы, он выставял все это на продажу, и кто бы ни захотел что-либо приобрести, он должен был только заявить о себе как о покупателе, и последний участник торгов становился законным владельцем, причем по дешевой цене. Древесина, срубленная за один год, очень часто окупает целый лес.³³¹³² Иногда за замок можно заплатить продажей железных перекрытий парка или свинца на крыше.³³¹³² Здесь можно заключить множество выгодных сделок, особенно с предметами искусства. "Одни только названия предметов, унесенных, уничтоженных или поврежденных, могли бы заполнить тома".³³¹³³ С одной стороны, уполномоченные по инвентаризации и судебным решениям, "вынужденные получать копейки с доходов от продаж", выбрасывают на рынок все, что могут, "избегая резервировать" предметы общественной пользы и отправляя коллекции и библиотеки на аукцион с целью получить свой процент. С другой стороны, почти все эти комиссионеры - маклеры или торговцы подержанными вещами, которые только и знают, что о стоимости раритетов, и открыто обесценивают их, чтобы купить самим, "и таким образом обеспечить себе непомерную прибыль". В некоторых случаях официальные хранители и скупщики, находящиеся начеку, принимают меры предосторожности и уродуют "драгоценные изделия", чтобы их купили их заместители и сообщники: "например, они превращают комплекты книг в странные тома, разбирают машины на части; труба и предметное стекло телескопа распадаются на части, которые мошенники, купившие их по дешевке, умеют собрать снова". Часто, несмотря на пломбы, они берут заранее антиквариат, драгоценности, медали, эмали и гравированные камни"; нет ничего проще, ибо "даже в Париже в Термидор II года агенты муниципалитета используют все, из чего можно сделать печать, пуговицы и даже крупные гроши, чтобы тот, у кого есть су, мог снимать и переделывать печати по своему усмотрению"; добившись успеха, "они маскируют свои кражи, заменяя настоящие камни ограненными камешками и подделками". Наконец, на аукционных торгах, "опасаясь честности или конкуренции сообразительных судей, они предлагают деньги (им), чтобы те держались подальше от торгов; приводится один случай, когда они сбили с ног потенциального участника торгов". Тем временем в клубе они кричат изо всех сил; это, под защитой члена муниципалитета или Революционного комитета, укрывает их от всех подозрений. Что касается защитника, то он получает свою долю, не выходя на свет. Обвините, если осмелитесь, республиканского чиновника, который тайно или даже открыто наживается на этих хищениях; он покажет чистые руки... Таков неподкупный патриот,

единственный представитель своего рода, которого представители обнаруживают в Страсбурге и сразу же назначают мэром. 10 числа Вандемьера III [года33134](#) "в его апартаментах" обнаруживается великолепный и полный набор церковных предметов: "сорок девять копен и чаш, шелковых или атласных, покрытых золотом или серебром; пятьдесят четыре паллы того же рода"; множество "ковчегов, ваз и ложек, кадилниц, кружев, серебряной и золотой бахромы, тридцать два куса шелка" и т. д. Ни одна из этих прекрасных вещей не принадлежит ему; они - собственность гражданина Муэ, его отца. Этот предусмотрительный родитель, поверив ему на слово, "передал их на хранение в дом своего сына в июне 1792 года (по старому стилю)" - разве мог хороший сын отказать своему отцу в столь незначительной услуге? Совершенно точно, что в 93-м и 94-м годах, во время муниципальной диктатуры молодого человека, старший не платил страсбургским маклерам-евреям слишком много, и что они вели дела без лишних слов. По какому праву сын и магистрат может помешать своему отцу, свободному человеку, заботиться о "своих делах" и покупать товары в соответствии с принципами торговли, так дешево, как он мог?

Если такова прибыль от продажи личного имущества, то какова же она должна быть при продаже недвижимости? Именно на этой торговле основаны состояния ловких террористов. Она объясняет "колоссальное богатство, которым мирно наслаждались" после Термидора известные "воры", которые до Термидора были столькими "маленькими Робеспьерами", каждый в своем кантоне, "патриоты", которые в Орлеане "строили дворцы", которые, "исключительные" в Валансьене, "растратив государственные и частные средства, завладели домами и имуществом эмигрантов, снесенными им по цене в сто раз ниже их стоимости". [33135](#) С этой стороны их протянутые пальцы бесстыдно хватают все, что только могут ухватить; ведь обязанность каждого арестованного объявлять свое имя, качество и состояние, как это было сейчас и было до революции, дает местному скупердьяйству известный, верный, прямой и осязаемый объект. - В Тулузе, говорит один [заклученный33136](#), "подробности и стоимость объекта записывались как бы для наследства", а комиссары, составлявшие ведомость, "наши убийцы, приступали, заранее и почти на наших глазах, к своей доле, споря друг с другом о выборе и пригодности каждого объекта, сравнивая стоимость судебного разбирательства со средствами его уменьшения, обсуждая определенные прибыли от повторной продажи и от передачи, и заранее поглощая барыши, возникающие от продажи и аренды." - В Провансе, где ситуация более развита и коррупция сильнее, чем в других местах, где смысл и цели Революции были поняты с самого начала, все еще хуже. Нигде якобинские правители не демонстрировали свой настоящий характер так открыто, и нигде, с 1789 по 1799 год, этот характер не поддерживался так хорошо. В Тулоне демагоги в V году, как и во II., [это33137](#) "бывшие рабочие и служащие Арсенала, ставшие "боссами" благодаря доносам и терроризму, получавшие имущество даром или по ничтожной цене и замышлявшие распродажи национальных владений, мелкие торговцы со всех концов с запасами товаров, приобретенных всевозможными способами, грабежами, скупкой краденого у служащих и работников гражданского, военного и военно-морского ведомств, а также по брошенным или перекупленным искам; Одним словом, люди, которые, сбежав из других коммун, проводят дни в кофейнях, а ночи - в домах дурной славы." - В Драгиньяне, Бриньоле, Видаобане, Фрежюсе, в Марселе после Термидора периодические возвращения к терроризму всегда восстанавливают в должности одни и те же карьеры судебной власти и [полиции33138](#). "Ремесленники, когда-то полезные, но теперь уставшие от работы, которых профессия платных клубов, праздных опекунов" и платных рабочих "полностью деморализовала", негодяи, состоящие в сговоре друг с другом и делающие деньги из всего, что попадется им под руку, как воры на ярмарке, привычно живя за счет общества, "одаривая благосклонностью нации тех, кто разделяет их принципы, укрывая и помогая многим, кто находится под запретом закона и называет себя образцовыми

патриотами33139, то есть на содержании игорных притонов и домов проституции". - В сельских районах старые банды, "состоящие из полчищ бездомных разбойников", которые так хорошо работали во время анархии Учредительного и Законодательного собраний, заново формируются во время анархии Директории; Они появляются в окрестностях Апта, "начиная с мелких грабежей, а затем, опираясь на безнаказанность и титул санкюлотов, врываются в фермерские дома, грабят и убивают их обитателей, раздевают путешественников, отдают на выкуп всех, кто случайно попадает им на пути, вскрывают и грабят дома в коммуне Горж, останавливают женщин на улицах, срывают с них кольца и кресты" и нападают на госпиталь, разграбляя его сверху донизу, а городские и военные офицеры, как и они, позволяют им продолжать.33140-Судите по этому об их выступлениях во времена Робеспьера, когда торговцы и администраторы национальных владений осуществляли неоспоримый контроль. Повсюду в то время, в департаментах Вар, Буш-дю-Рон и Воклюз, "клуб потенциальных патриотов" уже давно подготовил почву для своих поборов. Он "платил оценщикам за обесценивание всего, что выставлялось на продажу, и вымышленные имена для сокрытия настоящих покупателей"; "человек, не принадлежащий к их клике, не допускался в аукционный зал; если он упорствовал в приходе, они в одно время взимали с него контрибуцию за привилегию участвовать в торгах, а в другое время заставляли его обещать не делать ставки выше цены, установленной лигой, а за приобретение домена платили ему премию". Таким образом, "национальная собственность" была отдана "почти даром", причем мошенники, которые ее приобрели, никогда не были лишены удовлетворительных оснований для этого в своих собственных глазах. В чьи же руки могло попасть имущество антиреволюционеров, как не в руки патриотов? По словам Марата, апостола-мученика и канонизированного святого Революции, в чем цель Революции, как не в том, чтобы дать ничтожным состояние великих?33141 Во всех национальных распродажах, во всех секвестрах, во всех революционных выкупах, налогах, займах и конфискациях преобладает один и тот же прекрасный аргумент; нигде, ни в печатных документах, ни в рукописях, я не нахожу ни одного революционного комитета, который был бы одновременно и террористическим, и честным. Только редко можно найти конкретные и индивидуальные детали, касающиеся всех членов одного и того же комитета... Вот, однако, один случай, когда, благодаря счастливой случайности подробного осмотра, можно наблюдать в одном гнезде, во всем разнообразии видов и appetitов, дюжину или пятнадцать типов якобинского шершня, каждый из которых берет то, что ему подходит, от всего, что ему попадает на глаза, каждый предается своему любимому виду грабежа. -В Нанте "Пинар, великий поставщик Комитета33142, приказывает приносить в его дом все, что нужно каждому члену для ежедневного пользования"; "Галлу берет масло и бренди, особенно "несколько бочек из дома гражданина Биссонно"; "Дюрасье наносит визиты в дома и требует взносы"; среди прочих "он заставляет гражданина Лемуана заплатить двадцать пятьсот ливров, чтобы спасти его от тюремного заключения". "Науд накладывает и снимает печати в домах заключенных, совершает ночные визиты в жилища обвиняемых и забирает то, что ему подходит"; "Гранмезон присваивает тарелки, находящиеся под секвестром, а Башелье - тарелки, полученные в подарок"; "Жоли руководит казнями и забирает все, что может найти, тарелки, украшения, драгоценные предметы"; "Болонье заставляет вернуть уже выплаченный ему залог в двадцать тысяч ливров". "Перрошо требует от горожанки Оллемар-Дюдан "пятьдесят тысяч ливров, чтобы предотвратить ее заключение в тюрьму", и конфискует в свою пользу табак на шестьдесят тысяч ливров в доме вдовы Дайно Малле, которую, требуя его обратно, он ведет в тюрьму под предлогом заступничества за нее. -Шо распугивает терроризмом своих конкурентов на аукционных торгах, выбивает для себя все мелкие фермы в домене Баруасьер, а по поводу подходящего ему места восклицает: "Я знаю, как его получить! Я прикажу арестовать владельца. Он будет очень рад отдать мне свою

землю, чтобы избежать тюрьмы". - Коллекция полная, и собранная на столе, она предлагает образцы, которые можно найти по всей Франции.

VII. Вооруженные силы.

Вооруженные силы, Национальная гвардия и жандармерия.

-Его очищение и состав. -Революционные армии в Париже и департаментах.

Революционные армии в Париже и департаментах.

-Об их трудоустройстве.-Об их походах в сельскую местность и города.- Их подвиги в окрестностях Парижа и

Лиона.-Компания маратистов, американские гусары и

Немецкий легион в Нанте.-Общий характер

Общий характер революционного правительства и административного персонала

Общий характер революционного правительства и административного персонала царствования террора.

Остаются последние манипуляторы системы, руки, которые захватывают, вооруженная сила, которая телесно овладевает людьми и вещами.- Первыми, кто используется для этой цели, являются Национальная гвардия и обычная жандармерия. С 1790 года эти органы, конечно, постоянно вычищаются, пока не остаются только фанатики и [роботы33143](#) ; тем не менее, вычищение продолжается по мере развития системы. В [Страсбурге33144](#) 14 брюмера представители уволили, арестовали и отправили в Дижон весь личный состав Национальной гвардии, чтобы он служил заложником до заключения мира; через три дня после этого, учитывая, что кавалерия города была запряжена и снаряжена за свой счет, они считают ее аристократической, буржуазной и "подозрительной", конфискуют лошадей и сажают офицеров под арест.-В Труа Русселен, "национальный гражданский комиссар", по той же причине и с не меньшей оперативностью увольняет одним махом всех жандармов, кроме четырех, и "реквизирует их лошадей, полностью экипированных, а также их оружие, чтобы сразу же посадить на них хорошо известных и проверенных санкюлотов". В принципе, право на ношение оружия имеют только бедные санкюлоты, истинные по духу и одежде, а если на службе находится буржуа, то у него должна быть только пика, которую у него должны отобрать, как только он закончит [обход33145](#).

Но наряду с обычными вооруженными силами существует еще одна, гораздо лучше подобранная и более эффективная, - резервная жандармерия, специальная и в то же время подвижная и постоянная структура, то есть "революционная армия", которую после 5 сентября 1793 года правительство создало в Париже и в большинстве крупных городов.Парижская армия, состоящая из шести тысяч человек с двенадцатью сотнями канониров, посылает отряды в провинции - две тысячи человек в Лион и двести в [Труа33146](#) ; Исабо и Тальен имеют в Бордо корпус из трех тысяч человек; Салисетти, Альбит и Гаспарин - один из двух тысяч человек в Марселе; Исоре и Дюкенуа - один из тысячи человек в Лилле; Жавог - один из двенадцати сотен в Монбризоне. Другие, менее многочисленные, от

шестисот до двухсот человек, удерживают Мулен, Гренобль, Безансон, Бельфор, Бур, Дижон, Страсбург, Тулузу, Ауш и [Нант33147](#). Когда 27 марта 1794 года Комитет общественной безопасности под угрозой Эбера распускает их за то, что они эбертисты, в любом из них остается по крайней мере ядро, под разными формами и названиями, либо содержащееся местной администрацией под названием "платная гвардия" [33148](#), либо как распущенные солдаты, слоняющиеся без дела и получающие за свои подвиги звания в Национальной гвардии своего города; Таким образом, они поддерживают себя на службе, что необходимо, ибо именно благодаря им устанавливается и сохраняется режим. "Революционная армия, [33149](#) - говорится в изданных приказах и декретах, - предназначена для подавления антиреволюционеров, для исполнения, когда это окажется необходимым, революционных законов и мер по обеспечению общественной безопасности", то есть "для охраны тех, кто сидит в тюрьме, ареста "подозреваемых", разрушать замки, сносить колокольни, обворовывать ризницы в поисках золотых и серебряных вещей, захватывать прекрасных лошадей и кареты", и особенно "искать частные магазины и монополии", короче говоря, применять ручное принуждение и поражать каждого на месте физическим террором. -Мы легко видим, из каких солдат состоит революционная армия.

Естественно, поскольку она набирается добровольно, а все кандидаты проходят очистительную проверку клубов, в ней нет никого, кроме ультра-якобинцев. Естественно, что зарплата составляет сорок су в день, и в нее входят только представители самого низшего класса. Естественно, что, поскольку работа эта столь же отвратительна, сколь и жестока, в нее входят не кто [иные33150](#), как те, кто остался без работы и вынужден идти в армию, чтобы заработать на жизнь, "парикмахеры без клиентов, лакеи без мест, бродяги, жалкие люди, не способные заработать на жизнь честным трудом", "толстые и крепкие бойцы", которые приобрели привычку издеваться, сбивать с ног и держать под пикой честных людей, шайка закоренелых негодяев, делающих общественный разбой прикрытием для частного разбоя, обитатели трущоб, с удовольствием опускающие в грязь своих бывших начальников, а сами первенствующие и щеголяющие, чтобы доказать своим высокомерием и самовозвеличиванием, что они, в свою очередь, принцы. - "Возьмите лошадь, за нее платит нация!" [33151](#) - говорили бордосские санкюлоты своим товарищам на улице, которые "великолепной процессией" из трех карет, запряженных шестью лошадьми, в сопровождении конного корпуса, сзади, спереди и с каждой стороны, вели Риуффа и еще двух "подозреваемых" в тюрьму Реоль. Командир отряда, охраняющего заключенных по дороге в Париж и "морящего их голодом по дороге, чтобы спекулировать на них", - бывший повар из Агена, ставший жандармом; он заставляет их проехать лишних сорок лье, "чтобы прославить себя" и "дать понять всему Агену, что у него есть государственные деньги, которые он может тратить, и что он может сажать граждан в кандалы". Соответственно, в Агене "он постоянно и без нужды осматривает автомобиль", подмигивая зрителям, "более торжествуя, чем если бы он сделал дюжину австрийцев пленными и сам их привез". Наконец, чтобы показать толпе на улице важность своей поимки, он вызывает двух кузнецов, чтобы те вышли и приклепали к ногам каждого пленника по пушечному ядру весом в восемьдесят фунтов. [33152](#) Чем больше эти прихвостни демонстрируют свою жестокость, тем более великими они себя считают. В Бельфоре умирает патриот клуба, и происходит гражданское погребение; к процессии присоединяется отряд революционной армии; люди вооружены топорами; по прибытии на кладбище, чтобы лучше отпраздновать похороны, "они рубят все кресты (над могилами) и разводят костер, а карманьола завершает этот памятный день". [33153](#) - Иногда сцена, театральная и разыгрываемая при свете пламени, заставляет актеров думать, что они совершили необыкновенный и достойный поступок, "что они спасли страну". "Сегодня ночью, - пишет агент в [Бордо33154](#), - около трех тысяч человек были заняты важным делом, во главе которого стояли члены Революционного комитета и

муниципалитета. Они посетили все оптовые магазины в городе и на Фобур-де-Шартрон, завладели книгами писем, опечатали столы, арестовали торговцев и поместили их в тюрьму Семиньер..... Горе виновным!" Если быстрое заключение в тюрьму целого класса лиц - прекрасная вещь для города, то захват целого города еще более впечатляющ. Выйдя из Марселя с небольшим войском, [33155](#) под командованием двух санжюлотов, они окружают Мартинье и входят в него, как на мельницу. Улов превосходный; в этом городе с населением в пять тысяч душ всего семнадцать патриотов; остальные - федералисты или умеренные. Отсюда всеобщее разоружение и походы по домам. Завоеватели уходят, увозя с собой всех трудоспособных мальчиков, "пятьсот парней, подлежащих призыву, и оставляя в городе роту санжюлотов для принуждения к повиновению". Можно не сомневаться, что повиновение будет обеспечено, а гарнизон, присоединившись к семнадцати патриотам, поступит со своим завоеванием так, как пожелает.

В сущности, в их распоряжении все - и люди, и товары, и поэтому они начинают с окрестностей, входят в частные дома, чтобы добраться до их запасов, а также в крестьянские дома, чтобы обмолотить зерно, чтобы проверить заявления их владельцев и убедиться, что они верны: если зерно не обмолочено сразу, это будет сделано без промедления и конфисковано, а владелец будет приговорен к двенадцати месяцам кандалов; если заявление не верно, он будет осужден как монополист и наказан смертью. Вооруженные этим [приказом33156](#), все отряды выходят на поле и собирают не только зерно, но и всевозможные припасы. "В Гренобле, - пишет агент, [33157](#) - дела идут великолепно; только в одной маленькой коммуне было найдено четыреста мер пшеницы, двенадцать сотен яиц и шестьсот фунтов масла. Все это было быстро найдено по дороге в Гренобль". В окрестностях Парижа предтечи толпы, снабженные "вилами и штыками, бросаются на фермы, выводят волов из стойл, хватают овец и кур, сжигают амбары и продают добычу спекулянтам". [33158](#) "Бекон, яйца, масло и куры - крестьяне сдают все, что от них требуют, и отныне у них нет ничего, что они могли бы взять на рынок. Они проклинают Республику, принесшую им войну и голод, и тем не менее делают то, что им говорят: когда к ним обращаются: "Гражданин крестьянин, я требую от вас под угрозой вашей головы"... отказаться невозможно". [33159](#) **Соответственно**, они только рады, что их так дешево отпустили. 19 брюмера, около семи часов вечера, в Тижери, близ Корбейля, двадцать пять человек "с саблями и пистолетами на поясах, большинство из них в форме Национальной гвардии и называющие себя революционной армией", входят в дом Гиббона, старого пахаря семидесяти одного года, а пятьдесят других охраняют все выходы из него, чтобы не помешать экспедиции. Турло, капитан и помощник генерала Анрио, спрашивает, где хозяин дома. "В своей постели", - отвечают ему. "Разбудите его". Старик поднимается. "Подайте оружие". Его жена отдает ему фаулинг, единственное оружие в доме. Банда тут же набрасывается на беднягу, "бьет его, связывает ему руки и надевает мешок на голову", то же самое делают с его женой и восемью слугами мужского пола и двумя женского. "Теперь дайте нам ключи от ваших шкафов"; они хотят убедиться, что там нет флер-де-ли или других запрещенных предметов. Они обыскивают карманы старика, забирают ключи и, чтобы покончить с делами, взламывают сундуки и забирают или уносят все тарелки, "двадцать шесть столовых тарелок, три супницы, три кубка, две табакерки, сорок прилавков, двое часов, еще одни золотые часы и золотой крест". "Все это мы составим на досуге в Мо. А теперь, где ваше серебро? Если вы не скажете, где оно, гильотина будет снаружи, и я стану вашим палачом". Старик уступает и лишь просит развязать его. Но лучше держать его связанным, "чтобы он "пел"". Его несут на кухню и "опускают его ноги в раскаленный мангал". Он кричит от боли и указывает на другой сундук, который они вскрывают и уносят то, что там находят: "семьдесят два франка монетой и пять-шесть тысяч ливров ассигнациями, которые Гиббон только что получил в качестве вознаграждения за предъявленные ему требования на кукурузу". Затем они открывают двери

погребя, пускают бочку с уксусом, несут наверх вино, съедают семейную трапезу, напиваются и, наконец, уходят, оставив Гиббона с обожженными ногами и в гарроте, как и остальных одиннадцать членов его семьи, совершенно уверенные, что преследования не будет.³³¹⁶⁰ В городах, особенно в федералистских районах, однако, эти грабежи сопровождаются другими нападениями. В Лионе, в то время как регулярные войска размещены в казармах, революционная армия расквартирована у домовладельцев, две тысячи мерзких, кровожадных чернорабочих из Парижа, которых сам генерал Ронсен называет "негодьями и разбойниками", утверждая в оправдание, что "честных людей для такого дела не найти". Как они обращаются со своим хозяином, его женой и дочерью, можно себе представить; современники скользят по этим событиям и, по причине приличия или отвращения, избегают рассказывать подробности³³¹⁶¹. Одни просто применяют грубую силу; другие избавляются от беспокойного мужа с помощью гильотины; в самых исключительных случаях они приводят с собой своих жен, а экономке приходится просыпаться в час ночи и зажигать огонь для офицера, пришедшего с веселой компанией.³³¹⁶¹ Но есть и другие, еще хуже, ибо худшие притягивают друг друга. Мы видели революционный комитет в Нанте, а также представителя миссии в том же городе; нигде революционный субботник не бушевал так яростно, и нигде не было такой торговли человеческими жизнями. С такими лидерами группы, как Каррьер и его инструменты в Комитете, можно быть уверенным, что инструменталисты будут достойными.

Соответственно, несколько членов Комитета сами следят за казнями и прикладывают руку к расправам. Один из них, Гуллин, креол с острова Св. Доминго, чувственный и нервный, привыкший обращаться с негром как с животным, а с французом как с белым негром, принципиальный септембризер, главный подстрекатель и руководитель "утоплений", лично отправляется опустошать тюрьму Буффе и, убедившись, что смерть, больница или освобождение вывезли заключенных за него, добавляет по собственному усмотрению пятнадцать имен, взятых бессистемно, чтобы достичь своих цифр.-Жоли, комиссар Комитета, весьма сведущий в искусстве гарротирования, связывает руки заключенных по две и по две и ведет их к реке³³¹⁶².-Гранд-Мезон, другой член Комитета, бывший танцмейстер, осужденный за два убийства и помилованный до революции, сбивает саблей умоляющие руки, протянутые к нему через доски лихтера.³³¹⁶³-Пинар, другой член Комитета, выкупает, уезжает в деревню и сам убивает, предпочитая женщин и детей.³³¹⁶⁴ Естественно, что три группы, действующие вместе с ними или по их приказу, состоят только из мужчин своего вида. В первой из них, называемой "Компанией Марата", каждый из шестидесяти членов, вступая в нее, клянется принять принципы Марата и выполнять его доктрину. Гулен,³³¹⁶⁵ один из основателей, требует от каждого члена: "Нет ли среди них кого-нибудь еще более плутоватого? Ведь мы должны иметь таких, чтобы образумить аристократов!"³³¹⁶⁶ После Фримера 5 "маратисты" хвастаются тем, что их руки "устали" от ударов саблями по пленным, чтобы заставить их идти к Луаре³³¹⁶⁷, и мы видим, что, несмотря на эту усталость, дело их устраивало, так как их офицеры пытались повлиять на Каррьеру, чтобы его подробно описали на "утопительной" службе, и потому что это было прибыльно. С мужчин и женщин, приговоренных к смерти, сначала снимали одежду вплоть до рубашки и даже сменки; было бы жаль пускать на дно ценные вещи вместе с их владельцами, поэтому утопленники делили их между собой; в доме адъютанта Ричарда нашли шкаф, полный драгоценностей и часов³³¹⁶⁸. Эта компания из шестидесяти человек, должно быть, получила хорошую прибыль от четырех или пяти тысяч утонувших.³³¹⁶⁸ Вторая группа, называемая "американскими гусарами" и действовавшая на окраине, состояла из негров и мулатов, достаточно многочисленных в этом городе каперов. Их дело - стрелять в женщин, которых они сначала насилуют; "Они наши рабыни, - говорят они, - мы завоевали их в поте лица своего". "Те, кто имеет несчастье быть пощаженным, становятся в их руках

безумными через пару дней; в любом случае их снова арестовывают вскоре после этого и расстреливают". Последняя группа, которая называется "Немецкий легион", сформирована из немецких дезертиров и наемников, почти не говорящих по-французски. Они наняты Военной комиссией для отправки вендийцев, которых подбирают на дорогах и обычно расстреливают группами по двадцать пять человек. "Я пришел, - рассказывает [очевидец33169](#), - в некое ущелье, где находился полукруглый карьер; там я заметил трупы семидесяти пяти женщин, обнаженных и лежащих на спине". Жертвы того дня состояли из девушек от шестнадцати до восемнадцати лет. Одна из них говорит своему проводнику: "Я уверена, что вы везете нас на смерть", а немец отвечает на своем ломаном жаргоне, вероятно, с грубым смехом: "Нет, это для того, чтобы сменить воздух". Их ставят в ряд перед трупами предыдущего дня и расстреливают. Те, кто не упал, видят, как перезаряжают ружья; в них снова стреляют, а раненых добивают концами прикладов мушкетов. Некоторые из немцев разделяют тела, а другие раздевают их и "кладут на спину". Чтобы найти работников для этой задачи, приходится спускаться не только к самым низким убогим во Франции, но и к грубиянам чужой расы и языка, и еще ниже - к низшей расе, деградировавшей в рабстве и извращенной лицензией.

Таков, от вершины до низа лестницы, на всех ступенях власти и повиновения, правящий состав революционного правительства.[33170](#) Своими рекрутами и работой, нравами и методами деятельности оно вызывает в памяти почти забытый образ своих предшественников, поскольку существует его изображение в период с XIV по XVII век. В то время общество также часто подвергалось нашествию и опустошению варваров; опасные кочевники, злобные изгои, разбойники, превратившиеся в солдат, внезапно набрасывались на трудолюбивое и мирное население. Так было во Франции с "рутье" и "тард-венусами", в Риме с армией Бурбонского коннетабля, во Фландрии с отрядами герцога Альбы и герцога Пармского, в Вестфалии и Эльзасе с ветеранами Валленштейна и Бернарда Саксен-Веймарского. Они жили в городе или провинции шесть месяцев, пятнадцать месяцев, два года, пока город или провинция не истощались. Они одни были вооружены, владели жителями, пользовались и злоупотребляли вещами и людьми в соответствии со своими капризами. Но они были объявлены разбойниками, называли себя скорняками, (*escorcheurs*) наездниками и авантюристами, не претендуя на роль философов-гуманистов. Более того, кроме непосредственного и личного наслаждения, они ничего не требовали; они применяли грубую силу только для того, чтобы насытить свою жадность, свою жестокость, свою похоть... Последние добавляют к частным аппетитам гораздо большее опустошение, систематическое и безвозмездное разорение, навязанное им поверхностной теорией, которой они проникнуты.

3301 ([возвращение](#))

["Революция", II., с. 298-304 и с. 351].

3302 ([возвращение](#))

["Революция", II., стр. 298-304 и стр. 351. Если вышеприведенные свидетельства будут сочтены недостаточными, можно добавить следующие, написанные иностранцами, имевшими хорошую возможность судить: (Гувернер Моррис, письмо от 3 декабря 1794 г.) "Французы ввергнуты в пучину нищеты и рабства, рабства тем более унижительного, что

люди, ввергнувшие их в него, заслуживают глубочайшего презрения" - Мейсснер, "Путешествие в Париж" (в конце 1795 г.), с. 160. "Революционная армия и революционные комитеты были на самом деле объединениями, организованными преступностью для безнаказанного совершения всех видов несправедливости, убийств, грабежей и разбоя. Правительство лишило всех талантливых и честных людей их мест и отдало их своим креатурам, то есть отбросам человечества" - Барон Бринцман, поверенный в делах Швеции. (Письмо от 11 июля 1799 г.) "Я не верю, что различные классы общества во Франции более развращены, чем в других странах; но я верю, что ни одним народом никогда не будут править столь же бездарные и жестокие негодяи, как те, что правят Францией с момента появления ее нового состояния свободы... Отбросы народа, побуждаемые сверху внезапными и бурными волнениями, повсюду выносят на поверхность отбросы безнравственности"]].

3303 (возврат)

[Fleury, "Babeuf", 139, 150.- Granier de Cassagnac, "Histoire du Directoire", II., 24-170.- (Суд над Бабёфом, *passim*.) Вышеприведенные цитаты взяты из документов, изъятых в доме Бабёфа, а также из показаний свидетелей, особенно капитана Гризеля].

3304 (возврат)

["Moniteur", заседание от 5 сентября 1793 года. "Поскольку наша добродетель, наша умеренность, наши философские идеи нам ни к чему, давайте станем разбойниками ради блага народа; давайте станем разбойниками!"]].

3305 (обратно)

[Babeuf, "Le Tribun du Peuple", No.40. Апология для сентябрьских мужчин, "которые были только жрецами, жертвователями справедливого умерщвления ради общественной безопасности. Если о чем и можно сожалеть, так это о том, что более масштабное и всеобщее Второе сентября не уничтожило всех голодранцев и всех опустошителей"]].

3306 (возвращение)

["Гранье де Кассаньяк", II., 90. (Показания Гризеля.) Россиньоль сказал: "Эта табакерка - все, что у меня осталось, вот она, чтобы я мог существовать". "Массар владел парой сапог, которые он не мог собрать, потому что у него не было денег, чтобы заплатить сапожнику"]].

3307 (возврат)

["Archives Nationales", Cf. 31167. (Отчет Робена, Nivôse 9.): "Женщины всегда имели совещательный голос в народных собраниях секции Пантеона", и во всех других клубах они присутствовали на собраниях].

3308 (возврат)

["Moniteur", XIX., 103. (Заседание Якобинского клуба, 28 декабря 1793 г.) Дюбуа-Крансе

задает следующий вопрос каждому члену, подвергнутому голосованию на выбывание: "Что вы сделали такого, за что вас могли бы повесить в случае контрреволюции?".

3309 (возврат)

[Там же, XVII, 410. (Речь Марибона-Монто в Якобинском клубе, 21 брюмера II года)].

3310 (возврат)

[Dauban, "Paris in 1794", 142. (Полицейский отчет Ventôse 13, год II.)].

3311 (возврат)

[Morellet, "Mémoires", II. 449.]

3312 (возврат)

[Dauban, ib., 35. (Записка, составленная в январе 1794 года, вероятно, врачом Кевремоном де Ламоттом.)-Ibid., 82.-Cf. Morellet, II., 434-470. (Подробности о выдаче гражданских свидетельств в сентябре 1793 г.)].

3313 (возврат)

[Archives Nationales, F.7, 31167. (Доклад Латур-Ламонтань, Ventôse 1, год II): "Это дает этим ассоциациям слишком большое влияние; это разрушает юрисдикцию общих собраний (секций). Мы видим, что они покидаются, и что заговорщики и интриганы преуспевают в превращении народных клубов в центры общественных дел, чтобы легче управлять делами"]].

3314 (возвращение)

[Dauban, ibid., 203. (Отчет Бэкон-Такона, Вентос 19.) "В общем собрании секции Мезон Коммуна были отсеяны все граждане любого ранга в компаниях. Малейшее пятно инцивизма, малейшая небрежность в службе служили причиной их отбраковки. Из двадцати пяти человек, прошедших цензуру, по меньшей мере девятнадцать были забракованы.... Большинство из них по причине их профессии, такой как содержатель столовой, сапожник, повар, плотник, портной и т.д."].

3315 (возврат)

[Там же, 141. (Отчет Шармона, Ventôse 12.) - Там же, 140. "Есть только один способ, - говорят в кафе "Великие люди" на бульваре, - уберечься от ареста, а именно: при наличии вакансий добиваться приема в гражданские и революционные комитеты. До того, как к этим местам были прикреплены оклады, никто не хотел их получать; с тех пор идут споры, кого назначить"]].

3316 (возвращение)

[Там же, 307. (Отчет Жерминаля 7.)].

3317 (обратно)

[Wallon, "Histoire du Tribunal Revolutionaire", IV., 129].

3318 (возврат)

[Archives Nationales, AF., II., 46. (Акт Комитета общественной безопасности, Прериаль 15.): "Граждане Пильон, Густ и Не, члены Революционного комитета секции Марата, отстраняются от должности. Их обязанности будут исполнять граждане Мартен, Мажон и Мирель". Мовиэль, улица Свободы, дом № 32, назначается в указанный Революционный комитет для пополнения его состава, так как он состоял только из одиннадцати членов." и другие подобные акты].

3319 (возвращение)

[Дюверже, декрет от 14 фримера, год II. "Применение революционных законов и мер общей и общественной безопасности возлагается на муниципалитеты и революционные комитеты". См. главу II. о том, насколько обширна определенная таким образом область. Она охватывает практически все. Достаточно просмотреть реестры нескольких революционных комитетов, чтобы убедиться в этой огромной власти и увидеть, как они вмешиваются в каждую деталь индивидуальной жизни".]

3320 (возврат)

[Archives Nationales, F.7, 31167. (Доклад, Nivôse 1, год II., автор Leharival.)].

3321 (возврат)

[Dauban, "Paris en 1794", 307. (Отчет от 29 марта 1794 г.) Здесь речь идет о секции "Piques", Вандомская площадь].

3322 (возврат)

[Dauban, ib., 308. (Записка, найденная среди бумаг Дантона и, вероятно, написанная врачом Кевремоном де Ламоттом)].

3323 (возврат)

[Dauban, ib., 125. (Отчет Берара, Ventôse 10.) По словам женщины, принадлежащей к секции Бонн-Новель: "Мой муж сидит в тюрьме уже четыре месяца. И за что? Он был одним из первых в Бастилии; он всегда отказывался от мест, чтобы их могли получить хорошие санкюлоты, и если он нажил врагов, то только потому, что не хотел, чтобы их заполняли невежды или новички, которые, крикливые и, видимо, жаждущие крови, создали вокруг себя барьер из партизан"]].

3324 (возвращение)

[Dauban, *ibid.*, 307. (Отчет от 29 марта 1794 г.)].

3325 (обратно)

[Там же, 150. (Отчет о Вентозе 14.)-Archives Nationales, F.7, 31167. (Отчеты Nivôse 9 и 25.): "В секциях, которые вызывают после собрания для получения сорока су, можно найти много граждан. Я заметил, что большинство из них - каменщики, и даже несколько извозчиков, принадлежащих к нации, которые могут обойтись без национального возмещения, которое служит им только для того, чтобы пить и делать их очень шумными." - "Народ жалуется, потому что люди, которым выдаются сорок су, чтобы присутствовать на собраниях секций, ничего не делают весь день, имея возможность работать на различных предприятиях...., и они получают эти сорок су."].

3326 (возвращение)

[Dauban, *ibid.*, 312. (Заметка Кевремона.)-Moniteur, XVIII., 568, (Заседание коммуны, 11 фримера, год II.): "Секция Борепэра объявляет, что, желая положить конец корыстолюбию виноторговцев этого округа, она наложила печати на все их погреба"]].

3327 (возврат)

[Dauban, *ibid.*, 345. (Приказ дня от Henriot, Floreal 9.)].

3328 (возврат)

[Малле-Дюпан, II., 56. (Март 1794 г.)].

3329 (возврат)

[Buchez et Roux, XXVII., 10. (Речь Барбару, 14 мая 1793 г.) - Отчет Куртуа о бумагах, найденных в квартире Робеспьера, 285. (Письмо Колло д'Эрбуа Фримеру 3, год II, с требованием отправить парижских якобинцев к нему в Лион). "Если бы я мог попросить наших старых, я бы это сделал... но они нужны в Париже, почти все они стали мэрами"]].

3330 (возвращение)

[Мейсснер, "Путешествие в Париж" (в конце 1795 года), 160. "Лица, не умеющие ни читать, ни писать, получают места бухгалтеров большей или меньшей важности."? Archives des Affaires étrangères, vol. 324. (Доносы Пио в клуб на своих коллег.)-Добан, там же, 35. (Записка Кевремона, янв., 1794 г.): "Честный человек, умеющий работать, не может попасть в министерские бюро, особенно в военное и военно-морское, а также в бюро Коммуны и департаментов, не испытывая комка в горле - должности в основном заполнены креатурами Коммуны, которые очень часто не обладают ни талантом, ни честностью". Опять же, доносы, которые всегда приветствуются, какими бы легкомысленными и необоснованными они ни были, переворачивают все с ног на голову"]].

3331 (возврат)

[Moniteur, XXIV., 397 (Речь Дюбуа-Крансе в Конвенте Флореаль 16, год III.)-Archives Nationales, F.7, 31167. (Доклад Ролена, Nivôse 7, год II.) "Те же жалобы раздаются на гражданских комиссаров секции, большинство из которых неинтеллигентны и даже не умеют читать"].

3332 (возврат)

["Archives des Affaires étrangères", vol. 1411. (Август 1793 г.) "Принят план" организации полиции, "за исключением исполнительных изменений". На самом деле, несколько месяцев спустя, число клакеров, мужчин и женщин, значительно увеличивается и в конце концов достигает тысячи. (Болье, "Essais", V., l10.) - Тот же план предусматривает пятнадцать агентов по две тысячи четыреста франков, "выбранных из завсегдатаев клубов", для пересмотра ежедневных утренних списков; тридцать по тысяче франков для наблюдения за популярными клубами и от девяноста до двенадцатисот франков для наблюдения за собраниями секций].

3333 (возврат)

[Archives Nationales, F.7, 4436. (Письмо Бушотта, военного министра, Прериаль 5, год II.) "Назначение Ронсена, как и всех его сотрудников, вновь возбудило общественное мнение. Комитет, чтобы уверить себя, послал список в Якобинский клуб, где они были приняты" -Ibid., AF.,II., 58. "Париж, второе брюмера, год II, клуб друзей свободы и равенства, заседание в бывшем якобинском клубе, улица Сент-Оноре. Список граждан, которые должны отправиться в Лион и выступить в качестве национальных комиссаров. (Далее следуют их имена.) Все указанные граждане прошли проверку указанного клуба на его заседании в этот день". (Далее следуют подписи президента и трех секретарей.)-"Журнал дебатов и корреспонденции Общества якобинцев", № 543, 5-й день 3-го месяца II года.- По поводу создания нового Центрального клуба: "Террассон считает, что этот клуб может стать либертицидным, и требует создания комитета для его изучения и обеспечения его исчезновения. Комитет, требуемый Террассоном, назначен."- Очевидно, что они энергично держатся за эту монополию.- Ср. Moniteur, XIX, 637. (Ventôse 13.) Предложение, принятое в якобинском клубе, обязывающее министров снимать с должности любого человека, исключенного из клуба].

3334 (возвращение)

[Dauban, ibid., 307. (Отчет о Жерминале 9.)].

3335 (обратно)

[Moniteur, XXII. 353. (Сессия 20 брюмера III года. Реклама, сделанная мсье Беланже на заседании Конвента)].

3336 (возврат)

[Archives Nationales, AF., II., 40. (Акты, принятые Комитетом общественной безопасности в указанные даты.) Beaulieu, "Essais", v., 200. (Там же.) В журналах Комитета общественной

безопасности содержится ряд подобных вознаграждений, выплаченных провинциальным клубам и патриотам, например, AF., II. 58, (8 брюмера), пятьдесят тысяч франков Лапланшу, и (9 брюмера), пятьдесят тысяч франков Кутону, "для поддержания общественного духа в Кальвадосе, для возрождения общественного духа в Лионе, для помощи, по мере необходимости, менее успешным патриотам, которые ревностно посвящают свое время служению своей стране"]].

3337 (возвращение)

[Dauban, *ibid.*, 171, (отчет Ventôse 17), и 243, (отчет Ventôse 25), о гражданских комитетах и революционных комитетах, которые приказывают подавать им мясо, прежде чем подавать его больным, и которые таким же образом обслуживают добрых друзей своих жен. Там же, 146. (Отчет Ventôse 10.)... Archives Nationales F.7, 2475. (Реестр заседаний революционного комитета секций Пикеса, 27 брюмера II года). "Комитет приказывает, чтобы кэб на двух лошадях, принадлежащий Лемаршу, впредь находился в распоряжении секции и Комитета, когда речь идет о мерах безопасности". В этом журнале и других из той же серии мы ясно видим внутреннее устройство комитета и его огромный деспотизм. Стиль и орфография, как и почти у всех, низкого порядка].

3338 (возврат)

[Archives des Affaires étrangères, vol. 1411. (Отчет от 21 и 22 августа 1793 г.) "Генерал Анрио прислал мне несколько человек, которые, пользуясь полномочиями Комитета общественной безопасности и общей охраны, а также теми, которые он делегировал мне, нанесли визиты в дома лиц, не являющихся убежденными патриотами; но это не давало им права получать деньги и даже присваивать их"]].

3339 (возвращение)

[Dauban, *ibid.*, 36 и 48. (Дело нотариуса Бришара)].

3340 (возврат)

[Ср. "Революция", II., 302, 303.- Мерсье, "Париж в эпоху революции", I., 151.- Moniteur, XVIII., 660. (Заседание 24 фримера, речь Лекомтра в Конвенте.)- О грабежах и взятках см. среди прочих документов "Mémoires sur les Prisons", I., 290. (Восемьдесят тысяч франков взятки, данной начальнику полиции Перизиаем, содержателем столовой, за привилегию кормить заключенных в Сен-Лазаре)].

3341 (возврат)

[Buchez et Roux, XXXV., 77. (Суд над Фукье-Тинвилем.) Свидетельство Робиллара: "В другой день, в общем собрании, он ударил саблей одного гражданина"]].

3342 (возвращение)

["Buchez et Roux", XXXV., 407. (Списки, написанные почерком Робеспьера)].

3343 (возврат)

[Miot de Melito, "Mémoires", I., 46-51.- Бюшо - не единственный представитель своего рода в министерстве иностранных дел. В архивах этого министерства, том 324, можно найти высказывания и поступки некоего Пио, итальянского беженца, который пробрался сюда, симулируя бедность и демонстрируя патриотизм, и который доносит на своего шефа и коллег. На поверхность всплывает бывший нотариус Пижо, осужденный на двадцать лет кандалов и посаженный на столб, Фример 9, год III.; он встречается при Директории в качестве представителя послов.- Что касается одного из посланников Директории в Швейцарии, вот заметка Малле-Дюпана. ("Anecdotes manuscrites", октябрь, 1797 г.) "Посол Директории, прибывший требовать от швейцарцев изгнания телохранителей, называется Мингот, из Бельфора, родственник Рубеля, бывшего телохранителя господина графа д'Артуа. Он прибыл в Цюрих с проституткой, цюрихской швеей, обосновавшейся в Берне. Он жил с ней за счет цюрихского правительства. Пригласив на ужин семью этого существа, то есть обычного конокрада с женой и еще нескольких человек, они напились и совершили такие излишества, что жена конокрада, которая была уже беременна, родила его в разгар банкета. От этого существа Мингот заразился болезнью, которая уложила его в Базеле"].

3344 (возврат)

["Революция", II., 338, 348, 354].

3345 (обратно)

[Martel, "Types Révolutionnaires", 136-144.- Военный министр назначает Анрио бригадным генералом 3 июля 1793 года и генерал-майором 19 сентября, а в постскрипуме говорит: "Пожалуйста, сообщите мне ваш послужной список", неизвестный в министерстве, поскольку он не имел никакого значения.- Об оргиях в Шуази-сюр-Сен, В. (Архив, W2, 500-501), см. расследование термидора 18 и 19, год II, проведенное в Шуази-сюр-Сен Блашем, агентом Комитета общей безопасности. Буланже, бригадный генерал и первый лейтенант Анрио, был бывшим компаньоном ювелира].

3346 (возврат)

["Архив иностранных дел", том 1411. Ежедневные приказы Анрио, 16 сентября, 29 вендемьера II года и 19 брюмера II года. Многие из этих приказов дня опубликованы в Dauban, ("Paris en 1794"), p. 33. "Пусть наши враги накапливают свое имущество, строят дома и дворцы, пусть они их имеют, какое нам дело, нам, республиканцам, они не нужны! Все, что нам нужно для убежища, - это хижина, а что касается богатства, то это просто привычки, добродетели и любовь к нашей стране. Штаб и т. д."-Р. 43: "Вчера вечером в Гранд-Августине вспыхнул пожар. Все работали над ним, и он был потушен в очень короткий срок. При древнем режиме пожар продолжался бы несколько дней. При системе свободных людей пожар длился всего час. Какая разница!.. Штаб и т. д."].

3347 (возврат)

[Wallon, "Histoire du Tribunal Révolutionnaire de Paris", V.252, 420. (Имена и квалификация членов Парижской коммуны, гильотинированных 10 и 11 термидора). Профессии и

квалификация некоторых членов Коммуны приведены в биографическом словаре Лаймери, в "Мемуарах" Морелле и в "Сувенирах" Арно. ("Moniteur? XVI., 719. (Приговоры Революционного трибунала, 15 февраля II года.) Сорок три члена гражданских и революционных комитетов, комиссары секций, офицеры Национальной гвардии и канониры подписали список генерального совета коммуны как присутствовавшие 9 термидора и были преданы суду как приверженцы Робеспьера. Но они быстро отозвали свои подписи, и все, кроме одного, были оправданы. Они являются лидерами якобинского квартала и находятся в таком же засушливом состоянии, как и их собратья из Отеля-де-Виль. Только один из них, бывший сборщик ренты, возможно, получил образование; остальные - плотники, паркетчики, сапожники, портные, виноторговцы, содержатели столовых, картежники, пекари, парикмахеры и столяры. Среди них есть один бывший каменотес, один бывший конторщик, один бывший домохозяин и два сына палача Самсона].

3348 (возвращение)

[Morellet, "Mémoires", I., 436-472].

3349 (обратно)

[О господстве болтунов этого класса см. у Дюбана ("Париж в 1794 году", с. 118-143). Подробности о всемогущем торговце одеждой в секции лангобардов. Если верить жительницам Собрания, "он повсюду говорил, что тот, кто ему неприятен, должен быть изгнан из народного клуба". (Ventôse 13, год II.)].

3350 (обратно)

[Arnault, "Souvenirs d'un Sexagénaire", III., 111. Подробности о другом члене коммуны, Берготе, бывшем служащем Галле-о-Кюир и полицейском администраторе, можно найти в "Mémoires des Prisons", I., 232, 239, 246, 289, 290. Никто не обращался более жестоко с заключенными, протестовавшими против подаваемой им нечистой пищи, чем он. "Это слишком хорошо для ублюдков, которых собираются гильотинировать.".... "Он напивался с токарями и с самими комиссарами. Однажды он зашатался при ходьбе и говорил только икая: в таком состоянии он уходил. Охранник дома не признал его; его арестовали", и консьержке пришлось повторить свои заявления, чтобы заставить постового "отдать борова"]].

3351 (возвращение)

["Mémoires sur les Prisons", I., 211. ("Tableau Historique de St. Lazare.") Рассказчик попадает в тюрьму на улице Севр в октябре 1793 г. -II., 186. ("Исторический рассказ о тюрьме на улице Севр"). Рассказчик был заключен туда в последние месяцы правления Террора].

3352 (возвращение)

[Азартная игра.]

3353 (обратно)

["Un Séjour en France de 1792 à 1795", 281. "После обеда у нас была назначена встреча с человеком, работающим в комитете по национальным владениям; он должен был помочь моей подруге с ее претензиями. Этот человек первоначально был камердинером брата маркизы; с началом революции он открыл лавку, потерпел неудачу, стал ярым якобинцем и, наконец, членом революционного комитета. В этом качестве он нашел способ.... запугать своих кредиторов и получить два освобождения от долгов, не прилагая ни малейших усилий для их погашения.".... "Я знаю одну старуху, которую три месяца держали в тюрьме за то, что она потребовала от одного из этих патриотов триста ливров, которые он ей задолжал". (3 июня 1795 г.) "Я вообще заметил, что республиканцы - это либо те, кого я только что назвал, официанты из кофеен, жокеи, игроки, банкроты и низкие писаки, либо рабочие, более искренние в своих принципах, более невежественные и более жестокие, тратящие заработанное на вульгарные побрякушки"].

3354 (возврат)

[Schmidt, "Tableaux Historiques de la Revolution Française", II., 248, 249. (Донесения агента, Фримар 8, год 111.) "Преследование Каррьера одобрено общественностью, равно как и осуждение бывшего революционного комитета, называемого "BonnetRouge". Десять его членов приговорены к двадцати годам каторги. Публика вне себя от радости."-Там же, (9 фр.), "Народ толпами устремился на площадь старого здания коммуны, чтобы увидеть членов бывшего революционного комитета секций Бонне-Руж, которые до шести часов сидели на скамьях при свете факелов. Им пришлось вынести много упреков и унижений" - "Un Sejour en France", 286, (6 июня 1795). "Меня только что прервал громкий шум и крики под моим окном; я услышал, как имена Сципиона и Солона отчетливо произносятся в насмешливом и оскорбительном тоне. Я послал Анжелику узнать, в чем дело, и она сказала мне, что это толпа детей преследует сапожника, который был членом революционного комитета... и называл себя Сципионом Солоном. Поскольку его несколько раз ловили на краже, он не мог больше выходить из своей лавки, чтобы не подвергнуться поношению за свои грабежи и улюлюканью под своими греческими и римскими именами"].

3355 (возвращение)

[Barère, "Mémoires", II., 324].

3356 (обратно)

[Montieur, XXII., 742. (Отчет Камбона, 6 фримера, год II.) Там же, 22.- Отчет Линде, 20 сентября 1794 г.): "Сухопутные и военно-морские силы, военная и другие службы лишают сельскохозяйственных занятий и других профессий более миллиона пятисот тысяч граждан. Содержание шести миллионов человек во всех коммунах обошлось бы Республике дешевле" - "Le Departement des Affaires étrangères", Fr. Masson, 382. (По данным "Paris à la fin du dix-huitieme siecle", Pujoulx, год IX.): "В одном только Париже насчитывается более тридцати тысяч (государственных) клерков; шесть тысяч, самое большее, занимаются необходимым письмом; остальные обрезают перья, расходуют чернила и чернят бумагу. В прежние времена в бюро было слишком много клерков по сравнению с работой; теперь их в три раза больше, и есть те, кто считает, что их недостаточно"].

3357 (возврат)

["Souvenirs de M. Hua," a parliamentary advocate, p.96. (Очень точная картина маленького городка Куси-ле-Шато, в Эсне, с 1792 по 1794 г.) - "Archives des Affaires étrangères", vol.334. (Письмо агентов, Тионвиль, Ventôse 24, год II.) Район Тионвиля очень патриотичен, подчиняется максимуму и реквизициям, но не законам, запрещающим внешние богослужения и религиозные собрания. "Апостолы Разума напрасно проповедовали народу, говоря ему, что до сих пор его обманывали и что теперь настало время сбросить иго предрассудков: "Мы готовы поверить, что до сих пор нас обманывали, но кто поручится нам, что вы не обманете нас в свою очередь?""]].

3358 (возвращение)

[Lagros: "La Révolution telle qu'elle est." (Неопубликованная переписка комитета общественной безопасности, I., 366. Письмо Приера де ла Марна). "В целом, города настроены патриотично; но сельские районы отдалены от Революции на сто лье... Потребуется большие усилия, чтобы поднять их до уровня Революции"]].

3359 (возврат)

[Согласно статистике 1866 года (опубликованной в 1869 году), округ площадью в тысячу квадратных километров содержит в среднем тридцать три коммуны свыше пятисот душ, двадцать три - от пятисот до тысячи, семнадцать бургов и небольших городов от тысячи до пяти тысяч и один средний или очень большой город - около пяти тысяч. Принимая во внимание изменения, произошедшие за семьдесят лет, можно судить по о распределении населения в 1793 году. Это распределение объясняет, почему вместо сорока пяти тысяч революционных комитетов было только двадцать одна тысяча пятьсот].

3360 (возврат)

["Souvenirs des M. Hua", 179. "Эта страна (Куси-ле-Шато), защищенная своими плохими дорогами и еще более своей ничтожностью, принадлежала к тому небольшому числу, в котором революционные волнения ощущались меньше всего"]].

3361 (возврат)

[Среди других документов, пригодившихся мне при составлении этой картины, я должен назвать, в первую очередь, пять папок, содержащих все документы, относящиеся к миссии представителя Альбера в Эсне и Марне. (Ventôse и Germinal, год III.) Нигде мы не найдем более точных сведений о настроениях крестьян, простых рабочих и низших буржуа в период с 1792 по 1795 год. (Archives Nationales, D. PP 2 - 5.)].

3362 (возврат)

[Daubari, "La Demagogie en 1793", XII. (Высказывание старого крестьянина в окрестностях Сент-Эмильона в адрес М. Вателя, занимавшегося сбором сведений о последних днях Петиона, Гваде и Бузо)].

3363 (возврат)

[Archives Nationales, D. p I, 5. (Петиция Клода Деферта, мельника и национального агента Турги) Множество мэров, муниципальных чиновников, национальных агентов, администраторов и знатных лиц округов и департаментов просят преемников, и Альбер вынуждает многих из них остаться на своем посту. (Совместное письмо всего муниципалитета Ландревиля; письмо Шарля, камнереза, мэра Транна; Клода Деферта, мельника, национального агента Турги; Элегни, торговца мясом; винодела; муниципального чиновника в Меррексе и др.) Последний пишет: "Республика велика и великодушна; она не желает, чтобы ее дети разорялись, занимаясь ее делами; напротив, ее цель - дать оплачиваемые места (emolumentaires) тем, кому не на что жить". Другой, Магюр, назначенный мэром Бар-сюр-Сена, пишет в Плювиозе 29, год III: "Я узнал вчера, что некоторые лица этого общества хотели бы приобрести для меня коварный дар мэрии", и он умоляет Альбера отклонить эту чашу].

3364 (возврат)

["Souvenirs de M. Hua", 178-205. "М. П..., мэр Крепи-о-Мон, умел сдерживать некоторых низких людей, которые были бы только рады устроить революцию в его деревне..... И все же он был республиканцем! Однажды, говоря о революционной системе, он сказал: "Всегда говорят, что она не удержится, а между тем она прилипает, как вши". "Состоялось общее собрание жителей Куси и его окрестностей, на котором каждый должен был пройти экзамен, указав свое имя, место жительства, место рождения, род занятий и то, что он делал во время революции". Хуа избегает рассказывать о том, что он был представителем в Законодательном собрании, что было признанным фактом в округе: "Ни один голос не был поднят, чтобы скомпрометировать меня" - Там же, 183. (Ответ Революционного комитета Куси на ответ Комитета Мо)].

3365 (обратно)

["Фрошо", Луи Пасси, 175. (Письмо Пажо, члена революционного комитета Труа, Вандемьера, III год.) -Archives Nationales, F.7, 4421. (Реестр Революционного комитета Труа.) Брюмера 27, год II. Заключение под стражу различных подозреваемых, среди которых "Леруж, бывший адвокат, по подозрению в том, что он постоянно и упорно отказывался от революционных должностей". Кроме того, человек по имени Корпус, за то, что "отказался от председательства в окружном трибунале во время его организации под предлогом консультации со Счетной палатой; также за то, что был другом подозреваемых, и за то, что принял должность только после того, как Революция приняла внушительный характер"].

3366 (возврат)

[Marcelin Boudet, "Les conventionnels d'Auvergne", 161. (Оправдание Этьена Бонарме, последние месяцы 1794 г.)].

3367 (возврат)

[Pans, "Histoire de Joseph Lebon", II., 92. (Декларация адвоката Герара, назначенного судьей в Камбрее революционным комитетом Камбрея.) - Там же, 54. (Декларация Лемера,

назначенного без его ведома присяжным заседателем в суде Камбрэ). "Каково же было мое удивление, я, который никогда в жизни не был присяжным! Повестку мне принесли в четверть одиннадцатого (à onze heures moins un quart - specimen of the orthography), и я должен был идти в одиннадцать, не успев попрощаться с семьей"].

3368 (возврат)

[Отчет Куртуа о бумагах, найденных в жилище Робеспьера, 370. (Письмо Менье к Пайану, управляющему департаментом Дром, Жерминаль 20, год II). "Вы знаете, как мало здесь подданных. ...Дайте мне имена дюжины откровенных республиканцев... . Если вы не можете найти их в этом департаменте (Воклюз), поищите их в Дроме или Изере, или в любом другом. Мне бы хотелось, чтобы они были приспособлены к революционному трибуналу. Я даже хотел бы, в случае необходимости, иметь некоторых из них, квалифицированных для работы в качестве национальных агентов"].

3369 (возврат)

[Эти агенты проживают в Ниме, Марселе, Тулузе, Тарбе, Бордо, Ауше, Рошфоре, Бресте, Берге, Живе, Меце, Тионвиле, Страсбурге, Кольмаре, Бельфоре и Гренобле, а также часто поселяются в городах, расположенных поблизости. Наиболее полные отчеты принадлежат Шепи из Гренобля, чья переписка достойна публикации; хотя он был ультра-якобинцем, он предстал перед революционным трибуналом как умеренный, в Вентозе, во II году. Пережив (революцию), он стал при империи генеральным комиссаром полиции в Бресте. Почти все они - настоящие якобинцы, абсолютисты в основе своей, и стали прекрасными орудиями деспотии"].

3370 (возврат)

[Buche et Roux, XXX., 425.- Двадцать четыре комиссара, выбранные по жребию из парижских якобинцев, связаны с Колло д'Эрбуа. Один из них, Марино, становится президентом временного Комитета по надзору в Лионе. Другой, Паррьен, становится президентом Революционного комитета.- Archives Nationales, AF., II., 59. (Обсуждения в парижском клубе якобинцев, назначение трех человек из их числа отправиться в Тоннерр и просить Комитет общественной безопасности "предоставить им необходимую власть, чтобы использовать ее, как того потребуют обстоятельства, для лучшего блага Республики". Фримар 6, год II.) - "Приказ Комитета общественной безопасности о выдаче упомянутым лицам двух тысяч франков на дорожные расходы" - Архив иностранных дел, т. 333. Агенты, посланные в Марсель, ставят свои подписи "sans-culottes, of Paris", и один из них, Брут, становится председателем марсельского революционного трибунала].

3371 (возврат)

[Archives Nationales, AF., II., 49. Документы, относящиеся к революционному налогу Бельфора, с указанием всех сумм и имен. (30 брюмера, год II.) Вот формула: "гражданин Х... (мужчина или женщина) заплатит за один час сумму в размере-, под страхом того, что его будут считать подозреваемым и обращаться с ним как с таковым" - "Recueil des Pièces Authentiques concernant la Révolution à Strasbourg", I., 128, 187. (Выражения представителя Бодо в письме от 29 брюмера II года)].

3372 (возврат)

[Archives Nationales: акты и письма представителей в командировках распределены по департаментам - о делегатах представителей в командировках я приведу только один текст. (Archives des Affaires étrangères, vol. 333, письмо Гаррига, Auch, Pluviôse 24, year II.): "Делегат Дартигойта отправляется в Л'Исль и в народном клубе просит куратора этого места избавиться от своих священнических атрибутов. Тот отвечает, как мне рассказывают, что он с радостью воздержится от своих обязанностей, но что, если в дополнение к этому они применят силу, он обратится к конвенту, который и не думал вмешиваться в свободу мнений. "Хорошо, - ответил эмиссар Дартигойта, - я обращаюсь к жандарму", и тот немедленно приказал его арестовать"]].

3373 (возврат)

[Lallier, "Une commission D'énquete et de Propagande", p.7. (Состоит из двенадцати членов, выбранных Нантским клубом, которые контролируют округ Ансенис, им разрешено платить шесть тысяч франков.)-Babeau, II., 280. (Отправка шестидесяти комиссаров, каждому из которых администрация Труа выплачивала по шесть франков в день, для выяснения состояния запасов, Прериаль, год II.)].

3374 (возврат)

[Например, в Бордо и в Труа -Archives Nationales F7, 4421. Реестр революционного комитета Труа, лист 164. Два члена комитета отправляются в коммуну Лузиньи, увольняют мэра и судью и назначают на место последнего "бывшего куратора страны, который некоторое время назад отрекся от фанатизма священнослужителей" -Archives des Affaires étrangères, vol.332. (Письмо Дегранжа, Бордо, 15 брюмера, год II.) Представители только что учредили "революционный комитет наблюдения, состоящий двенадцати членов, выбранных с величайшей осторожностью. Все комитеты, созданные в департаменте, обязаны переписываться с ним и выполнять его требования"]].

3375 (возврат)

[Archives Nationales, AF., II, 58. (Письмо Жавогеса к Колло д'Эрбуа, 28 брюмера II года)].

3376 (возврат)

["Recueil des Pièces Authentiques", etc., I., 195. (Законы, принятые 21 января 1793 г.)].

3377 (возврат)

["Archives des Affaires étrangères", vol. 326. (Письма Брута от 24 сентября; Топино-Лебрена-младшего от 25 сентября и 6 октября 1793 г. - т. 330. Письма Брута, Nivôse 6, год II.) Характер агента часто указывается орфографически. Например, т. 334, письмо Галон-Бойе, Брюмер 18, год II. "Общественный дух в целом плох. Те, кто провозглашает себя патриотами, не знают сдержанности. Остальные вялы, и федерализм кажется врожденным"]].

3378 ([возврат](#))

[Archives des Affaires étrangères, vol.1411. (Письмо Гаупта, 26 брюмера II года) - т. 333. (Письмо Блессмана и Хаузера, Плювиоза 4, год II.)].

3379 ([возврат](#))

["Archives des Affaires étrangères", vol. 333. (Письмо Шартра и Кайяра, Cornmune Aiffranchie, Nivôse 21.) - т. 331. (Письма Дегранжа в Бордо, 8 брюмера и 3 фримера.) "Подношения в виде тарелок и монет умножаются бесконечно; все идет как надо. Военный трибунал приговорил к смерти Дюдона, сына бывшего генерального прокурора бывшего парламента в Бордо, Руллата, прокурора-синдика департамента, Салленава, купца. Эти казни вызывают сочувствие, но никто не ропщет"].

3380 ([обратно](#))

[Там же, т. 333. (Письмо Кюни-старшего, Nivôse 20.) Vols. 331, 332. (Письма Шепи, passim, и особенно письмо от Фримера II.) - т. 329. (Письмо Шепи от 24 августа 1793 г.) "В Анси женщины срубили столб свободы и сожгли архивы клуба и коммуны. В Шамбери народ хотел сделать то же самое" -Там же. (18 сентября 1793 г.) "Жители окрестностей Монблана не проявляют ни духа, ни мужества; правда в том, что антиреволюционный дух одушевляет все умы" - Там же. (Письмо от 8 августа 1793 г.) "Граждане Гренобля, которые были выбраны по жребию, не только не отправились в экспедицию в Лион, но, даже из тех, кто подчинился законам, несколько человек вернулись с оружием и багажом. Ни одна коммуна между Сен-Лораном и Лионом не выступила в поход. Сельские муниципалитеты, сильно зараженные федеральной болезнью, осмелились предоставить войскам очень плохие помещения, особенно тем, кто был призван в армию"].

3381 ([возвращение](#))

[Там же. (Письмо Кюни-младшего, Брест, 6 брюмера.) "В Бресте вообще очень мало патриотов; жители почти все умеренные."- (Письмо Гадоля, Дюнкерк, 26 июля 1793 г.)-(Письмо Симона, Мец, Нивозе, II год.) "Вчера, когда в театре объявили о взятии Тулона,... я заметил, что только около трети зрителей поддались патриотическому энтузиазму; остальные две трети остались холодны или напустили на себя длинный вид"].

3382 ([возвращение](#))

[Там же (письмо Гаупта, Бельфор, 1 сентября 1793 г.)].

3383 ([обратно](#))

[Отчет Куртуа о бумагах, найденных в жилище Робеспьера, стр. 274. (Письмо Дарте, Ventôse 29, год II.)]

3384 ([возврат](#))

["Tableau des Prisons de Toulouse" гражданина Пескайра (опубликовано в III году), p.101].

3385 (возврат)

[Archives Nationales, F.7, 4421. (Реестр революционного комитета, учрежденного в Труа, II брюмера, II год.)-Альбер Бабо, т. II, passim.-Архивы внешних сношений, т. 332, Шепи (письмо, 6 брюмера, Гренобль). "Секции назначили семь комитетов по наблюдению. Хотя они были вычищены клубом, они, тем не менее, встревожили санкюлотов..... Представитель Пти-Жан издал приказ, предписывающий, чтобы в Гренобле был только один комитет, состоящий из двадцати одного члена. Эта мера превосходна и обеспечивает триумф санкюлотизма" - Archives Nationales, F.7, 4434. (Письмо Перье к Бриссо, Бордо, 9 марта 1793 г.) До 2 июня национальный клуб "Бордо, состоящий из маратистов, насчитывал не более восьми или десяти человек" -Moniteur, XXII, 133. (Речь Тибодо о народном клубе Пуатье, Vendémiaire II, год III.) -Ibid. (Сессия 5 брюмера III года, письмо Калеса, и сессия 17 брюмера III года, доклад Калеса). "Дижонский народный клуб заставлял трепетать все соседние административные органы, граждан и округа. Все подчинялись его законам, а три-четыре человека в нем их устанавливали. Этот клуб и муниципалитет были единым организмом". "Партия террора здесь не существует, а если и существует, то в незначительном количестве: из двадцати тысяч жителей не найдется и шести, которых можно было бы с полным основанием заподозрить в принадлежности к ней"]].

3386 (возврат)

[Baroly, "Les Jacobins Demasqués", (IV. 8vo., из 8 стр., год II). "Якобинский клуб, с его четырьмя сотнями активных членов в Париже и четырьмя тысячами других, не менее преданных, в провинциях, представляет собой живую силу Революции"]].

3387 (возврат)

[Archives Nationales, D. P I., 10. (Ордера представителей Делакрыа, Луше и Лежандра, Nivôse 12, год II.) "По ходатайству Комитета по надзору Эврё, в котором говорится, что все его члены не имеют средств и что им невозможно продолжать выполнять свои обязанности, поскольку они не имеют средств для содержания своих семей", представители выдают троим из них по двести семьдесят франков, а четвертому сто восемьдесят франков в качестве вознаграждения (помимо трех франков в день)].

3388 (возврат)

[Там же. АФ., II., 111. (Ордер Альбита и Ла Порты, Прериаль 18, год II.)].

3389 (возврат)

[Albert Babeau, II., 154-157.-Moniteur, XXII. 425. (Сессия 13 брюмера III года. Речь Камбона.) "Было организовано правительство, в котором один только надзор обходился в 591 миллион в год. Каждый, кто пахал землю или работал в лавке, сразу же бросал свои занятия ради места в революционных комитетах... где он получал пять франков в день"]].

3390 (возврат)

["Tableau des Prisons de Toulouse", автор гражданин Пескаре, 162, 166, 435].

3391 (обратно)

[Berryat Saint-Prix, "La Justice Révolutionnaire", (второе издание) р. XIX.-Ibid., XIV. В Рошфоре в революционном трибунале заседают каменщик, сапожник, котельщик и повар; в Бордо в военной комиссии - актер, виночерпий, аптекарь, пекарь, подмастерье-золотошвейка, а позднее - бондарь и кожевник].

3392 (возвращение)

[Я слышал эти выражения в разговорах со старыми крестьянами.-Archives Nationales, AF.,II., 111. (Приказ представителя Ишона, мессидор 18, год II.) "Народный клуб Шинона будет немедленно возрожден. Граждане (я опускаю их имена), следующие по роду занятий: сапожник, полицейский, изготовитель сабель, бондарь, извозчик, сапожник, столяр, мясник, плотник и каменщик, составят комитет, который будет заниматься отсевом и выбирать преемников среди тех, кто предложит стать членами клуба."? Там же, D., PI, 10. (Распоряжение представителей Делакруа, Луше и Лежандра о миссии в департаменте Сена-Инферьер с целью удаления в Коншезе всей администрации и формирования там нового революционного комитета, наделенного всеми полномочиями, 9 февраля II года). Членами комитета, характер которого указан, являются два кучера, один садовник, два плотника, один купец, водитель кареты и портной. (В архивах, в переписке представителей, можно найти множество приказов о назначении органов власти того же рода)].

3393 (возврат)

[Albert Babeau, II., 296.]

3394 (возврат)

[Французский текст гласит: "Sa profession est fame de Paillot-Montabert; son revenu est vivre de ses revenus; ces relation son d'une fame nous ny portons point d'atantion; ces opignons nous les présumons semblable à ceux de son mary."]

3395 (возврат)

[Archives Nationales, F7, 4421. Распоряжение Комитета по надзору третьего участка Труа, отказывающее в выдаче гражданских свидетельств семидесяти двум лицам, или отправляющее их в центральный комитет как "маршанд д'аржан, аристократ, бездельник, модник, интриган, эгоист-фанатик. Fait et areté par nous, membre du Comité" - Ib, Меморандум комиссаров 5-го сейма свободы, назначенных гражданином Бариса (Париж) для проведения визита в Аргентину по списку, составленному гражданами Дио и Бейли и Жакином, для проведения депанации 13, 14 и 15 февраля для питания в Труа в течение 24 часов].

3396 (возврат)

[Albert Babeau, II., 154.]

3397 (возврат)

[Archives Nationales, D., Pl, 5. (Миссия представителя Альбера в Об и Марне.) - Эти заметки сделаны на месте, с глубоким знанием ситуации, ревностными республиканцами, не лишенными здравого смысла и средней честности, (главным образом в Плювиозе и Вентозе, год III).- Письмо Альбера в директории двух департаментов, Prairial 3, год II. "В ходе своей миссии я убедился в необходимости реорганизации муниципалитетов обоих департаментов"].

3398 (возврат)

[Там же. Приказы Альбера, Ventôse 5 и Pluviôse 29, год III, о реорганизации судов и администраций в округах Эрви, Арси и Ножан-сюр-Сен, с табличным перечислением имен перемещенных лиц и причин, по которым это было сделано].

3399 (возврат)

[Петиция Жана Николя Антуана, бывшего членом Директории округа Труа в течение двадцати восьми месяцев. (Вентос 9, год II I.) Запертый в Труа, он просит разрешения отправиться в Париж: "У меня есть небольшая партия товаров, которые мне необходимо продать в Париже. Это мой родной город, и я знаю там больше людей, чем где бы то ни было" -Там же. Информация об Антуане предоставлена Генеральным советом коммуны Труа].

33100 (возврат)

[Archives Nationales, AF., II., 59. (Записки от 28 мессидора II года, эмиссара Комитета общественной безопасности, посланного в Труа 29 прериала, чтобы доложить о положении дел и о беспорядках в Труа.)-Albert Babeau, II., 203, 205 и 112, 122.-См. 179. "Гашез, опьяневший, около одиннадцати часов вечера, с несколькими женщинами, такими же пьяными, как и он сам, заставил хранителя Храма Разума открыть двери, угрожая ему гильотиной" -Там же, 166. Он обратился к санкюлотам в народном клубе: "Сейчас самое время поставить себя на место богатых. Наносите удар, и не откладывайте его!" - Там же, 165. 42 633 ливра были переданы в руки Гашеза и комитета, как секретная революционная служба money..... Между 4 и 10 декабря Гашез получил 20 000 ливров, в трех заказах, на революционные расходы и временную помощь..... Руководители партии распорядились этими суммами бесконтрольно и, надо сказать, беззастенчиво; Гашез передал только четыре тысячи ливров секционному комитету бедноты. На 12 Нивоза в казне фонда бедных остается всего 3738 ливров, 12 000 были отвлечены или растрочены"].

33101 (возврат)

["Фрошо", Луи Пасси, 172. (Письмо Пажо, члена революционного комитета Энье-ле-Дюка.) "Доносы занимали большую часть времени на наших собраниях, и именно там можно было увидеть ненависть и месть коллег, которые нами управляли"].

33102 ([возврат](#))

["Archives Nationales", D., P I, No.4. Ниже приводится пример, среди прочих, навязывания революционных комитетов. (Жалоба Мариотта, владельца, бывшего мэра Шатильон-сюр-Сен, Флореаль 27, год II). "23 брюмера II года меня остановили, когда я занял пост в Мюсси, отправляясь по делам Республики, и предоставил комиссию и паспорт военного министра. Меня обыскали самым позорным образом; гражданин Менетрие, член комиссии, использовал по отношению ко мне самые нецензурные выражения..... Я был заключен в таверну; вместо двух жандармов, которых было бы вполне достаточно для охраны, ко мне явилась целая бригада, которая провела эту ночь и следующий день в пьянстве, пока в вине и бренди сумма, предъявленная мне в таверне, не достигла шестидесяти франков. И что еще хуже, два члена того же комитета провели ночь, охраняя меня, и заставили меня заплатить за это. К этому следует добавить, что они открыто заявили при мне, что я хороший голубь для ощищивания. ... Они дали мне эскорт государственного преступника высшей важности, трех конных жандармов, шесть национальных гвардейцев и даже коменданта национальной гвардии; гражданин Миедан, член революционного комитета, поставил себя во главе кортежа, десять человек, чтобы провести одного! Я был вынужден заплатить своим мучителям, пятьдесят франков коменданту и шестьдесят - его людям"]].

33103 ([возврат](#))

["Moniteur", XXI., 261. (Речь жителя Труа в Якобинском клубе, Париж, Мессидор 26, год II.)].

33104 ([возврат](#))

[Albert Babeau, II., 164. (Показания трактирщика и комиссара Гарнье)].

33105 ([возврат](#))

["Фрошо", Луи Пасси, 170, 172. (Письмо Пажо и ходатайство муниципалитета Энне, 10 марта 1795 г.) - Национальная библиотека, L., 41. No.1802. (Денонсация шести секций коммуны Дижона в Национальный конвент)]].

33106 ([возврат](#))

["Recueil de Pièces Authentiques sur la Révolution de Strasbourg", I., 187, и письмо Бюргепа, 25 термидора, год II].

33107 ([возврат](#))

["Archives Nationales", D., P I, 6 (файл 37) - Письмо членов Страсбургского революционного комитета, Ventôse 13, год III., указывающее мэру и муниципальным чиновникам Шалон-сюр-Марн на некоторых якобинцев этого города как на подходящих членов Пропанды в Страсбурге].

33108 ([возврат](#))

["Recueil de Pièces Authentiques concernant la Révolution à Strasbourg", I., 71. Показания регистратора Вайса о схеме работы Революционного трибунала в составе Шнайдера,

Клавеля и Таффина. "Судьи никогда не выходили из-за стола, не опьянев от всего самого изысканного, и в таком состоянии они собирались в трибунале и приговаривали обвиняемых к смерти". Свободная жизнь и "экстравагантные расходы" были распространены даже "среди служащих правительства". "Я встречал, - рассказывает Мейсснер, - правительственных извозчиков, которых кормили цыплятами, выпечкой и дичью, в то время как на столе путешественника была лишь старая баранья нога и несколько бедных гарниров". ("Путешествие по Франции", конец 1795 года, стр.371)].

33109 (возврат)

[Некоторые из них, тем не менее, не уродливы, а всего лишь сопляки. В качестве примера можно привести следующее. Некий Велю, прирожденный бродяга, бывший в богадельне и получивший там воспитание, затем сапожник или сапожник, затем учитель в школе в Фобур-де-Вьенн и, наконец, пропагандист и проповедник тираноубийственных движений, невысокий, крепкий и такой же рубиновый, как его шапочка, становится президентом Народного клуба в Блуа, затем делегатом по внутренним визитам, и в течение всего правления Террора он является главной персоной в городе, округе и департаменте. (Дюфор де Шеверни, "Мемуары", (MS.) 21 марта 1793 года и июнь 1793 года). В июне 1793 года этот Велю получает приказ посетить замок де Шеверни, чтобы проверить сдачу всех феодальных документов. Он прибывает неожиданно, встречает управляющего, Бамбине, входит в дом мэра, который держит трактир, и обильно выпивает, что дает Бамбине время предупредить месье Дюфора де Шеверни и заставить спрятать подозрительные реестры; после этого "Велю вынужден оставить свою бутылку и отправиться в замок: "Добрый день, брат!" - Он пришел туда в девять часов утра, вышел вперед, взял меня за руку и сказал: "Добрый день, брат, как поживаешь?" "Очень хорошо, гражданин, а вы как?" "Вы не настраиваетесь на революцию?" "Посмотрим... Вы пройдете в салон?" "Да, брат, я последую за тобой"... Мы входим; он видит мою жену, которая, надо сказать, обладает внушительной внешностью. Он смело обнимает ее и, повторив жест на груди, берет ее за руку и говорит: "Добрый день, сестра". "Пойдемте, - вмешиваюсь я, - позавтракаем, и, если хотите, вы пообедаете со мной". "Да, но при одном условии: tu me tutoie". "Я постараюсь, но у меня нет к этому привычки". Разогрев его ум и сердце бутылкой вина, мы избавляемся от него, отправив его осматривать архивный зал вместе с моим сыном и Бамбине. Это забавно, ведь он умеет читать только печатную речь... Бамбине и прокурор читают вслух титулы и пропускают феодализмы. Велю не замечает этого и всегда говорит им, чтобы они продолжали... Через час, уставший, он возвращается: "Хорошо", - говорит он, - "теперь позвольте мне посмотреть ваш замок, он прекрасен". Он слышал, что на чердаке есть комната, где живут фантоцини. Он поднимается наверх, открывает несколько книг с пьесами и, увидев в списках персонажей имена короля и принца, говорит мне: "Вы должны их вычеркнуть и играть только республиканские пьесы". Спуск осуществляется по черной лестнице. По пути вниз он встречает служанку моей жены, очень красивую; он останавливается и, обращаясь к моему сыну, говорит: "Ты должен, как хороший республиканец, переспать с этой девушкой и жениться на ней". Я смотрю на него и отвечаю: "Месье Велю, послушайте; мы здесь хорошо себя ведем, и такие слова не допустимы. Вы должны уважать молодых людей в моем доме". Немного смутившись, он утихомиривается и вполне учтиво обращается к мадам де Шеверни: "У вас на столе есть перо и чернила, - говорит он, - принесите их сюда". "Для чего, - спрашиваю я, - чтобы составить мою опись?" "Нет, но я должен составить протокол. Вы мне поможете; это будет лучше для вас, так как вы сможете исправить все так, как вам нужно" Это было неплохо сделано, чтобы скрыть его незнание. Мы пошли ужинать. Мои слуги ждали на столе; я не поддался системе общего стола для всех нас, что понравилось бы моим слугам не больше, чем мне самому.

Любопытство заставило их всех войти и посмотреть, как мы ужинаем вместе: "Брат, - говорит мне Велу, - разве эти люди не едят с тобой?" (Он видел, что стол накрыт только на четыре персоны). Я отвечаю: "Брат, для них это было бы не более приятно, чем для меня. Спросите их". Он мало ел, пил как людоед и болтал о своих похождениях; увлекшись, он дошел до того, что расстроил мою жену, не заходя при этом далеко. По поводу революции и опасности, которой мы подвергались, он невинно сказал: "Разве я не рискую так же, как и все? Я считаю, что через три месяца мне оторвут голову! Но мы все должны использовать свой шанс!" - Время от времени он предавался санкюлотизму. Он схватил за руку слугу, который менял тарелку: "Брат, прошу тебя, займи мое место и позволь мне подождать тебя в свою очередь" - Он выпил сердечные напитки и наконец ушел, довольный приемом. Вернувшись в трактир, он пробыл там до девяти вечера, надрался, но не опьянел. Одна бутылка на него не подействовала; он мог опустошить бочонок и не проявить никаких признаков этого].

33110 (обратно)

[Moniteur, XXII., 425. (Сессия 13 брюмера III года) Камбон, касаясь революционных комитетов, говорит: "Я хотел бы заметить Собранию, что им никогда не платили". Один из членов отвечает: "Они сами получали жалованье". ("Да, да." - аплодисменты.)].

33111 (возвращение)

["Moniteu", XXII., 711. (Доклад Камбона, Фример 6, год III.) - Камбон действительно заявил, Фример 26, год II., (Moniteur, XVIII., 680), относительно этих налогов: "Ни одно слово, ни одна су еще не дошла до казначейства; они хотят отменить Конвенцию, которая совершила Революцию."]

33112 (возврат)

[Там же, 720. "Сообщаемые остатки, большая часть которых уже внесена в хранилища Национального казначейства, составляют двадцать миллионов сто шестьдесят шесть тысяч триста тридцать ливров". В Париже, Марселе и Бордо, в крупных городах, где в трех четвертях округов были собраны десятки миллионов, Камбон, спустя три месяца после Термидора, не смог получить, не скажу, что декларации, но отчет о собранных суммах. Национальные агенты либо не ответили ему, либо сделали это туманно, либо заявили, что в их округах не было ни гражданских пожертвований, ни революционного налога, особенно в Марселе, где был сделан принудительный заем в четыре миллиона.-См. De Martel, "Fouché", P.245. (Мемориал центральной администрации Ниевра, прериаля 19, год III.) "Счет, возвращенный городом Невером, составляет восемьдесят тысяч франков, использование которых никогда не проверялось..... Этот налог, частично выплачивавшийся в качестве субсидии на войну, был просто ловушкой, расставленной политическими деятелями, чтобы взыскать контрибуцию с честных, доверчивых граждан" -Там же, 217. О добровольных дарах и принудительном налогообложении ср. в Нанте использование революционных налогов, выявленное на суде над революционным комитетом].

33113 (возврат)

[Ludovic Sciout, IV., 19. Доклад представителя Беккера. (Journal des Débats et Décrets, p.743, Prairial, год III.) Он возвращается из миссии в Ландау и сообщает о казнях, совершенных

агентами якобинцев в рейнских провинциях. Они взимали налоги с мечом в руке и грозили гильотиной в Страсбурге тем, кто не поддавался на уговоры. В квитанциях, которые прошли перед глазами репортера, "значилась сумма в три миллиона триста сорок пять тысяч семьсот восемьдесят пять ливров, два дензнака, в то время как наш коллега, Камбон, сообщает о выплате только ста тридцати восьми тысяч"]].

33114 (возврат)

[*"Moniteur"*, XXII., 754. (Доклад Грегуара, 24 фримера, III год.) "Плутни - это слово напоминает о старых революционных комитетах, большинство которых составляли отбросы общества и которые проявляли столько склонностей к двойной функции грабителя и преследователя"]].

33115 (возврат)

[Archives Nationales, AF., II., 107. (Приказы представителей Исабо и Талльена, Бордо, 11 и 17 брюмера II года) - Третий приказ, обнародованный теми же партиями, 2 фримера II года, заменяющий этот комитет другим, состоящим из двенадцати членов и шести депутатов, каждый из которых получал двести франков в месяц. Четвертый приказ, Плювиоза 16, год II, об увольнении членов вышеупомянутого комитета, как преувеличивающих и непокорных. Это объясняется тем, что они рассматривают свою местную королевскую власть в довольно серьезном свете.-Там же, AF., II., 46. ("Выдержки из протоколов заседаний революционного комитета Бордо", Prairial, год II.) Эта выписка, состоящая из восемнадцати страниц, подробно показывает внутреннюю работу революционного комитета. Число арестованных продолжает расти; на 27-е число Prairial их насчитывается 1524. Комитет является по существу полицейским управлением; он выдает гражданские свидетельства, выдает ордера на арест, переписывается с другими комитетами, даже очень отдаленными, в Лиможе и Клермон-Ферране, уполномочивает любого из своих членов производить расследования или домашние обыски, накладывать печати, принимает и передает доносы, вызывает доносчиков к себе, читает допросы, пишет в Комитет общественной безопасности и т. д. Ниже приведены образцы ордеров на арест: "Мюллер, мастер верховой езды, будет заключен в бывшую Petit Seminaire по подозрению в аристократизме, согласно общественному мнению" - другой пример (Archives Nationales, F.7, 2475. Журнал заседаний революционного комитета секции Пик, Париж, 3 июня 1793 года). Ордер на арест Буше, бакалейщика с улицы Нёв-дю-Люксембург, "подозреваемого" в инквизиции и "вынашивании злых и вероломных намерений против своей жены". Арестованный Буше заявил, что "то, что он говорил и делал в собственном доме, не касалось никого, кроме него самого". После этого его отвели в тюрьму].

33116 (возврат)

[Archives Nationales, AF., II., 30 (No.105). Допрос Жана Давилье и других выкупленных].

33117 (возврат)

[Berryat Saint-Prix, 313. (Суд над Лакомбом и его сообщниками после Термидора)].

33118 (возврат)

[Archives Nationales, AF., II., 46. (Письмо Жюльена в Комитет общественной безопасности, Бордо, мессидор 12, год II.)-Moniteur, XXII., 713. (Отчет Камбона, Фримар 6, год III.) В Верине граждан заключали в тюрьму, а затем отпускали на свободу "за определенную плату" -Albert Babeau, II., 164, 165, 206. (Отчет Камбона, 6 фримера II года.) "Ситуация, когда мадам Дегерруа пришла добиваться освобождения своего мужа, государственный чиновник потребовал от нее десять тысяч ливров, которые он уменьшил до шести тысяч за то, что она выполнила ее желание". "Один документ свидетельствует, что Масси заплатил две тысячи ливров, а вдова Делапорта - шестьсот ливров, чтобы выйти из тюрьмы"]].

33119 (возврат)

[Малле-Дюпан, "Первое письмо генуэзскому купцу" (I марта 1796 г.), с.33-35. "Одним из чудес царствования Террора является то незначительное внимание, которое уделялось торговле жизнью и смертью, характерной для терроризма..... Мы почти не находим ни слова о бесчисленных сделках, посредством которых "подозреваемые" граждане выкупали себя из плена, а заключенные в тюрьму - от гильотины. ... Темницы и казни были таким же предметом торговли, как покупка скота на ярмарке". Эта торговля "велась во всех городах, бургах и департаментах, сданных Конвенту и революционным комитетам"..... "Она была установлена с 10 августа". "Среди множества примеров я приведу только несчастного герцога дю Шатле: никогда никто не платил больше за его казнь!" - Валлон, "История Парижского революционного трибунала", VI, 88. (Донос на Фукье-Тинвиля, подписанный Сольни.) По словам Сольни, он регулярно обедал два раза в неделю в доме № 6 по улице Серпенте с неким Демэ, называвшим себя адвокатом и жившим с женщиной по имени Мартина. В этой смертельной ловушке, в разгар оргий, безнаказанно торговались деньгами за свободу или смерть заключенных. Одна только голова, принадлежавшая дому Буфлеров, избежавшая эшафота благодаря интригам этих вампиров, стоила им тридцать тысяч ливров, из которых одна тысяча была уплачена, а за остальную давался залог, выплачиваемый при освобождении.- Морелле, "Мемуары", II., 32. Агентом госпожи де Буфье был аббат Шевалье, который раньше знал Фукье-Тинвиля в канцелярии парламентского прокурора и который, возобновив знакомство, пришел и выпил с Фукье. "Ему удалось добиться того, что бумаги фрейлин Буффье, которые были готовы к отправке в Трибунал, были помещены в самый низ папки" -Mallet-Dupan, "Memoires", II., 495. "Фукье-Тинвиль получал от госпожи де Буффье пенсию в тысячу крон в месяц; выкуп увеличивался на четверть каждый месяц в связи с жестокостью обстоятельств. Этот способ спас этих дам, в то время как те, кто платил большую сумму, лишались жизни... Именно Дю Восель, генерал-фермер, спас принцессу Тарентскую за пятьсот луидоров, после того как спас двух других дам за триста луидоров, отданных одному из лидеров якобинцев"]].

33120 (возврат)

["Tableau des Prisons de Toulouse", 324. Кудерт, сапожник из муниципального совета, которому было поручено взять у обвиняемого серебряную пластинку, не умел или не желал составлять ничего другого, кроме неправильного и бесполезного протокола. На это обвиняемый возразил и отказался подписывать. "Осторожно, вы, - воскликнул Кудерт в ярости, - с вашим проклятым умом вы играете в упрямца. Вы просто проклятый дурак! Вы попадаете в плохую ловушку! Если вы не подпишете, я прикажу вас гильотинировать". Часто бумаги вообще отсутствуют. (Де Мартель, "Фуше", стр. 236. Меморандум властей Алье, адресованный Конвенту, документ 9). 30 октября 1793 года. Приказ революционного

комитета, предписывающий ночные посещения всех "подозрительных" домов в Мулене, чтобы изъять все золото, серебро и медь. "Составляется одиннадцать групп... каждая для посещения восьми или десяти домов. Каждая группа возглавляется одним из членов комитета, с одним муниципальным чиновником, в сопровождении слесарей и революционной гвардии. В жилищах обвиняемых и других частных лиц производятся обыски. Отбирают секретеры и шкафы, от которых не находят ключей. Грабят золотые и серебряные монеты. Уносят тарелки, драгоценности, медную посуду и другие вещи, постельное белье, доки, автомобили и т. д. Расписка не выдается. О том, что унесено, не сообщается. Они довольствуются тем, что в конце месяца сообщают в своего рода протоколе, составленном на заседании комитета, что, согласно отчетам о проведенных осмотрах, было найдено очень мало тарелок и совсем немного денег в золоте и серебре, все без какого-либо подсчета или перечисления" - "Souvenirs et Journal d'un Bourgeois d'Evreux", p.93. (25 февраля 1795 г.) Заседания популярного клуба "в основном посвящались чтению позорных дел и грабежей революционного комитета..... Члены клуба, назначавшие "подозреваемых", часто сами арестовывали их и составляли протоколы, в которых не указывали найденные драгоценности и золото"].

33121 (возврат)

[Там же, 461. (Вендемар 24, год III. Визит представителя Маларме.) Бывший герцог де Нарбонн-Лорра в возрасте восьмидесяти четырех лет говорит Маларме: "Гражданин представитель, извините, что я не снимаю шапку; я потерял волосы в этой тюрьме, не имея возможности получить разрешение на изготовление парика; это хуже, чем быть ограбленным на дороге". "У вас что-нибудь украли?" "Они украли сто сорок пять луидоров и заплатили мне оправдательный платеж в счет налога для некулотов, что является еще одним грабежом, совершенным по отношению к жителям этой коммуны, где у меня нет ни дома, ни имущества". "Кто совершил это ограбление?" "Это был гражданин Берже, член муниципального совета". "У вас больше ничего не отняли?" "Они взяли серебряный кофейник, два мыльницы и серебряную бритву" "Кто взял эти вещи?" "Это был гражданин Миот (видный член совета)". Миот признается, что оставил эти предметы у себя и не отнес их на Монетный двор.-Там же, 178. (У всех заключенных отобрали обувь, даже у тех, у кого была только одна пара; было обещано, что взамен они получат сабо, которые они так и не получили. Их плащи также забрали, пообещав заплатить за них, что так и не было сделано" - "Souvenirs et Journal d'un Bourgeois d'Evreux", p.92. (25 февраля 1795 г.) "Заседания народного клуба были в значительной степени посвящены чтению о злодеяниях и грабежах революционного комитета. Его члены, назначавшие подозреваемых, часто сами их арестовывали; они составляли о них сборы и отчеты, в которых опускали найденное золото и драгоценности"].

33122 (возврат)

["Moniteur", XXII. 133. (Сессия Вандемьера II, год III.) Отчет Тибодо. "Эти семь человек - отступники, которые были уволены народными представителями за кражу вещей арестованных. Имеется документ, в котором они заявляют, что, не помня стоимости похищенных вещей, они согласны возместить ущерб нации в размере двадцати двух франков каждый"].

33123 (возврат)

[Berryat Saint-Prix, 447. Судья Раго был в прошлом столяром в Лионе, а Виот, прокурор, - бывшим дезертиром из Пентьеврского полка. "Другие обвиняемые были разграблены. У них не осталось ничего, кроме одежды, которая была в плохом состоянии. Напье, судебный пристав, был позже (Мессидор, год III) приговорен к кандалам за то, что присвоил часть вещей, драгоценностей и ассигнаций, принадлежавших обвиняемым"].

33124 (возвращение)

[Слова Камиля Десмулена в "La France Libre" (август 1782 г.)].

33125 (обратно)

[Де Мартель, "Фуше", 362.- Там же, 132, 162, 179, 427, 443.- Лекарпентье, в "Ламанше", постоянно заявляет: "Те, кому не нравится Революция, должны платить тем, кто ее делает"].

33126 (возврат)

[Марселен Буде, 175. (Обращение Монестье к народным клубам Пюи-де-Дома, 23 февраля 1793 г.)].

33127 (обратно)

[Alexandrine des Echerolles, "Une famille noble sous la Terreur"].

33128 (возврат)

[Archives Nationales, AF., II., 65. (Письмо генерала Керморвана президенту комитета общественной безопасности, Валансьен, 12 фруктидора, год III.)].

33129 (возврат)

[Доклад Куртуа, "Sur les papiers de Robespierre", (Pieces justificatives, pp. 312-324), письма Ревершона, Germinal 29, Floréal 7 и 23, и Ла Порта, Germinal 24, год II].

33130 (возвращение)

[Там же. Письмо Ла Порта "Я не знаю, какая фатальность побуждает здешних патриотов не терпеть своих братьев, которых они называют чужаками... Они заявили нам, что не допустят, чтобы кто-то из них занимал должность". Представители осмелились арестовать только двух грабителей и опустошителей, которые теперь на свободе и выступают против них в Париже. "Бесчисленное множество серьезных и даже зверских обстоятельств ежедневно представляется нам, и мы не решаемся действовать, чтобы не поразить патриотов или тех, кто называет себя таковыми... Совершаются ужасные злодеяния"].

33131 (возвращение)

[Там же. Письмо Реверсона: "Все эти фанатики хотят получить Республику только для себя"... "Они называют себя патриотами только для того, чтобы перерезать глотки своим братьям и обогатиться" - Гийон де Монлеон, "История Лионского города в эпоху Революции III", 166. (Отчет Фуше, апрель 1794 г.) "Невинные люди, оправданные ужасным трибуналом Революционного комитета, были снова брошены в темницы преступников по деспотическим приказам тридцати двух комитетов, потому что они имели несчастье пожаловаться, что, вернувшись домой, не нашли там оставленных ими строго необходимых предметов"].

33132 (возврат)

[Meissner, "Voyage en France dans les Derniers Mois de 1795", p.343. "Некий домен был передан революционными департаментами одному из их креатур почти за бесценок, меньше, чем выручка от первого сруба дерева."-Moniteur, XXIII., 397. (Речь Бурдона де л'Уаза, 6 мая 1795 г.) "Некий фермер заплатил за свою ферму стоимостью пять тысяч франков продажей одной лошади"].

33133 (возврат)

["Moniteur", XXII., 82. (Отчет Грегуара, 14 фруктидора, год II.) Там же, 775. (Отчет Грегуара, Фримар 24, год III.)].

33134 (возврат)

["Recueil de Pièces Authentiques sur la Révolution à Strasbourg", II., p. I. (Протокол, составленный в присутствии старшего Муэ и подписанный им)].

33135 (возврат)

["Moniteur", XXII., 775. (Донесение Грегуара, Фримар 24, год III.)-Там же, 711. (Донесение Камбона, 6 фримера, год III.)-Archives Nationales, AF., II., 65. (Письмо генерала Керморвана, Валансьенн, 12 фруктидора, год III.)].

33136 (возврат)

["Tableau des Prisons de Toulouse", 184. (Посещение Вентоса 27, год II.)].

33137 (возврат)

["Archives Nationales", F.7, 7164. (Департамент Вар "Idée générale et appréciation avec détails sur chaque canton", год V.)]

33138 (возврат)

[Там же, F.7, 7171 (№ 7915)] (Департамент Буш-дю-Рон, "Генеральная идея", год V.) - (Письма Миоллиса, комиссара Директории в этом департаменте, 14 и 16 сентября, год V. Письмо генерала Виллота министру, 10 января, и генерала Мерля генералу Виллоту, 17 января, год V.)

"Несколько секций анархистов кочуют из одной коммуны в другую, возбуждая слабых граждан к беспорядкам и заставляя их участвовать в ужасах, которые они замышляют" - Там же, F 7, 7164. Письмо генерала Виллота министру, Овен, Плювиоза 12, год V., с подтверждающими документами, и особенно с письмом директора суда присяжных, о насилии, совершенном якобинцами в Овене, и их правлении). Их партия "состоит из самых мерзких ремесленников и почти всех матросов". Муниципалитет, набранный из бывших террористов, "уже год как ввел в действие аграрный закон, опустошение лесов, грабеж посевов пшеницы бандами вооруженных людей под предлогом права уборки, грабеж животных у плуга, а также стад" и т. д.].

33139 (возвращение)

[Там же, ф. 7, д. 7171. "Эти комиссары (квартирные) уведомляют исключительных лиц и даже мошенников, когда против них выписываются ордера..... Те же меры, которые были приняты в первичных собраниях 1-го числа Термидора при выборе муниципальных чиновников, с успехом были возобновлены при организации Национальной гвардии - угрозы, оскорбления, крики, нападения, принудительное изгнание с собраний амнистированных, наконец, назначение последних на главные должности. В сущности, все должности, начиная с командиров батальонов и кончая капралами, заняты исключительно их приверженцами. В результате честные люди, для которых служба с людьми, вызывающими у них отвращение, нанимают запасных вместо того, чтобы самим устанавливать охрану, и безопасность города оказывается в руках тех, кто сам должен быть под присмотром"].

33140 (возврат)

[Archives Nationales, F.7, 3273. (Письмо Мерара, бывшего администратора и судьи в 1790 и 1791 годах, в III, IV и V годах, министру, Apt, Pluviôse 15, год III, с личными отзывами и документальными свидетельствами). "Я не могу больше сдерживаться при виде стольких ужасов..... Мировые судьи и председатель суда присяжных оправдываются тем, что нет ни доносов, ни свидетелей. Кто осмелится выступить против людей, присваивающих себе звание высших патриотов, передовых в каждом революционном кризисе, имеющих друзей в каждой коммуне и покровителей на всех высоких постах? Их благосклонность была такова, что коммуна Горд была свободна от призыва в армию и от всех реквизиций. Люди, расположенные, по их словам, ко вторым гражданским и административным взглядам, не могут быть слишком сильно оскорблены..... Такое удручающее положение вещей проистекает из слабости, неопытности, невежества, апатии и безнравственности государственных чиновников, которые, начиная с 18 фруктидора V года, кишат, за редким исключением, среди официальных властей. Все, кто наиболее подл и некомпетентен, занимают свои посты, и каждый добропорядочный гражданин напуган до смерти" - Там же. (Письмо Монтобана, директора регистратуры с 1793 года, министру внутренних дел, соотечественнику, Авиньон, Плювиоза 7, год VII). "Честные люди постоянно раздражаются и опускаются авторами и руководителями "Glaciere" орудиями кровавого трибунала Оранжа и поджигателями Бедуима". Он предписывает хранить в тайне это письмо, которое, "если бы оно стало известно гласиеристам или оранжистам, стоило бы ему жизни"].

33141 (возврат)

[Там же, F.7, 7164. (Департамент Вар, год V., "Генеральная идея") "Национальный характер

исчез, он даже деморализован: чиновник, не наживший быстро своего состояния, считается дураком"]].

33142 ([возврат](#))

["Moniteur", XXII., 240. (Обвинение четырнадцати членов Революционного комитета Нанта и итоги рассмотрения дела, Vendémiaire 23, год II). Когда нет особых сведений о других комитетах, вердикт в целом почти всегда оказывается столь же ошеломляющим. (Заседание Вандемьера 12, год III. Жалоба депутации из Ферни-Вольтера). "Район Гекса в течение года был добычей пяти или шести негодяев, которые нашли там убежище. Под маской патриотизма им удалось завладеть всеми канцеляриями. Эти изверги совершали всевозможные преступления, грабили частные дома, растрачивали государственные деньги". (Депутаты Ферни привезли с собой показания свидетелей.)-Там же, 290. (Письма представителя Гупильо, Безье, Вандемьер 28, год III. о террористах Воклюза). "Эти плотоядные ребята, сожалеющие о временах, когда они могли безнаказанно грабить и устраивать резню..... которые полгода назад голодали, а теперь живут в самом скандальном изобилии... Растратчики государственных средств, грабители частных состояний... Виновные в насилии, в принудительных взносах, в поборах и т. д.-Prudhomme, "Les crimes de la Révolution", VI, 79. (О революционном комитете, созданном Фуше в Невере.) Местное расследование показывает, что одиннадцать лидеров были людьми с мерзким характером, неподкупными и непорядочными священниками, адвокатами и нотариусами, изгнанными из своих профессиональных организаций и даже из народных клубов за свою нечестность, актерами без гроша в кармане, хирургами без пациентов, развращенными, разоренными, неспособными людьми, и двумя тюремщиками].

33143 ([возвращение](#))

[Beaulieu, III., 754.- Ср. "Революция", т. II., гл. I., P 9].

33144 ([возврат](#))

["Recueil de pièces authentiques sur la Révolution à Strasbourg", I., 21.-Archives Nationales D., I., P 6. (Заказ Русселена, Frimaire II, год II.)].

33145 ([возврат](#))

["Un Sejour en France de 1792 à 1795", p.409].

33146 ([возврат](#))

[Я не нашел полного списка городов и департаментов, в которых имелась революционная армия. Переписка представителей миссии и опубликованные документы подтверждают наличие революционных армий в упомянутых городах].

33147 ([возврат](#))

[Де Мартель, "Фуше", 338. (Текст приказа комиссаров общественной безопасности). Отряд, направленный в Лион, состоит из двенадцати сотен фузилеров, шестисот стрелков, ста

пятидесяти лошадей. Триста тысяч ливров перечисляются на дорожные расходы комиссару, пятьдесят тысяч - Колло д'Эрбуа и девятнадцать тысяч двести - сопровождающим их гражданским якобинцам].

33148 (возврат)

[Moniteur. (Сессия 17 брюмера III года) Письмо представителя Калеса в Конвент. "Под предлогом охраны тюрем муниципалитет (Дижона) имел революционную армию, которую я разогнал два дня назад, так как она стоила шесть тысяч франков в месяц, не подчинялась командующему вооруженными силами и служила опорой интриганам. Эти солдаты, все безработные, только и делают, что занимают трибуны клубов, где вместе с женщинами, которых они приводят с собой, аплодируют вождям, угрожают гражданам, настроенным против них, и заставляют их держать язык за зубами" (De Martel, "Fouché", 425). "Жавог, чтобы избежать декрета Конвента (Фримера 14) о подавлении революционной армии в департаментах, превратил двенадцать сотен человек, которых он ввел в ее состав на Луаре, в платных солдат."? Там же, 132. (Письмо Гулена, Бур, 23 фримера.) "Вчера в Бур-Режери я нашел Жавогеса с примерно четырьмя сотнями человек революционной армии, которых он привел с собой 20-го числа"]].

33149 (возврат)

[Buchez et Roux, XXIX., 45.-Moniteur, XX., 67. (Отчет Барера, Жерминаль 7.)-Sauzay, IV., 303. (Приказы представителя Бассалья в Безансоне)].

33150 (возврат)

[Из отчета Барера (Жерминаль 7, год II.) мы видим, что революционная армия Парижа, вместо шести тысяч человек, насчитывала только четыре тысячи, что вполне заслуженно для Парижа. (ср. "Революция", II., 353.)-Гувион Сен-Сир, I., 137. "В эти времена представители организовали в Верхнем Рейне то, что они называли революционной армией, состоящей из дезертиров и всех бродяг и отщепенцев, которых они могли подобрать, принадлежавших к народному клубу; они тащили за собой то, что они называли судьями и гильотиной" - "Hua, Souvenirs d'un Avocat", 196].

33151 (обратно)

[Riouffe, "Memoires d'un deténue". P.31.]

33152 (возврат)

[Там же: "Эти балы выносились демонстративно и заранее показывались народу. Ему показалось недостаточным связать нам руки и обвязать три веревки вокруг талии. Мы держали эти кандалы до конца пути, и они были так тяжелы, что, если бы карета накренилась на одну сторону, мы неминуемо переломали бы себе ноги". Привратники парижского консьержери, которые занимали свои места девятнадцать лет, были поражены этим"]].

33153 (возврат)

["Archives des Affaires étrangères", vol.331. (Письмо Гаупта, Бельфор, 13 фримера, год II.)].

33154 (возврат)

[Там же (письмо Дегранжа, Бордо, 10 фримера.)].

33155 (возврат)

[Там же, т. 332. (Письмо Тибержа, Марсель, 14 фримера.) "Я окружил город со своей небольшой армией"].

33156 (возврат)

[Там же, т.331. (Приказ представителя Бассалья, Безансон, Фримар 5.) "Ни один гражданин не должен держать в своем доме более четырехмесячных запасов..... Каждый гражданин, имеющий больше, чем это, должен сдать излишки в зернохранилище "d'abondance", предусмотренное для этой цели... . Немедленно по получении настоящего распоряжения муниципалитет созывает всех граждан, способных молотить, и немедленно, без промедления, отправляется на молотилку под страхом преследования как не подчинившихся закону..... Революционной армии специально поручается исполнение статей этого приказа, а революционным трибуналам, следующим за этой армией, - исполнение наказаний, налагаемых в соответствии с этим приказом". Другие документы показывают, что революционная армия, организованная в департаменте Дуб и в пяти соседних департаментах, насчитывает в общей сложности две тысячи четыреста человек. (Ibid., vol., 1411. Письмо Мейенфельда министру Дефоржу, 27 брюмера II года.) -Archives Nationales, AF., II., 111. (Приказ Кутона, Менье, Шатонефа, Рандона, Ла Порты и Альбита, Коммуна-Аффранчи, 9 брюмера II года, о создании в десяти близлежащих департаментах революционной армии по тысяче человек в каждом департаменте, для призыва зерна. Каждая армия должна управляться комиссарами, незнакомыми с департаментом, и действовать в других департаментах, кроме того, в котором она была создана].

33157 (возврат)

[Archives des Affaires étrangères, 331. (Письмо Шепи, II фр.) - За месяц до этого (6 брюмера) он пишет: "Крестьяне проявляют себя очень враждебно по отношению к городам и закону максимум. Ничего нельзя сделать без революционной армии"].

33158 (возврат)

[Mercier, "Paris Pendant la Révolution", I., 357].

33159 (возврат)

[Нуа, 197. Я не нашел ни в одном печатном или рукописном документе ни одного случая сопротивления, кроме случая братьев Шаперон в деревне Леже, недалеко от Сенса, которые заявили, что у них нет пшеницы, кроме как для собственного пользования, и которые защищают себя с помощью ружья. Жандармерия не в силах их одолеть, звучит набат,

вызывается Национальная гвардия Сенса и окрестностей; с пушками дело заканчивается сожжением дома. Оба брата погибли. Однако прежде чем их одолели, они успели сразить капитана Национальной гвардии Сенса и убить или ранить около сорока нападавших. Оставшиеся в живых брат и сестра гильотинированы. (Июнь, 1794 г. Wallon, IV., 352.)).

33160 ([возврат](#))

[*"Moniteur"*, XVIII., 663. (Заседание 24 фримера, отчет Лекуантра.) "Коммуны Тье, Жюлли и многие другие стали жертвами их разбоя."- "Оцепенение в стране таково, что несчастные страдальцы не смеют жаловаться на эти досады, потому что, по их словам, им просто повезло, что они избежали смерти."- На этот раз, однако, эти общественные разбойники допустили ошибку. Сын Гиббона оказывается фермером-арендатором Лекуантра. Более того, он лишь случайно упоминает об этом обстоятельстве своему хозяину; "он пришел к нему с другой целью" - см. "Революция", т. II, 302. (Аналогичная сцена происходит в доме фермера Рюэля в коммуне Лиссе)].

33161 ([возврат](#))

[*Passim Alfred Lallier*, "Le sans-culotte Goullin."-Wallon, "Histoire du Tribunal révolutionnaire de Paris", V., 368. (Показания Лакайля.)- Помимо этого, самые необычные чудовища встречаются и в других административных органах, например, в Нанте портной Жан д'Эрон становится инспектором военных складов. "После разгрома в Клиссоне, рассказывает женщина Лайе, он появился в народном клубе с ухом разбойника, прикрепленным к его шляпе в виде кокарды. Его карманы были полны ушей, которые он с удовольствием заставлял целовать женщин. Он выставял напоказ и другие вещи, которые заставлял их целовать, а женщина Лайе добавляет некоторые подробности, которые я не решаюсь пересказать". (*"Le patriote d'Héron"*, L. de la Sicotière, pp.9 и 10. Показания женщины Лайе, торговки рыбой, также показания Меллине, т. VIII, с. 256.)).

33162 ([возврат](#))

[*Wallon*, V., 368. (Показания де Лайе.)).

33163 ([возврат](#))

[*Ibid.*, V., 37'. (Показания Табуре.)).

33164 ([возврат](#))

[*Ibid.*, V., 373. (Показания Мариотта.)).

33165 ([возврат](#))

[*Monieur*, XXII., 321. (Показания Филиппа Тронсхолли.)- *Berryat Saint-Prix*, "La Justice Révolutionnaire", 39].

33166 (возврат)

[Campardon, "Histoire du Tribunal Révolutionnaire", II., 30. Они получают десять франков в день и наделены всеми полномочиями. (Приказ о перевозчике и франкастеле от 28 октября 1793 г.) "Представители.... предоставляют коллективно и индивидуально каждому члену революционной компании право наблюдения за всеми "подозрительными" гражданами в Нанте, за чужаками, которые приезжают или проживают там, за монополистами любого рода..... Право наносить визиты в дома, где они сочтут это целесообразным.... Вооруженные силы везде будут отвечать на требования, предъявляемые к ним от имени компании или любого отдельного ее члена." - Berryat Saint-Prix, p. 42.-Alfred Lallier, "Les Noyades de Nantes", p.20. (Показания Готье.) Ibid., p.22. "Черт возьми, - восклицает Каррьер, - я хранил эту казнь для Ламберти. Мне жаль, что ее совершили другие"].

33167 (возврат)

[Alfred Lallier, ibid., pp.21 и 90.-Cf. Moniteur, XXII., 331. (Показания Виктуар Абрахам.) "Утопленники совершенно свободно обращались с женщинами, даже использовали их в своих целях, когда были довольны ими, и эти женщины, в знак своей доброты, пользовались тем ценным преимуществом, что не были утоплены"].

33168 (обратно)

[Campardon, II., 8. (Показания Коммере.) - Berryat Saint-Prix, p. 42.-Ibid., p.28. Другие агенты Каррьера, Фуке и Ламберти, были осуждены особо, "за то, что спасли от национальной мести мадам де Мартильи и ее служанку... Они разделили между собой женщину Мартилли и служанку". В связи с "изысканным вкусом" якобинцев к шелковым платьям М. Берриа Сен-При приводит следующий ответ одного якобинца 1851 года судье-инструктору из Реймса; на возражение, что республика, как он ее понимает, не может просуществовать долго, он ответил "Возможно, но предположим, что она продлится три месяца. Этого достаточно, чтобы набить карманы и животы и смять шелковые платья?" Другой представитель того же вида в 1871 году сказал: "В любом случае нам хватит недели". Наблюдатели человеческой природы найдут аналогичные детали в истории восстания сипаев в Индии против англичан в 1803 году, а также в истории индейцев в Соединенных Штатах. Сентябрьская резня в Париже и история боев 1791 и 1792 годов уже предоставили нам такие же характерные документы].

33169 (возврат)

[Alfred Lallier, "Les Fusillades de Nantes", P.23. (Показания Пикара, командира Национальной гвардии сопровождения; см. показания Жана Жуне, асфальтоукладчика, и Анри Фердинанда, столяра)].

33170 (возврат)

[Sauzay, "Histoire de la Persécution Révolutionnaire dans le Département du Doubs", VII., 687. (Письмо Грегуара от 24 декабря 1796 г.) "По приблизительным подсчетам, число авторов стольких преступлений составляет триста тысяч человек, ибо в каждой коммуне было примерно пять или шесть этих свирепых зверей, которые, по имени Брут, совершенствовали искусство снятия печатей, утопления и перерезания горла. Они тратили огромные суммы на строительство "гор", пиршеств и праздники каждые три месяца, которые после первого

парада превращались в пародии, представленные тремя или четырьмя актерами, не имеющими зрителей. В конце концов, они состояли из барабанщика и музыкального офицера; последний, стыдясь самого себя, часто прятал свой шарф в карман, направляясь в Храм Разума. ... Но у этих 300 000 разбойников было 2 или 300 директоров, членов Национального конвента, которых нельзя назвать иначе, как негодями, поскольку язык не дает другого столь же сильного эпитета"].

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ. УПРАВЛЕНЦЫ.

ГЛАВА I. УГНЕТЕННЫЕ.

I. Революционное разрушение.

Величина революционного разрушения. Четыре способа изгнания из страны путем принудительной выдворение из страны путем принудительной эмиграции и законного изгнания. - Количество изгнанных. - Лишение свободы. - Различные виды тюремного заключения. - Число и положение заключенных в тюрьму. - Убийства после убийства после суда или без суда. - Количество гильотинированных или расстрелянных после суда. - Индикация числа других количество других уничтоженных жизней. - Необходимость и план более широкого уничтожения. - Полиция. - Ее масштабы. - Бродяжничество. - Большие потери. - Руина отдельных лиц и государства. угнетенные.

Цель якобинца, прежде всего, - уничтожение своих противников, явных или предполагаемых, вероятных или возможных. Четыре жестокие меры, вместе или по очереди, приводят к физическому или социальному истреблению всех французов, которые больше не принадлежат к секте или партии.

Первая операция состоит в изгнании их с территории страны. С 1789 года они были изгнаны путем насильственной эмиграции; переданы жакериям, или народным восстаниям, в стране и мятежам в городах,⁴¹⁰¹ беззащитные и не имеющие возможности защитить себя, три четверти из них покинули Францию, просто чтобы избежать народных жестокостей, от которых ни закон, ни правительство не предоставляли им никакой защиты. Поскольку закон и администрация, становясь все более якобинскими, становились все более враждебными по отношению к ним, они уезжали все большими толпами. После 10 августа и 2 сентября бегство стало более массовым, ибо отныне, если кто-либо продолжал оставаться после этой даты, то с почти полной уверенностью мог быть отправлен в тюрьму, где его ожидала расправа или гильотина. Примерно в то же время закон добавил к беглецам изгнанников, всех неприсягнувших священников, почти весь класс, состоящий почти из 40 000 человек⁴¹⁰². Подсчитано, что при выходе из царствования Террора общее число беглецов и изгнанников составило 150 000⁴¹⁰³, и список был бы еще больше, если бы граница не охранялась патрулями и ее не приходилось пересекать с риском для жизни; И все же многие рискуют жизнью, пытаясь пересечь ее, переодеваясь, бродя по ночам, в середине зимы, под выстрелами, решив спастись любой ценой, в Швейцарии, Италии или Германии, и даже в Венгрии, в поисках безопасности и права молиться Богу, как заблагорассудится.⁴¹⁰⁴ Если кто-либо из сосланных или депортированных осмеливается вернуться, его отслеживают, как дикого зверя, и, как только его схватят, гильотинируют.⁴¹⁰⁵ Например, месье де Шуазель и другие несчастные, потерпевшие крушение и выброшенные на берег Нормандии, не защищены в достаточной степени правом народов. Они предстают перед военной комиссией; временно спасенные благодаря общественному одобрению, они остаются в тюрьме, пока первый консул не встанет между ними и убийственным законом и не соглашается, через благосклонность, депортировать их к голландской границе. Если они взяли в руки оружие против Республики, они отрезаны от человечности; с пленным пандуром⁴¹⁰⁶ обращаются как с человеком; с пленным эмигрантом обращаются как с волком - его расстреливают на месте. В некоторых случаях обходятся даже без самых мелких юридических формальностей. "Когда мне посчастливилось поймать их, - пишет генерал Вандамме, - я не беспокою военную комиссию, чтобы судить их. Они уже судимы - моя сабля и пистолеты делают свое дело "⁴¹⁰⁷.

Вторая операция состоит в лишении свободы "подозреваемых", причем это лишение имеет несколько степеней; существуют различные способы завладения людьми. Иногда "подозреваемый" "откладывается", то есть приказ об аресте просто приостанавливается; он живет под вечной угрозой, которая обычно выполняется; он никогда не знает утром, что не будет спать в тюрьме этой ночью. Иногда его помещают в пределы своей коммуны. Иногда его заключают в его доме с охранниками или без них, и в первом случае он обязан платить им. И наконец, что случается чаще всего, его заключают в ту или иную общую тюрьму.⁴¹⁰⁸ В одном только департаменте Дуб двенадцатьсот мужчин и женщин "отложены"; триста помещены в пределы коммуны, пятнадцатьсот заключены в свои дома, а двадцать двести заключены в тюрьму. В Париже тридцать шесть таких тюрем и более "скрипок", или временных тюрем, которые вскоре заполняются революционными комитетами, не хватает для службы.⁴¹⁰⁹ Подсчитано, что во Франции, не считая более 40 000 временных тюрем, двенадцатьсот тюрем, переполненных и переполненных, содержат более двухсот заключенных каждая.⁴¹¹⁰ В Париже, несмотря на ежедневную пустоту, создаваемую гильотиной, число заключенных на Флореаль 9, год II., составляет 7 840 человек; а на Мессидоре 25, несмотря на большие партии по 50 и 60 человек, которых ежедневно ведут на эшафот, их число по-прежнему составляет 7 502 человека.⁴¹¹¹ В тюрьмах Арраса содержится более тысячи человек, Тулузы - более тысячи пятисот, Страсбурга - более трех тысяч, Нанта - более тринадцати тысяч. Только в двух департаментах - Буш-дю-Рон и Воклюз -

представитель Мейне, находящийся на месте событий, сообщает о 12-15 тысячах [арестов4112](#). "Незадолго до Термидора, - говорит представитель Болье, - число заключенных возросло почти до 400 000 человек, что видно из списков и реестров, находившихся в то время в Комитете общей безопасности" [4113](#). [4113 Среди](#) этих несчастных есть дети, и не только в тюрьмах Нанта, где революционные обыски собрали все сельское население; в тюрьмах Арраса, среди двадцати подобных случаев, я обнаружил угольщика и его жену с семью сыновьями и дочерьми, от 1600 семнадцати до шести лет; вдову с четырьмя детьми от девятнадцати до двенадцати лет; другую знатную вдову с девятью детьми от семнадцати до трех лет и шестерых детей без отца и матери от двадцати трех до девяти лет. [4114](#)-С этими государственными пленниками почти везде обращались хуже, чем с разбойниками и убийцами при древнем режиме. Вначале их подвергали рапиотажу, то есть раздевали догола или, в лучшем случае, ощупывали их тело под рубашками; женщины и молодые девушки падали в обморок от этого осмотра, которым раньше подвергали каторжников при входе в bagnio. [4115 Нередко](#), прежде чем отправить их в темницы или запереть в камерах, их оставляли на две-три ночи в нижнем зале на скамьях или во дворе на мостовой, "без кроватей и соломы". "Чувства уязвлены по всем направлениям, каждая точка чувствительности, так сказать, обыгрывается. Их одного за другим лишают имущества, имущества, мебели и пищи, дневного света и света ламп, помощи, которой требуют их нужды и немощи, знания общественных событий, всякого общения, непосредственного или письменного, с отцами, сыновьями и мужьями" [4116](#). [4116](#) Они обязаны платить за жилье, за сторожа и за то, что они едят; у них отнимают припасы, за которыми они посылают на улицу; их заставляют есть за столом; их кормят скудной и тошнотворной пищей: "испорченной треской, тухлыми селедками и мясом, гнилыми овощами, и все это сопровождается кружкой воды из Сены, окрашенной в красный цвет каким-то снадобьем". [4117](#) Их морят голодом, издеваются над ними, специально изводят их, как будто хотят истощить их терпение и подтолкнуть к бунту, чтобы избавиться от них в массе или, по крайней мере, оправдать все более быстрые удары гильотины. Они сгрудились десятками, двадцатками и тридцатками в одной комнате в Ла Форс, "по восемь человек в камере, четырнадцать футов квадратных", где все кровати соприкасаются, а многие перекрывают друг друга, где двое из восьми заключенных вынуждены спать на полу, где кишат паразиты, где закрытые фонари, стоячие ванны и тесное скопление тел отравляют атмосферу - во многих местах доля больных и умирающих больше, чем в трюме рабовладельческого судна. "Из девяноста человек, с которыми меня держали два месяца назад, - пишет заключенный из Страсбурга, - шестьдесят шесть были доставлены в больницу в течение восьми дней". [4118](#) В тюрьмах Нанта за два месяца от брюшного тифа и гниения умирают 3000 из 13 000 заключенных. [4119](#) 400 [священников4120](#), заключенных на судне между палубами на рейде Экса, наваленных друг на друга, изможденных голодом, изъеденных паразитами, задыхающихся от недостатка воздуха, полузамерзших, избитых, издевающихся и постоянно угрожающих смертью, страдают все же больше, чем негры в рабском заключении; Ведь капитан раба, заинтересованный в своем грузе, старается сохранить здоровье своего груза людей, в то время как команда судна "Экс" из-за революционного фанатизма ненавидит свой груз "черномазых" и с радостью отправила бы их на дно.-Согласно этой системе, которая вплоть до 9 термидора становится все хуже и хуже, тюремное заключение превращается в пытку, часто смертельную, более медленную и болезненную, чем гильотина, и до такой степени, что, чтобы избежать ее, Шамфор вскрывает себе вены, а Кондорсе глотает яд. [4121](#) Третье средство - убийство, с судом или без суда. 178 трибуналов, из которых 40 амбулаторных, выносят во всех частях территории смертные приговоры, которые немедленно исполняются на месте. [4122](#) С 6 апреля 1793 года по 9 термидора II года (27 июля 1794 года) в Париже было гильотинировано 2 625 человек, [4123](#) а провинциальные судьи выполняют столько же работы,

сколько и парижские. Только в небольшом городке Оранж они гильотинируют 331 человека. В единственном городе Аррас гильотинированы 299 мужчин и 93 женщины. В Нанте революционные трибуналы и военные комитеты гильотинируют в среднем по 100 человек в день, или расстреливают, всего 1 971 человек. В Лионе революционный комитет признает 1 684 человека, а Кадильо, один из корреспондентов Робеспьера, сообщает ему о 6 000.⁴¹²⁴ Список этих убийств не полон, но 17 000 перечислены,⁴¹²⁵ "большинство из них совершены без всяких формальностей, доказательств или прямых обвинений", в том числе убийство "более 1200 женщин, несколько из которых были осьмилетними и немощными"⁴¹²⁶; в частности, убийство 60 женщин или молодых девушек, приговоренных к смерти, согласно ордерам, за то, что они посещали службы неприсягнувших священников или пренебрегали службой присягнувшего священника.

"Обвиняемые, выстроенные по порядку, были осуждены на месте. Сотни смертных приговоров занимали около минуты на голову. Судили детей семи, пяти и четырех лет. Отца осуждали за сына, а сына - за отца. Собаку приговорили к смерти. В качестве свидетеля был привлечен попугай. Множество обвиняемых, чьи приговоры не могли быть выписаны, были казнены".

В Анжере приговоры более четырехсот мужчин и трехсот шестидесяти женщин, казненных с целью освобождения тюрем, в реестрах обозначались просто буквами S или G (расстрелян или гильотинирован).⁴¹²⁷ В Париже, как и в провинциях, малейший [предлог](#)⁴¹²⁸ мог послужить основанием для совершения преступления. Дочь знаменитого художника Жозефа Верне⁴¹²⁹ была гильотинирована за то, что была "приемщицей" и хранила в своем доме пятьдесят фунтов свечей, распределенных среди служащих Ла Мюэтт ликвидаторами гражданского списка. Юный де Майе⁴¹³⁰ в возрасте шестнадцати лет был гильотинирован как участник заговора, "за то, что бросил тухлую селедку в лицо своему тюремщику, который подал ее ему для еды". Мадам де Пюи-Верин была гильотинирована как "виновная" за то, что не отобрала у своего глухого, слепого и дряхлого мужа мешочек с карточками, помеченный королевским изображением.⁴¹³¹ В отсутствие какого-либо предлога предполагался заговор; пустые списки выдавались платным эмиссарам, которые обязывались обыскать различные тюрьмы и выбрать необходимое количество голов; они записывали в них имена по своему воображению, и эти списки составляли партии для гильотины.

"Что касается меня, - сказал присяжный Вилат, - то я никогда не смущаюсь. Я всегда убежден. В революцию все, кто предстанет перед этим трибуналом, должны быть осуждены".

В Марселе комиссия [Брута](#)⁴¹³², "вынося приговор без прокурора и присяжных, отправила в тюрьмы тех, кого хотела предать смерти. Выяснив их имена, профессии и состояние, их спускали на телегу, стоявшую у дверей Дворца правосудия; затем судьи выходили на балкон и выносили смертный приговор". Такие же процессы происходили в Камбрэ, Аррасе, Нанте, Ле-Мане, Бордо, Ниме, Лионе, Страсбурге и других местах. Очевидно, что судебная комедия - это просто парад; ее используют как одно из респектабельных средств, наряду с другими, менее респектабельными, для истребления людей, чьи мнения не соответствуют действительности или которые принадлежат к запрещенным [классам](#)⁴¹³³; Самсон в Париже и его коллеги в провинциях, взводы палачей в Лионе и Нанте, - это просто пособники убийц, которых правильно так называть, а законные расправы завершают другие расправы, чистые и простые.

Из этого последнего описания на первом месте стоят фузиллии в Тулоне, где число расстрелянных значительно превышает тысячу [человек](#)⁴¹³⁴; далее следуют великие утопления в Нанте, в которых погибло 4 800 мужчин, женщин и [детей](#)⁴¹³⁵, другие утопления,

о которых не может быть и речи;⁴¹³⁶ затем бесчисленные народные убийства, совершенные во Франции между 14 июля 1789 года и 10 августа 1792 года; расправа над 1300 пленными в Париже в сентябре 1792 года; длинный ряд убийств, которые в июле, августе и сентябре 1789 года охватили всю территорию страны; наконец, отправка пленных, расстрелянных или зарубленных, без суда в Лионе и на Западе. Даже если не считать тех, кто погиб в бою или кто, взятый с оружием в руках, был застрелен или убит саблей на месте, только в провинции Анжу было убито без суда 10 000 человек⁴¹³⁷; соответственно, инструкции Комитета общественной безопасности, а также письменные приказы Каррье и Франкастеля предписывают генералам "свободно пускать кровь" в восставших районах⁴¹³⁸ и не щадить ни одной жизни: по оценкам, в одиннадцати западных департаментах число убитых обоих полов и всех возрастов превысило 400 000 человек.⁴¹³⁹ Учитывая программу и принципы секты якобинцев, это не такое уж большое число; они могли бы убить гораздо больше. Но времени не хватало, и за время своего короткого правления они сделали все, что могли, с тем инструментом, который был в их руках. Взгляните на их машину, на постепенное построение ее частей, на последовательные этапы ее работы с момента начала до 9 термидора, и вы увидите, насколько ограниченным был срок ее действия. Организованные 30 марта и 6 апреля 1793 года, Революционные комитеты и Революционный трибунал имели всего семнадцать месяцев для выполнения своей работы. Они двинулись вперед со всей силой только после падения жирондистов, и особенно после сентября 1763 года, то есть в течение одиннадцати месяцев. Его разболтанные колеса не были прикручены, и все это не находилось в рабочем состоянии под импульсом центрального двигателя до декабря 1793 года, то есть в течение восьми месяцев. Усовершенствованный по закону 22 прериаля, он работает последние два месяца, быстрее и лучше, чем прежде, с энергией и быстротой, которые возрастают от недели к неделе... В этот день, да и раньше, теоретики приняли ориентиры своей судьбы и согласились с условиями своего предприятия. Будучи сектантами, они имеют свою веру, а поскольку ортодоксия не терпит ереси, а обращение еретиков никогда не бывает искренним и прочным, ересь можно подавить только путем подавления еретиков. "Только мертвые, - говорит Барер, мессидор 16, - никогда не возвращаются". 2 и 3 термидора⁴¹⁴⁰ Комитет общественной безопасности направляет Фулье-Тинвилю список из четырехсот семидесяти восьми обвиняемых с приказом "немедленно предать суду названных лиц". Бодо и Жан Бон Сент-Андре, Каррьер, Антонель и Гифруа уже оценили количество жизней, которые должны были быть унесены, в несколько миллионов, и, по мнению Колло д'Эрбуа, обладавшего живым воображением, "политический пот должен продолжаться свободно и не прекращаться до тех пор, пока не будет уничтожено от двенадцати до пятнадцати миллионов французов"⁴¹⁴¹.

Чтобы загладить свою вину, в четвертом и последнем разделе своей деятельности, то есть в растрате, они дошли до последней крайности: они сделали все, что можно было сделать для разорения отдельных людей, семей и государства; все, что можно было взять, они взяли. - Учредительное и Законодательное собрания, со своей стороны, начали это дело, отменив десятину и все феодальные права без компенсации, а также конфисковав все церковное имущество; якобинцы продолжили и завершили дело; мы видели, какими декретами и с какой враждебностью против коллективной и индивидуальной собственности они присваивают государству владение всеми корпорациями, даже лаическими, такими, как коллегии, школы, научные и литературные общества, больницы и коммуны, или же они опустошают отдельных лиц, косвенно через ассигнации и максимумы или прямо через принудительный заем, революционные налоги⁴¹⁴², конфискацию золотой и серебряной монеты, реквизицию общепользуемых вещей⁴¹⁴³, секвестр имущества заключенных, конфискацию имущества эмигрантов и изгнанников, а также депортированных или приговоренных к смерти. Ни один капитал, вложенный в недвижимое или личное

имущество, ни один доход в деньгах или продуктах, из какого бы источника он ни исходил, будь то аренда, ипотека, частные кредиты, пенсии, доходы от сельского хозяйства, промышленности или торговли, плоды экономии или труда, от фермерских, мануфактурных и купеческих магазинов до халатов, пальто, рубашек и обуви, даже до кроватей и спален частных лиц - ничто не ускользает от их алчной хватки: В деревне они уносят даже семена, предназначенные для посадки; в Страсбурге и на Верхнем Рейне - всю кухонную утварь; в Оверни и других местах - даже пастушьи горшки. Под реквизицию попадают все ценные вещи, даже те, которые не используются в общественных целях: например, [4144](#) революционный комитет Байонны конфискует множество "хлопчатобумажных тканей и муслина" под предлогом изготовления "бриджей для защитников страны". При захвате полезных предметов не всегда есть уверенность в том, что они будут использованы; между захватом и использованием их в дело вмешиваются грабежи и растраты. В [Страсбурге4145](#) , когда представители угрожают реквизицией, жители раздеваются и через несколько дней приносят в муниципалитет "6 879 пальто, бриджей и жилетов, 4 767 пар чулок, 16,921 пара туфель, 863 пары сапог, 1351 плащ, 20 518 рубашек, 4524 шляпы, 523 пары гетр, 143 кожаных жилета, 2 673 900 одеял, а также 29 центнеров линта, 21 центнер старого льна и множество других предметов."

Но "большая часть этих предметов остается сваленной в складах, часть из них сгнила или съедена крысами, остальные брошены первому попавшемуся покупателю..... Цель разграбления была достигнута."- Полная потеря для отдельных людей и никакого выигрыша или минимальный выигрыш для государства. Таков чистый результат деятельности революционного правительства. Наложив руку на три пятых земельной собственности Франции, отняв у общин и частных лиц от десяти до двенадцати миллиардов недвижимого и личного имущества, увеличив с помощью ассигнаций и территориальных ордеров государственный долг, который в 1789 году не составлял и пяти миллиардов, до более чем пятидесяти миллиардов; [4146](#) не в состоянии больше платить своим служащим; вынужденная содержать свои армии и себя за счет принудительных контрибуций с завоеванных территорий, она кончает банкротством; она отказывается от двух третей своего долга, и ее кредит настолько низок, что оставшаяся треть, которую она консолидировала и гарантировала заново, теряет восемьдесят три процента. на следующий же день. В его руках государство само пострадало не меньше, чем частные лица. Из последних более 1 200 000 пострадали физически: несколько миллионов, все, кто владел чем-либо, большим или малым, пострадали через свое имущество. [4147](#) Но в этом множестве угнетенных именно знатные люди являются главной целью и страдают больше всех, как в своем имуществе, так и в своей личности.

II. Значение знати в обществе.

Различные виды и степени знати в 1789 году.

социальные работники.- Люди мира.- Их воспитание.- Их интеллектуальная культура, гуманность и филантропия.

-Его нравственный темперамент.-Практические люди.-Куда набирают,-Его

квалификация.- Их активная доброжелательность.- Их нехватка и их ценность для общества.

Оценивая ценность леса, вы начинаете с разделения его растительности на два класса: с одной стороны, взрослые деревья, крупные или средние дубы, буки и осины, а с другой - саженцы и подлесок. Точно так же, оценивая общество, вы делите составляющих его людей на две группы, одна из которых состоит из знатных особ всех видов и степеней, а другая - из обычных людей. Если лес старый и за ним не слишком плохо ухаживали, то почти весь его светский рост можно обнаружить в скоплениях полновозрастных деревьев. Почти вся полезная древесина находится в зрелом лесу. Несколько тысяч крупных красивых деревьев и три-четыре сотни тысяч саженцев, молодых и старых, в заповеднике содержат больше полезной и ценной древесины, чем двадцать-тридцать миллионов кустарников, кустарничков и вереска, вместе взятых. То же самое происходит в обществе, которое долгое время существовало в условиях достаточно строгой системы правосудия и полиции; почти весь выигрыш светской цивилизации сосредоточен в ее знатных особах, что, в общем, и было состоянием французского общества в 1789 [году4148](#).

Рассмотрим сначала наиболее выдающихся деятелей. Несомненно, что среди аристократии самые богатые и знатные семьи перестали оказывать услуги, соразмерные затратам на их содержание. Большинство сеньоров и придворных дам, мирских епископов, аббатов и парламентариев гостиней, знали лишь то, как обращаться с просьбами, устраивать изящный парад и щедро тратить деньги. Непонятная система культуры отвлекла их от естественных занятий и превратила в показушные и приятные образцы растительности, часто пустотелые, загубленные, безжизненные и чрезмерно обрезанные, к тому же очень дорогие, слишком ухоженные и слишком свободно поливаемые; а искусное садоводство, формировавшее, группировавшее и расставлявшее их в искусственные формы и букеты, делало их плоды скудными, чтобы умножить цветы. Но цветы были изысканными, и даже в глазах моралиста такое цветение имеет значение. Что касается вежливости, хорошего воспитания и поведения, то манеры и обычаи светской жизни достигли такой степени совершенства, которой никогда не достигали ни во Франции, ни в других странах, и которая с тех пор никогда не [возрождалась4149](#) ; и из всех искусств, с помощью которых люди освободились от первобытной грубости, то, которое учит их взаимному уважению, является, возможно, самым ценным. Соблюдение этого правила не только в гостиней, но и в семье, в бизнесе, на улице, по отношению к родственникам, нижестоящим, слугам и незнакомцам придает достоинство и очарование человеческому общению. Деликатное отношение к должному становится привычкой, инстинктом, второй натурой, которая, накладываясь на изначальную природу, является лучшей, поскольку внутренний кодекс, управляющий каждой деталью действия и речи, предписывает нормы поведения и уважения к себе, а также уважение и изысканное поведение по отношению к другим.- К этому достоинству добавьте умственную культуру. Никогда еще аристократия не была так заинтересована в общих идеях и утонченности выражения; даже слишком; литературные и философские увлечения исключали все остальное позитивного и практического порядка; они говорили, вместо того чтобы действовать. Но в этом ограниченном кругу спекулятивного разума и чистых литературных форм она преуспела; сочинения и умение писать составляли обычное развлечение вежливого общества; каждая мысль, произнесенная мыслителем, вызвала волнение в гостиней: талант и стиль авторов формировались под влиянием его [вкуса4150](#) ; именно в гостиней Монтескье, Вольтер, Руссо, д'Алембер, энциклопедисты, великие и малые, Бомарше, Бернарден де Сен-Пьер, Шамфор и Ривароль невольно искали слушателей и находили их, не просто поклонников и развлекателей, но друзей, покровителей, меценатов

и последователей. -Под руководством мастеров ученики становились филантропами; кроме того, благовоспитанность развивала во всех душах сострадание и доброжелательность: "Ничто так не страшило богатых людей, как прослыть бесчувственными".⁴¹⁵¹ Они заботились о детях, о бедных, о крестьянах, прилагая все усилия, чтобы облегчить их положение; их рвение было направлено против угнетения, их жалость возбуждалась при каждом несчастье. Даже те, чьи обязанности заставляли их быть жесткими, сдерживали свою жесткость объяснениями или уступками.

"За десять лет до революции, - пишет Редерер⁴¹⁵² , - уголовные суды Франции уже не были похожи на предыдущие..... Их отношение изменилось... Все молодые судьи, и это я могу засвидетельствовать, поскольку сам был одним из них, выносили приговоры скорее в соответствии с принципами Беккариа⁴¹⁵³ , чем по закону".

Что касается людей, облеченных властью, военных администраторов и комендантов, то невозможно было быть более терпеливым, более заботящимся о человеческой крови. Однако их достоинства и здесь превратились в недостатки, поскольку из-за избытка гуманности они были не в состоянии поддерживать порядок, что стало очевидным при столкновении с восстаниями, произошедшими в 1789-1792 годах. Даже имея в своих руках силу, среди грубых оскорблений и чрезвычайных опасностей, они боялись применить ее; они не могли заставить себя подавить грубиянов, негодяев и маньяков: следуя примеру Людовика XVI, Они считали себя пастырями народа, и пусть лучше их топчут, чем стреляют в их стадо. В действительности у них были благородные, даже великодушные и большие сердца: в собраниях бейлификов, в марте 1789 года, задолго до ночи 4 августа, они добровольно отказались от всех денежных привилегий; в тяжелых испытаниях их мужество, усиленное изысканными манерами, добавляло к их героизму еще элегантность, такт и веселье. Самые развращенные - герцог Орлеанский, самые легкомысленные и беспечные - герцог де Бирон - встречают смерть со стоическим хладнокровием и презрением.⁴¹⁵⁴ Нежные женщины, жалующиеся на сквозняк в гостиной, не жалуются на соломенный тюфяк в сырой, мрачной темнице, где они спят в одежде, чтобы не проснуться окоченевшими, и с привычной веселостью выходят во двор Консьержери. Мужчины и женщины в тюрьме одеваются как прежде, с той же тщательностью, чтобы встречаться и разговаривать вместе с тем же изяществом и духом, в коридоре с железной решеткой, в двух шагах от революционного трибунала и накануне эшафота.⁴¹⁵⁵ Этот нравственный темперамент, очевидно, редчайший; если он и ошибается в какую-либо сторону, то только в ту, что слишком изыскан, плох для использования, хорош для украшения.

И все же в высшем классе наряду с двумя-тремя тысячами бездельников среди легкомысленной аристократии было столько же серьезных людей, которые к своему гостиному опыту добавляли опыт в бизнесе. Почти все, кто занимал должности или состоял на службе, были из этого числа: послы, генералы или бывшие министры, от маршала де Брога до Машо и Малешерба; епископы-резиденты, как монселье де Дюрфор в Безансоне;⁴¹⁵⁶ генеральные викарии и каноники, которые действительно управляли своими епархиями на месте; прелаты, как в Провансе, Лангедоке и Бретани, которые по праву занимали места в провинциальных "этатах", агенты и представители духовенства в Париже; главы орденов и конгрегаций; главные и лейтенант-команданты семнадцати военных департаментов, интенданты каждого генералитета, главные клерки каждого министерства, магистраты каждого парламента, генеральные фермеры, генеральные коллекторы и, в особенности в каждой провинции, сановники и местные владельцы двух первых орденов, а также все ведущие промышленники, купцы, судовладельцы, банкиры и видные буржуа; Короче говоря, та элита дворян, духовенства и Третьего сословия, которая в 1778-1789 годах

составляла двадцать одно провинциальное собрание и которая, несомненно, формировала во Франции великий социальный коллектив. - Не то чтобы они были превосходными политиками: в те времена их не было, едва ли несколько сотен компетентных людей, почти все они были специалистами. Тем не менее, именно в этих нескольких людях заключался почти весь политический потенциал, информация и здравый смысл Франции. За пределами их голов остальные двадцать шесть миллионов мозгов содержали лишь опасные и бесплодные формулы; поскольку только они командовали, вели переговоры, совещались и управляли, они были единственными, кто достаточно хорошо понимал людей и вещи, и, следовательно, единственными, кто не был полностью дисквалифицирован для управления ими. В провинциальных собраниях их видели зачинателями и проводниками важнейших реформ; они посвящали себя им эффективно и добросовестно, с такой же справедливостью и патриотизмом, как умом и основательностью; большинство глав и подначальников ведущих государственных и частных отраслей службы, руководствуясь философией и поддерживая текущее мнение в течение двадцати лет, также давали свидетельства активной [благожелательности](#)⁴¹⁵⁷. - Ничего нет ценнее людей такого рода, ибо они - жизнь и душа соответствующих отраслей службы и не могут быть заменены в один момент лицами равных достоинств. В дипломатии, в финансах, в юриспруденции, в администрации, в обширной торговле и крупном производстве практический, руководящий потенциал не создается за один день; дела во всех этих сферах слишком обширны и сложны, слишком много разнообразных интересов, которые необходимо учитывать, слишком много близких и отдаленных случайностей, которые необходимо предвидеть; Не зная технических подробностей, трудно уловить целое; пытаешься справиться с задачей, рубишь направо и налево и кончаешь мечом, вынужденный прибегнуть к систематической жестокости, чтобы завершить дело дерзкого безделья. За исключением войны, где обучение занимает меньше времени, чем в других местах, для хорошего управления людьми и управления капиталом требуется десять лет подготовительного образования плюс десять лет практического опыта. Добавьте к этому, против сильных соблазнов власти, стабильность характера, созданную профессиональной честью и, если так случилось, семейными традициями.

Руководя финансовыми делами в течение двух лет, [Камбон](#)⁴¹⁵⁸ еще не знает, что функции генеральных фермеров косвенных налогов отличаются от функций генеральных приемщиков прямых [налогов](#)⁴¹⁵⁹; соответственно, он включает или позволяет включить сорок восемь приемщиков в декрет, отправляющий шестьдесят фермеров в революционный трибунал, то есть на гильотину; И, собственно, все они были бы отправлены туда, если бы человек, знакомый с этим делом, Годен, комиссар казначейства, не услышал на улице оглашение декрета и не побежал объяснять Комитету финансов, что между этими двумя группами преступников "нет ничего общего"; что фермеры - это владельцы аренды с вероятной прибылью, тогда как *généralistes* - это чиновники с фиксированным жалованьем, и преступления первых, доказанные или недоказанные, не вменяются в вину вторым. Велико же изумление этих импровизированных финансистов! "Они возмущаются, - говорит Годен, - и утверждают, что я ошибаюсь. Я настаиваю и повторяю то, что сказал президенту Камбон; я утверждаю, а затем говорю одному из членов: "Раз так, идите в бюро *procès-verbaux* и вычеркните термин *généralistes* из декрета, принятого сегодня утром", - мою честь и предлагаю представить им доказательства этого; наконец, они удовлетворены, и президент "- Таковы грубые ошибки, совершаемые интервентами и даже осуществляемые, когда их не предупреждают и не сдерживают ветераны службы". Камбон, соответственно, несмотря на якобинцев, сохраняет в своих бюро всех, кого может, из числа чиновников-ветеранов. Если Карно хорошо управляет войной, то это благодаря тому, что он сам был образованным офицером и сохранил на своих постах д'Аркона, д'Обенгейма, де Гримоара, де Монталембера и Мареско, всех выдающихся людей, завещанных ему старым режимом.⁴¹⁶⁰

Сведенное к полному нулю перед 9-м термидора, министерство иностранных дел не станет вновь полезным и активным, пока профессиональные дипломаты, Миот, Кольхен, Отто и Рейнхарт⁴¹⁶¹, не возобновят свое господство и влияние. Именно профессиональный дипломат, Бартелеми, после 9-го термидора действительно руководит внешней политикой Конвента и заключает Базельский мир.

III. Три класса нотаблей.

Дворянство - его физическая и моральная подготовка посредством физической и моральной подготовки посредством ратных подвигов, воинский дух, высокий характер.

-Поведение офицеров в 1789-1792 годах. -Служба, для которой эти дворяне были приспособлены.

дворяне были приспособлены к службе.

Три сословия - дворяне, духовенство и буржуазия - составляли эту высшую элиту, и по сравнению с остальной нацией они сами были элитой. -Тридцать тысяч джентльменов, рассеянных по провинциям, с младенчества воспитывались в духе воинской профессии; как правило, бедные, они жили в своих сельских поместьях без роскоши, удобств и любопытства, в обществе дровосеков и егерей, экономно и с деревенскими привычками, на свежем воздухе, так, чтобы обеспечить крепкое телосложение. Ребенок в шесть лет садился на лошадь; он следовал за гончими и закалял себя против несчастий;⁴¹⁶² затем, в академиях, он делал свои конечности гибкими с помощью упражнений и приобретал то крепкое здоровье, которое необходимо для жизни в палатке и похода. С раннего детства он был проникнут военным духом; его отец и дяди за столом говорили только о своих военных опасностях и ратных подвигах; его воображение разгорелось; он привык смотреть на их занятия как на единственные, достойные человека высокого звания и чувства, и устремился вперед с быстротой, которую мы уже не в состоянии понять. Я читал много записей о службе джентльменов, которые были убиты, гильотинированы или эмигрировали; они почти всегда начинали свою карьеру до шестнадцати лет, часто в четырнадцать, тринадцать и одиннадцать.⁴¹⁶³ М. де Эшероль,⁴¹⁶⁴ капитан полка в Пуату, взял с собой в армию своего единственного сына, девяти лет, и дюжину маленьких кузенов того же возраста. Эти дети сражались как старые солдаты; одному из них шаром перебило ногу; юный дез Эшероль получил сабельный удар, рассекавший щеку от уха до верхней губы, и был ранен семь раз; еще молодым он получил крест Святого Людовика. Служить государству, стремиться к конфликтам и подвергать свою жизнь опасности, казалось обязанностью их звания, наследственным долгом; из девяти или десяти тысяч офицеров, выполнивших этот долг, большинство заботилось только об этом и не искало ничего другого. Не имея состояния и влияния, они отказывались от продвижения по службе, прекрасно понимая, что высшие чины предназначены для наследников великих семей и версальских придворных.

Прослужив пятнадцать или двадцать лет, они возвращались домой с капитанским чином и крестом Святого Людовика, а иногда и с небольшой пенсией, довольные тем, что выполнили свой долг, и сознавая свою честь. С приближением революции этот старый дух, озаренный новыми идеями, стал почти гражданской добродетелью: [4165](#) мы видели, как они вели себя в 1789-1792 годах, их умеренность, терпение, жертвенное самолюбие, отречение и стоическое бесстрашие, их нежелание наносить удары, хладнокровие, с которым они упорно продолжали получать удары, не возвращая их, и поддерживать если не общественный порядок, то хотя бы последнее его подобие. Патриоты в той же мере, что и солдаты, благодаря рождению, воспитанию и убеждениям, они составляли естественный, особый питомник, чрезвычайно достойный сохранения, поскольку давал обществу готовые инструменты для защиты, внутренней - от негодяев и грубиянов, и внешней - от врага. Менее спокойные в нравах и более склонные к удовольствиям, чем сельские дворяне Пруссии, при более слабой дисциплине и в условиях большей мирской суеты, но зато более любезные, более обходительные и более либерально настроенные, двадцать шесть тысяч дворянских семей Франции сохранили в своих сыновьях традиции и предрассудки, привычки и склонности, ту энергию тела, сердца и [ума](#) [4166](#), благодаря которой прусские "юнкеры" смогли создать прусскую армию, организовать немецкую армию и сделать Германию первой державой Европы.

IV. Духовенство.

Где набирают.- Профессиональные побуждения.- Независимость
независимость духовенства.- Их существенные достоинства.- Их теоретические
и практические сведения.- Их распределение по
территории.-Удобство их службы.-Их поведение в
1790-1800 гг. - Их мужество, способность к самопожертвованию.

Точно так же и в Церкви, где почти весь ее персонал, все духовенство низшего и среднего звена, куры, викарии, каноники и коллегиальные капелланы, учителя или директора школ, колледжей и семинарий, более шестидесяти пяти тысяч церковников, составляли здоровый, хорошо организованный организм, достойно исполняющий свои обязанности.

"Я не знаю, - говорит де [Токвиль](#) [4167](#), - было ли когда-нибудь в мире более замечательное духовенство, чем католическое духовенство Франции, когда Революция застала его врасплох, более просвещенное, более национальное, менее замкнутое на своих частных добродетелях, лучше наделенное добродетелями общественными и, в то же время, более сильное в вере. ... Я начал изучение старой социальной системы с предубеждением против них; я закончил его с уважением к ним".

И, во-первых, что очень важно, большинство инкубентов в городских приходах, в трехстах коллегиальных церквях, в малых каноникатах кафедральных капитулов принадлежали к лучшим семьям, чем в наши дни. [4168](#) Детей тогда было больше, не только среди крестьян, но и среди низших дворян и высшей буржуазии; каждая семья, соответственно, была рада,

чтобы один из ее сыновей принял сан, и для этого не требовалось никаких ограничений. Церковная профессия тогда обладала привлекательностью, которой нет сейчас; у нее не было ни одного из неудобств, связанных с ней в настоящее время. Священник не подвергался демократическому недоверию и враждебности; он был уверен в поклоне со стороны рабочего на улице, равно как и крестьянина в деревне; он был на равных с местной буржуазией, почти членом семьи и одним из первых; он мог рассчитывать на то, что проведет свою жизнь на постоянном месте, с честью и спокойствием, в окружении народного почтения и пользуясь доброй волей общества. Священник не был функционером, получающим жалованье от государства; его жалованье, как и его частный доход, было заранее определено и отложено, обеспечивалось за счет специальных ассигнований, за счет местных налогов, из отдельной казны, его никогда нельзя было удержать по докладу префекта или по капризу министра, или постоянно подвергать опасности бюджетных трудностей и недоброжелательства гражданских властей. По отношению к своим церковным начальникам он был почителен, но независим. Епископ в его епархии не был тем, кем он стал после Конкордата, - абсолютным сувереном, который может назначать и смещать по своему усмотрению девять куре из десяти. В трех случаях из четырех, а зачастую и в четырнадцати из [пятнадцати](#)⁴¹⁶⁹ назначение производил не епископ; нового служителя назначал иногда кафедральный капитул или корпорация; снова коллегиальная церковь или корпорация; снова каноник митрополии или аббат или приор, покровитель данного места; снова сеньор, чьи предки основали или наделили церковь; в некоторых случаях Папа, а изредка король или коммуны. Полномочия были ограничены благодаря этой множественности и пересечению властей. Кроме того, каноник или куратор, будучи однажды назначенным, имел гарантии; его нельзя было произвольно уволить; в большинстве случаев его отстранение от должности требовало предварительного разбирательства в соответствии с предписанными формальностями, сопровождавшегося экзаменом, заявлениями и аргументами перед официальным или церковным судом. На самом деле он занимал постоянное место, и, как правило, его личных заслуг было достаточно для того, чтобы он оставался на своем месте, - ведь если высшие должности давались в соответствии с рождением и благосклонностью, то промежуточные - в соответствии с правильными привычками и достижениями. Многие каноники, генеральные викарии и почти все куре в городах были докторами богословия или канонического права, а церковное образование, весьма основательное, занимало восемь или девять лет их юности.⁴¹⁷⁰ Хотя метод устарел, в Сорбонне и Сен-Сюльписе можно было многому научиться; по крайней мере, путем длительной и научной интеллектуальной гимнастики можно было стать хорошим логиком. "Мой дорогой аббат, - улыбаясь, говорил Тюрго Морелле, - только мы с вами, получившие ученую степень, можем рассуждать здраво". Их теологические упражнения, действительно, были примерно так же ценны, как и наши философские; если они меньше расширяли ум, то лучше снабжали его применимыми понятиями; менее захватывающие, они были более плодотворными. В Сорбонне девятнадцатого века обучение состоит из умозрительных систем нескольких изолированных, отличающихся друг от друга интеллектов, которые не имели никакой власти над множеством людей, в то время как в Сорбонне восемнадцатого века обучение состояло из вероучения, морали, дисциплины, истории и канонов Церкви, которая существовала уже семнадцать веков и которая, насчитывая сто пятьдесят миллионов душ, все еще покоряет половину цивилизованного мира. Куре и, с еще большим основанием, каноник, архидиакон, епископ не были проезжими чужаками, одаренными государством, носящими сюртук, столь же мало принадлежащими своему веку по своему сану, как и по одежде, и полностью ограничивающимися своими духовными функциями: он управлял доходами своего дота, давал в аренду, делал ремонт, строил, интересовался перспективами урожая,

строительством шоссе или канала, а его опыт в этих делах был равен опыту любого светского собственника. Более того, будучи одним из членов малой корпорации, то есть капитула или местного ризничего, и одним из членов большой корпорации епархии и Церкви Франции, он прямо или косвенно участвовал в важных мирских делах, в собраниях, в обсуждениях, в коллективных расходах, в составлении местного бюджета и общего бюджета, а значит, в государственных и административных делах его компетенция была аналогична и почти равна компетенции мэра, субделегата, генерал-фермера или интенданта. Кроме того, он был либерален: никогда еще французское духовенство не было таким искренним, начиная с самых последних куры и заканчивая первыми архиепископами.⁴¹⁷¹ И наконец, обратите внимание на распределение духовенства по территории. В самой маленькой из сорока тысяч деревень был куры или викарий. В тысячах маленьких, бедных, отдаленных коммун он был единственным человеком, который умел читать и писать; во многих больших сельских коммунах, кроме сеньора-резидента и какого-нибудь законоведа или полунического школьного учителя, никто не был образован⁴¹⁷². На самом деле, чтобы человек, закончивший обучение и знающий латынь, согласился за шестьсот или триста франков в год жить уединенно и безбрачно, почти в нищете, среди деревенщин и бедняков, он должен быть священником; качество его должности заставляет его смириться с неудобствами своего положения. Проповедник Слова, профессор морали, служитель милосердия, проводник и распространитель духовной жизни, он преподавал теорию мира, одновременно утешительную и самоотреченную, которую он подкреплял культом, и этот культ был единственным, приспособленным для его паствы; очевидно, что французы, особенно те, кто посвятил себя ручному и тяжелому труду, не могли считать этот мир идеальным иначе, как через его формулы; История, верховный судья, вынесла по этому вопросу свой безапелляционный приговор; ни одна ересь, ни один раскол, ни Реформация, ни янсенизм, не одержали верх над наследственной верой; через бесконечно умноженные и глубоко проникающие корни эта вера соответствовала национальным обычаям, темпераменту, своеобразному социальному воображению и чувствительности. Овладевая сердцем, рассудком и даже чувствами, благодаря неизменным традициям и привычкам, она становилась неосознанной, почти телесной необходимостью, и ортодоксальный католический куры в общении с папой был для деревни столь же незаменим, как общественный фонтан; он также утолял жажду, жажду души; без него жители не могли найти питьевой воды. И если не забывать о человеческих слабостях, можно сказать, что благородство характера духовенства соответствовало благородству профессии; во всех вопросах никто не мог оспорить их способность к самопожертвованию, ибо они охотно страдали за то, что считали истиной. Если в 1790 году некоторые священники и присягнули на гражданскую конституцию духовенства, то с оговорками или потому, что считали клятву законной; но после отстранения епископов и неодобрения папы многие из них отказались от нее с риском для жизни, чтобы не впасть в раскол; они вернулись в ряды и добровольно отдали себя на растерзание жестокости толпы и суровости закона. Более того, с самого начала, несмотря на угрозы и искушения, две трети духовенства не приняли присягу; в высших эшелонах, среди мирских церковников, чей скептицизм и распушенность были печально известны, честь по чести, по неверию, сохраняли тот же дух; почти все они, великие и малые, подчинили свои интересы, благополучие и безопасность поддержанию своего сана или угрызениям совести. Они позволили лишиться себя всего; они позволили сослать себя, заключить в тюрьму, подвергнуть пыткам и сделать мучениками, как христиане первобытной церкви; благодаря своей непобедимой кротости они собирались, подобно первобытным христианам, истощить ярость своих палачей, измотать гонения, изменить мнение и заставить признать, даже тех, кто остался в восемнадцатом веке, что они были истинными, достойными и мужественными людьми.

V. Буржуазия.

Где набирается.- Разница между функционером древнего режима и современным функционером.

древнего режима и современным функционером.-Назначения

рассматриваются как собственность.-Гильдии.-Независимость и безопасность

Независимость и безопасность должностных лиц.-Ограниченность и удовлетворение их амбиций.

-Постоянные привычки, серьезность и честность.-Стремление интеллектуальная культура.-либеральные идеи.

-Респектабельность и общественное рвение.-Поведение буржуазии в 1789-1791 годах.

Ниже дворян и духовенства располагался третий класс знати, буржуазия, почти полностью проживавшая в [городах4174](#), которая своими верхами граничила с предыдущими классами, а ее разнообразные группы, от парламентариев до богатых купцов и фабрикантов, составляли остальную часть тех, кто был достаточно хорошо образован, скажем, 100 000 семей, набранных на тех же условиях, что и буржуазия наших дней: Это были "буржуа, живущие благородно", то есть живущие на свои доходы, крупные промышленники и торговцы, занимающиеся либеральными занятиями - адвокаты, нотариусы, прокуроры, врачи, архитекторы, инженеры, художники, профессора и особенно государственные чиновники; последние, впрочем, весьма многочисленные, отличались от наших в двух существенных пунктах. С одной стороны, их должность, как сейчас должность нотариуса или членство в биржевом совете, была личной собственностью. Их места и многие другие, такие как должности в судебной системе, в финансах, в бейликах, в президиуме, в [выборах4175](#), в соляном департаменте, в таможне, на монетном дворе, в департаменте лесов и ручьев, в президиумах, в советах, в качестве *proseigneurs du roi* в различных гражданских, Все эти и многие другие должности уже более века отчуждались государством в обмен на определенные суммы готовых денег; Отныне они перешли в руки особых покупателей; титул каждого владельца был так же хорош, как титул недвижимого имущества, и он мог законно продать свой титул, так же как и купил его, по определенной цене, по надлежащему объявлению![4176](#) С другой стороны, различные группы местных чиновников в каждом городе образовывали свои ассоциации, подобные нашим нотариальным палатам или биржевым маклерам; эти небольшие ассоциации имели свои уставы, собрания и казначейство, часто гражданский статус и право на ведение дел, часто политический статус и право избираться в муниципальный [совет4177](#); следовательно, помимо своих личных интересов, каждый член заботился о профессиональных интересах своей гильдии. Таким образом, его положение отличалось от нынешнего, и, в результате естественной реакции, изменились его характер, манеры и вкусы. Во-первых, он был гораздо более независим; он не боялся, что его уволят или переведут в другое место, внезапно, без предупреждения, на основании интендантского рапорта, по политическим соображениям, чтобы освободить место для кандидата в депутаты или орудия министра. Это обошлось бы слишком дорого,

потребовало бы, прежде всего, возмещения суммы, уплаченной за его должность, причем в размере десятикратного, по меньшей мере, дохода от должности.⁴¹⁷⁸ Кроме того, защищая себя, протестуя против и предотвращая свой позор, он был бы поддержан всей своей профессиональной гильдией, часто другими подобными организациями, а зачастую и всем городом, наполненным его родственниками, клиентами и товарищами. Весь улей защищал пчелу от капризов фаворитизма и жестокостей деспотизма. Известно, что в Париже некий прокурор, поддерживаемый своими коллегами, наложил на оскорбившего его дворянина самое унижительное искупление⁴¹⁷⁹. В самом деле, при древнем режиме сместить чиновника было почти невозможно; следовательно, он мог спокойно и с достоинством выполнять свои обязанности, не будучи обязан ежедневно следить за столицей, ездить в Париж, чтобы узнать, как дует официальный ветер, следить за всеми влияниями в свою пользу, поддерживать отношения с правительством и жить, как птица на ветке. -Во-вторых, его честолюбию был положен предел; он не мог постоянно думать о том, чтобы подняться на ступеньку выше в иерархии, или о том, как перейти из маленького города в большой и удержать свой титул; это было бы слишком хлопотным и сложным делом; ему пришлось бы сначала найти покупателя и продать свое место, а затем найти продавца и купить другое по более высокой цене; биржевой маклер в Бордо, нотариус в Лионе не претендуют на должность биржевого маклера или нотариуса в Париже. -Ничто тогда не напоминало нынешних странствующих групп чиновников, которые, повинаясь приказам свыше, разъезжают по всем нашим городам, чужаки на крыльях, без личного положения, без местных земельных владений, интересов и средств, ютящиеся в какой-нибудь наемной квартире, часто в меблированной комнате, иногда останавливающиеся в гостинице, вечные кочевники в ожидании телеграммы, всегда готовые собраться и уехать в другое место за сто лье в счет дополнительной платы в сто крон и снова делать ту же самую отстраненную работу. Их предшественник, живший в деревне, был стабилен и доволен; его не мучила жажда продвижения по службе; он делал карьеру в рамках своей корпорации и города; не желая и не думая покидать их, он приспособлялся к ним; он гордился своей конторой и профессиональными собратьями и возвышался над эгоизмом индивидуума; его самолюбие было направлено на поддержание всех прерогатив и интересов, принадлежащих его гильдии. Утвердившись на всю жизнь в родном городе, в кругу старых коллег, многочисленных родственников и товарищей юности, он дорожил их добрым мнением. Освобожденный от досадных и обременительных налогов, достаточно обеспеченный, владеющий, по крайней мере, собственной конторой, он был выше низменных забот и обыденных нужд. Привыкший к старомодным привычкам простоты, трезвости и экономии, он не мучился от несоразмерности своих доходов и расходов, от требований показухи и роскоши, от необходимости ежегодно пополнять свои доходы. -Таким образом, управляемые и свободные, инстинкты тщеславия и щедрости, составляющие сущность французского характера, брали верх; советник или контролер, агент короля, считал себя человеком выше обычного, дворянином Третьего государства; он думал не столько о том, чтобы заработать деньги, сколько о том, чтобы добиться уважения; его главным желанием было быть почитаемым и почетным; "он прожил жизнь комфортно, и на него смотрели,....исполняя свой долг,... не имея иного стремления, кроме как передать своим детям.... вместе с наследством незапятнанную репутацию".⁴¹⁸⁰ Среди других групп буржуазии та же корпоративная система, те же устоявшиеся привычки, та же обеспеченность, та же бережливость, те же институты, те же обычаи,⁴¹⁸¹ способствовали росту почти тех же настроений, а интеллектуальная культура этих людей была немаленькой. Имея досуг, они предавались чтению; поскольку их не заваливали газетами, они читали достойные внимания книги; я находил в старых библиотеках в провинции, в домах потомков фабриканта или адвоката в маленьком городке полные издания Вольтера, Руссо, Монтескье, Бюффона и Кондильяка, с

пометками на каждом томе, показывающими, что этот том был прочитан кем-то в доме до конца восемнадцатого века. Нигде больше все здоровое и либеральное в философии XVIII века не находило такого приема; именно из этого класса были набраны патриоты 1789 года; он обеспечил не только большинство Учредительного собрания, но и всех честных людей, которые с июля 1789 года до конца 1791 года выполняли свои административные обязанности так бескорыстно, с такой преданностью и рвением, среди стольких трудностей, опасностей и разочарований. Состоявшая из фельянов или монархистов, обладавшая такими типами людей, как Гюэз из Труа или Дитрих из Страсбурга, и имевшая в качестве представителей таких лидеров, как Лафайет и Байи, она представляла собой превосходный интеллект и наиболее основательную целостность Третьего государства. Очевидно, что в нем, наряду с дворянством и духовенством, были собраны лучшие плоды истории и большая часть умственного и нравственного капитала, накопленного не только веком, но и предшествующими столетиями.

VI. Демиурги.

Где рекрутируются.- Деревенские и торговые синдикаты.- Компетентность их выборщиков, их заинтересованность в хорошем выборе.
-Их способность и честность.- Сортировка людей при древнем режиме.-Условия содержания и
-Обязательства содержания и продвижения семьи.-Наследственное и индивидуальное право знатного человека на свое имущество и звание.

Подобно огню, зажженному на вершине холма, возвышающегося над холодной и безвестной местностью, цивилизация, поддерживаемая с большими затратами на вершинах в море человеческого варварства, излучает лучи, пока они становятся тусклыми; ее свет и тепло угасают по мере того, как ее отблески достигают все более отдаленных и глубоких слоев. Тем не менее оба они проникают достаточно далеко и глубоко, прежде чем полностью угаснуть. Если мы хотим оценить их силу во Франции в конце XVIII века, мы должны добавить к знатым людям полужнатым представителям общества, а именно людей, которые, как и народ, были преданы ручному труду, но которые, среди народа, возглавляли его, скажем, сто пятьдесят тысяч семей, состоящих из зажиточных фермеров, мелких сельских собственников, лавочников, розничных торговцев, бригадиров и мастеров-рабочих, деревенских синдиков и синдиков гильдий,⁴¹⁸² тех, кто был создан и имел некоторый капитал, владел участком земли и домом, имел свое дело или запас инструментов и клиентов, то есть имел что-то впереди и кредит, не был вынужден жить из рук в рот, а значит, начинал быть независимым и более влиятельным, короче говоря, надсмотрщики великой социальной рабочей палаты, сержанты и капралы социальной армии.-Они тоже не были недостойны своего звания. В деревне или торговой общине синдик, избранный равными себе и соседями, не был выдвинут вслепую; все его избиратели по отношению к нему были компетентны; если крестьяне, то они видели, как он возделывает землю; если кузнецы или

столяры, то они видели его за работой в кузнице или за верстаком. И, поскольку речь шла об их прямых, настоящих и очевидных интересах, они выбирали его в лучшую сторону не по газетной рекомендации, не в угоду туманным декларациям или звучным, пустым фразам, а в соответствии со своим личным опытом и глубоким знанием, которое они имели о нем. Человек, которого деревня посылала представлять ее в интендантство и которого гильдия выбирала в городской совет, был самым способным и самым достойным доверия человеком, одним из тех, кто, вероятно, благодаря своему прилежанию, уму, честности и бережливости оказался наиболее процветающим, каким-нибудь мастером-рабочим или фермером, набравшимся опыта за долгие годы усердия, знакомым с деталями и прецедентами, имеющим здравый смысл и репутацию, более других заинтересованным в поддержке интересов общества и имеющим больше досуга, чем другие, чтобы заниматься общественными делами⁴¹⁸³. Этот человек, в силу природы вещей, пользовался вниманием, доверием и почтением своих коллег, и, поскольку он был их естественным представителем, он был и их законным представителем.

В целом, если в этом старом обществе давление распределялось неравномерно, если общее равновесие было неустойчивым, если верхние части слишком сильно давили на нижние, то сортировка, по крайней мере, та, которая происходит в каждом цивилизованном государстве, постоянно отделяя пшеницу от плевел, проходила достаточно хорошо; За исключением центра и суда, где в течение столетия просеивающая машина работала бессистемно и, зачастую, в противоположном смысле, разделение происходило регулярно, несомненно, медленнее, но, возможно, более справедливо, чем в нашей современной демократии. Шансов на то, что знатный по праву может стать знатным де-факто, тогда было гораздо больше: это было менее сложно, а стремление создать, сохранить и увековечить семью или бизнес было гораздо сильнее; люди чаще смотрели за пределы себя; взгляд естественно обращался за пределы узкого круга своей личности, заглядывая как назад, так и за пределы нынешней жизни. (Позднейший) институт равного раздела имущества, (позднейшая) система обязательного раздела и правило раздела в натуре, с другими предписаниями (нового) гражданского кодекса, не разделили наследство и не разрушили дом.⁴¹⁸⁴ Родительская небрежность и отсутствие уважения и внимания со стороны детей еще не нарушили авторитета и не отменили уважения в семье. Полезные и естественные ассоциации еще не были подавлены в зародыше и не задержаны в своем развитии систематической враждебностью закона. Легкость и дешевизна транспорта, распушенность школ, азарт конкуренции, всеобщее стремление получить место и должность, растущее возбуждение честолубия и жадности еще не привели к неизмеримому умножению класса безответственных злоумышленников и озорных кочевников. В политическом порядке вещей не властвовали бездарность, зависть, жестокость; всеобщее избирательное право не отстраняло от власти людей, рожденных, воспитанных и квалифицированных для ее осуществления; бесчисленные государственные должности не предлагались в качестве добычи шарлатанству и интригам политиков. Франция не была тогда, как сейчас, на пути к тому, чтобы стать огромной ночлежкой, управляемой случайными менеджерами, обреченной на периодические неудачи, населенной анонимными жильцами, равнодушными друг к другу, без местных связей, без обязательств и без корпоративной лояльности, просто арендаторами и мимолетными потребителями, размещенные в порядке очередности вокруг общего стола, где каждый думает только о себе, быстро обслуживается, потребляет все, что попадется под руку, и в конце концов обнаруживает, что в подобном месте лучшее состояние, самый мудрый курс - это вложить все свое имущество в аннуитет и жить холостяком. - Раньше среди всех сословий и во всех провинциях было множество семей, которые пускали корни на этом месте и жили там по сто и более лет. Не только среди дворян, но и среди буржуазии и третьего сословия ожидалось, что наследник любого предприятия

продолжит свое дело. Так было с замком и обширным владением, так было с помещичьим жилищем и родовой конторой, со скромным сельским владением, фермой, магазином и фабрикой - все это передавалось в неизменном виде из поколения в поколение.⁴¹⁸⁵ Большой или маленький человек не был заинтересован только в себе; его мысли устремлялись в будущее и в прошлое, на сторону предков и потомков, по бесконечной цепи, звеном которой была его собственная жизнь; он хранил традиции, он считал себя обязанным подавать пример. Под этим двойным титулом его домашний авторитет был неоспорим⁴¹⁸⁶; его домочадцы и все его подчиненные следовали его указаниям без колебаний и сопротивления. Когда, благодаря этой домашней дисциплине, семья в течение столетия сохраняла честность и уважение на одном и том же месте, она могла легко подняться на ступень выше; она могла ввести одного из своих членов в высший класс, перейти от плуга или торговли к мелким должностям, а от них к высшим и к парламентским достоинствам, от четырех тысяч должностей, которые облагораживают, к узаконенному дворянству, от недавно произведенных в дворяне к старому дворянству. Кроме двух-трех тысяч позолоченных трутней, живущих на казенный мед в Версале, кроме придворных паразитов и их камердинеров, триста-четыреста тысяч знатных и полужнатных людей Франции таким образом приобрели и сохранили свои должности, внимание и состояние; они были, следовательно, их законными владельцами. Крестьянин-собственник и мастер-ремесленник от отца к сыну вставал в четыре часа утра, работал весь день и никогда не пил. От отца к сыну торговец, нотариус, адвокат и конторщик были аккуратны, бережливы, искусны и внимательны к делу, правильны в своих бумагах, точны в своих счетах. От отца к сыну дворянин храбро служил, парламентарий справедливо судил, как дело чести, получая жалованье, не превышающее процентов от суммы, уплаченной им за получение своего звания или должности. Каждый из этих людей получал не больше, чем ему полагалось; его имущество и его звание были сбережениями его потомков, ценой социальных услуг, оказанных длинной чередой достойных мертвецов, всем тем, что его предки, его отец и он сам создали или сохранили сколько-нибудь стабильную ценность; каждый кусок золота, остававшийся в наследственном кошельке, представлял собой остаток всей жизни, непреходящий труд кого-то из его рода, а среди этих кусков золота он сам обеспечивал свою долю. - Ведь личные заслуги имели значение даже среди высшего дворянства, а тем более среди низшего сословия, в Третьем государстве и в народе. Среди только что описанных знатных особ всех степеней большинство в 1789 году были вполне взрослыми мужчинами, многие - зрелыми, многие - преклонных лет, а некоторые - совсем престарелыми; Поэтому, оправдывая свое звание и вознаграждение, или свои доходы и состояние, каждый мог заявить о пятнадцати, двадцати, тридцати и сорока годах труда и почета на частных или государственных должностях, как великий викарий епархии, так и главный секретарь министерства, интендант генералитета и председатель королевского трибунала, деревенский куратор, дворянский офицер, чиновник, адвокат, прокурор, крупный фабрикант, оптовый торговец, зажиточный фермер и известный ремесленник. - Таким образом, они были не только элитным корпусом, самой ценной частью нации, лучшей древесиной леса, но и древесина каждой ветви принадлежала этому стволу; она росла там и была продуктом своей собственной растительности; она возникла из ствола исключительно благодаря непрерывным и спонтанным усилиям родного сока, благодаря проверенному временем и недавнему труду, и, исходя из этого, она заслуживала уважения. - Двойным натиском, одновременно против каждой человеческой ветви и против всего французского леса, якобинские дровосеки стремятся очистить землю. Их теория выливается в следующее предписание: ни одно из благородных деревьев этого леса, ни один ценный ствол, от самого лучшего дуба до самого маленького саженца, не должен остаться на месте.

VII. Принцип социалистического равенства.

Всякое ранговое превосходство нелегитимно.
принцип.-Нелегитимные блага и удовольствия.-Как
революционные законы достигают низшего класса.-Все население
затронутые в массе.- Доля низших в
проскрипционные списки. Как революционные законы особенно
влияют на тех, кто занимает видное место в народе.

Но на этом их разрушения не заканчиваются! Принцип распространялся гораздо дальше. Основополагающим правилом, согласно якобинским максимам, является то, что любое общественное или частное преимущество, которым пользуется любой гражданин и которым не пользуется другой гражданин, является незаконным.⁴¹⁸⁷ "Сто тридцать мускадинов были арестованы..... Эти господа переведены в Пти-Пер. Будучи упитанными и упитанными, они не могут быть некулотами". Анрио был прав, ведь хорошо жить - это инквизиция. Тот, кто закладывает запасы провизии, преступник, даже если он прошел за ними немалый путь, даже если он не переплатил мяснику своего квартала, даже если он не уменьшил ни на унцию мяса рацион своего соседа; когда его обнаруживают, его наказывают, а его запасы конфискуют. "Одному горожанину⁴¹⁸⁸ привезли маленького поросенка из местечка в шести лье от Парижа, и он сразу же убил его. Через три часа после этого поросенок был конфискован комиссарами и роздан народу, причем хозяину не досталось ни кусочка"; более того, упомянутый владелец "был заключен в тюрьму" - он монополист! Для якобинцев, для пустых желудков, нет большего преступления; этим проступком, в их воображении, объясняется арест Эбера, их любимца: "На Галле (крытом парижском рынке)⁴¹⁸⁹ говорят, что он монополизировал брата ордена Сент-Антуана⁴¹⁹⁰, а также горшок с двадцатью пятью фунтами бриттского масла", и этого достаточно; они немедленно и "единодушно отправляют премьера Дюшена на гильотину". (Заметим, что "Пэр Дюшен", основанный Эбером, был самым радикальным и революционным журналом. (SR.) - Из всех привилегий, соответственно, привилегия иметь запас пищи является самой оскорбительной; "теперь необходимо, чтобы тот, у кого есть два блюда, отдал одно из них тому, у кого их нет "⁴¹⁹¹; каждый человек, которому удастся съесть больше, чем другому, является грабителем, поскольку, во-первых, он грабит общество, единственного законного владельца пищи, а во-вторых, он грабит, причем лично, всех, кто имеет меньше еды, чем он.

То же правило применимо и к другим вещам, обладание которыми либо приятно, либо полезно: в уравнительной социальной системе, которая установилась сейчас, каждый предмет питания, которым владеет один человек, исключая других, является блюдом, изъятым с общего стола и удерживаемым им в ущерб другому. Исходя из этого, правящие теоретики соглашаются с царствующими оборванцами. Кто имеет два хороших плаща, тот аристократ, ибо многие имеют только один плохой.⁴¹⁹² Кто имеет хорошую обувь, тот аристократ, ибо многие носят деревянные, а другие ходят босиком. Кто владеет жильем и сдает его внаем, тот аристократ, ибо другие, его жильцы, вместо того чтобы получать деньги, выплачивают их. Тот, кто сам обставляет свои комнаты, - аристократ, ибо многие живут в пансионах, а другие спят под открытым небом. Кто владеет капиталом, тот аристократ, даже

самым незначительным - деньгами или натурой, полем, крышей над головой, полудюжиной серебряных ложек, подаренных ему родителями в день свадьбы, старым шерстяным чулком, в который один за другим упали двадцать или тридцать крон, всеми своими сбережениями, всем, что было отложено или сэкономлено, мелочный ассортимент съестных припасов или товаров, урожай за год и запас продуктов, особенно если, не желая отказываться от них и давая понять свое недовольство, он, благодаря революционным налогам и реквизициям, благодаря максимуму и конфискации драгоценных металлов, вынужден отдать свои небольшие сбережения безвозмездно или за половину их стоимости. -Фундаментально, что патриотами считаются только те, у кого нет ничего своего, те, кто живет изо дня в [день4193](#), "убогие", бедняки, бродяги и голодающие; с самым скромным рабочим, наименее образованным, наиболее неприспособленным к жизни, обращаются как с преступником, как с врагом, как только подозревают, что у него есть какие-то средства; напрасно он показывает свои покрытые шрамами или мозолями руки; он не избегает ни растраты, ни тюрьмы, ни гильотины. В Труа бедная лавочница, открывшая небольшое дело на заемные деньги, но разоренная банкротством и полностью, максимально немогущая и по частям поглощающая остатки своих запасов, облагается налогом в пятьсот [ливров4194](#). В эльзасских деревнях издается приказ об аресте пяти, шести или семи самых богатых людей в коммуне, даже если богатых нет; следовательно, арестовывают самых бедных, просто потому, что они таковыми являются; например, в Хайлигенберге шесть "фермеров", один из которых поденщик, "или путешественник", "подозреваются, - говорится в журнале тюрьмы, - потому что он хорошо обеспечен".[4195](#) По этой причине нигде нет такого количества "подозреваемых", как в народе; в лавке, на ферме и в рабочей мастерской больше аристократов, чем в ректорском доме и замке. В сущности, по мнению [якобинцев4196](#), "почти все крестьяне - аристократы"; "все купцы по существу антиреволюционны" [4197](#), особенно все торговцы предметами первой необходимости, виноторговцы, булочники и мясники; последние особенно открытые "заговорщики", враги "внутренних дел", "чей аристократизм невыносим". Таковы, уже среди низшего класса людей, многие преступники, которые подвергаются наказанию.

Но их еще больше, ибо, кроме преступления не быть нищим, обладать каким-либо имуществом, утаивать предметы, необходимые для существования, существует преступление аристократизма, обязательно так называемое, а именно: отвращение, отсутствие рвения или даже безразличия к установленному режиму, сожаление о старом, связь или общение с осужденным или заключенным эмигрантом из высшего класса, услуги, оказанные какому-либо преступнику, обращение к священнику; Теперь множество бедных крестьян, механиков, домохозяек и служанок совершают это [преступление4198](#), а во многих провинциях и во многих крупных городах почти все трудовое население совершает его и упорствует в нем; так было, по сообщениям якобинцев, в Эльзасе, Франш-Конте, Провансе, Воклюзе, Анжу, Пуату, Вандее, Бретани, Пикардии и Фландрии, а также в Марселе, Бордо и Лионе. Только в Лионе, - пишет Колло д'Эрбуа, - насчитывается шестьдесят тысяч человек, которые никогда не станут республиканцами. С ними следует расправиться, то есть сделать их лишними, и разумно распределить по всей поверхности Республики".[4199](#) **Наконец**, добавим к лицам низшего сословия, преследуемым по общественным мотивам, тех, кто преследуется по частным мотивам. Среди крестьян одной деревни, рабочих одного ремесла и лавочников одного квартала всегда есть зависть, вражда и злоба; якобинцы становятся местными пашами и могут безнаказанно удовлетворять местную ревность, что они никогда не перестают [делать41100](#).

Таким образом, в списках гильотинированных, заключенных и эмигрантов мужчины и женщины из низших слоев населения представлены в гораздо большем количестве, чем их товарищи из высших и средних классов, вместе взятые. Из 12 000 приговоренных к смерти,

чье звание и профессия были установлены, 7 54541101 - крестьяне, земледельцы, пахари, разнорабочие, трактирщики, виноторговцы, солдаты и матросы, домашние хозяйки, женщины, молодые девушки, слуги и швеи. Из 1900 эмигрантов из Дубса почти 1100 принадлежат к низшему классу. К апрелю 1794 года все тюрьмы Франции переполнены [крестьянами41102](#) ; только в парижских тюрьмах за два месяца до 9 термидора их насчитывается 2 000 [человек41103](#). Не говоря уже об одиннадцати западных департаментах, где опустошено четыре-пятьсот квадратных лье территории, разрушено двадцать городов и тысяча восемьсот деревень,[41104](#) где объявленной целью якобинской политики является систематическое и полное уничтожение страны, людей и зверей, зданий, посевов и даже деревьев, есть кантоны и даже провинции, где все сельское и рабочее население арестовано или обращено в бегство. В Пиренеях старое баскское население, "оторванное от родной земли, теснится в церквях, не имея никаких средств к существованию, кроме благотворительности", в середине зимы, так что шестнадцать сотен заключенных умирают "главным образом от холода и голода";[41105](#) в Бедуэне, городке с населением в две тысячи душ, в котором неизвестные срубили дерево свободы, разрушили или сожгли четыреста тридцать три дома, шестнадцать человек гильотинировали и сорок семь расстреляли, а остальных жителей изгнали, и они стали жить как бродяги на горе или в норах, которые они вырыли в земле;[41106](#) в Эльзасе, пятьдесят тысяч крестьян, которые зимой 1793 года укрылись со своими женами и детьми на другом берегу Рейна.[41107](#) Короче говоря, революционная операция - это полная протация людей всех сословий: вырубается как стволы, так и саженцы, причем часто таким образом, чтобы полностью очистить землю.

Однако в этой безжалостной вырубке знатные люди, при всех поблажках, страдают больше, чем простой народ. Очевидно, что якобинский дровосек настойчиво и избирательно преследует ветеранов труда и накоплений, крупных земледельцев, которые от отца к сыну и на протяжении многих поколений владеют одной и той же фермой, мастеров-ремесленников, чьи лавки хорошо укомплектованы и имеют хороших покупателей, респектабельных, пользующихся хорошей репутацией розничных торговцев, которые ничего не должны; деревенских синдигов и торговцев-синдигов, всех тех, кто сильнее и заметнее, чем остальные представители своего класса, показывает пять или шесть огней, которые вызывают топор. Они лучше обеспечены, лучше обеспечены желаемыми удобствами, что само по себе является нарушением равенства. Накопив небольшой клад, несколько пластин, иногда несколько [крон41108](#) , запас белья и одежды, запас провизии или товаров, они не желают, чтобы их грабили, что является преступлением эгоизма. Предполагается, что, будучи эгоистами, они враждебны системе братства, по крайней мере безразличны к ней, а также с неохотой относятся к Республике, то есть являются умеренными, что является худшим из всех преступлений.[41109](#) Будучи первыми в своем классе, они надменны, как дворяне или буржуа, и считают себя выше бедняка, бродяги, истинного sans-culotte, что является четвертым и самым непростительным из всех преступлений. Более того, в силу своего высшего положения они завязывают знакомства и связи с запрещенным классом; фермер, интендант, надзиратель часто привязываются к своему знатному владельцу или покровителю;[41110](#) многие фермеры, лавочники и ремесленники, принадлежащие к старым семьям, считаются связанными с буржуазией или [духовенством41111](#) через сына или брата, получившего степень в торговле или в каком-либо промышленном занятии, или, закончив обучение, ставшего куратором или адвокатом, или через дочь, или хорошо замужнюю сестру, или через ту, которая стала монахиней: Теперь этот родственник, союзник, друг или товарищ "подозреваемого" сам является "подозреваемым" - последний антиреволюционный и решающий барьер. Трезвые и благовоспитанные люди, процветавшие или поддерживавшие себя при старинном режиме, естественно должны питать уважение к прежним институтам; они невольно должны сохранять глубокое чувство почитания короля и

особенно религии; Они - благочестивые католики, и потому огорчены закрытием церквей, запретом богослужения и преследованием церковников, и с удовольствием снова ходили бы на мессу, чтили Пасху и имели бы православного куратора, который мог бы совершать для них доступные таинства, крещение, отпущение грехов, обряд венчания, подлинное крайнее возлияние.⁴¹¹¹² По всем этим пунктам они нажили себе личных врагов среди негодяев, занимающих должности; на всех этих основаниях они низложены; то, что раньше было для них заслугой, теперь стало позором. Таким образом, основную полосу составляет народная элита, отобранная из среды самого народа; именно против "подчиненной аристократии", тех, кто наиболее способен к ручному труду, наиболее достойных работников, благодаря их активности, бережливости и хорошим привычкам, революция, в своей суровости против низшего класса, бушует с наибольшей яростью.

VIII. Суровость по отношению к высшим классам.

Суровость революционных законов возрастает в зависимости от возвышения класса.

подвергаются нападкам из-за того, что они нотабли.

Тайлефер, Мильо и Лефью.

Монтаржи.

По той же причине, что касается так называемых "нотаблей", она обрушивается еще сильнее, не только на дворян из-за древних привилегий, не только на церковников из-за непокорности католикам, но на дворян, церковников и буржуа в их качестве нотаблей, то есть рожденных и воспитанных выше других и уважаемых массами из-за своего превосходного положения. - В глазах подлинного якобинца знатные люди третьего сословия не менее преступны, чем представители двух высших сословий. "^{Буржуа}⁴¹¹¹³, купцы, крупные собственники, - пишет популярный клуб на Юге, - все они имеют притязания старого сословия (des ci-dévants)". И клуб жалуется на то, что "закон не предоставляет средств, чтобы открыть глаза народу на этих новых тиранов". Это ужасно! Их позиция - это оскорбление равенства, и они этим гордятся! И что еще хуже, эта позиция привлекает общественное внимание! Поэтому "клуб просит, чтобы революционный трибунал был уполномочен подвергнуть это гордое сословие временному заключению", и тогда "народ увидит преступление, которое оно совершило, и восстановит то почтение, в котором оно пребывало". Непримиимые и презренные еретики против нового вероучения, они слишком удачливы, чтобы с ними обращались примерно так же, как с неверными евреями в средние века. Соответственно, если их и терпят, то только при условии, что они позволяют грабить себя по своему усмотрению, покрывают себя позором и покоряют страхом. - Однажды, с оскорбительной иронией, их призывают доказать свою сомнительную цивилизованность принудительными пожертвованиями. "Итак, - говорит представитель Мильо, - все граждане и горожане Нарбонны должны заниматься разгрузкой и перевозкой фуража; итак, сегодня

утром представитель лично проверил исполнение этой обязанности" и заметил на канале "только сан-кулотов и несколько молодых горожан; итак, не найдя на своих постах ни мускадина, ни мускадины; а лица, чьи руки, несомненно, слишком нежны, даже временно, для славного труда крепких санкюлотов, имеют, с другой стороны, большие средства в своем состоянии, и, желая предоставить богачам Нарбонны драгоценное преимущество быть одинаково полезными для республики," приказывает, чтобы "самые богатые граждане Нарбонны в течение двадцати четырех часов" внесли патриотическое пожертвование в сто тысяч ливров, из которых одна половина будет направлена в военные госпитали, а другая половина, по назначению "Комитета милосердия, состоящего из трех надежных революционных санкюлотов", будет распределена между бедняками Коммуны. Если какой-нибудь "богатый эгоист откажется внести свой контингент, он будет немедленно переведен в тюрьму в Перпиньяне". Не работать своими руками, быть дисквалифицированным для работы, требующей физической силы, - это само по себе демократическое пятно, и человек, запятнавший себя этим, навлекает на себя не только увеличение денежного обложения, но часто и увеличение личного принудительного труда. В Вильнёве, Авейроне и во всем департаменте [Канталь](#)⁴¹¹¹⁵ представитель Тайллефер и его делегат Дельтейль предписывают революционным комитетам "подвергнуть военной реквизиции и призыву всех мускадинов старше первого класса", то есть всех в возрасте от двадцати пяти до сорока лет, до которых не добрался закон. "Под мускадинами подразумеваются все граждане этого возраста, не состоящие в браке и не занимающиеся никакой полезной профессией", иными словами, те, кто живет на свои доходы. А чтобы никто из среднего или высшего класса не смог избежать наказания, эдикт подвергает особой строгости, дополнительным налогам и произвольным арестам не только владельцев имущества и фондов, но и всех лиц, обозначенных под следующими категориями: аристократы, фельяны, умеренные, Жирондисты, федералисты, мускадины, суеверные, фанатики, пособники роялизма, суеверия и федерации, монополисты, ростовщики, эгоисты, "подозреваемые" в инквизиции, и вообще все, кто равнодушен к революции, списки которых должны составлять местные комитеты.

Иногда в каком-нибудь городе коллективные действия, голосование или петиция, дают готовый список;⁴¹¹¹⁶ достаточно прочитать его, чтобы узнать, кто является знатными, самыми честными людьми в этом месте; отныне, под предлогом политических репрессий, левеллеры могут дать волю своей социальной ненависти. -В Монтаржи, через девять дней после покушения 20 июня 1792 [года](#)⁴¹¹¹⁷, двести двадцать восемь знатных людей подписали обращение, свидетельствующее об их почтительной симпатии к королю; год и девять месяцев спустя, вследствие удара, нанесенного задним числом, все оказываются под ударом, и с тем большим удовлетворением, что под удар попадают самые уважаемые в городе люди, все, кого бегство и изгнание оставили там, принадлежащие к дворянской, церковной, буржуазной или народной аристократии. Уже "по очищению властей Монтаржи представитель отстранил всех подписавших документ от государственных должностей и не допускал их к управлению". Но этого недостаточно; наказание должно быть более показательным. Четверо из них, экс-мэр, экс-коллектор, окружной управляющий и знатный, отправляются в революционный трибунал в Париже, чтобы быть гильотинированными в знак уважения к принципам. Тридцать два бывших офицера - шевалье Сен-Луи, мушкетеры, дворяне, священники, бывший королевский прокурор, бывший казначей Франции, бывший управляющий департаментом и две дамы, одна из которых "называет себя бывшей маркизой", - заключены до заключения мира в тюрьму Монтаржи. Другие бывшие муниципальные служащие и офицеры Национальной гвардии - служители закона, нотариусы и адвокаты, врачи, хирурги, бывшие коллекторы, комиссары полиции, почтмейстеры, купцы и промышленники, мужчины и женщины, женатые или вдовы и вдовцы - должны принести

публичные извинения и быть вызваны в Храм Разума, чтобы пройти там через унижение публичного покаяния 20 числа Вентоза в три часа пополудни. Все идут, ибо в повестке сказано: "Кто не явится в указанный день и час, будет арестован и заключен в тюрьму до объявления мира". Добравшись до церкви, очищенной якобинским поклонением, "в присутствии уполномоченных властей народного клуба и граждан, созданных на общее собрание", они один за другим поднимаются на трибуну, возвышающуюся на три ступени над полом, - так, чтобы быть на виду. Один за другим народный представитель или мэр делает им выговор в следующих выражениях:

"Вы были настолько подлы, что подписались под благоговейным обращением к Людовику XVI, самому отвратительному и мерзкому из тиранов, людоеду человеческого рода, виновному во всех видах преступлений и разврата. Народ выражает вам порицание. Кроме того, вы предупреждены, что при первом же акте инцивизма или проявлении антиреволюционного поведения за вами будет самым энергичным образом установлена слежка со стороны официальных властей; трибуналы будут проявлять к вам меньше снисхождения, а гильотина обеспечит быстрое и суровое правосудие".

Каждый, названный по имени, получает по очереди грозное напутствие, и, спустившись с трибуны под шумок и крики, все подписывают вербальный протокол. Но стыд и вина часто отсутствуют, и некоторые из них кажутся недостаточно раскаявшимися. Поэтому по окончании церемонии Национальный агент обращает внимание собрания на "наглость, проявленную некоторыми аристократами, настолько деградировавшими, что даже национальное правосудие не может заставить их покраснеть"; а Революционный комитет, "учитывая равнодушие и насмешливое поведение четырех женщин и трех мужчин, только что продемонстрированное в этом собрании; принимая во внимание необходимость наказать самым примерным образом закоренелую аристократию, которая, как кажется, потешается над исправительными актами, затрагивающими только (sic) мораль, постановляет, что семеро провинившихся "должны быть арестованы и заключены в тюрьму Сент-Мари". Трое, проявившие безразличие, должны быть заключены в тюрьму на три месяца; четверо, проявившие насмешки, должны быть заключены в тюрьму до восстановления мира. Кроме того, декрет Национального агента и протокол заседания должны быть напечатаны и оттиснены шестью тысячами экземпляров за счет подписавшихся, "самых богатых и самых "подозрительных", - бывшего казначея Франции, нотариуса, бакалейщика, жены бывшего коменданта жандармерии, вдовы и еще одной женщины, - все, говорит агент, "весьма солидного достатка и аристократии". "Браво!" - кричит собрание в ответ на эту остроту; раздаются аплодисменты, и оно поет "национальный гимн". Сейчас девять часов вечера. Публичное покаяние длится шесть часов, и якобинцы Монтаржи удаляются, гордые своей работой; наказав как публичное оскорбление старое и законное проявление уважения к государственному судье; отправив на эшафот или в тюрьму, оштрафовав или опозорив мелкую местную элиту; низведя до уровня проституток и преступников, находящихся под надзором, солидных женщин и почтенных мужчин, которые по закону наиболее уважаемы при нормальной системе правления, а при революционной системе - наименее.[41118](#)

IX. Якобинский гражданин-робот.

Две характеристики высшего класса - богатство и образование.- Каждая из них преступна.- Меры против богатых и обеспеченных людей.- Влияют в массе и по категории.- Меры против культурных и вежливых людей.- Опасность культуры и различий.- Преступление против "честных честных людей".

Два преимущества, состояние и образование, каждое из которых включает в себя другое, приводят человека к высшему классу; следовательно, одно или другое, будь то каждое само по себе или оба вместе, выделяют человека для растраты, тюремного заключения и смерти.- Напрасно он демонстрировал свой якобинизм, причем якобинизм ультракласса. Эро-Сешель, который голосовал за убийство короля, который входит в Комитет общественной безопасности, который в Верхней Рейне только что привел в исполнение худшие революционные [постановления41119](#), но имеет несчастье быть богатым и светским человеком, ведут на эшафот, и преданные гильотине люди с готовностью объясняют его осуждение: Он не патриот, - как он может быть патриотом, имея доход в двести тысяч ливров, и, кроме того, разве он не генерал-адвокат?[41120](#) Достаточно и одного из этих проступков. Само по себе "богатство", пишет Сен-Жюст, "является позором", и, по его словам, человек богат, "который содержит меньше детей, чем имеет тысяч ливров дохода"; в самом деле, среди лиц, причисленных к "богачам и эгоистам", мы находим, согласно самой декларации Революционного комитета, людей с доходами всего в 4 000, 3 700, 1 500 и даже 500 [ливров41121](#). Более того, состояние или состояние внушает его обладателю антиреволюционные настроения; следовательно, на данный момент он является препятствием; "Вы богаты, - говорит Камбон, прибегая к олицетворению, - вы придерживаетесь мнения, которое заставляет нас быть в обороне; заплатите тогда, чтобы возместить нам убытки, и будьте благодарны за нашу снисходительность, которая, в целях предосторожности и до объявления мира, держит вас под замком и решеткой".[41122](#) Богатый, антиреволюционный и порочный, - говорит Робеспьер,[41123](#) - эти три черты зависят друг от друга, и поэтому обладание лишним является безошибочным признаком аристократизма, видимым знаком инквизиторства" и, как говорит Фуше, "клеймом порицания". "Лишнее - это явное и необоснованное нарушение прав народа; каждый человек, имеющий больше, чем требуют его желания, не может использовать, и поэтому он должен только злоупотреблять".[41124](#) Тот, кто не передает массам излишки того, что строго необходимо...., ставит себя в ранг "подозреваемых". Богатые эгоисты, вы - причина наших несчастий!"[41125](#) "Вы осмелились презрительно улыбаться над прозвищем sans-culottes;[41126](#) вы наслаждались гораздо больше, чем ваши собратья, умирающие от голода рядом с вами; вы не годитесь для общения с ними, и поскольку вы не позволили им есть за вашим столом, они изгоняют вас навечно из своего лона и обрекают вас, в свою очередь, носить оковы, приготовленные для них вашим равнодушием или вашими маневрами." Иными словами, тот, кто имеет хорошую крышу над головой или носит хорошую одежду, мужчина или женщина, бездельник или работяга, дворянин или простолюдин, доступен для

тюрьмы или гильотины, или, в крайнем случае, он является налогооблагаемым и работоспособным крепостным по желанию; его капитал и накопления, если они не переданы спонтанно и немедленно, составляют уголовную основу и доказательство приговора.- Приказы об аресте обычно издаются против него по причине его богатства; чтобы очистить город от этих преступников одного за другим, всех их сажают в тюрьму в соответствии с их средствами; В Страсбурге [41127](#) 193 человека обложены налогом, каждый от 6 000 до 300 000 ливров, всего 9 миллионов ливров, подлежащих уплате в течение двадцати четырех часов, ведущими людьми каждой профессии или ремесла, банкирами, маклерами, купцами, фабрикантами, профессорами, пасторами, адвокатами, врачами, хирургами, издателями, печатниками, обойщиками, стекольщиками, канатчиками, каменщиками, содержателями кофеен и таверн. И пусть не будет никаких задержек с ответом на эти приказы в установленные сроки! В противном случае провинившиеся будут отправлены в колодки, на эшафот, лицом к лицу с гильотиной". "Один из лучших граждан коммуны, который постоянно демонстрировал свою привязанность к Революции, будучи не в состоянии реализовать сумму в 250 000 ливров за один день, был прикован к столбу".[41128](#) Иногда приказы касались целого класса, не только дворян или священников, но и всех представителей любой буржуазной профессии или даже любого ремесла. В Страсбурге, немного позже, "учитывая, что жажда золота всегда владела пивоварами коммуны", их приговорили к штрафу в 250 000 ливров, который должен быть выплачен в течение трех дней под страхом объявления мятежниками с конфискацией их имущества"; затем, по другому аналогичному соображению, пекари и торговцы мукой были обложены налогом в триста тысяч [ливров41129](#). В дополнение к этому, пишет представитель Мильо в [Гиардене41130](#), "мы приказали арестовать всех банкиров, биржевых маклеров и нотариусов..... Все их богатства конфискованы; мы оцениваем суммы, находящиеся под печатью, в 2 или 3 миллиона в монете и 15 или 16 в ассигнациях". Такой же грабеж сети происходит и в Париже. По приказу Люлье, прокурора департамента, "печати ставятся в конторах всех банкиров, биржевых маклеров, серебряных дел мастеров и т. д.", а сами они запираются в Маделоне; через несколько дней, чтобы они могли оплатить свои тратты, их выпускают на свободу, но при условии, что они останутся под арестом в своих домах, за свой счет, под охраной двух хороших [сан-кулотов41131](#). Таким же образом в [Нанте41132](#), Лионе, Марселе и Бордо тюрьмы переполнены, и гильотина работает в соответствии с категориями. В одно время в Бордо за одну ночь заключают в тюрьму "всех из Большого театра" или главных купцов, "в количестве более 200 человек".[41133](#) В другое время в Париж привозят генералов-фермеров или парламентариев. Из Тулузы выезжают повозки, везущие парламентариев в Париж, чтобы подвергнуть их смертной казни. В Эксе, пишет [агент41134](#)

"гильотина будет работать над бывшими адвокатами, несколько сотен голов, снятых законным путем, принесут наибольшую пользу".

И поскольку новые преступления требуют новых терминов для их обозначения, к "инцивизму" и "умеренности" добавляется термин "негоциантизм", все из которых легко обозначаются и являются широко распространенными преступлениями.

"Богачи и купцы, - пишет один из [наблюдателей41135](#), - здесь, как и везде, прирожденные враги равенства и любители отвратительного федерализма, единственной аристократии, которую еще предстоит уничтожить".

Баррас с еще большей точностью заявляет в "Трибуне", что "коммерция ростовщическая, монархическая и антиреволюционная"[41136](#). "Рассматривая ее саму по себе, можно определить ее как обращение к дурным инстинктам; она представляется развращающим, подстрекательским, антибратским учреждением, и многие якобинцы предлагали либо

запретить ее частным лицам и передать ее полностью государству, либо подавить ее вместе с искусствами и производствами, которые ее питают, чтобы во Франции осталось только население земледельцев и [солдат](#)[41137](#).

Второе преимущество и второе преступление нотаблей - превосходство в образовании. "Во всех уважаемых собраниях, - пишет голландский путешественник в 1795 [году](#)[41138](#) , - вы можете быть уверены, что половина присутствующих побывала в тюрьме. Добавьте сюда отсутствующих, гильотинированных, изгнанных, эмигрантов, депортированных, и заметьте, что в другой благоприятной половине те, кто не пил тюремную чашу, имели ее предвкушение, ибо каждый ожидал ежедневно получить ордер на арест; "самое ужасное при Робеспьере, как говорили мне несколько старых джентльменов, было то, что утром никогда не знали, будут ли спать в своей постели ночью". Не было ни одного воспитанного человека, который не жил бы в страхе перед этим; изучите списки "подозреваемых", арестованных, ссыльных, казненных в любом городе, районе или [департаменте](#)[41139](#) , и вы сразу же увидите по их качеству и занятиям, во-первых, что три четверти культурных людей вписаны в них, и, во-вторых, что интеллектуальная культура сама по себе подозрительна. "Они были одинаково преступны, - пишут страсбургские администраторы[41140](#) , - будь то богатые или культурные люди..... (Якобинский) муниципалитет объявил университет федералистским; он запретил публичное обучение, и, следовательно, профессора, регенты и главы школ со всеми преподавателями, как государственными, так и частными, даже с гражданскими сертификатами, были арестованы; каждый протестантский священник и учитель в департаменте Нижний Рейн был заключен в тюрьму, с угрозой перевода в цитадель в Безансоне."-Фуркруа в Якобинском клубе в Париже, оправдываясь тем, что он эрудит, что он читает лекции по химии , что он не посвящает свое время разглагольствованию Конвента и клубов, вынужден заявить, что он беден, что он живет своей работой, что он содержит "своего отца-бесприданника и своих сестер-бесприданниц"; хотя он хороший республиканец, он едва спасся, и то же самое с другими, подобными ему. Все образованные люди подвергались преследованиям, - заявляет он через месяц после 9 [термидора](#)[41141](#) ; - иметь знакомых, быть литератором - достаточно для ареста, как аристократ..... Робеспьер... с дьявольской изобретательностью издевался, клеветал и переполнял желчью и горечью всех, кто посвящал себя серьезным занятиям, всех, кто исповедовал обширные знания;... он чувствовал, что культурные люди никогда не преклонят перед ним колена [41142](#)..... Инструкции были парализованы; они хотели сжечь библиотеки..... Должен ли я говорить вам, что у самых дверей вашего собрания видны ошибки в правописании? Никто не учится ни читать, ни писать". В Нанте Каррьер хвастается тем, что "разогнал литературные палаты", а к перечню злонамеренных добавляет "богачей и купцов", "всех людей с чувством юмора".[41143](#) Иногда в реестре ключников мы читаем, что такой-то был заключен "за ум и способность к злодейству", другой - что сказал "добрый день, господа, членам муниципального совета "[41144](#).

Вежливость, как и другие признаки хорошего воспитания, стала клеймом; хорошие манеры рассматриваются не только как пережиток древнего режима, но и как бунт против новых институтов; теперь, когда их руководящим принципом теоретически является абстрактное равенство, а практически - возвышение низшего класса, человек восстает против установленного порядка вещей, когда отвергает грубых собеседников, привычные клятвы и непристойные выражения простых рабочих и солдат. В общем, якобинизм, своими доктринами и делами, своими темницами и палачами, провозглашает народу, над которым он держит жезл:[41145](#)

"Будьте грубыми, чтобы стать республиканцами, вернитесь к варварству, чтобы показать превосходство своего гения; откажитесь от обычаев цивилизованных людей, чтобы перенять обычаи галерных рабов; испортите свой язык, чтобы улучшить его; используйте язык населения под страхом смерти. Испанские нищие обращаются друг с другом достойно; они проявляют уважение к человечеству, хотя и в лохмотьях. Мы же, напротив, приказываем вам принять наши лохмотья, наш жаргон, наши условия близости. Наденьте карманьолу и трепещите; станьте деревенщинами и болванами и докажите свою цивилизованность отсутствием всякого образования".

Это верно дословно.

"Образование, [41146](#) - говорит другой современник, - приятные качества, мягкие манеры, мягкая физиономия, телесные грации, культурный ум, все природные данные отныне являются неизбежными причинами запрета".

Человек подвергается самоосуждению, если он не превратил себя в сан-кулота и пролетария, в соответствии с затронутыми манерами, воздухом, языком и одеждой. Отсюда,

"через лицемерное соревнование доселе неизвестные люди, которые не были порочными, сочли необходимым казаться таковыми".

И что еще хуже,

"человек даже боялся быть самим собой; он менял имя, переодевался в вульгарные и безвкусные одежды; каждый стеснялся быть тем, кем он был".

Ибо, согласно якобинской программе, все французы должны быть [переделаны41147](#) по единому образцу; они должны быть взяты, когда они маленькие; все должны быть подвергнуты одному и тому же принудительному воспитанию, воспитанию механика, деревенского и солдатского мальчика. Будьте предупреждены, взрослые, гильотиной, исправьте себя заранее по предписанному образцу! Больше никаких дорогих, изящных и тонких хрустальных или золотых ваз! Все они разбиты или продолжают разбиваться. Отныне терпеть или приказывать делать только обычные вещи, одинаковые по содержанию, форме и цвету, производимые тысячами оптом и на государственных фабриках, для обычного и простого использования в сельской и военной жизни; все оригинальные и превосходные формы должны быть отвергнуты.

"Хозяева того времени, - пишет [Дауну41148](#) , - сознательно направляли свои удары мечом на превосходные таланты, на энергичные характеры; они уничтожали, как могли, за столь короткое время цветы и надежды нации".

В этом отношении они были последовательны; [равенство-социализм41149](#) не допускает никого, кроме автоматических граждан, простого инструмента в руках государства, все одинаковы, примитивны и легко управляемы, без личной совести, спонтанности, любопытства или честности; тот, кто культивировал себя, кто думал о себе и осуществлял свою собственную волю и суждение, поднимается над уровнем и стряхивает иго; добиться внимания, быть умным и почетным, принадлежать к элите - значит быть антиреволюционером. В народном клубе [Бур-ан-Бреса41150](#) представитель Жавогю заявил, что,

"Республика может быть установлена только на трупe последнего из респектабельных людей".

Х. Правители и управляемые.

Заключенные на улице Севр и "Круа-Руж".
революционный комитет. Молодой дофин и Симон, его
Судьи и те, кто находится под их юрисдикцией.
-Тренчар и Кофиналь, Лавуазье и Андре Шенье.

Здесь мы имеем, с одной стороны, элиту Франции, почти всех людей, обладающих чином, состоянием, семьей и заслугами, выдающихся умом, культурой, талантом и добродетелью, лишенных общих прав, находящихся в изгнании, в тюрьме, под пиками и на эшафоте. На другой стороне - те, кто выше обычного права, обладает всеми должностями и всемогущ в безответственной диктатуре, в деспотическом проконсульстве, в суверенитете правосудия, орда изгоев всех классов, изгоев фанатизма, шарлатанства, имбецильности и преступности. Часто, когда эти личности встречаются, контраст между управляемыми и управляющими выступает так рельефно, что кажется заранее рассчитанным и организованным; для его изображения нужны не слова, а краски и кисть художника. В западной части Парижа, в тюрьмах на улице [Севр41151](#) заключенные состоят из самых знатных особ квартала Сен-Жермен, прелатов, офицеров, вельмож и знатных дам, - монселье де Клермон-Тоннерр, монселье де Крюссоль д'Амбуаз, монселье де Эрсан, монселье де Сен-Симон, епископ Агдский, графиня де Нарбонн-Пеле, герцогиня де Шуазель, принцесса де Шиме, графиня де Раймон-Нарбонн и ее дочь двух лет от роду - словом, цветок того утонченного общества, которым восхищалась и которому подражала Европа и которое в своем изысканном совершенстве равнялось или превосходило все, что произвели Греция, Рим и Италия, по блеску, лоску и приятности. Напротив, судьи их жизни и смерти, властители того же квартала, которые выдают ордера на их арест, которые их запеленговывают, чтобы спекулировать на них, и которые веселятся за их счет и на их глазах: Это члены революционного комитета "Круа-Руж", восемнадцать осужденных жуликов и развратников, о которых мы уже [говорили41152](#), бывшие водители такси, носильщики, сапожники, уличные посыльные, стивидоры, банкроты, фальшивомонетчики, бывшие или будущие тюремщики, все клиенты полиции или богадельни. -На другом конце Парижа, на востоке, в башне Храма, разлученный с сестрой и оторванный от матери, по-прежнему живет маленький Дофин: никто во Франции не заслуживает большей жалости и уважения, чем он. Ибо если Франция существует, то только благодаря тридцати пяти военачальникам и коронованным королям, последним прямым отпрыском которых он является; без их тысячелетнего наследственного правления и сохраняющей политику политики вторгшиеся в Тюильри, которые только что осквернили их могилы в Сен-Дени и бросили их кости в общую [канаву41153](#), не были бы французами. В этот момент, при свободном голосовании, огромное большинство народа, девятнадцать французов из двадцати, признали бы этого невинного и драгоценного ребенка своим королем, наследником народа, из которого состоит их нация и страна, ребенка восьми лет, на редкость развитого, столь же умного, сколь и доброго, с мягким и победным выражением лица. Посмотрите на другую фигуру рядом с ним, с поднятым кулаком и с оскорблениями на устах, с раздутым от бренди лицом, титулованного губернатора,

официального наставника и абсолютного хозяина этого ребенка, сапожника Симона, злобного, нецензурного, подлый во всех отношениях, заставляющий его опьянеть, моривший его голодом, не дававший ему спать, бичевавший его, и который, повинаясь приказам, инстинктивно обрушивает на него всю свою жестокость и разврат, чтобы извратить, унизить и развратить его.[41154](#)-В Дворце правосудия, на полпути между башней Храма и тюрьмой на улице Севр, почти такой же контраст, переставляющий достоинства и недостатки, ежедневно сталкивает невинных с мерзкими. Бывают дни, когда контраст, еще более разительный, усаживает преступников на скамью судей, а судей - на скамью преступников. Первого и второго Флореаля, старых представителей и попечителей свободы при монархии, двадцать пять магистратов Парижского и Тулузского парламентов, многие из которых были выдающимися интеллектуалами высочайшей культуры и благороднейшего характера, включали в себя величайшие исторические имена французской магистратуры,- Этьен Паскье, Лефевр д'Ормессон, Моле де Шамплатрё, де Ламуаньон, де Малешерб, - отправляются на [гильотину](#)[41155](#) знакомыми нам судьями и присяжными, убийцами или грубиянами, которые не берут на себя труд или не имеют возможности придать должную окраску своим приговорам. Месье де Малешерб восклицает, прочитав свой обвинительный приговор: "Если бы это был только здравый смысл!" - В сущности, те, кто выносит приговор, по их собственному признанию, являются "солидными присяжными, хорошими санкюлотами, естественными людьми". И какова природа! Один из них, Тренчард, овернский плотник, точно изображает себя в следующей записке, адресованной его жене перед началом судебного процесса:

"Если ты не одна и компаньон может работать, ты можешь прийти, моя дорогая, и посмотреть на двадцать четыре осужденных господина, все они бывшие президенты или советники парламентов Тулузы и Парижа. Рекомендую вам захватить с собой что-нибудь поесть, до конца заседания еще три часа. Обнимаю тебя, мой дорогой друг и жена "[41156](#).

В том же суде Лавуазье, основатель и организатор химии, великий первооткрыватель, приговоренный к смерти, просит отсрочить приговор на две недели, чтобы завершить эксперимент, и председатель Коффиналь, еще один овернец, отвечает,

"Республика не нуждается в савантах "[41157](#) .

И она не нуждается в поэтах. Первый поэт эпохи, Андре Шенье, тонкий и превосходный художник, открывший заново старинные источники вдохновения и положивший начало современному течению, гильотинирован; мы располагаем оригиналом рукописного обвинительного акта его экспертизы, настоящим шедевром тарабарщины и варварства, полная копия которого необходима, чтобы передать представление о его "порочности смысла и орфографии". "Читатель, если пожелает, может увидеть, как гениальный человек отдан на растерзание грубым, злобным, деспотичным животным, которые ничего не слушают, ничего не понимают, не понимают даже общеупотребительных терминов, спотыкаются в своих вопросах и в высшей степени тупо таскают свои ручки в качестве имитатора интеллекта.

Свержение завершено. Франция, подчиненная революционному правительству, похожа на человека, вынужденного ходить с опущенной головой и думать ногами".

4101 (возвращение)

[Ср. "Революция", кн. I, гл. 3, и кн. III, гл. 9 и 10].

4102 (обратно)

[Grégoire, "Memoires", II., 172. "Среди эмигрантов первой эпохи насчитывается около восемнадцати тысяч церковников. Еще около восемнадцати тысяч уехали или были высланы после 2 сентября"].

4103 (возвращение)

[Там же, 26. "Начальник эмигрантского бюро в департаменте полиции (9 мая 1805 г.) перечисляет около двухсот тысяч человек, которых коснулись законы об эмиграции" - Лалли-Толендаль, "Защита эмигрантов" (2-я часть, стр. 62 и след.). Несколько тысяч человек, записанных как эмигранты, не покинули Францию. Местная администрация внесла их в свои списки либо потому, что они жили в другом департаменте и не могли получить многочисленные справки, требуемые законом в подтверждение проживания, либо потому, что те, кто составлял списки, отнеслись к этим справкам с пренебрежением. Было найдено удобным изгнать эмигранта, чтобы законно конфисковать его имущество и даже гильотинировать его, не менее законно, как вернувшегося эмигранта.- Послание Директории "Пятисотникам", Ventôse 3, год V.: "По приблизительным подсчетам, полученным в Министерстве финансов, число зачисленных в общий список эмигрантов составляет более ста двадцати тысяч человек; и, опять же, списки из некоторых департаментов еще не поступили" - Лафайет, "Мемуары", т. II, 181. (Письма к М. де Мобуру, 17 октября 1799 г. (прим.) 19 октября 1800 г.). Согласно отчету министра полиции, список эмигрантов в девяти томах по-прежнему насчитывает сто сорок пять тысяч человек, несмотря на то, что тринадцать тысяч были вычеркнуты Директорией, а двенадцать сотен - консульским правительством].

4104 (возвращение)

["Несколько человек, с которыми я говорил, в буквальном смысле совершили турне по Франции в различных обличьях, не имея возможности найти выход; только после ряда романтических приключений им удалось, наконец, достичь швейцарской границы, единственной доступной для всех." - Сосай, V., 210, 220, 226, 276. (Эмиграция пятидесяти четырех жителей Шаркемона, отправляющихся в Венгрию)].

4105 (возвращение)

[Ibid., vols. IV., V., VI., VII. (Об изгнанных священниках, оставшихся и продолжающих свои служения, и о тех, кто вернулся, чтобы возобновить их.) - Чтобы получить представление о положении эмигрантов, их родственников и друзей, необходимо ознакомиться с законом от 15 сентября 1794 года (25 брюмера III года), который обновляет и обобщает предыдущие законы; под его действие подпадают дети четырнадцати и десяти лет. С величайшим трудом, даже если человек не покидал Францию, он мог доказать, что не эмигрировал].

4106 (возвращение)

[Пандур, хорватский пехотинец XVIII века на австрийской службе: разбойник. (SR)]

4107 (возврат)

[Moniteur, XVIII., 215. (Письмо бригадного генерала Вандамма конвенту, Ферней, брюмера I, год II). Чтение этого письма вызвало "бурные аплодисменты"].

4108 (возвращение)

[Sauzey, V., 196. (Общее число - пять тысяч двести. Можно добавить несколько сотен имен, так как многие списки деревень отсутствуют.)

4109 (возврат)

[Buchez et Roux, XXXIV., 434. (Суд над Фукье-Тинвилем, показания Терриер-Грандпре, одного из руководителей комиссии по гражданской полиции и судебной администрации, 51-го свидетеля)].

4110 (возврат)

[Доклад Саладина, 4 марта 1795 г.].

4111 (возврат)

[Wallon, "La Terreur", II., 202.]

4112 (возврат)

[Duchatelier, "Brest Pendant la Terreur", p. 105.- Paris, "Histoire de Joseph Lebon", II., 370.- "Tableau des Prisons de Toulouse", by Pescayre, p. 409.- "Recueil de Pièces Authentiques sur la Révolution à Strasbourg", I., 65. (Список арестов после 7-го прериаля II года.) "Когда были произведены следующие аресты, в Страсбурге уже содержалось более трех тысяч человек" - Альфред Лалье, "Нантские нойды", стр. 90.- Berryat Saint-Prix, p.436. (Письмо Менье к Кутону, Авиньон, Флореаль 4, год II.)].

4113 (возврат)

[Baulieu, "Essais", V., 283. В конце декабря 1793 года Камиль Десмулен писал: "Откройте двери тюрем для тех двухсот тысяч граждан, которых вы называете "подозреваемыми!" - В течение семи последующих месяцев число заключенных значительно увеличилось. ("Le Vieux Cordelier", № IV, 30 примера, год II.) Больше не уточняет, что именно комитет общей безопасности подразумевал под словом détenu. Относится ли оно только к тем, кто был заключен в тюрьму? Мы можем проверить его утверждение и определить число, хотя бы приблизительно, взяв один департамент, в котором строгость революционной системы была средней и где списки были полными. Согласно переписи 1791 года, в Дубсе проживало двести двадцать одна тысяча человек; население Франции составляло 26 миллионов, и мы только что видели число заключенных каждой категории; пропорция для Франции дает 258 000 человек, заключенных в тюрьму, 175 000 человек, заключенных в своих домах, и 175 000 человек, помимо этого, находящихся на свободе в своих коммунах, или ajournées, то есть 608

000 человек, лишенных свободы. Первые две категории составляют в общей сложности 433 000 человек, что достаточно близко к цифрам Болье].

4114 (возврат)

[Paris, "Histoire de Joseph Lebon", II., 371, 372, 375, 377, 379, 380.- "Les Angoisses de la Mort", by Poirier and Monjay of Dunkirk (второе издание, год III.). "Их дети и надежные агенты все еще оставались в тюрьме; с ними обращались не лучше, чем с нами... мы видели, как со всех сторон привозили детей, младенцев пяти лет, и, чтобы лишить их отцовской власти, к ним время от времени присылали комиссаров, которые говорили с ними безнравственные слова"].

4115 (возвращение)

["Mémoires sur les Prisons", (сборник Barrière et Berville), II., 354, и приложение F. Там же, II, 2262.- Женщины первыми попали под рапитизм". (Тюрьмы Arrаса и Плесси в Париже)].

4116 (возврат)

["Документы о Дауну", автор Тайландье. (Повествование Дюну, который поочередно был заключен в тюрьмы Ла Форс, Маделонет, английских бенедиктинцев, Отель де Ферм и Порт-Либр) - Об управлении тюрьмами см, для провинций: "Tableaux des Prisons de Toulouse" Пескайра; "Un Sejour en France" и "Les Horreurs des Prisons d'Arras" для Arrаса и Амьена; Alexandrines des Echerolles, "Une Famille noble sous la Terreur" для Лиона; суд над Каррьером для Нанта; для Парижа: "Histoire des Prisons" Hyrapета, 4 тома, и "Mémoires sur les Prisons", 2 тома].

4117 (возврат)

[Свидетельства представителя Бланки, заключенного в Ла Форс, и представителя Болье, заключенного в Люксембург и Маделонет, 290: "Консьержери все еще был полон несчастных, задержанных за грабежи и убийства, нищих и отвратительных. Вместе с ними графы, маркизы, сладострастные финансисты, элегантные денди и не один несчастный философ были заперты в самых отвратительных камерах, ожидая, пока гильотина освободит место в камерах, заставленных походными койками. При поступлении их обычно клали вместе с теми, кто лежал на соломе, где они иногда оставались по две недели... С этими людьми нужно было пить бренди; вечером, сбросив свои экскременты рядом с соломой, они ложились спать в своей грязи..... Я провел эти три ночи полусидя, полулежа на скамье, поставив одну ногу на землю и прислонившись к стене" - Валлон, "La Terreur", II., 87. (Отчет Гранпре о Консьержери, 17 марта 1793 года. "Двадцать шесть человек собраны в одной комнате, спят на двадцати одном матрасе, дышат самым дурным воздухом и покрыты полусгнившими тряпками". В другой комнате сорок пять человек и десять соломенных кроватей; в третьей - тридцать девять несчастных, умирающих на девяти койках; в трех других комнатах - восемьдесят несчастных на шестнадцати матрасах, наполненных паразитами, и, что касается женщин, пятьдесят четыре на девяти матрасах и стоя поочередно.- Худшими тюрьмами в Париже были Консьержери, Ла Форс, Ле Плесси и Бикетр. "Умирая от голода, мы спорили с собаками за кости, предназначенные для них, и колотили их, чтобы сварить суп"].

4118 ([возврат](#))

["Recueil de Pièces, etc.", i., p.3. (Письмо Фредерика Бюргера, Прериал 2, год II.)].

4119 ([возврат](#))

[Alfred Lallier, "Les Noyades de Nantes", p. 90.-Campardon, "Histoire de Tribunal Révolutionnaire de Paris", (суд над Каррье), II., 55. (Показания санитарного врача Томаса) "Я видел, как в революционном госпитале (в Нанте) погибло семьдесят пять заключенных за два дня. Там не было найдено ничего, кроме гнилых матрасов, на каждом из которых эпидемия унесла более пятидесяти человек. В Антрепоте я обнаружил множество трупов, разбросанных тут и там. Я видел детей, еще дышащих, утонувших в ваннах, полных человеческих экскрементов"].

4120 ([возвращение](#))

["Рассказ о страданиях неprisягнувших священников, депортированных в 1794 году, на рейде Экса", passim].

4121 ([обратно](#))

["Histoire des Prisons", I., 10. "Посетите, - говорит современник (в Консьержери), - подземелья, называемые "Великий Сезар", "Бомби", "Сент-Винсент". "Бель-Эйр" и т. д., и скажите, не предпочтительнее ли смерть такому обиталищу". Некоторые, правда, чтобы скорее покончить с этим делом, писали прокурору, обвиняя себя, требуя короля и священников, и их сразу же гильотинировали, как они и надеялись.- См. рассказ "La Translation des 132 à Nantois Paris" и Riouffe, "Mémoires", о страданиях заключенных по пути в их последнюю тюрьму].

4122 ([возврат](#))

[Berryat Saint-Prix, p. IX., passim.]

4123 ([возврат](#))

[Campardon, II., 224.]

4124 ([возврат](#))

[Berryat Saint-Prix, 445.- Paris, "Histoire de Joseph Lebon", II., 352.-Alfred Lallier, p. 90.-Buche et Roux, XXXII., 394].

4125 ([возврат](#))

[Berryat Saint-Prix, pp.23, 24.]

4126 ([возврат](#))

[Berryat Saint-Prix, p.458. "В Оранже мадам де Латур-Видан, восьмидесятилетняя и много лет

страдавшая идиотизмом, была казнена вместе со своим сыном. Говорят, что, когда ее вели на эшафот, она думала, что входит в карету, чтобы нанести визит, и так сказала своему сыну" -Ibid., 471. После Термидора, когда судьи Оранжевой комиссии предстали перед судом, присяжные заявили, что "они отказались выслушать показания в защиту и не позволили обвиняемым даже неофициальных адвокатов для их защиты"]].

4127 (возвращение)

[Camille Boursier, "La Terreur en Anjou", p.228. (Показания вдовы Эдин.) "Ла Персак, монахиня, больная и немощная, была готова принести присягу. Николая, агент Вашерона, с помощью нескольких человек вытащил ее из постели и положил на телегу; вместе с ней были расстреляны от девяноста до девяноста четырех человек"]].

4128 (возврат)

[Berryat Saint-Prix, p. 161. Ниже приведены образцы этих ордеров: "С. (расстреляна), Жерминаль 13, вдова Менар, семидесяти двух лет, старая аристократка, никого не любит, живет одна" - "Ордер марсельского комитета, Жерминаль 28, год II., осуждающий некоего Кузинери за то, что он постоянно убегал, спасаясь от народной мести, которой он подлежал из-за своего поведения и неприятия Революции" - Camille Boursier, p.72, Флореаль 15, год II, казнь "Жерара, виновного в том, что он не захотел помочь в установке столба Свободы в коммуне Вуй, сентябрь 1792 года, и побудил нескольких муниципальных служащих присоединиться к нему в его наглом и либертистском презрении"]].

4129 (возврат)

[Wallon, "Histoire du Tribunal Révolutionnaire de Paris", V., 145].

4130 (возврат)

[Ibid., v., 109. (Показания мадам де Майе.)-V., 189. (Показания Лаллье.)-См. Кампардон, в тех же делах].

4131 (возвращение)

[Campardon, II., 189, 190, 193, 197. (Показания Болье, Дюкло, Тирара, Дюкрея и др.)].

4132 (возврат)

[Berryat Saint-Prix, 395. (Письмо представителя Мойсе Бейля,)-Там же, 216. (Слова представителя Лекарпантье в Сен-Мало.) "Почему такие задержки? Какая польза от этих вечных экзаменов? Какая необходимость так глубоко вникать в это дело? Имя, профессия, итог - и суд окончен" - "Он открыто заявил доносчикам: Вы не знаете, какие факты вам нужны, чтобы осудить умеренных? Ну что ж, достаточно жеста, одного-единственного жеста"]].

4133 (возврат)

[Письмо Пайана Роману Формозе, судье в Оранже: "В комиссиях, которым поручено

наказывать заговорщиков, не должно быть никаких формальностей; их заменяет совесть судьи... Комиссии должны служить политическими судами; они должны помнить, что все люди, которые не были на стороне Революции, выступают против нее, поскольку они ничего не сделали для страны... Я говорю всем судьям: во имя страны не рискуйте, спасая виновного", - с таким же заявлением выступил Робеспьер в Якобинском клубе. Фримар 19, год II: "Мы судим в политике с подозрительностью просвещенного патриотизма"]].

4134 (возврат)

["Mémoires de Fréron" и о Фрероне, (сборник Barrière et Berville,) p.364. Письмо Фрерона, Тулон, Нивозе 16. "Более восьмисот тулонцев уже расстреляны"]].

4135 (возвращение)

[Lallier, p.90. (Одиннадцать отдельных случаев утопления, установленных М. Лалье, относятся к Плювиозе 12, II год)].

4136 (возврат)

[Moniteur, XXII., 227. (Официальные документы, зачитанные в Конвенте, Ventôse 21, год III.) Эти документы подтверждают факт утопления. Ventôse 9, год II. По приказу Лефевра, генерал-адъютанта, был утоплен сорок один человек, среди которых было двое мужчин семидесяти восьми лет и слепых, двенадцать женщин, двенадцать молодых девушек, пятнадцать детей, из которых десять были в возрасте от шести до десяти лет, а пять грудных. Утопление произошло в бухте Бургнеф.- В Конвенции Каррье (Moniteur, XXII., p.578) говорится об утоплении беременных женщин: "В Лавале, Анжере, Сомюре, Шабан-Гонтье, везде происходило то же самое, что и в Нанте"]].

4137 (возврат)

[Camille Boursier, p.159.]

4138 (обратно)

[Там же, 203. Представитель Франкастеля заявляет о "твердой решимости очистить, обескровить этот вендский вопрос". Тот же Франкастель писал генералу Гриньону: "Заставьте этих разбойников трепетать! Не давайте им покоя! Тюрьмы в Вандее переполнены заключенными!... Превращение этой страны в пустыню должно быть завершено. Не проявляйте слабости и милосердия... Таковы взгляды Конвента.... Я клянусь, что Вандея будет обезлюжена"]].

4139 (возврат)

[Гранье де Кассаньяк, "His. du Directoire", II., 241.- (Письмо генерала Хоша министру внутренних дел, 2 февраля 1796 г.) "От населения 1789 г. остался лишь один из пяти"]].

4140 (возвращение)

[Campardon, II., 247, 249, 251, 261, 321. (Экспертиза Фукье-Тинвиля, слова Камбона)].

4141 (возврат)

[Статья Гуффруа в его журнале Le Rougiff: "Долой дворян, и тем хуже для хороших, если они есть! Пусть гильотина постоянно стоит по всей Республике. Пять миллионов жителей - достаточно для Франции!" - Berryat Saint-Prix, 445. (Письмо Фовети, Оранж, Прериаль 14, год II.) "В нашем округе всего два заключенных. Какая мелочь!" - Там же, 447. (Письмо Оранского комитета в Комитет общественной безопасности, Мессидор 3.) "Как только Комитет полностью утвердится, он собирается судить всех священников, богатых купцов и бывших дворян." - (Письмо Жюже, Мессидор 2.) "Судя по всему, в департаменте падет более трех тысяч голов." - Там же, 311. В Бордо с разрешения Военного комитета возводится огромный эшафот с семью дверями, две из которых большие и похожи на амбарные, называемый четырехлопастной гильотиной, чтобы работать быстрее и делать больше. Ордер и приказ о ее строительстве датированы 3 и 8 термидора II года - Berryat Saint-Prix, 285. Письмо представителя Блутеля, находящегося с миссией в Рошфоре, после Термидора: "Несколько человек, погрязших в разврате и преступлениях, осмелились запретить (здесь) добродетель, патриотизм, потому что он не был связан с их кровавым возбуждением: дерево Свободы, говорили они, требует для своих корней десять футов человеческой крови"]].

4142 (возврат)

["Recueil de Pièces Authentiques, concernant le Revolution à Strasbourg", I., 174, 178. Примеры революционных налогов: постановления представителей Мильо, Руампса, Гиадина, утверждающие следующие взносы, 20 брюмера II года.

На 3 лиц из Штутцгейма.....	150,000 ливров.
" 3 " Оффенгейм.....	30,000 ливров.
" 21 " Молсхайм.....	367,000 "
" 17 " Оберенгейм.....	402,000 "
" 84 " Rosheim.....	503,000 "
" 10 " Mutzig.....	114,000 "

Еще одно распоряжение Даума и Тиссеро, членов комитета, временно замещающих районных администраторов: "Принимая во внимание, что именно благодаря аристократам графств Республика поддерживает войну, они утверждают следующие налоги:

На аристократов Гейспольцгейма -	400 000 ливров.
на аристократов Обершоффольсгейма -	200 000 ливров.
Дитто Дютленхайма	150 000 "
Дитто из Дуппигхайма	100,000 "
ДИТТО Ахенхайма	100 000 "

Список взносов, собранных в сельских коммунах округа Страсбург, согласно оценке, проведенной Стаммом, временным прокурором округа, на сумму три миллиона сто девяносто шесть тысяч сто ливров].

4143 (возврат)

["Recueil des Pièces Authentiques", etc., I., 23. По распоряжению представителей от 25 брюмера II года. "Муниципалитет Страсбурга за двадцать четыре часа лишил обуви всю коммуну, посылая за ней из дома в дом" - Там же. с.32. Ордонансы представителей Лемера и Бодо, Фримар I, год II., объявляющие, что кухонная утварь, котлы, кастрюли, сковороды, чайники и другие медные и свинцовые сосуды, а также медь и свинец, не прошедшие обработку, найденные в Страсбурге и в департаментах, должны облагаться налогом." - Archives Nationales, AF., I, 92. (Приказ Тайллефера, 3-е брюмера, год II. Вильфранш 1'Аверньон.) Формирование комитета из десяти человек, которому поручено совершать обходы домов и который уполномочен завладеть всем железом, свинцом, сталью и медью, найденными в домах "подозреваемых"; вся эта кухонная утварь должна быть превращена в пушки.- Малле-Дюпан, "Mémoires", I., 15].

4144 (обратно)

["Moniteur", XXV., 188. (Речь Блютельса, 9 июля 1795 г.)].

4145 (обратно)

["Recueil des Pièces Authentiques", etc., I., 24.- Грегуар, отчеты о вандализме, Фруктидор 14, год II., и Брюмер 14, год III. (Moniteur, XXII., 86 и 751.)- Там же, письмо от 24 декабря 1796 года: "Уничтожены не миллионы, а миллиарды."- Там же, "Mémoires", I., 334: "Неисчислима потеря религиозных, научных и литературных ценностей. Районные администрации Блана (Индр) уведомили меня, что для обеспечения сохранности библиотеки они поместили книги в бочки."- Четыреста тысяч франков были потрачены на разбивание статуй отцов церкви, образующих круг вокруг купола Инвалидов.- Очень многие объекты стали бесполезными из-за прекращения их использования: например, собор в Мо был выставлен на аукцион и не нашел покупателя за шестьсот франков. Материалы были оценены в сорок пять тысяч франков, но труд (для его демонтажа) был слишком велик. (Рассказ жителя Мо)].

4146 (возврат)

["Происхождение действующей финансовой системы", Евгений Штурм, стр.53, 79].

4147 (возврат)

[Meissner, "Voyage à Paris", (конец 1795 г.), p. 65. "Класс тех, кто, возможно, действительно выиграл от Революции....., состоит из маклеров, армейских подрядчиков и их подчиненных, нескольких правительственных агентов и фермеров, обогащающихся за счет своих новых приобретений, которые достаточно хладнокровны и проницательны, чтобы прятать свое зерно, закапывать свое золото и неуклонно отказываться от ассигнаций."- Там же, 68, 70. "По дороге он спрашивает, кому принадлежит прекрасный замок, и ему с многозначительным видом отвечают: "Бывшему оборванцу". "О, месье, - говорит хозяйка дома в Везуле, - на каждого, кого революция сделала богатым, вы можете быть уверены, что она сделала тысячу бедных""]].

4148 (возвращение)

[Нижеследующие описания и оценки являются плодом обширного исследования, при этом я привел лишь десятую часть фактов и текстов, которые были полезны. Поэтому я должен отослать читателя к ряду печатных и письменных документов, о которых я упоминал в этом и трех предыдущих томах].

4149 (возврат)

["Древний режим", кн. II, гл. 2, с. IV].

4150 (обратно)

[Там же, кн. IV, гл. I, II, III].

4151 (обратно)

[Lacretelle, "Histoire de France au 18eme Siecle", V., 2.- "The Ancient Regime", pp. 163, 300].

4152 (возврат)

[Morellet, "Mémoires", I., 166. (Письмо Родерера к дочери Беккариа, 20 мая 1797 г.)].

4153 (обратно)

[Беккариа (Чезаре Бонезана, маркиз де) (Милан 1738 - ок. 1794). Итальянский юрист, чей "Трактат о преступлениях и наказаниях" (1764) способствовал реформам и смягчению европейского уголовного права. (SR)]

4154 (возврат)

[Mallet-Dupan, "Mémoires", II., 493. "Пока герцог Орлеанский проходил обследование, он читал газету" - Там же, 497. "Никто не умер с большей твердостью, духом и достоинством, чем герцог Орлеанский. Он снова стал королевским принцем. Когда в революционном трибунале его спросили, не хочет ли он выступить в свою защиту, он ответил: "Лучше умереть сегодня, чем завтра: подумайте об этом". Его просьба была удовлетворена. Герцог де Бирон отказался бежать, посчитав, что в такой дилемме это не имеет смысла. "Он провел время в постели, попивая бордоское вино. Перед трибуналом его спросили, как его зовут, и он ответил: "Капуста, репа, Бирон, как вам угодно, одно не хуже другого". "Как!" - воскликнули судьи, - "Вы наглец!" - "А вы - вы ветреники! Я перехожу к делу; Гильотина, это все, что вы можете сказать, а мне нечего сказать". Тем временем они продолжили допрашивать его о его предполагаемом предательстве в Вандее и т. д. "Вы не понимаете, о чем говорите! Вы, невежды, ничего не знаете о войне! Прекратите свои вопросы". В то время я докладывал Комитету общественной безопасности, который одобрил мое поведение. Теперь он изменился и приказал вам лишить меня жизни. Повинуйтесь и не теряйте времени". Бирон попросил прощения у Бога и короля. Никогда он не выглядел лучше, чем на телеге (палача)"]].

4155 (возвращение)

[Morellet, II., 31.- "Mémoires de la Duchesse de Tourzel", "de Mlle. des Écherolles", etc.- Beugnot, "Mémoires, I., 200-203. "По обе стороны решетки обменивались самыми остроумными замечаниями, самыми тонкими намеками, самыми блестящими репликами. Разговор был общий, без упора на какую-либо тему. К несчастью относились так, словно это плохой ребенок, над которым можно посмеяться, и, в самом деле, открыто потешались над божественностью Марата, сакральностью Робеспьера и магистратурой Фукье. Казалось, они говорили всем этим кровожадным людишкам: "Вы можете убивать нас, когда вам заблагорассудится, но вы не можете помешать нам быть целеустремленными"" -Archives Nationales, F.7, 31167. (Отчет сторожа, Шармон, Нивозе 29, год II.) "Люди, присутствующие на казнях, очень удивлены стойкостью и мужеством, которые они проявляют (sic), взойдя на эшафот. Они говорят, что это похоже (sic) на свадьбу. Люди не могут привыкнуть к этому, некоторые заявляют, что это сверхъестественно"].

4156 (возвращение)

[Sauzay, I... introduction.- De Tocqueville, "L'Ancien Regime et la Revolution", 166. "Я терпеливо прочел большинство отчетов и дебатов провинциальных эстатов, особенно Лангедока, где духовенство принимало гораздо большее участие в административных деталях, чем в других местах, а также протоколы провинциальных собраний 1779-1787 годов, и, приступив к изучению с идеями своего времени, я с удивлением обнаружил епископов и аббатов, среди которых было несколько человек, столь же выдающихся своей набожностью, сколь и ученостью, составляли отчеты о дорогах и каналах, рассматривали эти вопросы с совершенным знанием фактов, обсуждали с величайшей способностью и умом лучшие средства для увеличения сельскохозяйственной продукции, для обеспечения благосостояния народа и имущества промышленных предприятий, часто гораздо лучше, чем миряне, которые были заинтересованы вместе с ними в тех же делах."]

4157 (возврат)

["Древний режим", с. 300.- "Революция", т. I, с. 116. Buchez et Roux, I., 481. Список знати, созданный королем в 1787 году, дает приблизительное представление об этом социальном составе. Помимо ведущих принцев и сеньоров, среди ста тридцати четырех членов мы находим двенадцать маршалов Франции, восемь государственных советников, пять мэтров, четырнадцать епископов и архиепископов, двадцать президентов и семнадцать генеральных прокуроров парламентов, или королевских советов, двадцать пять мэров, прево, капитулов и конюхов крупных городов, депутаты от "эстатов" Бургундии, Артуа, Бретани и Лангедока, три министра и два главных клерка.-Все возможности для проведения великой реформы были налицо, но не было твердой, сильной, контролирующей руки Ришелье или Фредерика II].

4158 (возврат)

[См. "Революция II" под ред. Лафона стр. 617. Издание США P. 69. (SR.)].

4159 (возврат)

["Mémoires de Gaudin", duc de Gaëte].

4160 (возврат)

[Малле-Дюпан, "Mémoires", II., 25, 24. "Военный комитет состоит из инженеров и штабных офицеров, из которых главными являются Мёссюр, Фавар, Сен-Фиф, д'Аркон, Лафит-Клаве и некоторые другие. Д'Аркон руководил работами по снятию осады Дюнкерка и Маубенге..... Эти офицеры были подобраны с умом; они планировали и проводили операции; опираясь на огромные ресурсы в виде карт, планов и рекогносцировок, хранящихся в военном министерстве, они действительно действовали в соответствии с опытом и умом великих генералов при монархии"].

4161 (возврат)

[Miot de Melito, "Mémoires", I., 47.-Andre Michel, "Correspondance de Mallet-Dupan avec la Cour de Vienne", I., 26. (3 января 1795 г.) "Конвент настолько остро ощущает потребность в подходящих средствах, чтобы поддержать бремя своих затруднений, что теперь ищет их среди ярко выраженных роялистов. Так, например, он только что предложил управление королевской казной мсье Дюфрену, бывшему начальнику этого департамента при покойном короле, а с 1790 года находящемуся в отставке. В том же духе и с еще более экстраординарным подходом они назначают в Комиссариат иностранных дел мсье Жерара де Райневалья, главного секретаря по переписке со времен министерства герцога де Шуазеля до графа де Монморина включительно. Это человек решительных взглядов и столь же решительного характера; в 1790 году я видел, как он покинул департамент из-за неприятия максим, которые Революция насильно ввела в него"].

4162 (возвращение)

[Маршал Мармон, "Мемуары". В возрасте девяти лет он ездил верхом и ежедневно охотился вместе с отцом].

4163 (обратно)

[Среди других рукописных документов - письмо мсье Симна де Карневиля от 11 марта 1781 года. (О семьях Карневиль и Монморин-Сен-Эрем в 1789 г.) Последняя семья осталась во Франции; двое ее членов были убиты, двое казнены, пятый "избежал эшафота, уклонившись от правосудия народа"; шестой, зачисленный в революционные войска, в девятнадцать лет получил пулю, которая сделала его слепым. Другая семья эмигрировала, и ее главы, граф и виконт Карневиль, командовали, один - вольной ротой на австрийской службе, а другой - полком гусар в армии Конде. Двенадцать офицеров этих двух корпусов были шуринами, племянниками, кузенами и кузинами обоих командиров, первый из которых поступил на службу в пятнадцать лет, а второй - в одиннадцать. В семь или восемь лет я уже был свидетелем шума битвы, побывал в осажденном городе и видел из окна три осады. Немного повзрослев, я был окружен солдатами; старые отставные офицеры, принадлежавшие к различным службам и жившие по соседству, подпитывали мою страсть.- Тюренн рассказывал: "В десять лет я спал на лафете. Моя тяга к войне была столь велика, что я поступил на службу к капитану "Ройял Вайсьо", стоявшему в гарнизоне в двух лье отсюда. Если бы война была объявлена, я бы ушел и никому об этом не сказал. Я присоединился к его роте, решив не связывать свою судьбу ни с чем, кроме доблестных поступков" - См. также "Записки маршала де Сакса". В двенадцать лет он стал солдатом Саксонского легиона, взял в руки мушкет и, маршируя вместе с остальными, прошел пешком все этапы от Саксонии до Фландрии, а до тринадцати лет участвовал в битве при Мальплаке].

4164 (возвращение)

[Alexandrine des Echerolles, "Une Famille Noble sous la Terreur", p.25.-См. "Correspondance de Madelle de Féring", by Honore Bonhomme. Две сестры, одна шестнадцати, а другая тринадцати лет, переодетые мужчинами, сражались вместе с отцом в армии Дюмурье. - См. о настроениях молодых дворян в произведениях Беркена и Мармонтеля. (Les Rivaux d' Eux-meme.)].

4165 (возврат)

["Революция", I., 158, 325. Там же, дело мсье де Бюсси, 306; дело восьмидесяти двух дворян из Кана, 316. См. в Ривароле ("Journal Politique Nationale") подробности восхитительного поведения телохранителей в Версале, 5 и 6 октября 1789 г.].

4166 (возврат)

[Дворянские семьи при древнем режиме можно охарактеризовать как множество семей солдатских детей].

4167 (обратно)

["L'Ancien Régime et la Revolution", M. de Tocqueville, p.169. Мои суждения, также основанные на изучении текстов, особенно рукописных, совпадают здесь, как и в других местах, с мнением М. де Токвиля. Биографии и местные истории содержат слишком много документов, чтобы их можно было привести].

4168 (возврат)

[Sauzay, I., введение, и Ludovic Sciout, "Histoire de la Constitution Civile du Clergé", I., введение. (См. в Sauzay биографические подробности и оценки главных церковных сановников епархии Безансона). В соборный капитул, как и в капитул Мадлен, можно было попасть только через знатность или продвижение по службе; для выпускника было необходимо иметь благородного отца или доктора богословия, а самому быть доктором богословия или канонического права. Аналогичные титулы, хотя и более низкие, требовались для каноников коллегии, а также для капелланов или семейных людей].

4169 (возврат)

["Революция", I., 233.- Cp. Emile Ollivier, "L'Eglise et l'Etat au Concile du Vatican", I., 134, II., 511].

4170 (возврат)

[Morellet, "Mémoires", I., 8, 31. Сорбонна, основанная Робером Сорбоном, исповедником Святого Людовика, была ассоциацией, напоминающей один из оксфордских или кембриджских колледжей, то есть корпорацией, имеющей здание, доходы, правила, регламент и пансионеров; ее целью было обучение богословским наукам; ее титулярными членами, насчитывающими около ста человек, были в основном епископы, генеральные

викарии, каноники, кураторы в Париже и в главных городах. За счет церкви в ней готовились выдающиеся люди. Экзамены на получение докторской степени были предварительными, миневральными, сорбонскими и мажорными. Особенно развит был талант к дискуссиям и спорам.- См. Эрнест Ренан, "Souvenirs d'Enfance et de Jeunesse", p.279, (о Сен-Сюльписе и изучении теологии)].

4171 (возврат)

[Ср. дела духовенства в Генеральных штатах и отчеты церковников в провинциальных ассамблеях].

4172 (обратно)

["Революция", с. 72 (изд. Лафон I, с. 223 и др.)].

4173 (обратно)

[В некоторых епархиях, в частности в Безансоне, сельские приходы обслуживались знатными людьми. (Sauzay, I., 16.) "Не удивительно было встретить человека с европейской репутацией, такого как Бержье, долгое время бывший куратором Фланжебуша; астронома с большими заслугами, такого как месье Монген, куратор Большого Комба Буа, чьи труды занимают почетное место в библиографии Лаланда, и все они провели свою жизнь среди крестьян. В Рошежане священник большого ума и тонких чувств, месье Буайон, выдающийся натуралист, превратил свой дом в музей естественной истории, а также в отличную школу..... Нередко можно было встретить священников, принадлежащих к высшим социальным кругам, таких, как мсье де Тревильер из Тревильера, Балард де Боннево из Бонежа, де Месмай из Месмая, дю Буво из Осселя, которые с радостью хоронили себя в глубине страны, некоторые в своих родовых поместьях, и, не желая делиться своими доходами с бедными прихожанами, умирали, оставляя им большую часть своего состояния"].

4174 (возврат)

[De Tocqueville, "L'Ancien Regime", 134, 137.]

4175 (возврат)

[Термины, обозначающие некоторые мелкие судебные инстанции.]

4176 (возврат)

[Albert Babeau, "La Ville sous l'Ancien Régime", p. 26.- (Объявления в "Journal de Troyes", 1784, 1789.) "Продается место советника в соляном департаменте в Сезанне. Доход от восьми до девятисот ливров. Цена десять тысяч ливров."- "Некий человек желает приобрести в этом городе (Труа) должность в Магистрате или Финансовом управлении стоимостью от двадцати пяти тысяч до шестидесяти тысяч ливров; наличными, если потребуется"].

4177 (возврат)

[De Tocqueville, "L'Ancien Régime", p.356. В состав муниципального органа Анжера входили, помимо прочих членов, два депутата президиума, два депутата от департамента лесов и ручьев, два депутата от выборов, два депутата от соляного департамента, два депутата от таможни, два депутата от монетного двора, два судьи совета. Система древнего режима, как правило, заключается в объединении всех лиц в один орган с представителем всех этих органов, особенно знатных. Так, муниципальный орган Анжера состоит из двух депутатов от общества юристов и прокуроров, двух от нотариального органа, одного от университета, одного от капитула, синдика клерков и т.д. - В Труа (Albert Babeau, "Histoire de Troyes Pendant la Révolution", p.23..) среди знатных лиц муниципалитета можно найти одного представителя духовенства, двух дворян, одного чиновника бейливика, одного чиновника других юрисдикций, одного врача, одного или двух буржуа, одного адвоката, одного нотариуса или прокурора, четырех купцов и двух членов торговой гильдии].

4178 (возврат)

[Albert Babeau, "La Ville", p.26. (Ср. примечание на предыдущей странице.) Коллекторская контора в Ретейле в 1746 году продается за сто пятьдесят тысяч ливров; она приносит от одиннадцати до четырнадцати тысяч ливров; покупатель, кроме того, должен заплатить государству "право золотой марки" (налог на передачу собственности); в 1762 году это право составляло девятьсот сорок ливров за должность советника в бейливики Труа. Д'Эспремений, советник в Парижском парламенте, заплатил за свое место пятьдесят тысяч ливров, кроме того, десять тысяч ливров налога "золотой марки"].

4179 (возврат)

[Emile Bos, "Les Avocats au conseil du Roi", p.340. Господин Перуо, прокурор, сидел на балконе Французского театра, когда прибыл граф Моретон Шабрильян и потребовал его место. Прокурор сопротивляется, и граф зовет стражника, который ведет его в тюрьму. Магистр Перуо подает жалобу; происходит суд, вмешательство друзей мсье де Шабрильяна в дела Гарда де Ссо, петиции дворян и сопротивление всей гильдии адвокатов и прокуроров. Месье де Шабрильян-старший предлагает Перуо сорок тысяч ливров, чтобы тот отозвал свой иск, на что Перуо отвечает отказом. Наконец, граф де Шабрильян осужден, с возмещением ущерба в шесть тысяч ливров (которые раздаются бедным и заключенным), а также на расходы по печатанию двухсот отписок приговора. - Дюпор де Шеверни, "Записки" (неопубликованные), сообщенные мсье Роббе де Кревекёром: "Раньше человек платил пятьдесят тысяч ливров за должность, доход от которой составлял всего триста ливров; однако те блага, которыми он пользовался благодаря этой должности, и уверенность в том, что он останется на ней на всю жизнь, компенсировали ему эту жертву, и чем дольше он ее занимал, тем большее влияние оказывал на себя и детей"].

4180 (возврат)

[Albert Babeau, "La Ville", p. 27; - "Histoire de Troyes", p. 21. Этот портрет нарисован по воспоминаниям детства и семейным рассказам. Мне довелось узнать подробности о двух или трех маленьких провинциальных городках, один из которых насчитывал около шести тысяч жителей, где до 1800 года почти все знатные люди, сорок семей, состояли в родстве; сегодня все разбежались. Чем больше изучаешь документы, тем более глубоким и справедливым кажется определение Монтескье стимула общества при античном режиме -

стимула, состоящего в чести. В буржуазии, которую смешивали с дворянством, а именно в парламентариях, их функции были почти безвозмездными; магистрат получал жалование в знак почтения. (Moniteur, V., 520. Заседание 30 августа 1790 года, речь д'Эспремения). "Вот чего стоил советник; я беру в пример себя. Он заплатил пятьдесят тысяч ливров за свое место и еще десять тысяч - за налог "марк д'ор". Он получал триста восемьдесят девять ливров десяти су жалования, из которых нужно было вычесть триста шестьдесят семь ливров "капитуляции". Король выделил нам сорок пять ливров за дополнительные услуги "Ла Турнель". Как насчет гонораров? спросил он. Высший суд (grande chambre), который, как утверждается, получил самую большую сумму, состоял из ста восьмидесяти членов; гонорары составляли двести пятьдесят тысяч ливров, которые были бременем не для нации, а для тяжущихся сторон. Месье Туре, практиковавший в руанском парламенте, подтвердит это. Я призываю его добросовестно назвать сумму, которую советник получал от своей должности, - не пятьсот ливров... Когда судебное решение обходилось тяжущемуся в девятьсот ливров, доля короля составляла шестьсот ливров... Короче говоря, прибыль от должности составляла семь ливров десять су"]].

4181 (возврат)

[Альбер Бабо, "La Ville", гл. II. и "Histoire de Troyes", I., гл. 1. В Труа пятьдесят купцов, знатные люди, избирали судью-консула и двух консулов; гильдия купцов имела свой зал и проводила свои собрания. В Париже драпировщики, торговцы, бакалейщики, меховщики, шляпники и ювелиры составляли шесть купеческих корпусов. Купеческие гильдии везде имели преимущество перед другими промышленными сообществами и пользовались особыми привилегиями. "Купцы, - говорит Лойсо, - имеют звание (qualité d'honneur), их называют почетными людьми, честными людьми и буржуа города, что не приписывается ни мужьям, ни сержантам, ни ремесленникам, ни рабочим" - об отцовской власти и домашней дисциплине в этих старых буржуазных семьях см. в "Истории Бомарше и его отца". ("Бомарше", М. де Ломени, том I.)].

4182 (возврат)

[Albert Babeau, "Le village sous l'Ancien Régime", p. 56, ch. III и IV, (о деревенских синдиках), и pp. 357 и 359. "Крестьяне имели право непосредственно обсуждать свои дела и избирать своих главных представителей. Они понимали свои нужды, могли жертвовать на школу и церковь.... на ремонт городских часов и колокольной. Они сами назначали своих агентов и, как правило, выбирали наиболее способных" -Ibid, "La Ville sous l'Ancien Régime", p.29. Гильдии ремесленников насчитывали в Париже сто двадцать четыре, в Амьене шестьдесят четыре, в Труа пятьдесят, также в Шалон-сюр-Марн, в Анжере двадцать семь. Эдикты 1776 года сократили их число до сорока четырех в Париже и до двадцати - максимум для главных городов, находящихся под юрисдикцией Парижского парламента: "Каждая гильдия образовывала город в городе... Как и коммуны, она имела свои особые законы, своих избранных вождей, свои собрания, свое собственное здание или, по крайней мере, общую палату, свое знамя, герб и цвета" -Там же, "История Труа в эпоху революции", I., 13, 329. Торговые гильдии и корпорации носят следующие названия, составленные в 1789 году по материалам жалоб: аптекари, ювелиры и часовщики, книготорговцы и печатники, мастера-барберы, бакалейщики, изготовители воска и свечей, пекари и портные, мастера-обувщики, содержатели столовых, трактиров и шляп, мастера-каменщики и штукатуры по известу и цементу, мастера-столяры, куперы и краснодеревщики, мастера-резчики, оружейники и полировщики; литейщики, мангальщики и штифтовики; мастера-слесари, железоделатели,

жестянщики и другие металлисты, уксусники, мастера-стригали, мастера-верёвочники, мастера-кожевники, торговцы и мастера-красильщики и портные; мастера по изготовлению седел и упряжи, выжигатели угля, возчики, изготовители бумаги и коробок, изготовители шапок и представители различных искусств и профессий. -В некоторых городах одна или две из этих естественных гильдий сохранились во время революции и существуют до сих пор, как, например, гильдия мясников в Лиможе].

4183 (возврат)

[F. Leplay, "Les Ouvriers Européens", V., 456, 2nd ed., (о рабочих гильдиях), Charpentier, Paris].

4184 (возврат)

[F. Leplay, "Les Quvriers Européens", (2nd ed.) IV., 377, и монографии четырех семей (Bordier из Нижней Бретани, Brassier из Арманьяка, Savonnier из Нижнего Прованса, Paysan из Лаведана, гл. 7, 8 и 9).-Там же, "L'Organization de la Famille", p.62, и весь том.-М. Леплей в своих точных, методичных и глубоких исследованиях оказал услугу высочайшего порядка политической науке и, следовательно, истории. Он детально проследил и описал разрозненные фрагменты старой организации общества; его анализ и сравнение этих фрагментов показывает толщину и протяженность почти исчезнувшего слоя, к которому они принадлежали. Мои собственные наблюдения на месте, во многих провинциях Франции, а также воспоминания моей юности согласуются с открытиями М. Леплей. О стабильных, честных и процветающих семьях мелких сельских собственников см. там же, с. 68 (наблюдения Артура Янга в Беарне), и с.75. Многие из этих семей существовали в 1789 году, их было больше, чем в настоящее время, особенно в Гаскони, Лангедоке, Оверни, Дофини, Франш-Конте, Эльзасе и Нормандии.- Там же, "Организация труда", стр.499, 503, 508. (Влияние "Гражданского кодекса" на передачу мануфактуры и торгового заведения во Франции и на культивирование в Савойе; количество исков во Франции, вызванных системой принудительного раздела имущества)].

4185 (возврат)

[F. Leplay, "L'Organization de la Famille", p.212. (История семьи Мелонга с 1856 по 1869 год, М. Шейсон.) Также стр.269 (О трудностях разделов между наследниками, М. Клаудио Жанне)].

4186 (возвращение)

[Rétif de la Bretonne, "Vie de mon Pere", (отцовская власть в крестьянской семье в Бургундии). Читатель может проверить на этот счет сувениры своих дедов и прадедов. Что касается буржуазии, то я привел в пример семью Бомарше. Что касается дворян, см. восхитительное письмо Бюффона от 22 июня 1787 года ("Переписка Бюффона", два тома, издано М. Надо де Бюффеном), в котором он сообщает своему сыну, как тот должен вести себя в связи с поведением его жены].

4187 (обратно)

["Moniteur", XIX., 669.]

4188 (обратно)

[Dauban, "Paris en 1794", p.245. (Доклад Бэкона, Ventôse 25, год II.)].

4189 (возврат)

[Там же (отчет Перьера, Ventôse 26.)].

4190 (обратно)

[Ирония судьбы, жаргонное обозначение свиньи. TR].

4191 (возврат)

[Там же, 245. (Доклад Бэкона, речь оратора на общем собрании секции "Contrat-Social", Ventôse 25.)]

4192 (возврат)

["Un Sejour en France." (Сентябрь, 1792.) Письмо парижанина: "Еще небезопасно ходить по улицам в приличной одежде. Я был вынужден купить и надеть панталоны, куртку, цветной кашне и грубое белье, прежде чем попытаться выйти на улицу" - Болье, "Essais", V., 281. "Наши денди отращивают длинные усы, в то время как они взъерошивают волосы, пачкают руки и надевают отвратительную одежду. Наши философы и литераторы носили большие меховые шапки с длинными лисьими хвостами, свисавшими через плечи; некоторые тащили по мостовой большие сабли - их принимали за татар..... В общественных собраниях, в театральных ложах, в первых рядах не было видно ничего, кроме чудовищных красных чепцов. Все галерники всех каторжных тюрем Европы, казалось, приехали и установили моду в этом превосходном городе, который подарил ее всей Европе." - "Un Séjour en France", p. 43. (Амьен, сентябрь 1792 г.) "Дамы на улице, которые хорошо одеты или носят цвета, которые люди считают аристократическими, обычно подвергаются оскорблениям. Меня самого чуть не сбили с ног за соломенную шляпу, украшенную зелеными лентами" - Нольак, "Сувениры трех лет революции в Лионе", с.132. "Было объявлено, что тот, у кого есть два пальто, должен принести одно из них в секцию, чтобы одеть какого-нибудь хорошего республиканца и обеспечить господство равенства"].

4193 (возврат)

[Buchez et Roux, XXVI., 455. (Речь Робеспьера в Якобинском клубе, 10 мая 1793 г.): "Богатые лелеют надежды на антиреволюцию; только несчастные, только народ может спасти страну" - Там же, XXX. (Доклад Робеспьера Конвенту, 25 декабря 1793 г.): "Добродетель - это имущество несчастных и народное достояние" -Archives Nationales, AF., II., 72. (Письмо муниципалитета Монтобана, Vendémiaire 23, год IV.) Многие рабочие на мануфактурах были извращены "возбужденными демагогами и клубными ораторами, которые постоянно твердили им о равенстве состояний и представляли Революцию как добычу класса, который они называли sans-culottes..... Закон "максимума", поначалу неплохо проведенный в жизнь,

унижение богатых, конфискация их огромных владений, казались воплощением этих прекрасных обещаний"]].

4194 (возврат)

[Archives Nationales, F.7, 4421. Петиция Мадлен Патрис.- Петиция Кетрана Конье, ткача, "без кулота и одного из первых членов национальной гвардии Труа". (Стиль и орфография самого варварского вида.)]

4195 (возврат)

[bid., AF., II. 135. (Выписка из заседаний революционного комитета коммуны Страсбург, список заключенных и причины их ареста). В Обершоффольсгейме два фермера, "потому что они два самых богатых частных лица в коммуне" - "Recueil de Pièces, etc.", I. 225. (Декларация Вельхера, революционного комиссара). "Я, нижеподписавшийся, заявляю, что по приказу гражданина Клауэра, комиссара кантона, я сдал в Страсбурге семь богатейших жителей Оберсхоффольсхайма, не зная причины". Четверо из семи были гильотинированы].

4196 (возврат)

[Buchez et Roux, XXVI., 341. (Речь Шасле в Конвенте, 2 мая 1793 г.)].

4197 (возврат)

[Moniteur, XVIII., 452. (Речь Эбера в клубе якобинцев, 26 брюмера.)- Schmidt, "Tableaux de la Révolution Française", 19. (Доклады Дютара, II июня.-Archives Nationales. F7., 31167. (Отчет Пурвойера, Nivôse 6, год II.) "Народ жалуется (se plain), что во внутренних районах все еще есть заговорщики, такие как мясники и пекари, но особенно первые, которые являются (сыном) невыносимой аристократии. Они больше не будут продавать мясо и т. д. Страшно смотреть, что они дают народу"]].

4198 (возврат)

["Recueil de Police", etc., I., 69 и 91. В Страсбурге несколько женщин из низшего класса заключены в тюрьму как "аристократки и фанатички", без каких-либо других предполагаемых мотивов. Их профессии следующие: портниха, обойщица, домохозяйка, акушерка, пекарь, жены содержателей кофеен, портных, гончаров и трубочистов - Там же, II., 216. "Урсуле Рат, служанка эмигранта, арестованная с целью узнать, что скрывал ее хозяин". Мари Фабер, по подозрению в том, что она служила в доме священника" -Archives Nationales, AF., II., 135. (Список профессий подозреваемых женщин , содержащихся в камерах Национального колледжа). Большинство из них заключены в тюрьму за то, что являются матерями, сестрами, женами или дочерьми эмигрантов или ссыльных священников, а многие - женами лавочников или механиков. Одна из них, профессиональная медсестра, - "аристократка и фанатичка". (Другой список описывает мужчин); бондарь - "аристократ"; продавец трипса - "очень инквизитор, никогда не проявлявший никакой привязанности к Революции"; каменщик никогда не проявлял "патриотизма", сапожник - аристократ во все времена, приняв место носильщика при тиране"; четыре лесника "не питают патриотических чувств" и т. д. - "Recueil de Pièces, etc.", II., 220. 75-летняя Ситуайен Жене и ее дочь 44 лет обвиняются в

том, что 22 мая 1792 года отправили тридцать шесть франков серебром сыну первой, эмигранту, и были гильотинированы - см. Sauzay, vols. III., IV. и V. (приложения), списки эмигрантов и заключенных в Дубе, где можно найти титулы и профессии, а также мотивы их заключения.- Даже в Париже (Archives Nationales, F.7, 31167. донесение Латур-Ламонтань, 20 сентября 1793 г.) неприязнь к правительству опускается очень низко. "Три женщины (работницы рынка) сходятся в одном - необходимости нового порядка вещей. Они жалуются на власти без исключения..... Если король не на устах, то можно опасаться, что он уже в их сердцах". Одна женщина из Фобур-Сент-Антуан сказала: Если наши мужья совершили революцию, мы знаем, как совершить контрреволюцию, если это потребуется"].

4199 ([возврат](#))

[См. выше гл. V., P 4.-Archives Nationales, F.7, 4435, No. 10. (Письмо Колло д'Эрбуа Кутону, 11 фримера II года)].

41100 ([возврат](#))

["Archives des Affaires étrangères", vol.331. (Письмо Бертрана, Ним, 3 фримера.) "Мы с сожалением видим, что патриоты здесь не очень деликатны в том, как они производят аресты, в установлении преступников, и драгоценный класс ремесленников не является исключением"].

41101 ([возврат](#))

[Berryat Saint-Prix, "La Justice Révolutionnaire", 1st ed., p.229].

41102 ([возврат](#))

["Un Séjour en France", p. 186. "Я заметил, что большинство арестованных сейчас - крестьяне". (Вследствие реквизиций зерна и применения закона о максимуме)].

41103 ([возврат](#))

["Bulletin du Tribunal Révolutionnaire", No.431. (Свидетельство Тонтина, секретаря суда.) Двенадцать сотен этих несчастных были освобождены после Термидора 9].

41104 ([возврат](#))

["Moniteur", заседание от 29 июня 1797 года. (Отчет Люминайса.) Danican, "Les Brigands Démasqués", p. 194].

41105 ([возврат](#))

[Meillan, "Mémoires", p. 166.]

41106 (возврат)

[Berryat Saint-Prix, "La Justice Révolutionnaire", p. 419.-Archives Nationales, AF., II., 145. (Приказы представителя Менье, 14, 15 и 17 февраля II года) "Уголовный суд будет судить и казнить главных преступников; остальные жители покинут свои дома через двадцать четыре часа, забрав с собой мебель. Затем город будет сожжен. Всякое восстановление и обработка земли запрещены. Жители будут распределены между соседними коммунами; никому не разрешается покидать отведенную ему коммуну под страхом быть причисленным к эмигрантам. Все должны раз в десять дней являться в муниципалитет под страхом объявления "подозреваемым" и тюремного заключения"]].

41107 (возврат)

["Recueil de Pièces, etc.", I., 52. (Carret de Beudot и La Coste, Pluviôse 6, год II.) "Ввиду того, что невозможно найти присяжных в радиусе ста лье, две трети жителей эмигрировали."- Moniteur, 28 и 29 августа 1797 года. (Доклад Харманда де ла Мёза.)-Ibid., XIX., 714. (Заседание Вентоса 26, II год, речь Бодо). "Сорок тысяч человек всех возрастов и обоих полов только в округах Гагенау и Виссембург бежали с французской территории по линиям, которые были возвращены. Их имена находятся в наших руках, их мебель - в депо в Саверне, а их имущество передается Республике"]].

41108 (возврат)

[Альбер Бабо, "История Труа", II, 160. "Один садовник бережно копил восемь тысяч двести двадцать три ливра золотом, плоды своих сбережений; под угрозой тюремного заключения он был вынужден отдать их"]].

41109 (возврат)

[Archives Nationales, AF., II., 116. (Приказ представителя Паганеля, Тулуза, 12 брюмера II года) "Настал день, когда апатия является оскорблением патриотизма, а безразличие - преступлением. Мы больше не будем отвечать на возражения скупости; мы заставим богатых выполнять обязанности братства, от которых они отреклись" - Там же. (Выдержка из протоколов заседаний Центрального комитета Монтобана, II апреля 1793 года, с одобрения представителя Жанбон-Сен-Андре). "Наконец-то настал момент, когда умеренность, роялизм и пассионарность, а также все другие предательские или бесполезные для страны секты должны исчезнуть с почвы Свободы". Все мнения, противоположные мнениям sans-culotterie, порицаемы и заслуживают наказания].

41110 (возврат)

[Archives Nationales, F.7, 2471. (Протоколы Революционного комитета секции Тюильри, заседание 17 сентября 1793 года). Список семидесяти четырех арестованных, среди них мсье де Ноай, с примечанием напротив его имени: "Вся семья, подлежащая аресту, включая наследника Ги, и Эрве, их старого интенданта, улица Сент-Оноре"]].

41111 (возврат)

[Archives des Affaires étrangères, vol. 322. (Письма Ладонэ, Шалон, 17 и 20 сентября 1792 г.) "В

Мо разбойники перерезали горло пятнадцати пленникам, семь из которых - священники, чьи родственники принадлежат к этому городу или его окрестностям. Отсюда огромное количество недовольных" -Sauzay, I., 97. "Сельские куры обычно набираются из числа сельской буржуазии и наиболее уважаемых фермерских семей"].

41112 (возврат)

[Sauzay, passim, особенно тома 3, 4, 5 и 6].

41113 (обратно)

[Archives Nationales, F.7, 4437. Обращение народного клуба Клависсона (Гард.), мессидор 7, год II.- Родольф Ройсс, "Séligman Alexandre, sur les Tribulations d'un Israelite Strasbourgeois Pendant la Terreur," p. 37. Приказ генерала Дьеша Коппину, командовавшему тюрьмой "Семинария". "С величайшим усердием старайтесь подавить гогот аристократов". Таков итог инструкций для тюремных надзирателей].

41114 (возврат)

[Archives Nationales, AF., II., 88. (Эдикт, изданный представителем Мильо, Нарбонна, Вентос 9, год II.) Статья II. "Патриотическое пожертвование будет удвоено, если в течение трех дней все лодки не будут разгружены, а все повозки не будут загружены так же быстро, как они прибывают". Статья IV. "Муниципалитету поручается, под личную ответственность, пропорционально распределить ассигнования между наиболее богатыми гражданами Нарбонны". Статья VII. "Если это распоряжение не будет выполнено в течение двадцати четырех часов, муниципалитет укажет коменданту поста на богатых эгоистов, которые могли отказаться предоставить свой контингент, и т. д.". Статья VIII. "Коменданту специально поручается в течение двадцати четырех часов докладывать (об арестах несговорчивых богачей) народному представителю, который несет ответственность за пунктуальное исполнение настоящего приказа" -Там же, AF., II. 135. (Приказ Сен-Жюста и Лебаса, Страсбург, 10 брюмера, год II.) Следующий приказ столь же ироничен; богачи Страсбурга представлены как "требующие кредита на богатых людей и суровых мер" против несговорчивых эгоистов].

41115 (возврат)

["Archives Nationales", AF., II., 92. Приказы представителя Тайллефера, Вильфранш, Авейрон, 3 брюмера, год II, и его делегата, Дейтейль, 11 брюмера, год II].

41116 (возврат)

[Так было в Лионе, Бордо, Марселе и в Париже, как мы видим по подписям под петицией восьми тысяч или двадцати тысяч, а также членов клубов фельянов и т. д.].

41117 (возврат)

[Archives Nationales, AF., II., 116. (Протокол публичного заседания Вентоза 20, II года, проведенного в Монтаржи, в Храме Разума, Беноном, "национальным агентом коммуны и

специальным агентом народного представителя". Предыдущие и последующие распоряжения представителя Леферта). Восемьдесят шесть человек подписали, что подлежат публичному покаянию, среди них двадцать четыре жены или вдовы, что с учетом четырех имен, отправленных в Парижский трибунал, и тридцати двух заключенных составляет сто двадцать два человека. Вероятно, сто шесть человек, которых не хватает для завершения списка из двухсот двадцати восьми, эмигрировали или были изгнаны в промежутке как неприсягнувшие священники - Там же, D.S., I., 10. (Приказы Делакруа, Буше и Лежандра, Конш, Фример 8 и 9, год II.) Заключение в тюрьму муниципальных чиновников Конша за аналогичную петицию и другие следы фельянства].

41118 (возвращение)

[Настоящие настроения и цели якобинцев хорошо показаны в Страсбурге. ("Recueil de Pièces, etc.", I., 77. Публичное заседание муниципального органа и речь Бьерлина, Прериаль 25, год II). "Как можно представить вам тупое высокомерие этих (страсбургских) людей, их бессмысленную привязанность к патрицианским семьям в их среде, нелепый фельетонизм одних и гнусное подхалимство других? Как это, говорят они, безденежные заезжие люди, о которых раньше почти ничего не было слышно, смеют претендовать на кредит в городе, где живут разумные жители и честные семьи, от отца к сыну, привыкшие управлять и прославившиеся в течение столетий?" - Там же, 113. (Речь мэра Муэ, Флореаль 21, год II.) "Нравственное очищение (Страсбурга) стало менее трудным благодаря уменьшению состояния и спасительному ужасу, возбужденному среди этих жадных людей... Цивилизация натолкнулась на мощные препятствия в лице этого огромного числа зажиточных семей, питающих воспоминания о привилегиях, которыми эти семьи пользовались при императорах, и сожалеющих о них; они образовали касту, отделенную от государства, бережно хранящую готические изображения своих предков, которых они объединяли только между собой. Они отстранены от всех государственных функций. Честные ремесленники, отнятые теперь от всех занятий, энергичной рукой подталкивают революционную телегу"].

41119 (возврат)

["Archives des Affaires étrangères", vol. 1411. (Инструкции для гражданских комиссаров от Эро, представителя народа, Кольмар, Фримар 2, год II). Он перечисляет различные категории лиц, подлежащих аресту, которые настолько велики и многочисленны, что включают девять из десяти жителей].

41120 (возврат)

[Dauban, "Paris en 1794", p.264. (Отчет Пурвейера, 29-я вентоза.) "Они замечают (sic), что нельзя быть патриотом с доходом в двадцать тысяч ливров (sic), а особенно бывшим генеральным адвокатом"].

41121 (возврат)

[De Martel, "Fouché", p.226, 228. Например, в Невере заключен мужчина шестидесяти двух лет "как богач, эгоист, фанатик, ничего не делающий для Революции, собственник, имеющий пятьсот ливров дохода"].

41122 (возврат)

[Buchez et Roux, XXVI., '77. (Речь Камбона, 27 апреля 1793 г.)].

41123 (возврат)

["Кто наши враги? Порочные и богатые". "Все богатые порочны и выступают против Революции". (Заметки, сделанные Робеспьером в июне и июле 1793 года, и его речь в Якобинском клубе, 10 мая 1793 года)].

41124 (возврат)

[Guillon, II., 355. (Инструкции, предоставленные Колло д'Эрбуа и Фуше, 26 брюмера, год II)].

41125 (возврат)

[Де Мартель, 171, 181. (Приказы Фуше, Невер, 25 августа и 8 октября 1793 г.)].

41126 (возврат)

[Guillon.-Archives des Affaires étrangères, F. 1411. Отчеты наблюдателей в Париже, 12 и 13 августа 1793 года. "Богатый человек - заклятый враг Революции"].

41127 (возврат)

[Archives Nationales, AF., II., 135. (Ордонансы Сен-Жюста и Лебаса, Страсбург, 10 брюмера II года, со списком имен ста девяноста трех лиц, облагаемых налогом, с указанием соответствующих сумм налогообложения) - Среди прочих, "вдова Франк, банкир, двести тысяч ливров" - там же, AF., II, 49. (Документы, касающиеся революционного налога в Бельфоре) "Вьельяр, скромник и эгоист, десять тысяч франков; Келлер, богатый эгоист, семь тысяч; как аристократы, из которых старший и младший брат заключены в тюрьму, Бартелеми младший десять тысяч, Бартелеми старший, три тысячи пятьсот, Бартелеми младший семь тысяч, гражданка Бартелеми, мать, семь тысяч, и т. д."].

41128 (возврат)

["Recueil de Pièces, etc.", I., 22. (Письмо страсбургских властей.) De Martel, p. 288. (Письмо властей Алье.) "Граждане Сеней, Баломе, Холар и Лавалейс были выставлены на эшафот в самое строгое время года на шесть часов (в Мулене) с такой надписью: "плохой гражданин, который ничего не дал в благотворительную кассу""]].

41129 (возврат)

["Recueil de Pièces, etc.", I., 16].

41130 (обратно)

["Там же", I., 159. (Постановления 15 брюмера II года)].

41131 ([возврат](#))

[Archives Nationales, F.7, 2475. (Протоколы революционного комитета секции Пикес.) 9 сентября 1793 года, в 3 часа утра, комитет заявляет, что, со своей стороны, "арестовал двадцать одно лицо нижеуказанной категории". 8 октября он ставит двух санкюлотов в качестве охранников в домах всех нижеперечисленных лиц в квартале, даже тех, кто не мог быть арестован по причине отсутствия. "Настало время принять меры к тому, чтобы уберечься от всех, чье безразличие (sic) и умеренность губят страну"].

41132 ([возврат](#))

[Беррьят Сен-При, с.36, 38. перевозчик объявляет подозрение "купцам и богачам"].

41133 ([возврат](#))

[Moniteur, XVIII., 641. (Письмо представителей, заключенных в Бордо, Фример 10, год II.)].

41134 ([возврат](#))

[Archives des Affaires étrangères, vol.329. (Письмо Брута, 3 октября 1793 г.)].

41135 ([возврат](#))

[Там же, т. 329. (Письмо Шарля Дювивье, Лилль, Вандемьер 15, год II.)].

41136 ([возврат](#))

[Речь Барера, Вендоз 17, год II].

41137 ([возврат](#))

[Archives des Affaires étrangères, vol. 331. Письмо Дарбо, политического агента, Тарб, Фример II, год II. (Проект ликвидации посредников в торговле, маклеров и банкиров.) "Профессия банкира упраздняется. Всем держателям государственных средств запрещается продавать их в течение года и одного дня со дня их приобретения. Никто не должен быть в одно и то же время оптовым и розничным торговцем и т. д.". Подобных проектов множество. Что касается создания чисто сельскохозяйственной и военной республики, то см. бумаги Сен-Жюста и переписку лионских террористов. По их мнению, новая Франция не нуждается в шелкопрядильщиках. Определенные формулы этой системы всегда можно найти у бабевистов. "Пусть погибнут искусства, если это необходимо, лишь бы сохранилось настоящее Равенство". (Сильвен Марешаль, "Манифест Эго")].

41138 ([возврат](#))

["Revue Historique", ноябрь, 1878. (Письмо М. Фалька, Париж, 19 октября 1795 г.)].

41139 (возврат)

[*"Etude sur l'histoire de Grenoble Pendant la Terreur"*, by Paul Thibault. (Список пресловутых "подозреваемых" и обычных "подозреваемых" по каждому округу в Изере, апрель и май 1793 г.) - Ср. различные списки Дубса у Созе и Труа у Альбера Бабо].

41140 (возврат)

[*"Recueil de Pièces, etc."*, I., 19, и второе письмо Фредерика Бюргера, Thermidor 25.-Archives Nationales, AF., II., 111.(Приказ представителей Мерлинкура и Амара, Гренобль, 27 апреля 1793 г.) "Лица, которым поручено фактическое управление и обучение в общественных заведениях, известных в этом городе под названиями: 1-е - Орфелины; 2-е - Презентины; 3-е - Капуцины; 4-е - Пропаганда; 5-е - Богадельня для служанок....., помещаются под арест и им запрещается принимать какое-либо участие в функциях, связанных с преподаванием, воспитанием или обучением"].

41141 (возврат)

[*Moniteur*, XXI., 645. (Сессия Конвента, 14 фруктидора II года) - "*Bibliothèque nationale*", LB41, 1802, (Денонсация шести секций коммуны Дижон), 3: "Горе тем, кто, благодаря честному достатку, хорошему образованию, элегантному платью или какому-либо таланту, считается отличным от своих сограждан! Их ждут гонения или смерть"].

41142 (возврат)

[Возможно, здесь есть связь с Мао Цзэдуном и китайской культурной революцией. (СР.)]

41143 (обратно)

[*Moniteur*, XVIII., 51. (Письмо Каррьеера, 17 брюмера, год II.) - *Berryat Saint-Prix*, pp.36 и 38].

41144 (возврат)

[*Berriat-Saint-Prix*, 240 (Заключенные в Бресте.)-*Duchaltelier* ("*Brest pendant la Terreur*", 205). "Из 975 заключенных 106 были бывшими дворянами, 239 дворянками, 174 священниками или монахами, 206 монахинями, 111 швеями, работницами и т. д., 56 крестьянами, 46 ремесленниками или рабочими, 17 купцами, 3 с свободными профессиями. Одна заключена в тюрьму за тайные взгляды, девушка - за остроумие и смех над патриотами"].

41145 (возврат)

[*Mallet-Dupan*, "*Correspondance Politique*". Introduction, p. VIII. (Гамбург, 1796.)].

41146 (возврат)

[*Portalis*, "*De la Révision des Jugements*", 1795. (Saint-Beuve, "*Causeries du Lundi*", V., 452.)-*Moniteur*. XXII, 86 (доклад Грегуара, 14 фруктидора, год II): "Дюма сказал, что все умные люди (*les hommes d'esprit*) должны быть отправлены на гильотину... Анрио предложил сжечь Национальную библиотеку....., и его предложение повторили в Марселе... Было организовано

систематическое преследование талантливых людей..... В секциях раздавались крики: Остерегайтесь этого человека, ведь он написал книгу"]].

41147 (возврат)

["Tableau des Prisons de Toulouse" Pescayre, заключенный, год III, р. 317 (Мессидор 22, год II). Пинсон, секретарь приемной, внушал старому герцогу де Леспарру следующее: "Гражданин, ваше заключение используется вашей страной как средство обращения. Восемь человек из вашей ближайшей родни, не воспользовавшись случаем, понесли свои головы на эшафот. Что вы сделали, чтобы избежать меча правосудия? Говорите! Каковы ваши чувства? Давайте выслушаем ваши принципы. Отказались ли вы, наконец, от высокомерия древнего режима? Верите ли вы в равенство, установленное природой и предписанное Конвентом? Кто такие санкюлоты, с которыми вы объединяетесь? Не является ли ваша камера местом встречи аристократов?... Это я, который в будущем будет вашей компанией; я, который познакомит вас с республиканскими принципами, который заставит вас полюбить их и который позаботится о вашем совершенствовании"]].

41148 (возврат)

[Taillandier, Mémoires écrits par Daunau, à Port-Libre, in Aug. 1794, p.51, 52].

41149 (обратно)

[Granier du Cassagnac, "Histoire du Directoire", i., 107. (Суд над Бабефом, выдержки из Буонаротти, программа "Эго". "Вся литература в пользу Откровения должна быть запрещена: дети должны воспитываться совместно; ребенок больше не будет носить фамилию отца; ни один француз не должен покидать Францию; города должны быть разрушены, замки снесены, а книги запрещены; все французы должны носить один специальный костюм; армиями должны командовать гражданские магистраты; мертвые должны преследоваться и получать погребение только по положительному решению суда; ни один письменный документ не должен быть опубликован без согласия правительства и т. д."-См. "Медитации Сен-Жюста"]].

41150 (возвращение)

["Guillon de Montléon", II., 174.]

41151 (возврат)

["Memoires sur les Prisons", I., 211, II., 187.- Beaulieu, "Essais", V., 320. "Тюрьмы стали местом встречи хорошего общества"]].

41152 (возврат)

["Революция", т. 3, гл. 6, досл.]

41153 (возврат)

[Chateaubriand: "Génie du Christianisme", часть 4, книга II., заметки об эксгумации в Сен-Дени, сделанные монахом, очевидцем. Разрушение 6 и 8 августа 1793 года пятидесяти одного памятника. Эксгумация тел, 12 и 25 октября 1793 г. - Camille Boursier, "Essai sur la Terreur en Anjou", p.223. (Свидетельство Бордьё-Ланглуа) "Я видел голову нашего доброго герцога Рене, хранящуюся в часовне Святого Бернардина, в Кордельерах в Анжере, которую какие-то рабочие перебрасывали от одного к другому, как мяч"].

41154 (возврат)

[Р. Шантелоз, "Людовик XVII.", (по неопубликованным документам). Эта книга, свободная от декламации и составленная в соответствии с критическим методом, ставит точку в этом вопросе].

41155 (возврат)

[Wallon, "Histoire du Tribunal Revolutionnaire", III., 285.-Campardon, "Hist. du Tribunal Révolutionnaire de Paris", I., 306. Броше, один из присяжных, в прошлом был лакеем].

41156 (возврат)

[Вышеизложенное просто передает смысл документа, который здесь приводится в оригинале: "Si tu n'est pas toute seule et que le compagnon soit à travailler tu peux ma chère amie venir voir juger 24 mesieurs tous si-deven président on conselier au parlement de Paris et de Toulouse. Je t'ainvite a prendre quelque choge aven de venir parcheque nous naurons pas fini de 3 hurres. Je tembrase ma chère amie et épouge." (TR).]

41157 (возвращение)

[Wallon, III., 402.]

41158 (возврат)

[Campardon, II., 350.- Ср. Causeries du Lundi," II., 164. Комментарий Сен-Бёва к экзамену. "Андре Шенье, урожденный Константинобль....сон, брат вице-консула в Испании. "Отметим вопросы о его здоровье и переписке, а также дурацкую историю о "доме на даче". "- Его спрашивают, где был его слуга 10 августа 1792 года, и он отвечает, что не может сказать. "A lui représenté qua lepoque de cette journee que tous les bons citoyen ny gnoiroit point leurs existence et quayant enttendue batte la générale cettait un motife de plus pour reconnoitre tous les bons citoyen et le motife au quelle il setait employée pour sauvee la Republique. A repondue quil avoit dite l'exacte véritée. A lui demandée quel etoit dite l'exacte veritée-a repondue que cetoit toutes ce qui etoit cy dessue."].

ГЛАВА II. ЕДА И ПРОВИЗИЯ.

I. Экономическая сложность пищевой цепи.

Сложность экономической операции, посредством которой предметы первой необходимости достигают потребителя. - Условия операции. - Доступные ресурсы. - Случаи, в которых они недоступны. - Случай, когда владелец этих ресурсов больше не может больше их производить.

Предположим, человек вынужден ходить, держа ноги в воздухе и опустив голову вниз. С помощью чрезвычайно энергичных мер его можно на некоторое время заставить сохранять это нездоровое положение, и, конечно, за счет ушиба или пролома черепа; более того, весьма вероятно, что он будет судорожно использовать свои ноги и ужасно пинаться. Но несомненно, что при продолжении такого образа жизни человек испытает нестерпимую боль и в конце концов упадет; кровь перестанет циркулировать и наступит удушье; туловище и конечности будут страдать так же сильно, как и голова, а ноги онемеют и станут инертными". - Такова примерно история Франции под руководством ее якобинских педагогов; их жесткая теория и постоянная жестокость навязывают нации отношение против природы; поэтому она страдает, и с каждым днем страдает все больше и больше; паралич усиливается; функции выходят из строя и перестают действовать, а последняя и главная, ⁴²⁰¹ самая неотложная, а именно физическая поддержка и ежедневное питание живого человека, выполняется так плохо, против стольких препятствий, перерывов, неопределенностей и недостатков, что пациент, доведенный до крайней нужды, спрашивает, не будет ли завтра хуже, чем сегодня, и не закончится ли его полуголодное существование полной голодной смертью.

Казалось бы, нет ничего проще и в то же время сложнее, чем физиологический процесс, благодаря которому в организованном организме правильная восстанавливающая пища регулярно поступает туда, где она необходима, среди бесчисленного множества разнообразных и удаленных друг от друга клеток. Точно так же нет ничего проще на первый взгляд, и в то же время сложнее, чем экономический процесс, благодаря которому в социальном организме провизия и другие предметы первой необходимости сами собой стекаются во все точки территории, где они необходимы и находятся в пределах досягаемости каждого потребителя. Именно поэтому в социальном организме, как и в организованном, конечный акт предполагает множество других, предшествующих ему и координируемых с ним, серию разработок, череду метаморфоз, одну ликвидацию и транспортировку за другой, в основном невидимых и неясных, но всех необходимых, И все они осуществляются бесконечно тонкими органами, настолько тонкими, что при малейшем

давлении они выходят из строя, настолько зависимыми друг от друга, что повреждение одного из них влияет на работу остальных, и таким образом подавляет или извращает конечный результат, в который, почти или отдаленно, все они вносят свой вклад.

Рассмотрим на мгновение эти ценные экономические органы и их принцип работы. В любом достаточно цивилизованном обществе, которое просуществовало сколько-нибудь долго, они состоят, прежде всего, из тех, кто обладает богатством, возникшим в результате накопления старых и недавних сбережений, то есть из тех, кто обладает любым видом обеспечения, большим или малым, в деньгах, в банкнотах или в натуральном виде, в какой бы форме оно ни было, будь то земли, здания или фабрики, каналы, судоходство или машины, скот или инструменты, а также все виды товаров или продуктов. -И посмотрите, как они их используют: каждый человек, оставляя то, что ему нужно для повседневного потребления, посвящает имеющийся у него излишек какому-нибудь предприятию, капиталист - готовые деньги, владелец недвижимости - землю и поместья, фермер - скот, семена и сельскохозяйственные орудия, производитель - мельницы и сырье, перевозчик - суда, машины и лошадей, торговец - склады и запасы товаров на год, а розничный торговец - лавки и товары на две недели. К этому каждый, и земледелец, и торговец, и фабрикант, обязательно добавляет свою кассу, вклады в банк для выплаты ежемесячной зарплаты своим клеркам, а в конце недели - зарплату своим рабочим. Иначе было бы невозможно обрабатывать землю, строить, производить, перевозить, продавать; какой бы полезной ни была работа, ее нельзя было бы довести до совершенства или даже начать без предварительных затрат в деньгах или натурой. В каждом предприятии урожай предполагает наличие труда и семян кукурузы. Если я хочу вырыть яму, я должен нанять кирку и руки, чтобы ею орудовать, или, другими словами, сделать определенные авансы. Но эти авансы выдаются только при двух условиях: во-первых, тот, кто их выдает, способен их выдать, то есть является обладателем доступного излишка; и, во-вторых, будучи обладателем этого излишка, он желает их выдать, но с оговоркой, что он может выиграть, а не проиграть от этой операции. -Если я полностью или частично разорен, если мои арендаторы и фермеры не платят [ренту4202](#), если мои земли или товары не приносят на рынке и половины своей стоимости, если чистый доход от моего имущества находится под угрозой конфискации или разграбления, у меня не только становится меньше ценных бумаг, которыми я могу распоряжаться, но, опять же, я становлюсь все более и более беспокойным относительно будущего; Помимо непосредственного потребления, я должен обеспечить и перспективное потребление; я пополняю свои запасы, особенно монеты и провизии; я придерживаю остатки своих ценных бумаг для себя и тех, кто мне принадлежит; их больше нет, и я не могу больше делать займы или участвовать в своих предприятиях. А с другой стороны, если заем или предприятие, вместо того чтобы принести мне прибыль, приносят убытки; если закон бессилён или не справляется со своей задачей и добавляет к обычному риску дополнительный; если мое дело, доведенное до совершенства, становится добычей правительства, разбойников или того, кому вздумается его захватить; Если я вынужден сдавать свои товары и изделия за половину их стоимости; если я не могу производить, хранить, перевозить или продавать иначе, как отказавшись от всякой прибыли и будучи уверенным, что не получу обратно своих авансов, я больше не буду давать ссуды или заключать какие бы то ни было сделки.

Таково расположение и положение людей, способных давать авансы в анархические времена, когда государство ослабевает и перестает выполнять свои обычные функции, когда собственность уже не защищается должным образом общественной силой, когда по стране распространяются жакерии, а в городах вспыхивают мятежи, когда замки разграблены, архивы сожжены, магазины вскрыты, провизия унесена, а транспорт остановлен, когда

перестают платить ренту и аренду, когда суды не смеют выносить приговоры, когда констебль не осмеливается вручить ордер, когда жандармерия сдерживается, когда полиция бездействует, когда постоянные амнистии прикрывают грабителей и поджигателей, когда революция приводит к местной и центральной власти бесчестных и нищих авантюристов, враждебных каждому, кто владеет собственностью любого рода. - Таково положение всех, кто располагает средствами для осуществления проектов в социалистические времена.

- * когда узурпировавшее власть государство, вместо того чтобы защищать частную собственность, уничтожает или захватывает ее;
- * когда оно присваивает себе собственность многих крупных корпораций;
- * когда оно безвозмездно уничтожает законно установленные кредиты;
- * когда в результате расходов и тягот, которые они создают, она становится неплатежеспособной;
- * когда с помощью бумажных денег и принудительного обращения аннулирует задолженность в руках кредитора и позволяет должнику оставаться безнаказанным;
- * когда он произвольно захватывает текущий капитал;
- * когда она делает принудительные займы и реквизиции;
- * когда его налог на продукты превышает издержки производства, а на товары - прибыль от их продажи;
- * когда она заставляет производителя производить в убыток, а торговца - продавать в убыток;
- * когда его принципы, оцениваемые по его действиям, указывают на прогрессию от частичной до всеобщей конфискации.

Неизбежно каждая фаза болезни порождает следующее за ней зло: она подобна яду, действие которого распространяется или передается дальше. Каждая функция, затронутая расстройством соседней, в свою очередь становится нарушенной. Опасности, расхищение и подавление собственности уменьшают доступные ценные бумаги, а также смелость, которая ими рискует, то есть способ и склонность к авансам. Из-за нехватки средств полезные предприятия чахнут, угасают или не предпринимаются. Следовательно, производство, поставка и продажа необходимых товаров замедляются, прерываются и прекращаются вовсе. В бакалее становится меньше мыла, сахара и свечей, на лесопилке - меньше дров и угля, на рынках - меньше волов и овец, у мясника - меньше мяса, на кукурузной бирже - меньше зерна и муки, в пекарнях - меньше хлеба. Когда предметов первой необходимости становится мало, они становятся дорогими; когда люди борются за них, их дороговизна возрастает; богатый человек разоряется в борьбе за них, а бедный никогда не получает их, и предметы первой необходимости становятся недоступными.

II. Условия в 1793 году. Урок рыночной экономики.

Экономический эффект якобинской политики с 1789 по 1793 год.

-Нападения на собственность. Прямые нападения. Жакерии, эффективные конфискации и провозглашение социалистического вероучения.

-Прямые нападки. -Плохое управление государственными фондами.

-Трансформация налогообложения и незначительность

-Увеличение расходов.-Военный бюджет и

пропитание после 1793 г. - Бумажные деньги - огромные выпуски

-Огромные выпуски бумажных денег.-Кредит ассигнатов истощается.-Руин

государственных

кредиторов и всех частных кредитов.-Ставка процента

во время революции.- Остановка торговли и промышленности.- Плохое

управление новых землевладельцев.-Уменьшение производительного

труда.- Только мелкий сельский землевладелец работает

выгодно.-Почему он отказывается от ассигнаций.-Он больше не

не обязан продавать свою продукцию сразу.-Высокая стоимость продуктов питания.-Они доходит до рынка с трудом и в небольших количествах.

-Города покупают по высокой цене и продают по низкой.

дорожает, и начинается голод.- Цены в течение первых

Цены за первые шесть месяцев 1793 года.

Таково бедственное положение Франции в момент завершения якобинского завоевания, бедственное положение, причиной которого являются якобинцы в результате систематической войны, которую они вели против собственности в течение предыдущих четырех лет.

Снизу они провоцировали, оправдывали, амнистировали или терпели и санкционировали все народные нападения на [собственность](#)⁴²⁰³, бесчисленные восстания, семь последовательных жакерий, некоторые из которых были настолько масштабными, что охватывали одновременно восемь или десять департаментов. Последняя из них дала волю всеобщему и продолжительному разбою во всей Франции, произволу нищих, бродяг и грубиянов; всем видам грабежа, от отказа платить ренту и аренду до разграбления замков и обычных жилищ, вплоть до разграбления рынков и зернохранилищ. Свобода действий была предоставлена толпам, которые под политическим предлогом облагали налогами и выкупам "подозреваемых" всех сословий, не только знатных и богатых, но и мирных фермеров и зажиточных ремесленников. Короче говоря, страна вернулась к естественному состоянию, к власти appetitов, жадности и похоти, к возвращению человечества к дикарской, первобытной жизни в лесах. Незадолго до этого, в феврале 1793 года, по рекомендации Марата и при попустительстве якобинского муниципалитета парижские разбойники ворвались в двенадцать сотен бакалейных лавок и разделили на месте, бесплатно или по установленной цене, сахар, мыло, коньяк и кофе.

Сверх того, они предприняли, осуществили и умножили самые жестокие посягательства на собственность, обширные грабежи всех видов; подавление сотен миллионов доходов и конфискация миллиардов капитала; отмена без возмещения десятины и квитанций; экспроприация имущества духовенства, эмигрантов, Мальтийского ордена, благотворительных, благотворительных и образовательных ассоциаций и фондов, даже лаиков; конфискация тарелок, священных сосудов и драгоценных украшений церквей. И, поскольку у них есть

власть, другие, еще более обширные. После 10 августа их газеты в Париже и их комиссары в [департаментах4204](#) проповедовали

"аграрный закон, общую собственность, уравнивание состояний, право каждой фракции суверенного народа" силой добывать себе все продукты и магазины за счет владельца, выслеживать богатых, запрещать "землевладельцев, ведущих купцов, финансистов и всех людей, владеющих всем лишним".

Догма Руссо о том, что "плоды принадлежат всем, а земля - никому", рано утверждается в качестве государственной максимы в Конвенте, а в дискуссиях суверенного собрания социализм, открыто заявленный, становится господствующим, а впоследствии и верховным. По словам [Робеспьера4205](#)

"все, что необходимо для сохранения жизни, является общим достоянием всего общества. Лишь излишки могут быть отданы отдельным лицам и переданы коммерческим предприятиям".

С еще большей торжественностью понтифик секты в Декларации прав, которая, единодушно принятая всесильным якобинским клубом, должна служить краеугольным камнем новых институтов, выводит следующую формулу, тяжелую по своим [последствиям4206](#).

"Общество должно обеспечивать содержание всех своих членов. Помощь, которую требует нищета, - это долг богатых перед бедными. Право собственности ограничено и распространяется только на ту часть, которую гарантирует закон. Любое владение, любая торговля, которые наносят ущерб существованию наших братьев, неизбежно незаконны и безнравственны".

Смысл этого более чем ясен: якобинское население, решив, что владение бакалейными товарами и торговля ими наносят ущерб его существованию, считает монополию бакалейщиков аморальной и незаконной, а следовательно, грабит их магазины. Под властью народных масс и "Горы" Конвенция применяет теорию, захватывает капитал везде, где его можно найти, и уведомляет бедняков, от своего имени,

"что они найдут в карманных книжках богатых все, что им нужно для удовлетворения своих потребностей" [4207](#).

Помимо этих ярких и прямых атак, существует косвенная и скрытая атака, еще более значительная, которая постепенно подрывает основу всей нынешней и будущей собственности. Государственные дела - это дела всех, и, когда государство разрушает себя, вместе с ним разрушаются и все. Ведь оно - величайший должник и величайший кредитор страны, и нет ни одного должника, который был бы настолько свободен от захвата, и ни одного кредитора, который был бы настолько поглощающим, поскольку, принимая законы и обладая силой, оно может, во-первых, отказаться от долга и отослать держателя средств с пустыми руками, а во-вторых, увеличить налогообложение и опустошить карман налогоплательщика до последнего пенни. Нет большей угрозы для частных состояний, чем плохое управление государственным состоянием. Теперь, под давлением якобинских принципов и якобинской фракции, попечители Франции управляют страной так, словно намерены разорить своего подопечного; все известные средства для растраты состояния были пущены ими в ход - в первую очередь, они лишили его трех четвертей дохода. Чтобы угодить народу и привести в исполнение теорию, были отменены налоги на предметы потребления, на соль, акцизные субсидии и октрои на спиртные напитки, мясо, табак, кожу и порох, а новые поборы, замененные старыми, медленно устанавливаемые, плохо

распределяемые и с трудом поднимаемые, не принесли никакой прибыли. На 1 февраля 1793 года [казначейство](#) [получило](#) от реального и личного налогообложения 1791 года сто пятьдесят миллионов вместо трехсот миллионов. По тем же налогам за 1792 год вместо трехсот миллионов оно не получило вообще ничего. На этот день и за четыре года Революции общая задолженность по налогам составила шестьсот тридцать два миллиона - безнадежный долг, который едва ли можно вернуть, и, по сути, он уже уменьшился наполовину, поскольку, даже если бы должник мог и был готов платить, он заплатил бы ассигнациями, которые в это время были со скидкой в пятьдесят процентов... Во-вторых, новые управляющие увеличили государственные расходы в четыре [раза](#) [4209](#). Наряду с экипировкой и экскурсиями федераций Национальной гвардии, патриотическими праздниками и парадами, написанием, печатанием и изданием бесчисленных документов, возмещением расходов на ликвидированные конторы, созданием новых администраций, помощью неимущим и благотворительным мастерским, закупкой зерна, выплатой компенсаций мельникам и пекарям, возникла необходимость предусмотреть расходы на всеобщее разрушение и реконструкцию. Государство по большей части покрывало все эти расходы. В конце апреля 1793 года оно уже выдало только городу Парижу сто десять миллионов франков, в то время как Коммуна, будучи неплатежеспособной, постоянно вымогала новые миллионы. [4210](#) По бокам этой пропасти якобинцы вырыли другую, еще большую, - пропасть войны. За первую половину 1793 года они бросили в эту яму сначала сто сорок миллионов, затем сто шестьдесят миллионов, а потом сто девяносто миллионов франков; во втором полугодии 1793 года война и провизия поглощали по триста миллионов франков в месяц, и чем больше они бросали в эти две пропасти, тем глубже они [становились](#) [4211](#).

Естественно, когда нет возможности собирать доходы, а расходы продолжают расти, приходится занимать на свои средства, причем по частям, до тех пор, пока они есть. Естественно, когда на рынке нет готовых денег, человек выпускает банкноты и пытается пустить их в оборот; он платит торговцам письменными обещаниями в будущем и таким образом истощает свой кредит. Таковы бумажные деньги и ассигнаты, третий и самый эффективный способ растраты состояния, которым якобинцы не преминули воспользоваться. [4212](#) [4212](#) При Учредительном собрании, благодаря остаткам здравого смысла и доброй воли, сначала были предприняты попытки гарантировать выполнение письменных обещаний: держатели ассигнатов были почти обеспечены первой закладной на национальные владения, которые были им предоставлены вместе с обязательством не собирать больше денег под эту гарантию, а также не выпускать больше ассигнатов. Но они не сохранили веру. Они привели в негодность залог, предоставленный этой ипотекой, и, поскольку все шансы на возврат долга исчезли, его стоимость упала. Затем, 27 апреля 1792 года, согласно докладу Камбона, начинается неограниченная эмиссия; по мнению якобинских финансистов, для обеспечения войны не требуется ничего другого, кроме как вращать колесо и перемалывать платежные обещания: в июне 1793 года уже выпущено ассигнатов на сумму четыре миллиарда триста двадцать миллионов, и все видят, что мельница должна молотить быстрее. Вот почему поручительство, тщетно увеличиваемое, уже недостаточно для чудовищного, несоразмерного залога; оно превышает все пределы, ничего не покрывает и тонет под собственной тяжестью. В Париже стофранковый ассигнат стоит в specie в июне 1791 года восемьдесят пять франков, в январе 1792 года - шестьдесят шесть франков, в марте 1792 года - пятьдесят три франка; поднявшись в конце срока полномочий Законодательного собрания благодаря новым конфискациям, он падает до пятидесяти пяти франков в январе 1793 года, до сорока семи франков в апреле, до сорока франков в июне, до тридцати трех франков в [июле](#) [4213](#). - Таким образом, кредиторы государства лишаются трети, половины и двух третей своих вложений, и не только кредиторы

государства, но и все остальные кредиторы, поскольку каждый должник имеет право выполнять свои обязательства, выплачивая свои долги в ассигнациях. Перечислите, если возможно, всех обманутых в частных требованиях, всех ростовщиков и держателей акций, вложивших деньги в любое частное предприятие, как производственное, так и торговое, тех, кто ссужал деньги по договорам, заключенным на более или менее длительный срок, всех продавцов недвижимости, оговаривавших в своих договорах более или менее отдаленную выплату, все землевладельцы, сдававшие свои участки или здания в аренду на несколько лет, все держатели ренты по частным облигациям или по имению, все фабриканты, купцы и фермеры, своевременно продававшие свои изделия, товары и продукты, все клерки, получавшие годовое жалованье, и даже все прочие служащие, подчиненные, слуги и рабочие, получавшие фиксированное жалованье на определенный срок. Нет ни одного из этих людей, чей капитал или доход, выплачиваемый в ассигнациях, не пострадал бы сразу же пропорционально падению стоимости ассигнаций, так что не только государство становится банкротом, но и каждый кредитор во Франции, обанкротившийся вместе с ним по его вине.

В такой ситуации как можно начинать или поддерживать какое-либо предприятие? Кто осмелится пойти на риск, особенно когда выплаты велики, а отдача невелика? Кто осмелится давать длинные кредиты? Если кредиты и выдаются, то не на год, а на месяц, а проценты, которые до революции составляли шесть, пять или даже четыре процента годовых, теперь составляют два процента в месяц по ценным бумагам". Вскоре он становится выше, и в Париже и Страсбурге мы видим, что он поднимается, как в Индии и Барбарии, до четырех, пяти, шести и даже семи процентов в месяц.[4214](#)

Какой владелец сырья или промышленных товаров осмелится сделать обычные записи в своих книгах и предоставить своему покупателю необходимый кредит на три месяца? Какой крупный фабрикант возьмет на себя смелость наворачивать товары, какой оптовый торговец станет заниматься отгрузками, какой состоятельный или компетентный человек станет строить, осушать и возводить дамбы и плотины, ремонтировать или даже содержать их, будучи уверенным в том, что задержки приведут к возврату лишь половины затраченных средств, и с возрастающей уверенностью в том, что он не получит ничего?

В течение нескольких лет крупные учреждения рухнули в массовом порядке:

- * После разорения дворянства и отъезда богатых иностранцев рухнули все ремесла, зависевшие от роскошных вкусов, парижские и лионские, которые были эталоном для Европы, все мануфактуры богатых тканей и мебели, а также других художественных, изящных и модных изделий.

- * После восстания негров в Сен-Доминго и других бедствий в Вест-Индии, великая колониальная торговля и замечательное процветание Нанта и Бордо, включая все промышленные предприятия, которые влияли на производство, транспортировку и оборот хлопка, сахара и кофе;[4215](#)

- * После объявления войны с Англией, судоходные интересы;

- * После объявления войны со всей Европой - торговля континента.[4216](#)

Неудача за неудачей, всеобщий крах, полное прекращение широко организованного и производительного труда: вместо производительных отраслей я вижу теперь только разрушительные отрасли, отрасли сельскохозяйственных и торговых паразитов, торговцев хламом и спекулянтов, которые разбирают особняки и аббатства, сносят замки и церкви,

чтобы продать материалы дешевле, чем грязь, которые выторговывают национальные владения, чтобы нажиться на сделке. Представьте себе, какое зло может и должен причинить временный владелец, погрязший в долгах, нуждающийся и побуждаемый сроком исполнения своих обязательств, поместьем, находящемуся под ненадежным титулом и подозрительно приобретенному, которое он и не думает сохранять и из которого, между тем, извлекает все возможные выгоды:4217 он не только не вставляет ни спиц в мельничное колесо, ни камней в дамбу, ни черепицы на крышу, но и не покупает навоза, истощает почву, опустошает лес, отчуждает поля и разбирает всю ферму, портя землю и запас инструментов и нанося ущерб жилищу, продавая его зеркала, свинец и железо, а нередко и оконные ставни и двери. Все это он превращает в деньги, неважно каким образом, за счет владений, которые он оставляет в запущенном состоянии, без мебели и надолго лишает продуктивности. Точно так же и общинные владения, разоренные, разграбленные, а затем разделенные на части, представляют собой множество организмов, которые приносятся в жертву для немедленного облегчения деревенской бедноты, но, конечно, в ущерб их будущей продуктивности и обильному урожаю4218.

Один, среди этих миллионов людей, которые перестали работать или работают не так, как надо, мелкий земледelec трудится с пользой; свободный от налогов, десятины и феодальных поборов, обладая клочком земли, который достался ему почти даром или без натяжения кошелька, он работает в хорошем настроении4219. Он уверен, что отныне его урожай больше не будет съеден поборами сеньора, дециматора и короля, что он будет принадлежать ему, что он будет полностью его, и что чем сильнее будет голод в городах, тем дороже он будет продавать свою продукцию. Поэтому он пашет энергичнее, чем когда-либо; он даже расчистил пустыри; получив землю бесплатно, или почти бесплатно, и не делая почти никаких авансов, не имея другого применения своим авансам, состоящим из семян, навоза, труда своего скота и собственных рук, он с величайшей энергией сажает, жнет и выращивает зерно. Возможно, другие предметы потребления будут в дефиците; возможно, из-за разорения других отраслей промышленности будет трудно достать сухие товары, обувь, сахар, мыло, масло, свечи, вино и коньяк; возможно, из-за неуклюжих преобразований в сельском хозяйстве все продукты второго порядка, мясо, овощи, масло и яйца, станут дефицитными. Как бы то ни было, французские продукты питания *par excellence* находятся под рукой, стоят в поле или хранятся в снопах в амбарах; в 1792 и 1793, и даже в 1794 году во Франции достаточно зерна, чтобы обеспечить каждого жителя страны хлебом насущным4220.

Но этого недостаточно. Для того чтобы каждый француз мог ежедневно получать свой кусок хлеба, необходимо, чтобы зерно поступало на рынки в достаточном количестве, а пекари каждый день имели достаточно муки для выпечки всего необходимого хлеба; кроме того, хлеб, предлагаемый для продажи в пекарнях, не должен превышать цены, которую может позволить себе большинство потребителей. Теперь же, в результате вынужденного введения новой системы, ни одно из этих условий не выполняется: во-первых, пшеница, а значит, и хлеб, слишком дороги. Даже по старому курсу они были бы слишком дороги для бесчисленных пустых или полупустых кошельков, после стольких нападков на собственность, промышленность и торговлю, теперь, когда сотни рабочих и служащих остались без работы, когда многие землевладельцы и буржуа не получают ренты, когда доходы, прибыли, заработная плата и жалованье уменьшились на сотни тысяч. Но пшеница, а значит, и хлеб, не остались на прежнем уровне. Раньше мешок пшеницы в Париже стоил 50 франков. В феврале 1793 года он стоит шестьдесят пять франков, в мае 1793 года - сто франков, а затем сто пятьдесят; и поэтому хлеб в Париже в начале 1793 года вместо трех су за фунт стоит шесть су, во многих южных департаментах - семь и восемь су, а в других местах - десять и

двенадцать [cy4221](#). Причина в том, что с 10 августа 1792 года, после падения короля и разрушения древней арки, которая все еще удерживала расшатанные камни социального здания, испуганный крестьянин больше не расставался со своей продукцией; он решил не брать ассигнаций, не отпускать свое зерно ни за что, кроме звонкой монеты. Обмен хорошей пшеницы на плохие, грязные бумажные тряпки казался ему обманом, и справедливо, потому что, отправляясь каждый месяц в город, он обнаруживал, что торговцы дают за эти тряпки меньше товара. Будучи недоверчивым и склонным к накопительству, он должен иметь хорошие, старомодные кроны с древним изображением, чтобы убирать их в банку или старый шерстяной чулок; дайте ему спеку, и он сохранит свое зерно. Ибо он не обязан, как прежде, расставаться с ним, как только его срежут, чтобы заплатить налоги и ренту; бейлифа и шерифа больше нет, чтобы принудить его; в эти времена беспорядков и демагогии, при бессильной или частичной власти, ни государственный, ни частный кредитор не в силах заставить платить, а шпоры, которые раньше побуждали фермера искать ближайший рынок, притуплены или сломаны. Поэтому он держится в стороне, и у него есть на то веские причины. Бродяги и нищие стоят на обочинах дорог и у въездов в города, чтобы остановить и разграбить груженные телеги; на рынках и на открытых площадях женщины вскрывают ножницами мешки с зерном и опустошают их, или муниципалитет, вынужденный делать это из-за толпы, назначает цену по сниженной [ставке4222](#). Чем больше город, тем труднее снабдить его рынок; ведь провизию приходится везти издалека; каждый департамент, каждый кантон, каждая деревня хранит свое зерно для себя, используя законные реквизиции или грубую силу; оптовым торговцам зерном невозможно заключать сделки; их называют монополистами, а толпа, врываясь в их склады, вешает их вне [очереди4223](#). Поскольку правительство, соответственно, объявило их спекуляции "преступлениями", оно собирается пресечь их торговлю и заменить их собой.[4224](#) Но эта замена только еще больше увеличивает нищету; напрасно города заставляют собирать сборы, облагают налогами своих богачей, берут деньги в долг и обременяют себя сверх своих возможностей;[4225](#) они только усугубляют положение. Когда парижский муниципалитет тратит двенадцать тысяч франков в день на продажу муки по низкой цене на рынках, он отталкивает мукомолов, которые не могут поставлять муку по таким низким ценам; в результате на рынке не хватает муки для шестисот тысяч парижских ртов; когда он тратит семьдесят пять тысяч франков ежедневно на возмещение расходов булочников, он привлекает внешнее население, которое устремляется в Париж за дешевым хлебом, и для семисот тысяч ртов Парижа и пригородов, вместе взятых, у булочников нет достаточного предложения. Кто приходит поздно, застаёт лавку пустой; поэтому все стараются прийти туда раньше и раньше, на рассвете, до рассвета, и вот за пять-шесть часов до рассвета в феврале 1793 года у дверей булочной уже стоят длинные очереди людей, в апреле они становятся все длиннее и длиннее, а в июне достигают огромной [длины4226](#). Естественно, что за неимением хлеба люди переходят на другие продукты, которые также становятся все дороже; добавьте к этому различные ухищрения и последствия якобинской политики, которые еще больше увеличивают дороговизну продуктов питания всех видов, а также всех других необходимых товаров: Например, крайне плохое состояние дорог, что делает перевозки медленнее и дороже; запрет на вывоз монеты и, следовательно, на получение продовольствия из-за границы; декрет, обязывающий каждую промышленную или торговую ассоциацию, нынешнюю или будущую, "ежегодно выплачивать в национальную казну четверть суммы своих дивидендов"; восстание в Вандее, лишавшее Париж шестисот волов в неделю; кормление армий, на которое уходит половина скота, поступающего на рынок Пуасси; закрытие моря и континента, разоряющее мануфактуры и обширные торговые операции; восстания в Бордо, Марселе и на юге, которые еще больше повышают цены на бакалею, сахар, мыло, масло, свечи, вино и бренди.[4227](#) В начале 1793 года фунт говядины во Франции стоит в среднем

вместо шести су двадцать су; в мае в Париже бренди, которое за полгода до этого стоило тридцать пять су, стоит девяносто четыре су; в июле фунт телятины вместо пяти су стоит двадцать два су. Сахар, с двадцати су, подорожал до четырех франков десяти су; свеча стоит семь су. Франция, подталкиваемая якобинцами, приближается к глубинам несчастья, входя в первый круг своего Инферно; за ним следуют другие круги, все более глубокие, все более узкие и все более мрачные; неужели под напором якобинцев ей суждено опуститься на самое дно?

III. Приватизация.

Первая и общая причина лишений - социалистический принцип революционного правительства.- Меры против крупной и мелкой собственности; - экспроприация всех всех оставшихся корпораций, огромные выпуски бумажных денег. принудительные нормы их обращения, принудительные займы, реквизиции монеты и пластин, революционные налоги, подавление специальных органов труда в широких масштабах.-Новые меры против мелкого землевладения.-Максимум, реквизиции на продовольствие и рабочую силу.- Положение лавочника, земледельца и рабочего.-Влияние мер на труд в мелком масштабе. масштабе. Прекращение продаж.

Очевидно, что если народ не питается должным образом, а местами и вовсе не питается, то это происходит потому, что одно из центральных и наиболее важных волокон экономической машины выведено из строя. Очевидно, что это волокно управляет чувствами, благодаря которым человек держится за свою собственность, боится рисковать ею, отказывается обесценивать ее и старается [приумножить](#)⁴²²⁸. Очевидно, что в реальном человеке, таком, каким он является на самом деле, это интенсивное чувство, упорное, всегда возбужденное и активное, является тем магазином внутренней энергии, который обеспечивает три четверти, почти все, того неослабевающего усилия, того расчетливого внимания, того решительного упорства, которое заставляет человека терпеть лишения, придумывать и напрягаться, обращать на пользу труд своих рук, мозга и капитала и производить, сохранять и создавать для себя и для других различные ресурсы и удобства.

(Вероятно, бескорыстные побуждения, чистая любовь к ближнему, к человечеству, к стране не составляют и сотой части общей энергии, порождающей человеческую деятельность. Не следует забывать, что в поступках людей присутствуют мотивы более низкого порядка, такие как любовь к славе, желание самовосхваления и самоодобрения, страх наказания и надежда на награду за гробом; все это заинтересованные мотивы, без которых бескорыстные мотивы были бы недействительны, за исключением двух или трех душ из десяти тысяч.⁴²²⁹)

До сих пор в обществе в целом это чувство было затронуто лишь частично, и пострадали от него в основном зажиточные или богатые классы. Сначала была уничтожена лишь половина

его полезной энергии, так как были отменены только те услуги, которые оказывали богатые и состоятельные классы. Подавлен лишь труд капиталиста, собственника или подрядчика, чей далеко идущий, комбинированный, всеобъемлющий труд, вознаграждение за который состоит из предметов роскоши и удобства, обеспечивает обществу постоянное наличие изобилия, благодаря готовому и спонтанному распределению необходимых товаров. Остается (по мнению якобинцев) подавить то, что осталось от этого трудового и питательного волокна; остаток полезной энергии должен быть уничтожен вплоть до его истребления в народе. Здесь необходимо подавить, насколько это возможно, всякий ручной, грубый труд, даже в малых масштабах, и его рудиментарные плоды; необходимо отгородиться от ничтожного лавочника, механика и пахаря; не дать угловому бакалейщику продавать сахар и свечи, сапожнику - чинить обувь: Мельник должен подумать о том, чтобы отказаться от своей мельницы, а возчик - от своей телеги; фермера нужно убедить, что лучшее, что он может сделать, - это избавиться от своих лошадей, самому есть свинину,⁴²³⁰ позволить своим волам голодать и оставить свой урожай гнить на земле. -Якобинцы должны сделать все это, ибо это неизбежный результат теории, которую они провозгласили и которую они применяют. Согласно этой теории, суровый, сильный, глубоко укоренившийся инстинкт, благодаря которому человек упорно держится за то, что у него есть, за то, что он делает для себя и для тех, кто ему принадлежит, является как раз тем вредным волокном, которое должно быть выкорчевано или парализовано любой ценой; его настоящее имя - "эгоизм, инцивизм", и его действия заключаются в посягательствах на общество, которое является единственным законным владельцем имущества и продуктов, и, более того, всех людей и услуг. Тело и душа - все принадлежит государству, ничто - частным лицам, и, если понадобится, государство имеет право отнять не только землю и капитал, но, опять-таки, потребовать и обложить налогом по любой ставке все зерно и скот, все машины и животных, которые их тянут, все свечи и сахар; оно имеет право присвоить себе и обложить налогом по любой ставке труд сапожника, портного, мельника, вагоновожатого, пахаря, жнеца и молотильщика. Захват людей и вещей повсеместен, и новые государи делают для этого все возможное, ибо на деле их побуждает к этому необходимость; мятеж гремит у их дверей; их сторонники, все безумцы с пустыми желудками, нищие и праздные, а также парижское население, не слушают никаких доводов и слепо настаивают на бессистемных вещах; Они обязаны сразу же удовлетворить своих покровителей, издавать один за другим все указы, которых они требуют, даже если это неосуществимо и нецелесообразно: морить голодом провинции, чтобы накормить город, морить голодом завтрашний день, чтобы накормить сегодняшний день. Подчиняясь крикам и угрозам улицы, они быстро расправляются с делами; они перестают заботиться о будущем, их волнует только настоящее; они берут и берут насильно; они поддерживают насилие жестокостью, грабеж - убийством; они экспроприируют людей по категориям и присваивают предметы по категориям, а после богатых они разоряют бедных. -В течение четырнадцати месяцев революционное правительство, таким образом, держит обе руки в работе, одной рукой завершая конфискацию имущества, крупного и среднего, а другой переходя к полному уничтожению собственности даже в мелком масштабе.

Против крупной и средней собственности достаточно расширить и усугубить уже принятые декреты - необходимо уничтожить последние из существующих корпораций: правительство конфискует собственность больниц, коммун, всех научных и литературных ассоциаций.⁴²³¹

К этому следует добавить уничтожение государственных кредитов и всех других кредитов: за четырнадцать месяцев оно выпускает 5 100 миллионов ассигнаций, в одно время и одним декретом - 1 400 миллионов, в другое - 2 000 миллионов. Тем самым он обрекает себя на полное банкротство в будущем. Он также отзывает 1 500 миллионов ассигнатов с

королевской печатью (à face royale) и таким образом произвольно конвертирует и уменьшает государственный долг по Большой книге, которая уже, по сути, является частичным и объявленным банкротством. Шесть месяцев тюремного заключения для того, кто отказывается принять ассигнаты по номиналу, двадцать лет кандалов при повторном нарушении и гильотина при наличии подстрекательского намерения или действия, что достаточно для всех остальных кредиторов.[4232](#)

Разорение отдельных лиц, принудительный заем миллиарда у богатых, требование монеты против ассигнаций по номиналу, конфискация тарелок и драгоценностей в частных домах, революционные налоги, столь многочисленные, что не только истощают капитал, но и кредит того, кого облагают [налогом4233](#), и возвращение государством общественного достояния, заложенного частным лицам в течение последних трех столетий. Сколько лет труда потребуется для того, чтобы вновь собрать воедино столько свободных капиталов, восстановить во Франции и вновь наполнить те частные резервуары, которые должны содержать накопленные сбережения, необходимые для оттока средств, приводящих в движение огромное колесо каждого общего предприятия? Примите во внимание, кроме того, предприятия, которые прямо уничтожены, с корнем и без остатка, революционными казнями, примененными против фабрикантов и торговцев Лиона, Марселя и Бордо, массово проскрибированных,[4234](#) гильотинированных, заключенных в тюрьму или обращенных в бегство, их фабрики остановлены, их склады подвергнуты секвестру, с их запасами бренди, мыла, шелка, муслинов, кожи, бумаги, шерсти, ткани, холста, кордажа и прочего; То же самое в Нанте при Каррьере, в Страсбурге при Сен-Жюсте и повсюду.[4235](#) - "Торговля уничтожена", - пишет из Парижа один швейцарский купец,[4236](#) и правительство, можно сказать, систематически пытается сделать ее невозможной. 27 июня 1793 года Конвенция закрывает Биржу; 15 апреля 1794 года она подавляет "финансовые ассоциации" и "запрещает всем банкирам, купцам и другим лицам организовывать любые учреждения подобного рода под любым предлогом и под любым названием". 8 сентября 1793 года Коммуна накладывает печати "на все счетные палаты банкиров, биржевых маклеров, агентов и торговцев серебром"[4237](#) и запирает их владельцев; в качестве одолжения, учитывая, что они обязаны платить по выставленным на них траттам, их выпускают на свободу, но временно и при условии, что они останутся под арестом дома, "под охраной двух добрых граждан", за их собственный счет. Так обстоит дело в Париже и в других городах не только с видными купцами, но и с нотариусами и адвокатами, у которых хранятся деньги и которые управляют поместьями; сан-кулот со своей пикой стоит в их кабинете, пока они пишут, и сопровождает их на улице, когда они обращаются к своим клиентам. Представьте себе состояние нотариальной конторы или счетной палаты при подобной системе! Хозяин конторы сворачивает свои дела, как только может, неважно как, не заключает новых контрактов и делает как можно меньше. Еще более бездеятельные, чем он, его коллеги, осужденные на бессрочное бездействие, под замком в общей тюрьме, больше не занимаются своими делами... Наступает общий, полный паралич тех естественных органов, которые в экономической жизни производят, разрабатывают, получают, хранят, сохраняют, обменивают и передают в больших количествах; и, как следствие, стесняют, насыщают или ослабляют все низшие подчиненные органы, которым высшие уже не обеспечивают выходов, посредников или питания.

Теперь настала очередь малых предприятий. Каковы бы ни были их страдания, им приказано вести свою работу, как в обычное время, и они будут вынуждены это делать. Конвенция, следуя привычному жесткому логическому курсу со свойственной ей недальновидностью, накладывает на них свои жестокие и неумелые руки; их топчут, топчут и топчут для того,

чтобы вылечить их. Фермерам запрещено продавать свою продукцию иначе как на рынках, и они обязаны доставлять туда квоту в столько-то мешков в неделю, а военные рейды заставляют их выполнять эту [квоту4238](#). Лавочникам приказано "ежедневно и публично выставлять на продажу все товары и провизию первой необходимости", которые у них имеются, при этом установлена максимальная цена, выше которой никто не должен продавать "хлеб, муку и зерно, овощи и фрукты, вино, уксус, сидр, пиво и коньяк, свежее мясо, соленое мясо, свинина, скот, сушеная, соленая, копченая или маринованная рыба, масло, мед, сахар, сладкое масло, лампадное масло, свечи, дрова, древесный и другой уголь, соль, мыло, сода, поташ, кожи, железо, сталь, литье, свинец, латунь, пенька, лен, шерсть, холст и тканые вещи, сабо, обувь и табак." Тот, кто держит под рукой больше, чем потребляет, является монополистом и совершает смертное преступление; наказание, очень суровое, - тюрьма или столб, для того, кто продает выше установленной цены:[4239](#) таковы простые и прямые методы революционного правительства, и таков характер его изобретательских способностей, подобно дикарю, срубающему дерево, чтобы добраться до его плодов.-Следовательно, после первого же применения "максимума" лавочник уже не в состоянии вести дела; его покупатели, привлеченные внезапным снижением цены на его товары, стекаются в его лавку и опустошают ее в несколько дней;[4240](#) продав свои товары за половину их [стоимости4241](#), он получил обратно только половину своих авансов; следовательно, он может обновить свой ассортимент только наполовину, меньше половины, так как он не оплатил свои счета, и его кредит уменьшается, так как представители (якобинцев) в миссии забрали всю его монету, тарелки и ассигнаты. Поэтому в течение следующего месяца покупатели находят на его необорудованных прилавках лишь мусор и отбросы.

Точно так же после провозглашения [максимума4242](#) крестьянин отказывается нести свою продукцию на рынок, пока революционная армия не находится под рукой, чтобы отнять ее силой: он оставляет свой урожай необранным, пока может, и жалуется, что не находит людей для его обмолота. Если нужно, он прячет его или скормливает своим животным. Часто он меняет его на дрова, на кусок бекона или в оплату за день работы. Ночью он отвозит его за шесть лиг в соседний район, где местный максимум установлен по более высокой ставке. Он знает, у кого в его округе еще есть деньги в кармане, и тайком снабжает его своими запасами. Он особенно тщательно скрывает свое изобилие и, как и прежде, притворяется бедным и страдающим. Он в хороших отношениях с деревенскими властями, с мэром и национальным агентом, которые так же, как и он, заинтересованы в уклонении от закона, и при необходимости взятки он дает ее. Наконец, он позволяет подать на себя в суд и наложить арест на свое имущество; он попадает в тюрьму и изматывает власти своим упрямством. Таким образом, из недели в неделю на рынок поступает все меньше муки и зерна, все меньше скота, мясо становится все скуднее у мясника, а хлеб - у пекаря... Парализовав таким образом низшие органы спроса и предложения, якобинцы теперь должны парализовать только сам труд, умелые руки, активные и энергичные руки. Это просто сделать, заменив независимую частную мастерскую обязательной национальной мастерской, заменив таким образом сдельную работу работой по дням, а внимательного, энергичного рабочего, который занимается своим делом и рассчитывает получить взамен деньги, - невнимательными апатичными рабочими, которых заставляют выполнять плохо оплачиваемую работу, но платят даже тогда, когда они халтурят или бездельничают.-Так поступают якобинцы, насильно требуя услуг всевозможных рабочих,[4243](#) "всех, кто помогает обрабатывать,

перевозить и продавать в розницу продукты и предметы первой необходимости", "деревенских людей, которые обычно занимаются посевами", и, в частности, молотильщиков, жнецов, возчиков, плотогонов, а также сапожников, портных, кузнецов и остальных. - В любой точке социального организма применяется тот же принцип с тем же результатом. Замените везде внешнее, искусственное и механическое ограничение на внутренний, естественный и оживляющий стимулятор, и вы не получите ничего, кроме всеобщей атрофии. Лишите людей плодов их труда, более того, заставьте их производить под страхом, конфискуйте их время, их кропотливые усилия и их личности, сведите их к состоянию феллахов, создайте в них чувства феллахов, и вы не получите ничего, кроме труда и продукции феллахов, то есть минимум труда и производства, а значит, и недостаток средств для поддержания очень плотного населения, которое, размножившись благодаря более высокой и продуктивной цивилизации, не сможет долго существовать при варварском, низком и непродуктивном режиме. Когда эта систематическая и полная экспроприация закончится, мы увидим конечный результат системы, уже не голод, а голод, голод в больших масштабах и уничтожение миллионов жизней. Среди [якобинцев](#)⁴²⁴⁴ некоторые из самых безумных, которые ясно видят, благодаря своей ярости, Гуффруа, Антонель, Жан Бон Сент-Андре, Колло д'Эрбуа, предвидят последствия и принимают их вместе с принципом. Другие, которые не видят его, лишь более решительны в его применении. Однако все они вместе всеми силами стараются усугубить несчастье, плачевное зрелище которого так тщетно предстает перед их глазами.

IV. Голод.

Голод. - В провинциях. - В Париже. - Люди стоят в
Люди, стоящие в очередях при революционном правительстве, чтобы получить еду.
-Его качество. Расстройство и огорчение.

Колло д'Эрбуа писал из Лиона 6 ноября 1793 года: "Здесь нет провизии на два дня". На следующий день: "Нынешнее население Лиона составляет не менее ста тридцати тысяч душ, а пропитания не хватает на три дня". И снова на следующий день: "Наше положение в отношении продовольствия плачевно". Затем, на следующий день: "Начинается голод".⁴²⁴⁵ [Неподалеку](#), в округе Монбризон, в феврале 1794 года "не осталось ни еды, ни провизии для людей"; все было взято по реквизиции и вывезено, даже семена для посадки, так что поля лежат под паром.⁴²⁴⁶ - В Марселе, "начиная с максимума, не хватает всего; даже рыбаки больше не выходят (в море), так что нет запасов рыбы, чтобы жить"⁴²⁴⁷ - В Кагоре, несмотря на многочисленные реквизиции, Директория Лота и представитель [Тайллефер](#)⁴²⁴⁸ заявляют, что "жители, в течение более восьми дней, полностью сводятся к масленичному хлебу, состоящему на одну пятую из пшеницы, а остальное из ячменя, ячменного солода и проса." - В [Ниме](#)⁴²⁴⁹, чтобы продлить запасы зерна, которые заканчиваются, пекарям и всем частным лицам приказано не просеивать муку, а оставлять в ней отруби, замешивать и

выпекать "тесто таким, какое оно есть". "В Гренобле [4250](#) пекари перестали печь; деревенские жители больше не привозят пшеницу; торговцы прячут свой товар, отдают его в руки соседских чиновников или высылают. "Все становится все хуже и хуже", - пишут агенты Гунинга; [4251](#) можно даже сказать, что они скорее отдадут тот или иной товар своему скоту, чем продадут его в соответствии с налогом." - Жители городов повсеместно переведены на пайки, причем настолько маленькие, что едва ли позволят им не умереть с голоду. "С момента моего прибытия в Тарб, - пишет другой [агент4252](#) , - каждый человек ограничивается половиной фунта хлеба в день, состоящего на треть из пшеницы и на две трети из кукурузной муки". На следующий день после праздника в честь смерти тирана его не было совсем. "В Эврё также полагается полфунта хлеба "[4253](#) , "и даже это достается с большим трудом, многие вынуждены идти в деревню и получать его у крестьян за монету". И даже "у них очень мало хлеба, муки или пшеницы, потому что они были вынуждены везти в Эврё то, что у них было, для армий и для Парижа".

В Руане и Бордо дела обстоят еще хуже: в Руане в брюмерах жители имеют только четверть фунта хлеба на голову в день; в Бордо "последние три месяца, - говорит [агент4254](#) , - люди спят у дверей пекарен, чтобы заплатить высокую цену за хлеб, которого они часто не получают... Сегодня не было выпечки, и завтра каждому будет выдано только по полбуханки". Этот хлеб делается из овса и бобов... В дни, когда их нет, бобы, каштаны и рис раздаются в очень малых количествах": четыре унции хлеба, пять - риса или каштанов. "Я, который вам это говорю, уже восемь или десять раз ел без хлеба; я бы с радостью обошелся без него, если бы мог получить вместо него картофель, но его тоже нельзя получить". Пять месяцев спустя пост все еще продолжается, и он длится до конца правления Террора, причем не только в городе, но и во всем департаменте. "В округе Кадиллак, - пишет [Талльен4255](#) , - царит абсолютная скудость; жители сельских районов борются друг с другом за траву на полях; я ел хлеб из собачьей травы". Изможденный и измученный крестьянин с бледной женой и детьми отправляется на болото копать корни, в то время как его рук едва хватает на то, чтобы держать плуг.- Такое же зрелище можно наблюдать в местах, где производится мало зерна или где амбары опустели от революционных призывов. "Во многих районах Индра, - пишет представитель [миссии4256](#) , - продовольствия не хватает совершенно. Даже в некоторых коммунах многие жители доведены до ужасающего состояния нужды, питаюсь желудями, отрубями и другой нездоровой пищей..... Районы Шатр и Аржантон, в особенности, будут доведены до голодной смерти, если не принять срочных мер по их спасению..... Обработка земли заброшена; большинство жителей юрисдикции бродят по соседним департаментам в поисках пищи" - и сомнительно, что они ее находят. В департаменте Шер "мясники не могут больше забивать скот; лавки торговцев пусты". В Алье "скотобойни и рынки опустели, исчезли все виды овощей и продуктов; трактиры закрыты". В одном из округов Лозера, состоящем из пяти кантонов, один из которых производит огромное количество ржи, люди живут за счет реквизиций, наложенных на Гард и Верхнюю Луару; поборы представителей этих двух департаментов "распределялись между муниципалитетами, а те - между самыми неимущими: многие целые семьи, многие бедные и даже богатые, страдали от отсутствия хлеба в течение шести или восьми дней, и так часто. "[4257](#) Тем не менее они не бунтуют; они просто умоляют и простирают руки "со слезами на глазах". "Такова диета и покорность желудка в провинциях. Париж менее терпелив. Поэтому в жертву ему приносится все [остальное4258](#) , не только государственные средства, казначейство, из которого он получает один или два миллиона в [неделю4259](#) , но и целые районы голодают ради его блага: шесть департаментов обеспечивают зерном, двадцать шесть департаментов - [свиной4260](#) , по максимальной ставке, через реквизиции, через перспективу тюрьмы и эшафота в случае отказа или укрывательства, под хищными штыками

революционной армии. Капитал, прежде всего, должен быть накормлен. Давайте посмотрим, как живут люди в Париже и чем они питаются, при такой системе пристрастий.

"Страшные толпы" у дверей булочных, затем у дверей мясников и бакалейщиков, затем на рынках за маслом, яйцами, рыбой и овощами, затем на набережной за вином, дровами и углем - таков постоянный рефрен полицейских [сводок](#)⁴²⁶¹. И это продолжается непрерывно в течение четырнадцати месяцев революционного правления: длинные очереди людей, ожидающих своей очереди за хлебом, мясом, маслом, мылом и свечами, "очереди за молоком, за маслом, за дровами, за углем, очереди везде!"⁴²⁶² "Одна очередь начиналась у дверей бакалейной лавки на Пти-Карро и тянулась до половины улицы Монторгейль." ⁴²⁶³ Эти очереди образуются в три часа утра, в час дня и в полночь, увеличиваясь от часа к часу. Представьте себе, читатель, толпу несчастных мужчин и женщин, спящих на тротуаре в хорошую [погоду](#)⁴²⁶⁴, а в плохую - стоящих на шатающихся ногах; зимой, когда "дождь льет им на спину", а ноги в снегу, они столько изнурительных часов проводят на темных, грязных, тускло освещенных улицах, усыпанных мусором; Ибо за неимением масла половина уличных фонарей погасла, а за неимением денег не ремонтируется, не подметается, отбросы валяются у стен".⁴²⁶⁵ Толпа тащится сквозь нее, такие же мерзкие, оборванные, люди в дырявых башмаках, потому что сапожники больше не работают для своих клиентов, и в грязных рубашках, потому что больше нет мыла, чтобы помыться, и, как морально, так и физически, все эти несчастные существа, пихающие друг друга, делают себя еще более грязными. -Распушенность, контакты, усталость, ожидание и темнота дают волю грубым инстинктам; особенно летом, природная скотоложесть и парижское озорство играют в полную силу. "Развратные женщины" ⁴²⁶⁶ занимаются своим делом, стоя в ряду; это для них передышка; "их провокационные выражения, их неумеренный смех" слышны на некотором расстоянии, и они находят это удобным местом: в двух шагах от них, на фланге ряда, находятся "полуоткрытые двери и темные переулки", которые приглашают тет-а-тет; многие из этих женщин, принеся свои матрасы, "спят там и совершают невыразимые мерзости". Какой пример для жен и дочерей добросовестных рабочих, для честных слуг, которые слышат и видят! Мужчины останавливаются у каждого ряда и выбирают себе дульсину, а другие, менее бесстыдные, набрасываются на женщин, как быки, и целуют их одну за другой". Разве это не братские поцелуи патриотов-якобинцев? Разве жена и дочь мэра Паше не ходят в клубы и не целуются с пьяными санкюлотами? А что говорит стража? У нее хватает дел, чтобы сдерживать еще один слепой и глухой животный инстинкт, возбужденный страданием, предвкушением и обманом.

Подходя к каждой мясной лавке до ее открытия, "носильщики, сгибаясь под тяжестью говяжьего куска, ускоряют шаг, чтобы не быть атакованными толпой, которая теснит их, казалось, пожирая глазами сырое мясо". Они пробивают проход, заходят в лавку с тыла, и кажется, что наступило время раздачи мяса; жандармы, пустив лошадей в галоп, рассеивают слишком плотные группы; "негодяи, получающие жалованье от Коммуны", выстраивают женщин в колонны по две, "дрожащие" на холодном утреннем воздухе декабря и января, ожидая своей очереди. Однако перед этим мясник, согласно закону, откладывает часть для больницы, для беременных женщин и других заключенных, для медсестер, и, кроме того, вопреки закону, он откладывает еще часть для революционного комитета секции, для помощника комиссара и коменданта, для пашей и полупашей квартала и, наконец, для своих богатых клиентов, которые платят ему [дополнительно](#)⁴²⁶⁷. Для этого "широкоплечие носильщики образуют перед лавкой непроницаемый вал и уводят целых волов"; после этого женщины находят лавку разграбленной, а многие, потеряв время в течение четырех смертных часов", уходят с пустыми руками.⁴²⁶⁷ При такой перспективе ежедневные собрания становятся беспокойными и поднимают волны; никто, кроме тех, кто стоит во главе

ряда, не уверен в своих грошах, те, кто стоит сзади, с завистью и подавляемым гневом смотрят на человека впереди себя. Сначала раздаются крики, потом насмешки, потом потасовки; женщины соперничают с мужчинами в борьбе и сквернословии,⁴²⁶⁸ они толкают друг друга. Линия внезапно ломается, каждый спешит опередить другого; первенство принадлежит самым сильным и жестоким, и, чтобы его занять, им приходится топтать своих соседей.

Потасовки происходят каждый день. Когда толпа молчит, зрители обращают на это внимание. В общем, "они дерутся,⁴²⁶⁹ выхватывают хлеб друг у друга из рук; те, кто не может достать, заставляют того, кому досталась буханка весом в четыре фунта, делить ее на мелкие кусочки. Женщины страшно кричат..... Детей, которых прислали родители, бьют", а слабых бросают в сточную канаву. "При распределении самых скудных порций еды⁴²⁷⁰ решает сила, сила чресл и рук; "несколько женщин сегодня утром едва не лишились жизни, пытались получить четыре унции масла.-Более чувствительные и более жестокие, чем мужчины, "они не слушают или не хотят слушать доводы разума,⁴²⁷¹ они набрасываются, как гарпии" на рыночные повозки; они бьют погонщиков, разбрасывают овощи и масло по земле, опрокидывают друг друга и задыхаются от стремительности нападения; некоторые, "растоптанные, почти раздавленные, уносятся полумертвыми". Каждый сам за себя. Пустые желудки чувствуют, что для получения чего бы то ни было важно опередить, а не ждать распределения, разгрузки или даже прибытия припасов.⁴²⁷² "На лодку, груженную вином, подали сигнал, толпа бросилась на борт, чтобы разграбить ее, и лодка затонула", вероятно, вместе с большим количеством захватчиков.⁴²⁷² Другие скопления у барьеров останавливают крестьянские повозки и забирают их продукты до того, как они попадают на рынки. За пределами барьеров дети и женщины бросают камни в молочников, заставляя их спускаться с телег и раздавать молоко на месте. Еще дальше, на расстоянии одной-двух лиг от шоссе, по ночам появляются банды из Парижа, чтобы перехватить и захватить грузы, предназначенные для Парижа. "Сегодня утром, - рассказывает сторож, - весь фобур Сент-Антуан рассыпался вдоль Венсенской дороги и грабил все, что попадалось по пути в город; одни платили, другие уносили без оплаты..... Несчастные крестьяне поклялись, что больше ничего не принесут", - так усилился дефицит из-за попыток его избежать.

Напрасно правительство предъявляет свои требования Парижу, словно находящемуся на осажденном положении, и устанавливает на бумаге количество зерна, которое каждый департамент, округ, кантон и коммуна должны отправить в столицу.- Естественно, каждый департамент, округ, кантон и коммуна стремятся сохранить свои собственные запасы, ибо благотворительность начинается дома.⁴²⁷³ Особенно в деревне, мэры и члены муниципалитета, сами занимающиеся земледелием, относятся с неохотой, когда коммунам приходится голодать в интересах столицы. Они заявляют о меньшем количестве зерна, чем есть на самом деле; они придумывают причины и предлоги. Они мистифицируют или подкупают уполномоченного по провизии, чужака, некомпетентного и нуждающегося; они заставляют его пить и есть, а время от времени и пополнять карманную книжку. Он перелистывает счета, выдает деревенским расписки о предоставлении трех четвертей или половины требуемого, часто в виде испорченного или смешанного зерна или плохой муки, в то время как те, у кого нет ржаной пшеницы, получают ее от своих соседей. Вместо того чтобы расстаться со ста центнерами, они расстаются с пятьюдесятью, в то время как количество зерна на парижских рынках не только недостаточно, но оно чернеет или прорастает, а мука становится затхлой. Напрасно правительство делает клерков и депозитариев мясниками и бакалейщиками, позволяя им получать пять или десять процентов прибыли с розничной продажи продуктов, которые оно поставляет им оптом, и таким образом создает в Париже, за счет всей Франции, искусственное снижение цен.

Естественно, что [хлеб4274](#), который благодаря государству стоит в Париже три су, тайком вывозится из Парижа в пригороды, где за него дают шесть су. Такая же утечка происходит и в отношении других продуктов питания, предоставляемых государством на тех же условиях другим торговцам; налог - это бремя, которое заставляет их выходить за пределы своих магазинов. Продукты находят свой уровень, как вода, не только за пределами Парижа, но и в самом Париже.

* Естественно, "бакалейщики торгуют своими товарами" тайно, "сахаром, свечами, мылом, маслом, сушеными овощами, пирогами с мясом и прочим", среди частных домов, в которых эти товары покупают по любой цене.

* Естественно, мясник держит свои большие куски говядины и отборные куски для больших столовых и для богатых клиентов, которые платят ему любую прибыль, какую он запросит.

* Естественно, что тот, кто обладает властью или полномочиями, использует их для того, чтобы снабжать себя в первую очередь, в значительной степени и в преимущественном порядке; мы видели сборы революционных комитетов, комендантов и агентов; как только пайки распределяются между всеми ртами, каждому из властителей доставляется несколько пайков только для его рта; тем [временем4275](#) патриоты, охраняющие барьеры, присваивают все поступающие провизии, и на следующее утро, если в приказах дня и появляется какая-либо брань, то она незначительна.

Таковы два результата этой системы: не только пища, поставляемая в Париж, скудна и бедна, но и постоянные ее потребители, те, кто дожидается своей очереди, получают лишь небольшую порцию, да и то самую [худшую4276](#). Некий инспектор, отправившись на кукурузный рынок за образцом муки, пишет, "что ее нельзя назвать мукой;[4277](#) это молотые отруби", а не питательное вещество; пекари вынуждены брать ее, на рынках по большей части нет других поставок, кроме этой муки." - И снова, три недели спустя: "Продукты по-прежнему очень скудны и плохого качества. Хлеб неприятен на вкус и вызывает болезни, от которых страдают многие горожане, такие как дизентерия и другие воспалительные заболевания". Тот же отчет, три месяца спустя, в месяц Нивозе: "Постоянно жалуются на плохое качество муки, от которой, как говорят, заболевает множество людей; она вызывает сильные боли в кишечнике, сопровождаемые медленной лихорадкой". Во время *Ventôse* "нехватка всех товаров чрезвычайно велика" [4278](#), особенно мяса. Некоторые женщины на площади Мобер по шесть часов стоят в очереди, ожидая его, и не получают и четверти фунта; во многих лавках его вообще нет, не удастся получить ни унции, чтобы приготовить бульон для больных. Рабочие не получают его в своих лавках и обходятся без супа; они живут на "хлебе и соленых селедках". Многие люди жалуются, что "не ели хлеба две недели"; женщины говорят, что "не ели блюда из мяса и овощей (*pot au feu*) целый месяц". Между тем "овощи поразительно скудны и чрезмерно дороги.... два су за жалкую морковь и столько же за два маленьких лука-порея". Из двух тысяч женщин, ожидающих на центральном рынке раздачи бобов, только шестьсот получают их. Картофель за неделю подорожал с двух до трех франков за бушель, а овсянка и молотый горох - втрое. "У бакалейщиков нет больше коричневого сахара, даже для больных, а свечи и мыло продаются только по полфунта. Через две недели свечи полностью отсутствуют в некоторых кварталах, за исключением склада секции, который почти пуст, каждому человеку разрешено иметь только одну. Многие семьи ложатся отдыхать на закате из-за отсутствия света и не готовят ужин из-за отсутствия угля. Яйца, особенно яйца, "почитаются как невидимые божества", а отсутствующее масло "является богом".[4279](#) "Если так будет продолжаться, - говорят рабочие, - нам придется перерезать друг другу глотки, поскольку жить больше не на что".[4280](#) "Больные женщины,[4281](#) дети в колыбелях лежат, распростершись на солнце", в самом центре

Парижа, на улице Вивьен, на Пон-Рояль, и остаются там "до поздней ночи, требуя милостыню у прохожих". "Постоянно останавливаются нищие обоих полов, большинство из них здоровые и сильные", просящие, по их словам, из-за отсутствия работы. Не считая немощных и слабых, которые не могут стоять в очереди, чьи страдания видны, которые постепенно угасают и без ропота умирают дома, "на улицах и рынках" можно встретить только голодные и жаждущие лица, "огромную толпу бегущих и бросающихся друг на друга граждан", плачущих и рыдающих, "повсюду представляющих собой образ отчаяния" [4282](#).

V. Революционные средства.

Революционные средства. - Жесткость в отношении непримиримых.

-Декреты и приказы, делающие государство единственным хранителем и распределителем продовольствия.

трудовой повинности.-Отказ крестьянина

отказывается обрабатывать землю.- Указы и распоряжения, обязывающие его

сбирать урожай.- Его упрямство.- Культиваторы заключены в тюрьму

тысячи.-Конвенция обязана освободить их.

-Счастливые обстоятельства, которые спасают Францию от
от крайнего голода.

Эта нищета существует, говорят якобинцы, только потому, что законы против монополии и продажи по ценам выше "максимальных" не соблюдаются в точности с буквой закона. Эгоизм земледельцев и корыстолюбие торговцев не сдерживаются страхом, и правонарушители слишком часто уходят от законного наказания. Давайте строго следить за исполнением этого наказания; давайте ужесточим наказание против них и их орудий; давайте закрутим машину и дадим им новый ключ. Проводится новая оценка и проверка продовольственного снабжения, обыски в домах, конфискация специальных магазинов, считающихся слишком обильными, [4283](#) ограниченный паек для каждого потребителя, общий и обязательный стол для всех заключенных, коричневый, *égalité* хлеб, преимущественно из отрубей, для каждого рта, который может жевать, запрещение изготовления любого другого вида, конфискация бультерьеров и сит, [4284](#) "индивидуальная", личная ответственность каждого администратора, позволяющего руководимым им людям сопротивляться или уклоняться от обеспечения требуемых поставок, секвестр его имущества, тюремное заключение, штрафы, столбы и гильотина, чтобы ускорить реквизиции или остановить свободную торговлю, - все эти ужасающие методы доведены до крайности против фермеров и земледельцев.

После апреля 1794 [года4285](#) толпы представителей этого класса заполняют тюрьмы до отказа; революция поразила и их. Они прогуливаются по двору и бродят по коридорам с печальным, одурманенным выражением лица, не понимая, что происходит в мире. Тщетно пытаются объяснить им, что "их урожай - это национальная собственность, а они - просто ее хранители" [4286](#); этот новый принцип никогда не входил и не войдет в их грубые мозги;

всегда, по привычке и инстинкту, они будут работать против него. Пусть мы (якобинцы) освободим их от урожая и, по сути, заберем его себе; пусть государство во Франции станет единственным хранителем и распределителем зерна; пусть оно только покупает и продает его по фиксированному курсу. Таким образом, в [Париже4287](#) Комитет общественной безопасности сначала объявляет "реквизицию всего овса, который только можно найти в Республике; каждый владелец овса обязан в течение восьми дней сдать свои запасы на склад, указанный администрацией округа, "по максимальной" цене; в противном случае он "подозреваемый" и должен быть наказан как таковой". В то же время еще более всеобъемлющие приказы, изданные в провинциях, Паганель в департаменте Тарн и Дартигойт в департаментах Жер и Верхняя [Гаронна4288](#), предписывают каждой коммуне создать общественные зернохранилища. "Всем гражданам предписывается ввозить все имеющиеся у них продукты в виде зерна, муки, пшеницы, маслины, ржи, ячменя, овса, проса, гречихи" по "максимальной" норме. Никто не должен держать при себе более чем месячный запас, по пятьдесят фунтов муки или пшеницы на каждого человека; таким образом, государство, в руках которого находятся ключи от складов, может "осуществить спасительное уравнивание провизии" между департаментом и департаментом, округом и округом, коммуной и коммуной, отдельным человеком и отдельным человеком. За каждым из этих хорошо заполненных амбаров будет присматривать кладовщик; муниципалитет сам будет доставлять пайки и, кроме того, "примет соответствующие меры, чтобы бобы и овощи, по мере их созревания, экономно распределялись под его наблюдением", по столько-то на голову, и всегда по "максимальной норме". В противном случае - увольнение, тюремное заключение и преследование "в чрезвычайном уголовном трибунале". "- Это достигнуто, и плоды труда должным образом распределены, остается только распределить сам труд. Для этого [Мейне4289](#) в Воклюзе и в Буш-дю-Рон предписывает каждому муниципалитету немедленно составить два списка, один из которых состоит из поденщиков, а другой - из собственников. "Все владельцы, нуждающиеся в поденщиках", должны явиться и попросить их в муниципалитете, который выделит просителю столько, сколько он хочет, "в порядке списка", с карточкой для себя и номерами для назначенных лиц. Рабочий, не внесший свое имя в список или требующий больше "максимальной" зарплаты, должен быть приговорен к столбу с двумя годами кандалов. То же самое наказание с добавлением штрафа в триста ливров предусмотрено для каждого владельца, который нанимает любого рабочего, не внесенного в список, или платит больше, чем "максимальная ставка заработной платы".

После этого на практике больше ничего не требуется, кроме как

- * составить и держать на виду новые реестры имен и цифр, составленные членами тридцати тысяч муниципальных советов, которые не умеют вести счета и едва ли умеют читать и писать;
- * построить огромное общественное зернохранилище или реквизируют три или четыре амбара в каждой коммуне, в которых могло бы гнить полувысушенное и смешанное зерно;
- * платить двести тысяч неподкупных кладовщиков и мерщиков, которые не будут ничего уносить со складов для своих друзей или для себя;
- * добавить к тридцати пяти тысячам служащих Комитета [провизии4290](#) пятьсот тысяч муниципальных писцов, готовых бросить свое ремесло или плуг ради ежедневных безвозмездных раздач; но еще точнее - содержать четыре или пять миллионов безупречных жандармов, по одному в каждой семье, живущих вместе с ней, чтобы помогать при покупках, продажах и сделках каждого дня и проверять по ночам содержимое шкафчика.

Короче говоря, одна половина французского народа будет шпионить за другой - таковы условия, обеспечивающие производство и распределение продовольствия и достаточные для введения по всей Франции трудовой повинности и неволи зерна.

К сожалению, крестьянин не понимает этой теории, но он понимает дело; он производит тщательные расчеты, и положительные, патентованные, вульгарные факты, на которых он основывается, приводят к другим выводам:[4291](#)

"В прошлом Мессидоре у меня забрали весь прошлогодний овес по четырнадцать франков в ассигнациях, а в Термидоре собираются забрать весь овес этого года по одиннадцать франков в ассигнациях. При таком раскладе я вообще не буду сеять. Кроме того, мне не нужно ничего для себя, так как они забрали моих лошадей для армейских повозок. Выращивать рожь и пшеницу, столько же, сколько раньше, - тоже работа в убыток; я выращу не больше того, что мне нужно для себя, и опять же, полагаю, что это будет реквизировано, даже мои запасы на год! Лучше пусть мои поля лежат под паром. Только посмотрите, они забирают всех живых трехмесячных свиней! К счастью, своего я убил заранее, и он теперь в бочке со свиной. Но они собираются требовать всю соленую провизию, как и все остальные. Новые грабители еще хуже старых. Еще полгода, и мы все умрем от голода. Лучше сразу скрестить руки и отправиться в тюрьму; там, по крайней мере, нас будут кормить и не придется работать".

В сущности, они позволяют заключить себя в тюрьму, лучшие из мелких земледельцев и собственников тысячами, а [Линде4292](#), возглавляющий Комиссию по провизии, с тревогой говорит о том, что земля больше не обрабатывается, что скота во Франции не больше, чем в прошлом году, и что в этом году нечего рубить.

Произошла странная вещь, неслыханная в Европе, почти невероятная для любого, кто знаком с французским крестьянином и его любовью к труду. Это поле, которое он вспахал, удобрил, боронил и жал своими руками, его драгоценный урожай, урожай, который принадлежит ему и на который он смотрел семь месяцев, теперь, когда он созрел, он не берет на себя труд собрать его; это было бы беспокойством для кого-то другого. Поскольку урожай, который он видит, предназначен для правительства, пусть правительство оплатит конечные расходы по его сбору; пусть оно займется уборкой, жатвой, укладкой в снопы, перевозкой и молотью в амбаре... И тут представители миссии восклицают, каждый кричит то громче, то тише, в зависимости от своего характера.

"Многие из земледельцев, - пишет Дартигойт,[4293](#) - проявляют полнейшее равнодушие к этому великолепному урожаю. Надо было видеть это, как я, чтобы поверить, насколько велико пренебрежение к пшенице в некоторых местах, как ее душат травой..... Призыв, если того требует случай, определенного числа жителей той или иной коммуны к работе в другой..... Каждый, кто откажется работать, кроме как в "декадный" день, должен быть наказан как недоброжелательный гражданин, как роялист".

"Щедрые друзья природы, - пишет Ферри,[4294](#) введите среди вас, увековечьте вокруг вас привычку работать сообща и начните с нынешнего урожая. Не щадите ни ленивых женщин, ни ленивых мужчин, этих социальных паразитов, которых, несомненно, много в вашей среде. Что? Допускать лентяев и лентяек там, где мы находимся! Где нам найти республиканскую полицию?... Немедленно по получении настоящего распоряжения муниципальные чиновники каждой коммуны созовут всех горожанок в Храм Вечности и именем закона призовут их посвятить себя труду уборки урожая. Те женщины, которые не выполнят этот патриотический долг, будут исключены из собраний, из национальных праздников, а всех

добрых горожанок просят выдворить их из своих домов. Всех добрых граждан просят придать этому сельскому празднику тот sentimentalный характер, который ему подобает".

-И программа выполняется, то в идиллической форме, то по принуждению. В [Авиньоне](#)⁴²⁹⁵ командир, батальоны добровольцев и патриотически настроенные дамы, "жены и дочери патриотов", назначают себя сборщиками урожая. В Арле "муниципалитет призывает всех жителей; в деревню отправляются патрули, чтобы заставить всех, кто занят другой работой, оставить ее и заняться уборкой урожая". Конвент, со своей стороны, [предписывает](#)⁴²⁹⁶ освободить "временно всех пахарей, поденщиков, жнецов, профессиональных ремесленников и пивоваров в деревне и в рыночных городах и коммунах, население которых не превышает двенадцатисот жителей, и которые находятся в заключении как "подозреваемые". "- Иными словами, физическая необходимость наложила молчание на неумелую теорию; прежде всего, урожай должен быть собран, а незаменимое оружие должно быть возвращено на поле труда. Губернаторы Франции вынуждены нажать на тормоз, хотя бы на мгновение, в последний момент, при виде зияющей бездны, приближающегося и реального голода; Франция тогда скользила в нее, и, если не была поглощена, это просто чудо.

Четыре счастливых обстоятельства в последний час помогли ей удержаться на краю пропасти: - Зима выдалась исключительно мягкой.⁴²⁹⁷ Овощи, восполняющие отсутствие хлеба и мяса, обеспечивают пропитание на апрель и май, а замечательно прекрасный урожай, почти спонтанный, собран на три недели раньше срока. Другая, вторая часть удачи, заключается в большом конвое из Америки, сто шестнадцать судов с зерном, который достиг Бреста 8 июня 1794 года, несмотря на английские крейсера, благодаря самопожертвованию флота, который защищал его и который, за восемь дней до этого, сдался на его защиту. Третий удар судьбы - вступление победоносной армии в страну врагов и ее пропитание за счет иностранных реквизиций, в Бельгии, в Пфальце, в пограничных провинциях Италии и Испании. Наконец, самое удачное из всех, Робеспьер, Сен-Жюст и Кутон, Парижская коммуна и теоретики-якобинцы, гильотинированы 23 июля, и вместе с ними падает деспотический социализм. Отныне якобинское здание рушится из-за огромных трещин в его стенах. Максимум", по сути, больше не сохраняется, а Конвент в конце декабря 1794 года законодательно отменяет его. Крестьяне теперь продают по своему усмотрению и по двум ценам, в зависимости от того, чем им платят - ассигнатами или монетой; их надежда, уверенность и мужество восстановлены; в октябре и ноябре 1794 года они добровольно занимаются вспашкой и посадкой, и еще с большим удовольствием они собирают свой урожай в июле 1795 года. Тем не менее, по тому унынию, в которое их повергли четыре месяца системы, мы можем судить о том, в какую полную прострацию они впали бы, если бы система продлилась неопределенное время. Вполне вероятно, что по истечении одного-двух лет культивирование оказалось бы непродуктивным или вовсе прекратилось. Подвергаясь всевозможным увещаниям и угрозам, крестьянин оставался инертным, глухим и бесчувственным, как перегруженная ноша, которая при частом ударе становится упрямой или падает и отказывается двигаться. Очевидно, что он никогда бы больше не шелохнулся, если бы Сен-Жюст, взяв его за горло, связал его по рукам и ногам, как он сделал это в Страсбурге, в многочисленных узлах своей спартанской утопии. Мы должны были увидеть, к чему приводит труд и порождаемая им стагнация, если управлять им посредством государственных маневров с помощью административных манекенов и гуманитарных автоматов. Этот эксперимент был опробован в Китае, в XI веке, и в соответствии с принципами, давно и регулярно, хорошо управляемым и всемогущим государством, на самом трудолюбивом и трезвом народе в мире, и люди умирали мириадами, как мухи. Если

французы в конце 1794 года и в последующие годы не дошли как мухи, то это потому, что якобинская система была ослаблена слишком [рано](#)⁴²⁹⁸.

VI. Расслабление.

Расслабление революционной системы после Термидора.

-Отмена максимума.-Новое положение крестьянина.-Он снова начинает заниматься земледелием.-Забор зерна государством.

Государство.-Крестьянин возмещает себе убытки за счет частных лиц.-Увеличение и все большее сокращение

Ассигнаты. Классы, которым приходится нести это бремя.-Фамин и несчастья в течение III года и первой половины IV года.

-В стране.-В маленьких городах.-В больших городах и городах.

Но если якобинская система, несмотря на ее уцелевших основателей, постепенно ослабевает после Термидора; если главная удавка, завязанная на шее человека, лопнула как раз в тот момент, когда его душили, то остальные, которые еще связывают его, держат его крепко, разве что местами ослаблены; и, как водится, некоторые ремни, ужасно затянутые, все глубже погружаются в его плоть.-Во-первых, поборы продолжаются - нет другого способа обеспечить армию и города продовольствием; жандарм всегда в пути, заставляя каждую деревню вносить свою долю зерна, причем по установленной норме. Непримиримые подвергаются надзору, конфискации, штрафам и тюремному заключению; их держат в окружных тюрьмах "за их собственный счет", мужчин и женщин, двадцать два человека 17 июля III года в округе Бар-сюр-Об; сорок пять человек 7 июля в округе Труа; сорок пять человек в тот же день в округе Ножан-сюр-Сен и еще двадцать человек восемь дней спустя в том же округе, в одной только коммуне Трен.⁴²⁹⁹Положение земледельца, конечно, нелегкое, в то время как государственная власть, опираясь на общественную силу, вымогает у него все, что может, по собственному разумению; более того, вскоре она вымогает у него половину его взносов натурой, и, надо заметить, что в это время одни только прямые взносы поглощают двенадцать и тринадцать су с франка дохода. Тем не менее, при таком положении, в каком находятся рабочие в мусульманской стране, французский крестьянин, как и сирийский или тунисский, может сохранить себе жизнь; ибо, благодаря отмене "максимума", частные сделки теперь свободны, и, чтобы возместить себе убытки с этой стороны, он продает частным лицам и даже городам,⁴²¹⁰⁰ по соглашению, на понятных условиях и так дорого, как ему заблагорассудится; Тем более дорого, что благодаря законным реквизициям города полупусты, и на большее число покупателей приходится меньше мешков зерна; таким образом, его потери от правительства с лихвой компенсируются его выигрышем за счет частных лиц; в конечном счете он выигрывает, и именно поэтому он продолжает заниматься земледелием.

Однако груз, от которого он освобождается, падает на перегруженного покупателя, и этот груз, и без того чрезмерный, продолжает увеличиваться благодаря другому эффекту революционного учреждения, пока не становится десятикратным и даже стократным. Единственные деньги, которыми владеют частные лица, тают в их руках и, так сказать, уничтожаются. Когда гильотина перестает работать, ассигнат, потеряв свою официальную стоимость, падает до своей реальной стоимости. В августе 1794 года убыток по нему составляет шестьдесят шесть процентов, в октябре - семьдесят два процента, в декабре - семьдесят восемь процентов, в январе 1795 года - восемьдесят один процент, и после этой даты постоянные выпуски огромных сумм, пятьсот миллионов, затем миллиард, полтора миллиарда и, наконец, два миллиарда в месяц, ускоряют его [обесценивание42101](#). Чем больше обесцениваются ассигнаты, тем большую сумму правительство вынуждено выпускать для покрытия своих расходов, и чем больше оно выпускает ассигнатов, тем больше они обесцениваются, так что снижение, увеличивающее эмиссию, увеличивает обесценивание, пока, наконец, ассигнаты не сводятся к нулю. 11 марта 1795 года луидор приносит двести пять франков ассигнациями, 11 мая - четыреста франков, 12 июня - тысячу франков, в октябре - тысячу семьсот франков, 13 ноября - две тысячи восемьсот пятьдесят франков, 21 ноября - три тысячи франков, а через шесть месяцев - девятнадцать тысяч франков. Соответственно, ассигнация в сто франков стоит в июне 1795 года четыре франка, в августе три франка, в ноябре пятнадцать су, в декабре десять су, а затем пять су. Естественно, все продукты растут в цене пропорционально. Фунт хлеба в Париже 2 января 1796 года стоит пятьдесят франков, фунт мяса - шестьдесят франков, фунт свечей - сто восемьдесят франков, бушель картофеля - двести франков, бутылка вина - сто франков. Читатель может представить себе, если сможет, бедственное положение людей с небольшими доходами, пенсионеров и служащих, механиков и ремесленников в городах без работы, [42102](#) короче говоря, всех, кому не на что жить, кроме небольшого пакета ассигнаций, и кому нечего делать, чьи насущные потребности не обеспечиваются непосредственно трудом их собственных рук по производству вина, свечей, мяса, картофеля и хлеба.

Сразу же после отмены "максимума" [42103](#) крик голода усиливается. Из месяца в месяц его акценты становятся все более болезненными и острыми пропорционально возросшей дороговизне провизии, особенно летом 1795 года, по мере приближения сбора урожая, когда амбары, заполненные урожаем 1794 года, пустеют. И эти голодные крики исчисляются миллионами: ведь многие департаменты Франции не производят достаточного количества зерна для домашнего потребления, как в плодородных пшеничных департаментах, так и в некоторых районах; крики раздаются также из больших и малых городов, в то время как в каждой деревне множество крестьян постится, потому что у них нет земли, чтобы обеспечить их продовольствием, или потому что им не хватает сил, здоровья, работы и заработной платы. "Вот уже две недели, - пишет муниципальный орган в [Сене-и-Марне42104](#), - по меньшей мере двести жителей нашей коммуны не имеют хлеба, зерна и муки; у них нет другой пищи, кроме отрубей и овощей. Мы с горечью видим детей, лишенных питания, их кормилиц без молока, не способных их сосать; старики падают от истощения, а молодые люди в поле слишком слабы, чтобы выдерживать работу". И другие коммуны в округе "находятся примерно в таком же состоянии". Такое же зрелище можно наблюдать по всему Иль-де-Франсу, в Нормандии и Пикардии. Вокруг Дьеппа, в сельской местности, [42105](#) целые коммуны обеспечивают себя травами и отрубями. "Граждане представители, - пишут администраторы, - мы не можем больше содержать себя. Наши сограждане упрекают нас в том, что мы лишили их зерна в пользу крупных коммун." - "Все средства к существованию исчерпаны, - пишет округ Лувье; [42106](#) - мы уже месяц питаемся отрубным хлебом и вареной зеленью, и даже эта грубая пища становится все скуднее. Имейте в виду, что нам приходится

управлять семьюдесятью одной тысячей человек, которые в это самое время подвергаются всем ужасам голода, причем многие из них уже погибли, одни от голода, другие от болезней, вызванных скудной пищей, на которой они живут". "В округе Кан [42107](#) "нападению подвергаются незрелый горох, конский горох, бобы, зеленый ячмень и рожь"; матери и дети отправляются за ними на поля, не имея другой пищи; "другие овощи в огородах уже съедены; мебель, удобства зажиточного класса, стали добычей фермерского эгоиста; не имея больше ничего для продажи, они, следовательно, не имеют ничего, на что можно было бы получить кусок хлеба".

"Невозможно, - пишет представитель миссии, - ждать урожая без дальнейшей помощи. Пока были отруби, люди ели их; теперь их не найти, и отчаяние достигло своего апогея. С тех пор как я приехал, я не видел солнца. Урожай будет собран на месяц позже. Что нам делать? Что с нами будет?" - "В Пикардии, - пишет округ Бове, - подавляющее большинство жителей сельских коммун рыщут по лесу в поисках грибов, ягод и диких фруктов".[42108](#) "Они считают себя счастливыми, - пишет округ Бапауме, - если им удастся получить долю животной пищи". "Во многих коммунах, - сообщает округ Вербье, - жители вынуждены жить на траве". "Многие семьи, целые коммуны, - сообщает комиссар Лаона, - два или три месяца не имеют хлеба и живут на отрубях или травах". Матери семейств, дети, старики, беременные женщины приходят к (членам) Директории за хлебом и часто падают в обморок на руках".

И все же, как бы ни был велик голод в стране, в городах он еще хуже; доказательством тому служит то, что голодающие стекаются в деревню, чтобы найти там хоть что-то, чем они могут поживиться, неважно как, и, в общем, тщетно". - "Три четверти наших сограждан, - пишет муниципалитет Розоя,[42109](#) - вынуждены бросать работу и бегать по стране то тут, то там, среди крестьян, чтобы добыть хлеб за гроши, и с большей мольбой, чем самые бедные несчастные; большей частью они возвращаются со слезами на глазах, не имея возможности найти не только бушель пшеницы, но и фунт хлеба". "Вчера, - пишет муниципалитет Монтрей-сюр-Мер,[42110](#) - более двухсот наших граждан отправились просить милостыню в деревню", а когда им ничего не достается, они воруют. "Банды [разбойников42111](#) распространяются по стране и грабят все жилища, находящиеся в любом отдалении. ... Зерно, мука, хлеб, скот, птица, вещи и т.д. - все идет в ход. Наши перепуганные пастухи больше не хотят спать в своих загонах для овец и покидают нас". Самые робкие копают по ночам морковь или днем собирают одуванчики, но их городские желудки не могут переварить эту пищу. "В последнее время, - пишет прокурор-синдик Сен-Жермена,[42112](#) - труп отца семейства, найденный в поле с ртом, все еще наполненным травой, которую он пытался жевать, возмущает и возбуждает дух бедных существ, ожидающих подобной участи".

Что же делают жители городов, чтобы выжить? В маленьких городках или разбросанных деревнях каждый муниципалитет, используя имеющихся у него жандармов, проводит законные реквизиции в своих окрестностях, а иногда коммуна получает от правительства благотворительный дар в виде пшеницы, овса, риса или ассигнатов. Но количество получаемого зерна так мало, что возникает вопрос, как это получается, что через два месяца, полгода или год такой системы половина жителей не находится на могильном дворе. Я полагаю, что многие из них живут тем, что выращивают в своих садах или на своих небольших фермах; другим помогают их родственники, соседи и компаньоны; в любом случае, очевидно, что человеческий организм очень устойчив, и нескольких глотков достаточно, чтобы поддерживать его в течение длительного времени. - В Эрви,[42113](#) в Обэ, "за последние два рыночных дня не было привезено ни одного зерна пшеницы". "К утру,[42114](#) 25 прериаля, в БапOME, главном городе округа, останется только два бушеля муки (для еды любого рода)". "В Булонь-сюр-Мер за последние десять дней на каждого человека

было выдано всего три фунта плохого ячменя, или маслина, не зная, сможем ли мы снова распределить этот жалкий паек в следующем десятилетии". Из шестнадцатисот жителей Брионны "двенадцатьсот [шестьдесят42115](#) довольствуются той небольшой порцией пшеницы, которую они получают на рынке, и которая, к сожалению, в течение слишком долгого времени была сокращена с восьми до трех унций пшеницы на каждого человека каждые восемь дней". Вот уже три месяца в Сене и [Марне42116](#), в "коммуне Мо, Лаферте, Ланьи, Даумартене и других главных городах кантона, они имеют только полфунта на голову, на каждый день, плохого хлеба". В Сене и Уазе "жители окрестностей Парижа и даже [Версаля42117](#) заявляют, что им хватает четырех унций хлеба". В [Сен-Дени42118](#) с населением в шесть тысяч человек "большая часть жителей, измученных страданиями, обращается в благотворительные склады. Рабочие, особенно рабочие, не могут выполнять свою работу из-за отсутствия пищи. Многие женщины, матери и кормилицы, были найдены в своих домах без сознания, без признаков жизни, а многие умерли с младенцами у груди". Даже в более крупном и менее заброшенном городе, Сен-Жермене,[42119](#) страдания превосходят все, что можно себе представить. "Полфунта муки на каждого жителя", причем не ежедневно, а через большие промежутки времени; "хлеб по пятнадцать и шестнадцать франков за фунт и все остальные продукты по той же цене; народ, который тонет, теряет надежду и погибает. Вчера, на празднике 9 Термидора, не было ни малейшего признака ликования; напротив, симптомы общей и глубокой депрессии, шатающиеся призраки на улицах, скорбные крики опустошающего голода или вопли ярости, почти каждый, доведенный до последней крайности страдания, приветствует смерть как благо".

Таков облик этих огромных искусственных агломераций, где почва, ставшая стерильной в результате проживания, несет только камни, и где двадцать, тридцать, пятьдесят и сто тысяч страдающих желудков вынуждены получать первый и последний глоток пищи на расстоянии десяти, двадцати и тридцати лиг. В этих тесных загонах длинные вереницы человеческих овец ежедневно сбиваются вместе, блея и дрожа вокруг почти пустых кормушек, и только благодаря чрезвычайным усилиям пастухам ежедневно удается дать им немного еды. Центральное правительство, к которому они настойчиво обращаются, расширяет или определяет круг их потребностей; оно разрешает им брать в долг, облагать себя налогами; оно ссужает или дает им миллионы [ассигнаций421](#); часто, в случае крайней нужды, оно позволяет им взять из своих складов столько зерна или риса, чтобы хватило на неделю.⁴²¹ Но, по правде говоря, такая жизнь - это не жизнь, это только не смерть. Ведь половина, а то и больше половины жителей просто живут на пайке хлеба, полученного путем долгого ожидания в конце очереди и доставленного по сниженной цене. Какие пайки и какой хлеб! "Кажется, - говорит муниципалитет Труа, - [что42121](#) страна предала анафеме города. Раньше на рынок поступало самое лучшее зерно, крестьянин оставлял себе низкое качество и потреблял его дома. Теперь все наоборот, и это еще больше усугубляется, ибо мы не только не получаем пшеницы, но крестьяне дают нам проросший ячмень и рожь, которые они резервируют для нашей коммуны; крестьянин, у которого нет пшеницы, договаривается с теми, у кого она есть, чтобы купить ее и доставить в город, а свою хорошую пшеницу продать в другом месте. Полфунта в день и на голову, в Плювиозе, для тринадцати или четырнадцати тысяч неимущих в Труа; затем четверть фунта, и, наконец, две унции с небольшим количеством риса и сушеных овощей, "которые слабый ресурс нас подведет".[42122](#) Полфунта в Плювиозе, для двадцати тысяч нуждающихся в Амьене, и этот паек лишь номинальный, поскольку "часто случается, что каждый человек получает только четыре унции, а раздача неоднократно не удавалась три дня подряд", и это продолжается. Шесть месяцев спустя, 7 фруктидора, в Амьене на рыночных складах имеется всего шестьдесят девять центнеров муки, "недостаточное количество для распределения в этот самый день; к завтрашнему дню вообще невозможно будет произвести какое-либо распределение, а на

следующий день после завтрашнего дня нуждающееся население этой коммуны будет доведено до абсолютного голода" - "Полное отчаяние! Уже есть "множество самоубийств" [42123](#). В другое время преобладает ярость и происходят бунты. В [Эврё42124](#), в Жерминале 21, вспыхивает бунт, вызванный тем, что на каждую голову и на неделю выдается только два фунта муки, а за три дня до этого было выдано всего полтора фунта. Бунт в Дьеппе, [42125](#) прериаля 14 и 15, потому что "люди здесь довольствуются тремя или четырьмя унциями хлеба". Еще один бунт происходит в Вервене, прерия 9, потому что муниципалитет, который получает хлеб по цене семь и восемь франков за фунт, поднимает цену с двадцати пяти до пятидесяти су. В Лилле восстание вспыхивает 4 мессидора, потому что муниципалитет, платя девять франков за хлеб, может дать его беднякам только за двадцать и тридцать су. - Лион в месяц Нивоз остается без хлеба "пять полных дней". [42126](#) В Шартре, 15 термидора, [42127](#) раздача хлеба на месяц составляет всего восемь унций в день, и этого не хватает, чтобы продержаться до 20 термидора. Пятнадцатого числа Фруктидора Ла-Рошель пишет, что "ее общественные раздачи, сократившиеся до семи или восьми унций хлеба, находятся на грани полного провала". В течение четырех месяцев в Пейнбофе паек составляет всего четверть фунта хлеба. [42128](#) То же самое в Нанте, где проживает восемьдесят две тысячи жителей и который кишит несчастными; "раздача никогда не превышала четырех унций в день", и то только за последний год. То же самое в Руане, где проживает шестьдесят тысяч жителей; кроме того, за последние две недели раздача не проводилась трижды. По другим данным, зажиточные страдают больше, чем неимущие, потому что они не принимают участия в коммунальном распределении, "все средства для получения пищи им, так сказать, запрещены". "Пять унций хлеба в день в течение четырех месяцев - это пособие для сорока тысяч жителей Кана и его округа. [42129](#) Многие в городе, как и в деревне, живут отрубями и дикими травами". В конце прериаля "в городских складах нет ни бушеля зерна, а реквизиции, проводимые в самом строгом и внушительном стиле, не дают ничего или почти ничего". Бедствия усиливаются от недели к неделе: "Невозможно составить себе никакого представления об этом; жители Кана живут на коричневом хлебе и крови скота. ... На каждом лице видны следы голода... Лица имеют синюшный оттенок..... Невозможно дожидаться нового урожая до конца Фруктидора" - такие восклицания раздаются повсюду. Сейчас, действительно, необходимо преодолеть самый узкий и страшный провал; еще две недели абсолютного поста, и сотни тысяч жизней будут принесены в жертву. [42130](#) В этот момент правительство наполовину открывает двери своих складов; оно выдает несколько мешков муки под расписку, - например, в Шербуре несколько сотен центнеров овса; с помощью овсяного хлеба бедняки могут продержаться до будущего урожая. Но прежде всего она удваивает караулы и выставляет штыки. В Нанси путешественник [видит42131](#) "более трех тысяч человек, тщетно просящих несколько фунтов муки". Их разгоняют прикладами мушкетов - так крестьянство учится патриотизму, а горожане терпению. Физическое принуждение, применяемое ко всем во имя всех; это единственная процедура, к которой может прибегнуть произвольный социализм для распределения продовольствия и борьбы с голодом.

VII. Страдания в Париже.

Голод и несчастье в Париже - Меры, принятые правительством чтобы накормить столицу.- Ежемесячные расходы казны.- Холод и голод зимой 1794-1795 годов.-Качество хлеба.-Уменьшение дневного рациона.-Страдания, особенно Страдание, особенно населения.- Чрезмерные физические страдания, отчаяние, самоубийств и смертей от истощения в 1795 г. - Правительственные обеды и ужины.-Количество жизней, потерянных из-за нужды и Социализм в применении и его влияние на комфорт, благосостояние и смертность.

Все, что может сделать тоталитарное правительство, чтобы обеспечить столицу продовольствием, оно берет на себя и выполняет, потому что здесь его резиденция, и еще один градус дефицита в Париже свергнет его. Каждую неделю, читая ежедневные отчеты своих [агентов42132](#), он оказывается на грани взрыва; дважды, в Жерминале и Прериале, народная вспышка на несколько часов свержает его, и, если он сохраняется, он находится под условием либо дать нуждающимся кусок хлеба, либо надежду получить его. Поэтому вокруг Парижа, на расстоянии до восемнадцати лье, на всех магистралях расставлены военные посты; постоянные патрули переписываются друг с другом, чтобы на месте призывать повозки и эшелоны лошадей. Эскорты, отправляемые из Парижа навстречу конвоям;[42133](#) реквизиция "всех повозок и всех лошадей, какие только есть, для осуществления перевозок в предпочтение любой другой работе или службе". Всем коммуна, через которые проходит шоссе, приказано засыпать щебнем и навозом плохие места и покрыть всю дорогу слоем земли, чтобы лошади могли тащить свой груз, несмотря на скользкую дорогу. Национальным агентам приказано набрать необходимое количество людей для разбивки льда вокруг водяных мельниц.[42134](#) Реквизируется "весь ячмень по всей длине и ширине Республики", который должен быть использован для производства "смеси для изготовления хлеба", а пивоварам запрещается использовать ячмень для изготовления пива; крахмальщикам запрещается превращать картофель в крахмал, а всех нарушителей карают смертью "как разрушителей пищевых продуктов"; пивоварни и крахмальные [фабрики42135](#) должны быть закрыты до дальнейшего уведомления. Париж должен получить зерно, неважно в каком виде, неважно как и любой ценой, не только на следующей неделе, но завтра, сегодня же, потому что голод прогрызает и проглатывает все, и он не будет ждать - как только зерно будет получено, должна быть установлена цена, которую люди смогут заплатить. Разница между продажной и себестоимостью огромна, она постоянно растет по мере снижения ассигнаций, и платит ее правительство. "Вы поставляете хлеб по три су, - говорит Дюбуа-Крансе, Флореаль, 16, год III,[42136](#) - и он обходится вам в четыре франка. Париж ежедневно потребляет 8 000 центнеров муки, и только эти расходы составляют 1 200 миллионов в год". Семь месяцев спустя, когда мешок муки стоит 13 000 франков, те же расходы достигают 546 миллионов в месяц. При старом режиме Париж, хотя и разросшийся, оставался полезным организмом; если он много поглощал, то еще больше развивал; его продуктивность компенсировала потребление, и каждый год, вместо того чтобы истощать государственную казну, он вливал в нее 77 миллионов. Новый режим превратил ее в чудовищную раковую опухоль в самом сердце Франции, в паразита, который с помощью шестисот тысяч пиявок опустошает свои окрестности на расстоянии сорока лье, потребляет половину годового дохода государства и все же остается истощенным, несмотря на жертвы, приносимые казной, которую он опустошает, и истощение провинций, которые поставляют ему пищу.

Всегда одна и та же пищевая система, одни и те же длинные очереди людей, ожидающих рассвета во всех кварталах Парижа, в темноте, долго и часто безрезультатно, подвергаясь жестокостям сильных и бесчинствам развратных! 9 Термидора, ежедневная рысь толпы в поисках пищи длится непрерывно уже семнадцать месяцев, сопровождаясь бесчинствами самого худшего рода, потому что меньше ужаса и меньше покорности, больше упорства, потому что продукты в свободной продаже дороже, больше лишений, потому что раздаваемый паек меньше, и более мрачное отчаяние, потому что каждый дом, израсходовав свои запасы, не имеет ничего своего, чтобы восполнить недостаток общественной благотворительности. -И в довершение всего зима 1794-1795 годов настолько [холодная42137](#), что Сена замерзает, и люди переходят Луару пешком. Плоты больше не ходят, и, чтобы добыть дрова, приходится "рубить деревья в Булони, Венсене, Верьере, Сен-Клу, Мёдоне и двух других лесах поблизости". Топливо стоит "четыреста франков за шнур дров, сорок су за бушель древесного угля, двадцать су за маленькую корзину". На улицах можно увидеть нуждающихся, распиливающих древесину своих кроватей для приготовления пищи и чтобы не замерзнуть". О возобновлении перевозок по воде после ледяных завалов "плоты продаются так быстро, как только плотогоны могут вытащить дрова из воды, и люди вынуждены проводить три ночи на причале, чтобы получить их, каждый по очереди в соответствии со своим числом". "В день Плювиоза 3 на причале в Лувье находится не менее двух тысяч человек, каждый со своей карточкой, позволяющей ему получить четыре палки по пятнадцать су за штуку". Естественно, начинаются тяга, волокита, суматоха и беготня; "торговцы от страха обращаются в бегство, а инспектора едва не убивают"; они уходят вместе с комиссаром полиции, и "публика помогает себе сама". Точно так же на следующий день происходит "отвратительный грабёж"; жандармы и солдаты, поставленные для поддержания порядка, "бросаются на дрова и уносят их вместе с толпой". Не забывайте, что в этот день термометр показывает шестнадцать градусов ниже нуля, что сто, двести других очередей людей также стоят в ожидании у дверей булочников и мясников, терпя тот же холод, и что они уже терпят его и будут терпеть еще месяц и более. Не хватает слов, чтобы описать страдания этих длинных рядов неподвижных существ, в течение ночи, на рассвете, стоящих там по пять или шесть часов, когда ветер пронизывает их лохмотья, а ноги замерзают. -Вентоз начинается, и пайка хлеба сокращается до полутора фунтов; [42138](#) Вентоз заканчивается, и пайка хлеба, которая поддерживалась на уровне полутора фунтов для трехсот двадцати четырех рабочих, сокращается до одного фунта; на самом деле многие не получают вообще ничего, многие - только полфунта и четверть фунта. Наступает время зародышей, и Комитет общественной безопасности, обнаружив, что его журналы раздают, ограничивает все пайки четвертью фунта. После этого, 12-го числа, вспыхивает восстание рабочих и женщин; Конвенту удается вторгнуться в город и освободить его с помощью военной силы. Париж объявляется на осадном положении, и правительство, снова оказавшись в седле, затягивает вожжи. Отныне порция мяса, выдаваемая каждые четыре-пять дней, составляет четверть фунта; хлеб в среднем составляет каждый день иногда пять, иногда шесть, иногда семь унций, через большие промежутки времени восемь унций, часто три, две и полторы унции, а то и вовсе не выдается; в то время как этот хлеб, черный и "делающий беду", становится все более никчемным и [отвратительным42139](#). Люди с достатком живут на картошке, но только на ней, ибо в середине Жерминаля она стоит пятнадцать франков за бушель, а к концу - двадцать, к концу Мессидора - сорок пять, в первый месяц Директории - сто восемьдесят, а затем двести восемьдесят четыре франка, в то время как другие продукты дорожают по тем же ценам. [429](#) После отмены "максимума" зло происходит не от недостатка продуктов, а от их дороговизны: магазины хорошо снабжаются. Тот, кто приходит с полным кошельком, получает все, что [хочет42140](#): Бывшие богачи, владельцы недвижимости и крупные капиталисты, могут поесть при условии, что они передадут свои пачки ассигнаций, достанут

из тайника последний луидор, продадут свои драгоценности, часы, мебель и одежду. А новые богачи, спекулянты, поставщики, счастливые и экстравагантные грабители, тратят на ужин четыреста, тысячу, три тысячи, потом пять тысяч франков и упиваются в больших заведениях тонкими винами и изысканным весельем: бремя нехватки перекладывается на другие плечи. -В настоящее время класс, который страдает, и страдает сверх всякого предела терпения, это, вместе со служащими и людьми с небольшими доходами, [42141](#) толпа рабочих, городской плебс, низкое парижское население

- * которая живет изо дня в день,
- * которая в душе якобинец,
- * которое совершило Революцию, чтобы улучшить свое положение,
- * которое оказалось в худшем положении,
- * которое поднимает еще одно восстание 1-го числа Прериала,
- * который насильно входит в Тюильри с криками "Хлеб и Конституция 93-го года", * который устанавливает себя в качестве суверена.
- * который устанавливает себя в качестве суверена в Конвенте,
- * который убивает представителя Феро,
- * который декретирует возвращение к Террору, но который, подавленный Национальной гвардией, разоруженный и принужденный к беспрекословному повиновению, должен лишь подчиниться последствиям своих собственных бесчинств, социализма, который он сам установил, и экономической системы, которую он сам организовал.

Поскольку рабочие Парижа были узурпаторами и тиранами, теперь они нищие. Из-за разорения, которое они нанесли собственникам и капиталистам, частные лица больше не могут их нанимать. Из-за разорения, которое они нанесли казне, государство может оказывать им лишь видимость благотворительности, и поэтому, в то время как все вынуждены голодать, многие умирают, а многие кончают жизнь самоубийством".

* 6-го числа, в "Секции обсерватории", [42142](#) во время раздачи "сорок один человек остался без хлеба; несколько беременных женщин требовали немедленного заключения, чтобы уничтожить своих младенцев; другие просили ножи, чтобы зарезать себя".

* 8 марта "большое количество людей, которые провели ночь у дверей пекарен, были вынуждены уйти, не получив хлеба".

* 24-го числа "полицейский комиссар Арсенального участка заявляет, что многие заболевают от недостатка пищи, и что он хоронит довольно много людей. В тот же день он слышал о пяти или шести гражданах, которые, оказавшись без хлеба и не имея возможности достать другую пищу, бросаются в Сену".

* Germinal 27: "Женщины говорят, что они чувствуют себя такими неистовыми и находятся в таком отчаянии из-за голода и нужды, что неизбежно должны совершить какой-нибудь акт насилия..... В разделе 'Les Amis de la Patrie' у одной половины нет хлеба.... Три человека упали от слабости на бульваре дю Тампль".

* Floréal 2, "большинство рабочих в секции "République" покидают Париж из-за нехватки хлеба".

* Floréal 5, "восемнадцать из двадцати четырех инспекторов заявляют, что терпение иссякло и дело идет к концу".

* Floréal 14: "Раздача всегда неудовлетворительна из-за четырехфунтового пайка; две трети горожан обходятся без него. Одна женщина, видя волнение своего мужа и четверых детей, которые уже два дня сидели без хлеба, бегала по канаве, рвала волосы и била себя по голове; затем она встала в ярости и попыталась утопиться".

* Флореаль 20: "Все восклицают, что не могут прожить на три унции хлеба, да еще такого плохого качества. Матери и беременные женщины падают от слабости".

* Флореаль 21: "Инспекторы утверждают, что встречаются на улицах множество людей, упавших от слабости и истощения".

* Floréal 23, "одна горожанка, у которой не было хлеба для своего ребенка, привязала его к своему боку и прыгнула в реку. Вчера один человек по имени Моттес, в отчаянии от нужды, перерезал себе горло".

* Floréal 25, "несколько человек, лишенных всяких средств к существованию, сдались в полном отчаянии и упали от слабости и истощения..... В квартале Гравилье двое мужчин были найдены мертвыми от истощения.... Милиционеры сообщают о смерти нескольких горожан; один перерезал себе горло, а другой был найден мертвым в своей постели".
Флореаль 28, "Множество людей падает духом из-за отсутствия еды; вчера один человек был найден мертвым, а другие истощены от нужды."

* Prairial 24, "Инспектор Леньер утверждает, что неимущие вынуждены искать пропитание в кучах мусора на углах".

* Messidor 1, [42143](#): "Упомянутый Пикар упал от слабости в десять часов утра на улице де ла Лой, и его привели в чувство только в семь часов вечера; его везли в больницу на ручной тачке".

* Мессидор 11: "Сообщают, что число людей, пытающихся утопиться, настолько велико, что сетей в Сен-Клу едва хватает, чтобы вытащить их из воды".

* Мессидор 19: "На углу одной из улиц был найден человек, просто умерший от голода".

* Мессидор 27: "В четыре часа дня на площади Мобер мужчина по имени Марселин, работавший в Саду растений, упал от голода и умер, пока ему оказывали помощь". Накануне вечером, в годовщину взятия Бастилии, рабочий на Пон-о-Шанж говорит: "Я ничего не ел весь день. Другой отвечает: "Я не был дома, потому что мне нечего дать жене и детям, умирающим от голода". Примерно в тот же день друг Малле-Дюпана пишет ему, "что он ежедневно является свидетелем того, как люди из низших классов умирают от истощения на улицах; у других, в основном у женщин, нет ничего, кроме мусора, объедков, отбросов овощей и крови, вытекающей из скотобоен. Рабочие, как правило, трудятся недолго из-за отсутствия сил и истощения из-за недостатка пищи" [42144](#)-.

Так закончилось правило Конвенции. Как хорошо она заботилась об интересах бедных! Согласно отчетам ее собственных инспекторов, "голодные желудки со всех сторон взывают к мести, бьют в ладоши и бьют тревогу [42145](#)..... Те, кто вынужден ежедневно вспоминать о жертвах, которые они приносят, чтобы сохранить жизнь, заявляют, что нет никакой надежды, кроме как на смерть". Облегчит ли им жизнь новое правительство, которое Конвенция навязывает им под грохот артиллерии и в котором она увековечивает себя? [42146](#)-

* Брюмера 28: "Большинство рабочих в секциях "Темпл" и "Гравилье" не работают из-за нехватки хлеба".

* Брюмера 24: "Граждане всех сословий отказываются нести караул, потому что им нечего есть".

* 25 брюмера: "В квартале Гравилье женщины говорят, что продали все, что у них есть, а другие, в квартале Фобур-Антуан, заявляют, что лучше было бы быть застреленными".

* Брюмер 30: "Одна женщина пришла и попросила булочника убить ее детей, так как ей нечего им дать поесть".

* Фримар 1, 2, 3 и 4: "Во многих секциях хлеб выдают только вечером, в других - в час ночи, и очень плохого качества..... В нескольких секциях вчера не было хлеба".

* Фримар 7, Инспекторы заявляют, что "больницы скоро будут недостаточно обширны, чтобы вместить больных и убогих".

* 14 февраля, На центральном рынке женщина, кормившая ребенка, скончалась от истощения". За несколько дней до этого "мужчина упал от слабости, направляясь в Бур-л'Аббе".

"Все наши отчеты", - говорят районные администраторы, - "сопровождаются воплями отчаяния". Люди увлечены; "нам кажется, что повсеместно царит дух безумия, мы часто встречаем на улице людей, которые, находясь в одиночестве, жестикулируют и громко разговаривают сами с собой". "Сколько раз, - пишет швейцарский [путешественник42147](#), живший в Париже во второй половине 1795 года, - сколько раз мне случалось встречать людей, тонущих от голода, едва способных устоять на ногах, или падающих на землю и не способных подняться из-за отсутствия сил!" Журналист утверждает, что видел, как "в течение десяти минут на улице семь бедняжек упали от голода, ребенок умер на груди матери, у которой не было молока, а женщина боролась с собакой возле канализации, чтобы отобрать у нее кость".[42148](#) Мейснер никогда не покидает гостиницу, не набив карманы кусками национального хлеба. "Этот хлеб, - говорит он, - который бедняки раньше презирали, я нашел принятым с живейшей благодарностью, причем образованными людьми"; женщина, которая боролась с собакой за кость, была бывшей монахиней, не имевшей ни родителей, ни друзей и повсюду отталкивавшей людей". "Я до сих пор с содроганием слышу, - говорит Мейснер, - слабый, меланхолический голос хорошо одетой женщины, которая остановила меня на улице дю Бак, чтобы сказать мне с акцентом, свидетельствующим о стыде и отчаянии: "Ах, господин, помогите мне! Я не изгой. У меня есть кое-какой талант - вы, наверное, видели несколько моих работ в салоне. Я ничего не ел два дня и схожу с ума от голода". И снова, в июне 1796 года, инспекторы заявляют, что отчаяние и уныние достигли наивысшей точки, слышен только один крик - misery!..... Все наши отчеты изобилуют стонами и жалобами... Бледность и страдание напечатаны на всех лицах..... Каждый день представляет собой все более печальный и меланхолический аспект". И неоднократно,[42149](#) они суммируют свои разрозненные наблюдения в общее заявление:

* "Скорбное молчание, глубочайшее страдание на всех лицах;

* самая сильная ненависть к правительству в целом, развитая во всех разговорах;

* презрение ко всем существующим властям;

- * наглая роскошь, оскорбляющая убогость бедных рантье, которые умирают от голода в своих мансардах, не имея больше мужества доползти до казначейства и достать средства, чтобы продлить свои страдания на несколько дней;
- * достойный отец семейства ежедневно решает, какой предмет мебели ему продать, чтобы восполнить недостающую часть своего жалования и купить полфунта хлеба;
- * все виды провизии растут в цене шестьдесят раз в час;
- * малейший бизнес, зависящий от падения курса ассигнаций;
- * интриганы всех партий свергают друг друга только для того, чтобы получить должности;
- * опьяневший солдат, хвастающийся услугами, которые он оказал и должен оказать, и бессовестно предающийся всякого рода разврату;
- * торговые дома превращаются в притоны воров;
- * негодяи становятся торговцами, а торговцы - негодяями; самое гнусное корыстолюбие и смертельный эгоизм - такова картина, представленная Парижем "42150.

В этой картине не хватает одной группы - губернаторов, которые руководят этим убожеством; эта группа остается на заднем плане; можно сказать, что ее так задумал и составил какой-то великий художник, любитель контрастов, неумолимый логик, чья невидимая рука неизменно прослеживает человеческий характер и чья скорбная ирония неизменно изображает рядом, в сильном рельефе, гротескность глупости и серьезность смерти. Сколько людей погибло из-за этого несчастья? Вероятно, более миллиона человек.42151-

Попытайтесь с первого взгляда охватить необычайное зрелище, представшее на территории в двадцать шесть тысяч квадратных лиг:

- * огромное количество голодающих в городе и деревне,
- * длинные очереди женщин, по три года ожидающих хлеба во всех городах,
- * тот или иной город с двадцатью тремя тысячами душ, в котором треть населения умирает в больницах за три месяца,
- * толпы нищих в богадельнях,
- * колонны несчастных, входящих в них, и колонны гробов, выходящих из них,
- * приюты, лишенные имущества, переполненные больными, неспособные прокормить множество подкидышей, тоскующих в колыбелях в первую же неделю, их маленькие лица в морщинах, как у стариков,
- * болезнь нужды, усугубляющая все остальные недуги, долгие страдания от стойкой жизненной силы, которая не поддается боли, и окончательный предсмертный хрип в чердаке или в канаве.

Напротив, маленькая, мощная, торжествующая группа якобинцев, которая, поняв, как занять хорошие места, намерена остаться там любой ценой.42152 Около десяти часов утра Камбасерес, председатель Комитета общественной безопасности, входит в его зал в Павильоне равноправия. Это крупный, осторожный и проницательный человек, который впоследствии станет архиканцлером империи и прославится своими эпикурейскими изобретениями и другими своеобразными вкусами, возрожденными из античности. Едва

усевшись в кресло, он приказывает поставить на каминный очаг обильный *pat-au-feu*, а на стол - "прекрасное вино и прекрасный белый хлеб; три предмета, - говорит один из гостей, - которых не найти больше нигде во всем Париже". Между двенадцатью и двумя часами в комнату по очереди входят его коллеги, берут тарелку супа и кусок мяса, глотают вино, а затем отправляются каждый к своему бюро, чтобы принять своих сотрапезников, дать одному конторку, заставить другого расплатиться, заботясь все время о своих особых интересах. В данный момент, особенно к концу Конвента, нет никаких общественных интересов, все интересы частные и личные... Тем временем заместитель по провизии, Ру де ла Верхняя Марна, неподкупный бенедиктинец, в прошлом террорист в провинции, впоследствии протеже и сотрудник Фуше, с которым он будет связан в департаменте полиции, сдерживает толпу женщин, которые ежедневно приходят в Тюильри, чтобы попросить на хлеб. Он хорошо приспособлен для этой работы: высокий, круглолицый, декоративный, с энергичными легкими. Он занял свой пост в правильном месте, на чердаке дворца, на вершине длинной, узкой и крутой лестницы, так что вереница женщин, растянувшаяся между двумя стенами, сгрудившись одна над другой, обязательно становится неподвижной. За исключением двух-трех человек, стоящих впереди, ни у кого нет свободных рук, чтобы схватить агитатора за горло и закрыть ораторский стоп-кран. Соответственно, он может безнаказанно и неограниченно долго изрекать свои тирады. Однажды его звучный треп беспрерывно разносится от верха до низа лестницы, с девяти утра до пяти вечера. Под таким напором слушатели устают и в конце концов расходятся по домам. Около девяти или десяти часов вечера Комитет общественной безопасности собирается вновь, но не для того, чтобы обсуждать дела. Дантон и Ла Ревельер напрасно проповедуют; каждый из них слишком эгоистичен и слишком изможден; они позволяют ослабить поводья Камбасересу. Что касается его самого, то он предпочел бы молчать и больше не тащить телегу; но есть две необходимые вещи, которые он должен обеспечить под страхом смерти: "Не получится, - говорит он жалобным тоном, - продолжать печатать по ночам ассигнации, которые нам нужны на следующий день. Если так будет продолжаться, *ma foi*, мы рискуем быть вздернутыми на фонаре... Пойдите и найдите Гурье-Элоя, поскольку он отвечает за финансы, и скажите ему, что мы просим его продержаться еще две недели или восемнадцать дней, когда исполнительная директория войдет и сделает все, что пожелает". "Но еды-то у нас хватит до завтра?

"Ага, не знаю... Пошлем за нашим коллегой Ру, он нам все объяснит". Входит Ру, официальный представитель, толстый, веселый укротитель популярной собаки. "Ну, Ру, как у нас обстоят дела со снабжением Парижа продовольствием?" "Снабжение, гражданин президент, столь же обильное, как и прежде, по две унции на голову, - по крайней мере, в большинстве секций". "Идите к дьяволу со своими обильными запасами! Вы нам головы оторвете!" Все молчат, ибо такая возможная развязка наводит их на размышления. Затем один из них восклицает: "Президент, а для нас приготовлена какая-нибудь закуска? После столь тяжелой многодневной работы нам нужно подкрепиться!" "Да, конечно; есть хороший телячий язык, большая чалма, большой кусок пирога и кое-что еще". Они развеселились, начали есть и пить шампанское и предаваться шуткам. Около одиннадцати или двенадцати часов приходят члены других комитетов; подписи под их различными постановлениями ставятся на доверии, без прочтения. Они, в свою очередь, садятся за стол, и конклав государевых животов переваривает пищу, не давая себе труда больше беспокоиться о миллионах пустых желудков.

4201 (возвращение)

[О других, более сложных функциях, таких как содержание дорог, каналов, гаваней, общественных зданий, освещение, чистота, гигиена, высшее среднее и начальное образование, больницы и другие приюты, охрана шоссе, пресечение грабежей и родственных преступлений, уничтожение волков и т. д, См. Rosquam, "Etat de la France au 18 Brumaire", и "Statistiques des Departements", опубликованные префектами с IX по XIII годы. Эти отрасли службы были почти полностью свергнуты; читатель увидит практические результаты их подавления в упомянутых документах].

4202 (возврат)

["Святой Иоанн де Кревекер", Робер де Кревекер, стр. 216. (Письмо госпожи де Гув, июль 1800 г.) "Мы ведем переговоры о выплате, по крайней мере, задолженности с 1789 г. за владения в Аррасе". (Месье де Гув и его сестры не эмигрировали, но в течение десяти лет не имели доходов от своего имущества)].

4203 (возврат)

[См. "Революция", т. I, 254-261, 311-352; т. II, 234-272].

4204 (возвращение)

[Ср. "Революция", т. II, 273-276].

4205 (возврат)

[Buchez et Roux, XXII., 178. (Речь Робеспьера в Конвенте, 2 декабря 1792 года.)-Mallet-Dupan, "Mémoires." I., 400. Примерно в тот же день "депутация от департамента Гард прямо требует сумму в двести пятьдесят миллионов в качестве компенсации земледельцам за зерно, которое она называет национальной собственностью" - "Эта страшная сумма в двести пятьдесят миллионов, добавляют они, является лишь фиктивным авансом, предоставляющим в распоряжение реальное и чисто национальное богатство, не принадлежащее в полной собственности ни одному отдельному члену общественного организма в большей степени, чем пагубные металлы, чеканящиеся в качестве текущей монеты"]].

4206 (возврат)

["Buchez et Roux", XXVI., 95. (Декларация прав, представленная в Якобинском клубе 21 апреля 1793 г.)].

4207 (возвращение)

[Декреты в каждой коммуне об установлении налога на богатых, чтобы сделать цену на хлеб пропорциональной заработной плате, а также в каждом крупном городе о создании армии платных санкюлотов, которые будут держать аристократов под пиками, 5-7 апреля. Декрет о принудительном займе миллиарда у богатых, 20-25 мая. (Речь Шарля, 27 марта.- Горсас,

"Courrier des Départements", № за 15 мая 1793 года. (Речь Симона в клубе в Анси.) - Речь Гуффруа в Шартре, Шалье и его соратников в Лионе и т. д.].

4208 (возврат)

[Отчет министра Клавиера, 1 февраля 1793 г., с. 27. Ср. отчет мсье де Монтескью, 9 сентября 1791 г., с. 47. "За первые двадцать шесть месяцев революции налоги принесли на триста пятьдесят шесть миллионов меньше, чем они должны были бы поступить естественным путем". Такой же дефицит наблюдается в поступлениях городов, особенно в связи с отменой октрои. Париж по этой статье теряет десять миллионов в год].

4209 (возврат)

[Доклад Камбона, Плювиоза 3, год III. "Революция и война обошлись за четыре года в пять тысяч триста пятьдесят миллионов сверх обычных расходов". (Камбон в своих оценках намеренно преувеличивает обычные расходы монархии. Согласно бюджету Неккера, расходы в 1759 году составляли пятьсот тридцать один миллион, а не семьсот миллионов, как утверждает Камбон. Это увеличивает расходы на революцию и войну до семи тысяч ста двадцати одного миллиона за четыре с половиной года, а значит, до тысячи пятисот восьмидесяти одного миллиона в год, то есть втрое больше обычных расходов). Таким образом, расходы городов преувеличены, как и расходы государства, и по тем же причинам].

4210 (возврат)

[Schmidt, "Pariser Zustände", I. 93, 96. "В первой половине 1789 года в национальных мастерских на Монмартре работало семнадцать тысяч человек за двадцать су в день. В 1790 году их было девятнадцать тысяч. В 1791 году - тридцать одна тысяча, стоимостью шестьдесят тысяч франков в день. В 1790 году государство тратит семьдесят пять миллионов на поддержание цены на хлеб в Париже на уровне одиннадцати су за четыре фунта.-Там же, 113. В течение первых шести месяцев 1793 года государство платит парижским булочникам около семидесяти пяти тысяч франков в день, чтобы поддерживать хлеб на уровне трех су за фунт].

4211 (обратно)

[Там же, I., 139-144].

4212 (обратно)

[Декрет от 27 сентября 1790 г.. "Тираж ассигнаций не должен превышать одного миллиарда двухсот миллионов..... Уплаченные ассигнации должны быть уничтожены, и не должно быть другого их создания или эмиссии без декрета Законодательного корпуса, всегда с тем условием, чтобы они не превышали стоимости национальных владений и не получали обращения свыше одного миллиарда двухсот миллионов"].

4213 (возврат)

[Шмидт, там же, I., 104, 138, 144].

4214 (обратно)

[Felix Rocquam, "L'Etat de la France au 18 Brumaire", p.240. (Отчет Лакуэ, год IX.- Отчеты префектов при консульстве (отчеты Лаумона, префекта Нижнего Рейна, год X.; Койшена, префекта Мозеля, год XI. и т.д.)- Шмидт, "Pariser Zustände", III., 205. ("Процентная ставка во время революции составляла от четырех до пяти процентов в месяц; в 1796 году - от шести до восьми процентов в месяц, самая низкая ставка - два процента в месяц с обеспечением")].

4215 (возврат)

[Артур Янг, "Путешествие во Францию", II., 360. (фр. перевод) "Я считаю Бордо более богатым и торговым, чем любой город в Англии, кроме Лондона"].

4216 (обратно)

[Там же, II., 357. Статистика экспорта во Франции в 1787 году дает триста сорок девять миллионов, а импорта - триста сорок миллионов (за вычетом Лотарингии, Эльзаса, трех Эвекийских провинций и Вест-Индии) - Там же, 360. В 1786 году импорт из Вест-Индии составил сто семьдесят четыре миллиона, из которых Сен-Доминго предоставил сто тридцать один миллион; экспорт в Вест-Индию - шестьдесят четыре миллиона, из которых Сен-Доминго имел сорок четыре миллиона. Эти обмены осуществлялись пятьюстами шестьюдесятью девятью судами на сто шестьдесят две тысячи тонн, из которых Бордо предоставил двести сорок шесть судов на семьдесят пять тысяч тонн. - О разорении мануфактур см. отчеты префектов за X год, с подробностями от каждого департамента. - Артур Янг (II., 444) утверждает, что революция затронула мануфактуры серьезнее, чем любую другую отрасль промышленности].

4217 (возврат)

[Отчеты префектов. (Орме, год IX.) "Скупщики спекулировали на прибылях и исчерпали свои ресурсы. Многие из них уничтожили все плантации, все ограждения и даже фруктовые деревья" - Феликс Роккам, там же, 116. (Отчет Фуркруа о Бретани.) "Состояние сельских строений повсюду требует значительного капитала. Но никаких авансов, основанных на каком-либо прочном положении вещей, не может быть сделано." - Там же, 236. (Отчет Лакуэ о департаментах вокруг Парижа.) "Сомнительные владельцы национальных владений плохо обрабатывают землю и в значительной степени приводят ее в упадок"].

4218 (возвращение)

[Отчеты префектов, годы X. и XI. В целом, разделение общинных владений имело катастрофические последствия, особенно пастбищ и горных угодий. - (Дуб.) "Разделение общинной собственности способствовало во всех коммунах скорее полному разорению бедняков, чем какому-либо улучшению их участи." - (Лозер.) "Разделение общинной собственности по закону от 10 июня 1792 года оказалось очень вредным для земледелия." Эти разделы были многочисленными. (Мозель.) "Из шестисот восьмидесяти шести коммун сто семь разделились per capitum, пятьсот семьдесят девять - по семьям, а сто девятнадцать остались нетронутыми"].

4219 (возврат)

[Там же. (Мозель.) Рождаемость в 1792 году значительно увеличивается. "Но это исключительный год. Всевозможные злоупотребления, бумажные деньги, неуплата налогов и претензий, разделение на коммуны, продажа за бесценок национальных владений, настолько распространили комфорт среди народа, что бедные классы, наиболее многочисленные, не боялись увеличивать свои семьи, которым они надеются когда-нибудь оставить свои поля и сделать их счастливыми"]].

4220 (обратно)

[Малле-Дюпан, "Записки", II., 29. (1 февраля 1794 г.) "Поздний урожай во Франции был в целом хорошим, а в некоторых провинциях он превысил средний... Я видел отчеты двух деклараций, составленных в двадцати семи департаментах; они заявляют об избытке в пятнадцать, двадцать, тридцать и тридцать пять тысяч бушелей зерна. Настоящего дефицита нет"]].

4221 (возврат)

[Schmidt, *ibid.*, I., 110, и следующие страницы.-Buche et Roux, XX., 416. (Речи Лекинио, 27 ноября 1792 г.)-Moniteur, XVII., 2. (Письмо Клемана, Пюи-де-Дом, 15 июня 1793 г.) "Последние пятнадцать дней хлеб стоил шестнадцать и восемнадцать су за фунт. В наших горах царит страшнейшее бедствие. Правительство распределяет одну восьмую часть бушеля на каждого человека, и все вынуждены ждать своей очереди два дня. Одна женщина была задушена, несколько ранены"]].

4222 (возврат)

[Ср. "La Revolution", I., 208; II., 294, 205, 230.-Buche et Roux, XX., 431. (Отчет Лекуанта-Пюиро, 30 ноября 1792 г.) (Толпы в четыре, пять и шесть тысяч человек в департаментах Эвр-и-Луар, Эвр, Орме, Кальвадос, Индр-и-Луар, Луарэ и Сартэ снижают цены на продукты. Трем делегатам Конвента, настроенным вмешаться, жизнь была спасена только при условии объявления продиктованного им тарифа" - Там же, 409. (Письмо Ролана, 27 ноября 1792 г.)-XXI., 198. (Другое письмо Ролана, 6 декабря 1792 г.) "Все конвои остановлены в Лисси, ла Ферте, Милане, ла Ферте-су-Жуарре... Повозки с пшеницей, идущие в Париж, были вынуждены вернуться назад у Лонжюмо и у Мо"]].

4223 (возврат)

[Archives Nationales, F. 7, 3265. (Письмо Давида, земледельца и администратора департамента Сена-Инферьер, 11 октября 1792 г.; письмо специального комитета Руана, 22 октября; письмо делегатов исполнительной власти, 20 октября и т.д.) "Сообщения со всех концов утверждают, что крестьяне, которые ездят на рынок, считаются и обращаются в своих приходах как аристократы..... Каждый департамент держится сам за себя: они взаимно отталкивают друг друга"]].

4224 ([возврат](#))

[Buchez et Roux, XX., 409. (Письмо Ролана, 271 ноября 1792 г.) "Оборот зерна долгое время наталкивался на величайшие препятствия; едва ли кто из граждан осмелится теперь заниматься этим делом."-Там же, 417. (Речь Лекинио.) "Монополия на пшеницу землевладельцев и фермеров почти повсеместна. Причиной этого является страх..... И откуда берется этот страх? От всеобщего возбуждения и угроз, а также от плохого обращения во многих местах с фермерами, землевладельцами и торговцами пшеницей, известными как бладиеры" - Декреты от 16 сентября 1792 года и 4 мая 1793 года].

4225 ([возврат](#))

[Buchez et Roux, XIX. (Доклад Камбона, 22 сентября 1792 г.) "Налоги больше не поступают в государственную казну, поскольку используются для закупки зерна в департаментах". Там же, XIX, 29. (Речь Камбона, 12 октября 1792 г.) "Вы можете засвидетельствовать в своих департаментах, на какие жертвы вынуждены идти зажиточные люди, чтобы помочь бедному классу. Во многих городах были введены дополнительные налоги на покупку зерна и на тысячу других полезных мер"]].

4226 ([возврат](#))

[Buchez et Roux, XX., 409. (Письмо Ролана, 29 ноября 1792 г.)-XXI., 199. (Дебаты временного исполнительного совета, 3 сентября 1792 г.)-Dauban, "La Demagogie en 1793", p. 64. (Дневник, который вел Болье.) Ibid., 152.)].

4227 ([возврат](#))

[Schmidt, I., 110-130.- Декреты против экспорта монеты или слитков, 5 и 15 сентября 1792 г. Декрет об акциях или облигациях на предъявителя, 14 августа 1792 г.].

4228 ([возврат](#))

[Сегодня мы могли бы назвать это настроение желанием приобретать и удерживать. (Sentiment of acquisition). (SR.)]

4229 ([обратно](#))

[Замечание Тейна в сноске. (SR.)].

4230 ([возврат](#))

[Archives Nationales, D., 55, I., file 2. (Письмо Жоффруа, национального агента в округе Барсюр-Об, Жерминаль 5, год III). "Большинство крестьян, чтобы избежать реквизиции, продали своих лошадей и заменили их волами" - воспоминания (в мс) мсье Дюфора де Шеверни (переданы мсье Робером де Кревекером). В июне 1793 года "реквизиции сыплются как град, каждую 1600 неделю, на пшеницу, сено, солому, овес и т.д.", все по ценам, установленным подрядчиками, которые делают вычеты, откладывают и платят с трудом. Затем приходят требования на свиней. "Это лишало всех деревенских жителей того, на что они жили". Так как по реквизициям требовались живые свиньи, наступил свиной день святого Варфоломея.

Каждый убивал свою свинью и засаливал ее". (Окрестности Блуа.) Что касается отказа от сбора урожая, см. далее.-Даубан, "Париж в 1794 году", стр. 229. (Вентос 24, общие распоряжения Анрио.) "Гражданин Гийон, дежуривший у стен, с горечью увидел, что горожане срезают пшеницу, чтобы кормить ею кроликов"]].

4231 (возвращение)

[Декрет от 23 мессидора II года об объединении с национальным достоянием имущества и обязательств больниц и других благотворительных учреждений. (См. отчеты префектов о действии этого закона, о разорении госпиталей, о бедствиях больных, подкидышей и немощных, с IX по XIII год) - Указы от 8 и 12 августа 1793 года и 24 июля 1794 года об академиях и литературных обществах - Указ от 24 августа 1793 года, Р 29, об имуществе и обязательствах коммун].

4232 (возврат)

[Шмидт, I., 144. (Два миллиарда 27 сентября 1793 г.; один миллиард четыреста миллионов 19 июня 1794 г.) - Декрет от 24 августа, 13 сентября 1793 г. о конвертации титулов и формировании Большой книги.- Декреты от 31 июля, 30 августа и 5 сентября о вызове ассигнатов à face royale.- Декреты от 1 августа и 5 сентября 1793 г. об отказе в принятии ассигнатов по номиналу].

4233 (возврат)

[Archives Nationales, F.7, 4421. (Документы о революционных налогах, организованных в Труа, 11 брюмера II года). Налогом облагаются триста семьдесят три человека, в первую очередь промышленники, купцы и землевладельцы; минимальная сумма налога составляет сто франков, максимальная - пятьдесят тысяч франков, общая сумма - один миллион семьсот шестьдесят две тысячи семьсот франков. Семьдесят шесть петиций, приложенных к бумагам, точно показывают положение дел в торговле, мануфактуре и собственности, состояние состояния и кредита высшего и низшего буржуазного класса].

4234 (возврат)

[Малле-Дюпан, "Mémoires", II., 17. "Я видел тридцать второй список эмигрантов в Марселе, только тех, чье имущество было конфисковано и продано; их двенадцать тысяч, и списки не были закончены" - Отчеты префектов. (Вар. по Фанше, год IX.) "Эмиграция 1793 года выбросила в Ливорно и на все итальянское побережье очень большое число марсельских и тулонских торговцев. Эти люди, в целом трудолюбивые, основали (там) более ста шестидесяти мыловаренных заводов и открыли рынок для масла этого региона. Это событие можно сравнить с отменой Нантского эдикта."- См. отчеты по департаментам Рона, Ауд, Лот и Гаронна, Нижние Пиренеи, Орме и т. д.].

4235 (возвращение)

["Archives des Affaires Étrangères", vol. 332. (Письмо Дегранжа, Бордо, 12 брюмера, год II.) "Здесь никто не говорит о торговле больше, чем если бы ее никогда не было"]].

4236 (обратно)

[Dr. Jaïn, "Choix de documents et lettres privées trouvées dans des papiers de famille", p.144. (Письмо Гедеона Жайна, банкира в Париже, 18 ноября 1793 г.) "Дела, которые ведутся с трудом и большим риском, приводят к частым и серьезным потерям, кредит и средства почти ничтожны"].

4237 (возврат)

[Archives Nationales, F.7, 2475. (Письма Тюлье, прокурора-синдика Парижского департамента, 7 и 10 сентября 1793 г. - Отчет члена секции Пике, 8 и 10 сентября 1793 г. - См. петиции торговцев и адвокатов, заключенных в тюрьмы Труа, Страсбурга, Бордо и т.д. - Archives Nationales, AF.,II., 271. Письмо Франкастеля: "В Нанте арестовано не менее трех тысяч аристократов-монополистов.... и это не последнее очищение"]].

4238 (возврат)

[Декреты от 4, 15, 19, 20 и 23 мая и от 30 августа 1793 г. Декреты от 26 июля, 15 августа, 11 сентября 1793 г. и 24 февраля 1794 г. Camille Boursier, "Essai sur la Terreur en Anjou", p. 254. (Письмо Буассара своему другу Максимилиану Робеспьеру, Аррас, Плювиоза 14, год II). "Мы умираем от голода посреди изобилия; я думаю, что торговую аристократию следует уничтожить, как дворян и священников. Только коммуна, с помощью склада продовольствия и товаров, должно быть позволено торговать". Эта идея, хорошо проведенная в жизнь, может быть осуществлена; тогда выгоды торговли обратятся к выгоде Республики, то есть к выгоде покупателя и продавца"]].

4239 (возврат)

[Archives Nationales, AF., II., 49. (Документы о взимании революционных налогов, Бельфор, 30 брюмера, год II.) "Вернер-старший, облагаемый налогом в десять тысяч ливров за то, что утаил товары, переданные ему на хранение сестрой, чтобы спасти их от предстоящего налогообложения". Campardon I., 292. (Решения революционной комиссии в Страсбурге.) - "Старший служащий аптекарского магазина Хехта обвиняется в продаже двух унций ревеня и манной крупы по пятьдесят четыре су; владелец Хехт приговорен к штрафу в пятнадцать тысяч ливров. Мадлен Мейер, торговка из Росхайма, обвиняется в продаже свечи за десять су и приговаривается к штрафу в тысячу ливров, который должен быть выплачен через три дня. Браун, мясник и бармен, обвиненный в продаже стакана вина за двадцать су, приговорен к штрафу в сорок тысяч франков, заключению в тюрьму до его уплаты и выставлению в столбе перед собственным домом в течение четырех часов с надписью: "Дебетор национальной валюты"". "Мари Урсуле Шнеллен и Мари Шульцман, служанка, обвиняются в монополизации молока. Первая приговаривается к столбу на один день под плакатом, монополист молока, и держать в одной руке деньги, а в другой - молочный горшок; вторая - служанка у гражданина Беннера. ...он, упомянутый Беннер, приговаривается к штрафу в триста ливров, который должен быть уплачен через три дня" - "Дороти Франц, осужденная за то, что продала две головы салата по двадцать су и тем самым обесценила стоимость ассигнатов, приговаривается к штрафу в три тысячи ливров, тюремному заключению на шесть недель и двухчасовой выдержке в столбе" - Там же, I., 18. "Бакалейщик, обвиненный в том, что продавал сахарный песок по цене ниже установленной, хотя и не

включенный в список, приговаривается к штрафу в сто тысяч ливров и тюремному заключению до объявления мира" - постановления Сен-Жюста и Лебаса, Нивозе 3, год II. "Уголовному суду департамента Нижний Рейн предписано разрушить дом любого, кто осужден за то, что продавал товары ниже норм, установленных максимумом", следовательно, дом некоего Шауэра, меховщика, снесен, Нивозе 7].

4240 (возврат)

["Archives des Affaires Étrangères", vol. 322. (Письмо Гаупта, Бельфор, 3-е брюмера, год II.) "По прибытии сюда я обнаружил, что закон максимума обнародован и действует... (но) не были приняты необходимые меры, чтобы предотвратить новую монополию деревенских жителей, которые стекаются в лавки торговцев, уносят все их товары и создают мнимый дефицит"]].

4241 (возврат)

[Archives Nationales, F.7, 4421. (Петиции купцов и владельцев магазинов в Труа по поводу революционного налога, особенно шляпников, производителей льна, хлопка и шерсти, ткачей и бакалейщиков. Как правило, речь идет о потере половины, а иногда и трех четвертей покупных денег)].

4242 (возврат)

["Archives des Affaires étrangères", vol.330. (Письмо Брута, Марсель, Nivose 6, год II.) "С тех пор, как в Марселе наступила максима, в нем не хватает всего."-Там же. (Письмо Солины и Госсе, Тионвиль, Нивозе 5, год II.) "Ни один крестьянин не хочет ничего везти на рынок... Они уходят за шесть лье, чтобы получить лучшую цену, и поэтому коммуны, которые они когда-то снабжали, голодают... В зависимости от того, чем им платят - специями или цессионариями, разница часто составляет двести процентов, а почти всегда - сто процентов" - "Un Sejour en France", pp. 188-189.-Archives Nationales, D.. P I., файл 2. (Письмо представителя Альбера, Жерминаль 19, год II., и Жоффруа, национального агента, округ Бар-сюр-Об, Жерминаль 5, год III. "Муниципалитеты всегда освобождали себя от реквизиций, которые ложатся на крестьян и собственников, не способных их удовлетворить..... Распределение между налогоплательщиками производится с самым отвратительным неравенством..... Пристрастность через родственные и дружеские связи"]].

4243 (возврат)

[Декреты от 29 сентября 1793 г. (статьи 8 и 9); от 4 и 20 мая и 26 июня 1794 г. -Archives Nationales, AF., II., 68-72. (Приказ Комитета общественной безопасности, 26 прериаля II года) "Лошади и повозки торговцев углем, водителей, привыкших по закону доставлять в Париж часть угля, используемого в пекарнях департамента Сена-и-Марна, призываются до 1 брюмера следующего года для перевозки угля в Париж. В течение этого времени они не могут быть призваны ни на какую другую службу". (В этих папках можно найти множество приказов, касающихся провизии и предметов первой необходимости, в основном написанных рукой Робера Линдета)].

4244 ([возврат](#))

[Ср. "Революция", II., 69.- Дюбан, "Париж в 1794 году". (Отчет Пувуайе, 15 марта 1794 г.) "Уже давно распространилось сообщение, что все старики должны быть убиты; нет ни одного места, где бы не произносилась эта ложь"].

4245 ([возврат](#))

[Archives Nationales, F.7, 4435, file 10, письма Колло д'Эрбуа, 17 и 19 брюмера, год II.-De Martel, "Fouché", 340, 341. Письма Колло д'Эрбуа от 7 и 9 ноября 1793 г.].

4246 ([возвращение](#))

[Де Мартель, там же, 462. (Прокламация Жавогеса, Плювиоза 13, год II.)].

4247 ([возврат](#))

[Archives des Affaires étrangères, vol. 330. (Письмо Брута, политического агента, Нивозе 6.)].

4248 ([возврат](#))

[Archives Nationales, AF., II., 116. (Приказы Тайлефера и Марата-Валетта, а также заседания Директории Лота, 20 брюмера, год II.)].

4249 ([возврат](#))

["Archives des Affaires étrangères", vol. 331. (Письмо агента Бертрана, 3-й фримар.)].

4250 ([возврат](#))

[Там же, т. 1332 (письмо агента Шепи, Брюмер 2.)].

4251 ([возврат](#))

[Там же, т. 1411. (Письмо Блессмана и Хаузера, 30 брюмера.)] - Там же. (Письмо Гаупта в Бельфор, 29 брюмера.) "Я считаю, что здесь следует последовать совету Марата и воздвигнуть сто эшафотов; здесь не хватает гильотин, чтобы отрубить головы монополистам. Я сделаю все возможное, чтобы иметь удовольствие видеть, как один из этих проклятых ублюдков играет в горячие петушки"].

4252 ([обратно](#))

[Там же, т. 333 (Письмо Гаррига, Плювиоза 16.)].

4253 ([обратно](#))

["Souvenirs et Journal d'un Bourgeois d'Evreux", pp.83-85. (Июнь и июль 1794 г.)-Там же, в Нанте.-Добан, "Paris en 1794", p.194, 4 марта].

4254 ([возврат](#))

["Archives des Affaires étrangères", vols. 331 and 332. (Письма Дегранжа, фр. 3, 8 и 10). "Многие крестьяне не ели хлеба в течение двух недель. Большинство из них больше не работает". Buchez et Roux, XVIII., 346. (Заседание конвента, 14 брюмера, речь Лежандра)].

4255 ([обратно](#))

["Moniteur", xix., 671. (Речь Тальена, 12 марта 1794 г.) Buchez et Roux, XXXII., 423. (Письмо Жюльена, 15 июня 1794 г.)].

4256 ([возврат](#))

[Archives Nationales, AF., II., 111. (Письма Мишо, Шатору, Плювиозе 18 и 19, год II.)].

4257 ([возврат](#))

[Dauban, "Paris en 1794", 410, 492, 498. (Письма от национального агента округа Санкуан, термидор 9, год II; от Директории Алье, термидор 9; от национального агента округа Виллефор, термидор 9.)- Гувернер Моррис, 10 апреля 1794 года, сообщает в письме в Вашингтон, что голод во многих местах чрезвычайно силен. Люди действительно умирают от голода, у которых есть средства, чтобы купить хлеб, если бы они только могли его достать].

4258 ([возврат](#))

[Volney, "Voyage en Orient", II., 344. "Когда Константинополю не хватает продовольствия, двадцать провинций голодают, чтобы его обеспечить"].

4259 ([возврат](#))

["Archives Nationales", AF., II, 46, 68. (Декрет комитета общественной безопасности.) Казначейство выплачивает городу Парижу на пропитание 2 августа 1793 года два миллиона, 14 августа, три и 2 сентября по одному миллиону, 8, 16 и 23 сентября по одному миллиону и так далее..... Между 7 августа 1793 г. и 9 сентября II года казна выплатила Парижу тридцать один миллион].

4260 ([возврат](#))

[Там же, AF., II., 68. Декреты от 14 брюмера, 7 нивоза и 22 герминала о департаментах, назначенных для снабжения Парижа. Buchez et Roux, XXVIII., 489. (Речь Дантона в Якобинском клубе, 28 августа 1793 г.) "Я постоянно утверждал, что необходимо отдать все мэру Парижа, если он требует этого, чтобы прокормить его жителей. ... Давайте пожертвуем стадесятью миллионами и спасем Париж, а через него и Республику"].

4261 ([возврат](#))

["Archives des Affaires étrangères", vols. 1410 and 1411. Отчеты за 20 и 21 июня 1793 года, 21,

22, 28, 29 и 31 июля, а также за каждый день августа и сентября 1793 года. Schmidt, "Tableaux de la Revolution Française", vol. II., passim-Dauban, "Paris in 1794," (особенно по Ventôse, year II.).-Archives Nationales, F.7, 31167. (Отчеты для Nivôse, год II.).

4262 ([возврат](#))

[Dauban, "Paris en 1794," (Отчет о Ventôse 2.)].

4263 ([возврат](#))

[Mercier, "Paris Pendant la Revolution", I., 355].

4264 ([возврат](#))

[Archives des Affaires étrangères, 141 I. (Отчеты за 1 и 2 августа 1763 г.) "В час ночи мы с удивлением обнаружили, что мужчины и женщины лежат вдоль стен домов, терпеливо ожидая открытия магазинов."- Dauban, 231. (Отчет Ventôse 24.) Чтобы получить огни свиньи на бойне возле Жарден де Планта по цене три франка десять су, а не тридцать су, как раньше, женщины "ложились на землю с маленькими корзинками на боку и ждали по четыре и пять часов"].

4265 ([возврат](#))

[Archives Nationales, F.7, 31167. (Отчеты Нивоза 9 и 28.) "Улицы Парижа всегда отвратительны; они, конечно, боятся пользоваться этими метлами". Dauban, 120. (Ventôse 9.) "Улица Святой Анны завалена навозом. В той ее части, что возле улицы Лувуа, кучи этого навоза тянутся вдоль стен вот уже две недели"].

4266 ([возврат](#))

[Archives des Affaires étrangères, vol.1411. (Отчеты от 9 августа 1793 г.) Mercier, I., 353.- Dauban, 530. (Отчеты от 27 фруктидора, год II. "На угольных складах всегда происходят большие сборища. Они начинаются в полночь, в час, в два часа ночи. Многие из обитателей пользуются безвестностью и совершают всевозможные непристойности"].

4267 ([обратно](#))

[Schmidt, "Tableaux de la Revolution Française", II., 155. (Отчеты Ventôse 25.)-Dauban, 188. (Отчеты о Вентосе 19.)-Там же, (Отчеты о Вентосе 2.)-Там же, 126. (Отчеты о Вентозе 10.)- Archives Nationales, F. 7, 31167. (Отчеты Nivôse 28, год II.) Женщины "осуждают мясников и продавцов свинины, которые не обращают внимания на максимальный закон, отдавая беднякам только самое плохое мясо". Там же, (Отчеты о Нивосе 6.) "Страшно смотреть, что мясники дают людям"].

4268 ([возвращение](#))

[Мерсье, 363. "Женщины изо всех сил боролись с мужчинами и приобрели привычку ругаться. Последние в ряду знали, как червить себя до самой головы". Buchez et Roux, XXVIII.,

364. ("Journal de la Montagne", 28 июля 1793 года. "Один горожанин был убит в воскресенье, 21 июля, одним из Гравилье (клуб) при попытке удержать шестифунтовую буханку хлеба, которую он только что добыл для себя и семьи. Другой получил порез руки в тот же день на улице Фроид-Манто. Беременная женщина была ранена, и ее ребенок умер в ее утробе"].

4269 ([возврат](#))

[Archives des Affaires étrangères, vol.1410. (Отчеты от 6 и 7 августа 1793 г.)].

4270 ([возврат](#))

[Dauban, 144. (Отчеты Ventôse 19.)].

4271 ([возврат](#))

[Dauban, 199. (Отчеты Вентоза 19.)-Dauban, "La Demagogie en 1793", p. 470. "Едва крестьяне прибыли на место, как на них напали гарпии в женских одеждах и унесли их товары..... Вчера одного крестьянина избили за то, что он хотел продать свою еду по "максимальной" цене". (19 октября 1793 года.)-Dauban, "Paris en 1794," 144, 173, 199. (Отчеты Вентоза 13, 17 и 19.)-Архив иностранных дел, т. 1410. (Отчеты от 26 и 27 июня 1793 г.) Повозки и лодки разграблены ради свечей и мыла].

4272 ([возврат](#))

[Dauban, 45. (Reports of Pluviôse 17.) 222. (Отчеты Вентоза 23.)-160. (Отчеты Ventôse 15.)-340. (Отчеты Жерминаля 28.)-87. (Отчеты Вентоза 5.)].

4273 ([возврат](#))

[Archives Nationales, AF., II., 116. (Ордер Паганеля, Кастр, Плювиозы 6 и 7, год II. "Меры, принятые для получения возврата продовольствия, не соответствовали объекту..... Сделанные заявления либо ложны, либо неточны"). См. подробнее переписку других представителей миссии: Dauban, "Paris en 1794". 190. (Речь Фукье-Тинвиля в Конвенте, Ventôse 19.) "Мэр Пон-Сент-Максанса осмелился сказать, что "когда Париж пришлет нам сахар, мы тогда посмотрим, как позволить ей иметь наши яйца и масло""].

4274 ([возврат](#))

[Archives des Affaires étrangères, vol. 1411. (Отчеты от 7 и 8 августа 1793 г.) "Семь тысяч пятьсот фунтов хлеба, который собирались вывезти, были остановлены у шлагбаумов."-Даубан, 45. (Приказы дня. Pluviôse 17.) Фонари установлены на всех постах, "особенно у ла Грeve и Пасси, чтобы освещать реку и следить, чтобы никакие съестные припасы не проходили снаружи."-Мерсье, I., 355.-Даубан, 181. (Отчеты Ventôse 18.)-210. (Отчеты Ventôse 21.)-190. Речь Фукье, Вентоз 19.) "Парижские мясники, которые не могут продавать мясо по максимальной цене, везут его в Севр и продают по любой цене. "-257. (Сообщения Ventôse 27.) "Вы видите, как около десяти часов вечера аристократы и другие эгоисты приходят к

торговцам, снабжающим особняк Эгалите (герцога Орлеанского), и покупают кур и индеек, которых они тщательно прячут под своими шинелями"]].

4275 ([возвращение](#))

[Dauban, 255. (Распоряжения дня от Анрио, Ventôse 27.) "Я вынужден просить моих братьев по оружию не брать никаких пайков. Это небольшое лишение заставит замолчать злопыхателей, которые ищут любой возможности смирить нас" - Там же, 359. "29 флореаля, между пятью и шестью часами утра, патруль из примерно пятнадцати человек из секции Бонне-Руж, которым командовал своего рода комиссар, останавливает пайки на Орлеанской дороге и забирает их в свою секцию"]].

4276 ([возвращение](#))

[Dauban, 341. (Письмо комиссара по снабжению, Germinal 23.) "Припасы крадут на глазах у людей, или то, что они получают, низкого качества". Комиссар удивлен тем, что, предоставив так много, до потребителей доходит так мало].

4277 ([возврат](#))

[Archives des Affaires étrangères, vol.1411. (Отчеты от 11-12 и 31 августа и 1 сентября 1793 г.) - Archives Nationales, F. 7, 31167.) (Отчеты Нивоса от 7 и 12 августа II года)].

4278 ([возврат](#))

[Dauban, "Paris" en 1794, 60, 68, 69, 71, 82, 93, 216, 231.- Schmidt, "Tableaux de Paris", 187, 190.- Archives Nationales, F. 7, 31167. (Отчет Лехаривеля, Nivôse 7.)- Оружейники, нанятые правительством, также заявляют, что у них уже долгое время нет ничего, кроме хлеба и сыра].

4279 ([возвращение](#))

[Dauban, 231. (Отчет Перьера, Ventôse 24.) "Масло, из которого они делают бога"]].

4280 ([обратно](#))

[Там же, 68 (отчет Ventôse 2.)].

4281 ([возврат](#))

[Archives Nationales, F.7, 31167. (Отчет Нивоза 28.)-Даубан, 144. (Отчет Нивоза 14.)]

4282 ([возврат](#))

[Dauban, 81. (Отчет Латур-Ламонтань, Ventôse 4.)].

4283 ([возврат](#))

["Souvenirs et Journal d'un Bourgeois d'Evreux", 83. "В пятницу, 15 июня 1794 года, объявляется, что все, у кого в домах есть провизия, пшеница, ячмень, рожь, мука и даже хлеб, должны объявить об этом в течение двадцати четырех часов под страхом того, что их сочтут врагами страны, объявят "подозреваемыми", посадят под арест и будут судить по суду" - Schmidt, "Tableaux de la Revolution Française", II. 214. В Пасси конфискованы две свиньи, сорок фунтов масла, шесть бушелей бобов и т. д. в доме гражданина Люсе, который поставил припасы для шестнадцати человек своего собственного семейства].

4284 ([возврат](#))

[Archives Nationales, AF., II., 68. Приказ Комитета общественной безопасности, Плювиоза 23, ссылающийся на закон 25 брюмера, запрещающий извлекать из квинтала муки более пятнадцати фунтов отрубей. Приказ, предписывающий убрать болтеры из пекарен и мельниц; тот, кто хранит или прячет их на своей территории, "будет рассматриваться как "подозреваемый" и подвергнут аресту до объявления мира" - Berryat Saint Prix, 357, 362. В Тулузе три человека приговорены к смерти за монополию. В Монпелье булочник, два торговца и купец гильотинированы за то, что выставили счет, скрывали и хранили определенное количество пряников, предназначенных исключительно для потребления антиреволюционерами].

4285 ([возвращение](#))

["Un Séjour en France", (22 апреля 1794).

4286 ([обратно](#))

[Ludovic Sciout, IV., 236. (Прокламация представителей миссии в Финистерре.) "Народные магистраты говорят всем фермерам и владельцам земли, что их урожай принадлежит нации и что они являются просто ее хранителями". Archives Nationales, AF., II., 92. (Распоряжения Бо, представителя в Каутале, Плювиозе 8.) "Поскольку все граждане в республике образуют одну семью....., все те, кто отказывается помочь своим братьям и соседям под благовидным предлогом, что у них нет достаточных запасов, должны рассматриваться как "подозрительные" граждане"]].

4287 ([возврат](#))

["Archives Nationales", AF., II., 68. (Приказ Комитета общественной безопасности от 28 прериаля.) Максимальная цена - четырнадцать франков за квинтал; после 30 мессидора она не должна превышать одиннадцати франков].

4288 ([возврат](#))

[Там же, AF., II., 116 и 106, приказы Паганеля, Кастр, Плювиоз 6 и 7. Приказы Дартигойта, Флореаль 23, 25 и 29].

4289 (возвращение)

[Ibid., AF., II., 147. (Ордена Мейне, Авиньон, Прериаль 2.)].

4290 (возврат)

[Moniteur, XXIII., 397 (Речь Дюбуа-Крансе, 5 мая 1795 г.) "Комитет по торговле (и поставкам) имел на службе тридцать пять тысяч служащих"].

4291 (возврат)

[Archives Nationales, AF., II., 68. (Приказы Комитета общественной безопасности, Прайриал 28.) Декрет Мессидора 8, год II. "Все виды зерна и сена нынешнего урожая требуются правительству". Производится новая оценка, каждый крестьянин обязан указать количество своего урожая; проверка, конфискация в случае недостоверных деклараций и приказ о выбивании снопов.- Dauban, 490. (Письмо национального агента Виллефора, 19 термидора.) Расчеты и рассуждения крестьян с целью избежать посева и посадки: "Не столько из-за недостатка рук, сколько для того, чтобы не разорить себя посевом и выращиванием дорогостоящей культуры, которая, по их словам, приносит им малую прибыль при продаже зерна по столь низкой цене". Archives Nationales, AF., II. 106. (Письмо национального агента в Жерсе и Верхней Гаронне, Флореаль 25.) "Здесь говорят, что как только урожай будет собран, все зерно заберут, не оставив ничего на жизнь. Утверждают, что вся соленая провизия будет изъята, и земледельцы будут подвергнуты ужасам голода"].

4292 (возврат)

["Moniteur", XXII., 21. (Речь Линде, 7 сентября 1794 г.) "Мы давно опасались, что земля не будет обрабатываться, что луга будут покрыты скотом, пока владельцы и фермеры будут находиться в тюрьме". Archives Nationales, D., P I, No. I. (Письмо из округа Бар-сюр-Сен, Ventôse 14, год III.) "Максимум" приводит к сокрытию зерна. Квитанции разоряют потребителей и доводят их до отчаяния. Сколько несчастных было арестовано, атаковано, конфисковано, оштрафовано и разорено за то, что они прошли пятнадцать или двадцать лиг, чтобы раздобыть зерно, которым можно было накормить своих жен и детей?"]

4293 (возвращение)

[AF., II., 106. (Циркуляр Дартигойта, Флореаль 25.) "Вы должны применить это правило, то есть сделать муниципальных чиновников ответственными за невозделывание земли". "Если кто-либо из граждан позволит себе другой сорт хлеба, отличный от того, который употребляют все земледельцы и рабочие коммуны, я передам его в суд вместе с муниципалитетом как первого виновника, допустившего это... Сократите, если нужно, три четверти хлеба, отпускаемого нетрудовым гражданам, потому что мускадины и мускарины: имеют ресурсы и, кроме того, ведут праздный образ жизни"].

4294 (возвращение)

[AF., II., III. (Письма Ферри, Бурж, Мессидор 23, своим "собратьям по народному клубу" и "горожанкам (женщинам) Индр-и-Шер")].

4295 (возврат)

["Moniteur", XXI., 171. (Письмо из Авиньона, мессидор 9, и письмо якобинцев из Арля)].

4296 (возврат)

[Moniteur, XXI., 184. (Декрет от мессидора 21.)].

4297 (обратно)

[Гувернер Моррис. (Переписка с Вашингтоном. Письма от 27 марта и 10 апреля 1794 г.) Он говорит, что нет никаких сведений о такой ранней весне. Рожь уже взошла, клевер цветет. Удивительно видеть в апреле абрикосы размером с голубиное яйцо. На юге, где голод наиболее силен, у него есть все основания полагать, что земля снабжает жителей продовольствием. Такой мороз, как в прошлом году в мае (1793), помог бы голодающим больше, чем все армии и флоты Европы"]].

4298 (возврат)

[Сталин должен был проверить систему и доказать правоту Тейна (СР.)].

4299 (обратно)

[Archives Nationales, AF., II., 73. (Письмо Директории Кальвадоса, прериаль 26, год III.) "У нас нет ни зерна пшеницы в запасе, а тюрьмы полны земледельцев". Archives Nationales, D., p. 1, file No.3. (Ордера на арест, выданные представителем Альбера, Плювиоза 19, год III., Жерминаль 7 и 16). О подробностях трудностей и неприятностей, связанных с реквизициями, см. это дело и пять предыдущих или последующих дел. (Письмо национального агента в округе Ножан-сюр-Сен, Жерминаль 13.) "Я вызвал в окружной суд большое число земледельцев и владельцев, которые имеют задолженность по реквизициям, предъявленным им соответствующими муниципалитетами..... Значительное большинство заявило, что они не в состоянии полностью выполнить свои обязательства, даже если бы у них отобрали семена. Суд постановил конфисковать указанное зерно со штрафом, равным стоимости требуемого количества. Теперь мой долг - исполнить приговор. Но я должен заметить вам, что если вы не уменьшите штраф, то многие из них будут доведены до отчаяния. Поэтому я жду вашего ответа, чтобы действовать соответствующим образом". (Другое письмо от того же агента, Жерминаль 9.) "Невозможно снабжать рынок Вилларсо; семь коммун, подвергшихся реквизиции, препятствуют этому через округ Созанн, который постоянно держит там вооруженный отряд, чтобы вывозить зерно, как только оно будет размолото."- Интересно отметить инквизиторскую сентиментальность официальных агентов и низкий уровень культуры. (Вербальный процесс муниципалитета Магинкур, Ventôse 7.) Разумеется, я вынужден исправить орфографию, чтобы сделать ее понятной. Упомянутый Круазе, жандарм, вместе с национальным агентом ходил по домам граждан, имеющих задолженность, и среди них никто не отказался, кроме Жана Мошена, которого мы не могли удержать от разговора против него, видя, что он всецело эгоист и хочет только для себя. Он заявил нам, что, если накануне уборки у него останется хоть немного, он поделится с нуждающимися горожанами...". Увы, да, как можно не заткнуть рот такому эгоисту, который хочет только для себя в ущерб своим согражданам? Доказательством тому служит то, что он

кормит в своем доме трех собак, не менее ста пятидесяти кур и даже голубей, на что тратит много зерна, достаточного для того, чтобы помешать удовлетворению всех запросов. Он мог бы обойтись без собак, поскольку его двор огорожен, он мог бы также довольствоваться тридцатью курами и тогда смог бы удовлетворить все запросы". Этот документ подписан "Бертран, Аген". Мошен на основании этого документа заключен в тюрьму в Труа "за свой счет"].

42100 (возврат)

[Там же. Письмо из округа Бар-сюр-Сена, 14-й выпуск, год III. После отмены "максимума" "жители проезжают тридцать и сорок лье, чтобы купить пшеницу". (Письмо из муниципалитета Труа, Ventôse 15.) "Согласно цене на зерно, которое мы продолжаем покупать по договоренности, хлеб будет стоить пятнадцать су (фунт) в следующем десятилетии"].

42101 (возврат)

[Schmidt, "Pariser Zustände", 145-220. Повторное открытие биржи, 25 апреля 1795 г.; там же, 322, II., 105.- "Мемуары Теобальда Вольфа", т. I., стр. 200, (3 февраля 1796 г.). В Гавре луи д'ор стоил тогда пять тысяч франков, а экю шесть франков в пропорции. В Париже (12 февраля) луидор стоит шесть тысяч пятьсот; ужин на две персоны в Пале-Рояле стоит тысячу пятьсот франков.- Майер, ("Франкфурт в 1796 году"), приводит ужин на десять персон, который стоит триста тысяч франков в ассигнациях. По этой цене поездка в такси стоит тысячу франков, а в час - шесть тысяч франков].

42102 (возврат)

["Correspondance de Mallet du Pan avec la cour de Vienne", I., 253 (18 июля 1795 г.). "Сейчас все не так, как в первые дни Революции, которая тогда тяжело отразилась только на некоторых классах общества; теперь все ощущают ее бич, ежечасно, во всех сферах гражданской жизни. Товары и провизия ежедневно дорожают (в цене) в гораздо большей пропорции, чем падает стоимость ассигнаций..... Париж - это действительно город магазинов мебели... Огромная конкуренция за эти предметы поднимает все товары на двадцать пять процентов в неделю..... То же самое происходит и с провизией. Мешок пшеницы весом в три центнера стоит теперь девять тысяч франков, фунт говядины - тридцать шесть франков, пара туфель - сто франков. Ремесленникам невозможно пропорционально повысить заработную плату при столь значительном и быстром росте" - см. "Дневник лорда Мальмсбери", III, 290 (27 октября 1796 г.). После 1795 года доходы крестьян, землевладельцев и производителей очень велики; с 1792 по 1796 год они накапливают и прячут большую часть текущей монеты. Они были достаточно мужественны и умны, чтобы защитить свои запасы от насилия революционного правительства; "поэтому во время обесценивания ассигнатов они покупали землю необычайно дешево". В 1796 году они много возделывают и производят].

42103 (возврат)

[Archives Nationales, AF., II., 72. (Письмо администраторов округа Монпелье в Конвент, Мессидор 26, год II.) "Ваш декрет от 4 июля прошлого года, отменивший "максиму", этот шаг, вызванный правосудием и "максимой", не имел того эффекта, который вы ожидали". Голод

прекращается, но цены непомерно растут, фермер продает свою пшеницу по цене от четырехсот семидесяти до шестисот семидесяти франков за центнер].

42104 (возврат)

[Archives Nationales, AF., II., 71. (Дебаты коммуны Шампс, кантон Ланьи, 22 прериала, год III. Письмо прокурора-синдика Мо, мессидор 3. Письмо муниципалитета Розуа, Сена и Марна, мессидор 4.) - Там же, AF., II., 74. (Письмо муниципалитета Эмеренвиля, одобренное Директорией Мо, мессидор 14). "Коммуна может обеспечить своих жителей только овсяным хлебом, и, опять же, им приходится проделывать долгий путь, чтобы получить его. Эта пища столь низкого качества, не способная укрепить привыкшего к сельскохозяйственному труду жителя, приводит его в уныние и вызывает болезни, в результате чего сено не может быть заготовлено вовремя из-за отсутствия рабочих рук." - В Шампсе "урожай сена готов к косью, но из-за отсутствия пищи рабочие не могут выполнить эту работу"]].

42105 (обратно)

[Ibid., AF., II., 73. (Письмо Директории округа Дьепп, Прериаль 22.)].

42106 (возврат)

[Там же. (Письмо администраторов округа Лувье, прериаль 26.)].

42107 (возврат)

[Там же. (Письмо прокурора-синдика округа Кан, Кан, мессидор 23.- Письмо представителя Порше в Комитет общественной безопасности, мессидор 26.- То же письмо, прериаль 24. "Состояние этого департамента показалось мне ужасающим..... Невозможно переоценить лишения департамента в отношении средств к существованию; зло достигло своего апогея"]].

42108 (возврат)

[Archives Nationales, AF. II., 74. (Письмо администраторов Бове, Prairial 15.- Письмо администратора Бапома, Prairial 24.- Письмо администратора Вербье, Messidor 7.- Письмо комиссара, посланного округом Лаон, Messidor.) - См. также, Ibid., письмо округа Аббевиль, Prairial 11. "Квинтал пшеницы продается по тысяче ассигнатов, вернее, крестьяне больше не берут ассигнатов, зерно не продается ни за что, кроме монеты, и, поскольку большинству людей нечего дать, они достаточно жестокосердны, чтобы требовать от одного его одежду, от другого его мебель и т. д."].

42109 (обратно)

[Там же, AF., II., 71. (Письмо муниципалитета Розуа. Сена-и-Марна, Мессидор 4, год III.) За бушель пшеницы в окрестностях Розуа дают триста франков].

42110 ([возврат](#))

[Там же, АФ., II., 74. (Письмо муниципалитета Монтрей-сюр-Мер, прериаль 29.)].

42111 ([возврат](#))

[Там же. (Письмо администраторов Вербена, прериаль 11. Письмо коммуны Ла-Шапель-сюр-Сом, прериаль 24.)].

42112 ([возврат](#))

[Там же, АФ., II., 70. (Письмо прокурора-синдика округа Сен-Жермен, термидор 10.) Это досье, отражающее положение коммун вокруг Парижа, особенно душераздирающе и ужасно. Среди других примеров бедственного положения рабочих можно привести следующую петицию рабочих, занятых на водохранилище в Марли, мессидор 28. "Рабочие и служащие на машине в Марли просят разрешения представить вам жалкое состояние, в которое их привела дороговизна провизии. Их умеренное жалованье, достигающее, самое большее, пяти ливров двенадцати су, а за последние четыре месяца они получали всего два франка шестнадцать су, уже не обеспечивает им и полфунта хлеба, так как он стоит пятнадцать и шестнадцать франков за фунт. Мы, бедняки, не теряли ни мужества, ни терпения, надеясь, что времена пойдут на поправку. Мы были вынуждены продать большую часть нашего имущества и питаться хлебом из отрубей, образец которого прилагается, и который нас очень огорчает (nous incommode beaucoup); большинство из нас больны, а те, кто не болен, находятся в очень слабом состоянии" - Шмидт, "Tableaux de Paris", Thermidor 9. "Крестьяне на рыночной площади горько жалуются на то, что их грабят в поле и на дороге, и даже на то, что их мешки (с зерном) разграблены"].

42113 ([возврат](#))

[Archives Nationales, D., P I, file 2. (Письмо муниципалитета Эрви, Флореаль 17, год III.) "Безразличие фермеров-эгоистов в стране достигло своего апогея; они не обращают никакого внимания на законы, убивают бедных, отказываясь продавать или не желая продавать свое зерно по цене, которую они могут заплатить." - (Необходимо скопировать весь этот файл, чтобы показать состояние питания в департаментах)].

42114 ([возврат](#))

[Там же, АФ., II., 74. (Письмо районных администраторов Бапома, прериаль 24. - Письмо муниципалитета Булонь-сюр-Мер, прериаль 24.)].

42115 ([возврат](#))

[Там же, АФ., II., 73. (Письмо муниципалитета Брионна, округ Берне, прериаль 7.) Крестьяне не привозят свою пшеницу, потому что продают ее в других местах по цене пятнадцать сотен и две тысячи франков за мешок в триста тридцать фунтов].

42116 ([обратно](#))

[Там же, АФ., II., 71. (Письмо прокурора-синдика округа Мо, мессидор 2.) "Их участь

разделяют многие сельские коммуны", и весь округ был доведен до такого состояния нехватки, "чтобы увеличить ресурсы Парижа и армий"].

42117 ([возврат](#))

[Schmidt, "Tableaux de Paris." (Отчеты полиции, Плювиоза 6, год III.)-Там же, Жерминаль 16. "В письме из департамента Дром говорится, что там умирают от голода, хлеб продается по три франка за фунт"].

42118 ([возврат](#))

[Archives Nationales, AF., II., 70. (Дебаты генерального совета Франсиады, термидор 9, год III.)].

42119 ([возврат](#))

[Там же. (Письмо прокурора-синдика округа Сен-Жермен, 10 термидора.) - Delécluze, "Souvenirs de Soixante Années", p. 10. (Семья Делеклюз живет в Мендоне в 1794 году и большую часть 1795 года. Месье Делеклюз-старший и его сын едут в Мо и приобретают у одного фермера мешок хорошей муки весом в триста двадцать пять фунтов примерно за десять луидоров и привозят его домой, стараясь не выдать себя. И отец, и сын, "накрыв драгоценный мешок сеном и соломой на дне телеги, следуют за ним пешком на некотором расстоянии, пока крестьянин едет". Мадам Делеклюз сама замешивает хлеб и печет его].

42120 ([возврат](#))

["Archives Nationales", AF., II., 74. Ниже представлены некоторые муниципальные расходы. (Дебаты коммуны Анси, 8 термидора, год II I.) "Сумма, полученная коммуной от правительства, 1 200 000 франков. Братские подписки, 400 000 франков. Принудительный заем, 2 400 000 франков. Сумма, возникшая из зерна, предоставленного правительством, но не оплаченного, 400 000 франков". (Письмо муниципалитета Лилля, 7 фруктидора) "Дефицит, в то время, когда мы взяли в руки правительство, который из-за разницы между ценой купленного зерна и ценой, полученной за хлеб, распределенный среди нуждающихся, составлял 2 270 023 франка, увеличился в термидоре до 8 312 956 франков." Следовательно, города разоряют себя долгами до невероятных размеров.-Archives Nationales, AF., II., 72. (Письмо муниципалитета Тура, Vendémiaire 19, год IV.) У Тура не хватает денег, чтобы купить масло для своих уличных фонарей, которые больше не горят по ночам. Принимается постановление, позволяющее агенту по провизии в Париже снабжать комиссаров двадцатью центнерами масла, которого для трехсот сорока фонарей хватает на сто фонарей до 1 Жерминаля. То же самое в Тулузе. (Отчет Дестрена, Moniteur, 24 июня 1798 г.) 26 ноября 1794 г. Бордо не может заплатить семьдесят два франка за тридцать бочек воды для мытья гильотины. (Гранье де Кассаньяк, I., 13. Выписка из архива Бордо.) Бордо разрешено продать тысячу бочек вина, ранее взятых по реквизиции правительством, город должен заплатить за них по той цене, по которой их покупала Республика, и продать их как можно дороже в рамках обычной торговли. Вырученные средства должны быть использованы для обеспечения пропитания жителей. (Archives Nationales, AF., II., 72, распоряжения Вандемьера 4, год IV.) Что касается помощи, оказываемой ассигнациями, предоставленными городам и департаментам, см. те же дела; 400 000 франков Пуатье, Плювиоз 18, четыре

миллиона Лиону, Плювиоз 17, три миллиона в месяц Нанту, после Термидора 14, десять миллионов департаменту Эро во Фримаре и Плювиозе и т. д.].

42121 ([возврат](#))

[Archives Nationales, II., P 1, file 2. (Дебаты коммуны Труа, Вентос 15, год III.) - "Un Sejour en France." (Амьен, 9 мая 1795 г.) "Поскольку мы получили несколько шестифранковых крон и смогли раздобыть небольшой запас пшеницы..... Господин Д. и слуги едят хлеб, приготовленный из трех четвертей отрубей и одной четверти муки. Когда мы печем его, мы тщательно закрываем двери, не обращая внимания на дверной колокольчик, и не позволяем ни одному посетителю войти, пока не исчезнут все следы работы... Теперь раздача состоит из смеси проросшей пшеницы, гороха, ржи и т. д., которая едва ли напоминает хлеб". (12 апреля.) "Раздача хлеба (тогда) составляла четверть фунта в день. Многие из тех, кто в других отношениях был хорошо обеспечен, не получали вообще ничего"]].

42122 ([возвращение](#))

[Там же. (Письма муниципалитета Труа, Ventôse 15, год III., и Germinal 6.) Письмо трех депутатов, отправленное муниципалитетом в Париж, Плювиозе, год III. (без даты.)]

42123 ([возврат](#))

["Un Sejour en France". (Амьен, 30 января 1795 г.) Archives Nationales. AF.,II., 74. (Дебаты коммуны Амьена, термидор 8 и фруктидор 7, год III)]].

42124 ([возврат](#))

["Souvenirs et Journal d'un Bourgeois d'Evreux", p. 97. (Женщины останавливают телеги с пшеницей, держат их всю ночь, забрасывают камнями и ранят представителя Бернье, и им удается получить по восемь фунтов пшеницы)].

42125 ([возврат](#))

[Archives Nationales, AF.,II., 73. (Письмо муниципалитета Дьеппа, Prairial 22.) -AF.,II., 74. (Письмо муниципалитета Вервена, Мессидор 7. Письмо муниципалитета Лилля, Fructidor 7.)].

42126 ([возврат](#))

["Correspondance de Mallet du Pan avec la Cour de Vienne", I., 90. Ibid., 131. Месяц спустя центнер муки в Лионе стоит двести франков, а фунт хлеба - сорок пять су].

42127 ([возврат](#))

["Archives Nationales", AF., II., 13. (Письмо чрезвычайных депутатов трех административных органов Шартра, 15 термидора: "Во имя этой коммуны, умирающей от голода") - "Жителям Шартра даже не позволили получить свою ренту зерном; все было высыпано в государственные хранилища"]].

42128 ([возврат](#))

[Там же. (Петиция коммуны Ла-Рошель, 25 фруктидора, коммуны Пейнбоф, 9 фруктидора, коммуны Нант, 14 термидора, коммуны Руан, 1 фруктидора.)-Там же, AF.,II, 72. (Письмо коммуны Байонны, фруктидор 1.) "Нехватка провизии в течение более чем двух лет..... Муниципалитет в течение последних шести месяцев находится в жестокой необходимости сократить питание своих подданных до полуфунта кукурузного хлеба в день.... из расчета двадцать пять су за фунт, хотя фунт стоит более пяти франков". После подавления "максимума" он теряет около двадцати пяти тысяч франков в день].

42129 ([возврат](#))

[Там же. (Письмо представителя Порше, Кан, прериаль 24, мессидор 3 и 26. Письмо муниципалитета Кана, мессидор 3.)].

42130 ([возврат](#))

[Ibid. AF., II., 71. (Письмо муниципалитета Осера, мессидор 19.) "До сих пор мы сохраняли жизнь с помощью всевозможных средств, как будто чудом. Для этого потребовались неисчислимы усилия, огромные затраты и поистине сверхъестественные средства. Но между этим и концом Термидора еще целый месяц. Как же мы будем жить! Наши люди, большинство из которых - фермеры и ремесленники, получают по полфунта в день на каждого человека, и этого хватит максимум на десять-двенадцать дней"].

42131 ([возвращение](#))

[Meissner, "Voyage à Paris", 339. "В нашем трактире не было ни крошки хлеба. Я обошел пять или шесть пекарен и кондитерских и нашел их все разоренными". В последней он находит около дюжины маленьких савойских бисквитов, за которые платит пятнадцать франков. О военных действиях правительства в отношении хлеба см. распоряжения Комитета общественной безопасности, большинство из которых написано рукой Линде, AF., II., 68-74].

42132 ([возврат](#))

[Schmidt, "Tableaux de Paris", vols. II. and III.,passim].

42133 ([возврат](#))

[Archives Nationales, AF., II., 68. (Ордеpa Ventôse 20, год III.; Germinal 19 и 20; Messidor 8 и т.д.)].

42134 ([возврат](#))

[ibid. Ордеpa Nivôse 5 и 22.]

42135 (возврат)

[Там же. Приказы Плювиоза 19, Вентоза 5, Флореаля 4 и 24. (Исключение составляют четырнадцать пивоваренных заводов, которые Республика держит в Дюнкерке.) - Процедура та же, что и в отношении других необходимых товаров: требуется возврат орехов, рапсового семени и других семян или плодов, дающих масло, также копыт крупного рогатого скота и овец, с реквизициями всех других товаров, идущих на изготовление масла, и приказами держать маслобойни в рабочем состоянии. "Все административные органы будут следить за тем, чтобы мясники удаляли жир из мяса, прежде чем предложить его на продажу, чтобы они сами не делали из него свечи, не продавали его на мыловаренные заводы и т. д. "Исполнительный комитет соберет восемьсот волов и распределит их между торговцами сеном для перевозки дров и угля из лесов и колоний на верфи. Они распределят пропорционально восемьсот комплектов колес и упряжи. Повозки будут оплачиваться и охраняться так же, как и военные конвои, и призываться в армию по мере необходимости. Для прокормления волов районные управляющие возьмут на откуп необходимые поля, пастбища и т. д.". (Приказ Плювиоза 10, год III.)].

42136 (возврат)

["Moniteur", XXIV., 397.- Schmidt, "Tableaux de Paris". (Отчеты Фримера 16, год IV.) "Жители департаментов удивляются, как это Париж обходится им в пятьсот сорок шесть миллионов в месяц только на хлеб, когда они голодают. Эта изоляция Парижа, для которого все блага Революции были исключительно зарезервированы. оказывает наихудшее влияние на общественное мнение" - Мейсснер, 345].

42137 (возврат)

[Mercier, "Paris Pendant la Révolution", I., 355-357.-Schmidt, "Pariser Zustande", I., 224. (Сена замерзает 23 ноября и 23 января, термометр показывает шестнадцать градусов (по Цельсию) ниже нуля) - Schmidt, "Tableaux de Paris". (Отчеты полиции, Плювиоза 2, 3 и 4)].

42138 (возврат)

[Schmidt, "Pariser Zustande", I., 228, и следующие страницы. (25 февраля раздача хлеба сокращена до полутора фунтов на человека; 17 марта - до полутора фунтов для рабочих и одного фунта для остальных. Окончательное сокращение до четверти фунта 31 марта.)-Там же, 251, о скрытых расценках.-Дюфор де Шверни, (MS. Mémoires, август 1795 г.) Мсье де Шверни поселился в старом Лувре вместе со своим другом Седеном. "Я помогал им едой, чем мог: они признались мне, что без этого они умерли бы от голода, несмотря на свои средства"].

42139 (возврат)

[Шмидт, "Парижские столы". (Отчеты Жерминаля 15 и 27, а также Мессидора 28, год III., Брюмера 14 и Фримера 23, год IV.) -Ibid. (Жерминаль 15, год III.) Масло стоит восемь франков за фунт, яйца - семь франков за четыре унции; (Мессидор 19) хлеб стоит шестнадцать франков за фунт, (Мессидор 28) масло - четырнадцать франков за фунт, (Брюмер 29) мука - 14 000 франков за мешок в 325 фунтов].

42140 (возврат)

[Там же. (Отчет Жерминаля 12, год III.) "Питейные заведения и кондитеры снабжаются лучше, чем когда-либо". "Записки (рукопись) мсье де Шеверни". "Моя невестка, имеющая более сорока тысяч ливров дохода, зарегистрированного в "Большом журнале", была вынуждена заниматься садом, помогая двум своим камеристкам. Месье де Ришбур, бывший генеральный интендант почтового ведомства, был вынужден продать часы, а затем гардероб, чтобы прожить. Друзья мои, - сказал он нам однажды, - я был вынужден положить свои часы в горшок". "- Шмидт. (Отчет Фримера 17, год IV.) "Завсегдатай биржи продает луи по пять тысяч франков. Он обедает на тысячу франков и громко восклицает: "Я ужинал за четыре франка десять су". Они действительно великолепны, эти ассигнации! Раньше я не смог бы так хорошо поужинать за двенадцать франков"].

42141 (возвращение)

[Шмидт. (Отчеты фримера 9, год IV.) "В отчетах описывается плачевное состояние тех, кто, имея небольшие доходы и продав одежду, продает мебель, находясь, так сказать, на последнем месте; и, оставшись без ничего, доходят до последней крайности, кончая жизнь самоубийством."-Там же, фример 2: "Рантье разорен, не имея возможности купить еду. Служащие находятся в таком же положении."- Естественно, что с обесцениванием ассигнаций положение служащих и рантье становится все хуже. Вот счета по домашнему хозяйству в конце 1795 года. (Письмо сестры Бомарше Жюли его жене, декабрь 1794 года. "Бомарше и его время", де Ломени, стр. 486). "Когда вы дали мне эти четыре тысячи франков (ассигнатов), мой дорогой друг, мое сердце заколотилось. Я думал, что сойду с ума от такого состояния. Я сразу же положил их в карман и заговорил о других вещах, чтобы выкинуть эту мысль из головы. Вернувшись в дом, как можно скорее заготовьте дрова и провизию, пока цены не выросли! Дюпон (старый домашний мастер) принялся за дело и сделал все, что мог. Но весы упали с моих глаз, когда я увидел, не считая еды на месяц, результат тех 4 275 франков:

1 груз дров 1460 франков
9 фунтов свечей, от 8 до 100 франков за фунт 900
4 фунта сахара, по 100 франков за фунт 400
3 меры зерна, по 40 франков 120
7 фунтов масла, по 100 франков 700
12 фитилей, по 5 франков 60
1 1/2 бушеля картофеля, по 200 франков за бушель 300
1 месяц стирки 215
1 фунт молотого порошка 70
2 унции поматума (раньше 3 су, теперь 25 франков) 50
Итого 4 275 франков

Остается месячный запас масла и яиц,
как вы знаете, 200 франков, мяса - 25 или 30 франков, и
другие товары в пропорции 507.

Хлеба не было два дня... Я купил только

четыре фунта за последние два дня, по 45 франков 180

Итого 5 022 франка.

"Когда я думаю об этих королевских расходах, как вы их называете, которые заставляют меня тратить от 18 000 до 20 000 франков впустую, я желаю, чтобы дьявол завладел системой..... 10 000 франков, которые я разбросал за последние две недели, тревожат и беспокоят меня настолько, что я не знаю, как рассчитать свой доход таким образом. За три дня разница (в стоимости ассигнатов) подняла стоимость дров с 4200 до 6500 франков, а экстра в такой пропорции, что, как я уже писал вам, груз, собранный и убранный, обходится мне в 7100 франков. Теперь каждую неделю пот-о-феу и другие мясные блюда для рагу, без масла, яиц и прочих мелочей, обходятся от семи до восьмисот франков. Стирка тоже дорожает так быстро, что восьми тысяч франков уже не хватает. Все это выводит меня из себя, хотя при всех этих расходах я с чистой совестью заявляю (*je jure par la saine vérité de mon coeur*), что в течение двух лет я не потакал ни одной своей прихоти и не тратил ничего, кроме домашних расходов. Тем не менее, я остро нуждаюсь в некоторых вещах, для которых мне потребуются кучи ассигнаций" - из переписки Бомарше мы видим, что один из его друзей путешествует по окрестностям Парижа в поисках хлеба. "Здесь говорят (пишет он из Суази, 5 июня 1795 года), что муку можно купить в Бриаре. Если бы это было так, я бы договорился с надежным человеком, чтобы он возил ее вам по воде между Бриаром и Парижем... Тем временем я не отчаиваюсь найти буханку" - Письмо друга Бомарше: "Это письмо обойдется вам по меньшей мере в сто франков, включая бумагу, перо, чернила и ламповое масло. В целях экономии я пишу его в вашем доме"].

42142 ([возврат](#))

[Cp. Schmidt, "Tableaux de Paris", vols. II. и III. (Отчеты полиции в указанные даты)].

42143 ([возврат](#))

[Dauban, "Paris en 1794", pp.562, 568, 572].

42144 ([возврат](#))

[Mallet-Dupan, "Correspondance avec la cour de Vienne", I., 254. (18 июля 1795 г.)].

42145 ([возврат](#))

[Schmidt, *ibid.* (Отчет о Фруктидоре 3, год III.)].

42146 ([возврат](#))

[Schmidt, *ibid.*, vols. II. и III. (Отчеты полиции в указанные даты.)].

42147 ([обратно](#))

[Meissner, "Voyage à Paris", 132. Там же, 104. "Хлеб делают из грубой, липкой черной муки,

потому что в него кладут картофель, бобы, индийскую кукурузу и просо, и к тому же он плохо пропекается" - Гранье де Кассаньяк, "Histoire du Directoire", I., 51. (Письмо М. Андо автору.) "Были дни по три четверти фунта, по полфунта и четверть фунта и много по две унции. Я был ребенком двенадцати лет и ходил ждать по утрам четыре часа в очереди на улице Старой Комедии. В хлебе, который был очень нежным и очень мягким...., была четвертая часть отрубей, а воды в нем было на одну четвертую больше. Я привезла восемь унций хлеба в день для четырех человек в нашем доме"].

42148 (возвращение)

[Dauban, 586.]

42149 (возврат)

[Schmidt, *ibid.* (Отчеты за 24 брюмера и 13 фримера IV года)].

42150 (возврат)

[Это состояние несчастья затянулось далеко за пределы этой эпохи в Париже и провинциях. ~f. Schmidt, "Tableaux de Paris", vol. III.-Felix Rocquam, "L'Etat de la France au 18e Brumaire", p.156. (Отчет Фуркря, Nivôse 5, год IX.) Конвои с зерном не доходят до Бреста, потому что англичане - хозяева на море, а дороги на суше непроходимы. "Нас уверяют, что жители Бреста давно сидят на полупайках, а возможно, и на четвертьпайках"].

42151 (возвращение)

[1] Трудно прийти даже к приблизительным цифрам, но следующие утверждения помогут прояснить ситуацию. I. Везде, где я сравнивал смертность во время революции и при старом режиме, я находил, что первая превышает вторую, даже в тех частях Франции, которые не были опустошены гражданской войной; и рост этой смертности огромен, особенно в годы II и III.-В Труа, с 25 282 жителями (в 1790 году), в течение пяти лет 1786, 1787, 1788, 1789 и 1792 (1790 и 1791 отсутствуют), средняя годовая смертность составляет 991 смерть, или 39 на тысячу жителей; в течение II, III, IV годов эта средняя смертность составляет 1 166 или 47 на тысячу жителей; увеличение составляет 7 смертей в год, почти одну пятую. (Документы предоставлены месье Альбером Бабо.) - В Реймсе средняя смертность с 1780 по 1789 год составляет 1 350 человек, что при населении в 35 597 человек (1790 год) дает 41 смерть в год на каждую тысячу жителей. Во II году - 1 836 смертей, что дает за каждый из двух лет по 64 смерти на каждую тысячу человек; прирост составляет 23 смерти в год, то есть более чем на половину выше обычного уровня. (Статистические данные предоставлены М. Жадаром, архивариусом Реймса.) - В Лиможе средняя годовая смертность до 1789 года составляла 825 человек на 20 000 жителей, или 41 человек на тысячу. С 1 января 1792 года по 22 сентября 1794 года умерло 3 449 человек, то есть в среднем 63 человека на тысячу жителей, то есть 22 человека в год, причем смертность в основном касается бедных, так как из 2 073 человек, умерших с 17 января 1793 года по 22 сентября 1794 года, более половины, 1 100, умерли в больнице.-(Louis Guibert, "Ancien registre des paroisses de Limoges", pp. 40, 45, 47.) -В Пуатье, в IX году, население составляет 18 223 человека, а средняя смертность за последние десять лет - 724 человека в год. Но во II году умирает 2 094 человека, а в III. 2 032, в основном в больницах. Таким образом, даже если сравнить среднюю смертность за десять лет

революции со смертностью за II и III годы, средний показатель почти утроился. - То же самое относится и к Лауденсу, где средний уровень смертности составлял 151 человек, а во II году он поднимается до 425. В Шательро вместо тройного показателя - двойной, где при среднем показателе 262 смертность возрастает до 482, в основном в военных госпиталях".

("Statistique de la Vienne", Cochon, préfet, год IX.) - В Ниорте, население 11 000 человек, ежегодная смертность за десять лет, предшествующих 1793 году, составляла в среднем 423 человека, или 38 на тысячу. Во II году - 1 872, или 170 на тысячу жителей, то есть число увеличилось более чем в четыре раза. В III году - 1 122 смерти, или 122 человека, что почти втрое больше". ("Statistique des Deux-Sèvres", by Dupin, préfet, 2nd memorial, year IX.) - В Страсбурге, ("Recueil des Pièces Authentiques" etc., vol. I., p.32, декларация муниципалитета) "в прошлом году (II год) умерло вдвое больше людей, чем в предыдущие годы". Согласно этим цифрам и прочитанным нами подробностям, ежегодная смертность в течение II и III годов и большей части IV года может быть оценена как возросшая в полтора раза. Так, до 1789 года, по данным Мохо и Неккера (Peuchet, "Statistique elementaire de la France", 1805, p.239), ежегодная смертность во Франции составляла один человек на каждые тридцать, то есть 866 666 смертей на 26 миллионов населения. Половина в дополнение к этому за два с половиной года дает, следовательно, один миллион и восемьдесят тысяч смертей.

2-е. В течение всего периода правления Директории продолжались лишения, и уровень смертности был очень высок, особенно среди больных детей, немощных и престарелых, поскольку Конвенция конфисковала имущество больниц, а общественная благотворительность была почти на нуле. Например, в Лионе: "Убежища были лишены сестер милосердия в течение II, III и IV годов, а также большей части V года, детей, собранных в них, нельзя было ни кормить, ни сосать, и число погибших было ужасающим". ("Statistique du Rhone", Vernier, préfet, год X.) - Во времена Неккера существовало около восьмисот приютов, больниц и благотворительных учреждений, в которых содержалось сто тысяч или сто десять тысяч человек. (Peuchet, ibid., 256.) Из-за отсутствия ухода и пищи они умирают мириадами, особенно подкидыши, число которых увеличивается чрезвычайно: в 1790 году цифры не превышали 23 000; в IX году их число перевалило за 62 000, (Peuchet, 260): "Это "совершенный потоп", - говорится в отчетах; в департаменте Эсна вместо 400 человек - 1097; в департаменте Лот-и-Гаронна - пятнадцать сотен (Statistiques des préfets de l'Aisne, Gers, Lot-et-Garonne), и они рождаются только для того, чтобы умереть. В Эвре через несколько месяцев их становится шесть из семи; в Лионе - 792 из 820 (Statistique des Prefets du Rhone et de l'Eure). В Марселе - 600 из 618; в Тулоне - 101 из 104; в среднем - 19 из 20. (Rocquain, "Etat de France au 18e Brumaire", p.33. Отчет Франсуа де Нанта). В Труа из 164 человек, привезенных в IV году, умирает 134; из 147 человек, полученных в VII году, умирает 136. (Albert Babeau, II., 452.) В Париже, в IV году, из 3 122 младенцев погибло 2 907. (Moniteur, год V., № 231.) - Больные погибают так же. "В Тулоне на восемьдесят пациентов ежедневно выдается только семь фунтов мяса; я видел в гражданском приюте, - рассказывает Франсуа де Нант, - женщину, только что перенесшую хирургическую операцию, которой в качестве тонизирующего средства давали дюжину бобов на деревянном блюде". (Там же, 16, 31 и др., особенно по Бордо, Кану, Аленсону, Сен-Ло и др.) Что касается нищих, то их бесчисленное множество: в IX году, по оценкам, их насчитывается 3-4 тысячи по департаментам, а всего во Франции не менее 300 тысяч. "В четырех департаментах Бретани можно с уверенностью сказать, что треть населения живет за счет остальных двух третей, либо обкрадывая их, либо принуждая к помощи". (Рокен, "Доклад Барбе-Марбуа", стр. 93).

3-е. В IX году генеральные консели должны выяснить, увеличилось или уменьшилось население департаментов с 1789 года. ("Анализ процессов вербовки конселей-генералов XI года". В четырех томах.) Из 58 ответивших 37 утверждают, что население их стран

уменьшилось; 12 - что увеличилось; 9 - что осталось неизменным. Из 22 остальных 13 приписывают сохранение или увеличение населения, по крайней мере, большей частью, умножению ранних браков, чтобы избежать воинской повинности, и большому количеству естественных детей; следовательно, средний уровень населения поддерживается не за счет сохранения жизни, а за счет замены новых жизней на старые, которые приносятся в жертву. Бордо, тем не менее, потерял десятую часть своего населения, Анже - восьмую, По - седьмую, Шамбери - четвертую, Ренн - треть. В департаментах, где шла гражданская война, Аржантон-Шато потерял две трети населения, Брессюир сократился с 3 000 до 630 жителей; Лион после осады сократился с 140 000 тысяч до 80 000 человек. ("Анализ процессов вербовки генеральных советов" и Statistiques des Prefets)].

42152 (возврат)

[Lareveillère-Lereaux, "Mémoires". I, 248. (Он входит в состав Комитета и является очевидцем)].

КНИГА ПЯТАЯ. КОНЕЦ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

ГЛАВА I. КОНВЕНТ.

I. Конвенция.

Конвент после термидора 9.- Реакция против
Террористы.- Неприятие конституционалистов.- Опасность.
которой они подвергаются, если теряют власть.

Тем не менее они, эти пресыщенные государи, тоже обеспокоены, и очень сильно, мы только что видели почему; речь идет о том, чтобы остаться на своем посту, чтобы остаться в живых, и отныне это их единственная забота.⁵¹⁰¹ Хороший якобинец до 9 термидора мог, закрыв глаза, продолжать верить в свое кредо. После 9 термидора, если только он не родился слепым, как Субрани, Ромм и Гужон, фанатиком, чьи интеллектуальные органы так же негибки, как конечности факира, никто в Конвенте не может больше верить в Социальный договор, в деспотический уравнилительный социализм, в заслуги Террора, в божественное право чистых. Ибо, чтобы избежать гильотины чистых, пришлось гильотинировать самых чистых: Сен-Жюста, Кутона и Робеспьера, первосвященника секты. В тот же день "монтаньяры", отказавшись от своего доктора, отказались от своих принципов, и больше не осталось ни одного принципа или человека, на которого мог бы опереться Конвент. В сущности, прежде чем гильотинировать Робеспьера и его соратников как ортодоксов, он гильотинировал жирондистов, Эбера и Дантона как еретиков. Теперь "существование народных кумиров и шарлатанов безвозвратно прекратилось"⁵¹⁰².⁵¹⁰² Перед пустым святилищем в залитом кровью храме все тот же условный символ, все тот же громкий гимн; но вера исчезла, и остались только аколиты, чтобы оттарабанить революционную литанию, старые носильщики поезда и размахиватели ладаном, подчиненные мясники, которые внезапным ударом стали понтификами; короче говоря, камердинеры церкви, которые надели митры и короны своих хозяев после того, как убили их.

Из месяца в месяц, под давлением общественного мнения, они отстраняются от богослужения, которое совершали, ибо, как бы ни была притуплена или извращена их совесть, они не могут не признать, что якобинство, как они его исповедовали, было религией грабежа и убийства. До Термидора официальная **фразеология**⁵¹⁰³ заглушала своим доктринальным ревом живую истину, а каждый конвенционный ризничий или причетник, замкнувшись в своей часовне, ясно видел только человеческие жертвоприношения, в которых он сам принимал участие. После Термидора друзья и родственники умерших, угнетенные, подают голос, и он вынужден увидеть коллективно и в деталях все преступления, которым, почти или отдаленно, он способствовал либо своим согласием, либо своим голосованием, так же как в Мексике жрец Уичилобос ходит среди шестисот тысяч черепов, собранных в хранилищах его храма, благодаря свободе прессы и широким общественным обсуждениям, правда становится известной. Сначала появляется отчет о похоронном путешествии ста тридцати двух нантийцев, которых тащили из Нанта в **Париж**⁵¹⁰⁴, и торжественное оправдание, принятое с почестями, девяноста четырех оставшихся в живых. После этого начинаются процессы над самыми выдающимися террористами: над Каррье и Революционным комитетом Нанта, над Фуке-Тинвилем и старым революционным трибуналом Парижа, над Жозефом **Лебоном**⁵¹⁰⁵ и, в течение тридцати или сорока заседаний подряд, сотни минутных, проверенных показаний, заканчивающихся самыми полными и удовлетворительными свидетельствами. Тем временем на трибуне Конвента множатся откровения; они состоят из писем новых представителей миссии и доносов городов на их свергнутых тиранов; на Менье, Дартигойта, Пиошефера-Бернара, Левассера, Крассуса, Жавогеса, Лекиньо, Лефиота, Пиорри, Пине, Монестье, Фуше, Лапланша, Лекарпантье и многих других. Добавьте к этому отчеты комиссий, которым поручено изучить поведение старых диктаторов, Колло д'Эрбуа, Бийо-Варенна, Барера, Амара, Вуланда, Вадье и Давида, отчеты представителей, которым поручено расследовать некоторые детали отмененной системы, отчеты Грегуара о революционном вандализме, Камбона о революционных налогах, Куртуа о бумагах Робеспьера... Все эти лучи объединяются в страшное освещение, которое накладывается даже на глаза, отворачивающиеся от него: Теперь слишком очевидно, что Франция в течение четырнадцати месяцев была опустошена бандой разбойников. Все, что можно сказать в пользу наименее извращенных и наименее

гносных, - это то, что они родились такими или стали сумасшедшими.⁵¹⁰⁶ Большинство Конвента не может уклониться от этого растущего свидетельства, и монтаньяры вызывают его ужас; и тем более, что он несет на них злобу: 73 заключенных и шестнадцать запрещенных вернулись на свои места, 400 молчаливых, которые так долго держали свои места под ножом, помнят притеснения, которым они подвергались. Теперь они приходят в себя и обращаются сначала против самых запятанных негодяев, а затем против членов старых комитетов, после чего "Гора", по своему обыкновению, пускает в ход своих обычных сторонников, голодающее население, якобинский сброд, участвовавший в беспорядках в Жерминале и Прериале в III году, и вновь провозглашает царствование Террора; Конвент снова видит нож над своей головой. Спасенный молодыми людьми, Национальной гвардией, он становится мужественным через страх и, в свою очередь, наводит ужас на террористов. Фобур Сент-Антуан разоружен, десять тысяч якобинцев арестованы⁵¹⁰⁷, более шестидесяти монтаньяров объявлены обвиняемыми; Колло, Бийо, Барер и Вадье должны быть высланы; еще девять членов бывших комитетов заключены в тюрьму. Последние из настоящих фанатиков, Ромм, Гужон, Субрани, Дюкенуа, Бурботт и Дюруа, приговорены к смерти. Сразу после вынесения приговора пятеро из них зарезались на лестнице трибунала; двоих из оставшихся в живых раненых вместе с шестым несут на эшафот и гильотинируют. Два монтаньяра того же сорта, Руль и Мор, кончают с собой до вынесения приговора. Отныне очищенный Конвент считает себя чистым; его последняя суровость искупила его былую подлость, пролитая им кровь виновных смывает пятна невинной крови, пролитой им ранее.

К сожалению, осудив террористов, он сам вынес себе приговор; ведь он санкционировал и одобрил все их преступления. На его скамьях, в его комитетах, часто в кресле президента, во главе правящей клики, по-прежнему стоят члены революционного правительства, многие из заклятых террористов, такие как Бурдон де л'Уаз, Бентаболь, Дельмас и Рубель; председатели сентябрьской коммуны, такие как Мари Шенье; те, кто осуществил "31 мая", как Лежандр и Мерлен де Дуай, автор декрета, создавшего во Франции шестьсот тысяч подозреваемых; провинциальные палачи самого жестокого и свирепого сорта, величайшие и самые циничные грабители, как Андре Дюмон, Фрерон, Тальен и Баррас. При Робеспьере четыреста "немых" были репортерами, избирателями, глашатаями и проводниками самых страшных декретов, направленных против религии, собственности и личности. Все основы Террора были заложены семьюдесятью тремя заключенными до того, как их посадили в тюрьму, и шестнадцатью проскрибированными до того, как их проскрибировали. За исключением десяти или дюжины тех, кто остался в стороне, Конвент в массовом порядке вынес приговор королю и объявил его виновным; более половины Конвента, во главе с жирондистами, высказались за его смерть. В зале не нашлось и пятидесяти благородных людей, в которых характер поддерживал бы совесть и которые имели бы право носить голову прямо.⁵¹⁰⁸ Ни в одном из принятых ими законов, хороших или плохих, остальные семьсот не учитывали интересы своих избирателей. Во всех своих законах, хороших или плохих, они исходили исключительно из своих собственных интересов. До тех пор пока нападки "Горы" и сброда затрагивали только общество, они одобряли их, издавали указы и приводили их в исполнение. Если они и восставали против "Горы" и против сброда, то только в последний момент и исключительно ради спасения своей жизни. И до, и после 9-го термидора, и до, и после 1-го прериала стимулами поведения этих паскудных угнетателей или невольных освободителей были подлость и эгоизм. Отсюда "всеобщее презрение и ужас, изливаемые на них; только якобинцы могли бы быть еще более одиозными!"⁵¹⁰⁹ Если этим безвольным мандатариям и оказывается дальнейшая поддержка, то только потому, что они скоро будут уничтожены. При преждевременном сообщении о том, что Конвент собирается распасться, люди сталкиваются друг с другом на улице, восклицая: "Мы избавились от этих разбойников,

они наконец-то уходят...". Люди капризничают и танцуют, словно не в силах подавить свою радость; они говорят только о мальчике (Людовик XVIII, заключенный в Храме) и о новых выборах. Все согласны исключить нынешних депутатов..... Преступления, совершенные каждым из них, обсуждаются меньше, чем ничтожность всего собрания, а эпитеты "порочный", "использованный" и "продажный" почти полностью уступили место ворам и негодяям".⁵¹¹⁰ Даже в Париже, в последние месяцы своего правления, они едва осмеливаются появляться на публике: "в самом грязном и небрежном костюме, который трехцветный шарф и золотая бахрома делают более заметным, они стараются ускользнуть от внимания толпы⁵¹¹¹ и, несмотря на свою скромность, не всегда избегают оскорблений и тем более поношений прохожих"- В провинции, дома, им было бы хуже; их жизнь была бы в опасности; в любом случае их протащили бы по сточной канаве, и это они знают. За исключением "двадцати человек", все, кому не удастся поступить в новый Корпус законодателей, будут интриговать за должности в Париже и станут "государственными посланниками, служащими в бюро и швейцарами при министрах"; за неимением других мест они согласятся на должности "уборщиков залов". Любое убежище для них хорошо против порицания общества, которое уже поднимается и погружает их под свой прилив.

II. Переизбрание двух третей.

Декреты о переизбрании двух третей.
избирателей.-Мероприятия по предотвращению голосования избирателей по
декреты.- Мошенничество при подсчете голосов.- Поддержание
декретов силой.-Набор грубиянов.
Вооруженные силы.- 13-е Вендемера.

Для них нет другого убежища, кроме верховной власти, и нет других средств для ее поддержания, кроме эксцессов деспотизма, нечестности, лживости и насилия. В конституции, которую они изготовляют, они желают оставаться государями Франции и сразу же [постановляют⁵¹¹²](#), что, вольно или невольно, Франция должна выбрать две трети своих новых представителей из их числа, и, чтобы она могла сделать хороший выбор, благоразумно навязать ей этот выбор. В специальных декретах, лишаящих ее двух третей избирательных прав, с ней, правда, советуются, но, как и в 1792 и в 1793 годах, все устроено так, что она соглашается или кажется согласной с этим решением.⁵¹¹³ Прежде всего, они полагались на то, что большинство избирателей воздержится от ответа. Опыт показал, что массы уже давно испытывают отвращение к плебисцитарным фарсам; кроме того, террор подавил в людях всякое чувство общности [интересов⁵¹¹⁴](#); каждый заботился только о себе. После Термидора выборщиков и мэров в округах и сельских районах находят с большим трудом, даже выборщиков второй степени; люди увидели, что исполнять обязанности гражданина бесполезно и даже опасно; они не желают иметь ничего общего с общественными функциями. Иностранец [пишет⁵¹¹⁵](#), проехав по Франции от Бур-ан-Бреса до Парижа: "Девяносто раз из ста мне задавали вопрос,

"Гражданин, что было сделано на первичном собрании вашего кантона?"

ответ был:

"Я, гражданин, при чем тут я? Я верю, у них была тяжелая работа, чтобы договориться!"

Или,

"А что толку? Их там было немного! Честные люди остались дома".

На самом деле из по меньшей мере шести миллионов созванных избирателей пять миллионов не подходят к урне, не испытывая при этом никаких неудобств, поскольку они не [голосуют](#)⁵¹¹⁶.

Во-вторых, были приняты меры предосторожности, чтобы у тех, кто пришел голосовать по Конституции, не возникло мысли голосовать по декретам. Ни в одной статье Конституции, ни в декретах нет призыва к этому; их побуждают прийти в туманном стиле, с помощью ораторского допроса или запоздалого обращения.⁵¹¹⁷ Кроме того, на печатных бланках, присланных им из Парижа, они находят только три графы: одну для числа голосов, принявших Конституцию, другую для числа отвергших ее, и третью для "письменных замечаний", если таковые имеются. Специальных граф для обозначения числа голосов, принявших или отвергнувших декреты, нет. Поэтому многие неграмотные или плохо информированные избиратели могут подумать, что их призвали голосовать исключительно по Конституции, а не по указам, что и произошло, особенно в отдаленных департаментах и в сельских собраниях. Более того, многие собрания, ближе к Парижу и в городах, понимают, что если Конвент советуется с ними, то только для проформы; давать отрицательный ответ бесполезно и опасно; лучше промолчать; как только упоминаются декреты, они очень благоразумно "единогласно" требуют порядка дня.⁵¹¹⁸ Таким образом, из пяти первичных собраний, в среднем голосующих за или против Конституции, есть только одно, голосующее за или против декретов.⁵¹¹⁹ [Таков](#) способ получить голос нации. По видимости, его побуждают говорить, на практике же обеспечивается его молчание.

Последний и самый хитроумный прием: когда первичное собрание говорит слишком громко, считается, что оно молчало. В Париже, где выборщики более дальновидны и решительны, чем в провинции, в восемнадцати известных департаментах, а возможно, и во многих других, выборщики, голосовавшие по декретам, почти все голосовали против них; во многих случаях даже в протоколах указано, что голосование против было "единодушным", но в протоколах не указано точное число "против". Поэтому при подсчете общего числа голосов, враждебных декретам, эти голоса не учитываются.⁵¹²⁰ Благодаря этой хитрости Конвенту только в Париже удалось уменьшить число голосов "против" на 50 000 и столько же в провинциях, по примеру нечестного управляющего, который, будучи вынужден сдавать отчет, подтасовывает цифры, заменяя вычеты прибавлениями.⁵¹²⁰ Так было сделано в отношении декретов. Так обстоит дело с декретами, в которых из 300 000 голосов, которые он принимает, он может объявить 200 000 "за" и 100 000 "против" и тем самым провозгласить, что его хозяин, суверенный народ, дав ему общее оправдание, полностью освободив его от ответственности, вновь вверяет ему свое доверие и явно продолжает его мандат.

Теперь остается удержать силой эту власть, узурпированную обманом. Сразу же после подавления якобинских беспорядков Конвент, которому угрожали справа, переходит налево; ему нужны союзники, люди с исполнительными способностями. Он берет их везде, где только может найти, - у фракции, которая разлагала его до Термидора и которую он разлагает после Термидора. Поэтому исполнительный комитет приостанавливает все процессы,

начатые против главных "монтаньяров"; несколько террористов, бывших председателей секций, "матадоров квартала", арестованных после первого прериаля, в конце месяца выходят на свободу. У них хорошее оружие, они привыкли наносить энергичные удары без предупреждения, особенно когда нужно сбить с ног или растерзать честных людей. Чем сильнее общественное мнение против правительства, тем больше оно полагается на людей с дубинками и пиками, на забастовщиков, "вырванных из первичных собраний", на героев 2 сентября и 31 мая, опасных кочевников, заключенных Бичетра, платных убийц без работы, грубиянов из квартала Кинз-Вингтс и фэбура [Сент-Антуан5121](#). Наконец, 11 числа Вандемьера он собирает пятнадцать или восемнадцать сотен таких людей и вооружает их в батальоны.[5122](#) Они такие разбойники, что Менон, "генерал-майор армии внутренних дел и комендант вооруженных сил Парижа", приходит на следующий день с несколькими своими штабными офицерами и заявляет Комитету пяти, что "не потерпит таких бандитов ни в своей армии, ни под своими приказами". "Я не буду маршировать с кучей негодяев и убийц, объединенных в батальоны "под именем "патриотов 89-го года". Действительно, истинные патриоты 89-го года находятся на другой стороне, конституционалисты 1791 года, искренние либералы, "сорок тысяч собственников и купцов", элита и масса парижского [населения5123](#), "большинство людей, действительно заинтересованных в общественных делах", и в данный момент их волнует только общее благосостояние. Республика или королевская власть - это лишь второстепенная мысль, идея на заднем плане; никто не мечтает о восстановлении древнего режима, но очень немногие озабочены восстановлением ограниченной [монархии5124](#). "На вопрос наиболее серьезных людей, какое правительство они хотели бы видеть вместо Конвента, они отвечают: "Мы больше не хотим этого правительства, мы не хотим ничего, что к нему относится; мы хотим Республику и честных людей в качестве наших правителей""[5125](#) - вот и все; их восстание - это не политическое восстание против формы правительства, а моральное восстание против преступников, находящихся у власти. Поэтому, увидев, что Конвент вооружает против них их старых палачей, "тигров" времен Террора, признанных злоумышленников, они не могут сдержаться себя.[5126](#) "В тот день, - говорит один иностранец, посетивший многие общественные места Парижа, - я видел повсюду глубочайшее отчаяние, величайшее выражение ярости и гнева..... Без этого злополучного приказа восстание, вероятно, не вспыхнуло бы". Если они берут в руки оружие, то только потому, что их возвращают под пики Септембризеров и под топор Робеспьера. - Но это всего лишь национальные гвардейцы; у большинства из них нет [оружия5127](#); им не хватает пороха, а у тех, у кого он есть, всего пять или шесть зарядов; "подавляющее большинство не думает сражаться"; они считают, что "их присутствие нужно только для того, чтобы привести в исполнение петицию"; у них нет артиллерии, нет лидера; это просто волнение, шатание, беспорядок и ошибочные [маневры5128](#). Напротив, на стороне Конвента, со старыми забияками Анрио, восемь или девять тысяч регулярных войск, и Бонапарт; его пушки, которые громят улицу Сент-Оноре и набережную Вольтера, уничтожают пять или шесть сотен секционистов. Остальные разбегаются, и отныне парижане с шашками наголо не должны поднимать оружие против якобинской фракции, что бы она ни делала.

III. Директория регицидов.

Директория, выбранная среди регицидов.
своего рода.-Лидеры якобинцев лишены своих
гражданских прав.-Террористы освобождаются и восстанавливаются в
их гражданские права.-Пример в Блуа этих освобождений и
нового административного персонала.

Верховная власть снова в руках революционной группы. В соответствии со своими декретами от Фруктидора, она сначала обязывает избирателей взять две трети своих новых представителей из Конвента. А поскольку, несмотря на его декреты, избирательные собрания не переизбрали достаточного числа конвенционалистов, он сам выдвигает из списка, составленного его Комитетом общественной безопасности, те сто четыре кандидатуры, которых не хватает: Таким образом, как в Совете пятисот, так и в Совете древних, она обеспечивает себе абсолютное большинство в обеих палатах Законодательного корпуса. В исполнительной власти, в Директории, он обеспечивает себе единогласие. Пятьсот, ловко составляя списки, навязывают Древним своих кандидатов, заранее выбирая пять имен: Баррас, Ла Ревельер де Лепо, Рубель, Летурнер и Сийес, а затем, по отказу Сийеса, Карно. Все они - цареубийцы и, в соответствии с этой ужасной квалификацией, обязаны, рискуя головой, поддерживать фракцию цареубийц у власти. Естественно, Директория выбирает своих агентов из своего [народа5129](#) , своих министров и служащих их департаментов, послов и консулов, офицеров всех рангов, сборщиков прямых и косвенных налогов, управляющих национальными владениями, комиссаров гражданских и уголовных судов, комиссаров департаментских и муниципальных администраций. Обладая правом отстранять от должности и увольнять все выборные административные органы, он осуществляет это право. Если местные власти какого-либо города, кантона или департамента кажутся антиякобинскими, он отстраняет их и либо по собственному почину, либо с согласия Законодательного корпуса заменяет их якобинцами на месте.[5130](#) В других отношениях Конвент сделал все возможное, чтобы избавить своих клиентов от их главных противников и наиболее популярных соперников. Накануне своего роспуска он отстранил от всех "законодательных, муниципальных, административных и судебных функций" [5131](#) , даже от должности присяжного, не только тех, кто, справедливо или нет, был внесен в список эмигрантов и еще не вычеркнут, но и их отцов, сыновей и внуков, братьев и зятьев, их родственников той же степени, дядей и племянников. В общей сложности, вероятно, две или три сотни тысяч французов, почти вся элита нации. К ним добавляются остальные представители этой элиты, все честные и энергичные, которые на последних первичных или избирательных собраниях "спровоцировали или подписали" какое-либо выступление против деспотизма; если они еще занимают свои должности, то должны уйти в отставку в течение двадцати четырех часов или быть отправлены в вечное изгнание. Во многих местах, за неимением угодных им кандидатов, большинство избирателей остаются в стороне от голосования; кроме того, террористы прибегают к своей старой системе, то есть к грубому насилию.[5132](#) Вновь получив поддержку правительства, они подняли голову и теперь являются титулованными фаворитами. Конвенция вернула им гражданские права, которых они лишили своих противников: "каждый обвинительный или арестантский указ", вынесенный против них, "каждый исполненный или неисполненный ордер, все начатые процессы и иски", каждый приговор, касающийся их революционных действий, отменены. Самые "зверские" монтаньяры, самые кровожадные и подлые проконсулы, Дартигойт и Пиошефер-Бернар, Дарте, секретарь Лебона, великий сентябрьский убийца Россиньоль, председатели бывших революционных комитетов, "патриотические грабители, взломщики

печатей" и гарротеры, нагло разгуливают по улицам [Парижа5133](#). Самого Барера, которого, приговоренного к перевозке, повсеместно презираемого, когда он пересекает Францию, и который везде на своем пути, в Орлеане, Туре, Пуатье, Ниорте, едва не был разорван на куски народом, Барер не отправляет в Гиень; ему позволяют бежать, скрыться и спокойно жить в Бордо. Более того, конвенционалисты худшего сорта, такие как Монестье и Фусседуар, возвращаются в свой родной департамент, чтобы управлять им в качестве правительственных комиссаров.

Рассмотрим эффект этих освобождений и этих назначений в городе, который, как и Блуа, видел убийц за работой и который в течение двух месяцев следил за их [судом5134](#). Семь из них, члены Революционного комитета, командиры вооруженных сил, члены округа или департамента, национальные агенты в Индр-и-Луаре, которым было поручено провести или принять колонну из восьмисот рабочих, крестьянок, священников и "подозреваемых", вызывают расстрел почти шестисот из них, не в целях самообороны или предотвращения побега, так как эти бедняги, связанные по двое, шли как овцы, не ропща, а чтобы показать хороший революционный пример, чтобы держать народ в надлежащем подчинении с помощью террора и дать им возможность набить свои карманы.[5135](#) Минутное расследование развернуло перед судьями, присяжными и общественностью Блуа длинный ряд подлинных фактов и доказательств, с восьмидневными ходатайствами и самыми полными и яркими уликами; приговор вот-вот будет вынесен. Внезапно, за две недели до Вендемьера 13, декрет отменяет процесс, который уже стоил более 600 000 ливров, и предписывает провести новый суд в другой форме. Далее, после Вендемьера 13, в Блуа прибывает представитель, и его первой заботой становится освобождение мясников. Около тридцати рыцарей правили городом во времена Террора, все чужаки, кроме четырех или пяти, "все более или менее оскверненные преступлениями". Сначала главные убийцы:

- * Эзин, Жидуэн и их сообщники из соседних районов,
- * Симон и Бонно, бывший мэр Блуа,
- * Безар, бывший солдат, осужденный за казнокрадство и ограбление погребов, которые он отдал под секвестр,
- * Берже, бывший монах, а затем драгун, который с пистолетом в руке заставил настоятеля своего старого монастыря отдать средства общины,
- * Жио, бывший дворецкий месье (брата короля), затем судья во время сентябрьской резни, потом квартирмейстер в пиренейской армии и мародер в Испании, затем секретарь трибунала в Мелуне, из которого он похитил деньги, вместе с другими кочевниками и преступниками того же сорта, большинство из которых были сотрапезниками и ройстерами, один - бывший школьный учитель, другой - бывший женский парикмахер, третий - бывший стул; Все они - мерзкая публика, выбранная правительством в качестве своих агентов и под новыми титулами занимающая прежние должности. Во главе вооруженных сил стоит генерал Боннар, которого сопровождает проститутка и который проводит время в оргиях, воруя везде, где только можно, и настолько бесстыден в своем воровстве, что через полгода был приговорен к трем месяцам [кандалов5136](#). Прибыв в Блуа, он организует "платную гвардию, состоящую из самых отъявленных якобинцев" - везде, как и [здесь5137](#), это полный состав царствования Террора, мелкие властители, свергнутые после Термидора, политическая богема, восстановленная в своих функциях.

IV. Общественное мнение.

Сопrotивление общественного мнения.- Выборы IV года в Париже и в провинциях.- Директории угрожают ультра Якобинцы.- Принудительное улучшение якобинской администрации.

Таким образом, после Вандемьера 13 года создается впечатление, что якобинская банда во второй раз завоевала Францию. Однако это еще не так, ибо, восстановив свою власть, она еще не восстановила диктатуру.-Тщетно Баррас и Тальен, Дюбуа-Крансе, Мерлен де Дуай и Мари Шенье, Дельмас, Луве, Сийес и их продажная шайка, привыкшие к власти, деспотичные, беспринципные теоретики, пытаются отложить на неопределенный срок открытие законодательных органов, аннулировать выборы, очистить Конвент, восстановить в своих интересах ту тотальную концентрацию власти, которая под названием революционного правительства превратила Францию в [пахалык5138](#) в руках старого Комитета общественной безопасности.[5139](#) Но Конвент испугался за свою безопасность; в последний момент заговор был раскрыт, а удар сорван.[5140](#) Конституция, декретированная, была введена в действие, и система закона заменила систему произвола. Якобинское вторжение, благодаря только этому, было остановлено, а затем и задержано. Нация в состоянии защитить себя и защищает. Она постепенно отвоевывает утраченные позиции, даже в центре. В Париже избирательный [орган5141](#) , обязанный брать две трети своих депутатов от Конвента, не берет ни одного из депутации регентов, представляющих Париж. Все, кто был выбран, Ланжуайне, Ларивьер, Фермон, Саладин, Буасси д'Англас, желали спасти короля, и почти все были проскрибированы после 31 мая. В департаментах царит тот же дух. Члены Конвента, которым провинция отдает предпочтение, - самые видные анти-якобинцы: Тибодо переизбирается 32 избирательными коллегиями, Пеле де ла Лозер - 71, Буасси д'Англас - 72, Ланжуайне - 73. Что касается 250 человек новой трети, то это либералы 1789 года или умеренные 1791 [года5142](#) , большинство из них почтенные люди, многие из них хорошо информированы и имеют реальные заслуги, юристы, офицеры, администраторы, члены Конституционного собрания или Feuillants в Законодательном собрании, Матье Дюма, Вобланк, Дюпон де Немур, Симеон, Барбе-Марбуа и Тронсон-Дюкудрей. Столица, в частности, выбрала Дамбрея, бывшего генерального советника Парижского парламента, и Пасторе, бывшего министра Людовика XVI. Версаль посылает двух знаменитых адвокатов, защищавших короля в Конвенте, - Тронше и де Сеза.- Теперь, до 13-го Вандемьера, двести членов Конвента уже искренне встали на сторону парижских [избирателей5143](#) против террористов. Это создает сильное оппозиционное меньшинство внутри Законодательного корпуса, которое функционирует под защитой Конституции. Скрываясь за ним и за ними, элита и большинство французов ждут лучших времен. Директория обязана вести себя осторожно с этой большой группой, так хорошо поддерживаемой общественным мнением, и, соответственно, не управлять à la Turk. Поэтому они соблюдают если не дух, то хотя бы букву закона и не оказывают слишком откровенного влияния на местные выборы. Поэтому большинство местных выборов остаются свободными, и нация,

* несмотря на декрет, исключаящий каждого родственника эмигранта и каждого известного противника правительства с нынешних и будущих должностей,

* несмотря на страх, слабость и отвращение,

* несмотря на малое число голосов, редкость кандидатов и частый отказ избранных служить,⁵¹⁴⁴

в значительной степени реализует свою привилегию избирать своих администраторов и судей в соответствии со своими предпочтениями. Таким образом, значительное большинство новых администраторов департаментов, кантонов и муниципалитетов, а также значительное большинство новых судей по гражданским и уголовным делам и мировых судей, как и новая треть Конвента, являются весьма уважаемыми и авторитетными людьми. Они не запятнаны излишествами, все еще сохраняют надежды 1789 года, но с самого начала убереглись от революционной лихорадки или вскоре излечились от нее. В их руках любой указ о разорении или преследовании теряет свою силу. Поддерживаемые твердой и явной волей своих нынешних избирателей, они оказывают сопротивление комиссарам Директории, по крайней мере, протестуют против их поборов и жестокости, выигрывают время в пользу запрещенных, притупляют острие якобинской шпаги или отводят ее в сторону.

С другой стороны, правительство, владеющее этим мечом, не смеет, подобно Комитету общественной безопасности, всадить его по самую рукоять. Если пользоваться им как прежде, он может выскользнуть из рук. Яростные люди в его собственном лагере готовы вырвать его и повернуть клинок против него. Она должна защищаться от возрождающихся клубов, от Бабёфа и его сообщников, от тех отчаянных, которые ночными попытками пытаются всколыхнуть лагерь Гренель: в Париже сейчас четыре или пять тысяч человек готовы предпринять "гражданский святой Варфоломей", во главе которых стоят старые конвенционалисты, не сумевшие избраться, - Друэ, Амар, Вадье, Рикорд, Линьелот, Шодье, Югэ, Кюссе, Жавогю. Наряду с ними - друзья Шалье, последователи Робеспьера и Марата, ученики Сен-Жюста, Бертран де Лион, Буонаротти, Антонель, Россиньоль, Бабёф. За ними - уличные бандиты, те, "кто потрошил дома во время Революции", пекули или септембризеры, оставшиеся без работы, - словом, реликты террористических банд или революционной армии. Их план, верный их прецедентам, характеру и принципам, состоит не только в том, чтобы уничтожить "негодяев, которые держат кареты, богатеев и монополистов", всех депутатов и чиновников, которые не уходят в отставку по первому зову, но и, в особенности, в том, чтобы убить "генерала внутренних дел, его штат, семь министров и пять "петушиных шапок" (панашей) Люксембурга", то есть самих пяти директоров. Такие союзники не дают покоя. Несомненно, правительство, считающее их своей последней надеждой, которая может понадобиться ему в кризисной ситуации, щадит их как можно больше.⁵¹⁴⁵ Оно позволяет Друэ бежать и затягивает процесс над бабувистами, из которых гильотинируют только двоих, Бабефа и Дарте; большинство остальных оправдывают или они сбегает. Тем не менее, ради собственного спасения, он вынужден отделиться от самых яростных якобинцев и приблизиться к мирным гражданам. Благодаря этому внутреннему разладу в правящей фракции, честные люди удерживают должности, которые они занимали на выборах IV года. Ни один декрет не лишает их законного оружия, а в Законодательном корпусе, как и в администрациях и трибуналах, они рассчитывают занять новые должности на выборах V года.

V. Фактическая цель деятельности якобинцев: Власть и богатство.

Выборы V года.-Характер и настроения

Характер и настроения избранных.-Новое большинство в Законодательном корпусе.-Его принципы и программа.- Опасность и тревога якобинского

Опасность и беспокойство якобинского меньшинства.- Нерешительность, раскол, угрызения совести и слабость

умеренной партии.-Решительность, отсутствие угрызений совести, сила и

Решительность, отсутствие щепетильности, сила и методы работы якобинской фракции.-

18-е число

Фруктидор.

"Давненько, - пишет мелкий торговец из Эврё, - на выборах не было столько народу.5146.... Восемь выборщиков от города получили при первом голосовании абсолютное большинство голосов..... Все пришли на избирательные участки, чтобы не допустить выдвижения какого-либо выборщика из числа террористов, объявивших, что их правление вернется."- В окрестностях Блуа сельский владелец, самый осмотрительный и самый мирный из людей, отмечает в своем [дневнике5147](#) , что "сейчас самое время проявить личный интерес.... Каждый здравомыслящий человек обещал не отказываться от предложенной ему должности, чтобы не допустить якобинцев..... Есть основания надеяться, что наибольшее число избирателей не окажется террористами и что большинство законодательного корпуса будет в порядке, а меньшинство яростных, которым предстоит еще только один год работы, уступит (в 1798 году) место людям честным и не погрязшим в преступлениях.... В стране якобинцы тщетно пытались: люди с достатком, нанявшие часть избирателей, получили свои голоса, каждый собственник, желающий иметь орден..... Умеренные согласились голосовать за любого кандидата, если он не якобинец..... Из двухсот тридцати выборщиков в департамент сто пятьдесят - честные и порядочные люди..... Они придерживаются последней конституции как своего единственного палладия, и лишь немногие из них мечтают о восстановлении древнего режима". Их цель достаточно очевидна: они за Конституцию против Революции, за ограниченную власть против дискреционной, за собственность против грабежа, за честных людей против воров. "Вы предотвратите, говорят административные власти Аубе,[5148](#) возврат к пагубным законам максимума, монополий, воскрешение бумажных денег?... Неужели ценой безупречной жизни вы снова будете унижены, ограблены, заключены в тюрьму, подвергнуты пыткам со стороны самых мерзких, самых отвратительных и самых бесстыдных тиранов? У вас есть только одно средство: не отказывайтесь идти на свои первичные собрания и оставаться там". Избиратели, предупрежденные своими недавними личными и кровавыми впечатлениями, толпами устремляются на избирательные участки и голосуют по совести, хотя правительство с помощью присяги, официальных кандидатов, специальных комиссаров, запугивания и денег всей своей тяжестью давит на принятые ими решения. Хотя якобинцы в Невере, Маконе и других местах насильственно изгнали из своих бюро законно избранных офицеров и запятнали зал их кровью,[5149](#) "из 84 департаментов 66 избрали большинство выборщиков из числа антиреспубликанцев, причем восемь из них не были ни хорошими, ни плохими, а только десять остались верны якобинцам".[5150](#) По назначению таких выборщиков можно судить, каким будет новый Третий. "Из 250 конвенционалистов, исключенных жеребьевкой, едва ли пять или шесть были переизбраны; есть только восемь департаментов, в которых якобинцы имели хоть какой-то успех. "Сразу же после прибытия новых представителей, после проверки списков Законодательного корпуса, выясняется, что "правительство имеет 70 из 250 голосов среди Древних, 200 из 500 в Совете молодых", а вскоре в этом Совете будет менее 200 [человек5151](#) , не более 130, которые, конечно, будут исключены при предстоящем обновлении палат на выборах, которые становятся все более и более анти-якобинскими. Еще

год, как признают сами правители, и ни один конвенционалист, ни один чистый якобинец не будет заседать в Законодательном корпусе. Следовательно, по мнению революционеров, контрреволюция произойдет в VI году.

Это означает, что революция должна закончиться в VI году, и что мирное правление закона сменится жестоким правлением силы. На самом деле у большинства представителей и почти у всей французской нации нет другой цели: они хотят избавиться от социального и гражданского режима, которому они подчинялись с 10 августа 1792 года и который, ослабленный после 9 термидора, но возобновленный 13 вандемьера, длится до сих пор, благодаря исполнению самых одиозных законов и содержанию самых неблагоприятных агентов. Вот и все.[5152](#) [5152](#) В обоих Советах не нашлось и двадцати явных или убежденных роялистов. Вряд ли найдется более пяти или шести человек - Имбер-Коломез, Пишегрю, Виллот, Деларн, - которые, возможно, состоят в переписке с Людовиком XVIII и настроены поднять королевский флаг. Для остальных пятисот восстановление законного короля или установление какой бы то ни было королевской власти находится лишь на заднем плане; они рассматривают его лишь на расстоянии, как возможное сопровождение и отдаленное следствие их нынешней затеи. В любом случае, они примут только "смягченную монархию" [5153](#) , на которую надеялись либералы 1788 года, которую требовал Мунье после дней 5 и 6 октября, которую отстаивал Барнав после возвращения из Варенна, которую всегда рекомендовали Малуэ, Гувернер Моррис, Малле-Дюпан и все добрые наблюдатели и мудрые советники Франции. Никто из них не предлагает провозгласить божественное право и вернуться к аристократическому феодализму; каждый предлагает отменить революционное право и уничтожить якобинский феодализм. Принцип, который они осуждают, - это принцип, поддерживающий теорию анархии и деспотизма,

* применение социального [договора](#)[5154](#)

* диктатуру, установленную путем государственных переворотов, осуществляемых произвольно и поддерживаемых террором,

* систематическое и догматическое насилие над личностью, имуществом и совестью,

* узурпация злобного, фанатичного меньшинства, которое в течение пяти лет опустошает Францию и под предлогом повсеместного утверждения прав человека намеренно ведет войну, чтобы распространить свою систему за рубежом.

На самом деле они против Директории и ее клики, против Барраса с его двором сытых подрядчиков и содержанок, против Рубеля с его семейством вымогателей, клеймом парвеню и повадками трактирщика, против Ла Ревельера-Лепо с его горбатым тщеславием, философскими претензиями, сектантской нетерпимостью и глупым видом педанта-дурачка. На [трибуне](#)[5155](#) они требуют очищения администрации, подавления чиновничества, прекращения преследований и, в зависимости от того, насколько они возбуждены или осмотрительны, требуют судебных приговоров или просто отстранения якобинцев от должности, немедленного и полного подавления или частичной и тщательной реформы законов против священников и богослужения, против эмигрантов и [дворян](#)[5156](#) Ни у кого нет .и мысли о нововведениях в отношении распределения государственных полномочий, способа назначения центральных или местных властей. "Клянусь честью, - пишет Матье Дюма, - что моим намерением всегда было сохранение республиканской конституции, поскольку я убежден, что при умеренном и справедливом управлении она может дать покой Франции, сделать свободу известной и лелеемой и со временем исправить зло, причиненное Революцией. Я клянусь, что мне никогда не делалось никаких предложений, прямых или косвенных, чтобы моими действиями, словами или молчанием послужить или

вызвать преобладание в ближайшем или отдаленном будущем каких-либо других интересов, кроме интересов Республики и Конституции". "Среди депутатов, - говорит Камилл Жордан, - некоторые могли бы предпочесть королевскую власть; но они не сговаривались, рассматривая Конституцию как залог, доверенный их чести... Они подчиняли свои самые заветные планы национальной воле; они понимали, что королевская власть не может быть восстановлена без ударов и разработки этого законопроекта". "Между нами, - снова говорит Барбе-Марбуа, - были разногласия относительно того, как поладить с Директорией, но совсем не было разногласий относительно сохранения Конституции".⁵¹⁵⁷ Почти до последнего момента они строго придерживались своих законных прав, а когда в конце концов они были склонны отступить от них, то лишь для того, чтобы защититься от поднятой над головой сабли⁵¹⁵⁸. Неоспоримо, что их лидеры - "самые уважаемые и самые способные люди в Республике"⁵¹⁵⁹, единственные представители свободного избирательного права, зрелых взглядов и долгого опыта, единственные, по крайней мере, в чьих руках Республика, восстановленная в порядке и справедливости, имела бы хоть какой-то шанс стать жизнеспособной, фактически единственные либералы. И именно по этой причине номинальные республиканцы должны были их подавить.

В сущности, при правительстве, которое не допускает нападения на людей, на государственную или частную собственность, якобинская теория не только невозможна, но и якобинские злодеяния осуждаются. Теперь якобинцы, даже если они отреклись от своих принципов, помнят свои поступки. Они встревожились после прихода первой Третьей, в октябре 1795 года: "Конвенционалисты, - пишет один из новых депутатов⁵¹⁶⁰, - смотрят на нас как на людей, которые в один прекрасный день отдадут их в руки правосудия". После вступления второй Третьей, в мае 1797 года, их страх усилился; регициды, особенно, чувствуют, что "их безопасность зависит только от исключительного и абсолютного господства".⁵¹⁶¹ Однажды Трейльяр, один из их знатных людей, уединившись с Матье Дюма, говорит этому старому фельяну и другу Лафайета, хорошо известному своей лояльностью и умеренностью: "Вы очень честные и очень способные люди, и я верю, что вы действительно хотите сохранить правительство в его нынешнем виде, потому что ни для вас, ни для нас нет никакого надежного способа заменить его другим. Но мы, конвенционалисты, не можем позволить вам продолжать; хотите вы того или нет, вы постепенно ведете нас к гибели; между нами нет ничего общего." - "Каких же гарантий вы требуете?" - "Только одной. После этого мы сделаем все, что вы захотите, мы позволим вам ослабить пружины - дайте нам эту гарантию, и мы будем слепо следовать за вами!" - "И что же вы хотите этим сказать?"

"Выйти на трибуну и заявить, что если бы вы были членом Конвента, то проголосовали бы за смерть Людовика XVI, как это сделали мы!" - "Вы требуете невозможного. Вы не сделали бы этого на нашем месте. Вы приносите Францию в жертву напрасным страхам".

"Нет, риск не равен; на карту поставлены наши головы!"

Возможно, их головы, но, конечно, их власть, места, состояния, удобства и удовольствия, все то, что в их глазах делает жизнь достойной жизни. Каждое утро семьдесят парижских газет и столько же местных газет в крупных городах провинций разоблачают, с подтверждающими документами, деталями и цифрами, не только их прежние преступления, но, опять-таки, их фактическую коррупцию, их внезапное богатство, основанное на хитрости и хищничестве, их взятки и казнокрадство...

* один, награжденный роскошно обставленным особняком компанией благодарных подрядчиков;

* другой, сын бейлифика и потенциальный карфузианец, теперь владеет церковной собственностью, восстановленной им за большие деньги для охотничьих угодий; третий также монополизирует лучшие земли в Сене-и-Уазе;

* еще один, импровизированный владелец четырех замков;

* еще один, свивший гнездо на пятнадцать или восемнадцать [миллионов](#) [5162](#).

С их свободными и произвольными способами ведения дел, их привычками накопителей и транжир, их показухой и наглостью, их расточительством, их придворными и их проститутками. Как они могут отказаться от всего этого? Тем более что это все, что у них есть. Их измученная совесть совершенно равнодушна к абстрактным принципам, к народному суверенитету, к общему благу, к общественной безопасности; тонкая и хрупкая оболочка звучных фраз, под которой они раньше пытались скрыть эгоизм и извращенность своих похотей, отслаивается и падает на землю. Они сами признаются, что заботятся не о Республике, а прежде всего о себе и только о себе. Тем хуже для Республики, если ее интересы противоположны их интересам; как скоро выразится Съезд, задача состоит не в том, чтобы спасти Революцию, а в том, чтобы спасти революционеров.

На этот раз умеренные не хотят понять, что война объявлена и что это война до ножа. Они не согласны между собой; они хотят выиграть время, они колеблются и укрываются в конституционных формах - они не действуют. Решительные меры, которые предлагают восемьдесят решительных и дальновидных депутатов, ослабляются или приостанавливаются предосторожностями трехсот других, недальновидных, ненадежных или робких. [5163](#) Они не осмеливаются даже воспользоваться своим законным оружием:

* аннулировать военное деление внутренних дел,

* подавить комиссию Ожеро,

* и сломать шпагу, приставленную к их горлу тремя директорами-заговорщиками.

В Директории у них есть только пассивные или нейтральные союзники: Бартеми, который предпочел бы быть убитым, чем убивать, Карно, слуга своего законного пажа, боящийся рисковать своей республикой и, кроме того, напоминающий, что он голосовал за смерть короля. Среди "Пятисот" и "Древних" Тибодо и Тронсон-Дюкудрей, два лидера "du ventre", арестовывают оружие Пишегрю и других энергичных людей, не дают им возможности нанести удар, позволяют им лишь отвести его, но всегда слишком поздно. Через три дня после 10-го фруктидора, когда, как все знали и видели, должен был быть нанесен последний удар, восемьдесят депутатов, которые меняют свои места, чтобы не быть схваченными в своих постелях, еще не могут решиться на наступление. В этот день к Матье Дюма пришел [очевидец](#) [5164](#) и рассказал, что накануне вечером в доме Барраса обсуждался вопрос об умерщвлении или перевозке в Кайенну около сорока членов двух советов и что была принята вторая мера. На это комендант Национальной гвардии, приведя Дюма ночью в сад Тюильри, показал ему своих людей, спрятавшихся за деревьями, вооруженных и готовых выступить по первому сигналу. Он должен немедленно овладеть Люксембургским [дворцом](#) [5165](#), который плохо охраняется, и покончить с Баррасом и Рубелем на месте: на войне убивают, чтобы не быть убитым, и, когда враг прицеливается, ты имеешь право стрелять, не дожидаясь. "Только, - говорит комендант, - обещайте мне, что вы напишете на трибуне, что приказали атаковать, и дайте мне честное слово". [5166](#) Матье Дюма отказывается, просто потому, что он человек чести. "Вы были глупцом, - сказал ему впоследствии Наполеон по этому поводу, - вы ничего

не знаете о революциях "5166. В сущности, честь, верность, ужас перед кровью, уважение к закону - вот слабые стороны партии.

Противоположные чувства составляют сильные стороны другой партии. На стороне триумвиров никто не знает укоров совести: ни Баррас, кондотьер, открытый для всех желающих и понимающий цену ударам, ни Рубель, своего рода бык, который, возбуждаясь, видит красное, ни Мерлин де Дуэ, ужасный легист, светский инквизитор и палач наедине.⁵¹⁶⁷ Как обычно у якобинцев, эти люди обнажили шпагу и клеймили ее. Презрев конституцию, они спровоцировали дискуссии в армии и дали понять Законодательному корпусу, что если он не уступит, то будет уничтожен острием штыка. Они выпустили против него, "как в старые добрые времена "⁵¹⁶⁸, свой исполнительный сброд и выстроили на проспектах и трибунах "своих бандитов обоего пола". Они собирают вместе свои банды грубиянов, пять или шесть тысяч террористов из Парижа и департаментов и две тысячи офицеров, ожидающих приказа или находящихся на полуоплате. Вместо Хоше, о неконституционном приближении которого было сообщено, а затем предотвращено, у них есть Ожеро, прибывший специально из Италии и открыто заявляющий: "Я послан, чтобы убивать роялистов". Невозможно найти более узколобого и более воинственного задиру; сам Рубель, увидев его, не мог не воскликнуть: "Какой крепкий разбойник!" - 18-го числа Фруктидора этот официальный фехтовальщик с восемью или десятитысячным войском окружает Тюильри и вторгается в него. Представителей арестовывают в их залах заседаний или домах, преследуют, выслеживают и выслеживают, а с остальными их противниками, знатными особами, офицерами, руководителями бюро, журналистами, бывшими министрами и директорами, Бартелеми и Карно, поступают точно так же. Барбе-Марбуа, спросив, на основании какого закона они были [арестованы](#)⁵¹⁶⁹, получает ответ: "По закону сабли", а Сотин, министр полиции, с улыбкой добавляет: "Вы можете быть уверены, что после того, что я принял на себя, не имеет значения, более или менее скомпрометирован человек". - Очистившись таким образом, два Совета завершают свое очищение; они отменяют в сорока девяти департаментах выборы своих коллег; посредством этого декрета и транспортировки, посредством принудительных и добровольных отставки двести четырнадцать представителей выходят из Законодательного корпуса, а сто восемьдесят других, из-за страха или отвращения, перестают посещать его заседания.⁵¹⁷⁰ От обоих Советов не осталось ничего, кроме, как и в английском парламенте при Кромвеле, "обломков", которые ведут дела под разящими мечами. В Совете древних, который 18 числа обсуждал в [полночь](#)⁵¹⁷¹ декрет о транспортировке, "группы гренадеров с изможденным видом, грубым языком, угрожающими жестами" и с примкнутыми штыками окружают амфитеатр и, смешавшись с солдатами и гражданскими головорезами, выкрикивают свои приказы. Таковы сторонники клеветнической истории, сочиненной Директорией. Избирателям нужны такие аргументы, чтобы заставить себя поверить в грандиозный заговор, который она разоблачает, чтобы ассоциировать Бартелеми, Карно, Симеона, Барбе-Марбуа, Буасси д'Англаса, Матье Дюма, Пасторе, Тронсона дю Кудрэ в качестве сообщников с узлом подчиненных интриганов, презренных "обезьян" (мартышек), болванов или шпионов, чьи бумаги уже шесть месяцев находятся в руках полиции, и которых она заставляет говорить под замком.⁵¹⁷² Всех окутывают одной сетью, всех объединяют под одним названием, всех массово осуждают без доказательств и формальностей. "Доказательства!" - восклицает один из ораторов, - "против роялистской фракции они не нужны. У меня есть свои убеждения "⁵¹⁷³- "Формальности!" - восклицает другой, - "враги страны не могут ссылаться на формальности, которые они презрели бы, если бы одержали победу". "Там народ, - говорит третий, указывая на дюжину присутствующих плохо выглядящих мужчин, - весь народ должен одержать победу над несколькими личностями!" "Быстрее!" - кричит солдат, желающий прекратить дискуссию, - "патриоты, марш, вдвое быстрее!" - Дебаты, тем не

менее, затягиваются, и правительство, испытывая нетерпение, вынуждено вмешаться с посланием: "Народ, - говорится в послании, - хочет знать, что стало с Республикой, что вы с ней сделали..... У заговорщиков есть агенты, даже среди вас самих". Послание понято, и теперь представители понимают, что если они не выедут, то сами будут высланы. Поэтому "примерно четырнадцать или пятнадцать человек выступают за декрет, а семь - против; остальные остаются неподвижными": так свободно и законно принимается декрет о спасении Конституции. За четыре года до этого был принят аналогичный декрет об изгнании жирондистов, точно таким же образом, за исключением того, что тогда Гора использовала народ, а сейчас - армию; за исключением разницы в фигурантах, спектакль является простым повторением той же драмы, которая была разыграна 2 июня, а теперь снова разыгрывается 18 [фруктидора](#)[5174](#).

VI. Директория.

Диктатура Директории.- Ее новые прерогативы.- Чистка законодательного корпуса.- Очищение административных и судебных органов.- Военные Военные комиссии в провинциях.- Подавление газет.-Исключение права голоса только для якобинцев.-Деспотизм Директории.-Возрождение террора.-Транспортировка вместо гильотины.-Обращение с депортированными по дороге, в Гайане и на островах Ре и Реставрация якобинского феодализма.

Так возвращается к жизни правительство 1793 года:

Сосредоточение всей государственной власти в руках олигархии, диктатура, осуществляемая примерно сотней человек, объединенных вокруг пяти-шести лидеров.

Более независимая, более деспотичная и менее временная, чем любой Комитет общественной безопасности, Директория присвоила себе законное право ставить коммуну на осадное положение, вводить войска в пределы конституционного [круга](#)[5175](#) таким образом, чтобы по своему усмотрению нарушать Париж и Законодательный корпус. В этом органе, изуродованном им и наблюдаемом его наемными убийцами,[5176](#) сидят пассивные немые, которые чувствуют себя "морально запрещенными и наполовину депортированными" [5177](#), которые отказываются от дебатов и голосуют вместе с его стипендиатами и камердинерами.[5178](#) [5178](#) По сути дела, оба совета, как ранее Конвенция, стали палатами "реестра" законодательного механизма, на который возложена обязанность подписывать его распоряжения.Его власть над подчиненными органами еще более абсолютна. В сорока девяти департаментах, специально обозначенных декретом, массово увольняются все управляющие департаментами, кантонами и муниципалитетами, все мэры, судьи по гражданским и уголовным делам, все мировые судьи, все избранные народным [голосованием](#)[5179](#) , а в остальной Франции чистка почти такая же масштабная. Можно

судить по одному примеру: в департаменте Дуб, который не попал в число подлежащих чистке, в 1797 году увольняют пятьсот тридцать администраторов или муниципальных магистратов, а в 1798 году - еще сорок девять. Директория расставляет свои креатуры по местам: внезапно департаментская, кантональная, муниципальная и судебная система, которая была американской, становится наполеоновской, и местные чиновники, вместо того чтобы быть делегатами народа, становятся делегатами правительства. -Особенно обратите внимание на самую угрожающую из всех узурпаций, на то, как это правительство берет правосудие в свои руки и присваивает себе право жизни и смерти над людьми: Оно не только разрушает общие уголовные суды и реорганизует их по своему усмотрению, не только обновляет и выбирает из чистейших якобинцев судей апелляционного суда, но и в каждой военной дивизии учреждает специальный и быстрый суд без апелляции, состоящий из послушных офицеров, субофицеров и солдат, который должен в течение двадцати четырех часов осудить и казнить под предлогом эмиграции или священства каждого, кто несносен для правящих фракций. -Что касается двадцати пяти миллионов подданных, которых она только что приобрела, то здесь нет никакого убежища: запрещено даже жаловаться. Сорок два оппозиционных или "подозрительных" журнала одним махом затихают, их акции расхищаются, а типографии разоряются; через три месяца после этого наступает очередь еще шестнадцати, а через год - еще одиннадцати; Владельцы, редакторы, издатели и вкладчики, среди которых Ла Гарп, Фонтанес, Фьеве, Мишо и Лакретель, большое число почетных или выдающихся писателей, четыре-пять сотен человек, составляющих штат профессии, все они без суда и следствия приговорены к [изгнанию5180](#) или тюремному заключению, арестованы, бегут, скрываются или молчат. Единственный голос, который теперь слышен во Франции, - это мегафон правительства.

Естественно, право голоса ограничено так же, как и право письма, так что победители Фруктидора, наряду с правом говорить, теперь монополизируют и право избирать. Правительство сразу же возобновило декрет, принятый истекающим Конвентом против союзников или родственников эмигрантов. Более того, оно исключило всех родственников или сторонников членов первичных собраний и запретило первичным собраниям выбирать кого-либо из них в качестве избирателей. Отныне все добропорядочные и даже мирные граждане считают себя предупрежденными и сидят дома. Голосование - это действие правителя и, следовательно, привилегия новых государей, и именно такой точки зрения придерживаются и государи, и [подданные51815182](#) : "республиканское меньшинство, действующее на законных основаниях, должно одержать верх над большинством, находящимся под влиянием роялизма ". "Республиканское меньшинство, действующее на законных основаниях, должно одержать верх над большинством, находящимся под влиянием роялизма " [5182](#) Они должны видеть правительство в дни выборов, пуская "в каждый департамент своих комиссионеров и контролируя голоса угрозами и всевозможными обещаниями и соблазнами " [5183](#) , арестовывая выборщиков и председателей первичных собраний, даже набрасываясь на несговорчивых якобинцев, признавая недействительными результаты большинства, если они их не устраивают, и делая действительным выбор меньшинства, если он их устраивает, короче говоря, делая себя главным выборщиком всех местных и центральных властей. -Наконец, все институты, законы, общественные и частные права рушатся, и нация, душой и телом, снова становится, как при Робеспьере, собственностью своих правителей с той лишь разницей, что короли Террора, отложив свою конституцию, открыто провозглашают свое всемогущество, тогда как остальные лицемерно правят по конституции, которую сами же и разрушили, и царствуют в силу титула, запрещающего им королевскую власть.

Они также поддерживают себя с помощью Террора; только, подобно многим Тартюфам, они не склонны открыто действовать в качестве палачей. Директория, наследница Конвента, пытается отречься от своего наследства: "Горе, - говорит Буле де ла Мерте, - тому, кто восстановит эшафоты". Гильотины не будет; ее поставщики были слишком сильно осуждены; они стоят слишком близко к красному потоку и смотрят со слишком большим нервным ужасом на тех, кто его питает. Лучше использовать смерть на расстоянии, затяжную и спонтанную, без вытекания человеческой крови, "сухую", менее отталкивающую, чем другая, но более болезненную и не менее верную; это должно быть заключение на болотах Рошфора, а еще лучше - перевозка на лихорадочные берега Гвианны: нет никакого различия между способом, используемым Конвентом и Директорией, кроме различия между убийством и причинением [смерти5184](#). Более того, все жестокости, которые можно применить для подавления возмущения запрещенных страхом, исчерпываются в пути. Первый конвой, который везет, вместе с тринадцатью другими, Бартелеми, заключившего Базельский договор, Пишегрю, завоевателя Голландии, Лафон-Ладебата, президента Совета пятисот, Барбе-Марбуа, президента Совета древних, сначала был снабжен [каретами5185](#). По распоряжению Директории их заменил тюремный фургон - железная машина с одной дверью, запертой на болты и висячие замки, с отверстиями, через которые дождь лил ручьями, и с обычными досками для сидений. Эта громоздкая машина без рессор катится быстрой рысью по колеям на дороге, при каждом толчке приговоренные к смерти заключенные ударяются о твердые дубовые борта и крышу; один из них, добравшись до Блуа, "показывает свои черно-синие локти". Человек, выбранный для командования этим конвоем, - самый мерзкий и жестокий преступник в армии, Дютер, бригадир медников до революции, затем офицер, приговоренный к кандалам за воровство во время войны в Вандее, и такой прирожденный грабитель, что он снова лишает своих людей жалованья в дороге; очевидно, что он подходит для своей работы. Остановившись в Блуа, "он проводит ночь в оргии со своими братьями и друзьями", такими же ворами и убийцами, как описанные выше. Он проклинает мадам Барбе-Марбуа, пришедшую проститься с мужем, увольняет на месте коменданта жандармерии, который поддерживает ее в обмороке, и, заметив уважение и знаки внимания, которые все жители, даже чиновники, проявляют к заключенным, восклицает: "Ну что ж, что за воздушность и любезность для людей, которые, возможно, будут мертвы через три или четыре дня!" На судне, которое их перевозит, и все еще в пределах видимости от Рошели, замечают лодку, которая энергично гребет, чтобы догнать их, и слышат крик: "Я сын Лафон-Ладебата! Позвольте мне обнять моего отца!" С судна доносится крик: "Не подходите, а то по вам будут стрелять!" - Их каюты во время плавания вредны; им не разрешается находиться на палубе более четырех человек за раз, один час утром и один час вечером. Матросам и солдатам запрещено с ними разговаривать; их пища состоит из матросского пайка, да и тот портится; к концу плавания они умирают от голода. В Гайанне им разрешено иметь одну свечу в столовой и не иметь столового белья; у них нет воды, или она непригодна для питья; из шестнадцати человек, доставленных в Синнамари, выживают только двое.

Тем, кого депортируют на следующий год, - священникам, монахам, депутатам, журналистам и ремесленникам, обвиненным в эмиграции, - приходится еще хуже. На всех дорогах, ведущих к Рошфору, можно увидеть скорбные толпы на повозках или бредущих в папках, пешком, как бывшие цепи каторжников. "Старик восьмидесяти двух лет, месье Дюлорен из Куимпера, таким образом пересекает четыре департамента" в кандалах, которые его душат. Вслед за этим бедняги, оказавшиеся между палубами "Декада" и "Байоннеза", зажатые, задыхающиеся от недостатка воздуха и знойной жары, плохо обработанные и ограбленные, умирают от голода или удушья, в то время как Гайанна завершает плавание: из 193 человек, доставленных на борту "Декада", к концу двадцати двух месяцев осталось только 39, а из 120,

доставленных "Байоннезом", - только один. -В то же время во Франции, в казематах островов Ре и Олерон, более двенадцатисот священников задохнулись или сгнили, в то время как со всех сторон военные комиссары департаментов энергично отстреливаются. В Париже и его окрестностях, в Марселе, Лионе, Бордо, Ренне и в большинстве крупных городов внезапные аресты и тайные похищения продолжают множиться. [5186](#) "Никто, уходя на покой, не уверен, что проснется на свободе на следующее утро..... От Байонны до Брюсселя царит лишь одно настроение - беспредельное оцепенение. Никто не осмеливается ни заговорить, ни встретиться взглядом, ни помочь друг другу. Все держатся в стороне, дрожат и прячутся"... Таким образом, с помощью этой третьей наступательной реакции якобинское завоевание завершается, и группа завоевателей, новый феодализм, становится непоколебимой установкой. "Все, кто здесь проезжает, - пишет житель Тура, - утверждают, что в стране нет никакой разницы между нынешними временами и временами Робеспьера [5187](#)..... Несомненно, что почва не пригодна для жизни, и что народу постоянно угрожают поборами, как в завоеванной стране..... Собственников задавливают поборами до такой степени, что они не могут ни покрыть свои ежедневные расходы, ни оплатить стоимость обработки земли. В некоторых из моих старых приходов повинности отнимают около тринадцати из двадцати су дохода... Проценты на деньги составляют четыре процента в месяц... Турне, ставшее жертвой террористов, которые пожирают департамент и занимают все должности, находится в самом плачевном состоянии; все зажиточные семьи, все купцы, все торговцы покидают его"... Ветераны-мародеры и убийцы, оруженосцы (*hobereaux*) времен Террора, снова появляются и возвращают свои вотчины. В Тулузе это Барро, сапожник, известный до 1792 года своей яростью при Робеспьере, и Десбарро, другой безумец 1793 года, в прошлом актер, игравший роли камердинеров, вынужденный в 1795 году на коленях на сцене просить прощения у публики и, не получив его, изгнанный из дома, а теперь занимающий должность кассира в театре и выдающий себя за управляющего департаментом. В Блуа мы находим уже знакомых нам благородных и жестоких персонажей - убийц и грабителей Эзина, Жю, Венайля, Безара, Берже и Жидуэна. [5188](#) Сразу же после Фруктидора они подняли своих обычных сторонников против первого конвоя депортированных, "бездельников, портового сброда и отбросов народа", которые осыпали их оскорблениями. В ответ на это новое проявление патриотизма правительство возвращает им их административные или судебные "сатрапии, и, как ни одиозны они, их терпят и им подчиняются, с немой и скорбной покорностью отчаяния". Душа [замирает](#) [5189](#) при ежедневном просмотре казней призывников и эмигрантов, при виде постоянно проходящих мимо приговоренных к транспортировке..... Всех, кто неугоден правительству, заносят в эти списки умерших, так называемых эмигрантов, того или иного куратора, который, как известно, не покидал департамента". Честным людям невозможно голосовать на первичных собраниях, поэтому "выборы проходят ужасно. Братья" и их друзья громко заявляют, что не нужны ни дворяне, ни священники, ни собственники, ни купцы, ни правосудие; все должно быть отдано на разграбление". Пусть лучше Франция погибнет, чем смирится с их господством. "Эти несчастные объявили, что не уступят своего места, не свергнув всех, не разрушив дворцов и не поджегши Парижа".

VII. Усиление чистого якобинства.

Применение и усугубление законов царствования

Террор.- Меры, принятые для насаждения гражданской религии.- Арест, перевозка и казнь священников.- Остракизм

предложенный против всего антиякобинского сословия.- Дворяне или благодетельствованные, а не эмигранты, объявляются иностранцами.

-Декреты против эмигрантов всех сословий.-Другие меры, принятые против оставшихся собственников. Банкротство, принудительный заем, заложники.

Естественно, что в среде чистых якобинцев вновь появляются чистый якобинизм, эгалитарный и антихристианский социализм, программа погребального года; короче говоря, жесткие, простые, истребительные идеи, которые секта собирает, как кинжалы, инкрустированные кровью, из сброшенных одежд Робеспьера, Бийо-Варенна и Колло д'Эрбуа.[5190](#)

На первый план выходит неизменная и любимая идея старомодного философствования. Под этим я подразумеваю последовательный и декретированный план основать светскую религию, навязать соблюдение и догмы ее теорий двадцати шести миллионам французов и, таким образом, уничтожить христианство, его богослужение и духовенство. Занимающие свои посты инквизиторы с необычайной настойчивостью и тщательностью множат проскрипции и энергичные меры по насильственному обращению народа. Цель - заменить импровизированные обряды логической абстракции, механически выработанные в чулане, на нежные чувства, питаемые обычаями восемнадцати веков.-Никогда тупое воображение третьесортного ученого и классического поэта, гротескная торжественность педанта, увлекающегося фразами, раздражающая твердость узкого и упрямого приверженца не проявлялись с большей сентиментальной напыщенностью и большей административной официальностью, чем в декретах Законодательного [корпуса5191](#) , в актах, принятых Директорией, и в инструкциях министров Сотена, Летурнера, Ламбрехта, Дюваля и Франсуа де Нёфшато. Война в воскресенье, по старому календарю и в пост, обязательный отдых в декады под страхом штрафа и тюремного [заключения5192](#) , обязательные праздники в годовщины 21 января и 18 фруктидора, участие всех должностных лиц с их культом, обязательное присутствие государственных и частных преподавателей с их учениками обоих полов на гражданских церемониях, обязательная литургия с катехизисами и программами, присланными из Парижа, правила сценической демонстрации и пения, чтения, позы, аплодисментов и проклятий. Можно было бы пожать плечами на эти предписания кюистов и парады марионеток, если бы за апостолами, сочиняющими моральные аллегории, мы не обнаружили гонителя, который сажает в тюрьму, пытается и убивает.-Декретом от 19 фруктидора не только были вновь приведены в исполнение все законы эпохи Террора, направленные против неprisягнувших священников, их укрывателей и последователей, но и Директория присвоила себе право изгонять "посредством отдельных актов, принятых по причине", каждого священнослужителя, "нарушающего общественное спокойствие", то есть осуществляющего свой сан и проповедующего свою веру;[5193](#) и, кроме того, право

расстреливать в течение двадцати четырех часов каждого священника, который, изгнанный по законам 1792 и 1793 годов, остался во Франции или вернулся в нее. Почти все священнослужители, даже те, кто присягает, относятся к первой категории; только в департаменте Дубс администрация насчитала 366 человек⁵¹⁹⁴, а в департаменте Эро - 556. Тысячи церковников относятся ко второй категории; администрация насчитала более 800 человек, которые, вернувшись с границы Испании, все еще бродят по южным департаментам. На основании этого действующие моралисты провозглашают охоту на черную дичь в определенных местах, всеобщее уничтожение без исключений и отсрочек. Например, в Бельгии, недавно присоединенной к Франции, все регулярное и светское духовенство массово конфискуется и выслеживается для перевозки; 560 священнослужителей в "Урте и лесах", 539 в Эско, 883 в Жеммапсе, 884 в Самбре-и-Мезе, 925 в Ла-Лис, 957 в Де-Нете, 1 043 в Мёз-Инферьере, 1 469 в Дайле, всего 7 260, не считая пропавших без вести⁵¹⁹⁵. Часть из них бежит за границу или прячется, но остальных ловят, и их вполне достаточно, чтобы постоянно нагружать и заполнять повозки. "Не проходит и дня, - говорит житель Блуа⁵¹⁹⁶, - чтобы от семи до двадцати и более человек не поселились у кармелитов". На следующий день они отправляются в казематы Ре и Олерон или на болота Синнамари, где, как известно, с ними происходит то же самое: через несколько месяцев три четверти из них лежат на кладбище. -Внутри страны время от времени расстреливают некоторых, например, семерых в Безансоне, одного в Лионе, троих в Буш-дю-Рон, а противники фанатизма, официальные филантропы, просвещенные деисты Фруктидора используют все эти замаскированные или объявленные убийства как основу, на которой можно воздвигнуть культ Разума.

Теперь остается закрепить поклонение Разуму господством Равенства, которое является вторым пунктом якобинского кредо. Теперь задача состоит в том, чтобы срубить все головы, возвышающиеся над общим уровнем, и на этот раз не поодиночке, а большими группами. Сам Сен-Жюст лишь втайне предлагал столь обширную и масштабную операцию. Сийес, Мерлин де Дуай, Рубель, Шазаль, Шенье и Буле де ла Мерт более открыто и решительно настаивают на радикальной ампутации. По их мнению⁵¹⁹⁷, необходимо "упорядочить этот остракизм", изгнав "всех тех, чьи предрассудки, притязания, даже существование, одним словом, несовместимы с республиканским правлением". То есть не только священников, но и дворян и благодетельствованных, всех парламентариев, зажиточных и выдающихся представителей буржуазии и бывших знатных особ, около двухсот тысяч владельцев собственности, мужчин и женщин; словом, всех, кто еще оставался среди угнетенных и разоренных революцией.⁵¹⁹⁸ Предложение было отвергнуто бывшим дворянином Баррасом и общественным резонансом "самых купцов и рабочих", и изгнание было заменено гражданской деградацией. Отныне⁵¹⁹⁹ каждый знатный или благодетельствованный человек, даже если он не покидал территорию страны, даже если он постоянно и пунктуально подчинялся революционным законам, даже если он не был родственником или союзником какого-либо эмигранта, лишался своего качества француза. Один только факт, что он был дворянином или дворянкой до 1789 года, обязывает его быть натурализованным в соответствии с законными формами и условиями. Что касается 150 000 дворян, ремесленников и фермеров, которые эмигрировали или были обвинены в эмиграции, то если они вернулись или остаются во Франции, они должны покинуть Париж и все коммуны свыше 20 000 душ в течение двадцати четырех часов, а Францию - в течение пятнадцати дней. В противном случае они должны быть арестованы, преданы военным комиссиям и расстреляны на месте⁵¹¹⁰⁰; фактически, во многих местах, в Париже, Безансоне и Лионе, их расстреливают. Теперь большое число мнимых эмигрантов, которые никогда не покидали Францию⁵¹¹⁰¹, ни свою провинцию, ни свою коммуну, и чьи имена были внесены в списки только для того, чтобы лишить их собственности, обнаруживают, что они больше не

защищены ни постоянством, ни известностью своего места жительства. Не успевают прочитать новый закон, как начинают представлять себе расстрельную команду; родная земля оказывается для них слишком теплой, и они быстро эмигрируют.[51102](#) С другой стороны, как только имя попадает в список, справедливо или нет, оно никогда не удаляется. Правительство намеренно отказывается вычеркнуть его, в то время как применяются два декрета, которые делают его удаление [невозможным](#)[51103](#) ; каждое имя, оставленное в списке разграбления и смерти, избавляет Революцию от вероятного противника и предоставляет в ее распоряжение еще один домен.

Директория возобновляет и усугубляет меры Конвента против оставшихся владельцев собственности: банкротство уже не замаскированное, а объявленное. 386 000 держателей фондов и пенсионеров лишаются двух третей своих доходов и капитала.[51104](#) Принудительный заем в 100 миллионов взимается постепенно и целиком с "зажиточного класса". Наконец, существует закон о заложниках, этот зверский закон, задуманный в духе сентября 1792 года, навеянный знаменитыми выступлениями Колло д'Эрбуа против заключенных и Бийо-Варенна против юноши Людовика XVII, но расширенный, разработанный и составленный с холодной юридической проницательностью, а также введенный в действие и применяемый с дальновидностью администратора. Отметим, что, не считая бельгийских департаментов, где происходит и распространяется широкое восстание, под действие этого закона подпадает более половины территории. Ибо из восьмидесяти шести департаментов [Франции](#)[51105](#) , правильно называемых так, сорок пять в данный момент, согласно условиям [декрета](#)[51106](#) , "объявлены находящимися в состоянии гражданского восстания". В этих департаментах, согласно официальным отчетам, вооруженные толпы призывников оказывают сопротивление властям, ответственным за их вербовку, банды из двухсот, трехсот и восьмисот человек переполняют страну, отряды разбойников вскрывают тюрьмы, убивают жандармов и освобождают заключенных; сборщиков налогов грабят, убивают или калечат, муниципальных чиновников убивают, собственников выкупают, поместья разоряют, а на дорогах останавливают дилижансы". Во всех этих случаях, во всех департаментах, кантонах и коммунах, три класса лиц: сначала родственники и союзники эмигрантов, затем бывшие дворяне и облагодетельствованные и, наконец, "отцы, матери, деды и бабки лиц, которые, не будучи бывшими дворянами или родственниками эмигрантов", тем не менее входят в состав банд или толп, объявляются "лично и граждански ответственными" за совершенные насильственные действия. Даже если эти действия только "неизбежны", администрация департамента должна в своем отчете представить список всех виновных мужчин и женщин; они должны быть взяты в качестве "заложников" и содержаться за свой счет в местной тюрьме. Если они сбегут, то должны быть приравнены к эмигрантам, то есть наказаны смертью. В случае нанесения ущерба они должны оплатить издержки; если будет совершено убийство или похищение, четверо из них должны быть высланы. Кроме того, обратите внимание, что местные власти обязаны, под страхом сурового наказания, немедленно исполнить закон. Заметим, что на данный момент они являются ультра-якобинскими, поскольку для того, чтобы записать в список заложников не дворянина или буржуа, а честного крестьянина или уважаемого ремесленника, местным государям достаточно указать его сына или внука, который может быть либо отсутствующим, либо беглым, либо мертвым, как "заведомо мятежного или непримиримого". Таким образом, судьба, свобода и жизнь каждого человека, находящегося в легких обстоятельствах, отдаются на откуп деспотизму, корыстолюбию и враждебности действующих нивелиров.[51107](#) [51107](#) По оценкам современников, этот закон затронул 200 000 человек. Директория, в течение трех месяцев, которые ей еще оставалось существовать, проводит его в жизнь в семнадцати департаментах; тысячи женщин и стариков арестованы,

заключены в тюрьму и разорены, а несколько человек отправлены в Кайенну - и это называется уважением к правам человека.

VIII. Пропаганда и иностранные завоевания.

Пропаганда и иностранные завоевания.- Близость и преимущества мира.- Мотивы фруктидорцев, побуждающие их прервать разорвать мирные переговоры с Англией и отказаться от вторжения в чужие страны.-Как они основали новые республики.-Как они управляли.-Оценка иностранного грабежа.
-Количество французских жизней, принесенных в жертву во время войны.

После системы, которую фруктидорианцы установили во Франции, мы можем рассмотреть систему, которую они навязывают за границей - всегда один и тот же контраст между названием и делом, одни и те же фразы, прикрывающие одни и те же проступки, и под прокламациями о свободе - институт разбойничества. Но через несколько недель или месяцев выкупленные, завербованные и насильственно "французизированные" жители обнаруживают, что революционное право гораздо более деспотично, более притеснительно и более хищно, чем божественное право.

Это право сильнейшего. Правящие якобинцы не знают другого, как за границей, так и дома, и, пользуясь им, они не сдерживаются, как обычные государственные деятели, глубоким пониманием интересов государства, опытом и традициями, далеко идущими планами, оценкой настоящих и будущих сил. Будучи сектой, они подчиняют Францию своим догмам и, с узкими взглядами, гордостью и высокомерием сектанта, исповедуют ту же нетерпимость, ту же потребность в господстве и инстинкты пропаганды и вторжения. Этот воинственный и тиранический дух они уже проявляли при Законодательном собрании, и опьяняются им при Конвенте. После [Термидора51108](#) и после Вандемьера они остались прежними; они стали жесткими против "фракции старых границ" и против любой умеренной политики; сначала против мирного меньшинства, затем против мирного большинства, против уговоров всей Франции, против своего собственного военного директора, "организатора победы" Карно, который, как хороший француз, не желает безвозмездно увеличивать затруднения Франции или брать больше, чем Франция могла бы с пользой и уверенностью сохранить. Если до Фруктидора три его коллеги-якобинца, Рубель, Баррас и Ла Ревельер, порвали с ним, то это произошло не только из-за внутренних, но и из-за внешних причин, поскольку он противостоял их безграничным насильственным целям. Они пришли в ярость, узнав о предварительном Леобенском договоре, столь выгодном для Франции; они оскорбляли Карно, который его [заключил51109](#); когда Бартелеми, самый способный и достойный дипломат Франции, стал их коллегой, его рекомендации, столь разумные и обоснованные, вызвали у них не более чем [насмешки51110](#). Они уже хотят, и упорно, завладеть Швейцарией, захватить Гамбург, "унизить Англию" и "продолжать неудачную систему Комитета общественной безопасности", то есть политику войны, завоеваний и пропаганды.

Теперь, когда 18 фруктидора свершилось, Бартеlemi депортирован, а Карно в бегах, эта политика будет применяться повсеместно.

Никогда еще мир не был так близок; [51111](#) он почти был в их руках; на конференции в Лилле нужно было только полностью завладеть им. Англия, последний и самый упорный из ее врагов, обезоруживала; она не только приняла усиление Франции, приобретение Бельгии и левого берега Рейна, явные и замаскированные аннексии, великую республику в качестве покровителя и мелкие республики в качестве клиентов, Голландию, Геную и Сис-Альпийскую страну, но и вернула все свои собственные завоевания, все французские колонии, все голландские колонии, кроме мыса Доброй Надежды [51112](#), и все испанские колонии, кроме Тринидада. Все, что могли потребовать *amour-propre*, было получено, и они получили больше, чем можно было благоразумно ожидать; во Франции не было компетентного и патриотичного государственного деятеля, который не подписал бы договор с величайшим удовлетворением. Но мотивы, которые до Фруктидора одушевляли Карно и Бартеlemi, мотивы, которые после Фруктидора одушевляли Колхена и Марета, не одушевляют фруктидорианцев. Франция не имеет для них никакого значения; они заботятся только о своей фракции, о власти и о своих собственных персонах. Ла Ревельер, президент Директории, из тщеславия "хотел, чтобы его имя сопровождало всеобщий мир"; но его контролируют Баррас, которому война нужна, чтобы ловить рыбу в мутной воде [51113](#) [51114](#), и особенно Рубель, истинный якобинец по темпераменту и уму, "невежественный и тщеславный, с самыми вульгарными предрассудками необразованного и неграмотного человека", один из тех грубых, жестоких, узких сектантов, стоящих на твердой идее и чьи "принципы состоят в том, чтобы все переворачивать пушечными ядрами, не разбирая, зачем". [51114](#) Не нужно знать причин; животный инстинкт самосохранения достаточно побуждает якобинцев идти вперед, и уже давно их дальновидные люди, среди которых Сийес, их мыслитель и оракул, говорили им, что "если они заключат мир, то пропадут" [51115](#) Для осуществления своего насилия внутри им нужна опасность снаружи; без предлога общественной безопасности они не могут продлить свою узурпацию, свою диктатуру, свой деспотизм, свою инквизицию, свои запреты, свои поборы. Предположим, что мир будет заключен, сможет ли правительство, столь ненавидимое и презираемое, сохранить и избрать своих приспешников вопреки общественному резонансу на предстоящих выборах? Согласятся ли столько отставных генералов жить на половинное жалованье, бездельничая и повинувшись? Неужели Хош, такой пылкий и абсолютный, неужели Бонапарт, который уже подумывает о государственном перевороте [51116](#), согласится стоять на страже ради четырех мелких юристов или литераторов без титулов и ради Барраса, уличного генерала, который никогда не видел регулярных сражений? Кроме того, на этом скелете Франции, иссушенном пятью годами разграбления, как можно хотя бы временно прокормить вооруженный рой, который вот уже два года существует только за счет пожирания соседних народов? Как после этого распустить четыреста тысяч голодных офицеров и солдат? И как, при пустой казне, снабдить их миллионами, которые торжественным декретом, под названием национального вознаграждения, еще раз только что были им обещаны. [51117](#) Ничто, кроме продолжительной войны, или затеянной вновь, войны неопределенной и систематически расширяемой, войны, поддерживаемой завоеваниями и грабежами, не может дать армии продовольствие, занять генералов, покорить нацию, сохранить власть правящей фракции и обеспечить директорам их места, их прибыли, их обеды и их любовниц. Вот почему они сначала порывают с Англией путем постоянных поборов, затем с Австрией и императором, путем преднамеренных нападений, и снова со Швейцарией, Пьемонтом, Тосканой, Неаполем, Мальтой, Россией и даже Портой. [51118](#) Наконец, завесы спадают, и характер секты обнажается. Защита страны, освобождение народа, все ее величественные фразы исчезают в царстве пустых слов. Она показывает себя такой, какая она есть: объединение

пиратов, отправляющихся в плавание, которые, опустошив свое побережье, уходят дальше и захватывают тела и товары, людей и вещи. Съев Францию, парижская группа берется съесть всю Европу, "лист за листом, как головку артишока" [51119](#).

Зачем пересказывать трагическую комедию, которую они разыгрывают у себя дома и которую повторяют за границей? За границей разыгрывается та же пьеса, что и в Париже последние восемь лет [51120](#), нелепый, поспешный перевод на фламандский, голландский, немецкий и итальянский языки, местная адаптация, как это бывает, с вариациями, сокращениями, но всегда с одним и тем же финалом - ударами пушек и шпаг по всем владельцам собственности, общинам и частным лицам, заставляя их сдавать кошельки и ценности всех видов, от которых они отказывались, даже оставаясь без су или даже без рубашки. Как правило, ближайший генерал или титулярный резидент в каждом маленьком государстве, которое должно быть приведено в порядок, возбуждает против установленных властей недовольство, которого никогда не было при древнем режиме, особенно всех социальных изгоев, авантюристов, завсегдатаев кофеен и молодых горячих голов, короче говоря, якобинцев страны; они, для французского представителя, отныне являются народом страны, хотя бы и узлом самого низкого сорта. Законным властям запрещено подавлять их или наказывать; они неприкосновенны. Используя угрозы или главную силу, он вмешивается в их поддержку или санкционирует их нападения; он разрушает или обязывает их разрушить жизненно важные органы общества: здесь - королевскую власть или аристократию, там - сенат и магистратуру, везде - старую иерархию, все кантональные, провинциальные и муниципальные статуты и светские федерации или конституции. Затем он открывает на этой расчищенной земле правительство Разума, то есть некое искусственное подражание французской конституции; для этого он сам назначает новых магистратов. Если он допускает их избрание, то только его клиентами и под его штыками; это составляет подданную республику под именем союзника, которой управляют комиссары, присланные из Парижа под барабанный бой. Революционный режим с антихристианскими законами, уничтожающими и нивелирующими население, применяется деспотически. Фруктидорское 18-е проводится снова и снова; конституция пересматривается по последнему парижскому образцу, а Законодательный корпус и Директория неоднократно подвергаются чистке на военный манер. [51121](#) Во главе ее терпят только камердинеров: ее армия пополняется французской; двадцать тысяч швейцарцев призываются в Швейцарию и заставляются воевать против швейцарцев и друзей Швейцарии. Бельгия, объединенная с Францией, подвергается воинской повинности. Национальные и религиозные чувства подавляются, эксплуатируются, оскорбляются, вплоть до возбуждения восстаний, [51122](#) религиозных и национальных. Пять или шесть сельских и продолжительных вендов происходят в Бельгии, Швейцарии, Пьемонте, Венеции, Ломбардии, Римских государствах и Неаполе, а для их подавления используются огонь, грабежи и стрельба. Любое описание этого было бы слабым; необходимы цифры, и я могу привести только две.

Один из них - список грабежей, совершенных за границей [51123](#), и он включает только грабежи, совершенные по приказу; в него не входят частные грабежи, совершенные без всяких приказов офицерами, генералами, солдатами и комиссарами; они огромны, но их невозможно оценить. Единственный приблизительный итог, к которому можно прийти, - это подлинный список грабежей, которые якобинский корсар, уполномоченный марковой грамотой, уже совершил в декабре 1798 года за пределами Франции, на государственных или частных началах; поборы монетой, наложенные в Бельгии, Голландии, Германии и Италии, на сумму 655 млн; арест и изъятие золотых и серебряных вещей, пластин, драгоценностей, произведений искусства и других драгоценных предметов, 305 миллионов; реквизиция провизии, 361 миллион; конфискация имущества, недвижимого и движимого,

свергнутых государей, регулярного и светского духовенства, корпораций и ассоциаций, даже лаиков, отсутствующих или беглых собственников, 700 миллионов; всего за три года 2 миллиарда ливров. -Если мы внимательно изучим эту чудовищную сумму, то обнаружим, как в сундуке алжирского пирата, добычу, которую до сих пор воюющие христиане, командующие регулярными армиями, постеснялись бы взять, и на которую якобинские вожди бесцеремонно и предпочтительно наложили руки:

* тарелки и мебель церквей в Нидерландах, в Льеже и в избирательных округах Нижнего Рейна, 25 миллионов;

* пластины и убранство церквей в Ломбардии, в трех легатах, в Венецианском государстве, в Модене и в государствах Церкви - 65 миллионов;

* бриллианты, пластины, золотые кресты и другие хранилища Монт-де-Пьете в Милане, Болонье, Равенне, Модене, Венеции и Риме, 56 миллионов;

* мебель и произведения искусства в Милане и других городах, 5 миллионов;

* мебель и произведения искусства в венецианских городах и дворцах Бренцы, 6, 500,000;

* трофеи Рима, разграбленного, как прежде, наемниками герцога де Бурбона, коллекции антиквариата, картины, бронза, статуи, сокровища Ватикана и дворцов, драгоценности, даже пастырский перстень папы, который комиссар Директории сам вырывает из пальца папы, 43 миллиона,

и все это не считая аналогичных статей, а особенно прямых налогов, взимаемых с того или иного лица как с богача или собственника, [51124](#) [51124](#) настоящих выкупов, подобных тем, которые требуют разбойники Калабрии и Греции, вымогающие у любого путника, которого они застают на шоссе.

Естественно, операции такого рода не могут проводиться без инструментов принуждения; парижские манипуляторы должны иметь военные автоматы, "сабельные эфесы" в достаточном количестве. Теперь, в результате постоянных ударов, многие рукояти ломаются, и сломанные приходится заменять; в октябре 1798 года требуется 200 000 новых, а призванные для этой цели молодые люди не отвечают на призыв и бегут, и даже сопротивляются с оружием, особенно в [Бельгии](#) [51125](#), поддерживая бунт в течение многих месяцев под девизом: "Лучше умереть здесь, чем в другом месте" [51126](#). Если они скрываются, солдаты размещаются в домах их родителей. Если призывник или новобранец нашел убежище в другой стране, даже в союзной, как Испания, он официально заносится в список эмигрантов и, следовательно, в случае возвращения расстреливается в течение двадцати четырех часов; тем временем на его имущество налагается арест, как и на имущество "его отца, матери, бабушки и дедушки". [51127](#) - "Раньше, - говорит современник, - разум и философия громили суровость наказаний, применяемых к дезертирам; но с тех пор, как французский разум усовершенствовал Либерти, теперь уже не небольшой класс регулярных солдат, чье уклонение карается смертью, а целое поколение. Этим законодательным филантропам уже недостаточно крайнего наказания: они добавляют конфискацию, лишают родителей имущества за проступки их детей и делают даже женщин ответственными за военное и личное преступление".

Таков восхитительный расчет Директории: если она теряет солдата, то приобретает наследство, а если наследство не удастся, то восстанавливает солдата: в любом случае она пополняет свою казну и свои ряды, в то время как фракция, хорошо обеспеченная людьми, может и дальше отчитывать всю Европу, тратя при этом столько французских жизней,

сколько пожелает; ей требуется более ста тысяч человек в год, что, включая тех, кого Конвенция растратила, составляет почти девятьсот тысяч за восемь лет⁵¹¹²⁸. В данный момент пять директоров и их приспешники завершают выкашивание мужественной, взрослой силы нации,⁵¹¹²⁹ и мы видели, по каким мотивам и с какой целью. Я не верю, что какая-либо цивилизованная нация когда-либо приносилась в жертву подобным образом, с такой целью и такими правителями: Искалеченные остатки фракций и сект, несколько сотен проповедников, больше не верящих в свое вероучение, узурпаторы, столь же презируемые, сколь и ненавидимые, второсортные парвеню, поднявшие голову не благодаря своим способностям или заслугам, а благодаря слепым потрясениям революции, плавающие на поверхности из-за отсутствия веса и, как грязные отбросы, вынесенные на гребень волны - таковы несчастные, которые душат Францию под предлогом ее освобождения, которые пускают ей кровь под видом того, что делают ее сильной, которые завоевывают население под видом того, что освобождают его, которые разоряют людей под видом того, что возрождают их, и которые от Бреста до Люцерна, от Амстердама до Неаполя убивают и грабят оптом, систематически, чтобы укрепить бессвязную диктатуру своей жестокости, глупости и коррупции.

IX. Национальное отвращение.

Национальная антипатия к установленному порядку вещей.

-Паралич государства; -Внутренние разногласия якобинской

Внутренние разногласия в партии якобинцев.-Государственный переворот в Флореале 22, год VI.-Государственный переворот в

Прериала 30, год VII.-Невозможность создания

Невозможность создания жизнеспособного правительства.- Планы Барраса и Сийеса.

Победивший якобинизм в очередной раз продемонстрировал свою антиобщественную сущность, свою способность к разрушению, свою неспособность к перестройке. Народ, побежденный и обескураженный, больше не сопротивляется, а если и подчиняется, то как моровой язве, а его перевозки, его административные чистки, его декреты об осаде городов, его ежедневное насилие только усугубляют немую антипатию.

"Было сделано все, - пишет честный [якобинец](#)⁵¹¹³⁰, - чтобы отвратить от Революции и Республики огромное большинство граждан, даже тех, кто способствовал падению монархии... Вместо того чтобы видеть, как друзья Революции увеличиваются по мере нашего продвижения по революционному пути..., мы видим, как редуют наши ряды, а первые защитники свободы дезертируют из нашего дела".

Якобинцам невозможно сплотить Францию и примирить ее со своими устоями и догмами, и в этом вопросе их собственные агенты не оставляют иллюзий.

"Здесь, - пишет агент из [Труа](#)⁵¹¹³¹, - общественный дух нужно не только возродить, но и создать заново. Лишь пятая часть граждан поддерживает правительство, и эту пятую часть

ненавидит и презирает большинство..... Кто присутствует на национальных праздниках и празднует их? Государственные чиновники, которых призывает к этому закон, но многие из этих праздников часто обходятся без них. Это тот же самый общественный дух, который не позволяет честным людям принимать участие в них и в выступлениях на них, и который не допускает тех женщин, которые должны быть их главным украшением..... Тот же общественный дух с равнодушием и презрением смотрит на республиканские, героические действия, разыгрываемые на сцене, и с восторгом принимает все, что хоть как-то связано с королевской властью и древним режимом. Сами изгои революции, генералы, депутаты, не приемлют якобинских [учреждений51132](#) ; они отдают детей в школы при капеллах и отправляют их на исповедь, а депутаты, которые в 92 и 93 годах проявляли наибольшую враждебность к священникам, не считают свою дочь хорошо воспитанной, если она не приняла первого причастия. "-

Маленькие по-прежнему более враждебны, чем большие.

"Факт, к сожалению, слишком верный, - пишет комиссар одного из сельских [кантонов51133](#) , - что народ в массе своей, похоже, не хочет ничего из наших учреждений..... Даже среди деревенских жителей считается воспитанным проявлять презрение ко всему, что характерно для республиканских обычаев... Наши богатые фермеры, которые больше всех нажились на революции, - злейшие враги ее форм: любого гражданина, который зависел от них в малейшей услуге и считал нужным обращаться к ним как к гражданам, выгнали бы из дома".

Называть кого-то гражданином - оскорбление, а патриотом - еще большее; ведь этот термин означает якобинца, партизана, убийцу, [грабителя51134](#) и, как их тогда называли, "пожирателя людей". Хуже всего то, что фальсификация этого слова дискредитировала само дело: "Никто, говорят в отчетах, не беспокоится об общих интересах ["51135](#) ; никто не будет служить в национальной гвардии или мэром.

"Общественный дух погрузился в такую летаргическую дремоту, что можно опасаться его полного краха. Наши успехи или неудачи не вызывают ни тревоги, ни удовольствия.[51136](#) При чтении рассказов о сражениях кажется, что это история другого народа. Изменения, происходящие в наших пределах, больше не вызывают никаких эмоций; человек спрашивает из любопытства, ему отвечают без всякого интереса, он узнает с безразличием".

"Парижские [удовольствия51137](#) ни на минуту не нарушаются ни кризисами, сменяющими друг друга, ни теми, которых опасаются. Никогда еще театры и публичные развлечения не были столь посещаемы. В "Тиволи" говорят, что будет хуже, чем когда-либо; страну (patrie) называют la patriaque, и танцы продолжаются".

Это вполне понятно; как можно интересоваться общественным благом, когда его нет, когда общее достояние всех стало частной собственностью банды, когда эта банда пожирает или растрчивает все внутри страны и за ее пределами, где она играет в карты или решки? Якобинцы, одержав окончательную победу, иссушили патриотизм, то есть тот глубокий внутренний источник, который питает субстанцию, жизненную силу и мощь государства; напрасно они умножают строгие декреты и императивные предписания; каждый энергичный удар поглощается общим и немым сопротивлением намеренной пассивности и непреодолимого отвращения. Они не добиваются от своих подданных того бессознательного повиновения, той степени пассивного сотрудничества, без которых закон остается мертвой буквой.[51138](#) Их республика, такая молодая,

"поражена тем безымянным недугом, который обычно поражает только старые правительства, - разновидностью старческой чахотки, которой нельзя дать иного

определения, кроме как трудность жизни; никто не стремится свергнуть ее, хотя она, кажется, потеряла способность стоять прямо "51139.

Их господство не только парализует, а не оживляет государство, но и собственными руками подрывает установленный ими же порядок. Законный или незаконный - без разницы: под их властью не может уцелеть ни одна конституция, созданная и переделанная, ни одно правительство, даже правительство их лидеров. Став хозяевами Франции, они ссорят ее между собой, каждый претендует на всю добычу. Те, кто находится у власти, хотят там остаться; те, кто выбыл, хотят туда попасть. Таким образом, образуются две фракции, и каждая из них повторяет против другой государственный переворот, который обе вместе совершили против нации. По мнению правящей клики, ее противники - это просто "анархисты", бывшие септембризцы, единомышленники Робеспьера, сообщники Бабефа, вечные заговорщики. Сейчас, как и в VI году, пять регентов по-прежнему крепко держат в руках эфес сабли, а потому могут заставить Законодательный корпус голосовать так, как им заблагорассудится. 22-го числа Флореаля правительство полностью или частично отменяет в сорока пяти департаментах новые выборы, причем не только представителей, но и судей, прокуроров и великих присяжных. Затем она увольняет террористические администрации в департаментах и городах.⁵¹¹⁴⁰ По мнению их противников (*la coterie gouvernée*), Директория и ее агенты являются лжепатриотами, узурпаторами, угнетателями, презирателями закона, расточителями и неумелыми политиками. Поскольку все это правда, а Директория в VIII году, израсходовавшая за двадцать один месяц своего всемогущества, лишившаяся кредита из-за своих неудач, презираемая своими генералами, ненавидимая избитой и неоплачиваемой армией, не смеет и не может больше поднять шпату, ультраякобинцы возобновляют наступление, избирают себя через своих родственников и свой род, вновь завоевывают большинство в Законодательном корпусе и, в свою очередь, очищают Директорию на 30 Прериала. Трельяр, Мерлен де Дуай и Ла Ревельер-Лепо изгнаны; на их место пришли узколобые фанатики - Гойер, Мулен и Роже Дюко. Призраки эпохи террора занимают места в министерствах: Робер Линде - в казначействе, Фуше - в полиции. Везде, в департаментах, они ставят или восстанавливают "исключительных", то есть решительных негодяев, доказавших свою состоятельность.⁵¹¹⁴¹ Якобинцы вновь открывают свой Клуб под старым названием в зале Манежа. Два директора и сто пятьдесят членов Законодательного корпуса братаются со "всеми, что дают отбросы народа, что является самым мерзким и отвратительным". Здесь произносятся хвалебные речи Робеспьеру и самому Бабефу; они требуют массовых сборов и разоружения "подозреваемых". Журдан восклицает в тосте: "За воскрешение пик! Пусть они в руках народа сокрушат всех его врагов!". На совете пятисот тот же Журдан предлагает с трибуны объявить "страну в опасности", а банда крикливых политиков, бычьих собак улиц и трибун, собирается вокруг колеблющихся представителей, воет и угрожает, как в 1793 году.

Неужели во Франции сейчас будет установлен режим 1793 года? Сразу же после победы победители 30 прериалов разделились и образовали два лагеря врагов, следящих друг за другом с оружием в руках, закрепившихся и совершающих вылазки друг на друга:

На одной стороне - простые бандиты и низшие слои населения, последователи Марата, неисправимые мономаньяки, упрямые, самодовольные духи, гордящиеся своими преступлениями и склонные скорее повторить их, чем признать свою вину, догматичные простаки, идущие вперед с закрытыми глазами, которые все забыли и ничему не научились. На другой стороне - люди, все еще обладающие здравым смыслом и несколько обогатившиеся опытом, знающие, к чему приводит правление дубин и пик, опасющиеся за

себя и не желающие снова, шаг за шагом, начинать безумный путь, на каждом этапе которого они были близки к гибели.

С одной стороны - два члена Директории, меньшинство Древних, большинство Пятисот и самый отвратительный парижский сброд. С другой - большинство Древних, меньшинство Пятисот и три члена Директории, причем последних поддерживает их исполнительный аппарат.⁵¹¹⁴²⁻

Какое из этих двух войск разгромит другое? Никто не знает, ибо большинство из них готово перейти из одного лагеря в другой в зависимости от того, насколько велики шансы на успех. И со дня на день любое дезертирство среди Пятисот, среди Древних или в Директории, предвиденное или нет, может превратить меньшинство в большинство. Где будет большинство завтра? С какой стороны произойдет следующий переворот и кто его совершит? Будут ли это ультра-якобинцы, и, в очередной 9-й Термидор, они объявят смягченных якобинцев "вне закона"? Будут ли это смягченные якобинцы, и, посредством еще одного 18-го Фруктидора, они посадят ультра под замок? Если будет нанесен тот или иной удар, будет ли он успешным? А если удастся, будет ли наконец создано стабильное правительство? Сийес прекрасно знает, что нет; он дальновиден в своих действиях, хотя и химеричен в своих теориях. Сам находясь у власти, титулярный директор, советник и защитник умной республики против глупой республики, он прекрасно знает, что все они, пока они республиканцы обеих групп, идут по дороге, не имеющей [выхода](#)⁵¹¹⁴³. Баррас придерживается того же мнения и, взяв время за узду, поворачивается и обещает Людовику XVIII. свое сотрудничество в восстановлении законной монархии, в обмен на что получает грамоту, дающую ему полное помилование, освобождение от всех будущих преследований и обещание двенадцати миллионов. Съезе, более проникательный, ищет силу там, где она есть, - в армии; он готовит Жубера, озвучивает Мореати, думает о Журдане, о Бернадотте и Макдональде, прежде чем сдаться Бонапарту; "ему нужна шпага". Буле де ла Мерт, сравнивая в своем памфлете английскую революцию с французской, объявляет и приводит к установлению военного протектората. "Конституция III года не сработает, - говорит Боден, один из Пятисот, Корнету, одному из Древних, - только я не вижу, где найти исполнительную руку". Якобинская республика еще жива, и ее слуги, ее врачи уже говорят вслух о ее погребении так же, как посторонние и наследники в комнате умирающего, потерявшего сознание, как Тиберий, тонущий в своем дворце в Мисене.⁵¹¹⁴⁴ Если истекающий человек не идет достаточно быстро, кто-то поможет ему. Старое чудовище, отягощенное преступлениями и прогнившее от пороков, хрипит в горле на своих пурпурных подушках; глаза его закрыты, пульс слабый, он задыхается. То тут, то там вокруг его ложа стоят группы тех, кто прислуживал ему в разврате на Капри и убийствах в Риме, его приспешники и палачи, публично принимающие участие в новом царствовании; старое закончено; больше не нужно быть осмотнительным и немым перед трупом. Внезапно умирающий открывает глаза, заговаривает и просит еды. Военный трибун, "исполнительная рука", смело освобождает квартиру; он набрасывает на голову старика груды постельного белья и ускоряет последний вздох. Таков последний удар; через час дыхание прекращается.

Х. Контраст между гражданской и военной Францией.

Антиобщественный характер секты и фракции.- Контраст между гражданской и военной Францией.-Элементы реорганизации в институтах, привычках и военных
Элементы реорганизации в учреждениях, привычках и военных настроениях.-Характер режима, введенного 18
брюмера VIII года.

Если якобинская республика погибнет, то не только из-за упадка, не только из-за убийств, но, прежде всего, потому, что она не родилась жизнеспособной: с самого начала она зародила в себе принцип распада, врожденный смертельный яд, не только для других, но и для себя самой.- То, что поддерживает политическое общество, - это взаимное уважение его членов, особенно уважение управляемых к своим правителям и правителей к управляемым, и, следовательно, привычки взаимного доверия. Со стороны управляемых - обоснованная уверенность в том, что правители не будут покушаться на частные права, а со стороны правителей - обоснованная уверенность в том, что управляемые не будут покушаться на государственные полномочия; оба внутренне признают, что эти права, более или менее широкие или ограниченные, неприкосновенны; что эти полномочия, более или менее широкие или ограниченные, законны. Наконец, каждый из них убежден, что в случае конфликта судебное разбирательство будет вестись в соответствии с формами, предусмотренными законом или обычаем; что до начала дискуссии сильнейший не будет злоупотреблять своей силой, а по ее окончании победившая сторона не станет полностью жертвой проигравшей. Только при этом условии возможна гармония между управляющими и управляемыми, участие всех в общем деле, внутреннее спокойствие и, соответственно, стабильность, безопасность, благополучие и сила. Без этого глубокого и стойкого расположения умов и сердец нет союза между людьми. Это самое светлое из общественных чувств; можно сказать, что это душа, телом которой является государство".-Сейчас, в якобинском государстве, эта душа погибла; она угасла не в результате непредвиденных случайностей, а как вынужденный результат системы, как практический эффект спекулятивной теории, которая, превращая каждого человека в абсолютного суверена, настраивает каждого человека на войну с другими людьми, и которая, под предлогом возрождения человеческого рода, дает волю, разрешает и освящает худшие инстинкты человеческой природы, все вожделения свободы, тирании и господства.-Во имя несуществующего идеального народа, который он объявляет суверенным, якобинцы насильственно узурпировали все государственные полномочия, жестоко упразднили все частные права, рассматривая реально живущих людей как тягловую скотину, а еще хуже - как робота, подвергая свою человеческую машину жесточайшим ограничениям, чтобы механически поддерживать ее в неестественной, жесткой позе, которую, согласно их принципам, они ей придают. Отныне все связи между ними и нацией разорваны; добывать, обескровливать и морить голодом эту нацию, вновь завоевывать ее после того, как она плохо от них ускользнула, многократно заковывать и затыкать ей рот - все это они вполне могут сделать; но примирить ее со своим правительством - никогда! Между ними, и по той же причине, через другое следствие той же теории и другой эффект тех же вожделений, не будет никакой связи. Каждая фракция внутри партии, сформировав свой идеальный народ в соответствии с собственным логическим процессом и потребностями, воспользовалась

ортодоксальной привилегией претендовать на монополию суверенитета.⁵¹¹⁴⁵ Чтобы обеспечить себе преимущества всемогущества, она боролась со своими соперниками с помощью фальсифицированных, аннулированных или сдержанных выборов, с помощью заговоров и лжи, засад и внезапных нападений, пик сбродных и штыков солдат. Победенные были убиты, гильотинированы, расстреляны и депортированы как тираны, предатели или мятежники, и выжившие не забывают об этом. Они узнали, чего стоят их так называемые вечные конституции; они знают, как оценить их прокламации и клятвы, их уважение к закону, справедливости, их гуманность; они понимают их и знают, что все они - множество братских [каинов](#)⁵¹¹⁴⁶, более или менее развращенных, опасных, запятнанных и развращенных своей работой; недоверие непоправимо. Они еще могут издавать манифесты, декреты и заговоры, устраивать революции, но они уже не могут договориться между собой и искренне признать обоснованное превосходство и признанный авторитет кого-либо из них. После десяти лет взаимных нападок среди трех тысяч законодателей, заседавших в суверенных собраниях, нет ни одного, который мог бы рассчитывать на почтение и преданность сотни французов. Социальное тело распалось; среди миллионов разъединенных атомов не осталось ни одного ядра спонтанной сплоченности и стабильной координации. Гражданской Франции невозможно восстановить себя; так же невозможно, как построить Нотр-Дам в Париже или собор Святого Петра в Риме из грязи улиц или пыли автострэд.

С военной Францией все иначе. Здесь люди прошли испытание друг другом и преданы друг другу, подчиненные - своим командирам, а все вместе - одному великому делу. The sentiments are strong and healthy which bind human wills in a cluster of mutual sympathy, trust, esteem and admiration, and all these super abound, while the free companionship which still subsists between inferior and superior,⁵¹¹⁴⁷ that gay unrestrained familiarity so dear to the French, draws the knot still closer. В этом мире, не запятнанном политическими пороками и облагороженном привычками отречения,⁵¹¹⁴⁸ есть все, что составляет организованное и видимое общество, иерархия, не внешняя и не шпонирующая, а нравственная и глубоко укоренившаяся, с неоспоримыми титулами, признанным превосходством, принятым подчинением, правами и обязанностями, запечатленными в совести каждого, короче говоря, то, чего всегда не хватало революционным учреждениям, - дисциплина чувств и эмоций. Дайте этим людям знак отличия, и они не станут обсуждать; если он законный или кажется таковым, они действуют соответственно, не только против чужаков, но и против французов: так, уже 13-го Вандемьера они вырезали парижан, а 18-го Фруктидора очистили Законодательный корпус. Пусть появится знаменитый генерал, и если он соблюдает формальности, они последуют за ним и снова повторят операцию... Появился один, который в течение трех лет не думал ни о чем другом, но который в этот раз повторит операцию только ради собственной выгоды. Он самый прославленный из всех, именно он был проводником или инициатором двух предыдущих, тот самый, который лично осуществил 13-е Вандемьера, а также, под руководством своего лейтенанта Ожеро, 18-е Фруктидора. Пусть он будет уполномочен подобием декрета, пусть он будет назначен генерал-майором вооруженных сил меньшинством одного из советов, и армия пойдет за ним.-Пусть он издаст обычные прокламации, пусть призовет "своих товарищей" спасти Республику и очистить зал Пятисот; его гренадеры войдут с примкнутыми штыками и даже посмеются при виде депутатов, одетых как для оперы, стремительно выпрыгивающих из [окон](#)⁵¹¹⁴⁹.-Пусть он управляет переходами, пусть избегает неблагозвучного имени диктатора, пусть возьмет скромный, но классический революционный римский титул, пусть вместе с двумя другими будет простым консулом; солдаты, у которых нет ни времени, ни досуга, чтобы быть публицистами, и которые являются республиканцами лишь на худой конец, не будут просить ничего больше. Они считают свою систему очень хорошей для французского народа, деспотическую

систему, без которой не может быть армии, систему, при которой абсолютное командование находится в руках одного человека - пусть он умерит других якобинцев, пусть отменит их поздние декреты о заложниках и принудительном займе, пусть восстановит безопасность людей, имущества и совести; пусть вернет порядок, экономию и эффективность в администрацию; пусть обеспечит общественные службы, больницы, дороги и школы, вся гражданская Франция будет приветствовать своего освободителя, защитника и [восстановителя](#)⁵¹¹⁵⁰. По его собственным словам, система, которую он предлагает, - это "союз философии и меча", причем философия означает, как это понималось в то время, применение абстрактных принципов к политике, логическое построение государства в соответствии с общими и простыми принципами, с социальным планом, единым и прямолинейным. Теперь, как мы [видели](#)⁵¹¹⁵¹, два плана соответствуют этой теории, один анархический, другой деспотический; естественно, что хозяин принимает последний, и, как практичный человек, он строит в соответствии с этой теорией основательное здание из песка и извести, пригодное для жизни и хорошо отвечающее своим целям. Вся масса великого произведения - гражданский кодекс, университет, Конкордат, префектура и централизованная администрация - все детали его устройства и распределения мест, стремятся к одному общему эффекту, который заключается во всемогуществе государства, вездесущности правительства, упразднении местной и частной инициативы, подавлении добровольной свободной ассоциации, постепенном рассеивании мелких спонтанных группировок, превентивном запрете длительных наследственных работ, исчезновении чувств, которыми человек живет вне себя в прошлом или в будущем. Никогда еще не было построено более прекрасных казарм, более симметричных и более декоративных в аспекте, более удовлетворительных для поверхностных взглядов, более приемлемых для вульгарного здравого смысла, более подходящих для узкого эгоизма, более ухоженных и чистых, лучше приспособленных для дисциплины средних и низких элементов человеческой природы и лучше приспособленных для рассеивания или извращения высших элементов человеческой природы. В этой философской казарме мы прожили восемьдесят лет.

КОНЕЦ.

(написано в 1889 году).

5101 ([возвращение](#))

[Годен, герцог де Гаэт, "Мемуары", I., 28. Годен, комиссар казначейства, встречается председателя революционного комитета своего квартала, отличного якобинца, который говорит ему: "Ну, что это такое? Робеспьер проскрибирован! Разве это возможно? Чего же вы хотите - все шло так хорошо!" (Правда, ежедневно падало по пятьдесят-шестьдесят голов). "Я ответил: "Так и есть, есть люди, которые никогда не бывают довольны""].

5102 ([возвращение](#))

[Mallet-Dupan, "Mémoires", II., 16. (Письмо от 8 января 1795 г.) - Ibid., "Correspondance avec la cour de Vienne", I., 23, 25, 32, 34, (8 января 1795 г., о четырех партиях, выдвинувших Конвенцию)].

5103 (возврат)

[Маршал Мармон: "Memoires", I., 120. (Доклад генерала Дюгомье о взятии Тулона). "Этот памятный день отомстил общей воле за частичную и гангренозную волю, бред которой привел к величайшим несчастьям"].

5104 (возвращение)

[Мемориал девяноста четырех выживших после Термидора 30, год II., оправданных Фруктидором 28].

5105 (обратно)

[Перевозчик обвинен Брюмера 21, год III. Декрет об аресте принят 498 голосами из 500, фримар 3; казнь фримар 26. Фукье-Тинвиль предъявил обвинение Фримару 28; казнь Флореаля 28, было заслушано 419 свидетелей. Жозеф Лебон предъявил обвинение Мессидору I, год III. Процесс перенесен в суд Соммы, Мессидор 29; казнь Вандемьера 24, год IV].

5106 (возвращение)

[Ср. главы 4, 5 и 6 настоящего тома. Множество печатных документов этой эпохи показывают, какими были эти местные государи. Главными из них в департаменте Эна были "Ансельм, который положил голову Марата в свою лавку. Дюкло, столяр, живший до 31 мая на свои заработки; после этого он стал дворянином, живущим на свою ренту, владеющим национальными владениями, овцами, лошадьми и карманными книгами, набитыми ассигнациями. Лайман, портной, погрязший в долгах, внезапно обставивший свою квартиру со всей роскошью старинного режима, например, кроватями по сто пистолей и т. д. Альбан, мэр, повсюду ставивший печати, был кузнецом и отцом семейства, которое он содержал своим трудом; в один момент он перестает работать и переходит из состояния зависимости в состояние великолепия; у него бриллианты и серьги, он всегда в новой одежде, рубашки из тонкого льна, муслиновые клеветы, шелковые чулки и т. д.; при снятии печатей в домах заключенных и гильотинированных в тюрьму в них почти ничего не было найдено. Альбан был осужден и заключен в тюрьму за то, что заставил одну из жительниц Макона дать ему четыреста франков, пообещав заинтересовать ее мужа. Таковы патриоты Айн. Другой, Ролле, так напугал сельские кварталы, что люди разбегались при его приближении; однажды он запряг двух из них в свою карету и некоторое время возил их таким образом... Другой, Шарко (из Вирье), до революции был убийцей на дорогах и был изгнан на три года за деяния такого рода". (Bibliothèque Nationale. Lb. 41, No. 1318. "Истина в ответ на клеветнические обвинения в адрес департамента Эна". Письмо Ру, Vendémiaire, год III.)].

5107 (возврат)

[Декрет Жерминаля 12, год III: о перевозке Колло, Барера, Бийо-Варенна и Вадье. Восемь монтаньяров арестованы; - Декрет Жерминаля 14: то же против девяти других монтаньяров; - Декрет Жерминаля 29: то же против Марибона-Монтана; - Декрет Прериала 6: двадцать девять монтаньяров обвиняются. - Декрет Прериала 8: шесть монтаньяров арестованы. - Декрет Прериала 9: то же против девяти членов бывших комитетов. - Декреты Прериала 10 -

Термидор 22, год III: шесть монтаньяров приговорены к смерти, один - к транспортировке и двадцать - к аресту].

5108 (возврат)

[Барбе-Марбуа, "Мемуары", предисловие, с. VIII. "За исключением примерно пятидесяти человек, честных и умных, история не представляет ни одного суверенного собрания, содержащего столько порока, низости и невежества" (Buche et Roux, XXXVII., 7). (Речь Лежандра, термидор 17, год III.) "В печати утверждается, что в этом собрании не более двадцати чистых людей" (Ibid., 27). Орден секции Лепеллетье, Вандемьер 10, год IV. "Несомненно, что мы обязаны голодом и всеми сопутствующими ему бедами неспособности и разбойничеству нынешнего правительства"].

5109 (возврат)

[Малле-Дюпан, "Correspondance," etc., I., 211. (27 мая 1795 г.)].

5110 (обратно)

["Un Sejour en France", 267. 271, (Amiens, March 13, April 12, 1795.)].

5111 (возврат)

[Meissner, "Voyage à Paris", 123, 351. (Автор прибывает в Париж 22 сентября 1795 г.)].

5112 (возврат)

[Декреты Фруктидора 5 и 13, год III.]

5113 (обратно)

[Малле-Дюпан ("Переписка с Вьеннским двором", I., 292, 30 августа 1795 г.)-Moniteur, XXV., 518, 551. (Сессия 3-го фруктидора.) Первая идея комиссии одиннадцати состояла в том, чтобы сам Конвент выбрал две трети. "Ее противники воспользовались общественным резонансом и прервали эту затею жирондистской кабалы". Луве, Фруктидор 3, трижды поднимался на трибуну, чтобы поддержать этот проект, еще более скандальный, чем другой. "Эх, какое избирательное собрание может быть лучше вашего! Вы все хорошо знаете друг друга". Луве добавляет это многозначительное выражение: "Армии также проголосуют за новую конституцию. Я не опасаюсь за ее судьбу"].

5114 (возврат)

["Moniteur", XXII, 22. (Отчет Линде, 4-й сан-кулотид, II год.) "Каждый человек ограничивается своей семьей и рассчитывает свои ресурсы"].

5115 (возврат)
[Meissner, 58.]

5116 (возврат)

[Декрет Фруктидора с. "Все французы, голосовавшие на последних первичных собраниях, будут допущены к голосованию по вопросу о принятии Конституции." -Archives Nationales, A. II. B. 638. (Общий пересказ результатов голосования по Конституции III года и по декретам Фруктидора 5 и 13, напечатанным по распоряжению Вандемского конвента IV года). Число проголосовавших по конституционному законопроекту - 1 107 368 человек].

5117 (возврат)

["Moniteur", XXV., 637. (Обращение Ларевейера-Лепо к французам от имени Комиссии одиннадцати, приложенное к декрету от 13 фруктидора). "Пусть прекратятся все возражения против законности этой меры! Единственная законная мера - это та, которая спасет страну! Кроме того, если большинство первичных собраний Франции одобряет ее, кто осмелится сказать, что народ отказался бы от своего суверенитета, выразив таким образом свою волю!" - См. Sauzay, VII., 653-667, о деталях и обстоятельствах выборов в одном из департаментов].

5118 (возврат)

[Archives Nationales¹ A. II. B., 688. (Протоколы первичных собраний департамента Сена-Инферьер, Дьепп, секция "Либерте", заседание 20 фруктидора). Конституция единогласно принимается сорока четырьмя выборщиками, которые называют имена. Затем, "прежде чем приступить к выдвижению выборщиков, был зачитан закон о порядке избрания двух третей Национального конвента. Президент спросил, не желает ли кто-либо выступить по этому закону, и порядок дня был немедленно объявлен со всех сторон". Выборщики назначаются немедленно, и собрание прекращает работу.- Клерк, который должен был составить протокол, пишет на полях "сорок четыре избирателя единогласно принимают Конституцию, а также декреты 5 и 13 фруктидора", что является ложью. Очевидно, что писцу было дано указание увеличить число голосов, принявших декреты, что заставляет усомниться в истинности итогов, представленных конвентом].

5119 (возврат)

[Ibid., A. II. B., 638 (общий пересказ). Я взял число первичных собраний в двадцати двух первых департаментах по алфавитному списку, то есть четверть территории, что позволяет сделать вывод, пропорционально, по всей стране. В этих двадцати двух департаментах 1570 собраний голосуют по конституции и только триста двадцать восемь - по декретам. Ниже приводятся следующие цифры: в Кот-д'ю-Норде - восемьдесят четыре первичных собрания; только одно голосует за декреты. Буш-д'ю-Рон, девяносто первичных собраний; четыре голоса по декретам, два "за" и два "против". Ауд, восемьдесят три первичных собрания; четыре голоса за декреты, три "за" и один "против". Аррьеж, пятьдесят девять первичных собраний; два голоса по декретам. Бассес-Альпы, сорок восемь первичных собраний: два голоса по декретам. Приморские Альпы, двадцать три первичных собрания; ни одно не голосует за декреты].

5120 (возврат)

[Там же, (Протоколы первичных собраний департамента Сена, секция Попинкур, Вандемьер) 91. Эта секция, узнав, что ее голос против декретов "был записан как шифр при общем подсчете голосов", заявила протест и заявила, что "когда голосование проводилось на собрании 22 фруктидора, она состояла из 845 граждан, представлявших 2 594 голоса". Тем не менее, в общем пересчете "Vendémiaire" его голос ничего не значит. То же самое можно сказать и о секции "Fidélité". В ее протоколах говорится, что декреты отвергаются "единогласно" и что она состоит из 1 300 граждан; ее голос также ничего не дает. Итоги, приведенные в протоколе, таковы: Голосовавших за Конституцию - 1 107 368. За, 1 057 390. Против - 49 978. Голосовавших по декретам - 314 382. За, 205 498. Против, 108 794.- Малле-Дюпан (I., 313) оценивает число избирателей в Париже, которые отвергли декреты, в восемьдесят тысяч. Fiévée, "Correspondance avec Bonaparte", introduction, p. 126.- (За несколько дней до Вендемьера 13, Fiévée, от имени секции Theatre-Français, пришел, с двумя другими комиссарами, чтобы проверить результаты, объявленные Конвентом). "Мы разделили результаты голосования на три части; каждый комиссар взялся проверить одну из этих частей с пером в руках, и добросовестный результат нашего труда показал, что, хотя Конвентом было проведено массовое голосование всех полков, находившихся тогда во Франции, в отдельности большинство неоспоримо было против его проекта. Таким образом, при попытке провести закон о выборах в соответствии с Конституцией обе меры были отвергнуты"].

5121 (возврат)

[Schmidt, "Tableaux de Paris pendant la Revolution". (Отчеты Мессидора 1 и 24, год III.) "Добропорядочные граждане встревожены многочисленными помилованиями, предоставленными членам революционных комитетов". "Освобождение многочисленных террористов, как правило, ставится в вину."- Малле-Дюпан, "Корреспонденция" и т. д., I., 259, 261, 321. "Самые гнусные террористы были освобождены; части из них, заключенной в замке Хам, было позволено бежать; их вызывают со всех концов королевства; за ними даже посылают за границу, в Германию, в Бельгию, в Савойю, в Женеву. Достигнув Парижа, они получают руководителей и организуются. 11 и 12 сентября они начали публично собираться группами и угрожать. У меня есть доказательства того, что эмиссары занимаются их вербовкой в упомянутых мною местах и оплатой их расходов в столице". (Письмо от 26 сентября 1795 г.)].

5122 (возврат)

[Buchez et Roux, XXXVII., 36, 49. (Отчеты Мерлена де Дуэ и Барраса от 13-го числа Вандемьера.)-Thibaudeau, "Histoire de la Convention et du Directoire", I., 209.-Fabre de l'Aude, "Histoire secrete du Directoire", I., p.10"Конвент открыл двери тюрем для пятнадцати или восемнадцати сотен якобинских сумасшедших, фанатиков бывших членов Комитета общественной безопасности" - Малле Дюпан (ibid., I., 332, 337, 361) оценивает число зачисленных террористов в три тысячи человек].

5123 (возврат)

[Барбе-Марбуа, "Мемуары", 9.- Мейсснер, стр. 246].

5124 (обратно)

[Mallet-Dupan, ibid., I., 282. (Письмо от 16 августа 1795 г.) "В Париже патриоты 1789 года одержали верх. Регициды испытывают величайший ужас перед этим классом, поскольку считают его в сто раз более опасным, чем ярко выраженные аристократы". Ibid., 316.- Meissner, p. 229. "Секционисты не хотят ни республики, ни монархии, а просто умных и честных людей для мест в новом Конвенте"].

5125 (возврат)

[Лавалетт, "Mémoires", I., 162, 170].

5126 (обратно)

[Meissner, p. 236.- Множество деталей показывают черты и характеры мужчин и женщин якобинцев, о которых здесь идет речь. Например, Карно ("Mémoires", I., 581) в своем рассказе о вышеупомянутом бунте (Прериаль 1) говорит следующее: "Существо с ужасным лицом уселось на мою скамью и постоянно повторяло: "Сегодня день, когда мы заставим вас пройти через боль?", а фурии, стоявшие на трибунах, делали знаки гильотины"].

5127 (обратно)

[Meissner, p. 238.-Fiévée, p.127, и последующие страницы].

5128 (возврат)

[Mallet-Dupan, I., 333, и следующие страницы. (Письмо от 24 октября 1795 г.) "Баррас не повторяет ошибки, допущенной двором 10 апреля, и не запирается в замке и Тюильри; он размещает войска и артиллерию на всех проспектах..... Фрерон и два других представителя, снабженные монетой и ассигнациями, собранными на фобур Сент-Антуан, четыре-пять сотен бандитов, которые присоединились к террористам; они составили мнимые батальоны лояльной секции, о которой с помпой объявил Конвент. Ни одна секция, за исключением "Quinze-vingts", не прислала своего батальона; эта секция с самого начала отделилась от остальных сорока семи секций..... Сады и двор Тюильри напоминали пиршественный лагерь, где комитеты устраивали раздачи вина и всевозможных провиантов; многие из их защитников опьянели; войска линии поддерживались деньгами и выпивкой."- После Вандемьера 13 Конвентом в Париж вводится дополнительное подкрепление регулярных войск, чтобы удержать город под контролем, в количестве восьми или девяти тысяч человек].

5129 (возврат)

[Конституция III года, статьи VI и VII].

5130 (обратно)

[Albert Babeau, "Histoire de Troyes", II., 367 и последующие страницы. Sauzay, "Hist. de la Persecution Révolutionnaire dans le Doubs", VIII., ch. 52 и 54- Закон Плювиоза 4, год IV., уполномочивающий исполнительную Директорию назначать членов, которые до Термидора I, год IV., будут составлять муниципальные органы Бордо, Лиона, Марселя и Парижа].

5131 (возврат)

[Декрет от 3 брюмера IV года].

5132 (возврат)

[Archives Nationales, AF., II., 65. (Письмо генерала Керморвана в Комитет общественной безопасности, Валансьен, 22 фруктидора, год III.) В Валансьене во время выборов "лидеры секций использовали свои кулаки, чтобы изгнать из первичных собраний всех достойных людей, обладающих необходимыми качествами для избрания..... Я знал, что "разрушители печатей" (brise-scellés) - это организаторы этих бурных партий, патриотические грабители, люди, растратившие общественные и частные состояния, принадлежащие коммуне, и веселящиеся в домах и поместьях эмигрантов, которые они получили во сто крат ниже их стоимости.... Все они назначены выборщиками..... Они платили. ...и до сих пор платят агитаторам за запугивание честных людей террором, чтобы сохранить то, что они захватили, ожидая возможности получить больше..... Когда выборы закончились, они послали дерзких людей, которым, несомненно, заплатили, чтобы те оскорбляли проходящих мимо людей, называя их роялистскими шуанами". (Он упоминает о рассылке подтверждающих показаний.)- Мерсье, "Новый Париж", II., 315. "Мирные люди в Париже отказываются идти на выборы", чтобы "избежать ударов и сбивания с ног" -Sauzay, VIII., 9. В Безансоне 6 ноября 1795 г. из 5 309 зарегистрированных избирателей проголосовали только 1 324, а избранными оказались террористы.-Archives Nationales, F.7, 7090. (Документы о якобинском восстании 4 и 5 Нивоза IV года в Арле): "Исключительные, или амнистированные, рассматривали Конституцию только как средство прийти к новому состоянию анархии, завладев всеми офисами..... Часто повторялись крики и возгласы "Да здравствует Марат!" и "Робеспьера в Пантеон!". Главная группа состояла из настоящих террористов, людей, которые при Робеспьере с триумфом несли гильотину, имитируя на каждом углу ее жестокие действия с помощью манекена, специально изготовленного для этого случая."- "Посещения домов, рытье повсюду, кража драгоценностей, денег, одежды и т.д."].

5133 (возврат)

[Mallet-Dupan, II., 363.- Schmidt (Полицейский отчет за 26 и 27 брюмера)].

5134 (возврат)

[Дюфор де Шеверни, (рукописные мемуары, сообщенные Робером де Кревекур).- Доклад прокурора от 13 термидора III года, согласно документам, переданным 16 мессидора старшиной обвинительного жюри и мировыми судьями Шинона, Сомюра, Тура, Амбуаза, Блуа, Божанси и др, в связи с обвинениями, выдвинутыми администраторами департамента Луар-и-Шер от 30 февраля II года, по поводу стрельбы в Блуа от 19 февраля II года].

5135 (возврат)

[Линию этого марша от Сомюра до Монсоро можно было проследить по крови вдоль дороги; командиры расстреливали тех, кто ослабевал от усталости. - Достигнув Блуа, 18 фримера, Эзин говорит перед ратушей: "Завтра утром они будут приведены в порядок, и мы покажем блуадцам, как это делается". На следующий день Эзин и Жидуэн, прогуливаясь с Лепетитом,

командиром эскорта, во дворе трактира, говорят ему: "Ты застрелишь некоторых из них для нас. Ты должен показать людям пример, застрелив кого-нибудь из этих негодяев-священников". Лепетит приказывает вывести четырех крестьян и, поставив их на берегу реки, дает команду стрелять и бросаться в них. Эзин и Жидум кричат "Да здравствует нация! Затем Жидум говорит Лепетиту: "Вы же не собираетесь остановиться на этих четырех крестьянах? Не дадите ли вы нам несколько куре?". Пять священников застрелены. В Божанси начинается новый обстрел. Главарям достается лучшая часть добычи. Среди прочего, Лепетиту присылают в камеру сундук, он забирает все, что в нем находится, и продает кровать и матрас рядом].

5136 (возвращение)

[Там же, (март, 1796). "Тем временем молодые люди, которых завербовали, спрятались: Боннар заставлял их платить и все еще заставлял их отправляться в путь. Байон, военный квартирмейстер, сказал мне, что он выплатил Боннару 900 000 ливров ассигнациями за двенадцать дней и 1 400 000 за двадцать дней; в мемуарах было 35 000 на ручки, перочинные ножи, чернила и бумагу"].

5137 (возврат)

[Mallet-Dupan, "Correspondance, etc.", I., 383. (Письмо от 13 декабря 1795 г.) "Директория продолжает заполнять кабинеты террористами. Правительственные агенты в департаментах произвольно отстраняют установленные власти и заменяют их якобинцами"]].

5138 (возвращение)

[Провинция в древней Турции, управляемая пашой (СР.)].

5139 (возврат)

[Thibaudeau, "Histoire de la Convention", I., 243. "Тальен, Баррас, Шенье и Луве не говорили ни о чем, кроме аннулирования выборов..... В суде и трибуналах не было слышно ничего, кроме самых революционных предложений. Гора" проявила невероятную дерзость. Общественные трибуны были заполнены конфедератами, которые неистово аплодировали... Талльен и Баррас правили и делили между собой диктатуру. С 13-го числа Вандемьера Конвент больше не совещался, разве что посреди лагеря; внешняя сторона, трибуны, даже сам зал были заполнены солдатами и террористами" -Малле Дюпан, "Correspondance, etc.", I., 248. (Письмо от 31 октября 1795 г.)].

5140 (возврат)

[Thibaudeau, Ibid., I., 246, et seq.-Moniteur. (Заседание 1-го брюмера.) Речь Тибодо].

5141 (возврат)

[Mallet-Dupan, ibid., I., 328. (Письмо 4 октября 1795 г.) "Почти все выборщики, выдвинутые в Париже, - бывшие администраторы, выдающиеся и толковые писатели, люди, заслуживающие рекомендации благодаря своему положению, состоянию и уму. Они -

роялисты 1789 года, то есть в смысле конституции 1791 года, существенно изменившейся в корне. Месье д'Ормессон, бывший генеральный контролер казначейства, маркиз Гонтан, месье де Вандей, бывший метрдотель, месье Гарнье, бывший консьерж парижского Шатле, и другие представители того же порядка - все они избиратели. Это другой мир; за один месяц мы вернулись на пять лет назад" - Там же, 343, 350, 359, 373].

5142 (возвращение)

[Барбе-Марбуа, "Журнал одного департамента", предисловие, с. XIV. "За исключением пяти-шести человек, которых можно считать "подозреваемыми" в роялизме, наиболее оживленные были действительно раздражены только против деспотического поведения и грабежей директоров, а не против республиканского строя"].

5143 (возврат)

[Mallet-Dupan, *ibid.*, I., 369. (Письмо от 22 ноября 1795 г.) "Никогда бы сопротивление секций не проявилось так единодушно и так настойчиво, если бы не побуждения двухсот монархически настроенных членов конвента и не обещанная ими помощь. Они обещали войти на трибуну и поддержать дело Парижа, поддержать большинство и, если не удастся отменить декрет о двух третях, выйти из конвента и прийти и занять место в секциях; слабость этих двухсот членов стала причиной невыполнения этих обещаний... Я гарантирую подлинность этого заявления"].

5144 (возврат)

["Souvenirs et Journal d'un Bourgeois d'Evreux", pp.103, 106. "Конституция была принята очень небольшим числом граждан, так как в секции Норд среди двенадцати или пятнадцати сотен избирателей нашлось не более ста пятидесяти". (6 сентября 1795 г.) - Во вторник, 10 ноября, "собрания секций Эврё завершили выдвижение кандидатов в мировые судьи, заседатели и пять муниципальных чиновников. Это заняло время, потому что многие отказались"].

5145 (возврат)

[Thibaudeau, "Mémoires sur le Convention et le Directoire", II., 58.-Mallet-Dupan, ("Correspondance, etc.", II., 281.) Dufort de Cheverney, ("Mémoires" в рукописи). Он находится в Вандоме и посещает суд из любопытства. "Жермен, веселый и остроумный, смеется над присяжными: они действительно глупы, говорит он, чтобы не видеть заговора, когда он был настолько полным, насколько он когда-либо существовал..... Кроме того, я сговорился и всегда буду сговариваться"].

5146 (возврат)

["Souvenir et Journal d'un Bourgeois d'Evreux", p. 118 (24 марта 1797 г.)].

5147 (обратно)

[Дюфор де Шеверни, "Mémoires" (март 1797 г.)].

5148 (возврат)

[Albert Babeau, II., 408 и далее (Обращение администраторов Оби к выборам V года) - Там же, 414. (Речь Герлинсона, библиотекаря Центральной школы в Труа, 10 термидора V года в большом зале Отеля-де-Виль перед комиссарами Директории, встреченная непрерывными аплодисментами). "Патриоты состояли из глупцов, безумцев и рыцарей, первые - в своих иллюзиях, вторые - в своих мечтах, третьи - в своих действиях..... Повсюду вы увидите двух или трех палачей, дюжину спутников, из которых половина дрожала за свою жизнь, и около сотни свидетелей, большинство из которых, вопреки себе, выступали против тысяч жертв..... Месть не нужна; никогда особая месть не приносила пользы обществу. Пусть они покоятся в своей трясине, пусть живут как объекты презрения и ужаса" -См. Sauzay, VIII., p.659 и далее].

5149 (возвращение)

[Thibaudeau, II., 152, 153.-Mallet-Dupan, II., 262].

5150 (возврат)

[Mallet-Dupan, II., 265, 268, 278].

5151 (возвращение)

[Thibaudeau, II., 244, 248.]

5152 (возврат)

[Carnot, "Mémoires", II., 108. "Не пятнадцать лидеров. " - Lacretelle, "Dix Années d'Épreuves", p.308. "Двадцать или тридцать человек, преданных монархическим взглядам, но не осмеливавшихся открыто их высказывать"].

5153 (возврат)

[Mallet-Dupan, II., 267, 278, 331].

5154 (обратно)

[Mallet-Dupan, II., 265. "Они отбросили (в Париже) не только республиканцев, но даже тех из старых членов Учредительного собрания, которые были известны или осуждены за то, что принимали слишком важное участие в первой революции. Были выбраны люди, которые стремились к измененной, а не извращенной монархии. Избиратели в равной степени дистанцировались как от сектантов-роялистов старого режима, так и от ярых антиреволюционеров"].

5155 (возврат)

[Mallet-Dupan, II., 298. "Депутаты никогда не нападают на революционный закон, но их подозревают в каком-то замысле уничтожить результаты Революции, и каждый раз, когда

они говорят о регулировании Республики, их обвиняют в недоброжелательности к Республике"]].

5156 (возврат)

[Thibaudeau, II., 171.-Carnot, II., 106.- Программа Бартеlemi заключена в этой простой фразе: "Я бы сделал Республику административной". Что касается внешней политики, то его идеи, столь умеренные, мирные и истинно французские, воспринимаются другими директорами с насмешкой. (Andre Lebon, "Angleterre et l'Emigration Française", p. 335.)].

5157 (возврат)

[Матье Дюма, "Сувениры", III., 153.- Камиль Иордан. (Письмо своим избирателям о революции, Fructidor 18, p.26.) "Конституция, только Конституция - вот что объединяет в Клиши". -Барбе-Марбуа, "Souvenirs d'un Déporté", I., стр. 12 и предисловие. "Самое большое число желало пренебречь будущим и забыть прошлое"]].

5158 (возвращение)

[Mallet-Dupan, II., 336. "Восемьдесят депутатов, которым угрожали, с 30 августа спали в других местах, держась вместе в одном доме из страха быть унесенными ночью" - Матье Дюма, III., 10. "Я не мог больше занимать свой дом в Париже, на улице Фосс-дю-Темпл, не рискуя подвергнуться нападению со стороны sbirri (итальянских полицейских) Директории, которые заявляли в клубах, что народ должен быть отомщен в (наших) домах. "-Mallet-Dupan, II. 343. "Этот мнимый заговор, вменяемый триумвирами в вину советам, представляет собой роман, аналогичный робеспьеровскому" -Там же, 346. "Не было никакого заговора, так называемого заговора Законодательного корпуса против Директории". Только "каждая конституция во Франции убивает революцию, если вожди революции не уничтожили ее вовремя. И это потому, что четыре пятых Франции оторваны от Революции, выборы поставят на законодательные и административные посты людей, которые были противниками Революции"]].

5159 (возврат)

[Лорд Мальмсбери, "Дневники", II., 544. (9 сентября 1797 г. Слова мистера Колхена). "Далее он заявил, что все арестованные - самые уважаемые и самые способные люди в Республике. Именно по этой причине, а не из каких-либо принципов роялизма (ибо такие принципы им не свойственны), они приговорены к транспортировке. Они поддержали бы конституцию, но тем самым ограничили бы полномочия исполнительной власти и отняли бы у Директории средства для приобретения и осуществления неправомерной власти"]].

5160 (возврат)

[Барбе-Марбуа, "Журнал одного департамента", предисловие, с. XVI].

5161 (обратно)

[Матье Дюма, III., 84, 86.]

5162 (возврат)

[De Goncourt, "La Société Française pendant le Directoire", 298, 386. См. парижские "Thé", "Grondeur", "Censeur des journaux" и бесчисленные памфлеты; в провинциях - "Anti-Terrorist", в Тулузе - "Neuf Thermidor", в Безансоне - "Annales Troyennes" в Труа и т. д.].

5163 (возврат)

[Mallet-Dupan, II., 309, 316, 323, 324, 329, 333, 339, 347. "Защищать себя конституционно, в то время как Директория атакует революционно, значит обрекать себя на неизбежную гибель" - "Если бы у Законодательного корпуса было в сто раз больше способностей, то он без смелости был бы молнией без грома" - "Обладая большими ресурсами, чем Людовик XVI имел в 1792 году, Законодательный корпус действует подобно этому принцу и разделит его судьбу, если не ответит войной на войну, если не объявит, что первые генералы, которые осмеливаются рассылать обсуждения своих армий, являются предателями государства." - Это из-за временных проволочек законодательных советов, из-за роковой отсрочки атаки на Люксембург в середине августа, на которой настаивали Пишегрю, Вийо, генерал Миранда и все ясновидящие депутаты,..... именно из-за глупости настаивать на том, чтобы ограничиться защитой конституции, ... именно из-за необходимости, которую нашли восемьдесят твердых и энергичных депутатов, чтобы примирить триста других, которые не могли согласиться как с целью, так и со средствами, что привело к катастрофе Советов"].

5164 (возврат)

[Карно, "Мемуары", II., 161. "Зло достигло своей последней стадии, необходимо было провести 10 июня вместо 31 мая" - Mallet-Dupan, II., 333, 334. План отмены военной дивизии внутренних войск под командованием Ожеро должен был быть осуществлен между 15 и 20 августа. В случае сопротивления триумvirата Пишегрю и Вийо должны были выступить в поход на Люксембург. Карно отказался принять проект, "если он не сможет назвать трех новых директоров" - Де ла Рю, "История 18 февраля". Карно сказал умеренным, которые просили его действовать вместе с ними: "Даже если бы у меня в кармане было помилование, подтвержденное королевскими устами, я не имел бы доверия"].

5165 (возвращение)

[Занимают члены Директории.]

5166 (обратно)

[Матье Дюма, "Мемуары", III., 113].

5167 (вернуться)

[Малле-Дюпан, II., 327. "Баррас - единственный, кто играет честно и кто, идя на риск, хочет, чтобы якобинство восторжествовало par fas et nefas" - Там же, 339. "Триумвиры колебались до пятницы; Баррас, самый яростный из трех и хозяин Ожеро, принял решение двух своих коллег." - Ibid, 351. "Баррас и Рубель, возбуждая воображение этого бедного философа Ла

Ревельера, сумели обратить его в свою веру" -Thibaudeau, II., 272. "В тот вечер именно Баррас унес с собой почести диктатуры... . Ла Ревельер затворился в своем доме, как в непроницаемом убежище. Рубелль в этот момент, с несколько поникшей головой, наблюдал за ним в своей квартире"].

5168 ([возвращение](#))

[Mallet-Dupan, II., 304, 305, 331.-Carnot, II., 117].

5169 ([возврат](#))

[Barbé-Marbois, "Journal d'un Déporté", pp.34 и 35].

5170 ([возврат](#))

[Mallet-Dupan, II., 343.]

5171 ([возврат](#))

[Barbé-Marbois, ibid., p.46.]

5172 ([возврат](#))

[Mallet-Dupan, II., 228, 342. "О том, как триумвиры намеревались использовать портфель д'Антрагэ, было известно еще два месяца назад" - см. Thibaudeau, II., 279, о неясности, скудости доказательств и грубой фальши обвинений, выдвинутых Директорией].

5173 ([возврат](#))

[Barbé-Marbois, ibid., p.46.]

5174 ([обратно](#))

[Лорд Мальмсбери. "Дневник", III., 559 (17 сентября 1797 г.). В Лилле, после известия о государственном перевороте, "было любопытно наблюдать ужас, царивший повсюду, чтобы не возродить систему Террора. Люди смотрели так, словно приближался какой-то истребительный дух. Актеры в театре тоже не остались равнодушными к этой сенсации. Директор, вызванный в Париж, сказал Россу, когда тот расплачивался с ним: "Nous allons actuellement être vandalisés". "]

5175 ([возврат](#))

[Декреты Фруктидора 18 и 19, год V., статья 39].

5176 ([обратно](#))

[Thibaudeau, II., 277. "Я отправился на заседание Фруктидора 20, проспекты Одеона были

осаждены теми подчиненными агентами революции, которые всегда появляются после волнений, как стервятники после сражений. Они оскорбляли и угрожали побежденным и восхваляли победителей"]].

5177 (обратно)

[Там же, II. 309].

5178 (обратно)

[Там же, II., 277. "Как только я вошел в зал, несколько депутатов со слезами на глазах бросились обнимать меня. В Собрании царила мрачная атмосфера, такая же, как в тускло освещенном театре, в котором они заседали; на всех лицах был изображен ужас; только несколько членов говорили и принимали участие в прениях. Большинство было бесстрастно, казалось, что оно присутствовало лишь для того, чтобы помочь в похоронном спектакле, своем собственном"]].

5179 (возвращение)

[Декрет от Фруктидора 1, статьи 4 и 5, 16 и 17, 28, 29 и 30, 35, и декрет от Фруктидора 22.- Sauzay, IX., 103. Триста коммун департамента были очищены таким образом после Фруктидора.-Там же, 537, та же чистка присяжных].

5180 (возвращение)

[Lacretelle, "Dix ans d'Epreuves", p. 310.]

5181 (обратно)

["Journal d'un Bourgeois d'Evreux", 143. (20 марта 1799 г.) "На следующий день начались первичные собрания; на них присутствовало очень мало людей; никто, казалось, не был склонен из кожи вон лезть, чтобы избрать людей, которые им не нравятся" - Дюфор де Шверни, "Mémoires", март 1799 г. "Люди, которые не являются обманутыми, считают, что не имеет большого значения, голосуют они или нет. Выборы уже сделаны или указаны Директорией. Масса народа проявляет полное безразличие". (24 марта.) "В этом городе с населением в двадцать тысяч душ (Блуа) первичные собрания состоят из отбросов народа, лишь немногие честные люди посещают их; "подозреваемые", родственники эмигрантов и священники, все изгнанные, оставляют поле для интриганов. Ни один собственник не вызван. Террористы правят в трех из четырех секций... Бабувисты всегда используют одну и ту же тактику; они вербуют избирателей на улицах, которые продают свой суверенитет пять или шесть раз за бутылку вина". (12 апреля, по словам одного интеллигентного человека, приехавшего из Парижа). "Вообще, в Париже никто не посещает первичные собрания, самые большие не собирают и двухсот избирателей" - Сосай, IX, гл. 83. (Заметки очевидца о выборах в Безансоне 1798 г.) "Якобинцы были избраны самым страшным образом, при поддержке гарнизона, которому раздали вино; выборы проходили под ударами штыка, палок и шпаг. Многие католики были ранены"]].

5182 ([возвращение](#))

[Альбер Бабо, II., 444. (Декларация патриотического и сепаратистского меньшинства кантона Рики на выборах VI года)].

5183 ([возврат](#))

["Mercure Britannique", № за 25 августа 1799 года. (Доклад, прочитанный 15 июля и 5 августа перед Пятисотней о поведении директоров Рубеля, Ла Ревельера-Лепо, Мерлена де Дуэ и Трейльера, и краткое изложение девяти статей обвинения.) - Там же, 3-я статья. "Они нарушили нашу конституцию, узурпировав законодательную власть актами, предписывающими исполнение определенного закона во всем, что не изменено настоящим актом, и приняв акты, изменяющие или делающие иллюзорными настоящие законы"].

5184 ([возвращение](#))

[Fiévée, "Correspondance avec Buonaparte", I., 147].

5185 ([возврат](#))

[Барбе-Марбуа, I., 64, 91, 96, 133; II., 18, 25, 83.- Дюфор де Шеверни, "Mémoires". (14 сентября 1797 г.)-Саузе, IX., главы 81 и 84].

5186 ([возвращение](#))

[Sauzay, vols. IX. и X.-Mallet-Dupan, II., 375, 379, 382.-Schmidt, "Tableau de Paris Pendant la Revolution", III., 290. (Отчет администраторов департамента Сена)].

5187 ([возврат](#))

[Дюфор де Шеверни, "Mémoires", август 1798, октябрь 1797 и 1799, passim].

5188 ([обратно](#))

[Archives Nationales, F.7, 3219. (Письмо М. Алкье первому консулу, Плювиоза 18, год III.) "Я хотел увидеть центральную администрацию; я нашел идеи и язык 1793 года"].

5189 ([возвращение](#))

[Дюфор де Шеверни, "Mémoires", (26 февраля, 31 марта и 6 сентября 1797 г.). "Этот несчастный теоретик-имбецил, Ла Ревельер-Лепо, который, присоединившись к Баррасу и Рубелю против Бартелеми и Карно, совершил 18-го Фруктидора и закрылся в своей комнате, чтобы не быть свидетелем этого, сам признает качество своих сотрудников". ("Мемуары", II., 164.) "18 Фруктидора потребовало от Директории многочисленных изменений. Вместо республиканцев, но прежде всего честных, мудрых и просвещенных людей на место уволенных или отозванных чиновников и служащих, выбор, продиктованный новыми Советами, пал в основном на анархистов и людей крови и грабежа"].

5190 ([возврат](#))

[Lacretelle, "Dix ans d'épreuves", p.317. Через несколько дней после Фруктидора Робер, старый якобинец, на дороге в Бри-Конте радостно воскликнул: "Все роялисты будут изгнаны или гильотинированы!" Серия F.7 Национального архива содержит сотни папок с отчетами "о состоянии общественного мнения" в каждом департаменте, городе или кантоне между III и VIII годами. Я посвятил несколько месяцев их изучению и, за неимением места, не могу привести ни одной выдержки. В этих документах можно найти подлинную историю последних пяти лет революции. Малле-Дюпан дает верное представление о ней в своей "Переписке с венским двором", а также в "Британском Меркурии"].

5191 ([возврат](#))

[Sauzay, X., chaps. 80 и 90.- Людовик Сьют, IV., гл. 17. (См. особенно в Sauzay, X., pp.170 и 281, инструкции Дюваля от 16 декабря 1796 года и циркуляры Франсуа де Нёфшато с 20 ноября 1798 года по 18 июня 1798 года, каждый из которых является шедевром в своем роде).

5192 ([возврат](#))

["Journal d'un Bourgeois d'Evreux", p.134. "7 июня 1798 года". "На следующий день после декады садовники, которые, как обычно, пришли покрасоваться на главную улицу, были оштрафованы на шесть ливров за то, что отнеслись к декаде с пренебрежением и нарушили ее". 21 января 1799 года. "Те, кто был пойман за работой на декаде, были оштрафованы на три ливра за первое нарушение, если они были пойманы более одного раза, штраф был удвоен и даже сопровождался тюремным заключением"].

5193 ([возврат](#))

[Ludovic Sciout, IV., 160. Примеры "индивидуальных мотивов", якобы оправдывающих наказание в виде перевозки. Один отказался крестить младенца, родители которого состояли только в гражданском браке. Другой "объявил своей аудитории, что католический брак - самый лучший". Другой "фанатизировал". Другой "проповедовал пагубные доктрины, противоречащие конституции". Еще один "своим присутствием может подстрекать к беспорядкам" и т. д. Среди осужденных встречаются септуагены, известные священники и даже женатые священники].

5194 ([возвращение](#))

[Sauzay, IX., 715. (Список имен.)].

5195 ([возврат](#))

[Ludovic Sciout, IV., 656.]

5196 ([возврат](#))

[Дюфор де Шеверни, "Mémoires", 7 сентября 1798 г. - Ibid., 26 февраля 1799 г. "В Бельгии священники живут в кармелитах (монастырь)". 9 сентября 1799 года. "Еще две телеги отправлены со священниками на острова Ре и Олерон"].

5197 (возвращение)

[Thibaudeau, II. 318, 321.- Малле-Дюпан, II., 357, 368. План шел дальше: "Все дети эмигрантов" или тех, кого ложно обвиняют в этом, "оставшиеся во Франции, должны быть отобраны у своих родственников и переданы республиканским опекунам, а республика будет управлять их имуществом"].

5198 (возврат)

[Читая об этом, Ленин и Сталин, должно быть, вдохновились на создание своих Гулагов, в которые отправляли не только русских и эстонских "мелких буржуа", но и другие нежелательные национальные группы. (SR.)]

5199 (возврат)

[Декрет Фримера 9, год VI. (Исключения в пользу действительных членов Директории, министров, военнослужащих, находящихся на службе, и членов различных Национальных собраний, за исключением тех, кто в Учредительном собрании протестовал против отмены дворянства). Один из ораторов, будущий граф Империи, предложил, чтобы каждый дворянин, претендующий на внесение его в гражданские реестры, подписал следующую декларацию: "Как человек и как республиканец, я одинаково ненавижу наглое суеверие, претендующее на родовые различия, и трусливое и постыдное суеверие, которое верит в него и поддерживает его"].

51100 (возвращение)

[Декрет от 19 фруктидора, год II.]

51101 (возврат)

[Lally-Tollendal, "Défense des Emigrés", (Paris. 1797, 2-я часть, 49, 62, 74. Доклад Порталиса Совету пятисот, 18 февраля 1796 года. "Подумайте о том бесчисленном классе несчастных, которые никогда не покидали республиканскую землю" - речь Дюбрейля, 26 августа 1796 года. "В дополнительном списке департамента Авиньон 1004 или 1005 имен. И все же я могу вам подтвердить, что в этом огромном списке нет и шести имен, которые можно было бы по праву назвать настоящими эмигрантами"].

51102 (возврат)

[Ludovic Sciout, IV., 619. (Отчет администрации Йонны, Фример, VI год.) "Жандармерия посетила дома, как в Сенсе, так и в Осере, нескольких граждан, внесенных в списки эмигрантов, которые, как известно, никогда не покидали свою коммуну с начала Революции. Поскольку их не удалось найти, можно предположить, что они уехали в Швейцарию или просят вас вычеркнуть их имена"].

51103 (возврат)

[Декреты Вандемьера 20 и Фримера 9, год VI.- Декрет Мессидора 10].

51104 (возврат)

[Дюфор де Шеверни, "Мемуары". (До революции он имел доход в пятьдесят тысяч ливров, из которых осталось только пять тысяч). "Мадам Амело, также сократившаяся, сдает свой особняк в аренду, чтобы заработать на жизнь. По той же деликатности, что и наша, она не воспользовалась предоставленной ей возможностью возместить убытки кредиторам с помощью ассигнаций". "Другая дама, также разоренная, ищет место в каком-нибудь загородном доме, чтобы иметь возможность жить вместе с сыном ." - "Statistique de la Moselle", автор Кольхен, префект, год VI. "Множество людей с достатком погибло от нужды и от уплаты процентов по бумажным деньгам и сокращения казначейских облигаций" - Дюфор де Шеверни, там же, март 1799 года. "Бывшие дворяне и даже граждане, которые хоть сколько-нибудь обеспечены, не должны рассчитывать на какие-либо улучшения..... Они должны ожидать полного лишения тел и имущества..... Денежные ресурсы уменьшаются все больше и больше..... Налоги морят страну голодом."- Маллет-Дюпан, "Британский Меркюр", 25 января 1799 года. "Тысячи инвалидов с деревянными ногами гарнизируют дома налогоплательщиков, которые не платят в соответствии с юмором сборщиков. Пропорция нынешних поборов по отношению к тем, что были при старом режиме, в городах в целом составляет 88 к 32"]].

51105 (возврат)

[Де Токвиль, "Сочинения", V., 65. (Выдержки из секретных донесений о состоянии Республики, 26 сентября 1799 г.)].

51106 (возврат)

[Декрет Мессидора 24, год VI.]

51107 (возврат)

[De Barante, "Histoire du Directoire", III., 456].

51108 (возврат)

[A. Sorel, "Revue Historique", No.1, за март и май 1882 года. "Les Frontières Constitutionnelles en 1795". Договоры, заключенные в 1795 году с Тосканой, Пруссией и Испанией, показывают, что мир был легким и что признание республики было осуществлено еще до того, как было организовано республиканское правительство....., что Франция, будь то монархическая или республиканская, имела определенный предел, который французская власть не должна была переступать, поскольку он не был пропорционален ни реальной силе Франции, ни распределению сил между другими европейскими правительствами. В этом главном вопросе конвент ошибся; он ошибся сознательно, в результате долго обдуманного расчета, который, однако, оказался ложным. И Франция дорого заплатила за его последствия" - Mallet-Dupan, II., 288, 23 августа 1795 года. "Монархисты и многие депутаты Конвента пожертвовали всеми завоеваниями, чтобы поторопиться и добиться мира. Но фанатичные

жирондисты и комитет Съеса упорно держались за систему напряженности. Ими руководили три мотива: 1 - стремление расширить свою доктрину вместе с территорией; 2 - желание последовательно федерализировать государства Европы с Французской республикой; 3 - затягивание частичной войны, которая также продлевает чрезвычайные полномочия и революционные ресурсы" - Карно, "Мемуары", I., 476. (Доклад Комитету общественной безопасности, мессидор 28, год II.) "Кажется гораздо более мудрым ограничить наши планы усиления тем, что чисто необходимо для достижения максимальной безопасности нашей страны" - Там же, II., 132, 134 и 136. (Письма Бонапарту от 28 октября 1796 г. и 1 января 1797 г.) "Было бы неосмотрительно слишком сильно раздувать революционное пламя в Италии..... Они желали, чтобы вы устроили революцию в Пьемонте, Милане, Риме и Неаполе; я считал, что лучше вести дела с этими странами, получать от них субсидии и использовать их собственную организацию, чтобы держать их под контролем"]].

51109 (возврат)

[Carnot, ibid., II. 147. "Баррас, обращаясь ко мне, как к сумасшедшему, сказал: "Да, именно вам мы обязаны этим позорным Леобенским договором!""].

51110 (возврат)

[Andre Lebon, "L'Angleterre et l'Emigration Française", p.235. (Письмо Викама от 27 июня 1797 года, слова Бартелеми к мсье д'Обињи)].

51111 (возврат)

[Лорд Мальмсбери, "Дневник", III, 541. (9 сентября 1797 г.) "Бурная революция, произошедшая в Париже, разрушила все наши надежды и погубила все наши рассуждения. Я считаю ее самым несчастливym событием, которое только могло произойти". Там же, (Письмо Каннинга, 29 сентября 1797 г.) "Мы были на волосок от этого (мира). Ничто, кроме проклятой революции в Париже и кровожадного, наглого, непримиримого и невежественного высокомерия триумвирата, не могло нам помешать. Если бы умеренная партия победила, все было бы хорошо, и не только для нас, но и для Франции, для Европы и для всего мира"]].

51112 (возврат)

[Carnot, II., 152. "Вы полагаете, - ответил Рубель, - что я хочу вернуть Голландии Кап и Тринкемаль? Первым делом нужно их захватить, а для этого Голландия должна предоставить деньги и суда. После этого я заставлю их понять, что эти колонии принадлежат нам"]].

51113 (возвращение)

[Лорд Мальмсбери, "Дневник", III., 526. (Письмо из Парижа, 17 фруктидора, год V.) - там же, 483. (Разговор мистера Эллиса с мистером Боли)].

51114 (возврат)

[Ibid. III., 519, 544. (Слова Марета и Кольхена.) - "Рубелл, - говорит Карно, - кажется,

совершенно убежден, что честность и цивилизованность - две абсолютно несовместимые вещи"]].

51115 (возврат)

[Mallet-Dupan, II., 49. Слова Съеса, 27 марта 1797 года. Там же, I., 258, 407; II., 4, 49, 350, 361, 386. Это настолько верно, что это предвидение лежит в основе уступок английского посла. (Лорд Мальмсбери, "Дневник", III., 519. Письмо Каннингу. 29 августа 1797 г.) "Я тем более желаю мира, что, помимо всех обычных причин, я убежден, что мир парализует эту страну самым полным образом, что все насильственные средства, которые они использовали для войны, вернутся к ним, как вбитый гул, и перевернут полностью их слабую и беспочвенную конституцию. На это последствие мира следует надавить, как на самые лучшие условия, которые мы могли бы предложить в договоре"]].

51116 (возврат)

[Матье Дюма, III., 256. - Миот де Мелито, I., 163, 191. (Беседы с Бонапартом в июне и сентябре 1797 г.)].

51117 (возврат)

[Малле-Дюпан, "Mercure Britannique", № за 10 ноября 1798 г. Как можно поддерживать гигантские и жестокие преступления на своей собственной земле? Как она может льстить себе, что извлечет из обнищавшего народа, не имеющего ни мануфактур, ни торговли, ни кредитов, около миллиарда прямых и косвенных субсидий? Как обновить тот огромный фонд конфискаций, на который Французская республика жила последние восемь лет? Завоеывая каждый год новую нацию и опустошая ее казну, ее характер, ее monts-de-piété, ее владельцев собственности. Республика уже десять лет как сложила бы оружие, если бы была сведена к собственному капиталу".]

51118 (возвращение)

[Mallet-Dupan, "Mercure Britannique", №№ за 25 ноября и 25 декабря 1798 г. и далее].

51119 (возврат)

[Там же, № за 25 января 1799 года. "Французская республика пожирает Европу лист за листом, как головка артишока. Она революционизирует народы, чтобы опустошить их, и опустошает их, чтобы прокормиться"]].

51120 (возврат)

[Письмо Малле-Дюпана депутату об объявлении войны Венеции и о революции, совершенной в Генуе. ("Quotidienne", №№ 410, 413, 414, 421.) - Там же, "Essai Historique sur la destruction de le Signe et de le Liberté Historique." (№№ I, 2 и 3 "Британского Меркурия") - Carnot, II., 153. (Слова Карно по поводу швейцарского процесса Директории.) "Это басня о волке и ягненке"]].

51121 (возвращение)

["Пересмотр конституции или чистка власти" в Голландии - Делакруа, 22 января 1798 г., в Цизальпине - Бертье, февраль 1798 г., Труве, август 1798 г., Брюне, сентябрь 1798 г., в Швейцарии - Рапинат, июнь 1798 г. и т. д.].

51122 (возврат)

[Mallet-Dupan, ("Mercure Britannique." номера за 26 ноября. 25 декабря 1798 г., 10 марта и 10 июля 1799 г.). Подробности и документы, относящиеся к народным восстаниям в Бельгии, Швейцарии, Суабии, Модене, Римских Штатах. Пьемонт и Верхняя Италия. Письмо офицера французской армии, датированное Турином и отпечатанное в Париже. "Везде, где проходят гражданские комиссары, народ поднимает восстание, и, хотя я четыре раза чуть не стал жертвой этих восстаний, я не могу винить бедняг; у них отбирают даже солому для постелей. Большая часть Пьемонта, как я уже писал, восстала против французских разбойников, как они нас называют. Удивитесь ли вы, когда я скажу вам, что со времени притворной революции в этой стране, три или четыре месяца назад, мы поглотили десять миллионов монет, пятнадцать миллионов бумажных денег, бриллианты, мебель и т. д. короны? Народ судит нас в соответствии с нашими поступками и относится к нам с ужасом и презрением"].

51123 (возврат)

["Малле-Дюпан", там же, номер за январь 1799 года. (Список по статьям, с подробностями, цифрами и датами.)-Там же, № за 25 мая 1799 г.: подробности разграбления Рима по "Журналу" М. Дюппа, очевидца.-Там же, № за 10 и 25 февраля 1799 г.: подробности грабежей в Швейцарии, Ломбардии, Лукке и Пьемонте.- Приведенные ниже цифры показывают грабежи, совершенные частными лицами: В Швейцарии "директорский комиссар Рапинат, генерал-майор Шавембург и ординарный комиссар Рухьер унесли по миллиону турнуа". "Рухьер, кроме того, взимал 20 процентов с каждого выданного им контракта, что стоило ему 350 000 ливров. Его первый секретарь Туссен украл в одном только Берне 150 000 ливров. Секретарь Рапината, Амберг, ушел в отставку с 300 000 ливров". Генерал Лорж унес 150 000 ливров в деньгах, а также множество золотых медалей, взятых из бернского Дома-де-Виль; два его бригадных генерала, Рампон и Пийон, присвоили по 216 000 ливров. "Генерал Дюжер, расположившийся лагерем в Брисгаве, ежедневно рассылал в три деревни сразу счета за свои обеды и приказывал реквизировать их; он требовал от одной из них вещи в натуральном виде и одновременно специи от другой. Он довольствовался 100 флоринами в день, которые брал провизией, а затем деньгами." - "Массена, въехав в Милан в одиннадцать часов вечера, за четыре часа, не давая никаких описей и расписок, обобрал все кассы монастырей, госпиталей и мон-де-пизте, которые были чрезвычайно богаты, захватив, в частности, шкатулку с бриллиантами, принадлежавшую принцу Бельджойозо. Эта ночь стоила Массене 1 200 000 ливров". (Маллет-Дюпан, "Mercure Britannique", 10 февраля 1799 года, и "Journal", MS., март 1797 года). О настроениях итальянцев см. письмо лейтенанта Дюпена, Prairie 27, год VIII; (G. Sand, "Histoire de ma vie", II. 251) один рассказ о сражении при Маренго, проигранном до двух часов дня; "Я уже видел, что предстояло пересечь По и Тессин, страну, в которой каждый житель - наш враг"]].

51124 (возвращение)

[Малле-Дюпан, там же, номер за 10 января 1791 года. "31 декабря 1796 года. Маркиз Литта уже уплатил взносы на сумму 500 000 ливров миланай, маркиз Т. - 420 000, граф Грени - 900 000, остальные владельцы - поровну." Выкуп "миланских декурионов и других заложников, отправленных во Францию, 1 500 000 ливров" - это соответствует якобинской теории. В старых инструкциях Карно мы читаем следующее предложение: "Налоги должны быть возложены исключительно на богатых; народ должен видеть, что мы только освободители..... Входим как благодетели народа, и в то же время как бич великих, богатых и врагов французского имени". (Carnot, I., 433.)].

51125 (возврат)

[Ludovic Sciout, IV., 776. (Отчеты за VII год, Archives Nationales, F.7, 7701 и 7718.) "Из 1400 человек, составлявших первый вспомогательный батальон новобранцев, 1087 трусливо дезертировали со своим флагом (Верхняя Луара), а из 900 человек, недавно набранных в Пюи, чтобы составить ядро второго батальона, 800 снова подражали их примеру" - Дюфор де Шверни, "Мемуары", сентябрь 1799 года. "Мы узнали, что из 400 новобранцев, содержащихся в замке (Блуа), которые должны были отправиться в путь этой ночью, 100 исчезли" - 12 октября 1799 года: "Новобранцев в замке 5 или 600. Они говорят, что не будут дезертировать, пока не покинут департамент и не отправятся в путь, чтобы не подвергать опасности свои семьи." - 14 октября: "200 человек дезертировали, осталось около 300." - Archives Nationales, F.7, 3267. (Отчеты каждые десять дней о призывниках и дезертирах, арестованных военной полицией, VIII год. Департамент Сена-и-Уаз). Только в этом департаменте 66 арестов в Вандемьере, 136 в Брюмере, 56 во Фримере и 86 в Плювиозе].

51126 (возврат)

["Малле-Дюпан", № за 25 января 1799 года. (Письмо из Бельгии.) "Сегодня мы видим восстание, подобное тому, которое подняли Соединенные провинции против герцога Альбы. Никогда со времен Филиппа II бельгийцы не проявляли подобных побуждений к сопротивлению и мести"]].

51127 (возврат)

[Декреты Фруктидора 19, год VI. и Вандемьера 27, год VII.- Малле-Дюпан, № за 25 ноября 1798 г.].

51128 (возврат)

[М. Леонс де Лавернь ("Деревенская экономика Франции с 1789 года", стр.38) оценивает в миллион число мужчин, погибших в войнах между 1792 и 1800 годами. "Заслуживающие доверия чиновники, которые год назад имели в своем распоряжении официальные документы, подтвердили мне, что военная статистика по сбору войск между 1794 и серединой 1795 года собрала 900 000 человек, из которых 650 000 были потеряны в бою, в госпиталях или по причине дезертирства." Маллет-Дюпан. (№ за 10 декабря 1798 г.) -Ibid. (№ от 20 марта 1799 г.) "Дюма подтвердил, что в Законодательном корпусе Национальная гвардия трижды обновляла батальоны защитников страны..... Факт позорного управления госпиталями подтверждается признаниями генералов, комиссаров и депутатов о том, что

солдаты умирали из-за нехватки еды и медикаментов. Если добавить к этому экстравагантность, с которой командиры армий позволяли убивать себя, то можно легко понять это тройное обновление в течение семи лет. - В качестве примера можно привести деревню с четырьмястами пятьюдесятью жителями, в 1789 году снабжавшуюся (1792 и 1793) пятьюдесятью солдатами. ("Histoire du Village de Croissy, Seine-et-Oise pendant la Revolution", by Campenon.) - Вандея была бездонной ямой, как Испания и Россия впоследствии. "Один добрый республиканец, которому было поручено снабжать вандейскую армию провиантом в течение пятнадцати месяцев, уверял меня, что из двухсот тысяч человек, которых он видел сброшенными в эту пропасть, не было и десяти тысяч, вышедших из нее". (Meissner, "Voyage à Paris", p.338, последний конец 1795 г.) - Следующие цифры ("Statistiques des Préfets" годы IX., до XI.) точны. Восемь департаментов (Дубс, Эн, Эвр, Мёрт, Эсна, Ауд, Дром, Мозель) представили общее число своих волонтеров, рекрутов и призывников, составляющее 193 343 человека. Эти три департамента (Артур Янг, "Путешествие по Франции", II., 31) имели в 1790 году население в 2 446 000 душ: пропорция показывает, что из 26 миллионов французов чуть более 2 миллионов были призваны на военную службу. С другой стороны, пять департаментов (Дубс, Эвр, Мёрт, Эсна, Мозель) дали не только число своих солдат, 131 322, но и число своих погибших, 56 976, или из 1000 человек, которых они призвали, умерло 435. Эта пропорция показывает 870 000 погибших из двух миллионов солдат].

51129 (возврат)

[Статистика префектов и отчеты генеральных советов IX года сходятся в утверждениях о заметном сокращении мужского взрослого населения - лорд Мальмсбери уже делал такое же наблюдение в 1796 году. ("Дневник", 21 и 23 октября 1796 года, из Кале в Париж). "Дети и женщины работали в полях. Мужчины явно уменьшились в числе..... Телеги часто тянут женщины, а большинство из них - старики или мальчики. Очевидно, что мужское население уменьшилось; ведь женщины, которых мы видели на дороге, превосходили число мужчин в пропорции четыре к одному." - Где бы ни восполнялась численность населения, это происходит за счет увеличения младенцев и женщин. Почти все префекты и генеральные советы утверждают, что благодаря воинской повинности число скороспелых браков увеличилось до чрезмерных размеров". Дюфор де Шеверни, "Записки", 1 сентября 1800 года. "Призыв пощадил женатых, и все молодые люди женились в шестнадцать лет. Число детей в коммуне вдвое и втрое больше прежнего"].

51130 (возврат)

[Sauzay, X., 471. (Речь представителя Биота, 29 августа 1799 г.)].

51131 (возврат)

[Albert Babeau, II., 466. (Письмо Милани от 1 июля 1798 г. и доклад Поута, Мессидор, VI год)].

51132 (возврат)

[Schmidt, III., 374. (Отчеты о положении департамента Сены, Вентоз, год VII.)-Дюфор де Шеверни, "Mémoires", 22 октября 1799 года. "Колонна ополченцев отправляется сегодня; в ней не более тридцати человек, и это опять-таки все оплачиваемые или неоплачиваемые

канцеляристы, атташе Республики, все они принадлежат департаменту, директору доменов, в общем, всем бюро"].

51133 (возврат)

[Schmidt, III., 374. (Отчеты о положении департамента Сены, Вентоз, год VII.)-Дюфор де Шверни, "Mémoires", 22 октября 1799 года. "Колонна ополченцев отправляется сегодня; в ней не более тридцати человек, и это опять-таки все оплачиваемые или неоплачиваемые клерки, атташе Республики, все они принадлежат департаменту, директору доменов, в общем, всем бюро"].

51134 (возврат)

[M. de Lafayette, "Mémoires", II., 162. (Письмо от 22 июля 1799 г.) "На днях, во время мессы в Сен-Рош, один человек рядом с нашим дорогим Граммоном горячо сказал: "Боже мой, помилуй нас, истреби нацию!". На самом деле это означало просто: "Боже мой, избавь нас от системы Конвента!""].

51135 (возвращение)

[Шмидт, 298, 352, 377, 451 и т. д. (Вентос, Фример и Фруктидор, год VII.)].

51136 (возврат)

[Там же, III. (Отчеты Прериала, год III., департамент Сены)].

51137 (возврат)

[М. де Лафайет, "Мемуары", II., 164. (Письмо от 14 июля 1799 года.)-Де Токвиль, "(oeuvres complètes", V., 270. (Свидетельство современника.)-Sauzay, X., 470, 471. (Речи Брио и де Эшассеро): "Я не могу понять того ужасного состояния оцепенения, в которое впали умы; люди дошли до того, что ни во что не верят, ничего не чувствуют, ничего не делают..... Великая нация, которая преодолела все и создала все вокруг себя, кажется, существует только в армиях и в нескольких щедрых душах"].

51138 (возврат)

["Дневник лорда Мальмсбери" (5 ноября 1796 г.). "У Рандонно, который опубликовал все акты и законы..... Очень разговорчивый, но умный..... Десять тысяч законов, изданных с 1789 года, но только семьдесят вступили в силу."-Людовик Сьют, IV., 770. (Отчеты за VII год.) В Пюи-де-Дом: "Из двухсот восьмидесяти шести коммун есть двести, в которых агенты совершают всевозможные подлоги в реестрах Гражданского совета и при копировании его актов, чтобы освободить людей от военной службы. Здесь молодые люди двадцати и двадцати пяти лет женятся на женщинах семидесяти двух и восьмидесяти лет, и даже на тех, кто давно умер; затем выписка из книги регистрации смерти очищает мужчину, который жив и здоров."- "Поддельные контракты представляются, чтобы избежать военной службы, молодых солдат женят на женщинах восьмидесяти лет; одна женщина, благодаря целому ряду подделок,

оказывается замужем за восемью или десятью призывниками." (Письмо офицера жандармерии в Роанн, Вентоза 9, год VIII.)).

51139 (возврат)

[Слова де Токвиля - "Герцог де Брольи", М. Гизо, стр. 16. (Слова герцога де Брольи.) "Те, кто не жил в это время, не могли составить представления о глубоком унынии, в которое впала Франция в промежутке между Фруктидором 18 и Брюмером 18"].

51140 (возврат)

[Buchez et Roux, XXXVIII., 480. (Послание Директории, Флореаль 13, год IV., и доклад Бейльоля, Флореаль 18.) "Когда выборы депутатов давали нам плохой результат, мы считали своим долгом предложить отложить их в сторону..... В ответ можно сказать, что ваш проект является настоящим запретом." - "Не в большей степени, чем проект 19 Фруктидора." - См. об увольнении в провинциях, Sauzay, V., ch. 86.-Albert Babeau, II., 486. За четыре года существования Директории муниципальный совет Труа обновлялся семь раз, полностью или частично].

51141 (возврат)

[Buchez et Roux, XXXIX., 61. (Заседание прериаля 30 года VII.)-Sauzay, X., ch. 87.-Léouzon-Leduc, "Correspondence Diplomatique avec la cour de Suede", P. 203.-(Письма от 1 июля, 7 11, 19 4 августа; 23 сентября 1799 г.) "Очищение функционеров, о котором сейчас так много говорят, не имеет абсолютно никакой другой цели, кроме удаления сторонников одной фракции, чтобы заменить их сторонниками другой фракции без всякой оглядки на моральные качества..... Именно этот выбор лиц, не обладающих ни честностью, ни справедливостью, ни какими бы то ни было принципами честности, на самые важные должности заставляет трепетать, и особенно в данный момент всех, кто действительно привязан к своей стране." - "Открытие клубов должно, во всех отношениях, рассматриваться как катастрофическое обстоятельство..... Все классы общества охвачены паникой при малейшей вероятности восстановления республиканского правительства, скопированного с правительства 1793 года".... "Партия политических поджигателей войны во Франции - единственная, которая энергично и непосредственно осуществляет подобные замыслы"].

51142 (возврат)

[Leouzon-Leduc, ibid, 328, 329. (Депеши от 19 и 23 сентября.)-Малле-Дюпан, "Mercure Britannique". (№ за 25 октября 1799 года. Письмо из Парижа. 15 сентября. Изложение ситуации и таблицы сторон). "Я добавлю, что война, которую с успехом ведет Директория против якобинцев (ибо, хотя Директория сама является якобинским производством, она не хочет больше иметь своих хозяев), что эта война, я говорю, несколько сплотила народ на стороне правительства, не обратив никого в Революцию и не напугав по-настоящему якобинцев, которые оплатят им, если успеют это сделать"].

51143 (возврат)

[Гойер, "Мемуары", беседа с Съезе о его вступлении в Директорию. "Вот мы, - говорит ему

Съез, - члены правительства, которому, как мы не можем скрыть от самих себя, грозит скорое падение. Но когда лед растает, умелые пилоты смогут спастись при его разрушении. Падение правительства не всегда угрожает тем, кто стоит во главе его"]].

51144 ([возврат](#))

[Тацит, "Анналы", кн. VI, с. 50. "Macro, intrepidus, opprimi senem injectu multae vestis discedique a limine"]].

51145 ([возврат](#))

[Mallet-Dupan, "Mercure Britannique". (№№ за 25 декабря 1798 г. и за декабрь 1799 г.) "С самого начала революции в шуме патриотических заявлений, среди стольких излияний преданности народному делу Свободы в различных партиях никогда не было одной основной концепции - захвата власти после ее установления, использования всех средств для укрепления себя и исключения из нее наибольшего числа людей, чтобы сосредоточить себя в привилегированном комитете. Как только они торопливо прописали статьи своей конституции и захватили бразды правления, доминирующая партия призвала народ довериться ей, несмотря на то, что фарс их рассуждений не приведет к повиновению... Власть и деньги, деньги и власть, все проекты по обеспечению собственных голов и избавлению от голов конкурентов заканчиваются этим". От агитаторов 1789 года до тиранов 1798 года, от Мирабо до Барраса, каждый из них стремится лишь к тому, чтобы насильно открыть ворота богатства и власти и закрыть их за собой"]].

51146 ([возвращение](#))

[Малле-Дюпан, там же, № за 10 апреля 1799 года. О якобинцах. "Источники их вражды, основной мотив их ярости, их государственного переворота заключались в их постоянном недоверии друг к другу..... Систематические, безнравственные фракционеры, жестокие по необходимости и вероломные по благоразумию, всегда будут приписывать себе порочные намерения. Карно признает, что в Конвенте не было и десяти человек, сознающих свою порядочность"]].

51147 ([возврат](#))

[См. в этой связи "Histoire de ma Vie" Жорж Санд, тома 2, 3 и 4, переписку ее отца, зачисленного волонтером в 1798 году и служившего лейтенантом при Маренго. "Наши амбиции в этот момент были совершенно второстепенны; мы были заняты исключительно своими обязанностями или удовольствиями. Между всеми нами царил самый сердечный и откровенный союз"]].

51148 ([возврат](#))

["Journal de Marche du sergent Fracasse." - "Les Cahiers du capitaine Coignet." - Корреспонденция Мориса Дюпена в "Histoire de ma Vie" Жорж Санд].

51149 (возврат)

["Les Cahiers du Capitaine Coignet", p.76. "И тут мы увидели, как большие господа вылезают из окон. Мантии, шляпы и перья лежали на полу, а гренадеры срывали с них кружева" - Там же, 78, рассказ гренадера Шоме: "Все голуби вылетели из окна, и мы остались в зале одни"]].

51150 (возвращение)

[Дюфор де Шеверни, "Mémoires", 1 сентября 1800 г.. "Бонапарт, удачно оказавшись во главе правительства, продвинул Революцию более чем на пятьдесят лет вперед; чаша преступлений была полна и переполнена. Он отрубил семьсот пятьдесят голов гидры, сосредоточил власть в своих руках и не позволил первичным собраниям прислать нам еще треть свежих негодяев взамен тех, которые вот-вот сами себя уберут..... С тех пор как я перестал писать, все так изменилось, что революционные события выглядят так, как будто они произошли более двадцати лет назад..... Народ больше не мучается из-за десятилетия, которое больше не соблюдается, кроме как властями.... Можно путешествовать по стране без паспорта.... В войсках установилась субординация; все призывники возвращаются.... Правительство не знает партий; роялист находится рядом с решительным республиканцем, каждый из которых, так сказать, нейтрализован другим. Первый консул, более король, чем Людовик XIV, призвал в свои советы самых способных людей, не заботясь о том, кем они были" - Anne Plumptre, "A Narrative of Three Years' Residence in France from 1802 to 1805," I., 326, 329. "Класс, называемый народом, несомненно, если брать его в совокупности, благосклонен к Бонапарту. Любой рассказ о бедствиях революции среди этого класса всегда заканчивался так: "Но теперь мы спокойны, благодаря Богу и Бонапарту". "- Малле-Дюпан, со свойственной ему проницательностью, ("Mercure Britannique", №№ за 25 ноября и 10 декабря 1799 г.), сразу понял характер и гармонию этой последней революции. "Возможное господство якобинцев охлаждает все эпохи и условия..... Разве это пустяк - сохраниться хотя бы на один год от опустошительных действий фракции, под властью которой никто не может спать спокойно, и обнаружить, что эта фракция изгнана со всех властных позиций как раз в то время, когда все опасались ее повторной вспышки, с факелами, убийцами, заседателями и аграрными законами, на всей территории Франции? Эта революция, совершенно нового типа, показалась нам столь же фундаментальной, как и революция 1789 года"]].

51151 (возврат)

["Древний режим", с. 144.]